

STRATUM plus

ВАШ — археологический журнал

Время собирать камни

- **История одной случайности, или Происхождение человека**
- **Миграция: археологические признаки**
- **О миграциях в палеолите**
- **Обзор верхнего палеолита Молдовы**
- **Финальный палеолит Дании**
- **Ритуал “черепа и головы” в культурах Северной Евразии**
- **Мамонт в палеолите Молдовы**
- **Поселение и святилище охотников на бизонов**
- **Еще раз о “забегании вперед”**
- **Электронные базы данных – возможности и проблемы**
- **Теория и терминология – взгляд из Ньюкастла**

Санкт-Петербург • Кишинёв • Одесса

1999 № 1

STRATUM *plus*

- **STRATUM *plus*** — международный археологический журнал. Издается университетом “Высшая антропологическая школа” в Кишиневе, Республика Молдова.
- Журнал выходит шесть раз в год на русском языке в виде тематических номеров, каждый из которых посвящается либо отдельной археологической эпохе, либо отдельной достаточно актуальной проблеме археологической науки.
- Тематика статей журнала не ограниченна ни регионально, ни хронологически.
- Все статьи содержат резюме на английском языке.

Журнал распространяется в розницу и по почте. Заказы, рукописи и вопросы направлять по адресу:

2024. Республика Молдова, Кишинев, ул.Зимбрулуй 10 а,
Высшая антропологическая школа,
журнал STRATUM plus.
Тел./факс (3732) 438-342;
e-mail: root@rm.moldova.su; HAS@HAS.mldnet.com

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

И.А.Борзияк — канд.ист.наук (Институт археологии и этнографии АН, Кишинев, Молдова)
И.В.Бруяко — канд.ист.наук (Археологический музей, Одесса, Украина)
П.П.Бырня — докт.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)
Л.Б.Вишняцкий — канд.ист.наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
А.П.Городенко — канд. ист. наук (Институт археологии и этнографии АН, Кишинев, Молдова)
Е.Ю.Гиря — канд.ист.наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
В.А.Дергачев – докт.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Институт археологии и этнографии АН, Кишинев, Молдова)
А.О.Добролюбский — докт.ист.наук (Южноукраинский педагогический университет, Одесса, Украина)
В.Ю.Зуев — канд.ист.наук (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия)
С.И.Коваленко — канд.ист.наук (Институт археологии и этнографии АН, Кишинев, Молдова)
И.В.Манзура — канд.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)
К.К.Марченко — докт.ист.наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
Р.А.Рабинович — канд.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)
Н.Д.Руссев — канд.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)
М.Е.Ткачук — канд.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)
О.В.Шаров — канд.ист.наук (Издательство “Фарн”, Санкт-Петербург, Россия)
О.А.Щеглова — канд.ист.наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
М.Б.Щукин — докт.ист.наук (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия)
П.В.Шувалов — канд.ист.наук (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь — Л.А. Мосионжник (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Журнал **STRATUM *plus*** является прямым наследником ПАВа — "Петербургского археологического вестника". Совместный выход двух изданий под одной обложкой состоялся в 1997 году. Этот выпуск был посвящен юбилею М.Б.Щукина и Д.А.Мачинского и получил символическое название — "**STRATUM *plus.*** Петербургский археологический вестник", став и десятым ПАВом, и первым Стратумом одновременно.

Основная идея основателей ПАВа — "археология без границ" — остается в числе фундаментальных принципов нового издания. В теперешнем виде, с новым названием и несколько изменившейся редколлегией, журнал опирается на три постоянно действующие редакции: в Санкт-Петербурге, Кишиневе и Одессе. Мы искренне надеемся, что действительно пришло **"время собирать камни"!**

Редактор номера — Илья А.Борзияк
Заместитель редактора – Сергей И.Коваленко
Ответственный секретарь – Леонид А.Мосионжник

Редколлегия выпуска:
Л.Б.Вишняцкий
Е.Ю.Гиря
Р.А.Рабинович
О.В.Шаров

Санкт-Петербург • Кишинёв • Одесса

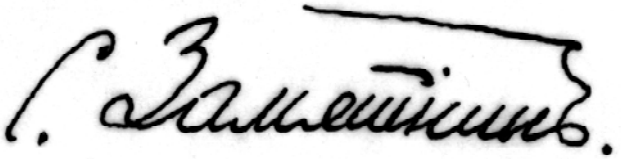
ISBN 9975-9559-0-8

Все права защищены!
© Высшая антропологическая школа
© Оригинал-макет: Л.А.Мосионжник
© Оформление обложки: Д.А.Топал, Л.А.Мосионжник

“ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ”

Столетию Сергея Николаевича Замятнина посвящается

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Праслов Н.Д. (*Санкт-Петербург, Россия*). Сергей Николаевич Замятнин: основные вехи жизни и творчества 7

МОНОГРАФИЯ В ЖУРНАЛЕ

Вишняцкий Л.Б. (*Санкт-Петербург, Россия*). История одной случайности, или Происхождение человека 10
Глава I. Возможные версии происхождения человека. Почему все же обезьяна? 11
Глава II. Генеалогия человека 12
1. Дальние родственники 13
2. Основатели рода 16
3. Гордость семейства 20
Глава III. Антропогенез и различные теории эволюции 26
Глава IV. Направленность эволюции 27
Глава V. «Пусковой механизм» антропогенеза 32
1. Культура и карьера шимпанзе 32
2. Ключевое звено 35
3. Тяжкое наследие прошлого 37
4. Почему обезьяна слезла с дерева? 39
5. Первая культурная революция 39
6. Что было бы, если бы… 40
Глава VI. Венец творения 42
Заключение 45

МИГРАЦИИ В АРХЕОЛОГИИ

Клейн Л.С. (*Санкт-Петербург, Россия*). Миграция: археологические признаки ... 52

Аникович М.В. (*Санкт-Петербург, Россия*). О миграциях в палеолите 72

Лисицын С.Н. (*Санкт-Петербург, Россия*). Эпиграветт или постграветт? 83

Лисицын Н.Ф. (*Санкт-Петербург, Россия*). О европейско-сибирских контактах в позднем палеолите 121

Ткаченко В.И. (*Киев, Украина*). Аккультурационные процессы в переходный период от раннего к позднему палеолиту в Центральной Европе 126

ПРОБЛЕМЫ ПАЛЕОЛИТА И МЕЗОЛИТА ЕВРОПЫ

Анисюткин Н.К. (*Санкт-Петербург, Россия*). Итоги изучения среднего палеолита Приднестровья и Северной Молдовы 132

Кулаков С.А. (*Санкт-Петербург, Россия*). Технология расщепления камня на местонахождении Богос (Северо-Восточное Причерноморье) 149

Отт М., Нуаре П., Лопес Байон И. (*Льеж, Бельгия*). Обзор верхнего палеолита Молдавии 160

Кирикэ В. (*Яссы, Румыния*). Культура Рипичень–Брынзень 164

Коваленко С.И., Кетрару Н.А. (*Кишинев, Молдова*). Некоторые особенности развития верхнепалеолитических индустрий в днестровской зоне Молдавии 168

Смольянинова С.П. (*Одесса, Украина*). О технике расщепления кремня на некоторых позднепалеолитических стоянках Побужья 196

Васильев С.А. (*Санкт-Петербург, Россия*). Финальный палеолит Дании 211

Виноградова Е.А., Шейпак О.А. (*Москва, Россия*). Возможности изучения верхнепалеолитических кремневых материалов с использованием электронной базы данных 219

Левицкий О.Г., Борзияк И.А. (*Кишинев, Молдова*). Новый палеолитический памятник типа Гординешть I на Северо-западе Молдовы 224

Кобалия Д.Р. (*Запорожье, Украина*). Позднепалеолитическая стоянка Юрьевка-I .. 231

Смынтына Е.В. (*Одесса, Украина*). К проблеме типологии мезолитических памятников 239

Коваленко С.И., Цой В.Б. (*Кишинев, Молдова*). К вопросу о развитии позднемезолитических индустрий в Карпато-Днестровском регионе 257

Пэунеску Ал. (*Бухарест, Румыния*). Первые предметы палеолитического искусства на территории Добруджи 263

ДИСКУССИЯ

Аникович М.В. (*Санкт-Петербург, Россия*). 266
Гиря Е.Ю. (*Санкт-Петербург, Россия*). 268
Нехорошев П.Е. (*Санкт-Петербург, Россия*). 270
Синицын А.А. (*Санкт-Петербург, Россия*). 272
Вишняцкий Л.Б. (*Санкт-Петербург, Россия*). Новые данные к вопросу о «забегании вперед» в развитии палеолитических индустрий 275

ЭКО-СОЦИАЛЬНЫЕ РЕКОНСТРУКЦИИ

Михайлеску К.Д. (*Кишинев, Молдова*). Геологические и палеогеографические условия района палеолитических стоянок Буздужень, Брынзень и Чунту ... 280

Борзияк И.А., Обадэ Т.Ф. (*Кишинев, Молдова*). Мамонт в палеолите Карпато-Днестровского региона 287

Краснокутский Г.Е. (*Одесса, Украина*). Технология процесса разделки охотничьей добычи в позднем палеолите Северного Причерноморья 312

Станко В.Н. (*Одесса, Украина*). Анетовка 2 — позднепалеолитическое поселение и святилище охотников на бизонов в Северном Причерноморье 322

Хлобыстина М.Д. (*Санкт-Петербург, Россия*). Ритуал «черепа и головы» в культурах Северной Евразии эпохи раннего голоцена 326

РЕЦЕНЗИИ

Клейн Л.С. (*Санкт-Петербург, Россия*). Теория и терминология – взгляд из Ньюкастла 334

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 339

CONTENTS 340

Праслов Н.Д.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ЗАМЯТНИН: ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

(21.04.1899—5.11.1958 гг.)

Современное российское, а некоторое время тому назад — советское палеолитоведение развивалось и развивается на базе научного творчества трех выдающихся ученых, стоявших у истоков науки об ископаемом человеке: П.П. Ефименко, Г.А. Бонч-Осмоловский и С.Н. Замятнин. Они внесли огромный вклад в создание первобытной археологии, оставив большое количество работ, насыщенных важными идеями. Их научное творчество протекало в первой половине нашего века, но их работы широко используются и в настоящее время, являясь фундаментальными источниками для совершенствования методов проникновения в глубины истории становления и формирования современного человечества.

С.Н. Замятнин родился 21 апреля 1899 г. в семье мелкого чиновника в маленьком уютном провинциальном городке Павловске на юге Воронежской губернии. Городок расположен на пологом левом берегу Дона, а напротив, на другом берегу высокие меловые обрывы, круто спускающиеся к реке. Отделенные широкой поймой, укрытой лесами, они создают изумительную картину, невольно сказывающуюся на спокойной психологии людей. Здесь начиналось миропонимание маленького Сережи и поэтому совершенно не случайно его постоянное внимание к родному Дону и в зрелые годы. Юные годы его проходят в Воронеже, который в начале века становится одним из крупных культурных центров России. Здесь он, еще будучи гимназистом, в 1915 г. впервые участвует в археологических раскопках Воронежской Архивной Комиссии на могильнике Частые Курганы и проявляет настолько глубокий интерес, что его берут на работу в Воронежский музей сначала практикантом, а потом научным сотрудником. В 1916—1918 гг. он проводит археологические разведки в Бобровском и Павловском районах, открывает много новых археологических памятников, среди которых выделяются неолитические стоянки “Перебой” близ г. Павловска и у с. Подклетного.

В трудные годы революции он назначается инспектором по охране памятников культуры и энергично занимается спасением культурных ценностей из разрушаемых помещичьих усадеб и церквей. С.Н. Замятнин об этом периоде никогда не писал, но в домашнем архиве хранил много документов, в том числе и негативы фотосъемки. После расформирования Комиссии по спасению культурных ценностей он переводится на должность заведующего археологическим отделом, работает губернским инструктором по делам музеев и охране памятников, служит в архивном управлении и преподает археологию в Воронежском отделении Московского археологического института.

Круг интересов его чрезвычайно широк — от каменного века до позднего средневековья. Это находит отражение в его первой публикации “По поводу археологической карты Воронежской губернии”, изданной в 1921 г. В ней он критически разбирает существовавшие публикации по археологии края и, по существу, ставит на научную основу учет и систематизацию имеющихся материалов. К этой публикации приложена очень интересная “Программа для собирания сведений по первобытным древностям”.

В 1922 г. С.Н. Замятнин выпускает небольшую, но очень содержательную книгу “Очерки по доистории Воронежского края”, в которой дает полный обзор имеющихся материалов по каменному и бронзовому векам. В ней впервые публикуется обломок женской статуэтки из раскопок С. Круковского в Костенках 1 в 1915 г. Эти материалы Круковского были задержаны российской таможней и переданы в Воронежский музей.

Посещение Костенок и Борщева в том же 1922 г. и разбор коллекций С. Круковского навсегда определили главный интерес С.Н. Замятнина в археологии. Последовало приглашение П.П. Ефименко, уже сформировавшегося исследователя по палеолиту, в Костенки в 1923 г., увенчавшееся новой находкой женской статуэтки из бивня мамонта в небольшом раскопе на Костенках 1 и открытием двух новых верхнепалеолитических стоянок — Костенок 2 и Костенок 3. Глубокие знания П.П. Ефименко по палеолиту произвели на С.Н. Замятнина огром-

© Праслов Н.Д., 1999.

ное впечатление и, в свою очередь, интерес и уровень подготовки молодого воронежского археолога были замечены маститым ученым.

С.Н. Замятнин, получив приглашение в аспирантуру ГАИМК, в 1924 г. переезжает в Ленинград. Но и после переезда в Ленинград он постоянно возвращается к работам на территории Воронежской области: в 1925 г. проводит раскопки курганов с погребениями эпохи бронзы и сарматов, в 1926 г. — средневекового могильника у с. Подгоровки.

Полевые работы С.Н. Замятнина в 1925—1933 гг. принимают широкий размах. Он участвует в раскопках А.А. Миллера на Кобяковом городище на Нижнем Дону, на Усть-Лабинском могильнике и т.д. В 1925 г. он обследует окрестности станицы Ильской, где в 1898 г. французским археологом Ж. де Баем была открыта мустьерская стоянка. Место раскопок было утрачено, и в археологической литературе появлялись сомнения в существовании этого памятника. С.Н. Замятнину удалось установить место старых раскопок, и в 1926 и 1928 гг. он проводит широкие исследования первой достоверной стоянки мустьерского времени под открытым небом. В те годы это было сенсацией: публикации результатов работ на французском языке вызвали огромный интерес во всем мире. В эти годы С.Н. Замятнин вел обширную переписку с французскими коллегами, внимательно следил за новыми работами зарубежных исследователей.

В 1927 г. С.Н. Замятнин вновь возвращается к исследованиям в долине Дона. В Костенках он проводит буровые работы на стоянке “Глинище” (Костенки 3) и открывает новую стоянку в Александровском логу (Костенки 4), в которой обнаружено два хорошо сохранившихся культурных слоя. В этом же году выше по течению Дона у с. Гагарино в Липецкой области он исследует на значительной площади остатки верхнепалеолитического поселения, имеющего четкую планиграфию. Впервые в мировой практике фиксируются остатки разрушенного жилища палеолитических охотников. Огромный интерес к этому памятнику усиливается находками серии женских статуэток. С этого момента С.Н. Замятнин начинает глубоко заниматься проблемами первобытного искусства. Публикация материалов из Гагарина на русском и французском языках имела огромный резонанс в мировой литературе по палеолиту и заявила о появлении нового исторического направления в изучении палеолитической эпохи.

Большое значение имели и раскопки С.Н. - Замятниным Бердыжской верхнепалеолитической стоянки в Белоруссии. В это же время он обращает внимание на коллекции из старых раскопок у с. Карачарова, собирает все сведения о разбросанных по разным местам материалах и публикует их в специальной статье, в которой высказывает ряд интересных соображений о верхнем палеолите Русской равнины.

Начиная с 1934 г. Сергей Николаевич сосредоточивает свое внимание на полевых работах на Кавказе. Открытие большой группы памятников эпохи раннего палеолита в Абхазии позволило впервые заявить о том, что территория нашей страны была заселена в более древнее, чем мустьерское, время. Исследования, проведенные в 1934—1936 гг., изложены в книге “Палеолит Абхазии”. В ней поражают тонкие наблюдения С.Н. Замятнина по технологии обработки камня, которые в значительной мере сохраняют свое значение и теперь.

В 1934 г. Сергей Николаевич приступил к изучению палеолитических пещер Имеретии. При раскопках в Мгвимеви впервые на территории СССР выявлены наскальные гравировки верхнепалеолитической эпохи. В эти же годы он начинает систематизировать материалы из старых раскопок палеолитических пещер Имеретии. Созданная им позднее периодизация позволила ему наметить основные этапы развития культуры на протяжении всего верхнего палеолита в Закавказье. Эта периодизация с небольшими уточнениями практически сохраняется и в наши дни.

В 1936—1938 гг. С.Н. Замятнин производит раскопки в Навалишенской и Ахштырской пещерах близ Адлера, устанавливает стратиграфию палеолитических культурных слоев, охватывающих мустьерскую и верхнепалеолитическую эпохи. В 1937 г. он обследует Фортепьянку и выявляет первые ашельские местонахождения в Прикубанье на Северном Кавказе.

Очень результативные работы С.Н. Замятнина на Русской равнине и на Кавказе были прерваны в годы войны. Но, даже будучи в эвакуации, он проводит в 1943 г. первые исследования в пещерах Таджикистана. Сразу же после войны, в 1946 г., он возвращается на Кавказ, и следуют блестящие открытия в Армении, где выявлены раннепалеолитические местонахождения Сатани-Дар и Арзни, опубликованные в виде монографии немного позднее М.З. Паничкиной и вызвавшие большой резонанс в научной литературе.

К сожалению, болезнь не позволила ему продолжать полевую работу, но в эти годы он осуществляет ряд важных публикаций: изучает материалы из пещеры Ильинка под Одессой, материалы по палеолиту Прикубанья, Приазовья и Подонья, готовит статьи по верхнему палеолиту Закавказья и работает над большой статьей “О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода”. На основании анализа огромного материала со всего Старого Света С.Н. Замятнин ставит ряд важнейших теоретических вопросов развития культуры в палеолитической эпохе. Многие идеи, высказанные и обоснованные в данной статье, на долгое время определили новое направление в исследованиях по палеолиту. Эта статья

была вскоре опубликована в Германии в переводе на немецкий язык. Идеи, изложенные в ней, и в настоящее время очень актуальны.

В 1952 г. С.Н. Замятнин возобновляет полевые работы. Он организует и проводит раскопки на широкой площади мустьерской стоянки в окрестности Сталинграда. Эта стоянка, открытая геологом М.Н. Грищенко, попадала в зону строительства Волжской плотины и поэтому имелась возможность вскрытия значительной площади. В течение двух лет (1952, 1954 гг.) культурный слой, залегающий на глубине около 20 м, изучен на площади более 600 кв. м., собраны огромные материалы. В исследованиях принимали участие специалисты естественных наук: палеонтологи, геологи и палинологи. Материалы, полученные в процессе раскопок С.Н. Замятниным, до сих пор остаются важнейшим источником по изучению мустьерской эпохи в Восточной Европе.

В перерыве между раскопками Сталинградской стоянки в 1953 г. С.Н. Замятнин совершает поездку в Азербайджан и открывает палеолит в гроте Дамджили, и с этого начинаются плодотворные работы по поиску и раскопкам палеолита Азербайджана. В 1954—1957 гг. он исследует первую мезолитическую стоянку в Кабарде (грот Сосруко), выявив серию напластований, позволяющих проследить эволюцию культуры во времени. К сожалению, прогрессирующая болезнь крови (высказывается предположение, что он получил облучение вместе с геологом В.Л. Яхимович во время работ на Сталинградской стоянке) оборвала этот последний взлет полевых работ С.Н. Замятнина. 5 ноября 1958 г. его не стало.

Даже этот краткий обзор, далеко не исчерпывающий перечня всех работ С.Н. Замятнина, показывает огромный круг его интересов. У него немного публикаций, но каждая его статья или такая, например, небольшая заметка о Бессергеновском отщепе, настолько глубоко продуманы и существенны, что до сих пор привлекают постоянное внимание. С.Н. Замятнину мы обязаны открытием раннего палеолита на территории нашей страны, открытием палеолитического жилища в Гагарино, исследованиями мустьерских стоянок Ильская и Сталинградская, а также постановкой общих вопросов развития культуры в палеолитическую эпоху: проблема локальных различий, проблема жилищ, охоты и первобытного искусства.

Еще до войны С.Н. Замятнин начал работать над большим исследованием по палеолиту. Эскизом к ней явился раздел, написанный для “Всемирной истории Академии наук”, к сожалению, не опубликованный. Но после войны он начал переработку этого труда. Кое-какие разделы вышли в виде отдельных статей, однако большинство сохранившихся рукописей были опубликованы только после его смерти в 1961 г. в “Очерках по палеолиту”, подготовленных его женой М.З. Паничкиной.

Архивные материалы показывают, как глубоко С.Н. Замятнин прорабатывал те или иные вопросы первобытной археологии, которые вызывали у него интерес. Переводы статей зарубежных коллег испещрены вопросами и заметками. С возникавшими вопросами он обращался к авторам. Увы, время было такое, что общение с зарубежными коллегами было крайне затруднено. Сергей Николаевич не боялся и поддерживал переписку. Его знали за рубежом и глубоко уважали. Один из выдающихся исследователей четвертичного периода английский геолог Цейнер, посетивший Ленинград в начале 60-х годов, добивался встречи с Замятниным. Жаль, что эта встреча уже не могла состояться.

Круг интересов Сергея Николаевича не ограничивался только палеолитом. Он долго собирал кремневые фигурки эпохи неолита и, к счастью, имеется его блестящая публикация. Он много работал по истории археологии. Все знавшие С.Н. Замятнина отмечали его широкие интересы. Он был страстным коллекционером, библиофилом, шахматистом. Им опубликованы статьи по истории шахмат, об экслибрисах. Многие годы он собирал коллекцию образцов кремней с разных стоянок для того, чтобы попытаться установить источники сырья и их использование первобытными людьми. Ко всему, что его интересовало, он подходил как истинный ученый. Работая над самыми разными вопросами, С.Н. Замятнин старался проникнуть до самой сути, вот почему он блестяще владел колоссальным фондом мировой и русской археологии, свободно ориентируясь в этнографии, истории культуры. Вот почему С.Н. - Замятнин имел такое громадное влияние на своих коллег.

Печатное наследие С.Н. Замятнина невелико, но все его работы настолько глубоки и оригинальны, что до сих пор вызывают большой интерес. Помимо научной работы он занимался и преподавательской деятельностью: читал курсы “Основы археологии”, “Первобытная археология”, “История первобытного искусства” в ЛГУ и ЛИФЛИ. Однако, к сожалению, для него это было как бы побочной работой, хотя его ум и знания привлекали к нему людей. Он был красивым обаятельным человеком, выдающимся по силе своего влияния, но совершенно лишенным чувства тщеславия — его интересовали научные проблемы, а не научные “регалии”. П.П. Ефименко стал академиком, Г.А. Бонч-Осмоловский защитил докторскую диссертацию и только Сергей Николаевич, равный первым двум по своей значимости, так и остался кандидатом наук. Но в науке остаются не звания и степени, остаются идеи, и для нас Сергей Николаевич является величиной первого порядка, оставившим заметный след в истории науки.

МОНОГРАФИЯ В ЖУРНАЛЕ

Вишняцкий Л.Б.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ СЛУЧАЙНОСТИ, ИЛИ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

«Есть острая забава в том, чтобы оглядываться на прошлое, спрашивать себя, — что было бы, если бы... заменять одну случайность другой... Таинственна эта ветвистость жизни: в каждом былом мгновении чувствуется распутие – было так, а могло бы быть иначе, и тянутся, двоятся, троятся несметные огненные извилины по темному полю прошлого»

В.Набоков. «Соглядатай».

L.B. Vishnyatsky.The History of a Chance or the Emergence of Man.

This small book is about human origins. Like many other works devoted to the subject it describes the biological history of hominids and primates in general, their systematics and phylogenetic relationships, the chronology and morphology of the most important fossils, and so on. At the same time, this book is not so about HOWs of human evolution as about WHYs of this process. Why did such a process as anthropogenesis take place? Why was it ANTHROPOgenesis? Put in other words, the following pages represent, first of all, an attempt to understand whether the emergence of man was just one of a multitude of possibilities, a result of a freak of chance or it was a materialization of some general trend inherent in the evolution of life. The analysis of several key events in the process of human evolution leads to two seemingly incompatible conclusions, which form the answer to the posed question. Very briefly this answer can be formulated as follows. While, on one hand, the anthropogenesis was a naturally determined and predictable episode in the development of the organic world, on the other hand it was a result of a number of coincidences. In a sense the emergence of man may be considered a consequence of a not obligatory and even hardly probable crossing in one point of mutually independent natural processes.

Эта небольшая книга – об антропогенезе. Подобно большинству других работ, посвященных происхождению человека, она содержит сведения о биологической истории гоминид и приматов вообще, о систематике и вероятных филогенетических отношениях различных ископаемых и живых форм, о возрасте и анатомических особенностях наиболее важных палеоантропологических находок и тому подобное. Однако, хотя данные такого рода занимают в ней важное место, — это все же книга не столько о том, КАК совершалась эволюция человека, сколько о том, ПОЧЕМУ она совершалась, почему антропогенез вообще состоялся и почему это был именно АНТРОПОгенез. Иными словами, все написанное ниже представляет собой, прежде всего, попытку ответить на вопрос: было ли появление человека результатом игры слепого случая, осуществлением одной из множества примерно равновероятных возможностей, или, напротив, реализацией некоей «магистральной» тенденции в эволюции живого, следствием ее объективной устремленности к вполне определенному финалу? Анализ сначала проблемы направленности эволюции в целом, а затем ряда узловых моментов процесса становления человека приводит к двум, казалось бы, трудносовместимым выводам, которые вместе и составляют ответ на поставленный вопрос. Очень кратко этот ответ может быть сформулирован следующим образом: антропогенез, будучи, с одной стороны, вполне закономерным и даже предсказуемым эпизодом в развитии органической материи, эпизодом, предопределенным ее базовыми свойствами и самими условиями земного существования, явился в то же время, как это ни парадоксально, результатом целого ряда совпадений, следствием далеко не обязательного и даже маловероятного пересечения в одном месте и в одно время независимых или очень мало зависимых друг от друга природных процессов.

© Вишняцкий Л.Б., 1999.

Глава I. *Возможные версии происхождения человека. Почему все же обезьяна?*

«...в прошлом нет причины
Нам искать большого ранга,
И, по мне, шматина глины
Не знатней орангутанга».

А.К.Толстой. «Послание к М.Н.Лонгинову о дарвинисме».

Когда речь идет о таком специфическом и каждого из нас касающемся явлении, как происхождение человека, соблазн отыскать для него столь же специфическое, необычное объяснение, очень силен. Не кто иной, как сам Ч.Дарвин, «выведший» обезьяну «в люди», признавался в одном из писем: «Никак не могу взирать на эту чудесную Вселенную и особенно на природу человека и довольствоваться заключением, что все это — результат неразумной силы». Правда, уже к концу прошлого века многие члены просвещенной части общества успели свыкнуться и смириться с мыслью о прямом родстве с животными (о чем свидетельствуют и приведенные в качестве эпиграфа к этому разделу строки из иронического стихотворения А.К.Толстого, поводом к написанию которого послужили слухи о запрете издания «Происхождения видов» в России), но попытки «облагородить» наше общее генеалогическое древо, вычеркнуть из него столь многим неугодных предков не прекращались никогда. В наши дни вопрос: «Вы действительно верите, что человек произошел от обезьяны?» — можно услышать очень часто, причем не только где-нибудь в глубинке или, скажем, на заседании философско-религиозного кружка, но и в стенах института археологии. Задают его обычно с искренним удивлением, а нередко и с иронией в адрес собеседника. Поэтому я считаю нужным сразу же объясниться с читателем на сей счет и признаться в приверженности к «обезьяньей» теории, которая, на мой взгляд, является единственно правдоподобной.

Вообще все когда-либо предлагавшиеся объяснения того, как на Земле появились люди, могут быть сведены к трем основным вариантам:

1) Люди — порождение высших, сверхъестественных сил (творение).

2) Люди прибыли на Землю с других планет, из иных миров (пришествие)

3) Люди — результат естественного развития земной природы (эволюция)

Строго говоря, ни одна из перечисленных возможностей не может быть опровергнута с абсолютной убедительностью, так, чтобы у ее сторонников не осталось никаких спасительных логических лазеек. Однако, если для первых двух версий — творения и пришествия (они могут и сочетаться между собой) — нет «железных» доказательств не только *contra*, но и *pro*, то в последнем случае дело обстоит иначе. Здесь мы имеем вполне зримые и осязаемые следы того процесса, который, как предполагается, привел к появлению человека, то есть следы эволюции. Во-первых, это очевидная биологическая близость людей к прочим обитателям планеты, свидетельствующая, что человек — органичная часть живой природы, а во-вторых, многочисленные ископаемые остатки существ, занимающих в анатомическом отношении промежуточное положение между современными людьми и их животными предками.

Наибольшее сходство с людьми по строению тела, а также по физиологическим и генетическим признакам демонстрируют высшие приматы – обезьяны. Многочисленные палеонтологические находки, позволяющие проследить основные вехи эволюции от обезьяны к человеку, делают понятной причину этого сходства. Сейчас, можно сказать, уже не существует некогда столь волновавшей эволюционистов и их оппонентов проблемы «недостающего звена» между обезьяной и человеком, ибо «палеонтологическая летопись» слишком красноречива. Конечно, это не означает, что в ней вообще не осталось пробелов — пробелы есть, и они многочисленны, — но масштаб их таков, что может породить разногласия и споры только при обсуждении сравнительно узких, сугубо специальных вопросов, и недостаточен, чтобы вызвать сколько-нибудь серьезные сомнения в прямой причастности обезьян к нашей генеалогии.

Глава II. *Генеалогия человека*

«Генеалогии, предлагаемые для различных видов, по большей части проблематичны. Они меняются вместе с их авторами, с обусловившими их теоретическими взглядами, и вызывают дискуссии, которые современной науке разрешить не под силу. Но, сравнивая различные решения, можно заметить, что разногласия касаются скорее частностей, чем главных линий. Следуя как можно ближе этим главным линиям, мы можем, следовательно, быть уверены, что не заблудимся.»

А.Бергсон «Творческая эволюция».

С точки зрения зоологической систематики, вид *Homo sapiens*, к которому принадлежит все современное человечество, представляет собой всего лишь один из таксонов внутри отряда приматов (*Primates*), равноценный другим таксонам низшего (видового) уровня. Из ныне существующих животных в состав отряда входят обезьяны, долгопяты и лемуры, и каждая из этих групп, имеющих статус подотрядов[1], включает множество подразделений более низкого ранга: семейств, родов и видов. Когда перечисленных уровней классификации оказывается недостаточно, их количество увеличивается с помощью приставок над- и под- (надсемейство, подсемейство, подрод, подвид), а между подотрядом и надсемейством может выделяться еще уровень инфраотрядов или секций. Возможные варианты систематики приматов весьма многообразны, как и предлагаемые разными исследователями реконструкции их филогенеза, но нас здесь будет интересовать лишь то, что имеет прямое отношение к эволюционной истории линии, ведущей к человеку. Таким образом, основные «шаги» эволюции, рассматриваемые ниже, – это появление самого отряда приматов, выделение в его составе обезьян, дифференциация их на широконосых и узконосых, а последних на церкопитекоидов и гоминоидов (человекообразных) и, наконец, происхождение семейства гоминид, рода *Homo* и вида *Homo sapiens* (рис. 1).

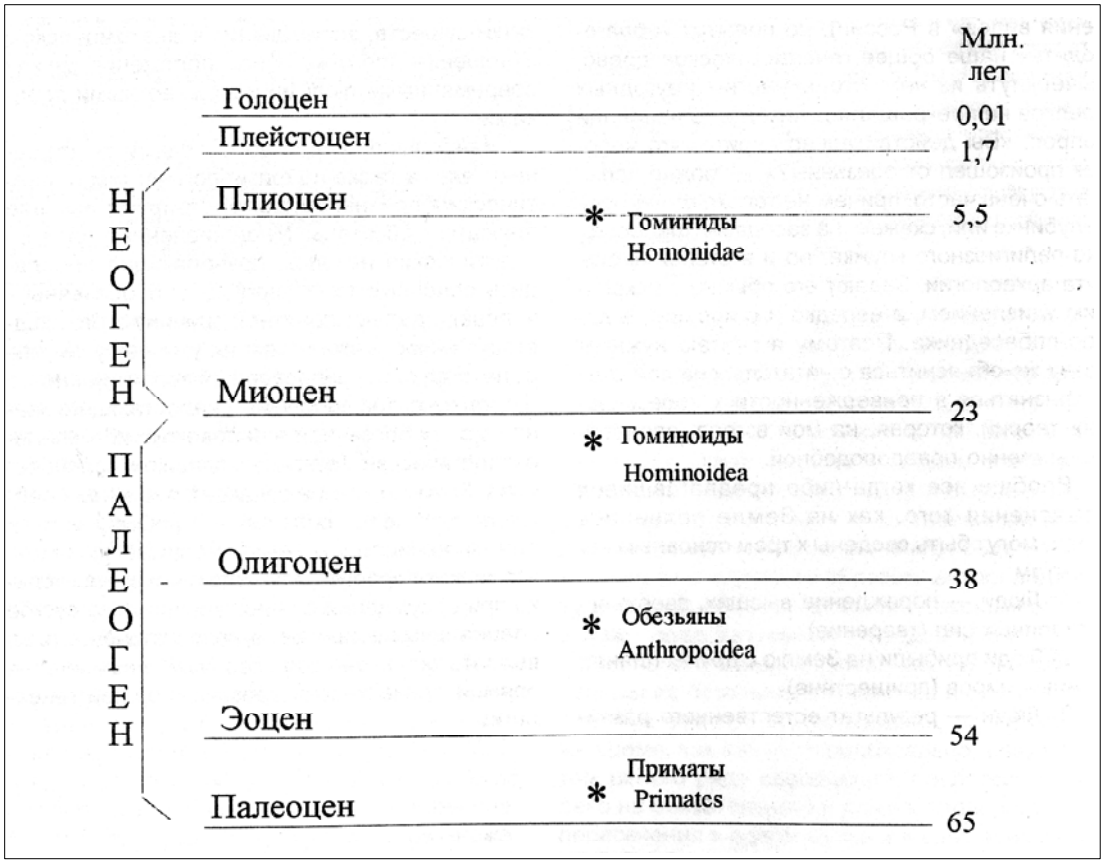

Рис. 1. Геохронологическая шкала кайнозойской эры. Звездочками отмечено предположительное время основных событий в эволюционной истории приматов.

1. Дальние родственники

«Мы скачем по пальмам навстречу великим делам!»
Р.Киплинг. «Дорожная песня Бандар-Логов».

Начальные стадии эволюции приматов плохо изучены, и проблема происхождения отряда все еще далека от разрешения. Ни его филетические корни, ни место появления пока не ясны. Среди ископаемых находок нет таких, которые с полной уверенностью могли бы рассматриваться в качестве звена, связующего приматов с их предками – насекомоядными (*Insectivora*). Это неудивительно, поскольку, как давно уже замечено палеонтологами, отсутствие переходных форм между группами высокого таксономического ранга представляет собой почти всеобщее явление. «Оно характерно почти для всех отрядов всех классов, как позвоночных, так и беспозвоночных» (Симпсон, 1948 [1944]: 168).

Появление приматов на эволюционной арене приходится на рубеж мезозойской и кайнозойской эр. Оно совпадает со временем широкой адаптивной радиации плацентарных млекопитающих, имевшей место в конце мелового периода и самом начале палеогена. Согласно некоторым расчетам, основанным на количестве известных видов приматов (современных и ископаемых) и средней продолжительности «жизни» вида (1 миллион лет), первые их представители должны были существовать уже 80 млн. лет назад (Martin, 1993), но большинству специалистов такая древность кажется маловероятной, поскольку значительно превышает возраст всех имеющихся ископаемых находок. Самые ранние из этих находок происходят из палеоценовых отложений и попадают в хронологический диапазон от 55 до 60 млн. лет назад (Gingerich, Uhen, 1994; Rose, 1994/1995: p.160).

Обычно в качестве исходной, анцестральной группы, промежуточной между собственно приматами и насекомоядными, рассматривают род *Purgatorius*, известный по немногочисленным находкам из позднемеловых отложений Северной Америки (Решетов 1986: 5-14; Klein 1989: 56). Другие представители подотряда плезиадапиформ, частью которого является этот род, обнаруживают в строении зубов ряд черт, если и не исключающих, то, во всяком случае, делающих проблематичной возможность последующей эволюции в характерном для приматов направлении (Rose 1994/1995)[1]. Плезиадапиформы, имевшие, как предполагается, общего с приматами предка, лучше, чем какая бы то ни было другая группа, позволяют судить о том, что представляли собой последние на ранних стадиях их эволюции.

Согласно существующим реконструкциям, первые приматы были мелкими (от приблизительно 100 г до нескольких килограммов весом) насекомоядными и частично, по-видимому, растительноядными зверьками, ведшими преимущественно древесный образ жизни. Внешне они, возможно, больше всего походили на современных тропических белок, и лишь благодаря специфическому строению зубов опознаются сейчас как приматы (Klein 1989: 61-62). Судя по географии находок, в палеоцене они обитали, главным образом, в Северной Америке и Западной Европе (еще соединенных в то время широкой полосой суши), хотя отдельные ископаемые происходят также из Южной и Восточной Азии и из Африки (которые в начале кайнозойской эры также имели несколько иные очертания, нежели сейчас).

Для раннего эоцена в пределах отряда выделяется уже множество семейств, родов и видов, среди которых есть и предки современных лемуров и долгопятов. Обычно этих ранних полуобезьян делят на адапиформных (или лемуриформных) и тарзииформных. Не позднее 40 млн. лет назад, то есть, скорее всего, в середине или даже начале эоцена, происходит, судя по находкам в Восточной Азии и Северной Африке, обособление линии высших приматов – антропоидов, или, иначе говоря, собственно обезьян (Anthropoidea)[3]. Большинство палеонтологов выводят их из тарзииформных приматов (Ross et al. 1998), меньшинство – из адапиформных, а в последнее время все чаще стало высказываться предположение, что антропоиды могут представлять независимую ветвь, берущую начало непосредственно от общего для всех приматов исходного ствола (Rose 1994/1995: 170). Впоследствии эта ветвь разделяется на две: широконосых обезьян (*Platyrrhini*), живущих сейчас только в Южной Америке, и узконосых (*Catarrhini*), населяющих Старый Свет. Наиболее древние кости первых обнаружены в Боливии, в отложениях возрастом около 25 млн. лет, а вторых – в Северной Африке и на Аравийском полуострове, где они залегали в геологических слоях, сформировавшихся 31-35 млн. лет назад, а частично, возможно, и ранее. Предки широконосых, бывшие, по-видимому, выходцами из Африки, могли случайно попасть в Южную Америку на естественных «плотах» из оказавшихся в воде растений. Аналогичный путь проделали, как считается, и некоторые африканские грызуны.

Примерно на рубеже олигоцена и миоцена или чуть раньше происходит разделение дотоле единого ствола узконосых обезьян на две ветви: *Cercopithecoidea* (церкопитекоиды, т.е. собакоголовые) и *Hominoidea* (гоминоиды, т.е. человекообразные). Это разделение, по всей

видимости, во многом было обусловлено тем, что часть узконосых (предки церкопитекоидов) перешла к питанию листьями, тогда как другая часть (предки гоминоидов) осталась фруктоядной. Различия в меню сказались, в частности, на строении зубов, что чрезвычайно важно для палеонтологической систематики, поскольку именно зубы составляют большую часть ископаемых находок. Поверхность моляров (коренных зубов) церкопитекоидов имеет характерный, только им присущий узор, именуемый билофодонтным и образуемый четырьмя бугорками и соединяющими их гребнями. На молярах же гоминоидов пять округлых бугорков, разделенных У-образной бороздкой (так называемый узор дриопитека).

Сейчас, благодаря находкам в Африке и Евразии, известно около 30 родов миоценовых гоминоидов, но предполагается, что этот материал и вполовину не отражает их действительного разнообразия. По некоторым оценкам, число родов, существовавших в названный период, могло быть в пять раз больше, и те из них, которые имеют критическое значение для понимания филогенетических взаимоотношений разных групп внутри надсемейства *Hominoidea*, еще не открыты (Ward et al. 1997: 1-2). Так это или нет, но представления о филогенезе гоминоидов – как ископаемых, так и современных – пока и в самом деле далеки от какой бы то ни было ясности.

Одно время некоторые исследователи полагали, что *Cercopithecoidea* и *Hominoidea* разделились еще в среднем олигоцене, и что уже проплиопитеки и египтопитеки должны рассматриваться как гоминоиды. Действительно, зубы этих обезьян, найденные в Файюме (Египет), несут выраженный узор дриопитека, но вот кости их черепа и посткраниального скелета по своему строению ближе к аналогичным костям церкопитекоидов. Такая мозаичность признаков позволяет видеть в этих родах более или менее близкое подобие той анцестральной формы, от которой дивергировали *Cercopithecoidea* и *Hominoidea*. К сожалению, огромный временной интервал, захватывающий весь поздний олигоцен, остается пока практически не охарактеризованным ископаемым материалом, и поэтому представить себе сколько-нибудь детально процесс расхождения двух ветвей узконосых обезьян невозможно. Самые поздние находки в Файюмской впадине (Египет) имеют возраст около 31 млн. лет, а восточноафриканские местонахождения, откуда происходят древнейшие гоминоиды, датируются временем от 23 до 26 млн. лет назад, и, таким образом, протяженность бреши в палеонтологической летописи составляет не менее 5 млн. лет, причем приходится эта брешь именно на тот период, когда и совершалась радиация *Catarrhini*.

В качестве наиболее ранней формы гоминоидов предположительно рассматривается сейчас род Kamoyapithecus, выделенный по находкам на позднеолигоценовом местонахождении Лосидок в северной Кении (Leakey et al. 1995). Благодаря своему залеганию между двумя слоями базальта, нижний из которых имеет возраст 27,5±0,3 млн. лет, а верхний 24,2±0,3 млн. лет, эти находки имеют надежную хронологическую привязку, но они слишком малочисленны и фрагментарны (резец, обломок верхней челюсти с коренным и предкоренным зубами и обломок нижней челюсти), чтобы об их таксономическом статусе можно было судить с полной уверенностью. Более представительный материал, проливающий свет на ранние этапы филогенеза человекообразных обезьян, происходит с ряда местонахождений на западе Кении, но даже древнейшее из них – Месва Бридж – примерно на три миллиона лет моложе, чем Лосидок.

С середины шестидесятых годов для построения генеалогического древа отряда приматов (а также ряда других групп животных) стали использовать информацию, содержащуюся в макромолекулах белков и нуклеиновых кислот[4]. Сопоставление последовательностей нуклеотидов в молекулах ДНК, взятых у современных церкопитекоидов и гоминоидов, говорит, по мнению большинства специалистов, о том, что эволюционные пути этих групп разошлись в интервале от 22 до 28 млн. лет назад. Таким образом, палеонтологические, и молекулярные данные, взятые вместе, позволяют считать, что самостоятельная филогенетическая история *Hominoidea* – группы, куда из ныне живущих приматов входят человек и человекообразные обезьяны (шимпанзе, горилла, орангутан, гиббон, сиаманг) – началась около 25 млн. лет назад.

Практически нет сомнений в том, что появились гоминоиды в Африке, и почти 10 млн. лет их история оставалась связанной исключительно с этим континентом. Если не считать спорные материалы из Лосидок, то самые ранние гоминоиды, найденные на нижнемиоценовых местонахождениях Восточной Африки, относятся к роду *Proconsul* (иногда говорят о семействе *Proconsulidae*). Поскольку по строению зубов и лицевой части черепа проконсул занимает промежуточное положение между египтопитеком и современными человекообразными обезьянами, а его посткраниальный скелет лишен каких-либо специализированных черт, исключающих филогенетическую связь с последними, большинство специалистов считает или, по крайней мере, допускает, что какой-то из видов этого рода вполне мог быть общим предком всех позднейших гоминоидов (Уокер, Тифорд 1989; Bonis 1987; Bonis & Koufos 1995: 20-21; Andrews 1992: 641; Begun et al. 1997: 390). В конце раннего миоцена наряду с проконсулом в Африке жили уже представители и нескольких других родов человекообразных

обезьян: дендропитеки, микропитеки, афропитеки, турканопитеки, но филогенетическое значение этих форм неясно. По размеру тела африканские раннемиоценовые гоминоиды варьировали от 3кг (*Micropithecus clarki*) до веса самки гориллы (*Proconsul major*, *Turkanapithecus heseloni*), их рацион включал главным образом фрукты и молодые листья. Все формы, для которых имеются кости конечностей, дающие возможность судить о способе передвижения, были четвероногими и вели преимущественно древесный образ жизни (Benefit, McCrossin 1995:240; Pilbeam 1997).

В среднем миоцене, когда между Африкой и Евразией установилась сухопутная перемычка, (16-17 м.л.н.), ареал обитания гоминоидов значительно расширился за счет включения в него территорий юга Европы и Азии. Наиболее древние ископаемые представители этой группы в Европе имеют возраст около 13-15 млн. лет (*Pliopithecus*, *Dryopithecus*, позднее *Ouranopithecus*), а в Азии порядка 12 млн. лет. Однако, если в Азии, по крайней мере на ее юго-восточных окраинах, им удалось основательно закрепиться, сохранившись там до сего дня (орангутаны, гиббоны, сиаманги), то в Европе условия оказались менее подходящими, и, пережив короткий период расцвета, к концу миоцена гоминоиды здесь вымирают (в отложениях возрастом моложе 8 млн. лет их останков в Европе не найдено). В Африке для этого времени (от 15 до 5 млн. лет назад) также отмечается значительное сокращение числа видов гоминоидов (Andrews 1981: 34, table 2; Benefit & McCrossin 1995:240), но, несмотря на это, она остается местом основных событий в их эволюции. Именно здесь в самом конце миоцена начинается история, составляющая главный сюжет этой книги (рис.2).

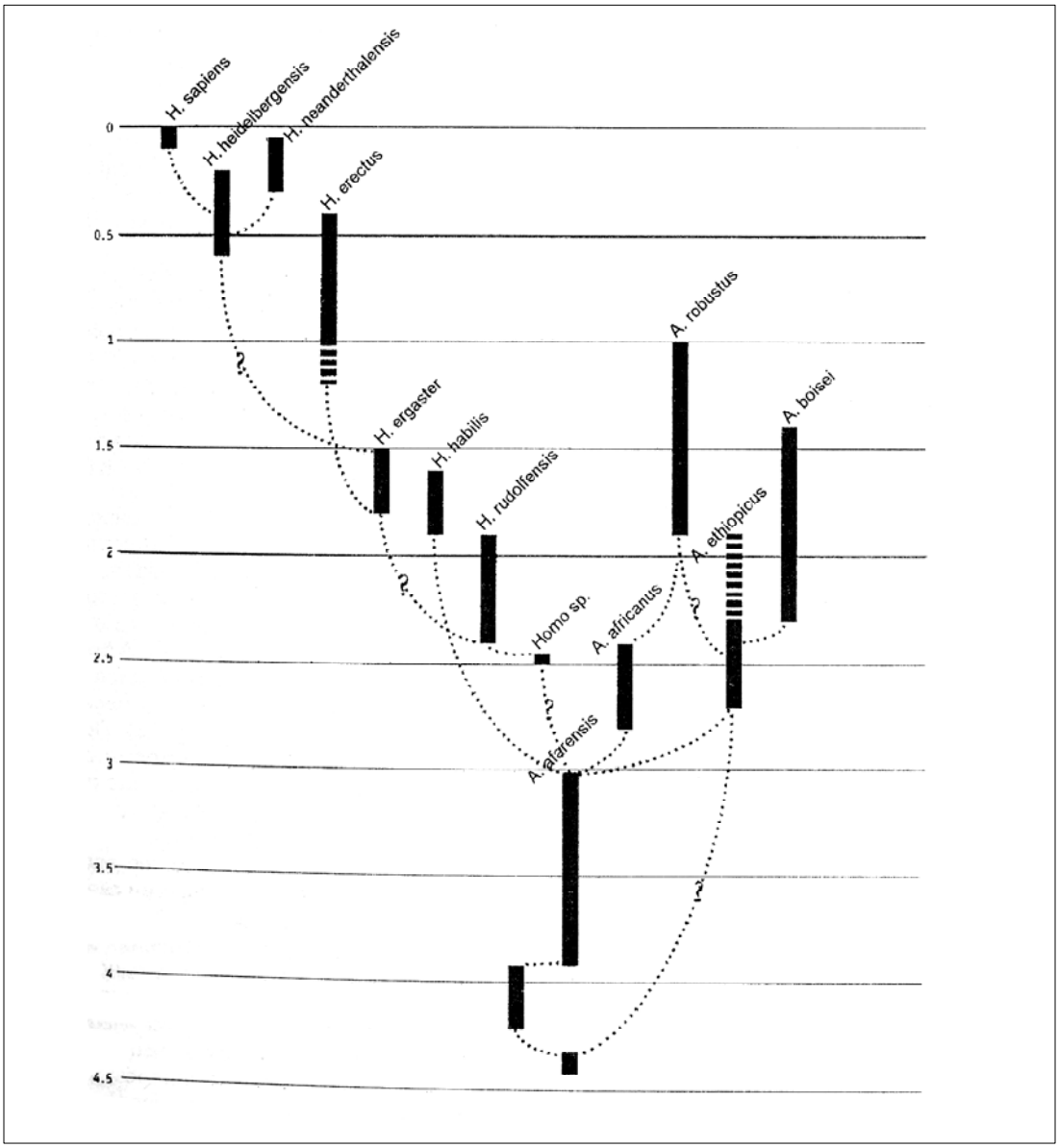

Рис. 2. Филогенетическое древо гоминид (по Wood 1994)

2. Основатели рода

«Я спросил: «Еще обезьяна и уже человек – что это значит! Кем же считать такое существо: обезьяной или человеком?» «Старина, — ответила мне Сибила, — греки долго считали важным решить вопрос, сколько камней составляют кучу: два, три, четыре, пять или больше. В вашем вопросе столько же смысла… Любая классификация произвольна. Природа не классифицирует. Классифицируем мы, потому что для нас так удобнее. <…> В конце концов, не все ли равно, как мы назовем существо, череп которого вы держите в руках: обезьяной или человеком? Кем оно было, тем и было…»
Веркор. «Люди или животные?»

Если оценивать значимость эволюционных процессов с антропоцентристской точки зрения, то наиболее важным событием в позднемиоценовой истории гоминоидов было, конечно, появление первых представителей семейства гоминид (*Hominidae*), и отделение гоминидной линии эволюции, ведущей к человеку, от общего с другими человекообразными обезьянами генеалогического ствола.

Следует подчеркнуть, что термин «гоминиды» здесь и далее употребляется в традиционном смысле, т.е. для обозначения человека и всех его прямоходящих предков. Еще недавно такое понимание рассматриваемого термина было общепринятым и не нуждалось в оговорках, но в последние годы, вследствие развития молекулярных методов реконструкции филогенеза, с одной стороны, и внедрения в систематику формальных процедур кладизма, с другой, в семейство гоминид часто стали включать еще и африканских человекообразных обезьян (Bonis 1987; Bonis & Koufos 1995: 20; Verhaegen 1996), а иногда, в качестве подсемейства, и орангутана (Фридман, 1989: 59; Begun 1994) и даже гиббона (Goodman et al. 1998). Многие антропологи и палеонтологи, считая такой пересмотр классификационных схем с формальной точки зрения в общем оправданным, предпочитают все же, во избежание путаницы, применять термин «гоминиды» по-прежнему лишь по отношению к представителям человеческой ветви (Benefit & McCrossin 1995: 239; Козинцев 1997: 96), и мне такое решение кажется совершенно правильным.

Поиск генеалогических корней семейства гоминид ведется уже в течение многих десятилетий, но достигнутые пока в этой области результаты оставляют желать много большего. В значительной степени это объясняется тем, что в Африке период от 12 до 4 миллионов лет назад (т.е. поздний миоцен – ранний плиоцен), когда должно было совершиться выделение гоминидной линии эволюции, очень плохо обеспечен палеонтологическими находками, что не позволяет точно определить предковую для всего семейства группу. Последним более или менее серьезным (и широко разрекламированным) претендентом на это — весьма почетное — место в нашей общей генеалогии был род Ramapithecus (и в таковом качестве он до сих пор иногда фигурирует в отечественной популярной и даже учебной литературе), но за последние два десятилетия его филогенетическая роль подверглась решительной переоценке (Пилбим, 1984), и большинство специалистов теперь считает, что рамапитеки стоят, скорее, у истоков линии, ведущей к орангутану, а не к человеку (Andrews 1992: 644; Bonis & Koufos 1995: 22-23), либо же не могут быть связаны прямо ни с тем, ни с другим (Benefit, McCrossin 1995:250).

Вопреки поговорке, что свято место пусто не бывает, место в основании филетической линии гоминид, откуда «изгнали» рамапитека, до сих пор остается вакантным. По существу, среди известных миоценовых гоминоидов есть пока лишь один сколько-нибудь перспективный кандидат на эту роль, да и того нашли не в Африке, а в Европе. Речь идет о так называемом уранопитеке (*Ouranopithecus*)[5], кости черепа и несколько зубов которого были обнаружены на севере Греции в отложениях возрастом около 10 млн. лет. Некоторые исследователи видят в уранопитеке возможного предка австралопитеков (Bonis 1987), предполагая, что эта форма могла быть распространена и в Африке, а ее отсутствие среди африканских ископаемых гоминоидов объясняется тафономическими причинами (Bonis & Koufos 1995: 26). По мнению других авторов, признаки, которые сближают уранопитека и ранних гоминид – это примитивные черты, доставшиеся и тем и другим в наследство от общих предков и не могущие, таким образом, служить в качестве аргумента в пользу прямой филогенетической связи между двумя данными группами (Andrews 1992: 645).

Что касается времени рождения семейства гоминид, то здесь, благодаря, с одной стороны (и прежде всего), развитию биомолекулярных методов датирования филогенетических событий, а с другой, некоторым палеонтологическим находкам последних лет, удалось, как будто, добиться несколько большей определенности. Благодаря работам Сэйриша и Уилсона (Sarish

& Wilson 1967), а также их последователей, сейчас можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что эволюционные пути наших предков и предков наших ближайших родственников — современных африканских человекообразных обезьян, — разошлись где-то в интервале от 8 до 4 млн. лет назад. Правда, не совсем ясно еще, в какой последовательности это происходило, но постепенно накапливающиеся новые молекулярные и палеонтологические данные заставляют думать, что, скорее всего, сначала от общего ствола отделилась линия гориллы, а затем шимпанзе (Sibley & Ahlquist 1987; Begun 1992; Bailey 1993;Wood 1994a; Ruvolo 1995)[6].

Сопоставление ДНК человека и шимпанзе указывает на то, что их последний общий предок жил в самом конце миоцена или начале плиоцена, в период примерно от 5,5 до 4 млн. лет назад (Sibley C.G. & Ahlquist J.E. 1987; Hasegava 1992). Немногочисленные ископаемые материалы по гоминоидам, имеющиеся для этого временного интервала, в общем отвечают ожиданиям, вытекающим из анализа молекулярных данных. Эти материалы могут быть условно разделены на три группы. В первую группу войдут единичные находки (главным образом зубы и обломки нижней челюсти, а также фрагмент плечевой кости) с ряда местонахождений Кении (Лукейно, Лотагам, Табарин), которые с большей или меньшей степенью уверенности определяются как останки самых ранних гоминид, но без указания точной таксономической принадлежности (наиболее полный обзор таких материалов см. в Hill 1994)[7]. Вторую группу составят многочисленные находки зубов и челюстных фрагментов, дополняемые несколькими костями посткраниального скелета, с местонахождений Канапои и Алиа Бэй (тоже Кения). Эти материалы, имеющие возраст чуть более 4 млн. лет, послужили для выделения вида *Australopithecus anamensis* (Leakey et al., 1995, 1998), рассматриваемого сейчас в качестве наиболее вероятного предка позднейших австралопитеков. Наконец, третью группу образуют остатки скелета, найденного на местонахождении Арамис в Эфиопии (в регионе, известном под названием Средний Аваш), в слое, сформировавшемся около 4,4 млн. лет назад. Этот материал находился к моменту открытия в очень плохом состоянии, и пока были изучены только зубы и фрагменты черепа, а также головка плечевой и обломок лучевой костей. Анализ этих находок привел сначала к провозглашению нового – самого древнего – вида австралопитека (White et al. 1994), но через несколько месяцев авторы первого описания костей из Арамис сочли их обладателя достойным более высокого – родового ранга и опубликовали поправку, в которой вместо вида *Australopithecus ramidus* представили коллегам род и вид *Ardipithecus ramidus* (White et al., 1995).

Открытие рамидуса получило широкую известность, и большинство антропологов сейчас рассматривают его как наиболее древнего достоверного гоминида (независимо от того, относят ли они его к австралопитекам, или выделяют в качестве особого рода), но иногда высказываются и сомнения относительно статуса этого существа. В частности, некоторые специалисты считают проблематичным отнесение костей из Арамис к гоминидам вообще (Benefit, McCrossin 1995:251), а некоторые полагают, что рамидус мог быть представителем какой-то ранней боковой ветви гоминид, не имевшей прямого отношения к филогенезу *A. anamensis* и других – более поздних – австралопитеков (Leakey et al. 1995). Указывают и на наличие ряда черт, сближающих рамидуса с шимпанзе, хотя при этом отмечается, что большинство признаков (особенно строение локтевой кости и положение основания черепа) говорят все таки в пользу его принадлежности к гоминидам (Wood 1994a). Видимо, многие вопросы решатся, когда будут изучены и описаны остальные кости, которые до сих пор не исследовались по причине их плохой сохранности.

Благодаря новым находкам из Канапои, Алиа Бэй и Арамиса, стало окончательно ясно, что гоминидная линия эволюции выделилась не менее 4 млн. лет назад, и что те многочисленные формы австралопитеков, которые были известны для среднего и позднего плиоцена, не исчерпывают собой всего разнообразия этого рода. Материалы из Арамис, заполняющие последний, пожалуй, из остававшихся в палеонтологической «летописи» крупных разрывов между обезьяной и человеком, позволяют предполагать, что австралопитеки, возможно, не были первыми гоминидами, и что рано или поздно могут быть обнаружены еще какие-то промежуточные формы, сосуществовавшие с рамидусом или даже предшествовавшие ему (не будем забывать о находках из Лукейно, Табарина и Лотагама). Тем не менее, пока рамидус еще не изучен как следует, а о его гипотетических современниках и тем более предшественниках вообще почти ничего не известно, австралопитеки остаются главным источником сведений о самых ранних стадиях филогенеза наших предков. К счастью, в отложениях возрастом от 3,8 до 2 млн. лет кости их довольно многочисленны, и каждый год приносит новые находки.

Судя по распределению ископаемых находок в пространстве и на хронологической шкале, австралопитеки появились и обитали первоначально, видимо, только в восточной части Африки, и лишь в самом конце неогена, около 3 млн. лет назад, проникли на южную оконечность этого континента, а также, возможно, в его северные районы (Brunet et al. 1995). За пределами Африки достоверных находок костей австралопитеков неизвестно, хотя время от вре-

мени появляются сообщения об обнаружении таковых в Восточной Азии. Сообщения эти, однако, воспринимаются большинством специалистов скептически, поскольку материалы, на которых они основываются слишком фрагментарны и не поддаются однозначной идентификации, а их датировки взаимно противоречивы.

Главной особенностью австралопитеков, сближающей их с людьми и отличающей от более ранних гоминоидов, а также современных человекообразных обезьян, считается двуногость. Многие, свойственные этим гоминидам, анатомические особенности, в частности, их короткий и широкий таз, сводчатая стопа, непротивопоставляемый большой палец ноги, наличие выраженного угла между бедренной и большой берцовой костями, а также ряд других показывают, что они передвигались уже не на четырех, а на двух ногах, хотя, вероятно, сохраняли при этом и некоторые анатомические черты, связанные с древесным образом жизни (подробнее об этом говорится в главе V). О двуногости австралопитеков говорит и анализ их следов, сохранившихся в туфе на местонахождении Лэтоли в Танзании (возраст следов около 3,6 млн. лет). Еще ряд признаков, прежде всего таких, как S-образный изгиб позвоночного столба и положение затылочного отверстия в основании черепа, свидетельствуют о «стройности» австралопитека, выпрямленном положении его тела, что вполне соответствует выводу о прямохождении этого существа. Тенденцию к развитию в сторону сближения с человеком демонстрируют также зубная система (слабая выраженность или отсутствие диастемы, более U-образная, в отличие от V-образной обезьяньей, форма зубной дуги и т.д.), некоторые кости черепа и, в гораздо меньшей степени, верхние конечности.

По абсолютному объему мозговой полости (400-500см^3) австралопитеки в целом мало отличаются от шимпанзе и уступают гориллам, но если принять в расчет различия в размерах тела, то коэффициент церебрализации будет у них чуть выше, чем у африканских крупных обезьян. Анализ очень скудных материалов по эндокранам ранних (древнее 3 млн. лет) австралопитеков приводит к заключению, что для первого этапа существования гоминид как самостоятельной линии нет убедительных свидетельств изменений строения мозга или его размеров (Tobias 1995:64)[8]. Для следующего хронологического интервала (3,2-1,8 млн.) некоторые структурные сдвиги уже прослеживаются (ibid.: 67). Недавно найденный в Штеркфонтейне (Южная Африка) череп австралопитека, жившего примерно 2,6-2,8 млн. лет назад, имеет объем мозговой полости около 515 см^3 (Conroy et al 1998) – это пока максимальный размер, зафиксированный для ранних гоминид[9].

Систематика и филогения австралопитеков находятся в числе наиболее активно обсуждаемых сейчас антропологами тем (Wood 1989; Skelton & McHenry 1992; McHenry 1994; Strait et al. 1997). В пределах этой группы может выделяться до шести таксонов видового ранга (*A. anamensis, A. afarensis, A. aethiopicus, A. africanus, A. boisei, A. robustus*)[10], а иногда ее делят еще на два рода: собственно *Australopithecus* и *Paranthropus.* В один из этих родов включают так называемые «грацильные» формы (*A. afarensis, A. africanus*), а в другой «массивные» (*P. boisei, P. robustus*), причем разница между теми и другими заключается, главным образом, в величине челюстей и зубов. Периоды существования большинства видов частично перекрываются (Kimbel 1995, table 28.1, fig.28.2; White 1995, table 26.2). Единственным исключением в этом отношении является, возможно, вид *A. afarensis*, описанный по находкам с танзанийского местонахождения Лэтоли, эфиопских местонахождений Феджедж, Билохдели, Мака и Хадар и кенийского местонахождения Кооби-Фора. Появившись примерно 4 млн. лет назад (Kappelman et al 1996), австралопитек афарский, насколько можно судить по имеющимся в настоящее время данным, оставался в течение следующего миллиона лет единственной формой гоминид. Правда, относительно гомогенности этого вида существовали и все еще существуют некоторые сомнения (Olson 1985; Richmond & Jungers 1995), но большинство антропологов склонно относить присущий A. afarensis полиморфизм (более заметный, чем у других австралопитеков) на счет высокой степени полового диморфизма, характеризующего, как считается, эту форму гоминид (McHenry 1986; Kimbel et al 1994).

A. afarensis рассматривают иногда в качестве предкового вида для всех остальных австралопитеков (кроме, разумеется, более древнего *A. anamensis*), или, по крайней мере, в качестве наиболее приемлемого аналога для воссоздания морфотипа такого вида, но и то и другое – лишь рабочие гипотезы, которым еще предстоит выдержать (или не выдержать) проверку временем и новыми находками. Вообще допустимых вариантов реконструкции филогенеза ранних гоминид чрезвычайно много (см. напр.: Strait et al 1997: 46-52), и в ближайшем будущем их количество будет скорее всего увеличиваться, а не сокращаться.

Особенно сложен и далек от разрешения вопрос о том, какая из групп поздних австралопитеков послужила субстратом дальнейшей эволюции человека, т.е. дала начало роду *Homo*, и наличествуют ли вообще останки представителей такой группы в добытом к настоящему времени палеонтологическом материале. Еще недавно наиболее перспективным – хотя и не безупречным – кандидатом на эту роль считался *A. africanus* (напр.: Klein 1989: 162, 402; Skelton & McHenry 1992), живший 3-2,5 млн. лет назад и известный главным обра-

зом по находкам в Южной Африке (местонахождения Таунг, Штеркфонтейн, Макапансгат), но в последнее время его позиции сильно пошатнулись. В результате детального сопоставления многочисленных костей верхних и нижних конечностей африкануса, открытых в ходе продолжающихся работ в Штеркфонтейне, выяснилось, что по соотношению их размеров этот вид, в отличие от более ранних *A anamensis* и *A. afarensis*, находится ближе к человекообразным обезьянам, чем к гоминидам, то есть, попросту говоря, руки у него были, вероятно, длиннее ног. Это неожиданное открытие окончательно запутывает и без того запутанную ситуацию, поскольку по строению зубов и черепа африканус, наоборот, намного ближе к *Homo*, чем *A. afarensis*, не говоря уже об *A. anamensis*. Остается предполагать, что либо *A. africanus* приобрел это сходство с поздними гоминидами параллельно, т.е. не будучи звеном филетической линии, ведущей к человеку (тогда на первый план в качестве возможного предка выдвигается A. afarensis), либо, наоборот, раннее приобретение *A. afarensis* человеческих пропорций конечностей совершилось независимо и не является признаком, указывающим на филогенетическую связь этой формы с *Homo* (McHenry & Berger 1998).

Австралопитеки исчезли с лица земли только в плейстоцене[11], успев задолго до этого дать начало роду *Homo* и будучи, следовательно, свидетелями (а в какой-то степени, по-видимому, и жертвами) эволюционного триумфа новой формы гоминид. Первым представителем этой новой формы, или промежуточным звеном между ней и австралопитеками, считается, с рядом оговорок, вид Homo habilis, обособившийся около 2,4 млн. лет назад. Интересно, что примерно к этому же времени относятся и древнейшие из известных сейчас каменных орудий со следами намеренного изготовления.

Homo в переводе с латыни означает «человек», но из этого широкоизвестного факта не следует делать вывод, что человек и *Homo* – одно и тоже. «Человек», «люди» – это термины совсем другого ряда, нежели «гоминиды»; это понятия, подразумевающие совершенно разные классификации живых существ, и они, как давно и справедливо замечено, не должны восприниматься как синонимы (напр.: Урысон 1976: 21). В первом случае мы имеем дело с философской классификацией, во втором – с биологической. Люди, человек – это существа, специализированные к культуре (об этом речь еще пойдет ниже), существа, для которых культура является и программой поведения, и средством адаптации, и средой («встроенной») обитания. Культура – это то, что делает *Homo*, потенциальных людей, людьми действительными. Для того, чтобы быть *Homo sapiens*, или *Pan paniscus*, или *Canis lupus* достаточно просто родиться, для того, чтобы быть человеком, надо им стать, то есть подвергнуться воздействию искусственной среды, культуры. В этом смысле можно сказать, что качественная разница между животными и людьми состоит в том, что первыми рождаются, а вторыми становятся, становятся лишь определенное время спустя после рождения и лишь при наличии определенных условий (культурной среды)[12]. Не исключено, что такого рода инкультурация имела какое-то значение уже для хабилисов: отмечаемый на этой стадии эволюции резкий рост мозга может косвенным образом указывать на увеличение периода, в течение которого детеныши зависели от матерей (или обоих родителей?), а если это так, то, значит, они получали более основательное воспитание, чем, скажем, потомство австралопитеков.

Если кости конечностей *Homo habilis* в общем довольно мало отличаются от аналогичных участков посткраниального скелета австралопитецин, а по пропорциям могут быть даже близки к архаичному типу, установленному для *A. africanus* (McHenry & Berger 1998, см. выше), то зубы и особенно череп демонстрируют множество новых важных черт строения. Менее выраженным становится прогнатизм (выступание лицевой части черепа), не столь заметна массивность нижней челюсти, зубная дуга приобретает еще более параболическую форму, коренные зубы уменьшаются в размере и эмаль на них утоньшается. Стенки черепа становятся тоньше, затылочная часть делается более округлой, а главное, ряд серьезных изменений претерпевает мозг. Наиболее существенные из этих изменений (Tobias 1995:74-76) заключались в увеличении его абсолютного и относительного размера, значительном расширении теменной области, формировании подобного человеческому узора борозд и появлении специфических выпуклостей в областях, где у людей находятся речевые центры (поля Брока и Вернике) Именно с появлением Homo habilis в эволюции мозга гоминид «был сделан гигантский шаг к новому уровню организации» (ibid: 77). Рисунок 3, где показаны установленные для разных видов значения объема эндокрана, хорошо иллюстрирует этот вывод.

Костные останки *Homo habilis* были впервые обнаружены в Олдувайском ущелье в 1959 г., а статья, где обосновывалось выделение и предлагалось название этого таксона, вышла пять лет спустя (Leakey et al., 1964). Тем не менее, широкое признание новая группа получила лишь в конце 70-х – начале 80-х годов, после открытия на восточном берегу озера Рудольф (Туркана) в Кении двух хорошо сохранившихся черепов, по своему строению занимающих явно промежуточное положение между австралопитеками и *Homo erectus*. По мнению Ф.Тобайаса — одного из «крестных отцов» *Homo habilis* — историю с обнаружением и выделением этого таксона можно рассматривать как пример

«преждевременного открытия» (Tobias 1991, 1996). Кроме Олдувая и оз. Рудольф, скелетные материалы, предположительно относимые к *Homo habilis*, были обнаружены еще в Хадаре (Эфиопия), отложениях свиты Чивондо (Малави) и в Южной Африке, в пещерах Штеркфонтейн и Сварткранс.

Давно уже было замечено, что материалы, относимые к *Homo habilis*, – а в основном это фрагменты черепов – довольно полиморфны. Свойственная им высокая степень вариабельности, явно превышающая таковую у современных людей (Kramer et al. 1995), может объясняться по-разному, например, хронологическими различиями или развитым половым диморфизмом в пределах вида, но в последнее десятилетие возобладала тенденция рассматривать ее как результат таксономической неоднородности группы. Стали проводить различие между *H. habilis sensu lato* (хабилис в широком смысле) и *H. habilis sensu stricto* (т.е. хабилис в узком смысле или собственно хабилис), и те находки, которые не могут быть отнесены к последнему таксону, зачислять в вид *H. rudolfensis* (Wood 1992; Kimbel 1995; Lieberman et al. 1996; Strait et al. 1997). Допускается также, что южноафриканские образцы могут представлять еще один, третий, вид, не известный в Восточной Африке (Grine et al. 1996), но названия для него пока не предложено. Филогенетическое и даже хронологическое соотношение вновь образованных таксонов оценивается по-разному, и по вопросу о том, к какому из них относить те или иные конкретные образцы тоже нет единства мнений. В частности, в то время, как одни авторы включают знаменитый своими большими размерами череп KNM-ER 1470 (восточное побережье озера Туркана [Рудольф]) в группу *H. rudolfensis* (Wood 1992; Kimbel 1995), другие определяют его как *H. habilis*, а к *H. rudolfensis* относят, наоборот, черепа меньшего размера (Rightmire 1995: 490) [13]. Первый вариант предполагает, что *H. rudolfensis* был предшественником (хотя не обязательно предком) *H. habilis*, второй же допускает сосуществование обеих групп.

Судя по имеющимся сейчас данным, хабилисы в широком смысле жили от примерно 2,4 до примерно 1,7 млн. лет назад, после чего им на смену пришли более «продвинутые» гоминиды. Невозможно точно сказать, какая из двух (или трех?) форм *Homo habilis sensu lato* ближе стоит к главному стволу эволюции человека, но других вариантов, кроме как выводить позднейших *Homo* из хабилисов не существует. «Массивные» австралопитеки для этого вряд ли годятся (слишком специализированы, а к тому же почти наверняка сосуществовали с *Homo erectus*), а других ископаемых подходящего возраста пока просто нет. Да и сам хабилис, как возможный предок, в конце концов, не так уж плох.

3. Гордость семейства

«Кроманьонец вторгся в охотничьи угодья европейского неандертальца, победил, частично истребил прежних владельцев (вероятно, с какой-то частью породнился, ассимилировал ее). Остальные были обречены на голодную смерть. Однако прошло много веков, если не тысячелетий, прежде чем где-то в глухой, неприступной пещере вымерли последние неандертальцы.»

Н. Эйдельман. «Ищу предка».

Последние полтора с небольшим миллиона лет эволюции человека, т.е. плейстоценовый ее отрезок, можно с большей или меньшей степенью условности разделить на три частично перекрывающихся периода или стадии: стадию питекантропин (*Homo ergaster*, *Homo erectus*), стадию неандерталоидов (*Homo heidelbergensis*, *Homo neanderthalensis*) и стадию неоантропов (*Homo sapiens* = люди современного физического типа).

Во избежание разночтений следует сразу же оговорить, что здесь и далее термин *Homo sapiens* используется для обозначения исключительно неоантропов, т.е. людей современного физического типа. Это уточнение необходимо, поскольку, начиная с середины 60-х годов, многие антропологи предпочитают обозначать неоантропов как *Homo sapiens sapiens*, отводя последним тем самым подвидовой ранг в пределах одного с классическими неандертальцами (*H. sapiens neandertalensis)* или всеми неандерталоидами вообще вида. В итоге для обозначения гоминид, уже не могущих быть отнесенными к *Homo erectus*, но еще не являющихся людьми современного физического типа, приходится использовать термины вроде «архаичные *Homo sapiens»* или «ранние *Homo sapiens»*, что обычно сбивает с толку неспециалистов (в том числе и археологов-палеолитчиков) и неизбежно создает путаницу. С содержательной точки зрения объединение неоантропов и их предшественников в один вид тоже вряд ли оправдано, особенно в свете недавних генетических исследований (было проведено сопоставление ДНК из кости неандертальца с ДНК современного человека), однозначно исключающих классических неандертальцев из числа наших предков (Krings et al. 1997). Таким образом, в данном вопросе лучше следовать за теми антропологами, которые отдают пред-

почтение традиционному словоупотреблению (Tattersall 1986; Stringer & Andrews 1988; Foley 1989), признавая целесообразным оставить обозначение *Homo sapiens* лишь за неоантропами (что, разумеется, не следует понимать как отказ в «разумности» иным типам гоминид).

Питекантропины, судя по находкам на восточном и западном побережьях оз. Туркана (Рудольф) в Кении (местонахождения Кооби-Фора и Нариокотоме), появились не позднее 1,6-1,7 млн. лет назад (Brown et al. 1985), а возможно и несколько раньше (есть некоторые основания удревнить их до 1,9 млн. лет). Наиболее древних африканских представителей этой формы, отличающихся от остальных некоторыми особенностями строения мозгового и лицевого отделов черепа, иногда выделяют сейчас как *Homo ergaster* (Wood 1992; Walker 1994; Strait et al. 1997), но правомерность такого обособления оспаривается. Указывается, в частности, что вариабельность черепов гоминид возрастом от 1,7 до 0,5 млн. лет не превышает таковой внутри современного человечества, представляющего собой один биологический вид (Kramer 1993). По этой и по ряду других причин некоторые антропологи считают, что выделение в составе питекантропин нового таксона недостаточно обосновано, и предпочитают по-прежнему говорить о едином, хотя и политипическом, виде *H. erectus* (Rightmire 1995: 481).

В целом этот вид характеризуется, прежде всего, опережающим развитием посткраниального скелета, который по многим параметрам приближается к современному состоянию. Череп изменяется меньше, хотя тенденция к росту объема мозговой полости, отчетливо наметившаяся уже у *H. habilis*, сохраняется. Средний размер эндокрана у *H. erectus* составляет около 1000 см^3, причем у поздних форм он как будто несколько больше, чем у ранних, хотя и ненамного (Rightmire 1990: 193-197). Наряду с увеличением мозга, на черепе сохраняется много примитивных черт: лобная кость низкая и покатая, с прямо выступающим надглазничным валиком, затылок угловатый, стенки толстые, наибольшая ширина приходится на основание черепа. Для лицевого скелета характерен еще выраженный прогнатизм, нижняя челюсть лишена подбородочного выступа и убегает назад, моляры и премоляры крупнее, чем у современных людей, резцы тоже, а у яванских питекантропов встречается даже диастема.

Первые полмиллиона лет своего существования *H. erectus* провели, по-видимому, почти безвыходно в Африке. Правда, для индонезийских питекантропов докладывались даты и в полтора, и даже в два миллиона лет, но, как и в случае с восточноазиатскими австралопитеками, обоснованность их оставляет желать много лучшего и большинство исследователей встречают сообщения такого рода весьма сдержанно. Недавние датировки гоминид из Моджокерто и Сангирана, согласно которым их возраст составляет около 1,8-1,6 млн. лет (Swisher et al. 1994), получены по образцам пемзы, связь которых с ископаемыми костями сомнительна, и поэтому как и прежде «нет достаточных оснований полагать, что H.erectus был на Яве раньше 1,2 млн. лет назад» (Storm 1995: 126-127; см. также Pope 1997: 280). Нет пока таких оснований, несмотря на непрекращающиеся попытки их найти, и для Китая, где древнейшие достоверные следы пребывания человека (Гунванлин, Донгутто, Сяошанлян) имеют возраст не более или лишь немногим более 1 млн. лет (Huang & Wang 1995; Pope 1997). Еще более поздний возраст имеют известные сейчас европейские гоминиды: самые ранние из них, если исходить только из хорошо проверенных данных, датируются нижним рубежом среднего плейстоцена (по европейской шкале), т.е. временем не древнее 700 тысяч лет[14]. Впрочем, проникновение наших предков в Европу началось, несомненно, еще в раннем плейстоцене (1,7-0,7 млн. лет), на что указывают находки в соответствующих отложениях обработанных камней и других следов жизнедеятельности гоминид, но это были, скорее всего, спорадические короткие вылазки. Всерьез же расширением ойкумены эректусы занялись не ранее конца нижнего плейстоцена, когда они прочно обосновались в Восточной и Юго-Восточной Азии.

Несмотря на то, что питекантропины существовали более миллиона лет, заселяли, по крайней мере на поздних этапах своей истории, огромный ареал, и отдельные их популяции почти наверняка длительное время были разделены естественными барьерами, в морфологическом отношении они представляют собой сравнительно однородную группу. Конечно, ископаемые материалы, относимые к *H. erectus*, далеко не мономорфны (Tattersall 1986), но, присущие тем или иным находкам специфические особенности, не обнаруживают четкой географической локализации, проявляясь в пространстве, скорее, чересполосно (Hublin 1986; Rightmire 1986; Brauer & Mbua 1992). Поэтому большинство антропологов не согласны с предложением оставить название *Homo erectus* только за восточноазиатскими питекантропами, а африканских именовать иначе, и продолжают рассматривать первых и вторых как один полиморфный вид (Turner & Chamberlain 1989; Rightmire 1990, 1994, 1995; Kramer 1993; Brauer 1994).

Эволюционная судьба различных географических вариантов *H.erectus* сложилась по-разному. Согласно преобладающей сейчас точке зрения лишь африканские представители этого вида могут иметь прямое отношение к происхождению людей современного физического типа. Те, кто признает валидность H. ergaster, именно его помещают в основание филетичес-

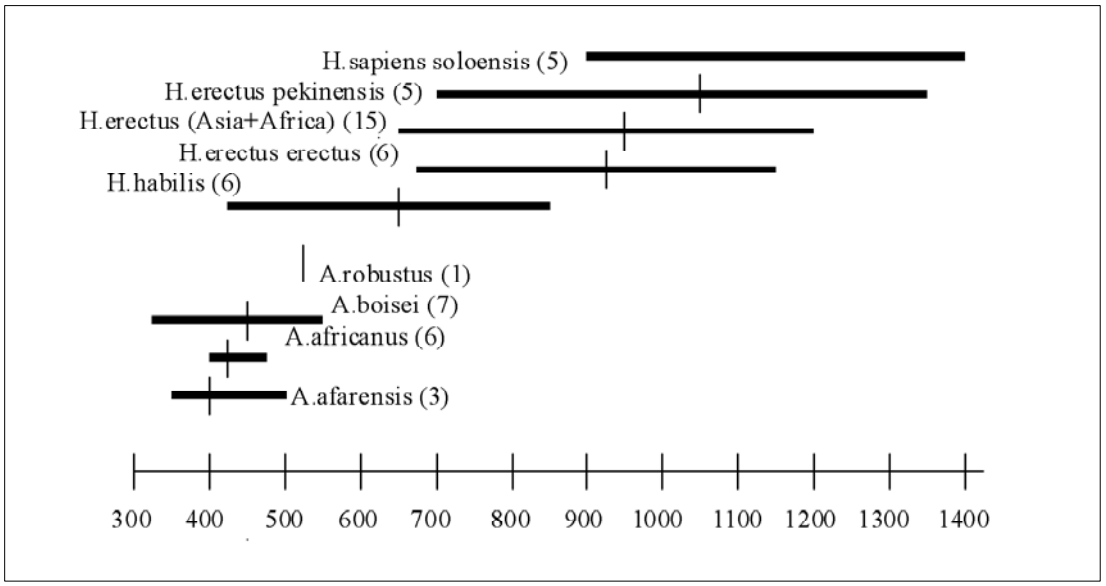

Рис. 3. Средние значения и размах вариаций объема мозга нескольких видов ископаемых гоминид (по Tobias 1995). H.e.e. – *индонезийский подвид* Homo erectus; H.e.p. – *китайский подвид* Homo erectus; H.e. – *объединенная выборка азиатских и африканских* H. erectus.

кой линии, ведущей к Homo sapiens (Wood 1994; Strait et al. 1997: fig.11, 12), отводя остальным питекантропам – и азиатским, и африканским – роль боковых побегов на нашем генеалогическом древе (см. рис. 3). Те, кто отстаивает единство таксона, тоже исключают его восточноазиатских представителей из числа вероятных предков неоантропов, ограничивая поиск таковых территориями Африки и Европы (Rightmire 1994, 1995). Правда, некоторые исследователи активно защищают так называемую «мультирегиональную» теорию, согласно которой эволюционное превращение *Homo erectus* в *Homo sapiens* происходило повсеместно, то есть и в Африке, и в Азии, и в Европе, при постоянном обмене генетическим материалом между популяциями этих регионов[15], но появляющиеся в последние годы во все большем количестве новые факты свидетельствуют все же, скорее, в пользу иного хода событий. Имеющиеся данные гораздо естественней укладываются в рамки гипотезы (иногда ее называют гипотеза «Ноева ковчега»), предполагающей, что неоантропы появились сначала в одном регионе (а именно в Африке), откуда распространились впоследствии по всей земле (Lahr 1994; Klein 1995; Lieberman 1995; Stringer 1995). Непосредственными же предками их были анатомически уже во многом не похожие на питекантропов гоминиды второй половины среднего плейстоцена (500-130 тысяч лет назад). О них следует сказать подробней.

Около полумиллиона лет назад в Африке и большинстве других регионов, где обитали *Homo erectus* (за исключением, возможно, некоторых островов Юго-Восточной Азии), завершается их трансформация в существа несколько иного типа. Гоминиды этого времени, сохраняя еще такие черты питекантропов, как низкий покатый лоб, развитые надбровные дуги, массивный подбородок без выступа и ряд других, тем не менее повсеместно отличаются от своих предшественников общей формой черепа (более широкий лоб, разросшаяся теменная область, округлый затылок) и заметно возросшим объемом мозговой полости. Последняя, как правило, превышает 1100 см^3, а в отдельных случаях достигает даже размеров обычных для современных людей (1400 см^3 и более). Хотя гоминид, сменивших на эволюционной арене питекантропин, трудно или даже невозможно описать, как некий единый морфологический тип (степень полиморфизма здесь слишком высока), условно их было бы целесообразно объединять под общим именем, называя, например (за неимением лучшего термина), неандерталоидами. При этом речь будет идти не о виде в собственном смысле – таковых для неандерталоидов можно выделить, как минимум, два (*Homo heidelbergensis* и *Homo neanderthalensis*), а скорее три или четыре, — а лишь о стадии развития, эволюционной фазе, включающей множество ископаемых, промежуточных по своему строению между *H. erectus* и *H. sapiens* и не могущих быть отнесенными ни к первому таксону, ни ко второму (в современной литературе, как уже говорилось, эти гоминиды часто фигурируют как «архаичные» или «ранние» Homo sapiens, что усложняет терминологию и запутывает суть дела).

Наглядные свидетельства этой стадии эволюции человека, в виде ископаемых черепов и других частей скелета, обнаружены на афри-

канских местонахождениях Омо, Бодо (оба в Эфиопии), Ндуту, Нгалоба, Эяси (все в Танзании), Брокен-Хилл (Замбия) и ряде других, а также на Ближнем Востоке (Зуттиех), в Индии (Нармада), Индонезии (Нгандонг) и Китае (Дали, Мапа, Сюйцзияо и др.). Возраст большинства перечисленных находок не определен сколько-нибудь точно, но в целом они могут быть размещены в хронологическом диапазоне от 100 до 500 тыс. лет (Smith 1985: 20; Mehlman 1987). Что же касается Европы, то здесь, видимо, вообще все имеющиеся к настоящему времени палеоантропологические материалы, кроме, разумеется, относящихся уже к собственно *Homo sapiens*, следует рассматривать как останки неандерталоидов (Bonis 1986; Hublin 1988). Правда, археологические следы нижнеплейстоценового присутствия людей на нашем континенте, о которых упоминалось выше, не оставляют сомнения в том, что в числе первых европейцев были и *H. erectus*, но их ископаемые кости еще только предстоит найти (см. прим. 14).

Среди европейских неандерталоидов достаточно отчетливо выделяются две группы. Это так называемые пренеандертальцы (*Homo heidelbergensis*), существовавшие от начала до конца среднего плейстоцена и известные по находкам в Петралоне (Греция), Саккопасторе (Италия), Вертешселлеше (Венгрия), Араго, Фонтешеваде (Франция), Атапуэрке (Испания), Сванскомбе (Англия), Мауэре, Штейнгейме (Германия) и т.д., и сменившие их около 130 тысяч лет назад «классические» неандертальцы (*Homo neanderthalensis*). Последние, видимо, произошли от первых именно в Европе (Condemi 1988; Hublin 1996; Arsuaga et al. 1997), но впоследствии они значительно расширили ареал своего обитания, заселив сначала Западную Азию, а затем и более отдаленные районы на востоке (Средняя Азия, Алтай). Этот вид существовал на протяжении, как минимум, 100 тысячелетий: последние его представители жили на крайнем западе Европы (а возможно и в каких-то других районах) еще 30 тысяч лет назад.

Для классических неандертальцев, представленных материалами с множества среднепалеолитических и отдельных верхнепалеолитических памятников Европы (Ля Феррасси, Ля Кина, Спи, Крапина, Сен-Сезар и т.д.), Ближнего Востока (Кебара, Амуд, Шанидар и др.) и Средней Азии (Тешик-Таш), характерны массивность костей скелета, все еще довольно низкий и покатый лоб, крупные орбиты глаз с развитым надбровным рельефом, невыраженность подбородочного выступа. Коренные зубы меньше, чем у других гоминид, за исключением *H. sapiens*, а резцы, наоборот, крупнее, чем у предшественников и гораздо крупнее, чем у неоантропов. Череп в целом длинный и относительно низкий, наибольшая ширина приходится на среднетеменную часть. Специфическими чертами анатомии черепа, отличающими неандертальцев от всех современных им и более поздних гоминид, считаются субсфероидная форма черепа (если смотреть сзади), сильно развитый прогнатизм, наличие выраженных затылочного валика и жевательного гребня за слуховым отверстием и некоторые другие признаки (Klein 1989: 272-282). Несмотря на общий «архаизм» облика неандертальцев, объем мозговой полости у них и в среднем (примерно 1500 $см^3$), и по размаху вариаций практически не уступает таковому у современных людей (Holloway 1985).

Очень сложен вопрос об эволюционной судьбе классических неандертальцев, тесно связанный с проблемой происхождения людей современного физического типа. Еще сравнительно недавно многие исследователи считали, а некоторые считают до сих пор, что *H. neanderthalensis* был предком *H. sapiens* (напр.: Frayer 1992, 1997), но генетические данные (Krings et al. 1997, см. выше), а также твердо установленный факт сосуществования этих двух видов в Западной Европе, не благоприятствуют такой точке зрения. Не благоприятствует ей и то, что продемонстрировать наличие морфологической преемственности между европейскими неоантропами и предшествовавшими им гоминидами очень трудно, и более вероятным кажется отсутствие таковой (Brauer 1984; Heim 1988). Поэтому, а также по ряду иных причин, о которых говорится ниже, преобладающей является точка зрения, что *Homo sapiens* пришли в Европу извне и не ранее 40 тысяч лет назад, а ее исконные обитатели, неандертальцы, скорее всего, не выдержали конкуренции с пришельцами и разделили незавидную участь многих других видов млекопитающих, исчезнувших в конце плейстоцена с лица земли (мамонт, шерстистый носорог и т.д.). Не исключено, правда, что отдельные их группы все же внесли какой-то вклад в генофонд современного человечества, хотя бы в результате ассимиляции их неоантропами (Козинцев 1994).

Если в Европе, а также на большей части Азии (за исключением Ближнего Востока) *Homo sapiens* появляются, судя по имеющимся палеоантропологическим материалам и датировкам, лишь около 40 тысяч лет назад, то в Африке и на Ближнем Востоке их ископаемые останки имеют возраст в два, а то и в три раза больше (обзор данных по состоянию на 1989 г. см. в: Вишняцкий 1990). Ряд находок из пещер на р. Класиес и пещеры Бордер (Южная Африка), грота Мумба (Танзания) и местонахождения Омо (Эфиопия), а также же из пещер Джебел Ирхуд (Марокко), Кафзех и Схул (Израиль) достаточно убедительно свидетельствует о том, что люди, не отличавшиеся или мало чем отличавшиеся в анатомическом плане от нынешних обитателей Земли, жили в Южной и Восточной Африке, а также на Ближнем Востоке уже около 80-100 тыс. лет назад, а может быть, и двумя-тремя десятками

тысячелетий ранее. В Африке известно теперь и большое количество ископаемых находок переходного характера, позволяющих проследить процесс трансформации местных неандерталоидов (которых иногда зачисляют вместе с европейскими пренеандертальцами в вид *Homo. heidelbergehsis*, а иногда выделяют в особый таксон *Homo. rhodesiensis*) в людей современного физического типа. Считается, что непосредственными предшественниками *H. sapiens* могли быть гоминиды, представленные черепами типа Флорисбад, Синга и Омо II, а в качестве несколько более ранних промежуточных звеньев эволюционной последовательности *Homo erectus — Homo sapiens* рассматриваются, как правило, черепа из Брокен-Хилл, Бодо, Ндуту, Нгалобы, Эяси, Кооби-Форы (KNM-ER 3884) и ряд других образцов (Rightmire 1978; Smith 1985; Brauer et al. 1997). Европейские материалы, по которым главным образом судили ранее о древности Homo sapiens, равно как и материалы из других районов земного шара, значительно уступают по возрасту перечисленным африканско-ближневосточным находкам. Конечно, нельзя исключить, что какие-то открытия далекого или даже близкого будущего изменят наблюдаемую сейчас картину, но если руководствоваться имеющимися данными, то следует признать, что неоантропы появились в Африке и непосредственно прилегающих к ней районах Азии гораздо раньше, чем где бы то ни было. Об этом же свидетельствуют и молекулярные данные.

Выше говорилось уже вкратце о биомолекулярных методах изучения филогенеза. Особую популярность среди них приобрело в 80-е годы сравнительное изучение митохондриальных ДНК. Как известно, основная масса молекул нуклеиновой кислоты сосредоточена в клеточном ядре, но некоторое количество их имеется и в митохондриях. Считается, что скорость мутирования в ДНК митохондрий выше, чем в ядерных, а кроме того, они наследуются исключительно по материнской линии. Обе эти особенности повышают их ценность для филогенетических исследований. С начала 80-х годов стало появляться все больше работ, в которых сравнивались последовательности нуклеотидов (многокомпонентные звенья цепи нуклеиновых кислот) в митохондриальных ДНК разных групп приматов, в том числе и людей. Было установлено, сначала на небольшом количестве выборок из разных расовых групп, что различия в этих последовательностях у людей очень невелики – гораздо меньше, чем у других видов живых существ. Это было истолковано как свидетельство того, что в эволюционной истории человечества сравнительно недавно имело место явление, называемое генетиками эффектом «бутылочного горлышка». Суть его состоит в том, что, если в какой-то период существования данного вида численность его представителей по тем или иным причинам резко сокращается до размеров небольшой популяции, насчитывающей десятки, или, может быть, даже лишь единицы особей, и если затем эта популяция каким-то чудом все же не вымирает, а наоборот, растет количественно, что приводит к восстановлению вида, то для последнего очень долго будет характерна весьма низкая степень генетического полиморфизма, близкая к той, какая была у популяции-основателя[16]. Американский генетик У.Браун одним из первых не только обосновал вероятность прохождения человечества через подобное же «бутылочное горлышко», но и попытался рассчитать, какой могла быть древность этого события. Согласно его оценке, оно случилось в промежутке между 360 и 180 тысячами лет назад (Brown 1980). Эта датировка, во многом зависящая от того, какая величина принимается за скорость мутирования в митохондриальных ДНК, неоднократно подвергалась сомнению, но результаты предпринятых впоследствии многочисленных новых исследований в целом подтверждают выводы, к которым пришел Браун.

В середине 80-х годов по меньшей мере тремя группами биологов в разных лабораториях Японии и США было установлено, что в строении ДНК митохондрий современное африканское население обнаруживает гораздо большую степень вариабельности, чем население остальных континентов. Это истолковывается в том смысле, что группа выходцев из Африки стала некогда предковой для всех нынешних жителей Земли, исключая лишь их родной континент, обитатели которого уже были к тому времени достаточно полиморфны в генетическом плане Было рассчитано и вероятное время миграции из Африки группы, ставшей тем самым «горлышком», из которого «вылилось» все современное население Европы, Азии и Нового Света – 100 тыс. лет назад или несколько раньше (Cann et al. 1987: 35, 1987a: 112). К аналогичным результатам примерно в то же время привел и анализ ДНК, содержащихся не в митохондриях, а в ядрах клеток (Wainscout et al. 1986: 491). В 90-е годы было опубликовано несколько статей, где данные молекулярной генетики истолковывались в пользу мультирегиональной теории (напр.: Ayala et al. 1994), но подавляющее большинство новых работ ставит такую интерпретацию под сомнение и подтверждает вывод об африканских корнях современного человечества (Stoneking et al. 1992; Harpending et al. 1993; Goldstein et al., 1995; Horai et al., 1995; Wills 1996). По заключению авторов одного из таких исследований, старый спор между мультирегионалистами и сторонниками единого африканского происхождения современных людей «утратил былую важность, поскольку все генетические данные благоприятствуют, как кажется, второй гипотезе» (Harpending & Relethford 1997: 368).

Таким образом, подводя итоги, можно констатировать, что наиболее древние останки Homo sapiens происходят из Южной и Восточной Африки (где с наибольшей полнотой представлены и переходные от *H. erectus* к *H sapiens* формы) и с Ближнего Востока, а, согласно биомолекулярным данным, все современное человечество ведет свою родословную от весьма мономорфной в генетическом плане и, следовательно, количественно сравнительно небольшой популяции, мигрировавшей некогда из Африки. Точное время этой миграции неизвестно, хотя на основе опять же биомолекулярных данных предполагается, что она произошла в интервале от примерно 90 до примерно 160 тысяч лет назад (Cavalli-Sforza et al. 1989; Stoneking et al. 1992; Goldstein et al. 1995; Horai et al. 1995). Возможно, эта широкая датировка фиксирует только период проникновения сапиентных африканских групп на Ближний Восток, явившийся первым и главным форпостом на пути их продвижения в заселенные гоминидами иных типов пространства Евразии. Расселение за пределы Ближнего Востока началось, судя по археологическим данным, не раньше 50-60 тысяч лет назад.

Примечания

[1] Общепринятый подход к определению состава отряда не выработан, и иногда к числу приматов относят еще и тупайю. Нет и единства во мнениях относительно количества и соотношения основных систематических единиц внутри отряда. Часто его делят не на три подотряда, а на два, причем в последнем случае это могут быть либо полуобезьяны (лемуры, лори, долгопяты) и обезьяны, либо стрепсирины (лемуры, лори) и гаплорины (долгопяты, обезьяны). Множество вариантов классификации существует и для более низких таксономических уровней.

[2] У Purgatorius, правда, эти черты выражены слабее, чем у других плезиадапид, и он, будучи наименее специализированной среди них формой, остается пока единственным сколько-нибудь перспективным кандидатом в предки всех приматов (Rose 1994/1995: 161).

[3] В отечественной литературе, особенно старой, термин «антропоиды» часто применялся, а иногда применяется и сейчас, для обозначения человекообразных обезьян. Однако, такое его употребление, хотя и находит некоторое оправдание в этимологии самого слова «антропоиды», неверно и ведет к путанице. Антропоиды – это все обезьяны вообще, а для отдельного обозначения человекообразных обезьян существует термин «гоминоиды».

[4] Принцип, лежащий в основе применяемых для этого методов, отчасти сродни тому, на котором базируются радиоизотопные способы датирования. Если в последних в качестве основы расчетов используется примерно одинаковая для больших промежутков времени скорость распада радиоактивных элементов (например, С14 – радиоактивного углерода), то в первых аналогичную роль играют так называемые нейтральные мутации в белках и ДНК, которые, как предполагается, не имеют селективного значения и распределяются во времени (конечно, речь о достаточно длительных его отрезках) более или менее равномерно. Если это так, то, сравнивая посредством различных, весьма изощренных, методик строение гомологичных белков и нуклеиновых кислот у разных групп организмов, можно судить о степени их родства, а при наличии надежных палеонтологических реперов, или при известной скорости мутирования, даже и о примерном времени расхождения от общего предка. Конечно, биомолекулярные методы филогенетических исследований нельзя считать абсолютно надежными и самодостаточными, они должны использоваться лишь наряду и в тесной связи с традиционными палеонтологическими и прочими методами. Однако, как показывает опыт, в том, что касается эволюции приматов (включая гоминид), биомолекулярный и палеонтологический анализ дают, как правило, вполне сопоставимые результаты.

[5] Иногда его называют еще грекопитеком (*Graecopithecus*).

[6] Для полноты картины следует упомянуть еще весьма экзотическую гипотезу, согласно которой шимпанзе и горилла являются потомками австралопитеков, вторично приспособившимися к четвероногости (Edelstein 1987; Verhaegen 1990, 1994).

[7] Коренной зуб из Лукейно, возрастом от 5.5 до 6 млн. лет, мог принадлежать общему предку шимпанзе и гоминид (Hill 1994: 131).

[8] О близости макроструктуры мозга австралопитековых форм к таковой современных человекообразных обезьян еще 40 лет назад писала В.И.Кочеткова (1961:16). Изучая слепки эндокранов гоминид она пришла к выводу, что их поверхность у ископаемых, относимых к роду *Homo*, имеет, как правило, резко выраженный рельеф (поскольку мозг в процессе антропогенеза увеличивался неравномерно), а у австралопитека эндокран «округл, равномерно выпукл и не имеет участков, заметно возвышающихся над остальными» (там же). Хотя в свете новых данных последнее обобщение, возможно, нуждается в некотором уточнении, общий вывод остается в силе.

[9] В литературе могут встретиться сообщения об австралопитеках с объемом мозга около 600 см^3, но они не пользуются доверием большинства специалистов и являются, видимо, результатом ошибочной реконструкции черепной коробки.

[10] Недавно обнаруженная в центре восточной Сахары (Чад) челюсть гоминида возрастом от 3 до 3.5 млн. лет послужила основанием для выделения еще одного вида, названного *Australopithecus bahrelghazali* (Brunet et al 1996), хотя при первом описании этой находки отмечалось ее морфологическая близость к *A. afarensis* (Brunet et al. 1995: 273). Кроме того, как вид австралопитека рассматривают иногда и рамидуса, включая его вместе с челюстью из Табарин в один таксон: *A. praegens* (по Johanson & Edgar 1996: 40).

[11] Дольше других существовали «массивные» австралопитеки, самые поздние представители которых жили, возможно, еще миллион лет назад (Kimbel 1995: 428-429). Их исчезновение объясняют либо неблагоприятными климатическими изменениями (аридизация), либо конкуренцией со стороны более развитых гоминид, либо же вымиранием саблезубых тигров, которые до этого хотя и охотились на австралопитеков, но в то же время ограждали их от других хищников, более многочисленных (Klein 1988).

[12] Поэтому, кстати, совершено бесполезно искать какие-то анатомические критерии (типа «мозгового Рубикона»), якобы разрешающие пресловутую проблему грани.

[13] Между тем, именно анализ описания черепа KNM-ER 1470 стал основанием для выделения *rudolfensis* в качестве особого вида. Первоначально этот вид был назван «питекантропом рудольфским» — *Pithecanthropus rudolfensis* (Алексеев 1978: 31).

[14] Исключением в этом отношении являются, возможно, остатки гоминида (хорошо сохранившаяся челюсть и некоторые другие кости), найденные в Дманиси (Грузия), для которых предполагался возраст порядка 1,6-1,8 млн. лет. Правда, детальный анализ показал, что, вопреки первоначальному выводу о весьма архаичном морфологическом облике челюсти, близком якобы к *H. ergaster* (Gabunia & Vekua 1995), она, скорее, должна сопоставляться с поздними *H. erectus* (Brauer & Schultz 1996), да и датировка явно нуждается в уточнении в сторону омоложения (Bar-Yosef 1994: 228; Dennell & Roebroeks: 539), но все же древность около и даже более 1 млн. лет вполне вероятна.

[15] Мультирегионалисты являются сторонниками максимального расширения границ вида Homo sapiens, полагая, что в него следует включать не только неандерталоидов, но и питекантропин (Thoma 1973; Jelinek 1980; Wolpoff et al. 1994). Это, по мысли сторонников подобных номенклатурных новаций, должно отразить и подчеркнуть тесную генетическую связь населения разных районов Земли с местными популяциями

Homo erectus и, тем самым, укрепить позиции мультирегиональной теории происхождения людей современного физического типа.

[16] Подобная ситуация могла иметь место, например, в истории африканских гепардов, десятки тысяч современных представителей которых ведут, возможно, свою родословную, всего от 6-7 особей, бывших некогда свидетелями жестокого кризиса в истории этого подвида и переживших его. В сравнительно недавней человеческой истории эффект «бутылочного горлышка, видимо, имел место при заселении Полинезии, все современное коренное население которой происходит, как полагают проводившие соответствующие исследования генетики, от очень небольшого числа женщин-прародительниц (возможно, всего трех), прибывших на острова 1-3 тысячи лет назад с группой древних мореплавателей (Ferry 1998).

Глава III. *Антропогенез и различные теории эволюции*

Как явствует из предыдущей главы, палеонтологический материал, будучи расположен в хронологической последовательности, позволяет достаточно хорошо проследить, какие изменения претерпели наши предки на протяжении кайнозойской эры, как маленький насекомоядный зверек, по уровню интеллекта уступавший кошке (да не примут кошки это сравнение себе в обиду), превращался постепенно в крупное всеядное существо со сложнейшим мозгом и совершенно специфическим образом существования. Все это – результат эволюции. Однако, зафиксировать и описать основные вехи эволюционного процесса — еще не значит понять его. Для этого необходимо объяснить, в чем причина имевших место изменений, почему и каким образом они происходили, каков был механизм их осуществления. Возможно, кому-то покажется, что никакой проблемы здесь нет, поскольку искомое объяснение дает всем известная еще со школьных лет эволюционная теория. На деле, однако, эволюционная теория лишь утверждает сам факт эволюции, или изменчивости органического мира во времени, тогда как относительно механизма этого процесса существуют самые разные, часто несовместимые в рамках единой теории, точки зрения. Таким образом, хотя эволюционная теория одна, теорий эволюции несколько, и выбор между ними не прост. Тем более, повторюсь, он не прост, когда речь идет о таком явлении, как эволюция человека.

Например, в отечественной литературе об антропогенезе весьма важное место занимало до недавнего времени обсуждение вопроса о том, как правильней понимать слова Ф.Энгельса, что «труд создал человека». Многие авторы, не обращая внимания на сделанную самим Энгельсом оговорку («...мы *в известном смысле* должны сказать: труд создал самого человека» (Энгельс, 1975 [1896]:144), курсив мой, Л.В.), воспринимали и истолковывали цитированное выражение буквально и, как следствие этого, отрицали значение биологических факторов, в том числе и естественного отбора, или отводили им третьестепенную роль. Одним из аргументов в пользу такой точки зрения служила ссылка на то, что Энгельс явно признавал наследование приобретенных признаков, и именно оно, а не естественный отбор имеется в виду в его единственной работе, посвященной происхождению человека («Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека»)[1]. Другие исследователи, по роду научной деятельности или времени ее протекания менее связанные необходимостью сообразовывать свои взгляды с высказываниями классиков, возражали против столь прямолинейной трактовки «трудовой теории». Они отстаивали мысль, что движущей силой биологической эволюции человека был естественный отбор, через посредство которого осуществлялось и воздействие трудовой деятельности на этот процесс. Знаменитое же высказывание Энгельса предложили в конце концов рассматривать как метафору (Алексеев, 1975: 22-23), каковой оно, несомненно, и является в действительности[2].

Сейчас во всех течениях биологической мысли, где признается сам факт эволюции или необратимого изменения органических форм во времени, признается и участие в этом процессе естественного отбора. Однако, в разных теориях ему отводится разная роль. Наибольшее значение придают ему сторонники синтетической теории эволюции (СТЭ) – теории, которая за годы своего существования бессчетное количество раз объявлялась окончательно ниспровергнутой, но все же по сей день остается самой влиятельной и пока не имеет сколько-нибудь конкурентоспособных соперниц (ее часто называют еще «современным дарвинизмом» или прямо «селектогенезом»). Согласно СТЭ, естественный отбор, работая как сито, через которое процеживаются особи, а в конечном счете генетический материал, служит главной движущей силой эволюционного процесса. Ситом отбора управляет среда, в нем удерживается лишь то, что она приемлет. Именно среда – фактор нестабильный, подверженный разного рода изменениям, иногда колебательным, а иногда идущим в одном направлении, диктует необходимость эволюционных преобразований и во многом влияет на их характер. Все виды живых существ – от простейших до самых сложных – должны были приспосабливаться к тем условиям, в которых им приходилось существовать, а в случае изменения этих условий – приспосабливаться к новым. Единственное же существенное отличие эволюции гоминид от эволюции других групп организмов заключается, вероятно, в том, что нашим предкам приходилось приспосабливаться не только, а с известного момента и не столько к естественной среде, сколько к среде искусственной, которая сама возникла и развивалась как средство адаптации. Эта искусственная среда, к которой спе-

циализирован наш вид, называется культурой, и именно ей человек обязан своим существованием. Крупный и сложный мозг, способные к многообразным манипуляциям верхние конечности и ряд других, свойственных только людям анатомических признаков — все это результат действия отбора в направлении, диктовавшемся культурой (см. напр.: Hiernaux 1981), которая, таким образом, будучи созданием человека, была в то же время и его «творцом».

Другие теории эволюции выдвигают на первый план иные факторы (прямое влияние среды, развертывание изначально заложенных задатков, макромутации, направленное мутирование и т.д.), оставляя за отбором в лучшем случае лишь стабилизирующую функцию[3]. Сфера приложимости таких теорий, как правило, довольно ограничена, но они полезны уже хотя бы тем, что заставляют вносить коррективы в СТЭ и служат, таким образом, развитию последней. Вообще история биологической мысли знает уже немало случаев, когда факты, первоначально считавшиеся противоречащими селектогенезу, в конце концов находили свое место в рамках этой теории, не разрушая, а только дополняя и обогащая ее. Самым известным и показательным примером такого рода является осуществленный в начале нашего века синтез генетики, популяционной биологии и учения о естественном отборе, долгое время казавшихся многим исследователям несовместимыми, взаимоисключающими. Этому событию СТЭ обязана своим названием, которое она вполне оправдывает и сегодня.

Не исключено, что одним из наиболее значительных и трудно усваиваемых «ингредиентов», которые синтетической теории предстоит «переварить» уже в ближайшем будущем, станет явление направленного мутирования. Эта тема все активней обсуждается сейчас в биологической литературе (Красилов 1986: 64-73; Sarkar 1991; Lenski, Mittler, 1993; Jablonka & Lamb 1995; Jablonka & Szathmary 1995), и, если существование направленных – в адаптивном смысле – мутаций будет доказано, то придется пересмотреть один из основных постулатов СТЭ – тезис об исключительно случайном характере наследственной изменчивости. Такой пересмотр, в свою очередь, повлечет ряд других изменений в господствующей теории (Jablonka & Lamb 1995: 287), но вряд ли приведет к ее падению. Скорее, это лишь увеличит ее объяснительную силу. Однако, если даже существование направленной изменчивости не подтвердится, это ни в коем случае не будет означать, что эволюция вообще лишена направленности.

Примечания

[1] Наследование приобретенных свойств признавали в качестве одного из механизмов эволюции и такие современники Энгельса, как Спенсер, Геккель и даже сам Дарвин, что, однако, ничуть не умаляло в их глазах значение естественного отбора.

[2] Интересно, что теперь об этом обстоятельстве забывают уже не приверженцы так называемой «трудовой теории», а ее многочисленные ниспровергатели, растрачивающие, таким образом, свой пыл на борьбу с ветряными мельницами.

[3] Иногда в подобных воззрениях присутствует и даже преобладает тенденция рассматривать в качестве основной причины эволюции некую непознанную или непознаваемую, внутреннюю или внешнюю по отношению к организмам силу, ведущую их по пути все большего совершенствования, но доказать наличие, а тем более объяснить природу такой силы, практически, невозможно, и главным аргументом в пользу ее существования неизменно служат не столько позитивные доводы, сколько ссылки на те или иные слабые места в теории селектогенеза.

Глава IV. *Направленность эволюции*

«Сквозь рты, желудки, пищеводы,
Через кишечную тюрьму
Лежит центральный путь природы
К благословенному уму»

Н.Заболоцкий. «Деревья».

С.В.Мейен, посвятивший специальную статью теме, обозначенной в заглавии этого раздела, писал, что антиномия направленность – ненаправленность (эволюции), пришедшая на смену антиномии фиксизм (неизменность живых существ) – трансформизм (изменение форм живого во времени), является основной для последарвиновской биологии (Мейен 1975). Действительно, написано о занимающей нас здесь проблеме очень много, она давно и с неослабевающим интересом обсуждается биологами и философами. Правда, порой создается впечатление, что споря о направленности эволюции, разные авторы спорят на самом деле о разных вещах – одни доказывают векторизованность этого процесса в целом и/или в отдельных линиях, другие отстаивают его полную или частичную предопределенность, третьи отвергают предначертанность, — но в большинстве случаев речь все же идет именно о предопределенности, детерминированности хода эволюции естественными факторами, о степени, причинах и самом существовании таковой. Понятая таким образом, проблема направленности имеет два достаточно независимых аспекта. Ее можно ставить либо как вопрос о степени предопределенности преобразований в конкретных филогенетических линиях, либо же как вопрос

о направленности развития жизни на Земле в целом, т.е. о наличии определенной устремленности этого процесса. Оба этих аспекта имеют к нашей теме самое непосредственное отношение, и, не решив их для себя, двигаться дальше было бы невозможно. Рассмотрим сначала более частный – первый – вопрос, а затем перейдем к более общему — второму.

Биологи, категорически отвергавшие какую бы то ни было предопределенность преобразований, наблюдаемых в развитии различных групп организмов, ссылались, как правило, на случайный, ненаправленный характер наследственной изменчивости (мутаций), утверждая, что ход эволюционного процесса определяется лишь влиянием внешней среды, от которого зависит направление действия отбора, и что поэтому эволюционные изменения «никогда и ничем не бывают предрешены» (Быстров 1957). Иногда выразителей таких взглядов называют ортодоксальными дарвинистами, а их точку зрения приписывают дарвинизму вообще (Воронцов 1980: 303), хотя, если считать дарвинистом самого Чарлза Дарвина, то здесь не обойтись без оговорок. Основоположник ныне господствующей теории эволюции в работе «Изменения животных и растений в домашнем состоянии» заявил на этот счет буквально следующее: «Хотя всякая вариация бывает прямо или косвенно вызвана какой-нибудь переменой окружающих условий, мы никогда не должны забывать, что *природа той организации, которая подвергается влиянию, есть фактор гораздо более важный для результата*» (курсив мой. Л.В.). Мы видим это, когда различные организмы, помещенные в сходные условия, изменяются в разном направлении, тогда как близко родственные организмы при несходных условиях часто развиваются приблизительно одинаково» (Дарвин 1951: 770). Таким образом, Дарвин утверждает, что предшествующая история эволюционирующей группы не может не влиять, причем достаточно серьезно, на ее дальнейшее развитие, и что ход эволюции, следовательно, в какой-то мере естественным образом предопределен.

Эту мысль сейчас разделяет большинство биологов. Она получила развитие в специальных исследованиях, утвердилась в учебниках. Примечательно, что большую, если не решающую, роль сыграло в ее признании широкое распространение в природе такого явления, как параллелизмы, о которых и идет речь в цитированном отрывке из работы Дарвина («близко родственные организмы при несходных условиях часто развиваются приблизительно одинаково»). Правда, и здесь не обошлось без крайностей. Если одно полностью отрицали направленность эволюции, то другие стали возводить ее в абсолют. Выдающийся зоолог и географ Л.С.Берг, опубликовавший 80 лет назад самую обширную для своего времени сводку данных, противоречащих, как он считал, теории Дарвина, изложил в этой же книге свою теорию эволюции («номогенез»), согласно которой естественный отбор вообще не играл в развитии органического мира сколько-нибудь заметной «творческой» роли, а ход эволюции видов был запрограммирован в химическом строении белков первых организмов (Берг 1977 [1922]: 116). Все дальнейшее развитие было, по его мнению, постепенным развертыванием изначально заложенных задатков. Однако при такой трактовке, получившей название филогенетического преформизма, остается совершенно необъяснимым приспособительный характер эволюции, сопряженность изменений организмов с изменениями среды их обитания.

В действительности эволюционирующая система всегда имеет в перспективе какой-то более или менее широкий спектр возможных направлений развития, и выбор одного из них зависит как от состояния самой системы (внутренние факторы), так и от характера требований среды (внешние факторы). Внутренние факторы, или, как писал Дарвин, «природа той организации, которая подвергается влиянию», лишь канализируют, то есть вводят в определенное русло процесс эволюционных преобразований, а не предопределяют их абсолютно жестко и однозначно. Вместе с тем, степень предопределенности может со временем возрастать. Сколь бы ни было широко «русло» возможных преобразований, оно все же имеет свои «берега», которые, по мере движения эволюционного процесса от «истока» к «устью», скорее всего, не расширяются, как берега реки, а, напротив, сужаются. Иначе говоря, можно думать, что направленность эволюции становится все более и более выраженной в том смысле, что с повышением сложности и уровня организации эволюционирующей системы происходит сужение спектра возможных и действительно осуществляемых направлений ее дальнейшего развития.

Представим себе условную группу организмов, находящихся еще на стадии, скажем, протобионтов (доклеточных), то есть на самой начальной ступени эволюции живого. Спектр потенциально доступных путей дальнейшего развития здесь огромен (хотя и не безграничен, вследствие наличия запретов, проистекающих, например, из ограничений в изменениях биохимических элементов и структур (Голдовский 1974)), как минимум он включает все известные царства живой природы с их представителями. Для групп организмов, находящихся на все более и более высоких ступеньках эволюционной лестницы, спектр возможных направлений дальнейшего развития будет все более и более сужаться, уже хотя бы в силу необратимости эволюции, а главное — в силу того, что при усложнении биологической системы, сопровождаемом ростом числа признаков, количе-

ство разрешенных их комбинаций растет медленнее, чем количество комбинаций запрещенных (Заварзин 1969: 35). Любое новое эволюционное приобретение, таким образом, в какой-то мере ограничивает дальнейшее развитие, одни его варианты делая более вероятными, а другие отсекая. Чем больше таких приобретений, тем больше и ограничений.

Для обозначения рассматриваемого явления необходим специальный термин. В качестве такового можно использовать, например, встречающееся в литературе понятие «спектр эволюционных потенций» (Иорданский 1994: 102) и говорить о сужении этого спектра в ходе эволюции жизни. Есть и другой вариант. Подобно тому, как при изучении онтогенеза (индивидуального развития) говорят о норме реакции данного генотипа, подразумевая под этим пределы возможной для организма ненаследственной модификационной изменчивости, так для филогенеза можно говорить о «филогенетической норме реакции». Филогенетическая норма реакции – это спектр потенциально возможных для данной группы при данном ее состоянии направлений дальнейшего развития. Она тем уже, чем выше и сложнее организация, достигнутая этой группой.

Описанный процесс имеет множество аналогий в областях далеких от биологической эволюции. Его можно сравнить, например, с шахматной партией. Как известно, число возможных вариантов игры, практически, безгранично. Однако каждый сделанный ход подталкивает развитие событий на доске в определенном направлении. Разыграв королевский гамбит, вы уже вряд ли получите в дебюте позицию, характерную, скажем, для сицилианской защиты. Чем дальше идет партия, тем больше сокращается число возможных в ней вариантов игры, а наиболее точных, подчас просто единственных, ходов требует от соперников, как правило, эндшпиль. Сходным образом происходит в процессе жизни человека развитие его характера, которое подчинено принципу, названному Э.Фроммом «принципом скользящего масштаба». «Начиная жизнь с набором некоторых качеств, индивид предрасположен двигаться в определенных направлениях. На первых порах личность еще является достаточно гибкой и способна меняться в заданных этим набором пределах. Но с каждым шагом выбор становится все меньше, круг возможностей все сужается. <…> В конце концов перспектива развития становится настолько узкой, что перемену может вызвать, казалось бы, только чудо» (Фромм 1991 [1977]: 106-107).

Число примеров такого рода можно умножить, но в этом нет необходимости. Они не доказывают реальность явления нарастания направленности эволюции, а лишь помогают лучше понять его суть. В качестве доказательства же можно в данном случае опереться не на отвлеченные рассуждения и вольные сравнения, а на факты. Если сужение спектра возможных направлений развития действительно происходит по мере усложнения эволюционирующей системы, то следует ожидать, что для тех филумов, эволюционная история которых достаточно хорошо изучена, будет наблюдаться наступающая после первичной адаптивной радиации тенденция к сокращению таксономического разнообразия. Палеонтологические данные, имеющиеся для ряда групп высокого ранга (отряды, семейства), занимающих разные экологические ниши (морские беспозвоночные, наземные млекопитающие), подтверждают эти ожидания. Кладограммы, построенные для таких групп, имеют, как правило, максимальное расширение в нижней, «придонной» части, то есть наибольшее разнообразие приходится на ранние этапы истории высокоранговых таксонов, а затем начинается его сокращение (Gould et al. 1987). Вполне соответствует вытекающим из рассматриваемой гипотезы ожиданиям и тот факт, что все известные типы организмов, то есть все основные планы их строения и организации, сформировались уже к началу либо в начале фанерозоя, «эры активной жизни» (от примерно 600 млн. лет назад до наших дней), когда живая природа методом проб нащупала наиболее эффективные и притом кардинально расходящиеся пути развития, т.е. филогенетические пути (Соколов 1976: 129). Это означает, что наименьшая канализированность хода эволюции была характерна для ее самых ранних этапов, когда не был еще накоплен большой груз внутренних потенций, и инерция прошлого сравнительно мало влияла на выбор пути в будущем.

Мысль о сужении в ходе эволюции спектра эволюционных потенций, в каких бы терминах ее не формулировать, по своей сути не нова. Он перекликается не только с воззрениями современных биологов, но и с некоторыми довольно старыми теориями. В частности, еще в конце прошлого века профессор Моденского университета Д.Роза писал, что все формы, по мере своего удаления в процессе эволюции от примитивных стволов, испытывали уменьшение изменчивости. На итальянского ученого, сочувственно излагая его взгляды, ссылался позже Л.С.Берг. Однако, в книге Роза, как и в работах русского естествоиспытателя Н.Г.Воронова, развивавшего сходные мысли еще раньше, речь идет об истощении со временем самого потенциала изменчивости, способности видов к ней, что вряд ли верно. Сужение спектра направлений дальнейшего развития происходит в процессе эволюции не потому, что организмы якобы утрачивают способность репродуцировать потомство, уклоняющееся от предковых форм, а потому, прежде всего, что в определении направления эволюции изменяется соотношение внешних и внутренних факторов – изменяется

в пользу последних. Их роль постепенно, по мере развития организмов и их сообществ возрастает, а вместе с ней возрастает и степень детерминированности, естественной предопределенности хода эволюционного процесса.

Так обстоит дело с первым из двух выделенных выше аспектов проблемы направленности эволюции. Он, однако, гораздо менее важен для нашей главной темы, чем второй аспект. Ведь та направленность, о которой речь шла до сих пор, объясняет лишь векторизованность развития в конкретных филогенетических линиях, безотносительно к тому, каковы итоги этого развития. По-прежнему неясно, можно ли говорить о предрасположенности эволюции к созданию каких-то определенных форм организации живой материи. Считать ли, в частности, возникновение человека результатом игры слепого случая, осуществлением одной из множества примерно равновероятных возможностей, или, напротив, проявлением некоей общей тенденции в эволюции живого, следствием ее объективной устремленности к созиданию сознания и разума?

Чтобы ответить на эти вопросы, вернемся сначала к мысли, высказанной абзацем выше, – мысли об изменении соотношения внешних и внутренних факторов в определении направления эволюции. О том, что роль внутренних потенций нарастает по мере того, как происходит усложнение форм живого, здесь уже говорилось. Однако, у этого явления есть и вторая сторона, а именно – ослабление влияния внешних для эволюционирующей системы факторов на ее развитие. Об этом, главным образом, и пойдет речь дальше.

С самого момента своего возникновения жизнь на Земле должна была приспосабливаться к внешним условиям существования. Эти условия в силу нестабильности абиотических (т.е. связанных с неживой природой) факторов и нарастающей экспансии самой жизни (размножение организмов, появление все новых и новых их разновидностей) постоянно менялись. Изменения среды влекли за собой изменения связанных с ней форм живого, а поскольку последние сами являются одной из составляющих среды, то это, по принципу обратной связи, делало неизбежными дальнейшие преобразования. «Вечный двигатель» эволюции, известный в биологической литературе под названием закона Красной королевы (той, которая должна была «бежать, чтобы оставаться на месте» в своей Стране Чудес), появился вместе с жизнью и работал без перебоев.

Среда, однако, не просто менялась — она усложнялась. Экспансия жизни, нарастание плотности ее физической массы требовали освоения все новых экологических ниш, новые виды должны были приспосабливаться ко все более сложным и разнообразным условиям. Таким образом, обратная связь осуществлялась и здесь: усложнение среды вело к усложнению организмов и их сообществ и наоборот. Вследствие этого неизбежно росла экологическая пластичность жизни, естественный отбор благоприятствовал формам, которые, благодаря особенностям их морфологии, физиологии и поведения имели сравнительно больший запас прочности, были надежнее застрахованы от разного рода неприятных сюрпризов, связанных с изменениями условий существования. Такие формы не только получали больше шансов на выживание, они – и это, пожалуй, главное – платили за него меньшую цену, их существование (идет ли речь о популяции, подвиде или виде) обеспечивалось меньшим числом смертей отдельных особой. Все более выраженной становилась, таким образом, объективная устремленность живого к самосохранению и, как следствие этого, к автономизации, усилению независимости от среды – источника непредвиденного.

Рассуждая таким образом, логично сделать вывод, что направленность эволюции присуща не только конкретным, отдельно взятым линиям развития органического мира, где она обуславливается прогрессирующим сужением филогенетической нормы реакции, но и живой природе в целом. Живое естественным образом предрасположено к самосохранению, а единственная гарантия такового – повышение устойчивости против разного рода негативных внешних воздействий. Поэтому развитие в сторону автономизации от среды может рассматриваться как стратегия жизни, как «магистральное» (хотя и не единственное) направление эволюции форм живого[1].

Каким же путем достигалась все большая независимость от условий существования, устойчивость к их переменам? Естественно, большую роль здесь играло морфологическое и физиологическое совершенствование организмов, накопление ими все новых черт строения, способствовавших повышению экологической пластичности и могущих послужить как бы щитом от негативных внешних воздействий, связанных с нестабильностью среды. В ряду таких усовершенствований стоят, например, обретение костного скелета позвоночными или постоянной температуры тела млекопитающими и множество других, в том числе гораздо менее масштабных, приспособлений. Вместе с тем, очевидно, что следование по пути наращивания лишь чисто физиологических и морфофункциональных приспособлений было бы неэффективно и не имело перспективы: ведь успех в борьбе за выживание зависит не только от количества и качества сугубо соматических средств защиты, но и от того, насколько удачно они используются. Иными словами, сколь бы изощренно ни был организм «оборудован» в анатомо-физиологическом плане, без должным образом организованного поведения

он обречен на быструю гибель.

У наиболее примитивных, простейших организмов поведение жестко детерминировано генетически и потому однообразно, непластично. В его основе — набор стандартных реакций, которые проявляются лишь при непосредственном воздействии того или иного раздражителя. Адаптивный потенциал такого поведения очень невелик, и потому за приспособление к меняющимся условиям существования, к новым, не предусмотренным генетической программой требованиям среды приходится платить огромную цену (жизнями мириадов и мириадов особей). Напротив, достаточно широкий диапазон поведенческих реакций может обеспечить сравнительно быструю и безболезненную адаптацию даже в крайне нестабильных условиях. Более пластичное поведение предполагает, прежде всего, перспективную оценку жизненно важных параметров среды, способность к предвидению и, соответственно, предварению внешних воздействий. Это, в свою очередь, требует интенсификации обмена информацией со средой. Чем больше информации может извлечь и обработать тот или иной организм, чем лучше он сориентируется в настоящем и будущем, тем более адекватным, целесообразным будет его поведение, и тем, следовательно, выше вероятность, что в изменяющихся условиях существования он не станет жертвой «непредвиденных обстоятельств».

Один из путей повышения пластичности поведения – расширение соответствующих генетических программ. Однако, такое расширение способно дать лишь весьма ограниченные возможности: оно предполагает строго определенный круг решений для столь же строго определенного круга задач. Максимально возможную степень независимости от среды обеспечивает иной путь, который оказывается поэтому более эффективным и перспективным. Суть его в том, что по мере усложнения форм живого все возрастающую роль в организации поведения начинает играть информация, получаемая и фиксируемая не генетически, а благодаря памяти и опыту данной особи и заимствованию опыта у ей подобных (через научение, подражание, припоминание). Именно на этом пути совершается становление сознания, а затем и разума. Ведь сознание — это, в сущности, и есть способность к внегенетическому и притом немеханическому, активному, избирательному усвоению информации, а разум — его высшая форма, когда способность к фиксации опыта дополняется способностью к мышлению, т.е. к анализу наличной информации и выходу, в результате такого анализа, за ее пределы (об определении мышления см. напр.: Коул, Скрибнер 1977:178).

Понятно, что повышение пластичности поведения вообще и развитие сознания, в частности, было бы невозможно без совершенствования органов восприятия и управления (нервная система, мозг), для чего требовалась соответствующая анатомическая основа (hardware). Поэтому более гибкое, вариабельное поведение, большую степень «психизма» (software) демонстрируют, как правило, более сложные в морфофизиологическом плане организмы. «Можно сказать, что концентрация сознания изменяется обратно пропорционально простоте материального соединения, которое оно сопровождает. Или, иначе, сознание тем совершеннее, чем более сложное и лучше организованное материальное строение оно сопровождает» (Тейяр де Шарден 1987[1956]:58). Поскольку же усложнение эволюционирующих систем влечет за собой нарастание направленности их дальнейшей эволюции, то устремленность живой природы к созиданию сознания и разума становится все более определенной. Ее можно рассматривать как главную тенденцию в истории органического мира, тенденцию, в рамках которой жизнь нашла наиболее радикальное средство автономизации от среды и наиболее эффективный способ самосохранения[2].

Примечания

[1] Это направление вполне правомерно называть прогрессивным. Ведь прогрессом мы считаем, попросту говоря, движение от худшего к лучшему, а для жизни хорошо (прогрессивно) то, что способствует борьбе со смертью и, соответственно, утверждению самой жизни. На первый взгляд может показаться, что при таком определении прогрессивными следует считать и многие группы, остановившиеся или деградировавшие в своем развитии, но достигшие при этом, подобно различным паразитам, высокой численности; однако на самом деле подобные формы олицетворяют собой не наступление жизни, а компромисс со смертью, приспособление к ней. Носитель жизни – отдельный организм – здесь ничто: группа за свое существование платит огромной смертностью, компенсируемой бешеными темпами размножения. Производство энтропии возрастает, тогда как в действительно прогрессивно развивающихся системах оно должно сокращаться, что и происходит при увеличивающейся независимости от среды и сопутствующем ей повышении выживаемости отдельной особи. «Когда сообщают, — пишет В.В.Красилов, — что после пронесшегося тайфуна пляж покрыт толстым слоем гниющих водорослей, погибли тысячи выброшенных на берег рыб и сотни птиц, несколько человек получили ранения — им оказана медицинская помощь, то эти цифры сами по себе характеризуют прогресс». «Направленность прогресса, — заключает он, — сохранение каждого живого существа», и эта направленность «становится все более явной от этапа к этапу» эволюции органического мира (Красилов 1986: 86 и след.).

[2] Этот вывод не оригинален, и найти его можно не только в знаменитой книжке Тейяра де Шардена, но и во многих других работах. Весьма четкую формулировку дает, например, Н.Н.Моисеев, по мнению которого возникновение разумных форм жизни «диктуется всей логикой развития живой материи» (Моисеев 1982:113). А французский генетик Ф.Л'Эритье рискнул даже утверждать, что, «если бы существовал некий наблюдатель, который с самого начала знал бы о возможностях, открытых макромолекулярным механизмом для воспроизводства и передачи информации, осуществляемых игрой нуклеиновых кислот, он, без сомнения, мог бы предвидеть, что процесс усложнения материи, начавшийся на Земле около четырех миллиардов лет тому назад, приведет в конце концов к возникновению психики типа человеческой» (Л'Эритье 1970:32).

Глава V. *«Пусковой механизм» антропогенеза*

«Почему именно обезьяна, а не какая-нибудь другая хитрая, разумная тварь (дельфины!) сделала это? Что должно было произойти внутри существа, перескочившего через пропасть? Почему миллиардолетняя эволюция только в этот момент, на этой стадии соединила живую и неживую природу? Какова «формула», приведшая к этому соединению: вес мозга? двуногость? энергетика?»

Н.Эйдельман «Ищу предка».

Если резюмировать все сказанное в предыдущей главе одной фразой, то она будет звучать так: жизнь предрасположена к сознанию и разуму постольку и настолько же, поскольку и насколько она предрасположена к самосохранению, к продолжению самой себя. Однако неверно было бы истолковывать это утверждение как попытку обосновать предопределенность появления на Земле человека. Предрасположенность земной природы к созиданию сознания и разума не означает предрасположенности к созиданию именно людей в качестве носителей этих свойств. Конечно, тот факт, что именно приматы, или, точнее сказать, гоминоиды оказались «на острие прогресса» имеет свои причины, но в принципе вполне допустимо, что при несколько ином развитии геологических или, скажем, астрономических процессов первыми в движении к мысли могли оказаться какие-то иные существа.

Сколь бы естественным и само собой разумеющимся ни казался нам тот факт, что именно человек и его предки стали носителями высших форм сознания и культуры, он все же нуждается в объяснении. Ничто не дает оснований думать, что такой ход событий был единственно возможным. Сознание так или иначе должно было нарастать, но конкретные формы протекания этого процесса не были предопределены (см. об этом напр.: Пономаренко 1972; Моисеев, Поспелов 1990). В программу развития природой «закладывалась» тенденция, но не конечное состояние, не результат, который, помимо исходных условий, зависел от множества привходящих причин, от обстоятельств, выступающих по отношению к земной биоте как внешние, случайные.

В качестве одной из такого рода случайностей довольно часто рассматривают сейчас, например, вымирание динозавров, которые были, возможно, «первыми претендентами на продвижение в категорию мыслящих существ» (Будыко 1990:16). Некоторые исследователи, объясняющие исчезновение крупных ящеров в конце мелового периода катастрофой космического происхождения, допускают, что, не произойди этот катаклизм, нарушивший естественный, органичный ход развития земной природы, то нашей планетой сейчас владели бы ящеры, и разум появился бы не в своей нынешней материальной оболочке, а в мозгу каких-то из этих животных, например, целурозавров (Russell & Seguin 1982, по: Татаринов 1987:186-188; см. также Саган 1986:140; Моисеев, Поспелов 1990:6). Конечно, это не более чем гипотеза, к тому же гипотеза непроверяемая, но в принципе в ней нет ничего невероятного, и она прекрасно иллюстрирует идею потенциальной многовариантности эволюционной истории.

По-видимому, в «гонке» к разуму было несколько участников, имевших при определенном стечении обстоятельств некоторые шансы завоевать главный приз. Кроме отдельных видов динозавров и млекопитающих в их числе называют иногда еще головоногих моллюсков и некоторые другие формы. Однако, победитель гонки давно уже известен, а его соперники либо все еще в пути, либо, что более правдоподобно, сошли с дистанции. Наверно, нам повезло, что финишную черту пересекли первыми именно наши предки. Но почему и, главное, благодаря чему им удалось это сделать?

1. Культура и карьера шимпанзе

«Ни одно животное не умеет обращаться с инструментами. Что поделаешь, животные — они и есть животные, таков закон природы. Правда, я видел в Байтензорге обезьяну, которая умела открывать ножом... жестянку с консервами. Но обезьяна, сэр, какое же это животное! Недоразумение одно».

К.Чапек. «Война с саламандрами»

Как уже говорилось выше, единственное существенное отличие эволюции гоминид от эволюции других групп организмов заключается в том, что в первом случае направление процесса определялось не только, а с известного момента и не столько естественной средой, сколько средой искусственной, культурной. Теперь пришло время попробовать разобраться в том, почему это произошло, а для этого сначала надо договориться о том, что будет пони-

маться далее под культурой. Речь пойдет, разумеется, о культуре в самом широком смысле.

Несмотря на чрезвычайное многообразие предлагавшихся расшифровок интересующего нас понятия, существует, на мой взгляд, всего лишь два основных подхода к его определению. Один из них – традиционный — заключается в том, что культуру, прежде чем определить, что это такое, заранее уже рассматривают как нечто специфически человеческое, нечто, появляющееся и существующее только вместе с человеком (White 1959:8; 1959a; Маркарян 1969:61, 1983:86; Каган 1974:188). В этом случае определение культуры фактически сводится к определению специфики человеческого поведения, к поискам того, что отличает его от поведения всех остальных живых существ, и, следуя этим путем, многие авторы, естественно, приходят к выводу о невозможности определить культуру иначе, кроме как через символизм (White, 1959:181; Geertz, 1964:39). Рассуждая таким образом, вполне естественно рассматривать культуру лишь как производное символизма и ставить саму возможность существования первой в зависимость от наличия способности ко второму. Однако, ограничивать сферу существования культуры, еще не определив, что это такое, человеческим поведением – значит совершать, во-первых, логическую ошибку (следствием которой может стать тавтологичность итогового определения[1]), а во-вторых, вероятно, и ошибку фактическую, поскольку появляется все больше оснований думать, что даже сама способность к символизму не является достоянием только человека, и может быть обнаружена еще у ряда видов (см. ниже).

При втором подходе упор делается на выявление сущности определяемого феномена, безотносительно к тому, кто может быть его носителем (напр.: Quiatt, Itani 1994: xiv). В этом случае культура рассматривается, прежде всего, как нечто в известном смысле противостоящее природе, или, точнее, не сводимое только к природе, как совокупность психических и материальных явлений, обладающих надприродным, надбиологическим бытием. Она есть результат особым образом организованного поведения, специфика которого состоит в том, что оно формируется, во-первых, внегенетически, через разные формы научения (это условие необходимое, но еще не достаточное, поскольку условный рефлекс или, скажем, импринтинг, тоже результат научения, но вряд ли кто станет выделение желудочного сока у подопытного животного в ответ на условный раздражитель считать культурным феноменом), а во-вторых, немеханически, т.е. активно, избирательно. Иными словами, культура (в самом широком смысле) — это все формы поведения, основанные на внегенетически и притом избирательно (немеханически) усваиваемой, хранимой и передаваемой информации, а также их результаты (вещественные и идеальные)[2]. Является ли такое поведение исключительно человеческим или нет — это должно быть установлено эмпирическим путем, но для определения культуры как таковой никакого значения не имеет.

На мой взгляд, если следовать только что сформулированному широкому определению культуры, то трудно не признать, что ее проявления возможны и в животном мире. Как известно, в поведении многих его представителей важную роль играет не только программа, заложенная в генах, но и информация, накапливаемая, благодаря способности к запоминанию индивидуального опыта и его пополнению через наблюдение, подражание, намеренное научение. В этой связи уместно еще раз упомянуть и без того часто цитируемое высказывание Ч.Дарвина о том, что «как бы ни было велико умственное различие между человеком и высшими животными, оно только количественное, а не качественное» (Дарвин 1953 [1871] :239). Написанные более века назад, эти слова вполне отвечают выводам и общему духу современных этологических и зоопсихологических исследований (см. напр. Мазохин-Поршняков 1989) и в первую очередь, разумеется, они должны быть отнесены к обезьянам.

Данных, подтверждающих большие интеллектуальные возможности высших приматов, становится с каждым годом все больше (Фирсов 1987; Фридман 1989:50-53; King 1991; Гудолл 1992 [1986]; McGrew 1992; Бутовская, Файнберг 1993; Бутовская 1998; Boesch & Tomasello 1998). Особенно отличаются в этом отношении человекообразные обезьяны, а среди них шимпанзе, которые, не прикладывая к тому никаких усилий, сделали, тем не менее, за последнее десятилетие просто головокружительную «карьеру». Можно сказать, что шимпанзе, сами о том не ведая, почти вплотную приблизились к людям, так что, кажется, еще чуть-чуть, и они станут полноправными членами если не человеческого общества, то, во всяком случае, человеческого рода. Собственно, формально их зачисление в этот род уже состоялось: появились классификации приматов, в которых человек и шимпанзе рассматриваются как два подрода (*Homo и Pan*), составляющих вместе род *Homo* (Goodman et al. 1998), но это чисто биологическая систематика, а здесь речь скорее о философском определении. В этом отношении особенно важно то обстоятельство, что в поведении шимпанзе и ряда других обезьян обнаруживается все больше и больше таких черт, которые традиционно считались исключительно человеческим достоянием. По мнению некоторых приматологов, накопленные к настоящему времени данные «существенно подрывают традиционные представления о качественной уникальности человека и делают поиски пресловутой грани между ним и человекообразными обезьянами малоперспективны-

ми» (Бутовская 1998: 94). Существование различий, конечно, не отрицается, но они рассматриваются как преимущественно количественные (там же). Мне вспоминаются в связи с этим строки из вышедшей более 30 лет назад книги Н.Я.Эйдельмана «Ищу предка», где автор, упомянув о зияющей пропасти, разделяющей человека и животных, заметил, однако, что шимпанзе «грустно сидит на самом краю обрыва, а черви радостно копошатся в отдалении» (Эйдельман 1967:20). Сказано метко и образно, картина с пропастью и обезьянкой, взгрустнувшей над обрывом, сама собой встает перед глазами. Только вот трудно теперь разобрать, с какой именно стороны пропасти тот край, где примостился шимпанзе (хотя ясно, что червито ему в любом случае не компания).

Выделяется как минимум три важнейших сферы мышления и поведения, в которых шимпанзе демонстрируют невиданные в животном мире достижения, действительно ставя тем самым под сомнение реальность пропасти, якобы отделяющей их от человека. Это способность к самоидентификации и самосознанию, использование символических средств коммуникации (попросту говоря — язык) и орудийная деятельность.

Во-первых, можно считать твердо установленным, что и обыкновенные шимпанзе (*Pan troglodytus)* и карликовые (*Pan paniscus*) узнают себя в зеркале (это видно, в частности, из того, что очень часто, получив зеркало, они пользуются им для осмотра тех частей тела, которые иначе не увидеть). Большинство исследователей истолковывают это как показатель наличия самосознания, способности к самоидентификации (Gallup 1970; Povinelli 1987; Westergaard & Hyatt 1994). Судя по результатам экспериментов с другими приматами, кроме шимпанзе этими качествами обладают еще только орангутан и горилла, в то время как у церкопитековых и широконосых обезьян они отсутствуют (Westergaard & Suomi 1995; Hart & Karmel 1996). Таким образом, в том, что касается самосознания, «между человекообразными обезьянами и всеми остальными существует качественное различие, тогда как разница между первыми и человеком главным образом количественная» (Hart & Karmel 1996: 343).

Во-вторых, экспериментами в лабораторных условиях было подтверждено высказанное Ламетри еще в XVIII веке предположение, что при необходимости обезьяну можно научить языку при помощи знаков, используемых для обучения глухонемых (по: Hewes, 1993:23). Не вызывает сомнения, что шимпанзе способны общаться с людьми и друг с другом с помощью усвоенных в результате научения визуальных символов и могут даже обучать им своих детенышей, причем без всякого вмешательства человека (Gardner & Gardner 1992). Известны случаи, когда они фактически изобретали новые слова, обозначая отсутствующие в их «лексиконе», но ставшие необходимыми, понятия сочетаниями известных им знаков, либо перенося значение последних с одного предмета или явления на другие (Miles & Harper 1994: 266). С. Сэвидж-Румбах, изучающая поведение карликовых шимпанзе, приводит факты, говорящие, по ее мнению, о том, что бонобо способны к пониманию языка на уровне детей в возрасте двух — двух с половиной лет (Savage-Rumbaugh 1994). В самые последние годы появились интересные факты, говорящие о том, что те же бонобо могут использовать символические средства передачи информации не только в лабораторных, но и в природных условиях (Savage-Rumbaugh et al. 1996)[3]. Все это заставляет согласиться с выводом, что шимпанзе, как кажется, «находятся на грани создания языка» (Kendon, 1991:212). Почему же они не переходят эту грань? «Чего не хватает? Что удерживает их?» (ibid.:212). Э.Кендон, задав себе и читателю эти вопросы, отвечает на них так: «Шимпанзе не создали подобную языку систему коммуникации потому, что они не нуждаются в ней. Их социальная жизнь ее не требует» (ibid.:212). По мнению Кендона, необходимость в языке возникает лишь с появлением дифференциации и взаимодополняемости между действиями разных индивидов внутри группы, иными словами, с разделением труда.

В-третьих, как выясняется, и в области орудийной деятельности различия между шимпанзе и людьми тоже не столь велики, как считалось еще совсем недавно. То, что обезьяны, причем не только человекообразные, способны использовать, а в экспериментальных условиях даже изготавливать простейшие орудия, в том числе каменные (Wright 1972; Toth et al. 1993; Westergaard 1995), давно уже никого не удивляет[4], но это далеко не все. Выяснилось, что у шимпанзе навыки, связанные с такого рода деятельностью, могут передаваться от поколения к поколению в результате намеренного обучения (Boesch 1991), что характер орудий и способы их использования (даже для сходных или одинаковых целей, например, для разбивания орехов) варьируют у них от группы к группе, и что вариации эти, по сути, представляют собой не что иное, как простейшие, зачаточные культурные традиции (McGrew & Tutin 1978; Nishida 1987: Boesch & Tomasello 1998: 592-595). Было описано (Sugiyama 1997) и множество случаев, когда живущие на воле шимпанзе использовали для решения той или иной задачи попеременно два взаимодополняющих орудия (для других обезьян таких примеров нет), а один раз зафиксировано даже применение орудия для усовершенствования другого орудия: небольшого размера камень послужил находчивому шимпанзе в качестве клина, чтобы выровнять наклонную поверхность наковальни, с которой скатывались орехи (Matsuzava 1994;

Matsuzawa, Yamakoshi 1996: 215). Единственный, пожалуй, вид орудийной деятельности, который у шимпанзе в естественных условиях пока не наблюдался – это изготовление орудий с помощью орудий же, но приматологи полны оптимизма на этот счет (Sugiyama, 1997:26) и у них, я думаю, есть для этого все основания.

Десять лет назад английские исследователи Т.Уинн (археолог) и У.Макгру (приматолог), обобщив и проанализировав все имевшиеся сведения об орудийной деятельности шимпанзе, сравнили итоговую картину с тем, что было известно по археологическим находкам о поведении ранних гоминид. Вывод получился для того времени довольно неожиданный. Оказалось, что памятники самой древней — олдувайской — эпохи, оставленные существами, передвигавшимися уже на двух ногах и обладавшими мозгом, несколько превышавшим по объему мозг шимпанзе, не дают практически никаких свидетельств такой деятельности, к какой бы последние не были способны (Wynn & McGrew 1989; см. также Joulian 1996). Конечно, в природных условиях сейчас ни один из видов обезьян столь сложных орудийных операций (и поведения в целом) не демонстрирует, но эксперименты и наблюдения, проводимые в неволе, заставляют думать, что это объясняется не столько недостатком интеллекта, сколько отсутствием должной мотивации (Harris 1989:29-30; McGrew 1992). Об этом свидетельствует и тот факт, что даже между разными популяциями одного вида человекообразных обезьян, при несомненно идентичных способностях, существуют часто заметные различия в интенсивности и характере использования орудий. Например, за полгода исследований образа жизни карликовых шимпанзе в их природном местообитании Вамба в Заире не было зафиксировано случаев использования каких бы то ни было предметов ни в качестве орудий для добывания съестного ни в качестве оружия, хотя различные объекты часто служили бонобо для того, чтобы привлечь к себе внимание сородичей, а также и в других видах социального взаимодействия. Е.Ингмансон, проводившая эти наблюдения, объясняет такое положение вещей обилием в Вамба высококачественной и притом легкодоступной пищи, что делает изощренные методы ее добывания ненужными (Ingmanson 1996).

Таким образом, с одной стороны, очевидно, что интеллектуальные возможности шимпанзе и ряда других обезьян вполне достаточны для осуществления ими весьма сложных форм культурного поведения. С другой стороны, не менее очевидно, что реализуются эти возможности редко, и что на деле в естественных условиях поведенческий репертуар даже самых развитых приматов включает лишь отдельные элементы культуры, не связанные в сколько-нибудь целостную, имеющую жизненно важное значение систему. Лишь у людей выживание прямо зависит от «вовлеченности» в культуру, и именно эта зависимость от ранее мало использовавшейся возможности поведения породила в свое время, по выражению Э.Майра, «совершенно новые давления отбора» (Майр 1968 [1963]:502), результатом чего стало расхождение эволюционных путей предков человека и предков современных человекообразных обезьян. Но если так, то **что же побудило первых использовать имевшиеся культурные потенции более активно, чем это делали вторые, обладавшие, по всей видимости, примерно такими же способностями? По какой причине использование и изготовление орудий, символическая коммуникация и другие элементы культурного поведения перестали быть для гоминид чем-то случайным, спорадическим и приобрели критически важное значение?** Что, иными словами, вызвало первую «культурную революцию», почему был перейден «культурный Рубикон», отделивший людей, чье существование немыслимо вне культуры, от их животных собратьев? **Решить эту проблему — значит понять «пусковой механизм» процесса антропогенеза.**

2. Ключевое звено

«Вначале была нога»
М.Харрис. «Наш род»

При всем разнообразии гипотез, объясняющих появление людей, во главу угла почти неизменно ставятся два события, которые, как считается, имели ключевое значение для начала процесса гоминизации. Эти события — переход части высших обезьян (гоминоидов) от преимущественно древесного образа жизни в лесах к преимущественно наземному существованию в открытых или мозаичных ландшафтах, и освоение ими прямохождения. Считается, что первое, поставив предков гоминид перед необходимостью приспособления к новой, непривычной среде, подталкивало их к поиску новых экологических ниш и стимулировало развитие орудийной деятельности, социальности и т.п., а второе, имевшее результатом освобождение передних конечностей от опорно-двигательной функции, являлось необходимой предпосылкой такого развития. **Если бы удалось объяснить, что именно привело к смене среды обитания, что обусловило изменение способа передвижения, и, главное, почему эти два события сделали невозможной (или недостаточной) адаптацию обычным биологическим путем, подтолкнув к реализации культурного (то есть, прежде всего, интеллектуально-**

го) потенциала, то главную проблему антропогенеза можно было бы считать в общих чертах решенной. Между тем, более или менее ясен ответ лишь на первый из перечисленных вопросов (подробней об этом говорится дальше), тогда как относительно причин и следствий перехода к прямохождению разброс во мнениях очень велик, и степень ясности здесь обратно пропорциональна все растущему числу гипотез. Несмотря на то, что эволюция прямохождения рассматривается сейчас как «критически важный элемент процесса гоминизации» (Rose 1991: 38) и что лишь очень немногие темы, связанные с изучением антропогенеза, «вызывали столько дискуссий, сколько их вызывает происхождение двуногости» (Jablonski, G.Chaplin 1992:113), это событие остается плохо понятным, являясь, по выражению Д.Гебо, «одной из наиболее живучих загадок палеоантропологии» (Gebo 1996:55). В теоретических построениях, постулирующих те или иные последовательности взаимообусловленных событий в эволюции человека, этот пункт является тем самым звеном, из-за непрочности которого рассыпается вся цепочка. Поскольку же обойтись без этого звена невозможно, то необходима его «реставрация».

Мысль о том, что двуногость человека, способствующая освобождению рук, явилась важной предпосылкой развития разума и культуры, была достаточно распространена уже в прошлом и позапрошлом столетиях (Гельвеций, Гердер, Ламарк, Уоллес, Дарвин, Геккель, Энгельс). При этом, однако, возникновение самого данного свойства не получило объяснения. Для Дарвина и Энгельса, вероятно, достаточно было того соображения, что прямохождение создает возможность для совершенствования орудийной деятельности, а выгоды, связанные с последней, казались столь очевидными, что вопроса о побудительных причинах соответствующих изменений в поведении просто не возникало (Bowler 1986:151,232). Ламарк и Уоллес вполне определенно указывали на связь рассматриваемого качества с необходимостью приспособления к открытым ландшафтам, но почему это должно было повлечь за собой двуногость оставалось неясным.

Начиная с 30-40-х годов нынешнего столетия, когда в биологии формируется синтетическая теория эволюции и прогрессистско-витали-стические объяснения перестают удовлетворять исследователей антропогенеза, господствующим становится тезис об адаптивном характере перехода к прямохождению. Теперь большинство авторов, затрагивающих этот вопрос, стремятся показать, в чем именно это новое свойство давало преимущества его обладателям, почему возникла потребность в изменении способа передвижения, и что обусловило действие отбора именно в данном направлении. Сторонники такого подхода считают переход к двуногости приспособлением к меняющейся среде обитания, а само прямохождение, соответственно, полезным в новых условиях качеством, повышающим шансы его носителей на выживание. Все гипотезы, удовлетворяющие последнему критерию (обозначим их как «адаптивистские»), можно разделить на три группы: те, которые двуногость объясняют необходимостью освободить верхние конечности от опорно-двигательной функции для иных целей; те, которые основной смысл изменений видят именно в обретении вертикально выпрямленного положения тела, и, наконец, те, которые делают упор на поиск энергетических и терморегуляционных выгод, обеспечиваемых передвижением на двух ногах.

Гипотезы первой группы наиболее многочисленны. Самая известная из них, которую вслед за Дарвином и Энгельсом приняли многие позднейшие авторы (Washburn, Howell 1960; Dobzhansky 1962:194; Harris 1988:32), связывает прямохождение с орудийной деятельностью, развитие которой мыслится обычно как одновременно и причина, и следствие перехода к двуногости. Высказывались также предположения, что освобождение передних конечностей было продиктовано необходимостью отпугивать хищников, бросая в них камни (Fifer 1987) или размахивая колючими ветвями (Kortland 1980), переносить пищу (Hewes 1961, 1964) или детенышей (Lovejoy 1981), сигнализировать жестами (Lovejoy 1981), охотиться (Read 1920) и так далее.

Авторы гипотез второй группы полагают, что гоминиды выпрямились либо вследствие необходимости дальше видеть и лучше ориентироваться в саванне, где хороший обзор требовался и для поисков пищи, и для своевременного обнаружения опасности (Ravey 1978; Бунак 1980:28), либо потому, что это позволяло им использовать конечности и тело в целом как средства коммуникации в конфликтных ситуациях, для снятия напряженности в отношениях между особями и группами и предотвращения физических стычек (Jablonski, Chaplin 1992, 1993). Высказывалось также предположение, что ортоградность гоминид является результатом приспособления к жизни на шельфе, в водной среде (так называемая «акватическая» гипотеза: Hardy 1960; Ибраев 1988; Линбладт 1991).

Терморегуляционная (Wheeler 1984, 1988) и биоэнергетическая (Rodman & McHenry 1980; Фоули 1990 [1987]: 225- 226) гипотезы объясняют возникновение прямохождения, соответственно, либо тем, что вертикальное положение тела при интенсивной дневной активности в жаркой саванне предохраняло гоминид от теплового стресса, либо большей энергетической эффективностью двуногости человека по сравнению с четвероногостью человекообразных обезьян.

Наконец, некоторые исследователи пытают-

ся решить проблему, соединяя аргументацию нескольких разных гипотез в единую систему (Day 1986).

Многочисленность одновременно существующих «адаптивистских» объяснений перехода к прямохождению, наряду с отсутствием среди них сколько-нибудь широко принятых, уже сама по себе является показателем их слабости. Значительная часть этих объяснений основана либо на явном преувеличении роли разовых, спорадических действий (бросание, размахивание, жестикуляция, перенос объектов), с которыми многие современные обезьяны легко справляются, не меняя образа жизни и передвижения (cf. Rose 1991: 42), либо на допущениях, не подкрепленных абсолютно никакими фактами («акватическая» гипотеза). Другая часть гипотез, прежде всего те, что были выделены выше в третью группу, апеллирует к таким преимуществам, связанным с прямохождением, которые могли проявиться лишь уже при полностью сформировавшейся человеческой двуногости, но были бы практически совершенно неощутимы в процессе ее развития, особенно на ранних стадиях перехода (Steudel 1994, 1996). Даже если передвижение на двух ногах в том виде, в каком оно известно у современных людей, действительно более выгодно в энергетическом плане, чем четырехногость (что, впрочем, до конца еще не выяснено), «нет никаких оснований предполагать что такие же преимущества были свойственны и походке гоминоидов, только начавших освоение прямохождения и не имевших еще морфологических адаптаций, которые обеспечили бы его эффективность» (Steudel 1994:45). Что же касается объяснения становления двуногости адаптацией к орудийной деятельности, то ему противоречит то очевидное обстоятельство, подтверждаемое наблюдениями и над обезьянами, и над археологами-экспериментаторами, что как делать, так и использовать орудия гораздо удобнее в подавляющем большинстве случаев сидя, чем стоя. Кроме того, судя по имеющимся в настоящее время данным, прямоходящие гоминиды появились как минимум на полтора-два миллиона лет раньше, чем первые каменные орудия (соответственно, 4,5 и 2,7 миллиона лет назад), что также затрудняет доказательство существования прямой причинно-следственной связи между этими двумя событиями. Таким образом, оказывается, что указать какие-то конкретные преимущества, которые могли бы быть связаны с двуногостью на ранних стадиях перехода к ней, очень трудно или невозможно. По признанию одного из сторонников «адаптивистских» объяснений, убедительная причина «перехода к ортоградной локомоции <...> до сих пор не найдена», и начало антропогенеза «тает в зыбком мареве неопределенностей» (Алексеев 1989:113; о том же см.: Klein 1989:400).

А не заключается ли причина общего неуспеха «адаптивистских» объяснений как раз в той исходной посылке, которая их объединяет? Не подводит ли в данном случае логика «адаптивизма»? Считается, что коль скоро уж прямохождение возникло, то значит оно обеспечивало носителям данного признака какие-то селективные выгоды (напр.: Jablonsli, Chaplin 1992:114). Но из чего явствует, что двуногость должна была возникнуть обязательно и только как «полезное приспособление», и никак иначе. Ведь живые организмы наряду с адаптивными признаками могут обладать и действительно обладают признаками, не имеющими приспособительного значения и даже прямо вредными (мальадаптивными). Нельзя ли допустить, что двуногость ранних гоминид являлась именно таким, мальадаптивным, признаком, понизившим биологическую приспособленность его носителей? Сколь бы странным такое предположение не казалось на первый взгляд, оно, как я попытаюсь показать, во-первых, хорошо согласуется с фактами, а во-вторых, открывает интересные возможности для решения главной проблемы антропогенеза, то есть вопроса о том, что же заставило древних гоминид пересечь «культурный Рубикон».

3. Тяжкое наследие прошлого

«Крепко подумав, Снежок объявил, что Семь Заповедей можно запросто свести к единому правилу, а именно: «Четыре ноги — хорошо, две ноги — плохо».

Дж.Оруэлл. «Скотный двор».

Как известно, даже у современного человека с прямохождением связан целый ряд анатомических и физиологических дефектов, вызывающих трудности при вынашивании плода и при родах, нарушения в кровообращении, пищеварении и т.д. У ранних же гоминид, по всей вероятности, отрицательные стороны двуногости проявлялись гораздо сильнее, поскольку на первых стадиях своего развития она, как считают многие специалисты, была далеко не столь эффективным способом передвижения, каким стала впоследствии и является сейчас. Правда, одно время преобладало мнение, что походка австралопитека уже ничем или почти ничем не отличалась от походки современных людей (Robinson 1972; Lovejoy 1981; Wolpoff 1978, 1983; Джохансон, Иди 1984 [1981]; Latimer & Lovejoy 1989;), и сторонники такого взгляда активно отстаивают его поныне, но альтернативная точка зрения кажется и более

логичной, и лучше согласующейся с фактами. «Разве не должен был существовать период времени, когда предок человека не был ни столь ловок в движении на двух ногах, как стал впоследствии, ни столь ловок в лазании по деревьям, как был когда-то?» (Susman, Stern, Jungers 1984:113).

Еще в середине шестидесятых годов, проанализировав имевшиеся в то время остеологические данные, Дж.Нэйпир пришел к выводу, что, по сравнению с человеческой, походка первых гоминид — австралопитеков – была физиологически и энергетически неэффективной, шаги короткими, «подпрыгивающими», с согнутой в колене и тазобедренном суставе ногой (Napier 1967:63). Ходьба на большие расстояния при таком строении таза и нижних конечностей могла оказаться невозможной. О несовершенстве локомоторного аппарата австралопитецин писал в те годы и В.П.Якимов (Якимов 1966:69-70). Впоследствии близкую позицию заняли многие другие антропологи (Ashton 1981:85; Tardieu 1981, 1990:494; Jungers 1982; Jungers & Stern 1983; Susman, Stern, Jungers 1984; Юровская 1989:172-173; Stanley 1992: 245-246; Spoor et al. 1994; Clarke & Tobias 1995; Macchiarelli et al., 1996), причем изучение новых материалов, полученных в последние десятилетия в Восточной Африке, привело ряд специалистов к убеждению, что, наряду с несовершенной еще двуногостью, ранние гоминиды сохраняли некоторые особенности скелета, связанные с древесным образом жизни, и, видимо, действительно, немалую часть времени проводили на деревьях (Prost 1980; Senut 1980, 1989; Tardieu 1981; Susman, Stern, Jungers 1984; Aiello 1994:399; Boaz 1997:133). Все это дает основания полагать, что первоначально прямохождение отрицательно сказывалось на приспособленности гоминид и ставило их, при жизни в открытой местности, в невыгодные условия по сравнению с близкими конкурентными видами, представители которых передвигались по земле — как, например, современные павианы, также населяющие преимущественно безлесные ландшафты — на четырех конечностях.

Подобное утверждение, конечно, никак не решает вопроса о причинах перехода наших предков к двуногости. Напротив, оно, как может показаться, даже запутывает проблему еще больше. Если прямохождение — качество вредное, то каким же образом оно могло возникнуть, почему было пропущено отбором? Чтобы ответить на этот вопрос, следует вспомнить то, о чем шла речь в четвертой главе. Один из выводов, который был там сделан при обсуждении проблемы направленности эволюции, состоял в том, что характер развития любой группы живых существ зависит не только от требований, предъявляемых средой, но и от эволюционного прошлого этой группы. Например, способ передвижения первых обитателей суши по земле во многом был продиктован особенностями анатомии кистеперых рыб, от которых они произошли. Вероятно, что и прямохождение ранних гоминид также явилось своего рода «наследством», полученным от предшествовавших стадий развития. Во всяком случае, очень похоже, что основные морфологические признаки, обеспечивающие передвижение по земле без участия передних конечностей, сформировались в процессе приспособления скорее еще к древесному, чем наземному, образу жизни[5]. Одним из первых эту идею высказал в начале века А.Кизс (Keith 1923:451-454)[6], позже ее сочувственно излагал (в связи с «круриаторной» теорией) М.Ф.Нестурх (Нестурх 1958:116-117), а в последние годы, благодаря, прежде всего, появлению новых данных о строении конечностей миоценовых гоминоидов и австралопитеков, она была подхвачена целым рядом антропологов (Prost 1980; Tuttle 1981, 1994; Langdon 1985; Senut 1989; Krantz 1991; Savage-Rumbaugh 1994:34-35).

В качестве исходного типа древесной локомоции, обусловившего формирование анатомических предпосылок прямохождения, рассматривают сейчас чаще всего либо вертикальное лазание (Prost 1980; Fleagle et al. 1981; Senut 1989, 1992; Tuttle 1994), либо брахиацию (Юровская 1989; Krantz 1991), которые могли также сочетаться между собой и дополняться другими способами передвижения, требующими вертикально выпрямленного положения тела и выполнения нижними конечностями опорной функции (круриация)[7]. Как предполагается, специализация к подобным способам передвижения зашла настолько далеко, что при переходе к наземному существованию даже весьма несовершенная двуногость оказалась для какой-то группы (или групп) гоминид все же менее неудобной, чем четвероногость, следствием чего и стало сохранение этого признака в новых условиях (Юровская 1989:173). «Для гоминид, уже преадаптированных к ортоградности, двуногость требовала, вероятно, меньших изменений локомоторного комплекса, нежели реадаптация к наземной четвероногости» (Senut 1989:40-41).

Теперь нам остается лишь выяснить, что же, собственно, заставило наших предков сменить древесный образ жизни на наземный, и после этого можно будет наконец, попытаться мысленно сконструировать пусковой механизм антропогенеза.

4. Почему обезьяна слезла с дерева?

«Сагласна ызму, сказал он, абызяна сначала жыла на дэрэва, а потом слэзыла на зэмлу, и кыругазор ее рашшырылся. А сверху-то виднее, шепнул один академик другому, лично наблюдавшему в свое время происхождение человека...»

А.Зиновьев. «Зияющие высоты»

Вследствие общей для кайнозоя тенденции к похолоданию и иссушению климата (Будыко 1989; Борзенкова 1992) на протяжении миоцена и плиоцена площади, занимаемые тропическими лесами (где обитали гоминоиды), постепенно сокращались, преобладавшие ранее закрытые ландшафты (джунгли) замещались открытыми (саванны) или мозаичными, все более выраженной становилась сезонность климата и нестабильность среды (Hill 1987; Фоули 1990: 144-152). Большое влияние на изменение характера растительности оказало сокращение содержания углекислого газа в атмосфере, которое в низких широтах и, в частности, в Восточной Африке стало особенно ощутимо в позднем миоцене, 7-8 миллионов лет назад (Cerling et al. 1997). Уменьшению площади тропических лесов и, соответственно, количества пищевых ресурсов, необходимых их обитателям, сопутствовало обострение конкуренции между разными видами обезьян, причем, судя по палеонтологическим данным, специализированные древесные формы, мелкие, подвижные и многочисленные, вытесняли гоминоидов (Boaz 1997:48-49), число известных видов которых на протяжении среднего и позднего миоцена сократилось в Восточной Африке в несколько раз, тогда как число видов церкопитековых за тот же период, напротив, заметно возросло (Andrews 1981:34, table 2, 1986:420-421, fig.2). В этих условиях единственным выходом для человекообразных обезьян могло стать освоение новых экологических ниш, недоступных конкурентам, и поиск таких ниш привел часть их на землю — в нижний ярус леса и в примыкавшие к джунглям участки саванны.

Особенно ощутимые изменения в сторону аридизации произошли в конце миоцена, то есть около 6 миллионов лет назад, а затем в конце плиоцена, 2,5-3 миллиона лет назад (Борзенкова 1992:90-91,95; Menocal & Bloemendal 1995; Cerling et al. 1997; Reed 1997), с чем часто и связывают появление сначала семейства гоминид (Hominidae), а затем «гордости» семейства — рода Homo (Brain 1981; Cronin 1986:85; Vrba 1985, 1993, 1995, 1996; Решетов 1986:87; Хрисанфова 1987:66; Stanley 1992). Большое влияние на экологию животных сообществ Восточной Африки и эволюцию предков человека могли оказать также тектонические события второй половины миоцена и, прежде всего, образование Восточноафриканской рифтовой системы — гигантского разлома с окаймляющими его хребтами. По выражению И.Коппена, это явилось прологом «Истсайдской истории» (East Side — восточная сторона), как он называет происхождение гоминид (Coppens 1989:157-158). Возникшие хребты не только стали барьером для влажных западных ветров, способствуя тем самым еще большей аридизации климата Восточной Африки, но и изолировали местных гоминоидов от влажных и лесистых центральных районов континента, не оставив им иного выбора, кроме как приспосабливаться к жизни сначала в редеющих лесах, а потом в саванне.

5. Первая культурная революция

«Выхода не было, но я должен был его найти, ибо без этого не мог существовать... Вот я и перестал быть обезьяной!»

Ф.Кафка. «Отчет для академии».

Итак, можно думать, во-первых, что с деревьев на землю «спустились» уже прямоходящие существа, а, во-вторых, что прямохождение было на первых порах скорее слабым, чем сильным их местом. Конечно, оба этих тезиса (особенно первый) пока нельзя считать окончательно доказанными, но они вполне реалистичны и не вступают в сколько-нибудь заметное противоречие с имеющимися фактами. Если принять их в качестве рабочей гипотезы, то проблема «пускового механизма» антропогенеза и неотделимая от нее проблема происхождения человеческой культуры могут быть решены следующим образом.

Когда в конце миоцена — начале плиоцена часть обезьян Восточной Африки вынуждена была перейти к частично или полностью наземному образу жизни, то анатомия предков гоминид была уже такова, что прямохождение оказалось для них либо единственно возможным, либо, по крайней мере, наиболее удобным, оптимальным способом передвижения[8]. Однако, двигаясь на двух ногах лучше, чем на четырех, они, тем не менее, проигрывали по многим важным параметрам, таким, как скорость, выносливость, сноровка и т.д., другим — четвероногим — обезьянам, что ставило их в невыгодное положение по сравнению с конкурентами и, при

прочих равных условиях, сделало бы их шансы на выживание в возникшей кризисной ситуации весьма невысокими[9]. Требовалось нечто, что компенсировало бы унаследованный от прошлого «физический недостаток». ЭТИМ-ТО «НЕЧТО» И СТАЛА КУЛЬТУРА. Выполняя компенсаторную функцию, различные формы культурного поведения начали по необходимости играть в жизни по крайней мере одной группы (популяции, вида) ранних гоминид все более и более важную роль. В итоге специализация к культуре зашла настолько далеко, что обойтись без нее, начиная с определенного этапа, стало уже невозможно.

Вероятно, первоначально интеллектуальные возможности древнейших гоминид были не выше или лишь незначительно выше, чем у их ближайших родственников — понгид, но последние, будучи четвероногими и, возможно, сохраняя более тесную связь с лесными биотопами, не имели столь же серьезных побудительных причин для того, чтобы эти возможности использовать. Для них оптимальным оказался иной, чисто биологический путь адаптации, и их культурные потенции остались невостребованными. Так получилось, что именно ранние гоминиды — крупные прямоходящие обезьяны конца неогена — первыми преодолели «культурный Рубикон», начав активно приспосабливаться к естественной среде путем создания среды искусственной, что предопределило направление их дальнейшей эволюции и ее столь необычные для животного мира результаты.

Разумеется, первая культурная революция была революцией не в смысле своей быстроты — она растянулась на сотни тысяч и даже, возможно, на миллионы лет, — а по своим последствиям, по тем изменениям, которые произошли в поведении гоминид, и по тому влиянию, которое она оказала на весь ход их дальнейшей истории. Суть ее заключалась во «втягивании» человека в культуру, которая в итоге стала для него главным и необходимым средством приспособления к естественной среде. Вероятно, первые австралопитеки (6-3 миллионов лет назад), имевшие еще возможность вести частично древесный образ жизни (Reed 1997) и сохранявшие необходимые для этого анатомические приспособления, лишь немногим отличались по своему поведению от современных шимпанзе, хотя нельзя исключить, что они уже чаще прибегали к помощи разного рода орудий, обладали повышенной, по сравнению со всеми другими приматами, социальностью и т.п. По мере того, как среда обитания все более менялась, и лесные биотопы становились все менее распространенными и доступными, компенсаторная роль культуры постепенно возрастала и к концу плиоцена гоминиды Восточной и, может быть, Южной Африки уже довольно далеко продвинулись в этом направлении. Очередной цикл похолодания и аридизации, начавшийся 2,5-3 миллиона лет назад и приведший к дальнейшему обезлесиванию и осаванниванию многих регионов, застал гоминид потенциально готовыми к решению экологических проблем за счет развития культуры и стал стимулом такового. Именно к этому времени относятся, как известно, древнейшие достоверные каменные изделия (Harris 1983; Харрис, Джохансон 1986). В геологических слоях, датируемых временем около 2 миллионов лет назад, число таких изделий достигает уже тысяч экземпляров, среди которых встречаются и довольно совершенные формы. Эти изделия изготавливали или австралопитеки (Susman 1988, 1991), или, во всяком случае, существа морфологически мало от них отличавшиеся, чье существование во многом теперь напрямую зависело от культуры, и для кого использование и производство орудий стало жизненно важным видом поведения. Закончилась первая культурная революция тогда, когда специализация к культуре приняла необратимый характер, когда последняя превратилась в фактор определяющий и организующий все основныке аспекты жизнедеятельности гоминид, а также и их биологической эволюции. По всей вероятности, это произошло уже после появления первых представителей рода Homo, на рубеже плиоцена и плейстоцена или даже несколько позже, но точно определить момент достижения рассматриваемым процессом «точки необратимости» (от английского «point of no return»), конечно, невозможно.

6. Что было бы, если бы…

«Но страшная мысль! А если бы климат еще 20-40 миллионов лет оставался теплым и влажным? Что же, так бы обезьяна и жила на деревьях и не очеловечилась? Или иначе: может быть, теплые третичные милионолетия весьма реакционны и если б похолодало на миллион лет раньше, то спутники летали бы уже во времена питекантропов?»

Н. Эйдельман «Ищу предка».

Если вернуться теперь к поставленному в начале этой главы вопросу о том, почему в качестве носителей высших форм сознания эволюция выбрала именно гоминоидов (одну из их ветвей), а не каких-то других животных, то ответить на него придется так: это произошло случайно. Ведь случаем мы называем совпадение событий, которые не находятся между собой в отно-

шении причины и следствия и не зависят от одной общей причины, т.е. событий, между которыми не существует никакой необходимой связи (Виндельбанд), а пусковой механизм антропогенеза был «включен» как раз благодаря такому совпадению. Толчком, заставившим его начать работу, послужило маловероятное в принципе пересечение в нужном месте и в нужное время практически независимых друг от друга биологических (формирование у какой-то группы или групп интеллектуально продвинутых гоминоидов морфологической предрасположенности к прямохождению), климатических (аридизация) и тектонических (образование Восточноафриканского рифта) процессов. Это случайное стечение обстоятельств закрыло для наших предков возможность адаптации к меняющимся условиям существования обычным – биологическим – путем и подтолкнуло к более активной реализации уже имевшегося у них достаточно высокого интеллектуального потенциала.

Однако, а что если представленный здесь сценарий начала антропогенеза неверен? Ведь в основе его, как уже говорилось, лежат два пока что далеко не общепринятых положения, и каждое из них нуждается еще в серьезном обосновании. Что, если правы все же сторонники «адаптивистских» объяснений перехода к прямохождению и им удастся доказать, что последнее представляло собой не мальадаптивный признак, а полезное в новых условиях свойство, возникшее именно в результате приспособления к этим новым условиям? Не придется ли в этом случае отказаться от вывода, что антропогенез – следствие случайного стечения обстоятельств? Я думаю, не придется. Дело в том, что и традиционные – «адаптивистские» – сценарии тоже предполагают изрядную долю случайности. Их авторы также уверены в том, что возникновение человеческой линии эволюции «не может объясняться какой-то одной причиной или предпосылкой», и что возможность этого события определялась «стечением благоприятных обстоятельств в данном месте и в данное время» (Хрисанфова 1987: 72).

А что было бы, если бы обстоятельства сложились иначе? Этот вопрос сейчас очень любят задавать историки, изучающие сравнительно недавнее прошлое, но я думаю, что по отношению к преистории и, в частности, к эволюции человека он имеет не меньше смысла. Итак, что было бы, если бы, скажем, к моменту пика аридизации среди гоминоидов Восточной Африки не оказалось двуногих «монстров»? Или, наоборот, если бы они были, а аридизация и смена ландшафтов так и не начались? Или если бы Восточная Африка не оказалась отделенной от остальной части материка рифтовой системой? С абсолютной точностью просчитать все эти варианты, конечно, невозможно, но скорее всего в каждом их этих случаев обезьяны еще на миллионы лет (а то и навсегда) остались бы обезьянами, и не исключено, что в «гонке» к разуму их опередили бы какие-то иные существа, для кого обстоятельства в нужный момент сложились бы столь же удачно (удачно — с точки зрения потомков), как сложились они некогда для наших предков.

Примечания

[1] Например: культура — это «способ осуществления человеческой деятельности», а человеческая деятельность — это деятельность, осуществляемая «с помощью механизмов культуры» (Маркарян 1983:97).

[2] Символизм при таком подходе – лишь одна из возможных форм культурного поведения (поскольку существуют иные надбиологические способы извлечения и передачи информации, как, например, заимствование опыта в результате наблюдения, прямое научение посредством демонстрации определенных действий и исправления ошибок научаемого, и т.д.), приобретшая, правда, огромное значение, но в принципе не обязательная и появившаяся, видимо, на сравнительно поздних этапах эволюции культуры в ходе общего ее усложнения. Символизм есть, вероятно, наиболее яркое выражение сути культуры, но все же не сама эта суть; являясь признаком вполне достаточным для констатации наличия культуры, он, однако, не является признаком необходимым.

[3] Данные такого рода есть даже для низших обезьян, верветок, которые, предупреждая друг друга об опасности со стороны леопарда, орла или змеи, издают в каждом из названных случаев разные звуки (Сифарт, Чини 1993), но последние, хотя, по-видимому, и не закреплены генетически, все же не являются еще настоящими символами, поскольку существуют не сами по себе, а лишь вместе с конкретным событием и вне определенной ситуации никогда не воспроизводятся.

[4] Еще в 1843 г. американские миссионеры Сэвидж и Уайман, работавшие в Западной Африке, сообщили о том, что шимпанзе были замечены за таким занятием, как раскалывание твердых орехов с помощью каменных орудий. Об этом факте было известно Ч.Дарвину, который и сам наблюдал использовавших орудия шимпанзе, но не в природных условиях, а в Лондонском зоопарке.

[5] Иное объяснение предложил Г.Н.Матюшин, который также рассматривает прямохождение как вредный в адаптивном отношении признак, ослабивший гоминид «в сравнении с их предками» (Матюшин 1988:114). По его мнению, двуногость и ряд других важных анатомических черт, выделивших предков человека («большой мозг, отсутствие клыков, грацильность») возникли вследствие макромутаций, вызванных повышением уровня радиации в Восточной и Южной Африке в периоды активной вулканической деятельности и тектонических подвижек (Матюшин 1974, 1988). При таком подходе, однако, совершенно непонятны ни крайне специфический характер изменений, ни их четко выраженная направленность: сначала прямохождение, затем (а не одновременно, как утверждает Матюшин) мозг и т.д. Кроме того, существуют и весьма серьезные теоретические возражения против признания существенной роли макромутаций в эволюции животных (в частности, невозможность объяснить в этом случае «гармоничные ... преобразования сложных адаптивных систем организмов» (Иорданский 1994:27).

[6] О том, что двуногость предшествовала переходу к наземному существованию писали также Вуд Джонс и Эллиот Смит (Landau 1991:6-7, 116-120).

[7] Подсчитано, что у гиббонов, например, нагрузка на нижние конечности при хождении по ветвям и особенно при вертикальном лазании больше, чем при передвижении на двух ногах по ровной земной поверхности (Yamazaki 1985).

[8] Не исключено, впрочем, что формирование анатомических признаков, обусловивших в итоге переход к прямохождению, совершалось в основном все же не на деревьях, а на земле. Несмотря на уверенность подавляющего большинства антропологов в том, что предки гоминид вели преимущественно древесный образ жизни, нельзя окончательно сбрасывать

со счета и гипотезу, согласно которой двуногости человека предшествовали не брахиация и вертикальное лазание по стволам и веткам, а какой-то наземный способ передвижения на четырех конечностях, например, такой, какой демонстрируют наши ближайшие родственники — гориллы и шимпанзе (он называется knuckle-walking). В этом случае те черты скелета гоминид, которые интерпретируются как свидетельства адаптации к древесной локомоции, предлагается рассматривать как примитивные, унаследованные от первых раннемиоценовых гоминоидов, а может быть, даже их олигоценовых предков (Begun 1994: 53-54; Gebo 1996). Если допустить, что немногочисленные сторонники этой точки зрения правы (такая возможность кажется мне маловероятной, но все же с ней следует считаться), то тогда для объяснения перехода к прямохождению придется обратиться к модели, предложенной и в деталях разработанной К.Хантом. Согласно этой модели, двуногость гоминид формировалась первоначально не как способ передвижения, а как «позиционное поведение», обеспечивавшее максимальный эффект при кормлении (и на деревьях, и на земле), причем те анатомические приспособления, которые обеспечивали выпрямленное положение тела, в плане локомоции были невыгодны (Hunt 1994:195-196). При жизни в достаточно облесенных местностях последний недостаток, видимо, не имел большого значения, но в условиях более открытых ландшафтов он мог стать серьезной мальадаптацией.

[9] Близкий сценарий начала антропогенеза рисовал в одной из своих работ М.И.Урысон. «С чисто биологической точки зрения, — писал он об австралопитеках, — выпрямленная походка при отсутствии специализированных естественных органов защиты и нападения... в условиях открытых пространств, населенных многочисленными видами хищных животных, создавала для этих приматов невероятные трудности в борьбе за существование, ставя их на грань катастрофы. Единственным выходом из этой ситуации, грозившей им тотальным вымиранием, было коренное изменение типа приспособления к среде, характера поведения этих высокоорганизованных приматов ...» (Урысон 1978:11-12).

Глава VI. Венец творения

Иная эволюция могла бы привести к человечеству с еще более развитым интеллектом или, наоборот, к более интуитивному. Фактически, в том человечестве, часть которого мы составляем, интуиция почти полностью принесена в жертву интеллекту. По-видимому, для того, чтобы покорить материю и вновь овладеть самим собою, сознанию пришлось истощить лучшие свои силы»

А. Бергсон. «Творческая эволюция».

События, рассмотренные в предыдущей главе, несомненно, представляют собой один из ключевых моментов антропогенеза. Дав толчок началу этого процесса, они во многом определили его характер и направление дальнейшего развития. Однако, как и в случае с эволюцией органического мира в целом, в эволюции человека тоже предопределена была лишь общая тенденция, но не итоговый результат. Все виды гоминид, которые на разных этапах своего развития порождал этот процесс, могут в этом смысле рассматриваться как случайность, как формы, которые при иных обстоятельствах могли бы и не возникнуть. Люди современного физического типа – одна из таких форм, и нет, как будто, никаких оснований делать для них исключение и считать их появление чем-то неизбежным. Тем не менее, именно так это событие часто и подается, и при внимательном чтении многих современных работ о происхождении и эволюции человека, трудно избавиться от впечатления, что их авторы представляют себе антропогенез, как процесс, результат которого, подобно результату акта божественного творения, был предопределен изначально и однозначно.

Одним из следствий подобного рода представлений является взгляд на людей ныне господствующего на Земле вида, как на единственных обладателей права носить имя человека. Согласно широко распространенному мнению, человек в полном смысле этого слова появился лишь вместе с людьми современного физического типа, а все предшествовавшее развитие было только подготовкой природы к этому скачку в эволюции, «прелюдией» к появлению готовых людей. Дело рисуется так, как будто биологическая эволюция, подобно поезду, следующему по утвержденному расписанию, доставляет своих «пассажиров» в заданный пункт назначения, где они могут, наконец, почувствовать себя дома. Ход и результаты эволюции рассматриваются в этом случае не как вероятностный процесс, определяемый взаимодействием множества факторов и стечением множества случайных по отношению к нему обстоятельств, а именно как движение через ряд промежуточных — и потому заведомо бесперспективных, обреченных – форм-станций к современному состоянию.

Чему же, однако, обязаны мы тем, что так удачно прибыли именно на нужный пункт – станцию «готовый человек», а не сошли по неведению с поезда эволюции раньше, на какой-то иной станции? Был ли эволюционный триумф *Homo sapiens* неизбежностью, к которой почему-то стремилась природа, или лишь одной из возможностей, осуществившейся в силу определенного стечения обстоятельств? Была ли, наконец, альтернатива, существовали ли другие претенденты на роль «венца творения»?

Я считаю, что, несмотря на «отвлеченный» характер всех этих вопросов, ответить на них можно вполне определенно. Тот вариант антропогенеза, который осуществился в реальности, не был ни единственно возможным, ни тем более фатально неизбежным. Во-первых, как уже не раз говорилось выше, ход эволюционного процесса, его направление, скорость, прочие составляющие определяются реальными

соотношениями организмов со средой и зависят от того, насколько соответствует состояние эволюционирующей группы тем требованиям, которые предъявляет к ней среда обитания. С этой точки зрения, вполне допустимо предположение, что при несколько ином, чем это имело место в действительности, развитии климатических, геологических или каких-то еще природных процессов в Африке южнее Сахары (наиболее вероятном месте рождения *Homo sapiens*) могли сложиться условия, при которых адаптивный потенциал местных неандерталоидов оказался бы достаточным для их выживания и процветания без существенных морфологических и физиологических изменений. В этом случае человек, в его нынешнем виде, так никогда и не появился бы, а лавры «венца творения» достались бы гоминидам какого-то иного типа. Во-вторых, даже и осуществившийся вариант эволюционной истории тоже оставлял достаточно места для разного рода «вариаций», и судьба уже появившихся, но еще малочисленных неоантропов в принципе могла сложиться гораздо менее удачно. У них были сильные конкуренты, которых ничто не мешает рассматривать и как своего рода «дублеров» *Homo sapiens*.

Выше говорилось уже о том, что в то время как в Африке к югу от Сахары, а затем и на Ближнем Востоке завершалось становление людей современного физического типа, в Европе развитие местных неандерталоидов привело с появлению «классических неандертальцев». Последние, идя в эволюции своим собственным путем, сумели прекрасно приспособиться к условиям севера и ледниковой эпохи. Судя по обилию находок скелетов «классических неандертальцев» и оставленных ими стоянок, а также по тому, что, как уже говорилось, ареал их обитания со временем расширился далеко за пределы Европы, это был вид, процветавший в биологическом отношении, многочисленный и экологически гибкий. В культурном отношении неандертальцы, насколько можно судить по археологическим данным, долгое время практически ни в чем не уступали неоантропам: и первые, и вторые на протяжении десятков тысяч лет обходились примерно одним и тем же (среднепалеолитическим) набором орудий, использовали для их изготовления аналогичные технологии, одинаково устраивали стоянки, охотились и т.д. *Homo sapiens*, обитавшие около 60-80 тысяч лет назад в пещерах Схул и Кафзех (Израиль), были носителями мустьерских традиций обработки камня и не отличались, насколько известно, в этом плане от неандертальцев Ближнего Востока. В Южной Африке также первые люди современного физического типа связываются с культурами местного среднего каменного века, который и хронологически, и типологически весьма близок европейскому среднему палеолиту.

Таким образом, около 100 тысяч лет назад на территории Европы и прилегающих районов, с одной стороны, и Африки — с другой, сложились как бы два альтернативных человечества (восточноазиатские материалы пока относительно малочисленны и слабо изучены, что не позволяет судить о ситуации в этом регионе). Они довольно долго, несколько десятков тысяч лет, сосуществовали, причем в отдельных районах (Ближний Восток), возможно, бок о бок. Затем, около 60 тысяч лет назад, началось проникновение неоантропов в районы, заселенные гоминидами иных типов. Сначала какие-то их группы двинулись на восток и довольно рано достигли Австралии (Chappell et al. 1996), а в период от 45 до 40 тысяч лет назад началась экспансия и на север. Чем это закончилась для неандертальцев – известно, но, тем не менее не вызывает сомнения, что конкурентами они оказались вполне достойными. В течение как минимум десяти, а скорее пятнадцати тысячелетий они пытались противостоять пришельцам, и это противостояние сыграло, по-видимому, роль главного катализатора тех изменений, которые произошли в культуре в период от 45 до 30 тысяч лет назад.

Именно в это время в памятниках сначала юга Европы и запада Азии, а потом и ряда других регионов распространяется целый ряд новых черт, довольно резко отделяющих культуру этой эпохи от культуры предшествующего периода. Из этих черт наиболее заметными и четко фиксируемыми археологически являются: 1) в области обработки камня — доминирование технологий, ориентированных на массовое производство пластин и, соответственно, преобладание в орудийном наборе изделий на пластинах, представленных зачастую новыми, ранее не встречавшимися или почти не встречавшимися формами; 2) в области обработки кости и рога — появление орудий изготовленных не посредством оббивки, а с помощью методов не применявшихся или лишь крайне редко применявшихся к камню (резание, шлифовка, сверление); 3) в сфере символотворчества — появление несомненных и достаточно многочисленных свидетельств самого существования такового (украшения, фигуративное искусство). Все эти новации знаменуют собой один из трех важнейших «переходов» в развитии доисторической культуры[1], а именно переход от среднего палеолита к верхнему[2], который часто называют еще «верхнепалеолитической революцией». Я думаю, что главной причиной этой «революции» стала именно конкуренция между *Homo sapiens* и неандертальцами.

Об этом свидетельствует, прежде всего, хронология и география перехода к верхнему палеолиту. О том, что этот процесс совпадает по времени с периодом экспансии *H. sapiens* в регионы, где автохтонным населением были *H. neanderthalensis*, уже говорилось. Еще более

важно то, что верхний палеолит появляется там и только там, где обитали неандертальцы. В районах, где последние не жили и, следовательно, не составляли неоантропам конкуренцию – в Африке к югу от Сахары, в Австралии, в Южной и Восточной Азии – нет и верхнего палеолита (либо он очень поздний, как, например, в Индии). Напротив, в районах даже удаленных и изолированных от Европы, но с явными признаками присутствия там неандертальского населения (Алтай), есть и довольно ранний верхний палеолит. Обычно, правда, считают, что в Европу и другие регионы люди современного физического типа пришли уже будучи носителями верхнепалеолитической – ориньякской – культуры, но такой взгляд основан только на традиции, а факты ему противоречат. На самом деле ориньяк в Европе явно древнее ближневосточного или переднеазиатского (барадост). Поэтому правильней, видимо, думать, что в Европу неоантропы принесли еще среднепалеолитическую в основных ее чертах культуру, и лишь там в условиях конкуренции с автохтонным населением были вынуждены осуществить целый ряд важных новаций. Однако, и это особенно важно для нашей темы, то же самое сумели сделать и неандертальцы, ставшие, как теперь считается создателями ряда верхнепалеолитических культур. Правда, для селета и улуццо такое предположение основывается пока только на косвенных данных, но для шательперрона после находок неандертальских костных останков в Арси-сюр-Кюр и особенно в Сен-Сезар его можно считать почти доказанным (Vandermeersch 1984; Hublin et al. 1996). Кроме того, кому мы обязаны происхождением ориньяка, строго говоря, тоже пока еще точно не известно (Frayer 1992: 12; Gambier 1997: 128; Straus 1997: 244-245).

Многие археологи сейчас признают существование неандертальских верхнепалеолитических культур в Европе, но объясняют его обычно аккультурацией коренного населения пришлым. Для этого, однако, тоже нет никаких фактических оснований. Конечно, что какие-то культурные взаимодействия и взаимовлияния были, но проследить в чем конкретно они заключались и каково было их направление очень трудно. Единственный опыт такого рода свидетельствует как раз о том, что костяные изделия (включая украшения) из шательперронских слоев Арси-сюр-Кюр никоим образом не могут быть связаны с костяными изделиями известными для ориньяка (D'Errico et al. 1998). Таким образом, можно предполагать, что свой вклад в становление культуры верхнего палеолита неандертальцы сделали самостоятельно, под влиянием тех же стимулов, которые двигали неоантропами.

Таким образом, на мой взгляд, правильнее рассматривать «классических» неандертальцев не как тупиковую ветвь эволюции, а как «дублеров» *Homo sapiens*, резервный вариант «венца творения»? Такая оценка хорошо согласуется и с выводами многих антропологических исследований, в которых утверждается, что по размерам и строению мозга, а также по интеллектуальным и речевым способностям, неандертальцы мало в чем уступали или совсем не уступали людям современного физического типа (Holloway 1985; Duchin, 1990; Deacon, 1992; Laitman et al., 1992; Houghton, 1993; Kay et al. 1998).

Трудно сказать пока, в чем конкретно состояли преимущества *Homo sapiens*, позволившие им в конце концов вытеснить своих конкурентов. Возможно, они были лучше организованы, лучше оснащены технически, имели более разнообразный арсенал средств и способов жизнеобеспечения. Какую-то роль сыграли, вероятно, и некоторые анатомо-физиологические особенности неандертальцев, приобретшие в новой экологической ситуации негативное значение (прежде всего, это массивность их скелета, чрезмерная «утяжеленность» тела, для поддержания которого требовались значительные энергетические затраты). В целом, однако, различия были не столь велики, как это обычно принято думать, конкурирующие стороны не разделяла непроходимая пропасть. Более того, не следует думать, что все различия были исключительно в нашу пользу. Так называемый «готовый человек» отнюдь не представляет собой идеал в анатомо-физиологическом отношении. В некоторых аспектах телесной организации гоминиды иных типов, несомненно, превосходили нас. Как заметил В. Вересаев в своих «Записках врача», «человек застигнут настоящим временем в определенной стадии своей эволюции, с массою всевозможных недостатков, недоразвитий и пережитков; он как бы выхвачен из лаборатории природы в самый разгар процесса своей формировки недоделанным и незавершенным». Кроме того, разве мы можем быть уверены, что не утратили в процессе своей длительной эволюции каких-то подлинно человеческих качеств, которыми, возможно, обладали наши столь не похожие на нас предки и которые могли бы сделать жизнь богаче и полнее? Мы не знаем, чего лишились, и не знаем даже наверняка, все ли из приобретенного стоит утраченного.

Примечания

[1] Два других – это «первая культурная революция», о которой говорилось выше, и «неолитическая революция», т.е. переход к производящему хозяйству.

[2] Свидетельства других новаций, обычно включаемых в перечень черт, разделяющих средний и верхний палеолит (см. напр. Mellars 1973; White 1982), гораздо менее наглядны и далеко не всегда поддаются однозначной интерпретации (изменение структуры поселений, методов и стратегий жизнеобеспечения и т.д.).

Заключение

«Если бы эволюция жизни столкнулась в пути с другими случайностями, если бы, в силу этого, жизненный поток разделился по-иному, мы очень отличались бы, и физически, и морально, от того, что представляем собой сейчас. А потому было бы заблуждением рассматривать человечество, каким оно предстает нам теперь, как нечто предначертанное в эволюционном движении»

А.Бергсон. «Творческая эволюция»

Эволюцию можно сравнить с путником, идущим наугад по незнакомой местности. Он не знает конечной цели своего маршрута, но тем не менее упорно движется вперед, преодолевая по мере сил встречающиеся препятствия. Там, где тропа разветвляется или требуется обогнуть внезапную преграду, путник сворачивает вправо или влево, выбирая путь, кажущийся ему наиболее удобным. Когда же он оглядывается на ходу, то видит сзади лишь небольшую часть пройденного — отрезок, отделяющий его от последнего поворота. Но вот дорога пошла в гору, шаг за шагом путешественник поднимается все выше и выше и вдруг, оглянувшись в очередной раз, он обнаруживает у себя за спиной чудесным образом преобразившуюся картину. Теперь видна не только часть той тропинки, где остались следы его ног, но и множество других троп и дорог, которые, пересекаясь и расходясь, образуют сеть, покрывающую землю до самого горизонта. Некоторые из них ведут туда же, где путник находится, другие уходят в сторону. Тропа, ранее не привлекшая внимания, видится сверху более короткой и удобной. Главное же — весь пройденный путь, еще недавно представлявшийся довольно простым, кажется теперь проложенным в сложнейшем лабиринте, запутанном и таящем множество неизведанных возможностей.

Именно таким лабиринтом, со своими тупиками и выходами, бесчисленными поворотами и развилками, является развитие органического мира на нашей планете. Эволюция человека и его предков — одна из составляющих этого процесса, она — тоже лабиринт. И хотя люди, свыкшись со званием «венца творения», часто рисуют собственную эволюционную историю как движение по единственно возможному пути к единственно возможному финалу, на деле она представляет собой историю выбора – выбора одного варианта дальнейшего движения из многих, открывавшихся на разных этапах развития. Наш многомиллионолетний путь устлан поистине неисчислимым множеством отвергнутых альтернатив — незамеченных и, разумеется, не осознанных в качестве таковых[1]. Лишь сейчас, когда с непрерывно растущей горы фактов открывается все более широкая панорама человеческого прошлого, начинаем мы понимать, что наша эволюционная история — это движение в лабиринте, что пройденный путь отнюдь не был единственно возможным, и, наконец, что выбор того или иного поворота на этом пути часто определялся лишь случайным стечением случайных же обстоятельств.

Последнее в равной мере относится и к поздним этапам антропогенеза, когда решался вопрос о том, какому из видов гоминид владеть в будущем Землей, и к самому начальному его периоду, когда ветвь, ведущая к человеку, была еще практически неразличима на генеалогическом древе отряда приматов, и наши предки делали лишь первые шаги в направлении гоминизации. Появление человека, будучи вполне закономерным выражением (не рискую употребить термин «завершением») генеральной тенденции в развитии живой природы на Земле, явилось в то же время, как это ни парадоксально, результатом целого ряда совпадений, следствием далеко не обязательного и даже маловероятного пересечения в одном месте и в одно время независимых или очень мало зависимых друг от друга природных процессов.

Примечания

[1] «Путь, проходимый нами во времени, усеян обломками всего, чем мы начинали быть, чем мы могли бы стать» (Бергсон 1998 [1907]:122). Это сказано, правда, об индивидуальном развитии человека, но вполне применимо и к развитию филогенетическому.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В.П. 1975. Возникновение человека и общества // Первобытное общество. М. 5-48.

Алексеев В.П. 1978. Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас. М.

Алексеев В.П. 1989. Антропогенез — решенная проблема или череда новых проблем // Человек в системе наук. М. 111-121.

Берг Л.С. 1977 [1922]. Номогенез, или эволюция на основе закономерностей // Берг Л.С. Труды по теории эволюции. Л.

Борзенкова И.И. 1992. Изменение климата в кайнозое. СПб.

Будыко М.И. 1989. Экологические факторы антропогенеза // Вопросы физической географии. М. 16-30.

Будыко М.И. 1990. Путешествие во времени. М.

Бунак В.В. 1980. Род *Homo*, его возникновение ипоследующая эволюция. М.

Бутовская М.Л. 1998. Эволюция человека и его социальной структуры // Природа. N.9. 87-99.

Бутовская М.Л., Файнберг Л.А. 1993. У истоков человеческого общества. М.

Быстров А.П. 1957. Прошлое, настоящее, будущее человека. Л.

Вишняцкий Л.Б. 1990. Происхождение *Homo sapiens*. Новые факты и некоторые традиционные представления // Советская археология. N.2. 99-114.

Голдовский А.М. 1974. Проблема ограничений эволюционного процесса // История и теория эволюционного учения. Вып.2. Л.

Гудолл Дж. 1992 [1986]. Шимпанзе в природе: поведение. М.

Дарвин Ч. 1951. Изменения животных и растений в домашнем состоянии // Сочинения. Т.4. М.

Дарвин Ч. 1953 [1871]. Происхождение человека и половой отбор // Сочинения. Т.5. М.

Джохансон Д., Иди М. 1984 [1981]. Люси. Истоки рода человеческого. М.

Заварзин Г.А. 1969. Несовместимость признаков и теория биологической системы // Журнал общей биологии. Т.30. N.6. 33-41.

Ибраев Л.И. 1988. О некоторых проблемах симиальной теории антропогенеза (наяпитековые истоки человека) // Философские науки. N.9. 37-46.

Иорданский Н.Н. 1994. Макроэволюция. Системная теория. М.

Каган М.С. 1974. Человеческая деятельность. М.

Коул М., Скрибнер С. 1977 [1974]. Культура и мышление. М.

Козинцев А.Г. 1994. Связи между коллективами позднеплейстоценовых гоминид: полицентризм и моноцентризм на современном этапе // Культурные трансляции и исторический процесс. СПб. 8-19.

Козинцев А.Г. 1997. Проблема грани между человеком и животными: антропологический аспект // Этнографическое обозрение. N.7. 96-104.

Кочеткова В.И. 1961. Эволюция специфически человеческих областей коры мозга гоминид // Вопросы антропологии. Вып.7. 14-22.

Линблад Я. 1991 [1987]. Человек — ты, я и первозданный. М.

Мазохин-Поршняков Г.А. 1989. Как оценить интеллект животных? // Природа. No.4. 18-24.

Майр Э. 1968 (1963). Зоологический вид и эволюция. М.

Маркарян Э.С. 1969. Очерки теории культуры. Ереван.

Маркарян Э.С. 1983. Теория культуры и современная наука. М.

Матюшин Г.Н. 1974. О роли ионизирующей радиации в процессе антропогенеза // Космос и эволюция организмов. М. 272-292.

Матюшин Г.Н. 1988. Комплексность в подходе к проблеме антропогенеза // Познание исторического процесса в археологии. М. 103-129.

Мейен С.В. 1975. Проблема направленности эволюции // Зоология позвоночных. Т.7. Проблемы теории эволюции. М.

Моисеев Н.Н. 1982. Человек, среда, общество. М.

Моисеев Н.Н., Поспелов И.Г. 1990. Направленность эволюции и разум // Природа. N.6. 3-7.

Нестурх М.Ф. 1958. Происхождение человека. М.

Пилбим Д. 1984. Происхождение гоминоидов и гоминид // В мире науки. N.5. 38-48.

Пономаренко А.Г. 1972. О некоторых критериях прогрессивного развития в живой природе // Закономерности прогрессивной эволюции. Л. 294-301.

Решетов В.Ю. 1986. Третичная история высших приматов. М.

Саган К. 1986 [1977] Драконы Эдема. М.

Симпсон Дж.Г. 1948 [1944]. Темпы и формы эволюции. М.

Сифарт Р.М., Чини Д.Л. 1993. Разум и мышление у обезьян // В мире науки. N.2-3. 68-75.

Соколов Б.С. 1976. Органический мир на пути к фанерозойской дифференциации // Вестник АН СССР. N.1.

Татаринов Л.П. 1987. Очерки по теории эволюции. М.

Тейяр де Шарден П. 1987 [1956]. Феномен человека. М.

Уокер А., Тифорд М. 1989. Охота за проконсулом // В мире науки. N.3. С.56-63.

Урысон М.И. 1976. Морфологические и хронологические аспекты проблемы выделения гоминидной линии эволюции // Биологические предпосылки гоминизации. М. 20-32.

Урысон М.И. 1978. Дарвин, Энгельс и некоторые проблемы антропогенеза // Советская этнография. N.3. 3-15.

Фирсов Л.А. 1987. Высшая нервная деятельность обезьян и проблемы антропогенеза // Физиология поведения: Нейробиологические закономерности. Л. 639-711.

Фоули Р. 1990 [1987]. Еще один неповторимый вид. Экологические аспекты эволюции человека. М.

Фридман Э.П. 1989. Эволюционные, сравнительнобиологические и исторические основания горизонтальной систематики гоминоидов // Биологические предпосылки антропосоциогенеза. М. 23-80.

Фромм Э. 1991 [1977]. Некрофилы и Адольф Гитлер // Вопросы философии. N.9. 69-160.

Харрис Дж., Джохансон Д. 1986. Археологические открытия в районе Афара, Эфиопия, стоянка Вест-Гона // Исследования четвертичного периода. М. 145-156.

Хрисанфова Е.Н. 1987. Древнейшие этапы гоминизации // Становление и эволюция человека. М. 5-92.

Эйдельман Н.Я. 1967. Ищу предка. М.

Л'Эритье Ф. 1970. Детерминизм в биологии // Философские вопросы биологии и биокибернетики. М.

Юровская В.З. 1989. Эволюция локомоций гоминоидов. // Биологическая эволюция и человек. М. 155-179.

Якимов В.П. 1966. Австралопитековые // Ископаемые гоминиды и происхождение человека. М. 43-89.

Aiello L.C. 1994. Variable but singular // Nature. Vol.368. 399-400.

Andrews P. 1981. Species diversity and diet in monkeys and apes during the Miocene // Aspects of human evolution. London. 25-61.

Andrews P. 1986. Fossil evidence on human origins and dispersal // Cold Spring harbor Symposia of Quantitative Biology. Vol.51. 419-428.

Andrews P. 1992. Evolution and environment in the Hominoidea // Nature. Vol.360. 641-646.

Arsuaga J.L., Martinez I., Gracia A., Lorenzo C. 1997. The Sima de los Huesos crania (Sierra de Atapuerca, Spain). A comparative study // Journal of Human Evolution. Vol.33. 219-281.

Ashton E.H. 1981. Primate locomotion: some problems in analysis and interpretation // The Emergence of Man. London. 77-87.

Bailey W.J. 1993. Hominid trichotomy: a molecular overview // Evolutionary Anthropology. Vol.2. 100-108.

Bar-Yosef O. 1994. The Lower Paleolithic of the Near East // Journal of World Prehistory. Vol.8. 211-266.

Begun D. 1992. Miocene fossil hominids and the chimp-human clade // Science. Vol.257. 1929-1933.

Begun D.R. 1994. Relations among the great apes and humans: new interpretations based on the fossil great ape *Dryopithecus* // Yearbook of Physical Anthropology. Vol.37. 11-63.

Begun D.R., Ward C.V., Rose M.D. 1997. Function, Philogeny, and Fossils: Miocene Hominoid Evolution and Adaptations. New York. 389-413.

Benefit B.R. & McCrossin M.L. 1995. Miocene hominids and hominid origins // Anual review of Anthrpology. Vol.24. 237-56.

Boaz N. 1997. Eco Homo. New York.

Boesch C. 1991. Teaching among chimpanzees // Animal Behaviour. Vol.41. 530-532.

Boesch C. & Tomasello M. 1998. Chimpanzee and human cultures // Current Anthropology. Vol.39. 591-614.

Bonis L. 1986. *Homo erectus* et la transition vers *Homo sapiens* en Europe // Definition et origines de l'Homme. Paris. 253-261.

Bonis L. 1987. L'origine des hominides // L'Anthropologie. T.91. 433-454.

Bonis L., Koufos G. 1995. Nouveaux documents sur les ancêtres de la lignée humaine // L'Anthropologie. T.99. 18-28.

Bowler P.J. 1986. Theories of human evolution: A century of debate, 1844-1944. Baltimore.

Brain C.K. 1981. Hominid evolution and climatic changes // / South African Journal of Science. Vol.77. 104-105.

Brauer G. 1984. A craniological approach to the origin of anatomically modern *Homo sapiens* in Africa and implications for the appearance of modern europeans // / The Origins of Modern Humans: a World Survey of the Fossil Evidence. New York. 327-410.

Brauer G. 1994. How different are Asian and African *Homo erectus*? // 100 Years of *Pithecanthropus*. The *Homo erectus* problem. Frankfurt. 301-318.

Brauer G. & Mbua E. 1992. Homo erectus features used in cladistics and their variability in Asian and African hominids // Journal of Human Evolution. Vol.22. 79-108.

Brauer G. & Schultz M. 1996. The morphological affinities of the Plio-Pleistocene mandible from Dmanisi, Georgia // Journal of Human Evolution. Vol.30. 445-481.

Brauer G., Yokoyama Y., Falgueres C., Mbua E. 1997. Modern human origins backdated // Nature. Vol.386. 337-338.

Brown F., Harris J., Leakey R., Walker A. 1985. Early *Homo erectus* skeleton from west Lake Turkana, Kenya // Nature. Vol.316. 788-92.

Brown W. Ì. 1980. Polymorphism in mitochondrial DNA of humans revealed by restriction endonuclease analysis // Proceedings of the National Academy of Science (USA). Vol. 77.

Brunet M., Beauvilain A., Coppens Y., Heintz E., Moutaye A.H.E., Pilbeam D. 1995. The first australopithecine 2500 kilometres west of the rift valley (Chad) // Nature. Vol.378. 273-275.

Brunet M., Beauvilain A., Coppens Y., Heintz E., Moutaye A., Pilbeam D. 1996. Australopithecus bahrelghazali, une nouvelle espèce d'Hominide ancien de la region de Koro Toro (Tchad) // Comptes Rendus des seances de l'Academie des Sciences. Vol. 322. 907-913.

Cadman A. & Rayner R.J. 1989. Climatic change and the appearance of *Australopithecus africanus* in the Makapansgat sediments // Journal of Human Evolution. Vol.18. 107-113.

Cann R. L., Stonekmg Ì., Wilson A. 1987. Mitochondrial DNA and human evolution // Nature. Vol. 325. 31-36.

Cann R. L., Stoneking Ì., Wilson A. 1987a. Reply // Nature. Vol. 329. 111-112.

Cerling T.E., Harris J.M., MacFadden B.J., Leakey M.G., Quade j., Elsenmann V., Ehleringer J.R. 1997. Global vegetation change through the Miocene/Pliocene boundary // Nature. Vol.389. 153-157.

Chappell J., Head J., Magee J. 1996. Beyond the radiocarbon limit in Australian archaeology and Quaternary research // Antiquity. Vol.70. 543-52.

Clarke R.J., Tobias P.V. 1995. Sterkfontein member 2 foot bones of the oldest South African hominid // Science. Vol.269. 521-524.

Condemi S. 1988. A review and analysis of the Riss-Wurm Saccopastore skulls, can they provide evidence in regard to the origin of Near eastern neandertals // L'Homme de neandertal. Vol.3. L'Anatomie. Liège. 39-48.

Conroy G.C., Weber G.W., Seider H., Tobias P.V., Kane A., Brunsden B. 1998. Endocranial capacity in an early hominid cranium from Sterkfontein, South Africa // Science. Vol.280. 1730-1731.

Coppens Y. 1989. Hominid evolution and the evolution of the environment // OSSA. Vol.14. 157-163.

Cronin J.E. 1986. Molecular insights into the nature and timing of ancient speciation events: Correlates with palaeoclimate and palaeogeography // South African journal of Science. Vol.82. 83-85.

Day M.H. 1986. Bipedalism: pressures, origins and modes // Major topics in primate and human evolution. London. 188- 202.

Dennell R. & Roebroeks W. 1996. The earliest colonization of Europe: the short chronology revisited // Antiquity. Vol.70. 535-542.

Deacon T.W. 1992. The neural circuitry underlying primate calls and human language // Language Origin: A Multidisciplinary Approach. Dordrecht. 121-162.

D'Errico F., Zilhao J., Julien M., Baffier D., Pelegren J. 1998. Neanderthal acculturation in Western Europe? A critical review of the evidence and its interpretation // Current Anthropology. Vol.39 (Supplement). 1-44.

Duchin L.E. 1990. The evolution of articulate speech: comparative anatomy of the oral cavity in Pan and Homo // Journal of Human Evolution. Vol.19. 687-697.

Foley R.A., M.M.Lahr. 1992. Beyond «out of Africa»: reassessing the origins of Homo sapiens // Journal of Human Evolution. Vol.22 (6).

Dobzhansky T. 1962. Mankind evolving. New Haven & London.

Edelstein S.J. 1987. An alternative paradigm for hominoid evolution // Human Evoluton. Vol.2. 169-174.

Ferry G. 1998. All about Eve. Mitochondrial DNA from humans ancient and modern // Wellcome News. Is.17. 20-22.

Fifer F.C. 1987. The adoption of bipedalism by the hominids: A new hypothesis // Human Evolution. Vol.2. 135-147.

Fleagle J.G., Stern J.T., Jungers W.K., Susman R.K., Vangor A.K., Wells J.P. 1981. Climbing: A biomechanical link with brachiation and with bipedalism // Vertebrate Locomotion. London. 359-375.

Foley R. 1989. The ecological conditions of speciation: a comparative approach to the origins of anatomically modern humans // The Human Revolution. Behavioral

and Biological Perspectives on the Origins of Modern Humans. Edinburgh. 298-318.
Frayer D.W. 1992. Evolution at the European edge: Neanderthal and the Upper Paleolithic relationships // Prehistoire Europienne. Vol.2. 9-69.
Frayer D.W. 1997. Perspectives on Neandertals as ancestors // Conceptual Issues in Modern Human Origins Research. New York. 220-234.
Gabunia L. & Vekua A.K. La mandible de l'homme fossile du Villafranchien supérieur de Dmanissi (Georgie orientale) // L'Anthropologie. T.99. 29-41.
Gallup G.G. 1970. Chimpanzees: self-recognition? // Science. Vol.167. 86-87.
Gambier D. 1997. Modern humans at the beginning of the Upper Paleolithic in France. Anthrpological data and perspectives // Conceptual Issues in Modern Human Origins Research. N.Y. 117-131.
Gardner R.A. & Gardner B.T. 1992. Early signs of language in cross-fostered chimpanzees // Language Origin: A Multidisciplinary Approach. Dordrecht. 351-381.
Gebo D.L. 1996. Climbing, brachiation, and terrestrial quadrupedalism: Historical precursosrs of hominid bipedalism // American Journal of Physical Anthropology. Vol.101. 55-92.
Geertz C. 1964. The transition to humanity // Horizons of Anthropology Chicago.
Gingerich P.D. & M.D.Uhen 1994. Time of origin of primates // Journal of Human Evolution. Vol.27. 443-445.
Goldstein D.A., Linazes A.R., Cavalli-Sforza L.L., Feldman L.W. 1995. Genetic absolute dating based on microsatelliths and the origin of modern humans // Proceedings of the National Academy of Science (USA). Vol.92. 6723-6727.
Goodman M., Porter C.A., Czelusniak J., Page S.L., Schneider H., Shoshani J., Gunnell G., Groves C.P. 1998. Toward a phylogenetic classification of primates based on DNA evidence complremented by fossil evidence // Molecular Phylogenetics and Evolution. Vol.9. 585-598.
Goudsblom J. 1989. The domestication of fire and the origins of language // Studies in Language Origins. Vol.1. 159-172.
Gould S.J., Gilinsky N.L., German R. 1987. Asymmetry of lineages and the direction of evolutionary time // Science. Vol.236. N.4807.
Grine F.E., Jungers W.L., Schultz J. Phenetic affinities among early *Homo* crania from East and South Africa // Journal of Human Evolution. Vol.30. 189-225.
Hardy A.G. 1960. Was man more aquatic in the past? // New Scientist. Vol.7. 642-645.
Harpending H., Sherry S.T., Rogers A.R., Stoneking M. 1993. The genetic structure of ancient human populations // Current Anthropology. Vol.34. 483-496.
Harpending H. & Relethford J. 1997. Population perspectives on human origin research // Conceptual Issues in Modern Human Origins Research. New York. 361-368.
Harris J.W.K. 1983. Cultural beginnings: Plio-Pleistocene archaeological occurrences from the Afar, Ethiopia // The African Archaeological Review. Vol.1. 3-31.
Harris M. 1988. Our kind. New York.
Hart D. & Karmel M.P. 1996. Self-awareness and self-knowledge in humans, apes, and monkeys // Reaching into Thought. The Minds of Great Apes. Cambridge. 325-347.
Heim J.L. 1988. L'Homme de Néandertal (*Homo presapiens neanderthalensis*) et les racines d'Homo sapiens en Europe // L'Évolution dans sa realité et ses diverses modalités. Paris.
Hasegawa M. 1992. Evolution of hominoids as inferred from DNA sequences // Topics in Primatology. Vol.1. Human Origins. Tokyo. 347-357.
Hewes G.W. 1961. Food transport and the origin of hominid bipedalism // American Anthropologist. Vol.63. 687-710.
Hewes G.W. 1964. Hominid bipedalism: Independent evidence for food-carrying theory // Science. Vol.146. 416-418.
Hewes G.W. 1993. A history of speculation on the relation between tools and language // Tools, Language and Cognition in Human evolution. Cambridge. 20-31.
Hiernaux J. 1981. L'influence du milieu humain sur l'évolution des genomes collectifs // Les processus de l'hominisation. Paris. 219-222.
Hill A. 1987. Causes of percieved faunal change in the later Neogene of East Africa // Journal of Human Evolution. Vol.16. 583-596.
Hill A. 1994. Late Miocene and Early Pliocene hominoids from Africa // Integrative Paths to the Past: Paleoanthropological Advances in Honor of Clark Howell. Englewood Cliffs. 123-145.
Holloway R. L. 1985. The poor brain of *Homo sapiens neanderthalensis*: see what you please... // Ancestors: the hard evidence. N. Y. 319-324.
Horai S., Hayaski K., Kondo R., Tsugane K., Takahata N. 1995. Recent African origin of modern humans revealed by complete sequences of human mitochondrial DNA // Proceedings of the National Academy of Science (USA). Vol.92. 532-536.
Houghton P. 1993. Neandertal supralaryngeal vocal tract // American Journal of Physical Anthroplogy. Vol.90. 139-146.
Huang W. & Wang D. 1995. La recherche récente sur le Paléolithique ancien en Chine // L'Anthropologie. Vol.99. 637-651.
Hublin J-J. 1986. Some comments on the diagnostic features of *Homo erectus* // Anthropos. Vol.23. 175-185.
Hublin J-J. 1988. Les plus anciens representants de la lignée prénéandertalienne // L'Homme de Néandertal. Vol.3. L'Anatomie. Liège. 91-94.
Hublin J-J. 1996. The first europeans // Archaeology. Vol.49. 36-44.
Hublin J.-J., Spoor F., Braun M., Zonneveld F., Condemi S. 1996. A late Neanderthal associated with Upper Palaeolithic artefacts // Nature. Vol.381. 224-226.
Hunt K.D. 1994. The evolution of human bipedality: ecology and functional morphology // Journal of Human Evolution. Vol.26. 183-202.
Ingmanson E.J. 1996. Tool-using behavior in wild Pan paniscus: Social and ecological considerations // Reaching into Thought. The Minds of Great Apes. Cambridge. 190-210.
Jablonka E. & Lamb M.J. 1995. Epigenetic Inheritance and Evolution. The Lamarckian Dimension. Oxford.
Jablonka E. & Szathmary E. The evolution of information storage and heredity // Trends in Ecology and Evolution. Vol.10. 206-211.
Jablonski N.G. & G.Chaplin 1992. The origin of hominid bipedalism re-examined // Archaeology in Oceania. Vol.27. 113-119.
Jablonski N.G. & G.Chaplin 1993. Origin of habitual terrestrial bipedalism in the ancestor of the Hominidae // Journal of Human Evolution. Vol.24. 259-280.
Jelinek J. 1980. European Homo erectus and the origin of *Homo sapiens* // Current Arguments on Early Man. Oxford. 137-144.
Johanson D., Edgar B. 1996. From Lucy to Language. New York.
Joulian F. 1996. Comparing chimpanzee and early hominid techniques: some contributions to cultural and cognitive questions // Modelling the Early Human Mind. Cambridge. 173-189.

Jungers W.L. 1982. Lucy's limbs: Skeletal allometry and locomotion in Australopithecus afarensis // Nature. Vol.297. 676-678.

Jungers W.L. & Stern J.T. 1983. Body proportions, skeletal allometry and locomotion in the Hadar hominids: a reply to Wolpoff // Journal of Human Evolution. Vol.12. 673- 684.

Kappelman J., Swisher C.C. III, Fleagle J.G., Yirga S., Bown T.M., Feseha M. 1996. Age of *Australopithecus afarensis* from Fejej, Ethiopia // Journal of Human Evolution. Vol.30. 139-146.

Kay R.F., Cartmill M., Balow M. 1998. The hypoglossal canal and the origin of human vocal behavior // Proceedings of the National Academy of Science (USA). Vol.95. 5417-5419.

Keith A. 1923. Man's posture. Its evolution and disorders // Brit. Medic. Journal. Vol.1. 451-454,499- 502,545-548,587-590,669-672.

Kendon A. 1991. Some considerations for a theory of language origins // Man. Vol.26. 199-221.

Kimbel W.H. 1995. Hominid speciation and Pliocene climatic change // Paleoclimates and Evolution with Emphasis on Human Origins. New Haven. 425-437.

Kimbel W.H., Johanson D.C., Rak Y. 1994. The first skull and other new discoveries of *Australopithecus afarensis* at Hadar, Ethiopia // Nature. Vol.368. 449-451.

King B.J. 1991. Social information transfer in monkeys, apes, and hominids // Yearbook of Physical Anthropology. Vol.34. 97-115.

Klein R.G. 1988. The causes of «robust» australopithecine extinction // Evolutionary History of the «Robust» Australopithecines. New York. 499-505.

Klein R.G. 1989. The Human Career. Chicago.

Klein R.G. 1994. The problem of modern human origins // Origins of Anatomically Modern Humans. New York. 3-17.

Klein R.G. 1995. Anatomy, behavior, and modern human origins // Journal of World Prehistory. Vol.9. 167-198.

Kortland A. 1980. How might early hominids have defended themselves against large predators and food competitors // Journal of Human Evolution. Vol.9. 19-112.

Kramer A. 1993. Human taxonomic diversity in the Pleistocene: Does *Homo erectus* represent multiple hominid species? // American Journal of Physical Anthropology. Vol.91. 161-171.

Kramer A., Donnelly S.M., Kidder J.H., Ousley S.D., Olah S.M. 1995. Craniometriv variation in large bodied hominoids: testing the single-species hypothesis for *Homo habilis* // Journal of Human Evolution. Vol.29. 443-462.

Krantz G.S. 1991. Bipedalism as a brachiating adaptation / / Human Evolution. Vol.6. 235-239.

Krings M., Stone A., Schmitz R.W., Krainitzki H., Stoneking H., Paabo S. 1997. Neanderthal DNA sequences and the origin of modern humans // Cell. Vol.90. 19-30.

Lahr M.M. 1994. The Multiregional Model of modern human origins: a reassessment of its morphological basis // Journal of Human Evolution. 1994. Vol.26. 23-56.

Laitman J.T., Reidenberg J.S., Gannon P.J. 1992. Fossil skulls and hominid vocal tracts: new approaches to charting the evolution of human speech // Language Origin: A Multidisciplinary Approach. Dordrecht. 385-397.

Landau M. 1991. Narratives of human evolution. New Haven & London.

Langdon J.H. 1985. Fossils and origin of bipedalism // Journal of Human Evolution. Vol.14. 615-635.

Latimer B.M. & Lovejoy C.O. 1989. The calcaneus of Ausralopithecus afarensis and its implicatons for the evolution of bipedality // American Journal of Phisycal Anthrpology. Vol.78. 369-386.

Leakey L.S.B., Tobias P.V., Napier J.R. 1964. A new species of the genus *Homo* from Olduvai Gorge, Tanzania // Nature. Vol.202. 308-312.

Leakey M.G., Feibel C.S., McDougall I., Walker A. 1995. New 4-million-year-old hominid species from Kanapoi and Allia Bay, Kenya // Nature. Vol.376. 565-571.

Leakey M.G., Feibel C.S., McDougall I., Ward C., Walker A. 1998. New specimens and confirmation of an early age for *Australopithecus anamensis* // Nature. Vol.393. 62-66.

Leakey M.G., Ungar P.S., Walker A. 1995. A new genus of large primate from the late Oligocene of Lothidok, Turkana district, Kenya // Journal of Human Evolution. Vol.28. 519-531.

Lenski R.E. & Mittler J.E. 1993. The directed mutation controversy and Neo-Darwinism // Science. Vol.259. 188-194.

Lieberman D.E. 1995. Testing hypotheses about recent human evolution from skulls // Current Anthropology. Vol.36. 159-197.

Lieberman D.E., Wood B.A., Pilbeam D.R. 1996. Homoplasy and early *Homo*: an analysis of the evolutionary relationships of *H. habilis* sensu stricto and *H. rudolfensis* // Journal of Human Evolution. Vol.30. 97-120.

Lovejoy C.O. 1981. The origin of man // Science. Vol.211. 341-350.

Macchiarelli R., Galichon V., Bondioli L., Tobias Ph. 1996. Hip bone trabecular architecture and locomotor behaviour in South African Australopithecines // Abstracts. The Sections of the XIII International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences. Forli. 109-110.

Martin R. 1993. Primate origins: plugging the gaps // Nature. Vol.363: 223-234.

Matsuzawa T. 1994. Field experiments on use of stone tools in the wild // Chimpanzee Cultures. Cambridge (MS). 351-370/

Matsuzawa T. & Yamakoshi G. 1996. Comparison of chimpanzee material culture between Bossou and Nimba, West Africa // Reaching into Thought. The Minds of Great Apes. Cambridge. 211-232.

McGrew W.C. 1991. Chimpanzee material culture: What are its limits and why? // The origins of human behavior. London. 13-24.

McGrew W.C. 1992. Chimpanzee Material Culture: Implications for Human Evolution. Cambridge.

McGrew W.C. & Tutin C. 1978. Evidence for a social custom in wild chimpanzees? // Man. Vol.13. 234-251.

McHenry H.M. 1986. Size variation in the postcranium of *Australopithecus afarensis* and extant species oh Hominoidea // Human Evolution. Vol.1. 149-156.

McHenry H.M. 1994. Tempo and mode in human evolution // Proceedings of the National Academy of Sciences (USA). Vol.91. 6780-6786.

McHenry H.M. & Berger L.R. 1998. Body proportions in *Australopithecus afarensis* and *A. africanus* and the origin of the genus *Homo* // Journal of Human Evolution. Vol.35. 1-22.

Mehlman Ì. J. 1987. Provenience, age and associations of *archaic Homo sapiens* crania from Lake Eyasi, Tanzania // Journal of Archaeological Science. Vol.14. 133-162.

Mellars P. 1973. The character of the Middle-Upper Paleolithiic transition in Southwest France // The Explanation of Culture Change. London. 255-276.

Menocal P.B. de & Bloemendal J. Plio-Pleistocene subtropical African climate variability and the paleoenvironment of hominid evolution: A combined data-model approach // Paleoclimate and Evolution with Emphasis on Human Origins. New Haven. 262-288.

Miles H.L.& Harper S.E. 1994. «Ape language» studies and the study human language origins // Hominid Culture in Primate Perspective. Niwot. 253-278.

Napier J. 1967. The antiquity of human walking // Scientific American. Vol.216. 56-66.

Nishida T. 1987. Local tradition and cultural transmission // Primate societies. Chicago. 462-474.

Olson T.R. 1985. Cranial morphology and systematics of the Hadar Formation hominids and *«Australopithecus» africanus»* // Ancestors: The Hard Evidence. New York. 102-119.

Pilbeam D. 1997. Research on Miocene hominoids and hominid origins. The last three decades // Function, Philogeny, and Fossils: Miocene Hominoid Evolution and Adaptations. New York. 13-30.

Pope G.G. 1997. Paleoanthropological research traditions in the Far East // Conceptual Issues in Modern Human Origins Research. New York. 269-282.

Povinelli D.J. 1987. Monkeys, apes, mirrors and minds: The evolution of self-awareness in primates // Human Evolution. Vol.2. 493-509.

Prost J.H. 1980. Origin of bipedalism // American Journal of Physical Anthropology. Vol.52. 175-189.

Quiatt D. & Itani J. 1994. Preface: Culture, nature, and the nature of culture // Hominid Culture in Primate Perspective. Niwot. XIII-XVII.

Ravey M. 1978. Bipedalism: an early warning system for Miocene hominoids // Sciense. Vol.199: 372.

Read C. 1920. The origin of man and his superstitions. Cambridge.

Reed K.E. 1997. Early hominid evolution and ecological change through the African Plio-Pleistocene // Journal of Human Evolution. Vol.32. 289-322.

Richmond B.G. & Jungers W.L. 1995. Size variation and sexual dimorphism in *Australopithecus afarensis* and living hominoids // Journal of Human Evolution. Vol.29. 229-45.

Rigthmire G. P. 1978. Florisbad and human population succession in Southern Africa // American Journal of Physical Anthropology. Vol. 48. 475-486.

Rightmire G.P. 1986. Species recognition and *Homo erectus* // Journal of Human Evolution. Vol. 15. 823-826.

Rightmire G.P. 1990. The Evolution of *Homo erectus*. Cambridge.

Rightmire G.P. 1994. The relationship of *Homo erectus* to later Middle Pleistocene hominids // 100 Years of *Pithecanthropus*. The *Homo erectus* Problem. Frankfurt. 319-326.

Rightmire G.P. 1995. Diversity within the genus *Homo* // Paleoclimate and Evolution with Emphasis on Human Origins. New Haven. 425-437.

Rodman P.S. & McHenry H.M. 1980. Bioenergetics and the origin of hominid bipedalism // American Journal of Physical Anthrpology. Vol.52. 103-106.

Rose, M.D. 1991. The process of bipedalization in hominids // Origene(s) de la bipedie chez les hominides. Paris. 37-48.

Rose K.D. 1994/1995. The earliest primates // Evolutionary Anthropology. Vol.3. 159-173.

Ross K., B.Williams, R.F.Kay. 1998. Phylogenetic analysis of anthropoid relationships // Journal of Human Evolution. Vol.35. 221-306.

Russell D.A. & Seguin R. 1982. Reconstruction of the small cretaceous theropod Stenonychosaurus iequalis and a hypothetical dinosauroid // Nat. Mus. Canada. Syllogeus. No.37.

Ruvolo M. 1995. Seeing the forest and the trees // American Journal of Physical Anthropology. Vol.98. 211-232.

Sarish V.M. & Wilson A.C. 1967. Immunological time scale for hominid evolution // Science. Vol.158. 1200-1203.

Sarkar S. 1991. Lamarck contre Darwin, reduction versus statistics: conceptual issues in the controversy over directed mutagenesis in bacteria // Organism and the Origins of Self. Dordrecht. 235-271.

Savage-Rumbaugh S.E. 1994. Hominid evolution: looking to modern apes for clues // Hominid Culture in Primate Perspective. Niwot. 7-49.

Savage-Rumbaugh S.E., Williams S., Furuichi T., Kano T. 1996. Language percieved: Paniscus branches out // Great Ape Societies. Cambridge. 173-184.

Senut B. 1980. New data on the humerus and its joints in Plio-Pleistocene // Collegium Anthropologicum. Vol.4. 87- 93.

Senut B. 1989. Climbing as a crucial preadaptation for human bipedalism // OSSA. Vol.14. 35-44.

Senut B. 1992. New ideas on the origins of hominid locomoton // Topics in Primatology. Vol.1. Human origins. Tokyo. 393-407.

Sibley C.G. & Ahlquist J.E. 1987. DNA hybridization evidence of hominoid phylogeny: results from an expanded data set // Journal of Molecular Evolution. Vol.20. 2-15.

Skelton R.R.& McHenry H.M. 1992. Evolutionary relationships among early hominids // Journal of Human Evolution. Vol.23. 309-349.

Smith F. H. 1985. Continuity and change in the origin of modern *Homo sapiens* // Zeitschnft fur Morphologic und Anthropologie 1985. Â.75. 197-222.

Spoor F., Wood B., Zonneveld F. 1994. Implicattions of early hominid labyrinthine morphology for evolution of human bipedal locomotion // Nature. Vol.369. 645-648.

Stanley S.M. 1992. An ecological theory for the origin of *Homo* // Paleobiology. Vol.18. 237-257.

Stoneking M., Sherry S.T., Redd A.J., Vigilant L. 1992. New approaches to dating suggest a recent age for the human mtDNA ancestor // Philosophical Transactions of the Royal Society (London) B. Vol.337. 167-175.

Storm P. 1995. The evolutionary significance of the Wajak skulls. Leiden.

Strait D.S., Grine F.E., Moniz M.A. 1997. A reappraisal of early hominid philogeny // Journal of Human Evolution. Vol.32. 17-82.

Straus L.G. 1997. The Iberian situation between 40,000 and 30,000 B.P. in light of European models of migration and convergence // Conceptual Issues in Modern Human Origins Research. New York. 235-252.

Stringer C.B. 1995. The evolution and distribution of later Pleistocene human populations // Paleoclimates and Evolution with Emphasis on Human Origins. New Haven. 524-531.

Stringer Ñ. Â. & Andrews P. 1988. Genetic and fossil evidence for the origin of modern humans // Science. Vol. 239. 1263-1268.

Sugiyama Y. 1997. Social tradition and the use of tool-composites by wild chimpanzees // Evolutionary Anthropology. Vol.6. 23-27.

Susman R.L. 1988. Hand of Paranthropus robustus from member I, Swartkrans: Fossil evidence for tool behavior // Science. Vol.240. 781-784.

Susman R.L. 1991. Who made the Oldowan tools? Fossil evidence for tool behavior in Plio-Pleistocene hominids // Journal of Anthropological Research. Vol.47. 129-151.

Susman R.L., Stern J.T., Jungers W.L. 1984. Arboreality and bipedality in the Hadar hominids // Folia Primatologia. Vol.43. 113-156.

Sugiyama Y. 1997. Social tradition and the use of tool-composites by wild chimpanzees // Evolutionary Anthropology. Vol.6. 23-27.

Swisher C.C., Curtis G.H., Jacob T., Getty A.S., Suprijo A., Widiasmoro B.L. 1994. Age of the earliest known hominids in Java, Indonesia // Science. Vol. 263. 1118-1121.

Tardieu C. 1981. Morpho-functional analysis of the articular surfaces of the knee-joint in primates // Primate Evolutionary Biology. Berlin. 68-80.

Tardieu C. 1990. Des millions d'années pour faire un bipède // La Recherche. T.220. 492-494.

Tattersal 1. 1986. Species recognition in human paleontology // Journal Human Evolution. Vol. 15. 165-175.

Thoma A. 1973. New evidence for the polycentric evolution of *Homo sapiens* // Journal of Human Evolution. Vol. 2. 529-536.

Tobias P. V. 1991. The species Homo habilis: example of a premature discovery // Ann. Zool. Fenn. Vol.28. 371-380.

Tobias P.V. 1995. The brain of the first hominids // Origins of the Human Brain. Oxford. 61-81.

Tobias P. V. 1996. Premature discoveries in science with especial reference Australopithecus and Homo habilis // Proceedings of the American Philosophical Society. Vol.140. 49-64.

Turner A. & Chamberlain A. 1989. Speciation, morphological change and the status of African *Homo erectus* // Journal of Human Evolution. Vol.18. 115-130.

Toth N., Schick K.D., Savage-Rumbaugh E.S., Sevcik R.A., Rumbaugh D.M. 1993. Pan the tool-maker: Investigations into the stone tool-making and tool-using capabilities of a bonobo (Pan paniscus) // Journal of Archaeological Science. Vol.20. 81-91.

Tuttle R.H. 1981. Evolution of hominid bipedalism and prehensile capabilities // The Emergence of Man. London. 89- 94.

Tuttle R.H. 1994. Up from electromyography. Primate energetics and the evolution of human bipedalism // Integrative Paths to the Past. Englewood Cliffs. 269-284.

Vandermeersch B. 1984. À propos de la decouverte du squelette néandertalien de Saint-Césaire // Bull. et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris. Serie XIV. 191-196.

Verhaegen M.J.B. 1990. African ape ancestry // Human Evolution. Vol.5. 295-297.

Verhaegen M.J.B. 1994. Australopithecines: ancestors of the African apes? // Human Evolution. Vol.9. 121-139.

Verhaegen M.J.B. 1996. Morphological distance between australopithecine, human and ape skulls // Human Evolution. Vol.11. 35-41.

Vrba E.S. 1985 Ecological and adaptive changes associated with early human evolution // Ancestors: The Hard Evidence. New York. 63-71.

Vrba E.S. 1993. The pulse that produced us // Natural History. Vol.102. 47-51.

Vrba E.S. 1995. The fossil record of African *Antelopes (Mammalia, Bovidae)* in relation to human evolution and palepclimate // Paleoclimate and Evolution with Emphasis on Human Origins. New Haven. 385-424.

Vrba E.S. 1996. Climate, heterochrony, and human evolution // Journal of Anthropological Research. Vol.52. 1-28.

Wainscout 1. S., Hill A. V. S., Boyce A.L. 1986. Evolutionary relationships of human populations from an analysis of nuclear DNA polymorphisms // Nature. Vol. 319. 491-493.

Walker A. 1994. Early *Homo* from 1.8-1.5 million year deposit at lake Turkana, kenya // 100 Years of *Pithecanthropus*. The *Homo erectus* problem. Frankfurt. 167-173.

Ward C.V., Begun D.R., Rose M.D. 1997. Function and philogeny in Miocene hominoids // Function, Philogeny, and Fossils: Miocene Hominoid Evolution and Adaptations. New York. 1-12.

Washburn S. & Howell F.C. 1960. Human evolution and culture // Evolution After Darvin. Vol.2. The Evolution of Man. Chicago. 33-56.

Westergaard G. 1995. The stone-tool technology of capuchin monkeys: possible implications for the evolution ofsymbolic communication in hominids // World Archaeology. Vol.27. 1-9.

Westergaard G.C. & Hyatt C.W. 1994. The responces of bonobos (Pan paniscus) to their mirror images: Evidence of self-recognition // Human Evolution. 1994. Vol.9. 273- 279.

Westergaard G.C. & Suomi S.J. 1995. Mirror inspection varies with age and tool-using ability in tufted capuchin monkeys (*Cebus apella*) // Human Evolution. Vol.10. 217-223.

Wheeler P. 1984. The evolution of bipedality and loss of functional body hair in homonids // Journal of Human Evolution. Vol.13. 91-98.

Wheeler P. 1988. Stand tall and stay cool // New Scientist. Vol.118. 62-65.

White L.A. 1959. The Evolution of Culture. The Development of Civilization to the Fall of Rome. New York.

White L. 1959a. The concept of culture // American Anthropologist. Vol.61. 227-251.

White R. 1982. Rethinking the Middle/Upper Paleolithic transition // Current Anthropology. Vol.23. 169-192.

White T.D. 1995. African omnivores: global climatic change and Plio-Pleistocene hominids and suids // Paleoclimates and Evolution with Emphasis on Human Origins. New Haven. 369-380.

White T.D., Suwa G., Asfaw B. 1994. *Australopithecus ramidus*, a new species of early hominid from Aramis, Ethiopia // Nature. Vol.371. 306-312.

White T.D., Suwa G., Asfaw B. 1995. Corrigendum // Nature. Vol.375. 88-89.

Wills C. 1996. Topiary pruning and weighting reinforce an African origin for the human mitochondrial DNA tree // Evolution. Vol.50. 977-989.

Wind J. 1989. The evolutionary history of the human speech organs // Studies in Language Origins. Vol.1. 173-197.

Wolpoff M.H. 1978. The australopithecines: A stage in human evolution // Krapincki pracovjek i evolucija hominida. Zagreb. 269-291.

Wolpoff M.H. 1983. Lucy's lower limbs: Long enough for Lucy to be fully bipedal? // Nature. Vol.304. 59-61.

Wolpoff M.H., Thorne A.G., Jelinek J., Yinyun Z. 1994. The case for sinking *Homo erectus*. 100 years of *Pithecanthropus* is enough! // 100 Years of *Pithecanthropus*. The *Homo erectus* problem. Frankfurt. 341-361.

Wood B. 1989. Hominid diversity in the Plio-Pleistocene // OSSA. Vol.14. 19-31.

Wood B. 1994a. The oldest hominid yet // Nature. Vol.371. 280-281.

Wood B. 1994b. Taxonomy and evolutionary relationships of *Homo erectus* // 100 Years of *Pithecanthropus*. The *Homo erectus* problem. Frankfurt. 159-165.

Wright R.V.S. 1972. Imitative learning of a flaked stone technology — the case of an orang utan // Mankind. Vol.8. 296-306.

Wynn T. & McGrew W.C. 1989. An ape's view of the Oldowan // Man. Vol.24. 383-398.

Yamazaki N. 1985. Primate bipedal walking: Computer simulation // Primate Morphophysiology, Locomotor Analyses and Human Bipedalism. Tokyo. 105-130.

МИГРАЦИИ В АРХЕОЛОГИИ

Некоторый избыток автохтонных интерпретаций в археологиях Новых Независимых государств, обвинительный, по преимуществу, характер оценок значения миграционных процессов в древности, заставляют вновь обратиться к этой вечной теме нашей науки. «Миграции в археологии» — так звучит постоянная рубрика журнала «Stratum plus». Постоянство такого рода вряд ли станет поводом для обвинения в тенденциозности. Во-первых, это всего лишь наименование рубрики, а во-вторых, даже при самом промиграционистском подходе к отбору статей для публикации они окажутся каплей в море господствующего автохтонизма.

Клейн Л.С.

МИГРАЦИЯ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ

Klejn L. S. Migration: archaeological hallmarks. Since the time of Kossinna and early works of Breuil the revealing of ancient migrations by archaeological means proceeds largely. However the simplified method of revealing advanced by Kossinna and his pupils (on the basis of a single type of artifacts) is recently refused. After the works of Wahle, Eggers and Hachmann archaeologists have to give up the complex principle (the template criterion of the relocation of culture) either. Still there is no new system of methods how to reveal migrations on the basis of archaeological material.

Some students (Willey, Chang) came to a conclusion that for the elaboration of such methods one needed to build theory of migrations on the basis of the ethnographical material. Yet the attempt of Gjessing to build such theory was rejected by his colleagues, and Hachmann holds such theory for impossible because of the variability of migrations. He suggests to take absolutely evident archaeological situations for initial points and to hang in each case upon sound reason and archaeological analogies. In many cases, he concludes, one must simply admit the solution is impossible.

To me another way seems more prospective. A classification of real migrations fixed in history and ethnography should be put as the basis of the elaboration, and the question of archaeological hallmarks must be considered for each class of migrations separately. It should be made on the basis of analysing the structure of migration (considered as a set of typical events, typical components). The establishment of hallmarks common to a few or even to many classes cannot be excluded either.

Not always the hallmarks seem clear and unambiguous, not always one can reveal a migration by its archaeological traces, but in order to separate reliable migrations from dubious, one must formulate the validity criteria of migration. However if the material does not suffice these criteria, still it does not mean that the autochthoneity is present. To state it one needs its own criteria of validity.

1. Предисловие. Судьба этой работы странная. Я написал ее на рубеже 1972 и 73 гг. для выступления на IX Всемирном конгрессе антропологических и этнографических наук в Чикаго. Из-за нестандартности моих взглядов об участии в археологическом конгрессе мне нечего было и думать, а в этнографическом — можно было попробовать. Но и туда меня не пустили. А вот доклад взяли. И он был напечатан в Москве на русском языке как отдельная брошюра небольшим тиражом в серии докладов советской делегации — «Археологические признаки миграций» (Клейн 1973).

Конечно, доклад проходил многостепенную проверку, в ходе которой сначала мне предложили сократить количество ссылок, а потом увеличить его за счет русских ученых: оказалось слишком много иностранцев и вообще нерусских фамилий. Затем статью переводили (уж не помню, то ли на английский, то ли на французский язык) для зачитывания на конгрессе (без меня) и печатания в трудах конгресса. Однако потом, как я ни старался, кого только из зарубежных коллег ни привлекал на помощь, я не мог отыскать эту работу ни на английском, ни на французском языках. Очевидно, «бесхозные» доклады не зачитывались и не публиковались.

Остались только брошюры на русском языке в нескольких профильных библиотеках страны. Однако и этим брошюрам не везло. С одной стороны, читательский спрос на них был очень велик, значит, они оказались нужны. Своеобразным показателем полезности является то, что из библиотеки ИИМК эту брошюру просто похитили. Мой собственный экземпляр кто-то «зачитал» — взял и не вернул. Я заказал ксерокопию, но и та исчезла. С другой стороны, эту работу очень редко упоминают в печати, ссылок на нее почти нет. Вероятно, она приглянулась не теоретикам, а практикам — не для упоминания в дискурсе, а для попыток применения. Лишь двое очень уважаемых мною теоретиков как-то сказали мне, что считают ее одной из лучших моих работ. В глубине души я с ними согласен.

Впрочем, с тех пор вся разработка проблемы критериев доказанности миграций пошла в СССР и других «соцстранах» по намеченному мною пути — разделения миграций по типам. В одной важной работе о миграциях я нашел явное использование моей брошюры — в большой статье В. С. Титова «К изучению миграций бронзового века». Это был доклад Титова на теоретическом семинаре в Москве, сделанный в 1976 г. и опубликованный в 1982. Там и определение темы мое (название главы у него: «Об археологических признаках миграций»), и спи-

© Клейн Л.С., 1999.

сок критериев тот, который сформулировал я, и с теми же своеобразными обозначениями критериев (территориальный, хронологический, лекальности), и увязка критериев с типами миграций проделывается, что я и предлагал. То есть у Титова представлена развернутая реализация моей программы. Но нет даже упоминания моего имени. Это понятно: сборник подписан к печати в декабре 1981 г. — к тому времени я уже более полугода находился в тюрьме, участие КГБ в моем деле ни для кого не было секретом, и отовсюду ссылки на меня аккуратно вычеркивались. Это тоже способствовало забвению моей работы.

Теперь она мало известна и почти недоступна большинству специалистов. Поэтому я очень обрадовался предложению журнала «Стратум» опубликовать ее повторно, так сказать вторым изданием, и занялся подготовкой ее к печати. Однако поскольку нет теперь ни цензурных ограничений, ни соображений «проходимости», я не стал делать точную копию, а предпринял восстановление первоначального текста по черновикам, внеся в публикацию всё, что вычеркнуто. Кроме того я пополнил литературные данные, умножил примеры — как-никак прошла четверть века. Но основа работы осталась без изменения.

Тех, кто удивится обилию ссылок на старые работы, я прошу всё же не забывать, что эта основа заложена четверть века тому назад. В тех случаях, когда такие работы приводятся как иллюстрации, как примеры реализации той или иной модели, не так уж важно, когда они написаны. Более современные примеры каждый может подыскать и сам.

Сразу же оговорюсь: на мой взгляд, общие причины миграций — это дело не археологии, а истории (также преистории) и социологии. Поэтому «законы миграции» демографа прошлого века Рэвенстайна (Ravenstein 1885; 1889), равно как и «теория миграций» современного социолога Ли (Lee 1966) меня здесь занимать не будут. Равенстайн выделяет три фактора, взаимодействие между которыми рассматривает для установления законов. Эти факторы — толчок (push), тяга (pull) и средства (means). Всё это касается причин миграций. Преисторические аспекты этой темы я затрагиваю в другой работе (Клейн 1974, см. также Kolmann 1976; Косарев 1972; Долуханов 1978; Shilov 1989). Как осуществляются миграции — тоже не собственно археологическая задача. Это поле этнографии и культурной антропологии (Геддон 1923; Brauk(mper 1992; 1996; Zamojski 1995; и др.). Археолога подобные разработки и сведения интересуют лишь как подспорье для прояснения проблем с археологическим материалом. Но несомненно интересуют. А вот как миграции отражаются в археологическом материале — это дело самой археологии. Этой проблемой я и занимаюсь здесь.

2. Миграционизм, автохтонизм и секвенции. Археологический материал предстает перед археологами более или менее четко сгруппированным в археологические культуры, в которых отложились в преобразованном виде этнографические (но не обязательно этнические) культуры живых обществ прошлого (Klejn 1971; 1991: 123 — 208). Из-за специфики самого материала (наличие многослойных памятников) и еще больше из-за особенностей современной организации научных исследований (разделение по странам, лакунарность обследования) исходная группировка культур оказывается их локально-диахроническим соединением. Археолог получает культуры как бы нанизанными на стержни локальных колонок сравнительной стратиграфии и составляющими локально-диахронические ряды — *колонные секвенции* (рис. 1). Таков, например, выявленный Городцовым на Донце ряд культур: ямная, катакомбная, срубная и т. д.

Так как в смене культур внутри каждого такого ряда в общем и целом обычно наблюдается культурный прогресс, то рождается иллюзия, что этим рядом представлено реальное непрерывное развитие одного и того же населения. К тому же такой быт ближе представлению ученого и кажется ему более реалистичным. Как писал Уэйс (Wace 1958: 31), «Одно дело сидя сегодня в удобном кабинете где-нибудь в Оксфорде или Гёттингене, переселять неолитический народ из Малатии в Фарсал, но было совсем другим делом для неолитическо-

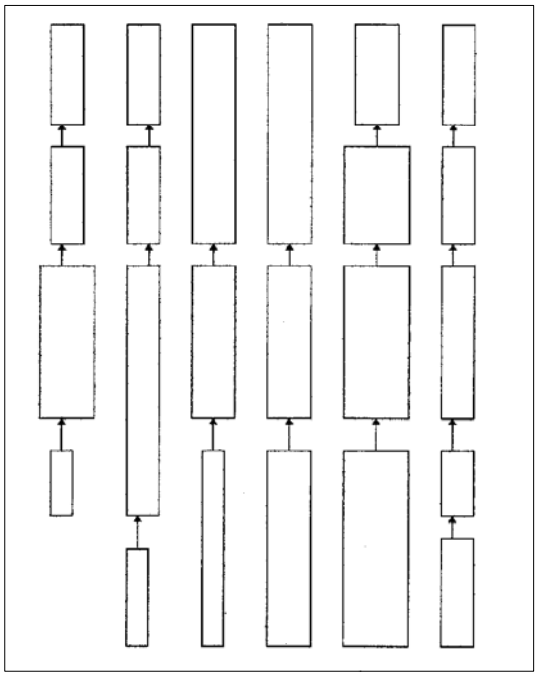

Рис. 1. Колонные секвенции. Стрелка справа показывает направление времени. Прямоугольные ячейки обозначают культуры. Стрелки, соединяющие их, отображают иллюзорную преемственность, лишь в некоторых случаях совпадающую с реальной.

го народа тысячи лет назад переселяться со всеми манатками (lock, stock and barrell)». Наивность и неисторичность подобных рассуждений видна с ходу. Сентенцию Уэйса можно повернуть и против его идеи: одно дело сидеть сегодня в удобном кабинете где-нибудь в Афинах и удерживать неолитический народ в чудесной местности, а совсем другое дело для неолитического населения выбирать между смертью на месте (от эпидемии, глада, мора, смуты или нашествия) и бегством — lock, stock and barrell — на поиски лучших земель. О мотивах можно расспросить бесчисленных сегодняшних мигрантов.

Постоянное и повсеместное независимое существование народностей — это иллюзия, и основанная на ней концепция (*наивный автохтонизм*) обходится очень бесхитростным обоснованием — подразумеваемым «законом наименьшего движения», на который, впрочем, позже появляются и прямые ссылки (это подмечено в работе Adams et al. 1978: 505).

Этой иллюзии мешает дискретность звеньев указанного ряда — *археологических культур* в колонной секвенции. Культуры резко сменяют одна другую, и корни каждой выявить довольно трудно. Происхождение каждой культуры — чрезвычайно дискуссионный вопрос (Клейн 1975). Чтобы обосновать иллюзию постоянного независимого местного развития предпринимаются попытки выявить сквозные эволюционные линии в типологии (местные традиции, сквозные типологические ряды) и ведутся поиски недостающих звеньев между культурами. С упомянутым рядом культур так поступали Круглов и Подгаецкий, Кривцова-Гракова и др.

Чем менее успешны эти попытки и поиски, тем больше повода для противоположной иллюзии — принимать каждую смену культур в колонной секвенции за результат инвазии, вторжения иноземцев, прихода нового населения (*инвазионизм* или *наивный миграционизм*). Так трактовал свой ряд культур сам Городцов. Так расценивали смены культур в регионах своих раскопок К. Кеньон, Дж. Рейснер, Л. Вулли.

Выбор между той и другой иллюзиями мог определяться самим материалом, его изученностью или идейной предрасположенностью исследователей. Так, эволюционизм третьей четверти XIX века, хотя и не имел ничего против миграций, создавал систему, в которой для объяснения ситуаций обращаться к миграциям не было необходимости, а факты, служившие аргументами миграций, задействовались иначе. Смена культур объяснялась прогрессивным развитием, сходства культур разных территорий объяснялись конвергенцией. Кризис идей прогресса, рост национализма и геополитических претензий в конце XIX — начале XX века приводили к усилению роли миграционных толкований.

Для обеих наивных крайностей была характерна одна и та же методическая ограниченность: поиски доказательств велись только внутри данной колонной секвенции. Между тем, памятники, сочетающие черты обеих культур — более ранней и более поздней — почти всегда налицо: не только при местном развитии, но и при смене населения — как результат смешивания и скрещивания пришельцев с остатками туземцев (Клейн 1961: 12 — 13; 1968; Членова 1963: 48; 1967: 6).

С другой стороны, и дискретность развития тоже проявляется не только при смене населения — к тому же эффекту могут приводить и природные катаклизмы, и социальные сдвиги, и т.п.

Возникает представление о том, что никакая автохтонность культуры не выглядит правдоподобной без сравнения предполагаемых местных корней этой культуры с возможными внешними ее корнями, уходящими в культуры других колонных секвенций. И что, с другой стороны, никакая инвазия не вправе претендовать на убедительность без демонстрации таких внешних корней, превосходящих по обоснованности материалом предполагаемые внутренние, местные корни.

От изначально заданных колонных секвенций надо перейти к трассовым секвенциям — рядам культур, соединенных последовательно

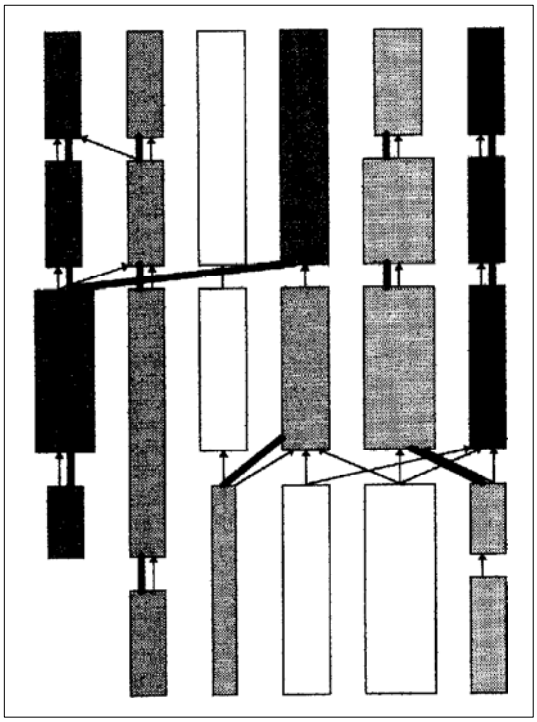

Рис. 2. Трассовые секвенции. Стрелки, которыми связаны культуры, обозначают традиции, а жирные соединительные линии обозначают основные линии преемственности. Культуры, объединяемые в одну секвенцию, связаны этими линиями и показаны одинаковым тоном заполнения.

по принципу культурной преемственности вне зависимости от территориального расположения (рис. 2). Ведь именно в этих, а не в колонных секвенциях протекал культурно-исторический процесс (Klejn 1976; 1981). На схеме в некоторых случаях стрелки культурных традиций связывают культуры одной колонной секвенции (по вертикали) — это автохтонная преемственность. Тут трассовая секвенция совпадает с колонной. В других случаях стрелки связывают культуры разных колонных секвенций (по диагонали) — это трансмиссии (импорты, влияния, заимствования). В третьих случаях такие мостики преемственности между колонными секвенциями образуются жирными линиями — это миграции.

Концепция двух типов секвенций и выдвинута мною для преодоления наивного автохтонизма и наивного миграционизма.

3. Миграционизм и трансмиссионизм. Понятие секвенций — нововведение последних десятилетий, но соответствующие ему реалии в материале наметились давно. К выявлению и прослеживанию таких секвенций археологи обратились на рубеже XIX и XX вв. Сразу же выяснилось, что трактовка этих секвенций также может быть двоякой. Снова возникают д в е и л л ю з и и .

Одна порождается привычной увязкой определенной культуры с определенным населением и сводится к представлению, что идея не передается без прихода ее носителя. Как утверждал Ф. Ратцель в «Антропогеографии», «распространение этнографических предметов может совершаться только через человека, с ним, при нем, на нем, особенно же в нем, т. е. в его душе как зародыш идеи формы. Этнографический предмет передвигается вместе с его носителем...» (Ratzel 1912: 442). «У культуры нет ног» (Die Kultur hat keine Beine), — говорил его ученик Л. Фробениус (Frobenius 1898: XIII). Контакт людей действительно необходим, но он может осуществляться и на границе ареалов, без переселения. Ошибка заключается в том, что трассовая секвенция принимается за историю культуры одного населения и почти каждая переброска трассовой секвенции из одной колонной секвенции в другую принимается за миграцию — как у Брейля. Это *миграционизм*.

Противоположная иллюзия вытекает из преувеличения роли торговли и других контактов в распространении культуры. «У идей есть крылья» (Ideas have wings), — заявил М. Уилер (Wheeler 1952: 185). Эта концепция сводится к тому, что трассовая секвенция совершенно освобождается от связи с одним и тем же населением и понимается как история определенного комплекса идей, а почти каждая переброска трассовой секвенции из одной колонки в другую рассматривается как *горизонтальная трансмиссия*, передача культуры посредством культурного *влияния* и *заимствования* — как у Шахермейра. Это *трансмиссионизм*.

Здесь есть структурная аналогия с первой парой крайностей: ситуация во многом та же, только внутренними или внешними связи и корни культур выступают не по отношению к колонной, а по отношению к трассовой секвенции.

На практике абсолютизация роли миграций, с одной стороны (миграционизм), и влияний — с другой (трансмиссионизм), выступали обычно не в обрисованном выше чистом виде, а в своеобразной идеологической арранжировке. Коссинна поставил прослеживание древних миграций на службу геополитике — идеологическому оружию германского империализма. Эллиот Смит положил влияния и заимствования в основу концепции диффузионизма, построенной как проекция отношений современного колониализма на далекое прошлое. В одном случае Центральная Европа, в другом — Египет выдвигались на роль исходного очага и главного центра культурного развития всего Старого Света. Шла вообще борьба за приоритет народов в культурном развитии, в основном между археологами центральноевропейского происхождения, с одной стороны, и восточноевропейскими археологами, а также археологами, считавшими свои народы наследниками средиземноморского очага и цивилизаций Древнего Востока, с другой.

Ни миграция, ни трансмиссия здесь не требовались для объяснения каждой переброски трассовой секвеции из одной колонной в другую, а лишь для объяснения переброс*ок центробежных* по отношению к предпочитаемому очагу; внутри же очага предполагалась автохтонность. Такой *центробежный миграционизм* (собственно, соединяющий миграционизм с *автохтонизмом*) реконструирует расселение (это *археологический экспансионизм*), а такой *центробежный трансмиссионизм* реконструирует *диффузию* (и называется *диффузионизмом*).

По географическим условиям сторонникам центрально-европейского или восточно-европейского приоритета в культурном развитии удобно было воспользоваться археологическим экспансионизмом (Коссинна, Шухгардт, Костшевский, Сулимирский), а поклонникам древневосточного наследия и претендентам на него исключительно или преимущественно для своей страны (это были в основном археологи западно-европейского района, весьма удаленного от стран Ближнего Востока — Эллиот Смит, Гордон Чайлд) пришлось прибегнуть к диффузионизму.

Впрочем, у ранних диффузионистов миграциям отводилась ведущая роль в распространении культуры (Smith 1929), а у поздних — по крайней мере важная (Childe 1950). Поскольку на практике диффузия предполагалась осуществлявшейся посредством как миграций, так и

влияний, диффузионизм можно рассматривать как общее обозначение, а миграционизм и трансмиссионизм — как две его разновидности.

Реакцией на эти злоупотребления были попытки противопоставить указанным очагам другие и повернуть миграции Коссинны вспять (Childe 1926; 1950; Borkovskyj 1933; Брюсов 1958; 1961; 1965; Gimbutas 1961; 1979; и др.). Эта тенденция преодолевала не методическую слабость миграционистских и трансмиссионистских концепций, а лишь их геополитическую направленность.

Другим вариантом реагирования на дискредитацию коссинновских «14 походов индогерманцев» и всех этих переселений из неких vaginae gentium были попытки почти или вовсе отказаться от идеи миграций (Мещанинов 1928; 1931; Кричевский 1933; Clark 1966; Adams 1968; Renfrew 1967; 1973; Skjølsvold 1981). Как в Советском Союзе, так и на Западе этот *критический* (или *рафинированный*) *автохтонизм* подпирался концепциями закономерного независимого развития под действием внутриобщественных факторов. Что это за концепции? В советской науке это были стимулированные марксизмом «метод восхождения» и теория стадиальности, на Западе — «процессуальная археология». При их принятии для объяснения социокультурных изменений просто отпадала нужда в миграциях и трансмиссиях.

Адамс с соавторами (Adams et al. 1978: 504 — 505) называют автохтонность «развитием на месте» (in situ development), а так как от этого словосочетания трудно образовать кличку для течения, то они называют его «изоляционизмом». Уилер называл «сепаратизмом» (Wheeler 1952: 180). Хокс (Hawkes 1987: 202) отчеканил для концепции автохтонного развития ярлычок «иммобилизм», который понравился Герке (Harke 1998). Но этот ярлычок по смыслу термина ('учение о неподвижности') охватывает не только приверженность к автохтонному развитию, но к и трансмиссиям: население-то при них остается неподвижным. Так что в иммобилизм войдут и автохтонизм и трансмиссионизм. Иммобилизм противостоит не диффузионизму в целом, а только миграционизму.

Между тем, на фоне кризиса «процессуальной археологии» скепсис относительно миграций стал казаться неоправданным (отчасти Adams et al. 1978; Neustupny 1982; Rouse 1986; но особенно Kristiansen 1991; Anthony 1990; 1992; Champion 1992; Mortensen 1992; Burmeister 1996; Harke 1998). В конце концов засилье этой скептической тенденции породило впечатление, что «с водой выбрасывают и ребенка» — из западных археологов первым эту формулу использовал, кажется, Ренфру (Renfrew 1987: 3), а статья Д. У. Энтони так и называется: «Миграция в археологии: ребенок и вода из ванны» (Anthony 1990, см. также 1992; Soffer 1993: 67). В 1996 г. вышел целый номер журнала, посвященный миграциям (Archaeologische Informationen 19, 1 & 2). Гораздо раньше увлечение миграциями возродилось в Советском Союзе в результате кризиса теории стадиальности (об этом см. Klejn 1977: 13-14).

4. Идеология и объективность. Все эти -измы приводили к тому, что нередко трактовка, предпочитаемая тем или иным исследователем, была предопределена его принадлежностью или склонностью к тому или иному течению. Само же течение формировалось не без воздействия политических движений и их идеологии. Конечно, сказывались и другие факторы — новые полевые открытия, изобретение новых методов, возникновение современных ситуаций, способных породить у исследователя убеждение в естественности тех или иных трактовок (напрашивающиеся аналогии — скажем, войны с массовыми переселениями). Но закономерная смена научных течений и ее связь с политическими движениями была достаточно наглядна и убеждала историографов в наибольшей важности именно этого фактора в формировании научных теорий.

Особенно преуспели в разработке такого понимания марксисты, в частности советские марксисты. Они разработали изощренную технику выявления «классовых корней» любого научного течения, а отсюда заключали к наличию «социального заказа» в основе любой теории, любой гипотезы. Эта техника была применена и к проблеме миграций (Мещанинов 1928; 1931). Любое обращение к миграционной трактовке или, не дай Бог, интерес к подобным явлениям (например, у Чайлда — ср. Богаевский 1931) приравнивались к увлечению миграциями, а это увлечение расценивалось как миграционизм. Миграционизм же рассматривался неизменно в связи с шовинизмом, расизмом и империалистической агрессией. А поскольку нередко такая связь была действительно налицо (например, у Коссинны) и придавала осмысленность истории науки, подобные обобщения выглядели респектабельно, и как-то терялось, что даже у самых заядлых миграционистов могут быть и верные наблюдения. Я об этом писал в своей статье о Коссинне (Klejn 1974).

Общую установку марксизма на выявление классовых корней франкфуртские марксисты развили в методический принцип: если научные взгляды определяются прежде всего социальной позицией ученого, то тщетно проверять его выводы на соответствие фактам. Он видит их сквозь «идеологические» очки, да и мы, проверяя его, — так же, только сквозь другие, столь же искажающие очки. Надо критически оценивать прогрессивность его общественной позиции, а кроме того — и свою позицию проверять с этой точки зрения, самокритически. Эта «критическая теория» вошла в методический арсенал пост-процессуализма и оказала огромное

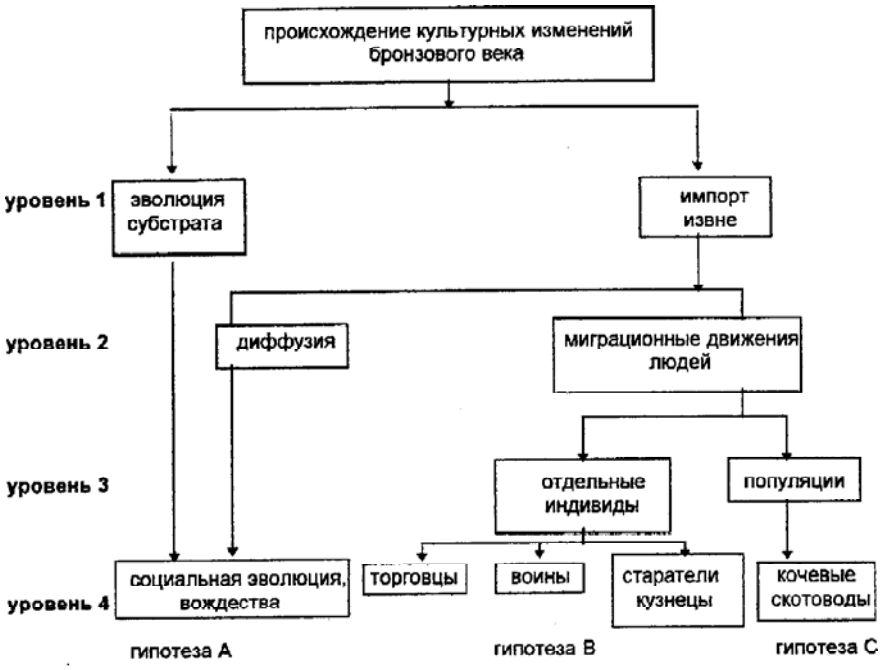

Рис. 3. Объяснительные модели для перемен в культурах бронзового века Западных Альп по А. Галле (Gallay 1981). Уровни 1–4 — это последовательные стадии логического развертывания объяснения.

влияние на рассмотрение острых проблем археологии, в частности — проблемы миграций (Shennan 1988; Gamble 1993; Härke 1998).

После всех ее разоблачений остается, правда, непонятным, как быть с тем, что и эту критику и самокритику приходится вести, глядя сквозь те же очки. Сторонники «критической теории» верят, что само осознание свой и чужой предвзятости способно выправить положение. Но в каждом случае где гарантия, что эта предвзятость оценена правильно?

Для советских марксистов вопрос этот не имел смысла: принадлежность к прогрессивному классу, к его авангарду — коммунистической партии, сама собой обеспечивала объективность. Таким образом для них партийность не противоречила объективности, давала высшую объективность. Но пафос критической теории состоял в плюрализме мнений, в отрешении от партийности. Не говоря уже о том, что сама реальность такого отрешения средствами «критической теории» под вопросом, отрешение от партийности не равно освобождению от субъективности.

Ни эти средства, ни упование на интерсубъективность не дают полной гарантии от элиминации субъективного фактора. Только разработка формальных критериев проверки гипотез и строгость их соблюдения могут обеспечить тот максимум объективности, на который вообще наука способна. В этом ведь суть научности. Это как с соблюдением общественного порядка: у многих личностей может проявиться осознанная или неосознанная тяга его нарушить, и тщетно уповать на их самоконтроль или на выяснение причин такой тяги. Но если есть продуманные законы, а общество следит за их выполнением, то порядок соблюдается.

На практике когда исследователь приступает к конкретному исследованию премственности и сходства культур, нередко он неосознанно склонен заведомо к какой-то одной трактовке. Но и в этом случае другие трактовки маячат перед ним как возможности — как ожидаемые возражения со стороны противников. Для исследователя же, который желает сохранить объективность, все три трактовки выступают как правомерные гипотезы, которые необходимо рассмотреть. Так, исследуя изменения с наступлением бронзового века в Западных Альпах, А. Галле (Gallay 1981) построил схему принципиально возможных объяснений, в которой предусмотрены все три модели, при чем в тексте указано, что компоненты этих моделей могут взаимодействовать в разных сочетаниях (рис. 3). Каждый -изм избирал только одну из этих моделей. Но каждый отдельный исследователь учитывает, обязан учитывать и проверять все три. К каждой, в том числе и к миграциям, применять продуманные и проверенные критерии доказанности.

5. Первичный критерий доказанности миграции. В спорах между этими направлениями отрабатывались методы и критерии археологического выявления миграций (Preidel 1928; Penk 1936; Tischler 1950; Schlette 1977; и др.).

Как констатирует Бурмейстер, «Часто практикуемый метод выявления миграций принадлежит к стандартному репертуару археологичес-

ких исследований: это картирование археологических признаков». По массовой концентрации признаков выделяется основной очаг («Kerngebiet») их распространения, из которого, как предполагается, они происходят. Чтобы могла идти речь о миграции, «мигрирующее население должно выйти за границы этого археологически определенного пространства» (Burmeister 1996: 13). Таким образом, напрашивается *критерий внешнего источника* для каких-то элементов, обнаруженных на той территории, куда миграция мыслится направленной (Trigger 1968: 40 — 41). То есть эти элементы должны быть опознаны как чуждые для местной культуры, а массовые аналогии им, а равно и прототипы их должны оказаться на другой территории. Этот критерий естественный, он вытекает из самой сути миграции.

Но карты распространения, как отмечает Бурмейстер, допускают троякое толкование. Распространение явлений за пределы их основного очага может быть результатом миграции, но может представлять собой импорты (как таковые опознаются — см. Olausson 1988) или культурное влияние. Характер методики определялся спецификацией — что это за элементы.

Для Коссины и других исследователей, исходивших из романтического представления о культуре как эманации народного духа (Volksgeist) или функции расы, культура во всех своих частях и элементах мыслилась самобытной и своеобразной для каждого народа. Возможность адопции привнесенных элементов сводилась к минимуму. Каждый элемент рассматривался как характерный для некоторой культуры и только для нее одной. Отсюда принцип pars pro toto (часть вместо целого) и возможность прослеживать миграции населения даже по отдельным типам вещей (Kossinna 1905; Jackson 1917; Wace and Blegen 1939; Burton 1979). Скажем, расселение индоевропейцев по находкам каменных боевых топоров (Брюсов и Зимина 1966).

Смягченным вариантом этого принципа была концепция «этнических показателей» (ethnische Marker), согласно которой не любые, а только лишь некоторые элементы культуры тесно связаны с этническим характером населения и позволяют археологам прослеживать расселения и переселения. Споры развернулись о том, какие же элементы имеют преимущественное право на статус таких показателей. — способ погребения (Артамонов 1947: 81; 1949: 133, 142, 157; Погребова 1977), или лепная керамика (Kehoe 1959; Косарев 1972: 26), или только техника ее выделки (Gifford 1928: 253; Кожин 1964), или только ее орнаментация (Фосс 1952: 65, 69 — 77), или стиль наскальных изображений (Cooke 1965), или типология кремневой индустрии (Формозов 1957), или структурные соотношения ее характеристик, выявляемые факторным анализом (Greaves 1982) или устройство жилищ (Сальников 1954: 251; Третьяков 1962: 41), и т.д.

6. Комплексный (лекальный) критерий. Между тем, еще Коссина вынужден был, защищаясь от критиков, открещиваться от простой «идентификации горшков с народами» (Kossinna 1911: 6 — 14) и признавать, по крайней мере, на словах, необходимость прослеживать ареалы и сдвиги ареалов целых культур, т.е. *комплексных сочетаний культурных элементов*. Позже критика концепции «этнических показателей» со стороны Гёрнеса, Шрадера и др. (см. Кнабе 1959; Захарук 1964: 15; Klejn 1974) привела к утверждению *комплексного критерия миграции.*

По этому критерию, для доказательства миграции нужно зафиксировать на новом месте весь комплекс форм, представленных на старом (Schuchhardt 1926: 2). Уилли (Willey 1953; 1956) обозначает этот феномен как «вторжение целостным блоком местонахождения» (site unit intrusion). У. Адамс с соавторами (Adams et al. 1978: 488) выделяют «миграции, установленные на основании распространения местонахождений» (site-based) как более убедительные, чем «миграции, установленные на основании распространения признаков» (trait-based). Культура нового ареала мыслится как бы воспроизведением культуры старого ареала, копией, вычерченной по тому же лекалу — соответственно Джеймс Диц (Deetz 1968) назвал этот критерий «*лекальным*» (template criterion). В основе этого критерия лежит убеждение в том, что миграции переносят неизменную культуру.

Гане, ученик Коссинны, писал: «А с переселяющимися народами переселяются и формопроявления их борьбы за существование, их обычаев, их мировоззрений» (Hahne цит. по Kossinna 1911 [или 1912]: 271; также Брюсов 1957). Так же представлял себе миграции Л. Н. Гумилев. Он считал, что не мигранты изменяются под воздействием новой среды, а среду они себе выбирают такую, чтобы было можно сохранить свои навыки (Гумилев 1967: 94 — 95). Это убеждение — еще одна иллюзия.

Критика учения Коссинны накопила ряд «упрямых фактов» о ложности или несовершенстве, недостаточности лекального критерия:

а) ряд зафиксированных письменными источниками миграций древних народов не прослеживается в виде полных передвижек культур (Cook 1960; Palmer 1961; Mellaart 1966), а потому археологическими средствами неуловим, и

б) наоборот, встречаются (хотя и редко) такие передвижки культур в местах, где по письменным источникам, жило одно и то же население, что показали Вале, Эггерс и др. (Wahle 1941; Eggers 1950; 1959).

Вторая категория «упрямых фактов» объяснима диффузией культуры или неполнотой письменных источников. А вот с первой категорией разобраться труднее.

Все больше накапливается соображений о том, что культура на новом месте и не может оказаться точной «лекальной» копией исходной культуры (Бернштам 1951: 117; Mandera 1957: 131).

Здесь действуют три фактора.

Первый — *эффект усреднения*. Даже при наличии континуума эволюции (что не обязательно) в археологии процесс предстает разделенным на этапы, каждый из которых характеризуется усредненными параметрами (Ford 1954). Эти средние, конечно, дальше друг от друга, чем параметры стыков обоих этапов, обычно недоступные прямому выявлению, и увязываются лишь путем интерполяции (Klejn 1969).

Второй фактор — *миграционная трансформация*. Сама миграция — встряска, которая приводила к быстрой трансформации культуры. Разрыв старых связей и установление новых, выход из старой системы отношений, перемена природной и социальной среды, ослабление старых норм и авторитетов — все это порождало резкую перестройку культуры пришельцев (Hertz 1930: 62; Клейн 1968; Hachmann 1970). Как известно, викинги, приплывая в новые страны, снимали с носов кораблей изображения своих богов, чтобы не разгневать местные божества. Многие пришельцы, даже завоеватели (как, например, монголы) относились с пиететом к божествам местного населения — считалось, что на своей земле они сильнее.

Третий фактор — *неидентичность состава*. Имеется в виду, что состав мигрантов и несомой ими культуры обычно не идентичен тому комплекту компонентов, который был в наличии на родине мигрантов.

У этого фактора есть два фиксируемых момента: *исходная неидентичность* и *конечная неидентичность*.

Для объяснения исходной неидентичности состава применима концепция *субкультур* (Deetz 1965; Clarke 1968: 234 — 244): в миграцию очень часто отправляется не все общество и не пропорциональный срез всех его слоев и сегментов (репрезентативная выборка), а одна из фракций — напр., молодые мужчины — воины или (если речь идет о ближнем и постепенном просачивании) женщины, выходящие замуж, или ремесленники и т.п. (Клейн 1963).

Для объяснения конечной неидентичности было предложено две гипотезы. В основу обеих легло следующее наблюдение: исходные очаги компонентов новоприбывшей культуры часто оказываются в разных местах — корни культуры расходятся в разные стороны. Например, тип могилы донецкой катакомбной культуры восходит к средиземноморским катакомбам, главные формы керамики и боевых топоров — к североевропейским культурам кубков, курильницы имеют аналогии на Дунае и т. д. (Клейн 1962; 1968).

Гипотеза обходной миграции (Клейн 1962; Klejn 1963; 1967) предполагает подвижную группу населения, прошедшую по всем этим очагам и вобравшую там в свою культуру данные разнородные компоненты.

Гипотеза кооперированной миграции (Hachmann 1970) предполагает, что активная группа мигрантов часто вовлекала в движение осколки соседних племенных групп с весьма широкого ареала, и культурные компоненты, захваченные ими из родных мест, быстро сплавлялись в единую культуру.

Нужно иметь в виду, что возможна *иллюзорная неидентичность* состава. Иллюзию создает недоработка классификации в исходном очаге или в конечном или в обоих: когда негомогенная масса культурных элементов принята за гомогенную (культура не разделена на локальные или нехронологические варианты, которые объективно, хотя и в скрытом виде, в ней присутствуют и на деле весьма различны). Предварительная проверка гомогенности культур становится необходимым условием выявления преемственных связей, а дифференциация — средство коррекции сомнительных ситуаций, сомнительных эффектов неидентичности состава (Клейн 1968; 1969).

Все три рассмотренных фактора — эффект усреднения, миграционная трансформация и неидентичность состава — подрывают приложимость критерия лекальности.

7. Другие критерии. Наряду с ним нередко применялись еще два — *критерий неподготовленности* и *критерий стыка*.

Критерий неподготовленности является как бы вывернутым наизнанку одним из доказательств преемственности. Таким доказательством преемственности считается постепенность развития, с длительной подготовкой изменений. Внезапность же изменений толкуется как результат вторжения иноземцев. Если смена одной культуры другой не происходит плавно, то нужно искать внешний источник этой другой культуры. Даже резкое и быстрое увеличение населения уже побуждает подозревать, что не обошлось без пополнения извне.

В. С. Титов (1982: 91 — 92) добавляет к этому особый случай неподготовленности: если изменения, затрагивающие различные стороны жизни общества, не являются прогрессивными, то есть естественными для обычного развития (прогресс он считает нормой), их можно объяснить «другой традицией, отнюдь не свойственной данной культуре», то есть они принесены другой культурой, «зачастую более примитивной и варварской по сравнению с предшествующей».

Асбьорн Хертейг критикует этот критерий: это археологический стереотип, который не учитывает возможность скачков в развитии (Herteig 1955). Не учитывается здесь и другая возможность — медленного просачивания иноземцев.

В критерии же *стыка* есть два аспекта — хронологический и территориальный.

Хронологический сводится к требованию, чтобы принимаемая за исходную культура, будучи древнее новой, все же имела с ней стык во времени или, по крайней мере, не была отделена от нее слишком большим интервалом (этот интервал не должен превышать реалистичное время, надобное на само передвижение). При существовавшей приблизительности хронологических определений критерий стыка в этом аспекте обычно не доставлял больших затруднений.

Сложнее обстояло со вторым аспектом — *территориальным*. Он заключался в требовании, чтобы обе культуры исходная и конечная — либо занимали соседние или даже взаимоналагающиеся ареалы, либо были соединены цепочкой или полосой памятников промежуточного типа — следов движения мигрантов (а при интервале во времени — следов более или менее длительного пребывания мигрантов на промежуточных территориях). Такое требование отчасти было психологической проекцией хронологического аспекта на территориальный, отчасти вытекало из убеждений в том, что первобытные миграции имели только «ползучий» характер, медленного поэтапного продвижения. Дальние разовые переселения представлялись нереальными — несмотря на очевидные конкретные примеры, засвидетельствованные письменными источниками и этнографией (Haddon 1911; Геддон 1923; Tymieniecki 1952)!

8. Перестраховочность критериев. Все три критерия — лекальности, внезапности и стыка, — были призваны застраховать исследователей от произвольного конструирования миграций. Но в совокупности они оказались явно перестраховочными и столь эффективно работали в этой своей роли, что сделали невозможной констатацию даже таких миграций, без принятия которых факты необъяснимы — напр., перемены в СМ III на Крите (ср. Клейн 1971). Если эти критерии применить ко многим хорошо засвидетельствованным миграциям (дорийцев, киммерийцев, готов, герулов, вандалов, гуннов и др.), то окажется, что эти миграции не существовали!

Между тем, сугубым скептикам — таким, как Э. Хори и Ирвинг Рауз, и этих критериев мало.

Э. Хори выдвигает четыре критерия:

1) на исследуемой территории должно оказаться существенное количество новых культурных элементов, не имеющих местных прототипов;

2) формы и стили местного материала в последних слоях изменяются;

3) есть внешний очаг происхождения новых культурных элементов, там их прототипы;

4) элементы, используемые в качестве индикаторов миграции, должны существовать в одной и той же форме и в одно время в исходном очаге и на освоенной новой территории (Haury 1958).

Рауз довел число критериев до пяти:

«1) идентифицируй мигрировавший народ как вторгнувшуюся общность в районе, где он оказался;

2) проследи эту общность рестроспективно до ее прародины;

3) удостоверься, что все проявления этой общности одновременны;

4) установи наличие благоприятствующих условий для миграции; и

5) покажи, что другие гипотезы — такие, как независимое изобретение или диффузия признаков, — не лучше удовлетворяют фактическому состоянию дел» (Rouse 1958: 64; см. также 1986; рец. Wells 1987).

Адамс считает, что смена элементов материальной культуры, особенно в керамике, способе погребения и обитания, необходима для конституирования миграций, но ее недостаточно. Нужно еще привлечь данные лингвистики, физической антропологии и других смежных дисциплин, а также учесть косвенные данные стратиграфии и территориального распространения находок. Только применение всех этих критериев даст надежную констатацию переселения (Adams 1968: 144).

Число их нетрудно и увеличить, читая критику миграционных гипотез, тогда как и трех названных выше критериев уже слишком много.

9. Конфликтная ситуация. Но если без этих критериев (с одними лишь «этническими показателями») недостаточна надежность, а с применением этих критериев недостаточна чувствительность методики, то как же быть? Которая из этих двух ситуаций — меньшее зло?

Одни исследователи предлагают примириться с первой ситуацией и признать, что наши выводы о миграциях носят *вероятностный* характер. Задачу этнографической разаработки археологической теории миграции они видят в том, чтобы изучением стабильности различных компонентов культуры оценить их сравнительные возможности как «этнических показателей» и тем создать создать базу для оценок вероятности оправдания конкретных миграционных гипотез (Gjessing 1955).

Другие предпочитают исходить из второй ситуации и примириться с неизбежностью того, что многие миграции от нашего наблюдения ускользнут. С этой точки зрения за отправной пункт в проверке миграционных гипотез надо принять *предельные случаи* — археологические казусы, представляющие *абсолютно не-*

двусмысленно феномен миграции. *Степенью близости к этим эталонам* будет определяться уровень достоверности сомнительных случаев. Сомнение же истолковывается в пользу местного, автохтонного развития. «Действительно, — пишет Мейнандер (1982: 11), — у археологов нет никакого «правила винта», по которому можно было бы отличить миграцию от аккультурации или диффузии; однако принято, что если один из критериев указывает на преемственность населения данной области, то она считается доказанной. Подобно тому, как в уголовном праве бремя доказательства лежит на обвинителе, в археологии доказательство миграции — дело ее защитника, он должен также объяснить ее побудительные причины, ведь популяции и роды не переселяются без серьезных оснований». Указав, что в суде обязанность доказывать «лежит на обвинителе», Мейнандер не объяснил, почему в археологии она должна лежать «на защитнике миграций». На чем вообще основана «презумпция автохтонности»?

Из-за разнообразия миграций этнографическая разработка теории миграций считается бесперспективной для поисков археологических критериев выявления миграций (Hachmann 1970). Да и вообще роль миграций в истории и само их количество сводятся к минимуму (Thompson 1958: 1 — 3; Renfrew 1969: 152 — 153; Trigger 1970: 32; и др.).

Титов (1982: 92 — 93) считал, что причина всех затруднений «состоит в том, что все критерии миграции, которые назывались выше, — это критерии априорные, выведенные отнюдь не из изучения реальных исторических миграций, прослеженных и археологически, а критерии чисто логические, теоретические». Да нет же. Если он имел в виду меня, то моей теоретической работе предшествовали проработки конкретных предполагаемых миграций — катакомбной культуры (Клейн 1961; 1962; 1966; 1968; Klejn 1963), скифов (Клейн 1963; 1980б) и дунайцев (этих на Крит — Клейн 1971), а через несколько лет после брошюры о критериях появилась мои статьи о миграциях индоариев (Клейн 1980а; Klejn 1984) и фригийцев (Клейн 1984). Да и другие авторы, на которых я ссылался (Адамс, Гахман, Мальмер, Рауз), разработали свои критерии на конкретных миграциях. А лучшим опровержением мнения Титова является то, что после своего разбора конкретных миграций он говорит о тех же критериях, внося лишь спецификации в их применимость.

Оба предложения — и готовность принять ненадежные реконструкции на основе вероятности, и готовность выявить лишь наиболее очевидные миграции, близкие к эталонным, — не могут удовлетворить. Без математического оформления оценка вероятности сведется к словестным оговоркам о неполной достоверности. Научная практика показывает, что такие оговорки легко теряются и гипотезы автоматически превращаются в констатации фактов (Пендлбери 1950: 24 — 25; Eggers 1959: ???). Упор на предельные казусы слишком ограничивает возможности исследования, а трудности сравнения с эталонами открывают простор для субъективизма.

10. «Прямые» и «косвенные» показатели. С вероятностным подходом связано различение «*прямых*» и «*косвенных*» среди археологических показателей миграции. При узком и несомненно более строгом понимании «прямых показателй» в границы понятия попадают только антропологические свидетельства (Malmer 1962: 806 — 808). При широком понимании — также резкие изменения в каком — либо археологическом типе и в языке текстов (Adams 1968: 197). Тогда к косвенным отойдут лишь свидетельства о сопутствующих или вызывающих миграцию событиях (напр., стихийные бедствия, военные разрушения и т. п.), а также данные об общих связях и соотношениях фактов, напр., возможная ориентировка покойников лицом к прародине (James 1957: 133 — 135).

Суть отделения прямых от косвенных — *постулат о безусловной доказательственности первых, если они доброкачественны и обильны*. Однако даже авторитет антропологических свидетельств за последние десятилетия сильно упал, возможности этих данных представляются ныне более скромными и ограниченными, чем прежде — антропологические признаки оказались более изменчивыми, чем предполагалось (Washburn 1953; Gejvall 1955; Livingston 1964). И наоборот, некоторым косвенным показателям придается столь большое значение, что их элиминация рассматривается как опровержение самой возможности миграций для данной среды (напр. Kurth 1963; Hachmann 1970: 279 — 327).

11. Разновидности миграций и их следов. Здесь многое зависит, конечно, от того, какая *разновидность миграций* имеется в виду.

Видимо, в этом и следует искать ключ к решению проблемы.

Разнообразие миграций противоречит на деле не этнографической разработке критериев выявления миграций, а лишь стремлению абсолютизировать частные критерии, действительные для отдельных рановидностей миграций, абсолютизировать и переносить их на все миграции вообще.

В основу разработки критериев должна лечь *классификация миграций* (опыты такой классификации предлагаются в ряде работ (Honigsheim 1928; Hertz 1930; Heape 1931; Kulischer 1932; Sorre 1954; Hochholzer 1959; Авербух 1970; Дьяконов 1983; и др.).

Ю. В. Бромлей (1973) сводил все варианты миграций к двум видам: 1) переселения народов (или во всяком случае больших групп на-

селения) и 2) микромиграции (переселения небольшими группами, преимущественно отдельными семьями). Это деление он выбрал потому, что оно сказывается на судьбах мигрирующего этноса: в микромиграциях он более подвержен воздействиям и размыванию. Но это важно и для судьбы культур, а значит, для археологических следов. Вольфганг Ден (Dehn 1979: 15) выявил у кельтов четыре типа миграции: 1) удаление из популяции избытка населения, главным образом молодежи; 2) выселение группы с женщинами, детьми, скотом и другим добром на новые территории; 3) военные экспедиции; 4) этнические движения, вызванные экономическими причинами.

Эвжен Неуступны (Neustupny 1981) различает 1) экспансию заселенности (settlement expansion) — постепенное расширение территории, занятой неким народом, и 2) переселения популяции (population movements) — разовые драматические события. У них разная природа явления, разная скорость и разная направленность. Должны быть и разные археологические следы. В другой работе Неуступны различает три вида миграций в густо заселенную область: 1) экспансию (так он называет миграцию с полным или частичным уничтожением местного населения), 2) заселение пришельцами промежутков между ареалами местного населения (осуществимо в основном если пришельцы и аборигены занимают разные экологические ниши и не соревнуются за земли), 3) инфильтрация — обоснование пришельцев прямо в тех же ареалах и даже (чаще) в тех же селениях, где продолжает обитать коренное население (Neustupny 1982). В другом месте той же работы он упоминает четыре вида миграций: колонизация, экспансия, инвазия и инфильтрация (Neustupny 1982: 287). Очевидно, второй пункт здесь расчленен: для него остаются инвазия (простое вторжение?) и колонизация (с овладением территорией и установлением господства?).

Кристиансен (Kristiansen 1991: 219 — 220) делит все миграции прежде всего на полномасштабные (full-scale) и выборочные (select). В свою очередь полномасштабные делятся на три типа: 1) перемещения силой государства, империй, 2) из-за социальных конфликтов и племенной вражды, 3) от экологического и экономического давления. Выборочные переселения делятся на четыре типа: 1) завоевания, 2) движения купцов, 3) основание торговых станций и колоний, 4) выселение трудовых групп и изгоев. Нетрудно заметить, что в основу вторичного деления Кристиансен положил мотивы переселения. Сомнительно, чтобы это непосредственно сказывалось на археологических следах.

В советской археологии типы миграций рассматривлись в тесной связи с социально-экономическим развитием общества, поэтому деление шло по эпохам. Н. Я. Мерперт (1978) выделяет три «модели» миграций — для палеолита, неолита и энеолита. Первая модель характерна для охотников-собирателей и вызвана прямо изменениями в природной среде — движением ледников, трансгрессиями и регрессиями морей, сдвигами ландшафтных границ, миграциями животных, стихийными бедствиями. Эти миграции носили характер переселений и особенно характерны для палеолита. Вторая модель определяется экономическими факторами, в частности давлением избытка населения вследствие демографического роста при ограниченных возможностях производства. Хозяйство экстенсивное — осваиваются новые регионы. Это в основном неолитическое расселение. Третья модель обусловлена экономическими и социальными причинами — экономическим и социальным неравенством, борьбой за источники сырья, за возможности эксплоатации и за власть над народами и территориями. Эта модель появляется с металлом. Она связана с завоевательными походами и военными вторжениями.

Испанский археолог Гонзало Руис Запатеро на основе мерпертовской класификации построил три структурных модели миграции: 1) модель передвижения небольших групп, 2) модель непрерывной (мы бы сказали «ползучей») экспансии — Аммерман и Кавалли-Сфорца называют этот тип миграции «волной продвижения» (Wave of Advance — см. Ammerman and Cavalli-Sforza 1979) и 3) модель выброса разовых миграций, в основном на дальние растояния — Хуфмен назвал этот тип «моделью дробовика» (Huffman 1970). Руис Запатеро предложил графические схемы всех трех моделей (рис. 4 — 6) и привел археологические примеры (Ruis Zapatero 1983). Когда Бурмейстер строит общую модель миграции (см. рис. 7), он в сущности имеет в виду только один ее вид — непрерывную экспансию (в виде инфильтрации или колонизации), при чем на схеме показаны лишь долговременные взаимоотношения первой волны дочерних поселений с метрополией, тогда как обычно эти дочерние поселения сами становятся источником дальнейшей экспансии.

Для бронзового века Титов (1982: 99 — 101, 140 — 143) выделил три типа миграций. В основу деления он положил не причины миграций, а соотношение между местной и пришлой культурами — между субстратом и суперстратом. «Ведь именно это соотношение известно археологу лучше, чем причины миграции».

В миграциях первого типа субстрат совершенно или почти не ощущается. Примеры — миграция культуры Эздрелон в Палестину, экспансия культур боевого топора и шнуровой керамики. Тут возможны три варианта: 1) новая культура появляется в районах ненаселенных, слабо населенных или покинутых прежним населением, 2) новая культура долго не входит в контакт с местной (как ямная культура на Бал-

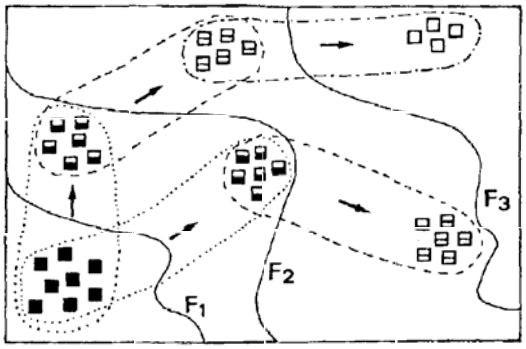

Рис. 4. Модель передвижения небольших групп охотников-собирателей по Руису Запатеро (Ruis Zapatero 1983: fig. 2). F1, F2, F3 — последовательные стадии продвижения фронта экспансии.

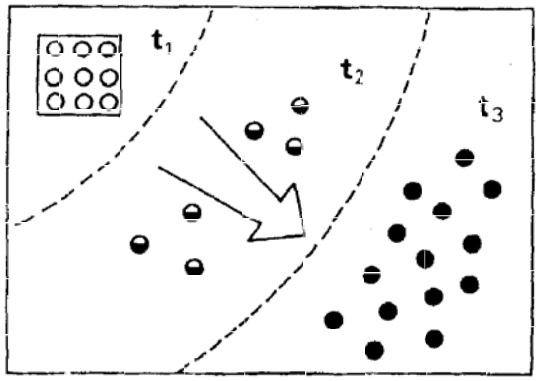

Рис. 5. Модель непрерывной экспансии («Волна продвижения») по Руису Запатеро (Ruis Zapatero 1983: fig. 3A). Миграция реализуется радиальным продвижением на короткие дистанции. В последовательные периоды времени (t1, t2, t3) на разных этапах продвижения отлагаются серии памятников, которые несколько отличаются одна от другой, отражая модификацию культурных характеристик с течением времени.

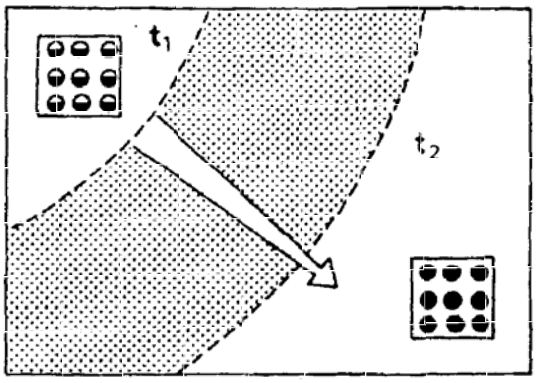

Рис 6. Модель разовых миграций по Руису Запатеро (Ruis Zapatero 1983: fig. 3B).

канах), и 3) местная культура целиком подавляется пришлой. Источник всех трех в основном — сегментация племен. Так проходила неолитизация Европы. Не испытывая влияния со стороны местной культуры, пришлая не отличается от своей материнской. Поэтому к миграциям этого типа приложимы как критерии лекальности, так и хронологический и территориальный.

В миграции второго типа культура пришельцев значительно ниже по уровню, чем местная, и пришлая культура почти не накладывает отпечатка на местную культуру. Таковы: миграция семитских кочевников-аккадцев на шумерские территории в начале раннединастического времени, западносемитская или аморитская инфильтрация в Месопотамию и Палестину, хуррийская экспансия, индоевропейское (лувийское и хеттское) вторжение в Анатолию. Таким же по-видимому было вторжение греков в Эгейский мир. Проследить такие миграции археологу очень трудно. В таких случаях археолог делает выводы преимущественно по данным письменности, лингвистики и антропологии. Критерий лекальности не работает. Имеют иногда значение косвенные признаки: резкие, иначе необъяснимые изменения в направленности развития культуры, опустошение и запустение целых регионов. Миграция имеет вид инвазии или инфильтрации. Это миграции бронзового века, особенно миграции кочевников в область оседло-земледельческих культур.

К третьему типу относятся миграции, в которых пришлая и местная культуры с самого начала предстают перед археологом смешанными, а в чистом виде суперстратной культуры нет. Примеры — миграция «династической расы» («почитателей Гора») в Египет, хирбет-керакская экспансия в Сирии и Палестине, инвазия гиксосов в Египет, возможно, прибытие «микенцев» в Грецию. Пришлые черты могут модифицироваться в новой среде, а могут исчезнуть. Критерий лекальности неприменим (полный объем пришлой культуры ведь и не выявлен), а территориальный и хронологический применимы. Титов отмечает три варианта этого типа: в первом новые черты (пришлого населения) с самого начала выступают в смешении с местными; во втором лишь отдельные черты заставляют говорить о миграции; в третьем суперстрат — это небольшой набор, а субстрат в разных областях разный (как у культуры колоколовидных кубков).

Приведенные классификации показывают, что различные виды миграций должны оставлять разные археологические следы. Одно дело миграция всего общества (результат — передвижка целой культуры), другое — миграция одного сегмента общества (результат — отпочкование части субкультуры). Постепенное просачивание и разовый бросок, мирное проникновение и военное нашествие, с вытеснением, а

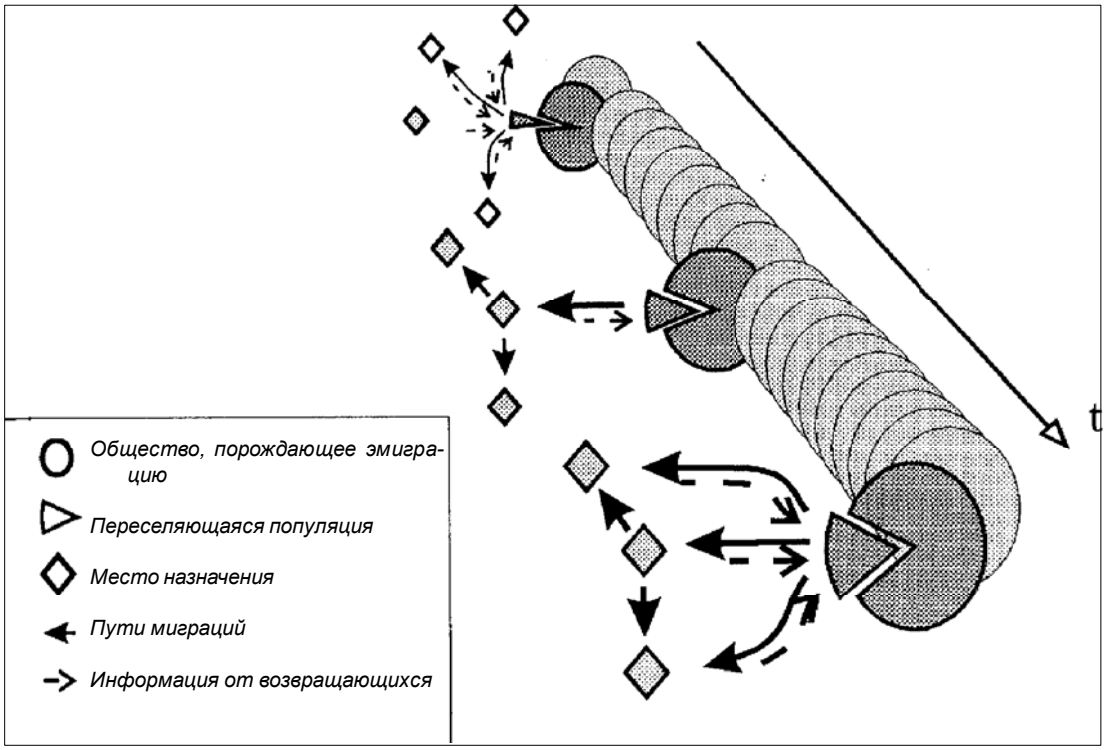

Рис. 7. Модель миграционного процесса по Штефану Бурмейстеру (Burmeister 1996: Abb. auf der Seite 19). Показан со стороны источника неоднократных миграций: на траектории существования этого общества некоторые фазы дают миграционные выбросы, а дочерние поселения сохраняют связи с основным очагом.

то и уничтожением старого населения или с его ассимиляцией и т.д. — все виды миграций оставят разные археологические следы.

12. Частные критерии. Вопрос об археологических критериях миграции должен решаться на первых порах *для каждого класса миграций* отдельно. Дело не в применимости или неприменимости каких-то критериев к тому или иному типу миграции. Критерии применимы к миграции вообще, ко всем типам миграции. Дело в положительном или отрицательном ответе на сформулированный в соответствии с данным критерием вопрос. Как показывает анализ Титова, ответ на один и тот же вопрос может оказаться положительным для разных типов миграции. И не все ответы должны оказаться положительными, чтобы можно было признать наличие миграции. Разные сочетания ответов могут оказаться свидетельствами миграции, но разных типов миграции.

Описывая инфильтрацию как вид миграции, Неуступны (Neustupny 1982) разбирает три археологических примера: культура шаровидных амфор в Чехии (ее носители, по Неуступному, живут на поселениях Ривначской культуры), культура шнуровой керамики в Латвии (на субнеолитических поселениях) и культура колоколовидных кубков в Венгрии (на поселениях культуры Мако). Упоминает еще и предположительное проживание людей со шнуровой керамикой на поселениях культуры Оверньe в Швейцарии. К сожалению, он не приводит ни одного этнографического примера, хотя такие имеются. «Инфильтраця, как мы ее называем, не напоминает ничего подобного среди современных популяций» (Neustupny 1982: 290). Между тем, в этнографической литературе описаны случаи такого «симбиоза» — например, в Африке тано (тева) уже третий век живут среди хопи (Redfield 1961: 30).

Неуступны отмечает, что в археологии этот вид проявляется специфически: а) пришлое население не основывает собственных поселений, б) не теряет собственную культуру в течение многих поколений и в) равномерно покрывает обширные области. Слияние инфильтрировавшейся культуры с местной происходит после длительного периода сосуществования. Думается, что всех этих признаков вместе взятых маловато для констатации постулированного исследователем вида миграции. Требуется еще и обнаружение носителей обеих культур на одном и том же поселении.

Еще один признак инфильтрации, археологически улавливаемый, — мирное сосуществование обеих групп населения. В основе инфильтрации лежит сегментация племен. Отдельные семьи поселяются в качестве меньшинства среди инокультурного населения, но

сохраняют при этом свои социальные связи с другими семьями, переселившимися в соседние селения. Поскольку такая миграция была сравнительно легкой, мирной, бесконфликтной, она позволяла в случае демографического избытка в исходном очаге за короткий срок освоить обширные пространства по соседству. Результат же взаимодействия местной и пришлой культур зависит от их развитости, соответствия местной природе и количественного соотношения.

Неуступны признает, что при скудости археологических материалов следы инфильтрации будет трудно отличить от результатов торгово-обменных отношений. Еще сложнее будет идентифицировать инфильтрацию, если обе культуры известны только по погребениям. Исследователь считает, что это обстоятельство скрывает от наших глаз многие преисторические миграции. Он склонен подводить под постулированный им вид миграции многие ситуации первобытности, в частности неолитизацию Европы во многих случаях. Вероятно, еще более близка этому типу славянская колонизация лесной полосы и славянизация финнских племен, хотя здесь пришельцы селились скорее всего отдельными поселениями.

Таков один из видов миграции и таковы его археологические признаки.

13. Структурный состав миграции и ее компоненты. Среди археологически фиксируемых признаков миграций можно будет различать признаки *большей или меньшей степени общности*. Можно будет увязать разные признаки с определенными видами миграций и рассматривать каждый вид миграции как комбинацию разных событий, оставляющих своеобразные следы. Собственно говоря, признаки должны быть приписаны не видам миграций непосредственно, а специфическим видам более частных событий, которые могут быть связаны с определенными видами миграций. Так что изучая археологические следы, мы выявляем лишь признаки определенных событий и по сочетанию этих признаков получаем в конце сочетание таких событий, а затем уже можно посмотреть, какой вид миграций состоит из таких событий.

Такие операции потребуют структурно-логического анализа каждого вида миграций как *системы событий*. Начинать, видимо, надо с общего понятия миграции. Так, в 1973 г. я отмечал (Клейн 1973: 3), что широкое понятие *миграции* включает в себя три крупных компонента: *эмиграция* + *переселение* + *иммиграция*. Для полноты спереди к ним можно было бы добавить предмиграционное состояние — мотивацию миграций, а сзади — последствия миграции. Кристиансен (Kristiansen 1991: 219) различает в каждой миграции (он предпочитает называть их «переселениями популяций» — population movements) три основных компонента: вторжение чуждой группы («переселение»), путь миграции («связь») и материнскую культуру («происхождение»). Его «происхождение» приблизительно соответствует моей «эмиграции». «Переселение» у него оказывается в двух разных значениях, во втором оно равнозначно более употребительному «иммиграция» (ср. Myhre and Myhre 1972). Употребительное также понятие «инвазия» обозначает частный случай иммиграции — это массовая и насильственная разновидность иммиграции (см. Adams et al. 1978: 488). Терминология Кристиансена неудобна, но само деление представляется мне рациональным. Скажем, в общее понятие «пути» (у Кристиансена «связь», у меня «переселение») войдут не только конретные данные, но и категории прохождения: происходило ли оно на смежных землях или на расстоянии, на близкую или далекую дистанцию, прямо или «обходным» путем.

В борьбе против миграционизма Клайв Геймбл (Gamble 1993) анализом структуры передвижения популяции вообще подрывает само понятие миграции как объяснительного средства. Сходства на больших расстояниях в культуре палеолита он объясняет накоплением постоянных передвижений в следовании за дичью. Ссылаясь на Кларка и Линдли, К. Геймбл дает ряд определений понятиям, связанным с миграцией: «миграция» у этих исследователей — только дискретное кратковременное событие, включающее в себя движение из одного типа мест в другой между областями, различающимися по природной среде. Миграция у них только событие, тогда как передвижение может быть и процессом, а результат один. «Рассредоточение» («дисперсия») — более общий, но всё еще короткий во времени процесс распространения личностей или групп на незаселенные ими прежде территории. «Колонизация» — более широкомасштабный процесс расширения области существования некой группы, включающий в себя прочное освоение прежде не занятых данной группой территорий и не использованый ею ниш. И т. д.

Предложенные Геймблом модели, раскрывающие механизм таких передвижений для палеолита, вызвали опровержения (Ott 1993; Soffer 1993). Принятая им терминология также неудобна, так как игнорирует сложившуюся традицию словоупотребления: «миграция» — есть самый общий термин для переселения людей насовсем, употребляющийся независимо от различия областей. Что же касается продолжительности осуществления (событие или процесс), то, как можно было видеть, многие исследователи, занимавшиеся этой темой, в своих классификациях не отбрасывают постепенное длительное просачивание, считают его разновидностью миграции, тем более, что на микроуровне (применительно к отдельным людям

и семьям) трудно провести границу различения. И, что для археолога главное, на макроуровне мало различимы результаты. Если уж выделять миграции как только события, то тогда надо принять термин «передвижения» (или, как у Кристиансена, «переселения популяций») для общего обозначения и сделать именно это понятие главным объектом исследования. Всё сведется только к передвижке терминов.

Для анализа структуры пригодится предложение Титова — учесть разные соотношения культур пришлой и местной при миграции. Именно это сделал для истории древнего мира (в основном III и II тыс. до н. э.) И. М. Дьяконов (1983). У него рассмотрены следующие типы изменений этнического состава в результате миграции: 1) полное истребление мигрантами местных жителей — он считает это возможным, только если последние были чрезвычайно малочисленны и слабы; 2) полное выселение с захваченной территории — мыслимо как а) самих мигрантов, так и б) вытеснение ими туземных жителей (это также исключительная редкость); 3) разреживание, т. е. частичное (иногда весьма сильное) истребление или вытеснение первоначального населения — это бывает в результате завоевания, но нет ясных данных, чтобы такие завоевания приводили к коренным этническим метаморфозам; 4) частичное насильственое смещение больших групп населения (массовая депортация) — это возможно лишь в условиях существования сильных государств и мощных средств принуждения; 5) частичные добровольные перемещения (как скотоводов, так и земледельцев). Последний тип возможен в трех вариантах: а) нашествия-набеги скотоводческих племен, совершавшиеся без женщин и с целью грабежа; б) захват мелких государств небольшими группами кочевников-скотоводов; в) добровольное смещение замледельческой популяции — уход части ее на смежные или заморские территории из-за возникновения избытка населения. Избытком же населения вызван и еще один тип соотношений: 6) постепенное растекание населения из центра, где создался его избыток. Это бывает в земледельческих районах.

Более обобщенно разные последствия миграции классифицированы и показаны на схеме у Руиса Запатеро (рис. 8). На схеме перечислены: 1) «абсорбция» пришлой культуры в местную, 2) «экстерминация» (истребление) местной культуры, 3) «ассимиляция» местной культуры, 4) «пространственно-временное сосуществование» обеих культур и 5) вытеснение и «замещение» местной культуры. Возможно представить и 6) «реставрация» — уничтожение или вытеснение пришлой культуры. Каждое из этих соотношений оставит определенное сочетание археологических следов.

Именно увязка определенных категорий археологических фактов с определенными разновидностями событий как *структурными компонентами* миграции позволит перейти от накопления частных критериев разновидностей миграций к *общей теории археологических критериев миграций*.

Деление свидетельств на «прямые» и «косвенные» выступит сугубо относительным. Каждая категория сигналов о миграции окажется прямым свидетельством для одного из возможных структурных компонентов миграции (например, для демографического взрыва или для военного нашествия) и косвенным — для ряда других компонентов. А вот привело ли включение этого фактора в данном случае к переселению народа или его части и, наоборот, было ли оно необходимо для осуществления такого события (то есть дает ли его отсутствие право отрицать такое событие) — это уже зависит от места данного компонента во всей системе данной разновидности миграции.

Это зависит также и от того, в каких вообще разновидностях миграции он способен участвовать и способен ли он участвовать в иных системах событий — не миграционных. Вполне воз-

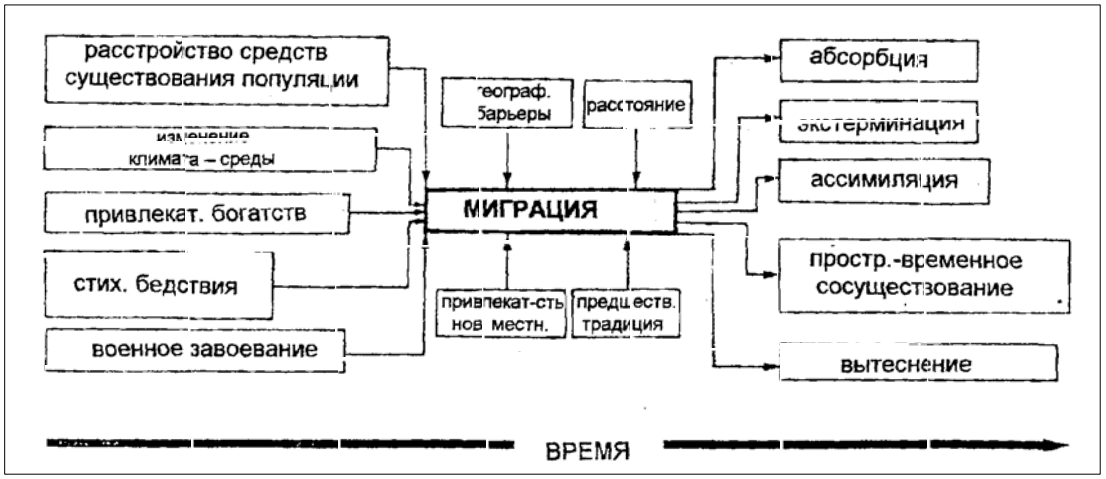
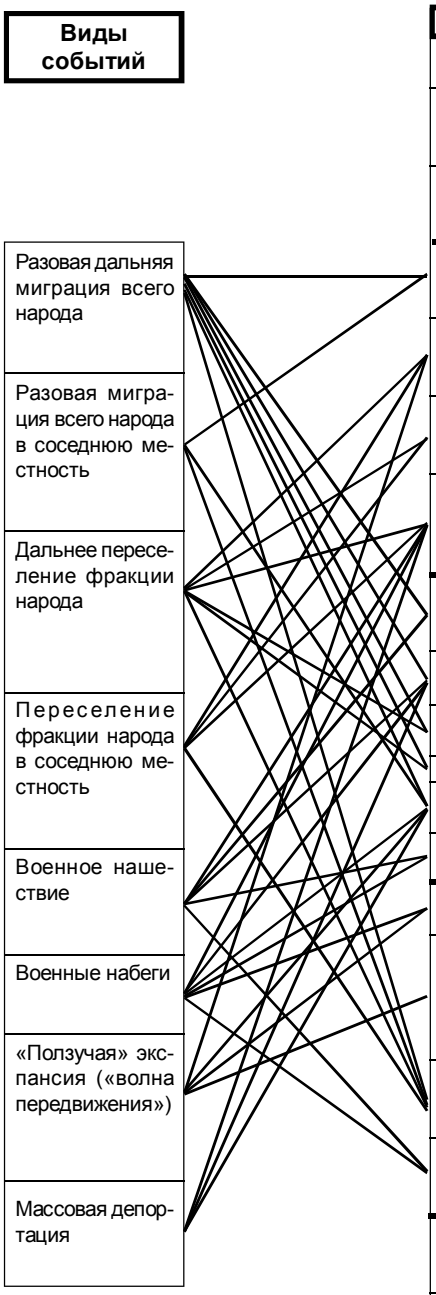

Рис. 8. Модель феномена миграции: причины, обстоятельства и последствия, по Руису Запатеро (Ruis Zapatero 1983: Fig. 1).

Компоненты	Археологические следы
Демографический взрыв в исходном очаге	Увеличение числа памятников на единицу времени
Стихийное бедствие в исходном очаге (неурожаи, изменение климата, эпидемии и т. п.)	Уменьшение числа памятников на единицу времени, данные естественнонаучные
Социальные коллизии в исходном очаге или давление извне	Появление городищ, вооружённость
Эмиграция полная (или почти полная)	Исчезновение памятников данной культуры в её ареале и появление их в другом
Эмиграция частичная с разделением (отпочкование колонии)	Появление памятников данной культуры в новом ареале при сохранении их и в старом
Эмиграция частичная (удаление избытка населения — молодых)	То же, но в новом ареале не все её традиции налицо
Эмиграция частичная (уход воинов в поход, удаление изгоев религиозных, этнических или социальных)	То же, но в новом ареале главным образом её военные или другие особые комплексы и традиции
Поэтапное передвижение на дальнее расстояние	Могут остаться памятники и находки на промежуточных территориях
«Марш-бросок» на дальнее расстояние	Никаких следов на промежуточных территориях
Обходная миграция	Следы одной из мигр. групп на территориях других
Кооперированная миграция	Таких следов нет
Перемещение в соседнюю местность	Смежность территорий обеих культур
Военный поход	Находки оружия, опустошение местности
Контакт на границе ареалов	Дисперсия находок культуры за её границей с другой
Иммиграция — постепенное просачивание (торговцев, брачующихся, рабов, наёмной рабочей силы, поселенцев, кочевников)	Соответствующие находки и комплексы убывают в числе по мере удаления от границы
Иммиграция — вторжение	Местонахождения пришлой культуры равномерно покрывают всю территорию
Инвазия (военный захват, завоевание)	Гибель крепостей и посёлков, следы осады и штурма, упадок культуры
Захват власти небольшой группой воинов или кочевников	Выделение богатых погребений по чужеродному обряду плюс антропологич. данные
Изменение мигрантов под воздействием новой среды	В комплексах пришлой культуры примесь местных черт
Абсорбция пришельцев	Только ранние комплексы пришлой культуры чистые, в остальных преобладание местных черт
Сосуществование пришельцев с аборигенами	Комплексы обеих культур вперемежку
Ассимиляция местных жителей	В местных комплексах всё больше черт пришлой культуры
Подчинение местных жителей	Комплексы пришлой культуры — с оружием и в центре, вокруг — местной и без оружия
Вытеснение местных жителей	Исчезновение местных комплексов в прежнем ареале и появление их вне его
Разреживание аборигенной популяции	Уменьшение густоты встречаемости местных комплексов
Истребление прежних жителей	Исчезновение местных комплексов и замена их пришлой культурой

Рис. 9. Схема археологического проявления миграций: соотношения между видами миграций, их составными компонентами и археологическими следами. Жирными горизонталями разделены группы компонентов миграции, относящиеся к пяти различным основным частям ее структуры — мотивировке, эмиграции, передвижению, иммиграции и последствиям

можны случаи, когда наличные факты в силу их многозначности или из-за малочисленности неполностью удовлетворяют критериям доказанности миграции, но и не противоречат миграционной гипотезе.

С таким пониманием связан *отказ от любых презумпций* — как миграции, так и автохтонности или трансмиссии культуры. Каждая из этих гипотез должна доказываться особо, и невозможность в каком-то случае доказать одну из них не означает автоматического утверждения другой, а только повышает ее шансы на утверждение. Есть только одна презумпция в науке. Она гласит: если ничего не доказано, то ничего утверждать нельзя.

На моей таблице (рис. 9) представлены примерные соотношения между *видами миграций*, их *составными компонентами* и *археологическими следами* последних. Из компонентов первую группу составляют *причины миграций* — их выявление усиливает доказанность миграции, но не является необходимым и они не имеют строго избирательного распределения по видам миграции. Обычно они пополняют число косвенных доказательств. Вторую группу составляют разновидности выхода из исходного очага (*эмиграция*). Третью группу составляют разновидности *передвижения* из исходного очага в конечный. Четвертую группу составляют типы *иммиграции* — прибытия иноземцев в конечный очаг. Именно компоненты, входящие во вторую, третью и четвертую группы, распределены избирательно по видам миграции и сочетание их является определяющим для вида. Пятую группу составляют *последствия миграции* для мигрантов и аборигенов. Эти компоненты снова не имеют строго избирательного распределения по видам, они вносят спецификацию в любой вид.

Хотя компоненты миграции помещены на таблице в тесной увязке с археологическими следами (в широком смысле) и эти две колонки сомкнуты, на деле, строго говоря, такого сугубого соответствия нет, потому что события и вещи живой культуры не отлагаются в археологическом материале такими, какими они были. Между событиями, как и и вещами, живой культуры и их археологическими следами огромное расстояние во времени и множество разрушительных и искажающих процессов и факторов. Одинаковые события и вещи могут привести к разным археологическим следам, а остатки от разных событий и вещей могут столь упроститься и обедниться, что приобретут одинаковый вид.

Нужно также учесть, что, дабы избежать усложнения, на таблице совершенно не показаны те иные, не миграционные события (трансмиссионная диффузия, конвергентные местные инновации и т. п.), в которых могли участвовать по отдельности те же компоненты, которые в другом сочетании образуют миграцию. Не показаны и те иные компоненты, от которых могли остаться те же археологические следы. Доказательство и реконструкция миграции гораздо сложнее, чем это может представить любая схема, но схема позволяет ориентироваться в многообразии фактов и выбрать оптимальный путь доказательства и реконструкции.

ЛИТЕРАТУРА

Авербух М. С. 1970. Войны и народонаселение в докапиталистических обществах. Опыт историко-демографического исследования. Москва, Наука.

Артамонов М. И. 1947. Вопросы истории скифов в советской науке. — ВДИ, 3: 68 — 82.

Артамонов М. И. 1949. Этногеография Скифии. — Ученые записки ЛГУ, 85, Ленинград., : 129 — 171.

Бернштам А. Н. 1951. Очерк истории хуннов. Ленинград, изд. Ленинградского Университета.

Богаевский Б. Л. 1931. К вопросу о теории миграций. Сообщения ГАИМК, 8: 35 — 38.

Бромлей Ю. В. 1973. Этнос и этнография. Москва, Наука.

Брюсов А. Я. 1958. К вопросу об индоевропейской проблеме. — СА, 3: 18 — 26.

Брюсов А. Я. 1961. Об экспансии культур с боевыми топорами в конце III тысячелетия до н. э. — СА, 3: 14 — 33.

Брюсов А. Я. 1965. Восточная Европа в III тысячелетии до н. э. — СА, 2: 47 — 56.

Брюсов А. Я. и Зимина М. П. 1966. Каменные сверленые боевые топоры на территории Европейской части СССР (САИ В4-4). Москва, Наука.

Брюсов А. Я. 1957. К вопросу о передвижениях древних племен в эпоху неолита и бронзы. — СА, XXVII: 5 — 13.

Геддон А. 1923. Переселение народов. Петербург — Москва, Книга.

Гумилев Л. Н. 1967. Этнос как явление. Доклады отделений и комиссий Географического общества ССР. Л, изд. АН СССР: 90 — 97.

Дьяконов И. М. 1983. Типы этнических передвижений в ранней древности (с конца IV по начало I тыс. н. э.). — Древний Восток. Ереван, изд. АН Армянск. ССР: 5 — 22.

Захарук Ю. Н.1964. Проблеми археологічної культури. — Археологія (Київ), XVII: 12 — 42.

Клейн Л. С. 1961. О так называемых ямных погребениях катакомбного типа. — СА, 2: 49 — 65.

Клейн Л. С. 1962. Краткое обоснование миграционной гипотезы о происхождении катакомбной культуры. — Вестник ЛГУ, 2: 74 — 87.

Клейн Л. С. 1963. Происхождение скифов-царских по археологическим данным. — СА (Москва), № 4: 27 — 35.

Клейн Л. С. 1966. Прототипы катакомбных курильниц и проблема происхождения катакомбной культуры. — АСГЭ (Ленинград), вып. 8: 5 — 17.

Клейн Л. С. 1968. Происхождение Донецкой катакомбной культуры. Л, ЛОИА АН СССР.

Клейн Л. С. 1971. Феномен СМ III и вопрос о языке минойского письма А. — Вестник ЛГУ, 8: 110 — 113.

Клейн Л. С. 1973. Археологические признаки миграций (IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук, Чикаго, 1973. Доклады советской делегации). Москва, 17 с.

Клейн Л. С. 1974. Генераторы народов. — Древняя Сибирь, IV, Новосибирск, Наука: 126 — 134.
Клейн Л. С. 1975. Проблема смены культур в современных археологических теориях. — Вестник ЛГУ, № 8: 95 — 103.
Клейн Л. С. 1980а. Откуда арии пришли в Индию?. — Вестник ЛГУ, № 20: 35 — 39.
Клейн Л. С. 1980б. Третья гипотеза о происхождении скифов. — Народы Азии и Африки (Москва), № 6: 72 — 74.
Клейн Л. С. 1984. От Дуная до Индии. Отражение урнового погребального обряда в фольклоре индоариев и проблема фригийской миграции. — Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Москва, ч. I: 35 — 37.
Кнабе 1959. Вопрос о соотношении археологической культуры и этноса в современной зарубежной литературе. — СА, 3: 243 — 257.
Кожин П. М. 1964. О технике выделки фатьяновской керамики. — КСИА АН СССР, 101: 53 — 58.
Косарев М. Ф. 1972. О причинах и социальных последствиях древних миграций в Западной Сибири. — СА, 4: 19 — 27.
Кричевский Е. Ю. 1933. Индогерманский вопрос, археологически разрешенный. — Известия ГАИМК, 100: 158 — 202.
Мейнандер К. 1982. Финны — часть населения северо-востока Европы. — Финно-угорский сборник. Москва, Наука: 10 — 32.
Мерперт Н. Я. 1978. Миграции эпохи неолита и энеолита. — СА, 3: 9 — 28.
Мещанинов И. И. 1928. О доисторическом переселении народов. — Вестник Комакадемии, т. 29 (5): 190 — 238.
Мещанинов И. И. 1931. Теория миграций и археология. — СГАИМК, 9 — 10: 33 — 39.
Пендлбери Дж. 1950. Археология Крита. М, Иностранная Литература.
Погребова М. Н. 1977. К вопросу о миграции ираноязычных племен в Восточное Закавказье в доскифскую эпоху. — СА, № 2: 55 — 68.
Сальников К. В. 1954. Андроновские поселения Зауралья. — СА, XX: 213 — 252.
Титов В. С. 1982. К изучению миграций бронзового века. — Археология Старого и Нового Света. Москва, Наука: 89 — 145.
Третьяков П. Н. 1962. Бологовское городище. — КСИА АН СССР, 87: 36 — 41.
Формозов А. А. 1957. Могут ли служить орудия каменного века этническим признаком? — СА, 4: 66 — 74.
Фосс М. Е. 1952. Древнейшая история Севера Европейской части СССР (МИА 29). Москва, изд. АН СССР.
Членова Н. Л. 1963. Памятники переходного карасук-тагарского времени в минусинской котловине. — СА, 3: 48 — 66.
Членова 1967. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. Москва, Наука.
Adams W. Y. 1968. Invasion, diffusion, evolution? — Antiquity, 42 (167): 194 — 215.
Adams W. Y., Van Gerven D., Levy R. S. 1978. The retreat from migrationism. — Annual Review of Anthropology, 7: 483 — 532.
Ammerman A. J. and Cavalli-Sforza L. L. 1979. The Wave of Advance Model for the spread of agriculture in Europe. — Renfrew C. (ed.). Transformations: Mathematical approaches to culture change. New York: 275 — 293.
Anthony D. W. 1990. Migration in archaeology: the baby and the bathwater. — American Anthropologist, 92: 895 — 914.
Anthony D. W. 1992. The bath refilled: migration in archaeology again. — American Anthropologist, 94: 174 — 176.
Archäologische Informationen, 19, 1&2 (Völkerwanderungen — Migrationen).
Borkovskyj I. 1933. The origin of the culture with corded ware in Central Europe. — Proceedings of the Prehistoric Congress (London 1932): 211 — 213.
Braukamper U. 1992. Migration und ethnischer Wandel. Untersuchungen aus der ostlichen Sudanzone. Stuttgart.
Braukamper U. 1996. Zum Verhaltnis von Raum und Zeit bei Migrationen in Afrika. — Archäologische Informationen, 19, 1&2: 51 — 65.
Burmeister S. 1996. Migration und ihre archäologische Nachweisbarkeit. — Archäologische Informationen, 19, 1&2: 13 — 21.
Burton H. 1979. The arrival of the Celts in Ireland: archaeology and linguistics. — Expedition, 21 (3): 16 — 22.
Childe V. G. 1926. The Aryans. London, Routledge.
Childe V. G. 1950. Prehistoric migrations in Europe. Oslo, Instituttet for Sammenlignende Kulturforskning (ser. A: Forelesninger 20).
Clark j. G. D. 1966. The invasion hypothesis in British archaeology. — Antiquity, vol. 40, no. 159: 172 — 189.
Clarke D. L. 1968. Analytical archaeology. London, Methuen.
Cook R. M. 1960. Archaeological argument: some principle. — Antiquity, vol. XXXIV: 177 — 179.
Cooke C. K. 1965. Evidence of human migration from the rock art of Southern Rhodesia. — Africa, 35 (3): 263 — 285.
Deetz J. 1965. The dynamic of the stylistic change in the Arikara cermics (Illinoice studies in anthropology, 4).
Deetz J. 1968. Cultural patterning of behavior as reflected by archaeological materials. — Chang K. C. (ed.). Settlement archaeology. Palo Alto, Calif., National Press: 31 — 42.
Dehn W. 1979. Einige Überlegungen zum Charakter keltischer Wanderungen. — Duval P. M. et Kruta V. (eds.). Les mouvements celtiques du V-e au I-e siècle avant notre ére (IX Congrés International des sciences préhistoriques et protohistoriques). Paris: 15 — 20.
Eggers H.-J. 1950. Das Problem der ethnischen Deutung in der Frühgeschichte. — Dauer A. und Kirchner H. (Hrsg.). Ur- und Frühgeschichte als historische Wissenschaft (Wahle-Festschrift). Heidelberg, Winter.
Eggers H.-J. 1959. Einführung in die Vorgeschichte. München, Piper.
Ford J. 1954. The type concept revisited. — American Anthropologist, vol. 56: 42 — 54.
Frobenius L. 1898. Der Ursprung der afrikanischen Kulturen. Berlin, Gebr. Bourntraeger.
Gallay A. 1981. The western Alps from 2500 to 1500 bc (3400 to 2500 BC), tradition and cultural changes. — Journal of Indo-European Studies, 9.
Gamble C. 1992. Ancestors and agendas. — Yoffee N. And Shaerratt A. (eds.). Archaeological theory — who sets the agenda? Cambridge, Cambridge University Press: 39 — 51.
Gamble C. 1993. People on the move: interpretations of regional variation. — Chapman J. and Dolukhanov P. (eds.). Cultural transformations and interactions in Eastern Europe. Avebury, Ashgate Publ.: 37 — 55.
Gejvall N.-G. 1955. Vittnesbord om folkvandringar. — Fornvannen, 50: 19 — 21.
Gifford E. W. 1928. Pottery making in the South-West. — Publication of American Archaeology and Ethnology (University of California), vol. 23, pt. 8: 353 — 373.
Gimbutas M. 1961. Notes on the chronology and the expansion of the Pit-grave culture. — L'Europe à la fin

de l'âge de la pierre. Praha, (d. de l'Acad. tchécoslovaque des Sciences: 193 — 200.
Gimbutas M. 1979. The three waves of the Kurgan people into Old Europe, 4500 — 2500 B. C. — Archives suisses d'anthropologie générale (Geneve), 43 (2): 240 — 269.
Gjessing G. 1955. Vittnesbord om folkvandringar. — Fornvannen, 50: 1 — 10.
Hachmann R. 1970. Die Goten und Skandinavien. Berlin, De Gruyter.
Haddon A. C. 1911. The wanderings of peoples. Cambridge, Cambridge University Press.
Harke H. 1998. Archaeologists and migration: a problem of attitude. — Current Anthropology, vol. 38, no. 5: 19 — 45.
Haury E. W. 1958. Evidence at Point of Pines for a prehistoric migration from Northern Arizona. — Thompson R. H. (ed.). Migrations in New World culture history. Tucson, Ariz. (University of Arizona Social Science Bulletin, vol. XXIX, no. 27): 1 — 6.
Hawkes 1987. Archaeologists and Indo-Europeanists: can they mate? Hindrances and hopes. — Skomal S. N. and Polom(E. C. (eds.). Proto-Indoeuropeans: The archaeology of a linguistic problem. Studies in honour of Marija Gimbutas. Washington, D. C., Institute for the Study of Man: 203 — 215.
Heape W. 1931. Emigration, migration and nomadism. Cambridge, Hoffer & Sons.
Herteig A. E. 1955. Er Volkvanderingstidningens ekspansion i Rogaland båret av invanderere eller er den et indre anliggende? — Viking, 19: 73 — 88.
Hertz F. 1930. Die Wanderungen, ihre Typen und ihre geschichtliche Bedeutung. — Kölner Vierteljahreshefte für Soziologie, 8: 36
Hochholzer H. 1959. Typologie und Dynamik der Völkerwanderungen. — Die Welt als Geschichte, 19, H. 3/4: 129 — 145.
Honigsheim P. 1928. Die Wanderung. — Verhandlungen d. 6. Deutschen Soziologentages, Zurich, Tubingen.
Huffman T. N. 1970. The Early Iron Ageansd the Bantu. — South African Archaeological Bulletin, 25: 3 — 21.
Jackson J. W. 1917. Shells as evidence of the migrations of early culture. Manchester, Manchester University Press.
James E. O. 1957. Prehistoric religion. A study in prehistoric archaeology. New York.
Lee E. S. 1966. A theory of migration. — Demography, 3: 47 — 57.
Klejn L. S.. 1963. A brief validation of the migration hypothesis with the respect to the origin of the Catacomb culture. — Soviet Archeology and anthropology (New York), vol. I, no. 4: 27 — 36.
Klejn L. S. 1967. Zagadka grobów katakumbowych rozwiązana? — Z otchłani wieków, r. XXXIII, zesz. 4: 212 — 222.
Klejn L. S. 1974. Kossinna im Abstand von vierzig Jahren. — Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte (Halle), Bd. 58, Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1974, S. 7 — 55.
Klejn L. S. 1976. Das Neolithikum Europas als ein Ganzes. — Jahresbuch für mitteldeutsche Vorgeschichte, Bd. 60: 9 — 22.
Klejn L. S. 1977. A panorama of theoretical archaeology. — Current Anthropology (Chicago), vol. 18, no. 1: 1 — 42.
Klejn L. S. 1981. Ethnogenese als Kulturgeschichte archäologisch betrachtet. Neue Einstellung. — Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte (Coblenz-Festschrift). Berlin, Deutscher Verlag der Wissenschaften, Teil 1, S. 13 — 25.
Klejn L. S. 1984. The coming of Aryans: who and whence? — Bulletin of the Deccan College Research Institute (Pune), vol. 43: 57 — 72.
Kehoe A. B. 1959. Ceramic affiliations in the Northwestern plains. — American Antiquity, vol. 25, no. 2: 237 — 246.
Kolmann W. 1976. Versuch des Entwurfs einer historisch-soziologischen Wanderungstheorie. — Engelhardt U. (Hrsg.). Soziale Bewegung und politische Verfassung. Beiträge zur Geschichte der modernen Welt. Stuttgart, Ernst Klett.
Kossinna G. 1905. Die verzierten Eisenlanzenspitzen als Kennzeichen der Ostgermanen. — Zeitschrift fur Ethnologie, Jg. XXXVII, H. II u. III: 369 — 407, H. IV: 596 — 599.
Kossinna G. 1911. Die Herkunft der Germanen. Zur Methode der Siedlungsarchäologie. Würzburg, Curt Kabitzsch.
Kristiansen K. 1991. Prehistoric migrations — the case of the Single Grave and Corded Ware cultures. — Journal of Danish Archaeology, vol. 8 (1989): 211 — 225.
Kulischer E. und A. 1932. Kriegs- und Wanderzüge. Berlin — Leipzig, De Gruyter.
Kurth G. 1963. Der Wanderungsbegriff in Prähistorie und Kulturgeschichte unter paläodemographischen und bevölkerungsbiologischen Gesichtspunkten. — Alt-Thüringen, Bd. 6. Weimar, 1 — 21.
Livingston F. B. 1964. Human populations. — Tax S. (ed.). Horizons of anthropology. Chicago, Aldine Publ. Co.: 60 — 70.
Malmer M. 1962. Jungneolithische Studien. Bonn, Habelt — Lund, Gleerup.
Mandera H. E. 1957. Besprechung K. Struve. — Germania, Jg. 35, H. 1/2: 128 — 131.
Mellaart J. 1966. The Chalkolithic and Early bronze age in the near east and Anatolia. Beirut, Khayats.
Mortensen M. 1992. Migration as a process. — Universitets Oldsak Skrifter, 14: 155 — 166.
Myhre M. and Myhre B. 1972. The concept «Immigrations» in archaeological contexts illustrated by example from West Norwegian Early Iron Age. — Norwegian Archaeological Revue, v. 5, no. 1: 45 — 70.
Neustupny E. 1981. Mobilität der Äneolithischen Populationen. — Slovenska archeologia, XXIX-1: 111 — 119.
Neustupny E. 1982. Prehistoric migrations by infiltration. — Archeologické Rozhledy, 34: 278 — 293.
Olausson D. 1988. Dots on a map. — Trade and exchange in prehistory: Studies in honour of Berta Stjernquist (Acta Archaeologica Lundensia, ser.n 8o, No. 16). Lund: 15 — 24.
Ott M. 1993. Upper Palaeolithic relations between Central and Eastern Europe. — Chapman J. and Dolukhanov P. (eds.). Cultural transformations and interactions in Eastern Europe. Avebury, Ashgate Publ.: 56 — 64.
Palmer L. R. 1961. Mycenaeans and Minoans. London, Faber and Faber.
Penk A. 1936. Völkerbewegungen und Völkerwanderungen. — Forschungen und Fortschritte, Bd. 12: 274 — 275.
Preidel H. 1928. Grundsatzliches zur Erschlißung urgeschichtlicher Wanderungen. — Kossinna-Festschrift (Mannus, 6. Erganz. Bd.): 278 — 283.
Ratzel F. 1912. Anthropogeographie, 2. Teil, 2. Auflage. Stuttgart, J. Engelholm (orig. 1882 — 91).
Ravenstein E. G. 1885, 1889. The laws of migration. — Journal of the Royal Statistical Society, 48: 167 — 227; 52: 241 — 301.
Redfield R. 1961. Ethnic relations, primitive and civilised. — Race relations: Problems and theory. New York.
Renfrew C. 1967. Colonialism and megalitism. — Antiquity, vol. 41: 276 — 288.

Renfrew C. 1969. Trade and culture process in European prehistory. — Current Anthropology, vol. 10, no. 2 — 3: 151 — 169.

Renfrew C. 1973. Problems in the general correlation of archaeological and linguistic strata in prehistoric Greece: the model of autochthonous origin. — Crossland R. A. and Birchall A. (eds.). Bronze Age migrations in the Aegean. London, Duckworth — Totowa, New Jersey: 263 — 276.

Rouse I. B. 1958. The inference of migrations from anthropolological evidence. — Thompson R. H. (ed.). Migrations in New World culture history. Tucson, Ariz. (University of Arizona Social Science Bulletin, vol. XXIX, no. 27): 63 — 68.

Rouse I. B. 1986. Migrations in prehistory. Inferring population movement from cultural remains. New Haven and London, Yale University Press (repr. 1989).

Ruiz Zapatero G. 1983. Modelos teóricos de invasiones/ migraciones en arqueología prehistórica. — Tutormació Arqueologica, 41: 147 — 157.

Skjølsvold A. 1981. I hvilken utstrekning kan arkeologisk materiale kaste lys over folkefortytninger i Nordens forhistorie (To what extent can archaeological material provide information concerning prehistoric migrations in the Nordic area). — UO Erbok 1980 — 81: 145 — 157.

Schlette F. 1977. Zum Problem ur- und frühgeschichtlicher Wanderungen und ihres archäologischen Nachweises. — Horst F. (Hrsg.). (Titelhrsg. Herrmann J.). Archäologie als Geschichtswissenschaft. Studien und Untersuchungen. (Schriften zur Ur- und Frühgeschichte 30. Festschrift K.-H. Otto). Berlin, Akademie-Verlag: 57 — 66.

Schuchhrdt C. 1926. Alteuropa. 2. Aufl. Berlin — Leipzig, De Gruyter.

Shennan S. (ed.). 1988. Archaeological approaches to cultural identity. London, Routledge.

Shilov V. P. 1989. The origins of migration and animal husbandry in the steppes of Eastern Europe. — Clutton-Brock J. (ed.). The walking larder: patterns of domestication, patoralism and predation. London, Unwinn Hyman: 119 — 125.

Smith G. E. 1929. The migrations of early culture. Manchester, Publications of the University of Manchester (Ethnological Ser., no. 1).

Soffer O. 1993. Migrations vs interaction in Upper Palaeolithic Europe. — Chapman J. and Dolukhanov P. (eds.). Cultural transformations and interactions in Eastern Europe. Avebury, Ashgate Publ.: 65 — 70.

Sorre M. 1954. Les migrations des peoples. Paris, Flammarion.

Thompson R. H. 1958. Preface. — Thompson R. H. (ed.). Migrations in New World culture history. Tucson, Ariz. (University of Arizona Social Science Bulletin, vol. XXIX, no. 27).

Tischler F. 1948. Die menschliche Beharrungstendenz und die urgeschichtlichen Völkerwanderungen in ihren Beziehung zur Umwelt. — Forschungen und Fortschritte, Bd. 24: 28 — 32.

Trigger B. G. 1968. Beyond history: the methods of prehistory. New York, Holt, Rinehart & Winston.

Trigger B. G. 1970. Aims in prehistoric archaeology. — Antiquity, vol. XLIV, no. 173: 26 — 37.

Tymieniecki K. 1952. Migracje w Europie śródkowo-wschodniej i wschodniej w starożytności. — Slavia Antiqua, t. III. Póznań: 1 — 51.

Wace A. J. B. and Blegen C. W. 1939. Pottery as evidence for trade and colonization. — Klio, 32: 131 — 147.

Wahle E. 1941. Zur ethnischen Deutung frühgeschichtlichen Kulturprovinzen. — Sitzungsberichten der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Klasse, 1940/ 41, Abh. 2.

Washburn S. L. 1953. The strategy of physical anthropology. — Kroeber A. L. (ed.). Anthropology today. Chicago, Chicago University Press: 714 — 727.

Wells P. S. 1987. Review of I. Rouse. — American Archaeological Journal, vol. 91: 332 — 333.

Wheeler M. 1952. Archaeology and the transmission of ideas. — Antiquity, vol. XXVI, no. 104: 180 — 192.

Willey G. 1953. A pattern of diffusion — acculturation. — Southwestern Journal od Anthropology, vol. 1IX: 369 — 384.

Willey G. R. et al. 1956. An archaeological classification of culture contact situations (Seminars in archaeology 1955: Memoirs of the Society for American Archaeology. Vol. XXVII, no. 2, pt. 2. Salt Lake City).

Zamojski J. E. 1995. Migracje masowe — czynnik przemian społeczeństw współczesnych. — Migracje i społeczeństwo. Warszawa.

Аникович М.В.

О МИГРАЦИЯХ В ПАЛЕОЛИТЕ

Anikovich M.V. About the migrations in Palaeolithic.

The first condition of the discussion about the migrations of the population is singling out of such a complex of archaeological characteristics, that in the highest degree should be treated as one expressing the specific cultural traditions. In this connection the recording of spreading of this complex of archaeological characteristics (complex of cultural traditions) in the certain direction is needed.

A certain tendency of spreading of the complex of cultural traditions must be confirmed by the different age of monuments and traces of the cultural influence (some specific elements of the migration complex can be recorded in the complexes of different cultures, that are on their way of migration).

More clearly the question of the migration of the population can be illustrated while considering the process of formation of Homo sapiens (at the expense of hybridization and «growing young again» of the classical Neanderthal men) and formation of the upper Palaeolithic industries (Aurigniacian technocomplex). As a rather vivid example of the cultural migration in the Upper Palaeolithic of Europe can be considered the «Gravettian episode» and connected with it a great moving of the population in the period of 23-21 thousand of years ago from the Central Europe to the Eastern Europe (Willendorf-Kostinkovsky group of monuments). Besides, very illustrative are migrations in the Upper Palaeolithic of Siberia what presupposes the return to the old problem of origin of the Malta culture, that has an «extremely Western» appearance of the stone inventory.

Длительное время в нашей науке почти безраздельно господствовал автохтонизм, воспринимавшийся едва ли не как синоним исторического материализма — единственного допущенного в СССР направления философии истории. Это в полной мере проявлялось и в палеолитоведении: даже появление и распространение нового набора орудий, или женских статуэток, рассматривалось как результат автохтонного развития под воздействием неких «общеисторических закономерностей», не говоря уже о таких глобальных явлениях, как изменение физического типа человека и смена археологических эпох. Несмотря на то, что «чистый» автохтонизм давно ушел в прошлое, проблемам миграций до сих пор не уделяется должного внимания; сознательно или подсознательно, к ним все еще продолжают относиться как к чему-то не столь существенному, не играющей принципиальной роли в процессе исторического развития. Между тем обзор ряда важнейших проблем археологии верхнего палеолита показывает, что в ряде случаев миграционные процессы играли исключительно важную, и даже решающую роль в процессе исторического развития в эту эпоху. Настало время разрабатывать данную проблематику как самостоятельное направление в рамках первобытной археологии. Цель данной работы, — используя отдельные примеры, обратить внимание коллег на значимость миграционных процессов в верхнепалеолитическую эпоху.

Миграции по археологическим данным: методическое обоснование. Очевидно, под миграцией следует понимать направленное перемещение человеческих коллективов с одной территории на другую. Не менее очевидно, что рассуждать о таком перемещении мы можем лишь в том случае, если оно может быть зафиксировано на основе анализа археологических источников. Каким образом это можно осуществить?

1.У археологов нет иного способа «выйти» на древние социумы, кроме как через систему традиций, воплотившуюся в материальной культуре этих социумов; иными словами, — через процедуры, ведущие к выделению археологических культур. (Те из моих коллег, кто по той или иной причине отрицают возможность аналитического выделения древних культурных традиций археологическими методами, могут на этом прервать чтение, дабы не тратить свое время). Следовательно, первым и непременным условием рассуждений о миграциях населения является выделение такого комплекса археологических характеристик, который с наибольшей долей вероятности должен трактоваться как выражающий специфические культурные традиции; для интерпретации которого гипотеза о самопроизвольном (независимом) возникновении представляется мене вероятной.

Необходимо подчеркнуть: миграцию населения, колллектива, можно очевидно предполагать лишь тогда, когда мы имеем дело именно с ком-

© Аникович М.В., 1999.

плексом специфических характеристик. Когда же налицо распространение какого-либо одного, пусть даже очень яркого культурного явления в разных культурных комплексах, — речь может идти не о миграции населения, но о «миграции идей». Механизмы подобных «миграций идей» могут быть различными; это особый вопрос.

2.Далее требуется фиксация распространения этого комплекса археологических характеристик (комплекса культурных традиций) в определенном направлении. Неупорядоченное их распространение в пределах какой-то более или менее ограниченной территории свидетельствует о явлениях несколько иного порядка: достаточно мобильное, быть может, сезонное перемещение населения из района в район и обратно. Подобная ситуация фиксируется, например, для памятников виллендорфско-павловского круга в пределах Среднего Дуная — Моравской возвышенности в период 28-25 тыс. лет назад, или для памятников костенковско-стрелецкой культуры на достаточно большой территории Восточной Европы (Средний Дон-Северский Донец-Кама-Клязьма) в период 30-25 тыс. лет назад.

3.Определенная направленность распространения комплекса культурных традиций должна подтверждаться:

а)Разновозрастностью памятников: они должны быть древнее там, откуда идет миграция, и моложе там, куда она направлена.

б)Следами культурного влияния: некоторые специфические культурные элементы мигрирующего комплекса могут быть зафиксированы в инокультурных комплексах, находящихся на пути миграций. Такого рода явление отмечается не всегда, но когда оно фиксируется, — это сильный аргумент в пользу миграции.

Рассмотрим несколько примеров, в которых вопрос о миграции населения (и о ее историческом значении) может, и должен быть поставлен, хотя и с разной степенью доказательности.

Миграции и формирование современного человечества. Современные представления о происхождении Homo sapiens sapiens сильно отличаются от распространенных в отечественной научной литературе вплоть до последнего времени. Складывающаяся на их основе картина формирования верхнепалеолитической эпохи более сложна, и в ней миграциям отводится исключительно важная роль. В определенном смысле современное человечество обязано своим появлением именно миграционным процессам!

В восьмидесятые годы некогда умозрительная концепция раннего неоантропа получает солидное обоснование, причем сразу с двух сторон. Это находки черепов, определяемых антропологами как принадлежащих Homo Sapiens sapiens в пещерах Бордер и Класиес (Южная Африка) и Омо (Эфиопия), связанных с отложениями, датирующимися порядка 130-150 тыс. лет назад. Соответствующие антропологические находки, датирующиеся около 90-100 тыс.-лет назад, известны и на Ближнем Востоке (Схул, Кафзех). Сильное впечатление производит совпадение результатов анализа и датировки этих антропологических находок с данными биомолекулярных методов анализа ДНК, содержащихся в метохондриях и ядрах клеток. Читателя, желающего предварительно познакомиться с данным кругом вопросов более подробно, отсылаю к статье Л.Б.Вишняцкого (1990). Там же подробная библиография.

В восьмидесятые годы наиболее популярной интерпретационной моделью этих данных являлась концепция «Эдемского сада», согласно которой все современное человечество обязано своим происхождением оченьограниченнной группе, возникшей в Африке около 200 тыс. лет назад как новый вид, фактически, из «первой пары». Около 100 тыс. лет назад, опять-таки, очень ограниченная часть этой популяции мигрировала из Африки вначале на Ближний Восток, а затем в другие районы Старого Света, вытесняя местное, более архаичное в морфологическом отношении население. Генетики, чьи исследования метохондриальных ДНК легли в основу этой концепции, особенно настаивали на том, что «... распространяющаяся африканская популяция вытесняла местные не-африканские популяции без какого-либо скрещивания» (Stoneking & Cann 1989:28).

Однако в девяностые годы столь радикальные высказывания уступают место более сдержанному отношению к проблеме контактов пришлых неоантропов и местных палеоантропов, допускающему, по крайней мере, частичную ассимиляцию последних, или даже придающие такой ассимиляции решающее значение в процессе формирования современного человечества. В Европе, где процесс формирования «классического» верхнего палеолита наиболее изучен, он протекал, примерно, одинаково на всех частях континента. Внезапно появляются очень развитые во всех отношениях типично верхнепалеолитические культуры ориньякоидного облика, — и одновременно с ними возникают и начинают развиваться культуры, в которых наряду с типично верхнепалеолитическим комплексом, прослеживается не менее четко выраженный мустьерский компонент, чьи типологические характеристики ведут к локальным вариантам мустьерской культуры. Раньше всего (свыше 40 тыс. лет назад) этот процесс начинается в Юго-Восточной и Центральной Европе. Здесь к развитым культурам относятся различные варианты местного «ориньяка». Особенно показателен нижний слой пещеры Ишталлошке, дающий богатый набор костяных изделий, и имеющий радиоуглеродный возраст 39.700 ± 900 (GrN-4658) и 44.300 ± 1900 (GrN-4659). Архаичные верхнепалеолитические куль-

туры представлены разными вариантами селетоидного технокомплекса, функционировавшего здесь параллельно, и,по-видимому, в тесной связи с ориньякоидным. На терртории Восточной Европы древнейшей «развитой» верхнепалеолитической культурой является спицынская АК, опять-таки относящаяся к оринькоидному технокомплексу, и датирующаяся древнее 35 тыс. лет назад, не обнаруживающая, несмотря на древний возраст, каких-либо мустьерских черт, но зато проявляющая такие технические приемы, как сверление и шлифовка камня. И напротив, одновременный ей ранний этап костенковско-стрелецкой археологической культуры в технико-типологическом отношении очень архаичен (Аникович 1991,1995). В Западной Европе к культурам первого типа относится классический ориньяк, второй представлен ранним перигордьеном или шательперроном. Их возраст несколько моложе: примерно, 36-32 тыс. лет назад.

В настоящее время можно считать установленным, что по крайней мере, некоторые архаичные верхнепалеолитические культуры были созданы местными неандертальцами. Помимо зубов, найденных А.Леруа-Гураном в шательперронских слоях грота дю Ренн еще в пятидесятые годы и признанных неандертальскими, особенно показателен скелет, обнаруженный в 1979 г. в одном из шательперронских слоев стоянки Сен-Сезар: по определению Ф.Вандермеерша он принадлежит «классическому» неандертальцу (Schmider & Vandermeersch 1988). В селетоидныхпамятниках Центральной Европы антропологические находки (зубы) единичны. Но все они определяются как неандертальские (Allsworth-Jones 1986:208).

В наиболее древних архаичных памятниках ранней поры верхнего палеолита Восточной Европы антропологических находок пока нет. Тем интереснее результаты антропологического анализа сунгирьских находок. Этот памятник, датирующийся 25-24 тыс. лет назад (конец ранней поры верхнего палеолита), относится к финальному этапу костенковско-стрелецкой АК. Принадлежность всех трех скелетов Homo Sapiens sapiens сомнений не вызывает. Но в то же время все они, особенно, детские, по единодушному заключению антропологов, обладают хорошо выраженными неандерталоидными признаками (Зубов & Харитонов 1984). Данное обстоятельство позволяет предположить, что «творцами» костенковско-стрелецкой АК на ее ранних этапах (40-35 тыс.лет назад) были, опять-таки, местные неандертальцы, трансформировавшиеся в конечном счете в морфологически современных людей.

В наиболее древних памятниках Западной и Центральной Европы, относящихся к ориньякоидному технокомплексу, антропологических находок нет. Здесь самые ранние находки такого рода, принадлежащие бесспорно Homo Sapiens sapiens, имеют возраст порядка 32-30 тыс. лет назад (Бачо Киро, контакт слоев 6в/7; Ишталлошке, верхний горизонт; Фогельхерд, V-ый слой; Холленштайн-Штадель, IV-й слой и проч.) Поэтому здесь связь начального ориньяка с морфологически современным человеком хотя и представляется наиболее вероятной, все же устанавливается по косвенным данным (Harrold 1989:704). Тем важнее находка человеческого зуба (третий коренной, нижняя левая сторона) во II культурном слое Костенок 17 (спицынская АК). По определению В.П.Якимова, зуб этот не содержит каких-либо архаичных признаков. Памятник же, из которого он происходит, относится к древнейшим ориньякоидным комплексам Европы: на это указывает и стратиграфическое положение,и радиоуглеродная дата 36,400+1700-1400 (GrN-12596).

Все эти данные свидетельствуют, что в Европе становление верхнего палеолита проходило как аккультурационный процесс: местное население воспринимало и развивало новые культурные традиции под влиянием пришлого населения, принесшего уже сложившиеся верхнепалеолитические традиции (ориньякоидный технокомплекс). Процесс аккультурации являлся,очевидно, вместе с тем и процессом сапиентизации, проходившей за счет гибридизации, приводившей к гетерозису и «помолодению» (деспециализации) организма «классических» неандертальцев.

Подчеркнем еще раз:

1.Ориньякоидный технокомплекс распространяется в Европе изначально в очень развитом виде, включая высокую технику обработки кости. Показательно, что такие специфически ориньякские костяные орудия, как наконечники с расщепленным основанием, фиксируются и в Центральной (Ишталлошке, нижний слой) и в Западной Европе («классический» ориньяк).

2.Хронология ориньякоидных памятников Европы показывает, что данный технокомплекс распространялся через Юго-Восточную (Бачо Киро) в Центральную Европу (Ишталлошке), примерно, 45-40 тыс. лет назад, затем в Восточную (Спицынская, древнее 36 тыс. лет назад; вероятно, близкий возраст имеет и нижний слой Куличивки), и в последнюю очередь — в Западную Европу (36-32 тыс.лет назад).

Где же сформировался первоначально ориньякоидный технокомплекс? Археологические данные указывают на Ближний Восток, — регион, где по данным антропологии и микробиологии впервые появились около 100 тыс. лет назад морфологически современные выходцы из Африки. Здесь еще в тридцатые годы было открыто удивительное явление: «преориньяк». Это комплексы с выразительными вполне верхнепалеолитическим набором орудий на пластинах (скребки, резцы, острия), датирующиеся тем не менее ранним вюрмом: порядка 90-100 тыс. лет назад. Высказанное еще Д.Гаррод

(1938) и поддержанное Ф.Бордом (1958) предположение о прямой связи европейского ориньяка с ближневосточным преориньяком сейчас не пользуется большим успехом. Преориньякские слои предпочитают трактовать как специфическую фацию ашеля, или как не получивший дальнейшего развития исторический курьез «забегание вперед» (Вишняцкий 1995). По моему мнению, старая гипотеза не опровергнута, и далеко не исчерпала своих потенциальных возможностей: на сегодняшний день именно она позволяет связать воедино все данные о начале верхнего палеолита, добытые разными дисциплинами.

Замена в концепции «Эдемского сада» положения о вытеснении местных палеоантропов пришедшими из Африки людьми современного вида положением об активной ассимиляции первых последними, позволяет связать воедино сильные стороны, казалось бы, взаимоисключающих концепций моноцентризма и полицентризма. В настоящее время наследница идей полицентризма — мультрегиональная концепция, согласно которой в формировании современного человечества принимали самое активное участие местные морфологически архаичные человеческие популяции, не столь популярна, но и не отвергнута (Wolpoff 1989). Ее сильная сторона — анализ антропологических остатков, обнаруживающий специфические связи между местными архаичными и морфологически современными формами не только в Северной и Южной Азии, но и в Европе (Smith 1984). Однако эти факты прекрасно объясняются, если допустить, что единожды возникший в одной точке Земного Шара Homo sapiens sapiens в процессе своего расселения активно ассимилировал местные архаичные популяции.

Само возникновение человека современного вида отнюдь не сопровождалось автоматически культурными изменениями. По-видимому, на протяжении десятков тысяч лет новая популяция вполне довольствовалась теми же поведенческими стереотипами, что и ее современники — архаичные гоминиды. Когда же изменения произошли — они то, вероятно, и привели к тому, что морфологически современные люди относительно быстро расселились по различным районам Старого Света, скрещиваясь с местными палеоантропами. Судя по датам древнейших верхнепалеолитических стоянок Европы и останков Homo sapiens sapiens в Юго-Восточной Азии, эта широкая миграция происходила, примерно, 50-40 тыс. лет назад. Детали этого процесса еще предстоит установить. Показательно, что по мнению антропологов австралийцы по своему антропологическому типу считаются наиболее близкими к самым ранним формам Homo Sapiens sapiens. Возможно, первые миграционные волны современных людей были направлены не на запад, а на восток.

В последующие периоды верхнепалеолитической эпохи миграционные процессы не играли столь глобальной роли, как на ее заре. Тем не менее, и впоследствии с миграциями связаны очень интересные моменты культурогенеза.

«Граветтийский эпизод» — самый яркий пример культурной миграции в верхнем палеолите Европы. Как отмечалось выше, при исключительной скудости антропологических материалов, в распоряжении палеолитоведов для установления факта миграции остаются почти исключительно археологические источники: сходство, отражающее единство культурных традиций (культурно-генетическое родство), выражаемое в понятии «археологическая культура». Известно, что археологические культуры эпохи верхнего палеолита существовали очень долго: до 10 тыс. лет, и за это время распространялись на очень широкой территории. В распространении однокультурных памятников далеко не всегда удается установить определенную пространственно-временную направленность.

Однако существуют и другие случаи. Самый яркий из них — виллендорфско-костенковская АК, материалы которой фиксируют четкое перемещение населения из Центральной Европы на северо-восток. Эта культура возникла примерно, 26-28 тыс. лет назад, скорее всего, на территории Моравии (Дольни Вестоницы, Павлов, Пшедмость, Петржковицы и др.) и Среднем Дунае (Виллендорф 2, IX слой). Вопрос о ее формировании окончательно не решен; выделяются два основных варианта — павловский и виллендорфский, отличающиеся друг от друга по ряду технико-типологических характеристик, иногда рассматриваемые как самостоятельные культуры. По мнению Г.П.Григорьева, «павловьен» вырастает из виллендорфского варианта, генетически связанного с местным ориньяком (Григорьев 1968,1989), однако новая серия радиоуглеродных дат доказывает, что моравские памятники этой АК предшествуют во времени дунайским (Haesarets 1990, Otte 1991).

В своих представлениях Г.П.Григорьев исходит из представлений об однолинейном эволюционном развитии типологии кремневого инвентаря. Однако, если принять более сложную модель, допускающую достаточно мобильное (сезонное?) перемещение населения Центральной Европы из района в район и обратно, а, следовательно, — «одновременное существование ряда стоянок, которые использовались одной группой охотников-собирателей в разные сезоны» (Соффер 1993: 114), ничто не мешает истолковывать те же типологические наблюдения иначе. Увязывая их и с радиоуглеродными датами. Можно допустить, что виллендорфско-костенковская АК изначально формировалась из двух генетически разных корней, обусловивших изначальное ее подразделение на два основных варианта: виллендорфский (генетические корни — местный ориньяк; здесь Григорьев, очевидно прав) и павловский, вероятно, свя-

занный с моравским скелетом (Debrosse & Koslowski 1988: 60-61; Kozowski 1986: 151). Сходство, достаточное для объединения обоих вариантов в одну археологическую культуру, сформировалось в результате значительного изменения хозяйственного уклада и всего образа жизни, под воздействием постоянных культурных контактов. Оно так и не переросло в «культурное тождество»; оба варианта развивались параллельно друг другу.

Эта культура была изначально ориентирована на широкомасштабное использование мамонтов и мамонтовой кости. По определениям минимального числа особей, здесь присутствовали остатки сотен, и даже тысяч животных этого вида. Для верхнего палеолита такая ориентация встречается довольно редко. В каменном инвентаре самыми показательными формами этой АК считаются нож костенковского типа и наконечник с боковой выемкой. Однако в павловском варианте такие наконечники очень редки и атипичны. Здесь более представительны граветтоидные формы: различного рода острия и пластины с притупленным краем. Характерны богатый набор костяных изделий, и выразительное искусство малых форм. Особенно известны здесь женские статуэтки-знаменитые палеолитические «венеры». Наряду с ними имеются изображения животных. В Павлове и Дольних Вестоничах многие скульптурные изображения выполнялись из глины и обжигались (древнейшая в мире керамика). Характерен ряд орнаментальных мотивов: насечки, угольники, крестики, следующие по контуру предмета, и проч., а также ряд украшений: бивневые диадемы, зубы песца с прорезанными отверстиями.

Вероятно, в течение нескольких тысячелетий носители этих культурных традиций жили на достаточно ограниченной территории, охватывающей Средний Дунай — Моравию, перемещаясь по ней в разных направлениях. Но около 24-23 тыс. лет назад начинается постепенная миграция этого населения в определенном, северо-восточном направлении. Почему?

Палеонтологические исследования популяции моравских мамонтов «подчеркивают маленький размер зверей, более раннюю смерть и значительное присутствие патологии — все признаки популяции, находящейся под стрессом» (Соффер 1993:113). Вероятно, центрально-европейское население, чей образ жизни был теснейшим образом связан с мамонтом, во время своих сезонных подвижек постепенно перемещалось вслед за этим видом все дальше и дальше на северо-восток, в районы, где условия для его существования были более благоприятны. Как совершенно справедливо заметила О.Соффер, это передвижение происходило крайне медленно, в течение тысячелетий. И явно не было осознанным процессом (Соффер 1993:114).

Так или иначе, следы этой культуры фиксируются на территории Польши (стоянка Спадзиста), и, примерно, 23 тыс. лет назад носители виллендорфско-павловских культурных традиций достигают Восточной Европы. В данном случае мы имеем все необходимые признаки, позволяющие говорить о миграции населения.

1.Из Центральной в Восточную Европу переносится специфический комплекс культурных традиций, отличающийся от одновременных, и даже бок о бок существующих археологических культур (например, от гмелинской АК в Костенковско-Борщевском районе). Не вдаваясь в детали, перечислю важнейшие из специфических сходных компонентов этого комплекса: наконечник с боковой выемкой и нож костенковского типа; женские статутки, зооморфная пластика; орнамент; керамика.

2.Налицо разновозрастность центрально- и восточно-европейских памятников виллендорфско-костенковской АК: первые датируются в пределах 28/26-24 тыс. лет назад, вторые — в пределах 24/23-17/15 тыс. лет назад.

3.Помимо «промежуточной» стоянки (Краков-Спадзиста), налицо следы влияния данной АК в инокультурной индустрии: наконечники с боковой выемкой и ножи костенковского типа в Молодова 5/VII (ок.23 тыс. лет назад).

Выходцы из Центральной Европы прочно обосновываются на территории, охватывающей бассейн Верхнего Днепра — Десны (Бердыж, Авдеево, Хотылево 2), верховья и среднюю часть Дона (Гагарино, Костенки 1/I, Костенки 13, Костенки 18, Костенки 14/I), достигают бассейна Оки (Зарайская стоянка).

Исключительно высокий уровень развития этой культуры на Русской равнине проявляется не только в богатстве и разнообразии каменного и костяного инвентаря, в искусстве малых форм, но и в исключительно сложной организации долговременных поселений.В Костенках I/I и Авдеево зафиксированы восьмеркообразные полуземлянки, для перекрытия которых использовались крупные кости мамонта, ямы-кладовые, заполненные такими костями, иные, не всегда понятные конструкции. Очаги заполнены только костным углем, который применялся и для обогрева землянок: рассыпался по полу, и, видимо, прикрывался сверху шкурами. Эти помещения освещались жировыми лампами, изготовленными из головок бедренных костей мамонта. В Хотылево 2 и Гагарино картина иная. Для них не характерны большие углубления, аналогичные костенковско-авдеевским полуземлянкам и ямам-кладовым. Округлое гагаринское жилище диаметром 5 м., углубленное на 0,5 м., с очагом в центре (Тарасов 1979: 53-55) больше всего похоже на описанные выше жилища из Костенок 8/I и Костенок 4/I; в памятниках виллендорфско-костенковской АК ближайшие ему аналоги — жилища «павловского типа». Впрочем, с севера к этому жилищу примыкали две двухкамерные ямы, глубиной до 0,75 м., отчас-

ти, напоминающие восьмеркообразные полуземлянки костенковско-авдеевского типа (Тарасов 1979: 56-57). С другой стороны, в юго-восточном конце первого жилого комплекса Костенок 1/I были обнаружены остатки округлого (6 м. в диаметре) слабоуглубленного жилища с очагом в центре.

Возраст подавляющего большинства названных выше стоянок — 23-21 тыс. лет назад. Это и есть время так называемого «граветтийского эпизода». Долгое время предполагалось, что существование памятников виллендорфско-костенковской культуры на Русской равнине этим интервалом и ограничивается. При этом их более раннее ядро составляли костенковские памятники и Авдеево (+ Бердыж); Существенные отличия материальной культуры Гагаринской стоянки трактовались как результат развития культурных традиций во времени. Вопрос о месте Хотылево 2 и Зарайской стоянки предпочитали обходить молчанием, ссылаясь на отсутствие данных... Однако новые данные, полученные в результате последних раскопок Зарайской стоянки и анализа Хотылевских материалов позволяют существенно изменить и дополнить первоначальную картину.

1. Зарайская стоянка — не однослойный памятник. По стратиграфическим наблюдениям, и по радиоуглеродным датам на раскапываемом участке фиксируется по крайней мере два культурных слоя, разделенные перерывом во времени, в течении которого здесь происходили интенсивные мерзлотные процессы. Судя по радиоуглеродным датам, нижний слой имеет возраст порядка 22 тыс. лет назад (вписывается в «граветтийский эпизод»), тогда как верхний датируется временем 17-15 тыс. лет назад и связан с погребенной почвой (Амирханов 1997). Тем не менее и технологически (Гиря 1997), и типологически (наличие большой серии ножей костенковского типа, выразительных наконечников с боковой выемкой, включая типично костенковско-авдеевские), и по немногочисленным находкам костяных орудий (обломки специфических лопаточек), и по структурным элементам поселения (большие ямы с крупными костями мамонта, многочисленные ямки-хранилища; большой сложный очаг костенковско-авдеевского типа, открытый в 1997 г.) оба слоя Зарайской стоянки намного ближе к Костенкам 1/I и Авдеево, нежели к Гагарино и Хотылево.

2. В свою очередь, Гагарино и Хотылево 2 обнаруживают между собой большее сходство по целому ряду характеристик, нежели с памятниками костенковско-авдеевского круга:

а) Более «граветтоидная» типология каменного инвентаря, в большей степени тяготеющая к «павловьену», чем к «виллендорфьену» (Гаврилов 1997).

б) Сходные остатки жилых сооружений, также тяготеющие к «павловьену» (Кирилов 1997).

в) Наличие особого, хотылевско-гагаринского типа женских статуэток (Гвоздовер 1985).

Таким образом, есть все основания предполагать, что на территорию Восточной Европы мигранты из Центральной Европы изначально принесли два самостоятельных, но тесно связанных между собой культурных варианта. В этом случае хронология восточно-европейских памятников виллендорфско-костенковской АК выглядит следующим образом:

Виллендорфско-костенковская АК на Русской равнине

Тыс. лет	***Костенковско-авдеевский вариант***	***Хотылевско-гагаринский вариант***
15—16	Зарайская/I	
20—21	Зарайская/II	Гагарино
21—23	Авдеево, Костенки 1/I. 13, 18, 14/I, Бердыж	
23—24		Хотылево 2

Граветтийский эпизод вовсе не ограничивался движением части населения из Центральной в Восточную Европу. Не менее интересный момент, — миграция ИДЕЙ в противоположном, западном направлении. Именно в это время в Западной Европе впервые появляются женские статуэтки, причем, как правило, выполненные в том же каноне, что и восточно-европейские «венеры»: безликая наклоненная голова, согнутые в коленях ноги, руки, сложенные под грудью. Этот единый канон (при частных различиях) прослеживается от востока (Костенки) до запада (Леспюг) (Delporte 1979). Но если из Центральной Европы на восток мигрировал целый комплекс культурных характеристик (что и позволяет нам говорить о миграции населения, придерживавшегося единых культурных традиций), то на запад — женский образ, воплощенный в особом каноне. Трудно сказать, происходила ли в данном случае эта «миграция идеи» за счет регулярных брачных связей, или регулярного обмена, или как-нибудь еще, — но бесспорно: широкое распространение палеолитических «венер» в Европе приходится именно на «граветтийский эпизод». Существование подобных фигурок в предшествующий период (кроме Центральной Европы, где они возникли) проблематично, а в последующее время — крайне редко (Энваль во

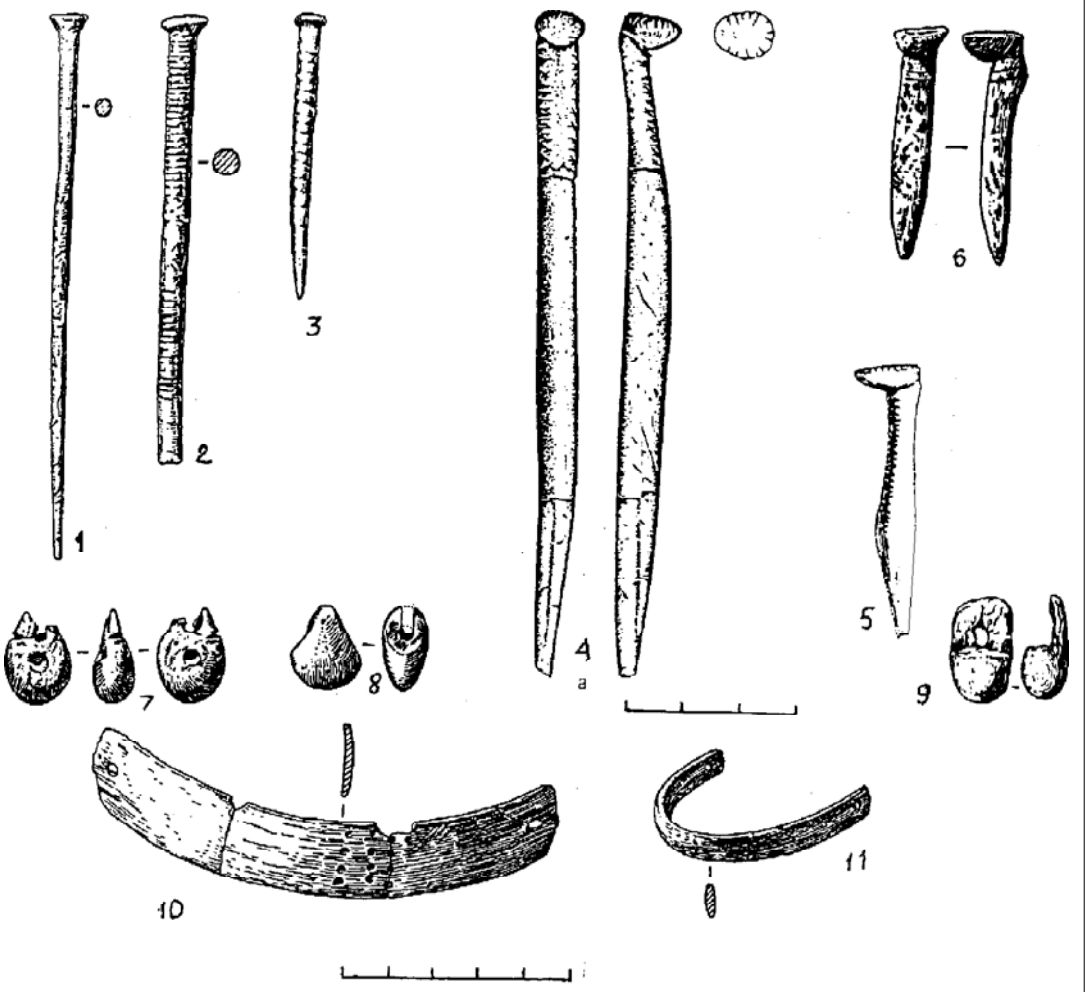

Рис.1. Украшения.Фибулы: Мальта (1-3). Авдеево (4-5). Костенки I/I (6); подвески: Мальта (7-8), Костенки I/I (9); диадемы: Мальта (10-11), Авдеево (12).

Франции, Елисеевичи в России, с натяжками — Молодова 5/III на Украине).

В тридцатые-пятидесятые годы в советском палеолитоведении женские статуэтки трактовались как стадиальный признак: свидетельство существования «материнского рода» как стадии исторического развития, через которую неизбежно проходило все человечество. В современной этнологии эта концепция полностью развенчана. Первобытная археология также свидетельствует о том, что палеолитические «венеры» — показатель не стадиальный (всемирно-исторический), а культурно-исторический, свидетельствующий о распространении определенных культурных традиций. За пределами узкого хронологического отрезка и строго определенных верхнепалеолитических культур Европы, подобные статуэтки известны только в одной-единственной точке Земного Шара, и только в одной культуре: Прибайкалье, мальтинская АК.

Миграции в верхнем палеолите Сибири. Мы возвращаемся к старой проблеме происхождения мальтинской АК. Европейские параллели мальтинским материалам отмечались давно, практически, с самого начала исследования этого памятника, хотя выводы из этого делались самые различные. Так П.П.Ефименко обращал внимание на «выраженно западный» облик ка-

менного инвентаря Мальты, на то, что типы мальтинских орудий «стоят довольно близко к тому, что найдено в Мезине» (Ефименко 1953:474). Но он же, протестуя против того, что «буржуазная археологическая наука склонна была считать единственным «очагом» замечательного палеолитического искусства» лишь некоторые области Европы, писал: «Все, что было сказано выше, позволяет ее (Мальту — М.А.) рассматривать, в общей перспективе развития общества позднего палеолита, как характерный памятник позднейшей поры ориньяко-солютрейской эпохи, очевидно, во времени не слишком отдаленный от Мезинской стоянки» (Ефименко 1953:481), — т.е. придавал этому сходству стадиальное, и даже хронологическое значение. С.Н.Замятнин, выступавший против миграционных построений, считал сибирский палеолит самым ярким примером автохтонного развития, приводя в качестве аргумента и самобытный характер мальтинского искусства (Замятнин 1951:144). На специфику женских статуэток из Мальты и Бурети обращает особое внимание З.А.Абрамова, придерживаясь, по-видимому концепции местного возникновения этого явления, — в осторожной форме: «вопрос о происхождении мальтийской культуры по-прежнему остается одним из самых сложных в проблематике сибирского палеолита» (Абрамова 1984:215). Наиболее определенную и последовательную позицию в отношении европейских корней этой культуры занимал А.П.Окладников. Обращая внимание на ряд общих черт в каменном инвентаре, домостроительстве и других сторонах образа жизни мальтийцев, с одной стороны, и верхнепалеолитического населения Европы, «вплоть до Франции и Чехословакии», — с другой, он писал: «Вполне допустимо, следовательно, предположение, что древнейшие жители Сибири проникли к берегам Байкала из Восточной Европы в разгар ледникового времени около 24-25 тыс. лет тому назад, принеся сюда и свою культуру арктических охотников верхнего палеолита» (Окладников 1968:59).

Чтобы обосновать эту гипотезу на современном уровне, недостаточно указать на ОБЩЕЕ СХОДСТВО; анализ должен вестись на уровне конкретных археологических культур. Мальтинская АК должна сравниваться не с верхним палеолитом Европы вообще, и не с единичным памятником, а с определенной европейской археологической культурой. Сходство должно быть установлено на основе специфических, культуроразличающих характеристик.

К мальтинской АК бесспорно относятся Мальта, Буреть (Прибайкалье) и Ачинская стоянка (Чулым); а также, как поздний ее этап должны рассматриваться Красный Яр и Федяево (Ангара) (Абрамова 1984:331). И анализ вмещающих отложений, и радиоуглеродные даты, позволяют уверенно датировать основные памятники этой культуры началом сартанского похолодания: 23-21 тыс. лет назад (Абрамова 1989:206). Уже одно это исключает более молодую Мезинскую стоянку и однокультурные ей памятники из числа возможных «прародителей» мальтинской АК.

Допуская миграцию из Европы, невозможно говорить о том, что это население «принесло с берегов Днепра и Дона неизменившуюся культуру» (Абрамова 1989:146): если бы такое невероятное событие произошло, — нам было бы не о чем спорить. В действительности, культура, перенесенная на столь значительное расстояние, неизбежно должна была претерпеть очень сильные изменения; мы можем лишь надеяться, что при этом она соханила ряд специфических особенностей, которые позволяют нам установить ее первоисточник.

В поисках европейских корней уместно обратиться к охарактеризованной выше виллендорфско-костенковской АК, в сущности, породившей все обилие европейских палеолитических «венер». Дальнейший анализ убеждает, что сделанный выбор дает плодотворные результаты. Существенные признаки сходства именно с памятниками виллендорфско-костенковского круга обнаруживаются по разным показателям.

ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО. Самый близкий аналог мальтинско-буретинским округлым полуземлянкам — жилище гагаринского типа. Обратим внимание и на то, что во всем палеолите Сибири только в Бурети и на Ачинской стоянке зафиксировано использование крупных костей мамонта в качестве строительного материала (Окладников 1941, Ларичев 1974) — явление, впервые отмеченное в памятниках виллендорфско-костенковской АК.

СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПОСЕЛЕНИЯ. В Мальте обнаружено большое количество костей песца, причем мясо этого зверя в пищу не употреблялось: после снятия шкурки, тушки хоронились в специальных ямках (Герасимов 1935:98-100). Аналогичным образом песцы использовались на стоянках виллендорфско-костенковской АК: их захоронения известны и на Костенках 1/I, и на Костенках 13, и в Авдеево (Праслов, Рогач 1982:140). Как и в Мальте, там в ямках встречаются анатомические группы костей и других животных (Grigor'ev 1993:60). Очаги с обкладкой из камней для виллендорфско-костенковской АК не типичны, однако, такой очаг был открыт в 1996 г. в верхнем слое Зарайской стоянки.

КОСТЯНОЙ ИНВЕНТАРЬ, УКРАШЕНИЯ, ИСКУССТВО. Опустим банальные вещи: стержни, лощила, острия: сходство между подобными предметами из разных памятников может быть чисто случайным. Обратим внимание на специфические изделия. Самый близкий аналог мальтинским стержням со шляпковидными навершиями (рис. 1; 1-3), которые М.М.Герасимов рассматривал как «шпильки или булавки»

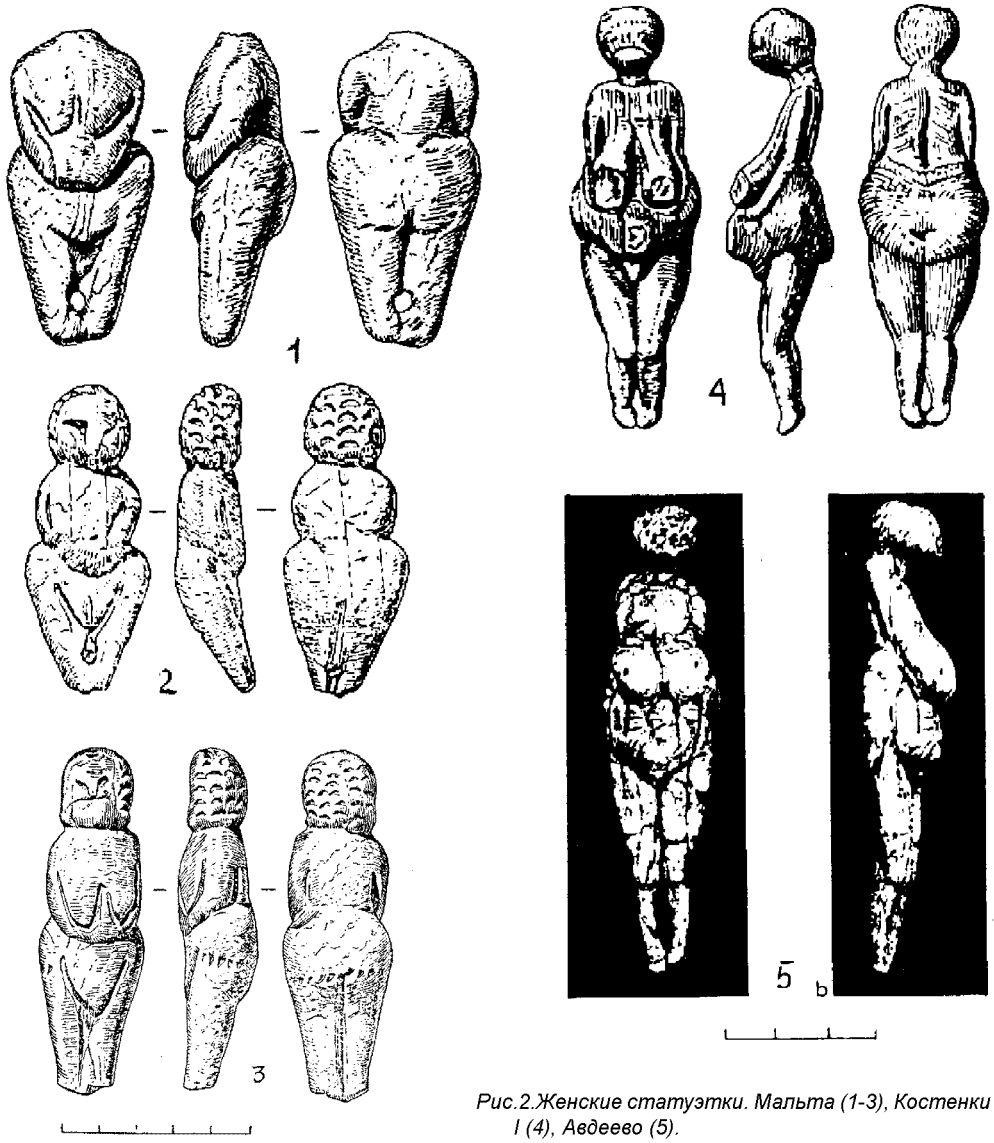

Рис.2.Женские статуэтки. Мальта (1-3), Костенки I/I (4), Авдеево (5).

(Герасимов 1935:110) — знаменитые фибулы «верблюжья ножка» из Костенок 1/I и Авдеево (рис. 1; 4-6). Не менее близким аналогом являются и бивневые налобники-диадемы (рис. 1; 10-12). Целое ожерелье из позвонков рыбы было найдено во втором жилом комплексе Костенок 1/I. Окладников упоминает о находке в Бурети «жезла начальника», — подобные вещи были обнаружены в первом комплексе Костенок 1/I и в Костенках 13. К сожалению, никогда не публиковавшийся буретинский «жезл», возможно, утрачен.

Обратимся, наконец, к женским статуэткам. Да, сибирские «венеры» заметно отличаются от европейских. Но после того, как мы отказались видеть в них показатель некоей всемирно-исторической стадии — МАТРИАРХАТА, коль скоро мы их рассматриваем как КОНКРЕТНОЕ культурно-историческое явление, — решающее значение приобретают не отличия, А САМ ФАКТ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЭТИХ ФИГУРОК. Ведь во всей остальной верхнепалеолитической ойкумене женские скульптурные изображения просто отсутствуют! Уместнее обратить внимание не на отличия, а на сходные черты: Та же каноническая поза — руки сложены под грудью, ноги разведены в коленях и соединены в носках (рис. 2), сходный «орнамент», передающий прическу или головной убор (рис. 2; 2-5). Он встречается далеко не на всех мальтинских фигурках, но он есть, — точно так же, как в Костенках, и в Авдеево имеются случаи передачи лица; в Костенках известна статуэтка, имеющая очень удлиненные пропорции (Праслов & Рогачев 1982: рис. 21; 3), что не редкость в Мальте (рис. 3; 1). Показательно и то, что и там, и тут типичные «венеры» сопровождаются очень стилизованными формами, представляющими, в сущности, стержень с головкой на конце (рис. 3; 2-4).

Список аналогов можно было бы значитель-

но увеличить за счет более «банальных» форм; в качестве примера приведу отдельные подвески (рис. 1; 7-9). Я не рассматриваю кремневый инвентарь: по публикациям в типологии ничего более специфического, чем многократно описанные «общеевропейские признаки» выделить не удается, и на открытие в мальтинской культуре наконечников с боковой выемкой или ножей костенковского типа едва ли приходится рассчитывать. Однако, было бы чрезвычайно интересно провести технологический анализ мальтинской индустрии и сравнить с результатами, полученными Е.Ю.Гирей для индустрий костенковско-авдеевского типа (Гиря 1997).

Оценивая отмеченное сходство, обратим внимание на то, что, чем больше мы узнаем о палеолите Сибири, тем ярче вырисовывается УНИКАЛЬНОСТЬ мальтинской АК, тем более выглядит она на общем культурно-историческом фоне региона «белой вороной». Это особенно заметно сейчас, когда мы знаем о палеолите Северной Азии несравненно больше, чем в шестидесятые годы (не говоря уже о тридцатых), и надежды на то, что мальтинская культура, в конце концов, «естественно» впишется в складывающуюся картину местного культурного развития как ее неотъемлемая часть, все в большей степени базируются на эмоциях, на горячем желании, нежели на археологических данных.

Таким образом, в затянувшемся споре о происхождении мальтинской культуры я решительно поддерживаю миграционную версию и полагаю, что сейчас можно указать точные ее корни: валлендорфско-костенковская АК! Перенесенные на такое громадное расстояние, культурные традиции сильно изменились, — в достаточной степени, чтобы говорить о самостоятельной, мальтинской АК, но, к счастью, не настолько, чтобы не узнать ее прародительницу.

Полагаю также, что проблема миграций в верхнем палеолите Сибири далеко не исчерпывается вопросом о происхождении мальтинской АК. В конце концов, совершенно не ясно происхождение такой «типично сибирской» культуры как афонтовская, широко распространенной в конце верхнепалеолитической эпохи. А между тем целый ряд параллелей со специфическим кругом восточно-европейских и уральских памятников, — от Костенок 14/II и Костенок 16 до стоянки Талицкого и Медвежьей пещеры, — наводит на серьезные размышления, тем более если учитывать их более ранний возраст. Да и некоторые особенности североазиатских культур этого периода, — широкая распространенность, «расплывчатость» культурных характеристик, на что особое внимание обращает С.А.-Васильев (1996:174-178), — не связаны ли они с тем, что в отличие от Европы, здесь заселялись и осваивались слабо или совсем не заселенные территории?

Успешная постановка и решение таких вопросов требует отказа от некоторых устоявшихся стереотипов, в частности, — «боязни» миграционных построений.

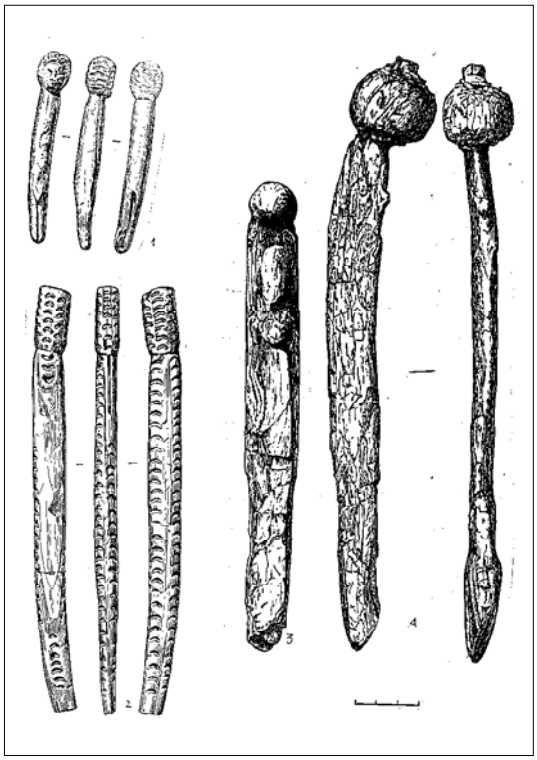

Рис.3. Стилизованные антропоморфные изображения. Мальта (1-2), Костенки I/I (3-4).

ЛИТЕРАТУРА.

Абрамова З.А. 1984. Поздний палеолит Азиатской части СССР // Археология СССР. М.

Абрамова З.А. 1989. Палеолит Северной Азии // Абрамова З.А., Любин В.П. Палеолит Кавказа и Северной Азии. («Палеолит мира»,Т.3). Ленинград: 145-243.

Амирханов Х.А. 1997. Верхняя погребенная почва в разрезе Зарайской стоянки:стратиграфическое значение и проблема датировки культурных отложений. // Восточный граветт. Тезисы докладов международного коллоквиума. (Зарайск-Москва, 1-7 сентября 1997). Москва: 8-10.

Аникович М.В. 1991. Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы. Автореф. дисс. докт. ист. наук. Санкт-Петербург.

Аникович М.В.1995. Судьбы верхнепалеолитического населения Русской равнины // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия. Санкт-Петербург: 10-13.

Васильев С.А. 1996. Поздний палеолит Верхнего Енисея. По материалам многослойных стоянок района Майны. Санкт-Петербург.

Вишняцкий Л.Б. 1990. Происхождение Homo sapiens. Новые факты и некоторые традиционные представления // СА. 2: 99-114.

Вишняцкий Л.Б. 1993. «Забегание вперед» в развитии палеолитических индустрий: явление и его интерпретация // Петербургский археологический вестник. 4:7-16.

Гаврилов К.Н. 1997. Хотылевская верхнепалеолитическая стоянка // Восточный граветт. Тезисы докладов

Международного коллоквиума. (Зарайск-Москва, 1-7 сентября 1997).Москва:29-31.

Гвоздовер М.Д. 1985. Типология женских статуэток костенковской палеолитической культуры.//Вопросы антропологии. 75:27-66

Герасимов М.М. 1935. Раскопки палеолитической стоянки в селе Мальта// Палеолит СССР. Ленинград: 78-124.

Гиря Е.Ю. 1997. Технологический анализ каменной индустрии Зарайской стоянки // Восточный граветт. Тезисы докладов Международного коллоквиума. (Зарайск-Москва,1-7 сентября 1997).Москва:35-39.

Григорьев Г.П. 1968. Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. Ленинград.

Григорьев Г.П. 1989. Вимллендорфско-костенковское единство в его природном окружении // Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита. Ленинград: 45-48.

Ефименко П.П. 1953. Первобытное общество. Киев.

Замятнин С.Н. 1951. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода // Происхождение человека и древнее расселение человечества. Труды Института этнографии АН СССР. Нов. сер. Т.16. Москва.

Зубов А.А.& Харитонов В.М. (ред.). 1984. Сунгирь. Антропологическое исследование. М. «Наука».

Ларичев В.Е. 1974. Дом из бивней мамонта // Знание-Сила.5.

Окладников А.П. 1941. Палеолитические жилища в Бурети (по раскопкам 1936-1940 гг.) // КСИИМК. 10:16-31.

Окладников А.П. 1968. Сибирь в древнекаменном веке. Эпоха палеолита. // История Сибири. Т.1:Древняя Сибирь. Ленинград:37-93.

Праслов Н.Д., Рогачев А.Н. (ред.) 1982. Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879-1979. Ленинград.

Соффер О.А. 1993. Верхний палеолит Средней и Восточной Европы: люди и мамонты // Проблемы палеоэкологии древних обществ. Москва: 99-118.

Тарасов Л.М. 1979. Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. Ленинград.

Allsworth-Jones P. 1986. The Szeletian and the transition from Middle to Upper Palaeolithic in Central Europe. Oxford.

Bordes F. 1958. Le passage du Paléolithique moyen au Paléolithique superieur // Hundert Jahre Neanderthaler. Köln-Graz: 175-181.

Debrosse R & Koslowski J. 1988. Hommes et climats a l'age du mammouth. Le Paléolithique superieur d'Eurasie centrale. MASSON. Paris, Milan, Barcelone, Mexico.

Delporte H. 1979. L'image de la Femme dans l'art Préhistorique. Paris: Picard.

Garrod D.A.E. 1938.The Upper Palaeolithic in the light of Recent Discoveries// Proceeding of Prehistorie Society. IV. London.

Grigor'ev G.P. 1993. The Kostenki-Avdeevo Archaeological Culture and the Willendorf-Pavlov-Kostenki-Avdeevo Cultural Unity // From Kostenki to Clovis. Upper Palaeolithic-Paleo-Indian Adaptations. Plenum Press. New York & London. 1993:51-65.

Haesaerts P. 1990. Évolution de l'environnement et du climat au cours de l'interpleniglaciaire en basse Autriche et en Moravie // Les industries a pointes foliacees du Paléolithique superieur europeen, Kraków 1989. E.R.A.U.L. No 42. Liège: 524-538.

Harrold F.B.1989. Mousterian, Chatelperronian and Early Aurignacien in Western Europe: Continuity or Discontinuity? // P.Mellars & C.Stringer (eds.) The Human Revolution. Edinburgh University Press:677-713.

Kozowski J.1986. The Gravettian in Central Europe // Advances in World Archaeology. Vol.5.

Otte M.1991. Revision de la sequence de Willendorf // Les bassins de la Rhine et du Danube au Paléolithique superieur. Fraul No 43. Université de Liège: 46-59.

Shmider B. & Vandermeersch B. 1988. Saint-Césaire (La Roche a Pierrot) Charante-Maritime. Leroi-Gourhan A. Dictionnaire de la Préhistoire. Presses Universitaires de France.

Smith F.H. 1984. Fossil hominids from the Upper Pleistocene of Central Europe and the origin of modern Europeans // F.N.Smith & F.Spencer (eds.). The Origins of Modern Humans: a World Surevy of the Fossil Evidence. New York: Alan R.Liss:137-209.

Stoneking M.& Cann R.L. 1989. African Origin of Human Mithchondrial DNA// P.Mellars & C.Stringer (eds.) .) The Human Revolution. Edinburgh University Press: 17-30.

Wolpoff M.H. 1989. Multiregional Evolution: The Fossil Alternative to Eden // P.Mellars & C.Stringer (eds.) .) The Human Revolution. Edinburgh University Press: 62-108.

Лисицын С.Н.

ЭПИГРАВЕТТ ИЛИ ПОСТГРАВЕТТ?

Особенности кремневого инвентаря поздневалдайских памятников с мамонтовым хозяйством.

Lisitsyn S.N. Epigravettian or Postgravettian? Characteristics of flint inventories of the Late Valdai sites with mammoth economic.

There is a number of Upper Palaeolithic sites located in the glacial area of the Central Russian Plain, including the upper Dnieper, Volga and Don basins.

This investigation deals with typological classification of flint inventories of the sites dated to postgravettian period. There two chronological groups or stages were segregated. At the first stage, related to upper limit of Valdai cold maximum phase, the assemblages comprised tools made on quite a large-scale blade blanks. Besides common samples these included a series of backed points on blades in some cases with bases transversely retouched; backed microblades with naturally pointed ends or occasionally pointed with retouch. Blank truncation and the latter retouching as well as ventral faceting was widely used. Among burins' and points' ends forms prevail notched transversal and skewed ones.

At the second stage most tools were made of moderate blades and bladeletts. Backed points' blanks were mainly microblades. The group of backed microblades includes a series of items with transversely retouched ends, either one or both. Points and burins were manufactured on natural row ends of blanks and they often had archwise oblique contours of retouched pieces. Ventral treatment of tools occurred seldom.

Accordingly, the dynamics of the Late Valdai assemblage development shows hasty loss of Gravettian traditions, decrease of blanks dimensions and simplification of tools treatment methods.

Hense, the term "epigravettian" as a cultural phenomenon, apparently can't be presently considered. The only phenomenon to be discussed is chronological progression of gravettian and postgravettian assamblages, as the cultural succession and gradual development is not confirmed. Postgravettian assemblages had their own evolution, including two stages. The Late Valdai epoch in the Central Russian Plain was characterized of disappearance of Gravettian traditions chiefly in flint inventories but less in art.

The origin of Postgravettian assemblages remount to Valdai cold maximum phase that separates two archaeological epochs.

В приледниковой области Центра Русской равнины, включающей бассейны верхнего течения Днепра, Волги и Дона, к валдайскому позднеледниковью относится значительное число верхнепалеолитических стоянок.

Изучение палеолитических памятников, начатое в конце прошлого-начале нынешнего века исследованиями в Гонцах, Кирилловской стоянке, Костенках и Мезине, получило бурное развитие в исследованиях 30-50-х гг. В это время происходило накопление источниковедческой базы, формировались первые теоретические представления о периодизации местного палеолита. Усилиями таких известных археологов, как В.А. Городцов, П.П. Ефименко, С.Н. Замятнин, П.И. Борисковский, М.В. Воеводский, К.М. Поликарпович, М.Я. Рудинский, И.Г. Пидопличко, А.Н. Рогачев были открыты и раскопаны эталонные памятники поздней поры верхнего палеолита Верхнего Поднепровья (Тимоновка, Пушкаревская группа, Юдиново, Супонево, Елисеевичи и др.) и Верхнего Подонья (Костенковские и Борщевские стоянки).

В послевоенные годы вышли первые обобщающие труды по палеолиту днепровского бассейна (Борисковский 1953; Поликарпович 1968). После потери стадиальной концепцией официального статуса непререкаемой и вслед за разработкой А.Н. Рогачевым основ для выделения археологических культур в палеолите, интерес исследователей привлекает массовый материал из раскопок, наряду с планиграфией. В этом отношении огромную роль сыграло сходство ярких родственных комплексов среднеднепровских стоянок Бердыжа, Авдеева с инвентарем верхнего слоя Костенок 1 и Гагарино. Но осталь-

© Лисицын С.Н., 1999.

ные инокультурные и менее выразительные по инвентарю и предметам искусства памятники в 50-60 гг. освещались в достаточно общих публикациях. Новые раскопки И.Г. Шовкопляса в Мезине, нашедшие отражение в монографии (Шовкопляс 1965), и полученные материалы заставили по-новому взглянуть на памятники Среденеднепровского региона как на определенное культурно-историческое единство — «мезинскую культуру».

В 70-е гг. произошло расширение исследований, намечены новые подходы к интерпретации результатов раскопок. Во многом это связано с разработкой вопросов геологии и стратиграфии памятников Среднего Поднепровья, залегающих в лессовых отложениях. Особое внимание стало уделяться изучению хозяйственно-бытовых комплексов, статистической обработке массового материала и поиску культурных аналогий. В этот период намечаются культурные связи в Подесенье: Тимоновских стоянок и Юдиново, Пушкарей и Клюссов (Величко, Грехова, Губонина 1977; Гладких 1973), Хотылево 2 и костенковско-авдеевских памятников. Становится очевидной обособленность в культурном отношении комплексов Мезина и Елисеевичей.

Изучение памятников поздней поры верхнего палеолита в 80-90 гг. приводит к дальнейшему совершенствованию точных методов при полевых исследованиях. Получены новые абсолютные даты для Тимоновки, Пушкарей, Елисеевичей, Юдиново, Супонево, Борщево 2, Гонцов, выходят новые монографические исследования по тематике (Абрамова 1995; Абрамова, Григорьева 1997; Абрамова, Григорьева, Кристенсен 1997; Грехова, Грибченко, Куренкова 1997).

Громадный накопленный материал позволил разработать общие схемы хронологии и периодизации для перигляциальной палеолитической зоны региона, дать культурно-историческую атрибуцию комплексов.

Одни исследователи выделяют здесь ряд родственных культур и считают сходства признаками межкультурных связей. Так, М.И. Гладких (Гладких 1973) выделил комплекс Мезина в одну археологическую культуру, а среднеднепровские стоянки Добраничевку, Межиричи, Гонцы в другую. Обоснование тимоновско-юдиновского культурного единства и специфичности елисеевичского комплекса нашли отражение в работах Л.В. Греховой (Грехова 1970, 1987; Грехова, Грибченко, Куренкова 1997). Уникальность индустрии Супоневской стоянки на фоне днепровских памятников, при наличии отдельных черт кремневого инвентаря, сопоставимых с мезинскими, обосновано в диссертации Н.А. Хайкуновой (1985). Иной подход к культурно-исторической интерпретации археологических материалов представлен у И.Г. Шовкопляса (1965), обосновавшего культурное и хронологическое единство днепровских памятников по общему облику костяной и кремневой индустрии, принципам домостроительства. Обоснование этой позиции («среднеднепровская традиция»), с использованием преимущественно статистических критериев, привел К.Н. Гаврилов (1994). При такой постановке вопроса локальным культурным различиям придается немногим большее значение, чем отличиям между отдельными хозяйственным комплексам на одном поселении. Сходства же в материальной культуре интерпретируются как группирующие признаки, четко очерчивающие круг аналогий памятникам и отделяющие одну культурно-историческую группу стоянок от другой — как по вертикальной хронологии, так и в географическом окружении. Наиболее полно разработка основных вех периодизации развития верхнепалеолитических культур на Русской равнине, в которой значительное место отведено общей характеристике памятников поздней поры, предпринята М.В. Аниковичем (1997). В указанной работе автор обобщил представления о феномене верхнепалеолитических памятников Центра Русской равнины как о Днепро-Донецкой историко-культурной области охотников на мамонтов, проходящую 2 этапа в своем развитии. Первый относится к граветтийской эпохе и представлен памятниками костенковско-авдеевского типа и испытавшими их непосредственное влияние родственными культурами. К отличительным их признакам относится специфический набор кремневого инвентаря (ярко выраженный «граветтоидный технокомплекс»), включая такие характерные группы орудий, как наконечники с боковой выемкой, ножи костенковского типа, микропластинки с притупленным краем-прямоугольники, двугранные резцы на крупных пластинах и др. Им сопутствует характерный инвентарь из кости и бивня мамонта, а также реалистичное искусство малых форм (женские статуэтки, зооморфные поделки из бивня и мергеля), а также жилые комплексы, вытянутых в плане очертаний и с линией очагов по длинной оси, включающие в свой состав кости мамонта. Второй, эпиграветтоидный этап, соответствует поздней поре верхнего палеолита и представлен памятниками с бедным категориально кремневым инвентарем (господство ретушных резцов, простых форм скребков, косоретушных острий) и разнообразным костяным и бивневым набором, схематизированным мобильным искусством, расцветом гравировок по бивню в виде геометризованных орнаментов, аносовско-мезинским типом жилищ из костей мамонта, небольших и круглых в плане. Сюда входит большинство памятников поздней поры верхнего палеолита Центра Русской равнины. Обосновывается как хозяйственная и историческая преемственность обоих этапов, так и очевидное различие их культурных традиций. В связи с этим М.В. Аникович допускает возможность определения раннего и позднего этапов куль-

турного феномена через понятия «восточный граветт» и «восточный эпиграветт. Иной позиции по поводу интерпретации культурного развития в конце верхнего палеолита придерживается З.А. Абрамова (Абрамова, Григорьева 1997: 106-109). Анализируя жилые конструкции и кремневые комплексы стоянок, З.А. Абрамова соглашается с выделением обособленных культур в пределах «единой среднеднепровской этнокультурной области»: тимоновско-юдиновской (Юдиново, Чулатово 2, Тимоновка 1-2, Бугорок), мезинской с вероятным дериватом в виде Супонево, межиричско-добраничевской (Межиричи, Добраничевка и возможно Гонцы), а также отмечает как сходства с ними, так и специфику синхронных костенковских памятников (Костенки 2 и Костенки 11 (1а). Однако, сравнивая в целом финал палеолита на нашей территории с ситуацией в Центральной и Западной Европе, она подчеркивает, что общая типологическая нивелировка кремневой индустрии в финале палеолита закономерна не только на территории Русской равнины, но и в Центральной и Западной Европе, где расцветает мадлен, разнообразный в региональных проявлениях, но единое по сути культурное явление. По роли, которую играл феномен местных, основанных на мамонтовом хозяйстве археологических культур, последний не уступает и исторически соответствует мадлену, основанному на эксплуатации северного оленя. Подчеркивая неоспоримый разрыв культурных связей с предшествующей граветтийской эпохой, и на Западе, и на Русской равнине, З.А. Абрамова считает несостоятельной гипотезу плавного эволюцинного развития археологических культур во второй половине верхнего палеолита и поэтому признает неправомерным употребление термина «эпиграветт» для заключительного периода этой эпохи.

Таким образом, на современном этапе представления о поздней поре верхнего палеолита центрального региона Русской равнины представлены в многообразии мнений значительного числа археологов-палеолитчиков. В одном лишь имеются точки соприкосновения — большинство исследователей согласны с общими дефинициями хронологических рамок поздней поры верхнего палеолита и наличием определенных общих черт в материальной культуре поздних памятников с мамонтовым хозяйством, вплоть до утверждения об этно-культурных связях генетически родственных археологических культур на очерченной территории. Эти общие объединяющие черты, если не учитывать факторы чисто экономического порядка, таких как круглые жилища из костей мамонта, широкое использование бивня для изготовления орудий и украшений, а также явно надкультурные тенденции к стилизованности и геометризации в искусстве, заключаются в кремневой индустрии и представлены во всех обобщающих работах. Сюда относится совершенное первичное пластинчатое расщепление, основанное на получении пластинчатых заготовок с однотипных одно- и двуплощадочных призматических нуклеусов, преимущественно одноплоскостного скалывания; орудийный набор, скудный категориями, в котором резцы количественно преобладают над скребками; среди резцов господствуют в процентном отношении ретушные, а среди скребков стандартные концевые формы, в основном на отщепах и небольших пластинах; сериями представлены также микропластинки с притупленным краем и острия, в основном косоретушные. Дополняют картину редкие формы орудий типа различных вариаций острий и проколок, долотовидных изделий, которые не на всех стоянках представлены серийно. Отмеченные характеристики достаточно полно отражают особенности памятников этого периода и позволяют отделить их по непосредственно типологическим критериям от более ранних граветтоидных комплексов и более поздних финальнопалеолитических и раннемезолитических, лингби-аренсбург-свидерского облика. Значительное число абсолютных дат и данные стратиграфии позволяет уверенно судить о крайних хронологических рамках существования памятников. Но даже при всем разнообразии вариантов интерпретации культурных процессов в поздней поре верхнего палеолита, обращает на себя внимание отсутствие в отечественной литературе четкой внутренней археологической периодизации этого периода, длившегося не менее 6-7 тысячелетий, — срок немалый, даже для верхнего палеолита. Это особенно заметно при сравнении с ситуацией в зарубежном палеолитоведении, где в синхронном нашим памятникам мадлене выделяется по меньшей мере шесть (!) периодизационных ступеней. Во многом такое положение связано с меньшей изученностью памятников, по сравнению с западными, и в количественном, и в качественном отношении. Отсутствуют представительные серии радиоуглеродных дат, позволяющие строить дробную абсолютную хронологию (фактически репрезентативная серия дат есть только для Юдиново), и полные публикации материалов.

Вместе с тем представляется, что накопленный уже сегодня материал может служить основанием для определенных периодизационных построений.

При отмеченной выше бедности и общей распространенности кремневого орудийного набора основные усилия в поиске особенных разнокультурных черт направлены исследователями на предметы искусства, особенно из кости и бивня, планиграфические и конструктивные особенности поселенческих структур. Различия же в кремневом инвентаре традиционно сводятся к поиску отдельных специфичных предметов, ведущих форм того или иного комплекса (Шовкопляс 1965; Грехова 1987; Поликарпович 1968), которые не встречаются в

других (мезинские проколки, резцы супоневского типа) или отдельных типолого-морфологических элементов (краевое ретуширование резцов, скошенные скребковые лезвия, положение жала проколок относительно центральной оси и т. п.). Однако такой метод имеет целый ряд недостатков. Во-первых, практически все эти «культуроразличающие признаки» в большей или меньшей степени встречаются в любом полно изученном памятнике. Во вторых, такой подход не решает проблемы выявления качественных различий орудийного набора, что особенно важно для интерпретации материалов большинства незначительных или маловыразительных коллекций памятников. Результаты же статистической обработки в конечном счете отражают скорее хозяйственные, чем культурные особенности комплексов.

В условиях крайней немногочисленности категорий инвентаря представляется важным обратить внимание не столько на типологию, сколько на морфологию кремневых орудий. Внешняя стандартизованность первичной и вторичной обработки последних может скрывать в себе особенности, редко описываемые в типологических построениях. Прежде всего это касается свойств заготовок и приемов их модифицирования. Даже учитывая то, что часть артефактов, предназначенных для одинаковых функций, будут иметь сходную морфологию (не имеет практического смысла, например, делать наконечник на очень тонкой заготовке, а скребок на очень длинной), признаки намеренности в выборке предметов для вторичной обработки различны у разнокультурных и сходны у родственных сообществ (на этом основана наша реально работающая интуитивная типология). Для кремневого инвентаря памятников поздней поры верхнего палеолита Центра Русской равнины, мы имеем уникальную картину, когда первичное расщепление предельно стандартизировано, вторичная обработка минимальна и редко модернизирует общие формы изначальных заготовок, набор типов орудий ограничен и несомненно специализирован. Т.е. фактически здесь представлена идеальная ситуация для возможностей работы с чистыми формами орудий и их заготовок и, следовательно, выявления различий древнего поведения разных коллективов, развития последних во времени.

Попытка проанализировать технико-морфологические черты орудийных наборов разнокультурных памятников, относящихся к рассматриваемому времени, была предпринята нами на примере части коллекций кремневого инвентаря четырех опорных памятников поздней поры верхнего палеолита Верхнего Поднепровья — Елисеевичей, Мезина, Супонево и Юдиново. Выбор ограничен, с одной стороны представительностью и эталонностью комплексов, а с другой — общей доступностью их коллекций для изучения. Материал для работы находится в фондах Музея Антропологии и Этнографии имени Петра Великого (коллекции Мезина, Елисеевичей 1, Супонево) и Института Истории Материальной Культуры РАН (коллекция Юдиново)

Методической основой исследования явилось установление культурных норм в изготовлении кремневых орудий, которые можно зафиксировать через выделение технологических стандартов заготовок для орудий и морфологических особенностей вторичной обработки орудийных форм. Основные понятия такого подхода: заготовка, размеры, форма. Они не подразумевают сопоставлений локальных типов, процентных соотношений категорий и улавливают лишь общие генеральные тенденции развития кремневых индустрий. В своем роде это определенное ограничение, которое, однако, на наш взгляд в наибольшей степени может отразить динамику древнего поведения. В исследование не вошли нуклеусы и нуклевидные изделия.

В литературе часто используются термины «правильная» или «неправильная» пластина, заготовка с «субпараллельными» или «неровными» краями. Большинство индустрий верхнего палеолита Восточной Европы относится к пластинчатым и описаны как индустрии с «правильными» заготовками. На этом фоне особенно ярко выделяются индустрии с нестандартными заготовками для всех орудий или же части орудийного набора (стрелецко-сунгирьская и городцовская культуры с их отщеповой направленностью; своеобразные костенковско-авдеевские массивные пластины для изготовления больших наконечников с боковой выемкой и ножей костенковского типа; массивные (толстые и широкие) ориньякские пластины и др.). Таким образом, то, что понимается под «правильностью» заготовок верхнепалеолитических орудий — это пластинчатые заготовки с более или менее параллельными краями (что часто подразумевает и «правильную» огранку, неправильные сколы с параллельной огранкой — исключения, а не правила), с одинаковой шириной и толщиной, стремящимися в объеме к форме уплощенного параллелепипеда. В реальности такого никогда не бывает. Значения толщины и ширины самых «правильных» пластин всегда незначительно (энное количество миллиметров) варьируют. Таким, образом, «правильность» понятие относительное и субъективное. Поэтому компромиссным вариантом здесь кажется определение заготовок как правильных, если они имеют симметричные пропорции, т. е. заготовки наиболее широкие и толстые посредине и более тонкие и узкие у концов, с минимально дугообразными краями и близкими метрическими параметрами. Поскольку большинство восточноевропейских верхнепалеолитических индустрий охарактеризовано как правильные пластинчатые, можно утверж-

дать, что «правильность» заготовок является технологической нормой и показателем стандартизованности первичного расщепления. Преобладание правильных заготовок и орудий на них в инвентаре верхнепалеолитического памятника есть свидетельство его ординарности в культурно-историческом и в поведенческом плане. И, наоборот, преобладание или присутствие «неправильных» заготовок — отражение исключительности.

Под любой заготовкой орудия понимается морфологически «намеренный» или «случайный» скол, на котором имеются следы вторичной обработки или выраженных следов износа в результате работы. Итогом сравнения свойств заготовок является выделение технологических стандартов заготовок, т.е. совокупности техно-морфологических признаков, свойственных (в относительном выражении по группам орудий) каждому комплексу в отдельности.

Морфологическая классификация орудий включала использование общеупотребительных количественных метрических и качественных описательных признаков. Количественные признаки: длина, ширина, толщина (мм) выражают общие стандарты заготовок орудий. Качественные признаки определяют морфологию изделий: форму (вид) заготовки и типологию орудия. Края могут быть сходящимися, субпараллельными, расходящимися от проксимального конца к дистальному, частично или полностью выпуклыми. Описательная схема морфологии заготовки с использованием качественных и количественных признаков по иерархической системе уже использовалась в типологии (Гвоздовер, Григорьев, Деопик, Леонова 1979). Но, с одной стороны, недостаточная подробность для описания морфологии заготовки, а с другой, ее излишняя громоздкость из-за большого количества описательных признаков не способствовали широкому применению этой схемы в дальнейшем. Нами значение описательных признаков сведено к минимуму (кроме обработки концов) в целях упростить классификацию.

Для определения вида заготовки привлекались целые орудия и частично обломанные (сломан самый конец) орудия. Этот массив охарактеризован как орудия с определимыми заготовками. Обломки — соответственно, как орудия с неопределимыми видами заготовок.

Те из видов заготовок, которые занимают количественно господствующее положение в конечном итоге определяются как технологические стандарты индустрии. Техно-морфологическую характеристику заготовок дополняют параметры длины и характеристики ударной площадки. Ударная площадка может быть точечная (правильное конусное расщепление), размерами до одной трети стандартной ширины заготовки и линейная (неконусное расщепление), размерами более одной трети стандартной ширины заготовки.

Качественные признаки заготовок: пластинчатые или отщепы. При описании обработки краев использовались следующие виды ретуши: 1. Плоская ретушь (под углом менее 30°). 2. Крутая ретушь (30°-70°). 3. Высокая притупливающая (вертикальная) ретушь (70°-90°). 4. Мелкая крутая ретушь (30°- 90°,высотой до 1 мм толщины заготовки). 5. Стелющаяся микроретушь (практически без наклона, с глубиной фасеток до 1 мм). Для локализации на краях ретуши вместо традиционной трехчастной схемы деления описываемых форм (проксимальная, медиальная, дистальная трети) использовалась пятичастная схема деления гипотетической заготовки, что вызвано необходимостью более подробной фиксации признаков в каждой конкретной точке заготовки. От проксимального конца к дистальному эти части обозначались: первая пятая часть заготовки (1/5), вторая пятая (2/5), третья пятая (3/5), четвертая пятая (4/5) и пятая пятая дистальная часть (5/5).

Морфология обработки концов описывалась по традиционной упрощенной описательной схеме. Для резцов и острий — концы образующие и не образующие углов с краями. Для скребков слабо- и сильновыпуклые, скошенные, образующие и не образующие углов с краями.

Стоянка Елисеевичи 1.

Верхнепалеолитическое поселение Елисеевичи расположено в верховьях р. Судость, правого притока р. Десны на территории д. Елисеевичи Жирятинского района Брянской области. Культурный слой мощностью, в среднем, 0,7-0,11 м приурочен к склону второй надпойменной террасы правого берега Судости и залегает в отложениях делювиальной лессовидной супеси на глубине от 1,58- 1,66 до 2,5 м от современной поверхности (Поликарпович 1968: 40; Будько 1970: 23). По серии радиоуглеродных дат памятник датируется в пределах 14-17 тысяч лет назад (Тарасов 1991: 27-28).

Стоянка открыта в 1930 г. К.М. Поликарповичем в ходе палеолитической разведки. Им же тогда были заложены первые 9 шурфов для выяснения геологических условий залегания и площади памятника. В 1935- 1936 гг., 1946, 1948 гг. К.М. Поликарпович производил в Елисеевичах широкомасштабные раскопки. Результатом их было открытие различных конструкций, в том числе жилых , из костей мамонта, из которых наиболее известен «ход» длиной 6,5 м. Раскопки К.М Поликарповича дали богатый кремневый и костяной инвентарь, произведения (елисеевичская «венера») палеолитического искусства (Поликарпович 1968: 41- 87).

В 1936 С.Н. Замятнин, а в 1946 г. М.В. Вое-

водский производили небольшую шурфовку вдоль обрывов на территории стоянки.

В 1963, 1965 гг. раскопки на памятнике проводил В.Д. Будько. Им были открыты новые сооружения из костей мамонта, в том числе жилище «полуземляночного типа» (Будько 1970: 23-26).

Комплексная экспедиция во главе с Л.В. Греховой в 1970, 1972, 1974, 1976,1978 гг. проводила исследования на памятнике. В результате этих работ обнаружено еще не менее трех конструкций разного характера, в состав которых входили преимущественно кости мамонта (Величко, Грехова, Ударцев 1977: 104-105).

Общее количество кремневого инвентаря за все годы раскопок, по данным Л.В. Греховой, составляет 274862 (100,0 %) предмета, из которых изделия со вторичной обработкой составляют 2609 (0,95 %) экз. (Грехова 1987: 123-125). Среди последних резцы насчитывают 1871 экз. (из них 1871 экз. ретушные); скребки — 89 экз. (3,41%); пластинки с притупленным краем более 200 экз., индивидуальные формы, включая тронкированные пластины, острия с выпуклым притупленным краем и др. — 46 экз. (1,77%).

При раскопках Елисеевичей Поликарповичем в 1948 г. был выявлен верхний горизонт находок «предположительно тарденуазского возраста» (Поликарпович 1968: 47), отделенный от верхнепалеолитического стерильным лессом 1,0-1,2 м мощностью. Кремень верхнего горизонта «имел меньшую патинизацию и отличался по своему характеру от кремня нижнего слоя». Было найдено несколько десятков орудий, отличных «в формах» от верхнепалеолитических (Левенок 1966: 88).В рассматриваемой

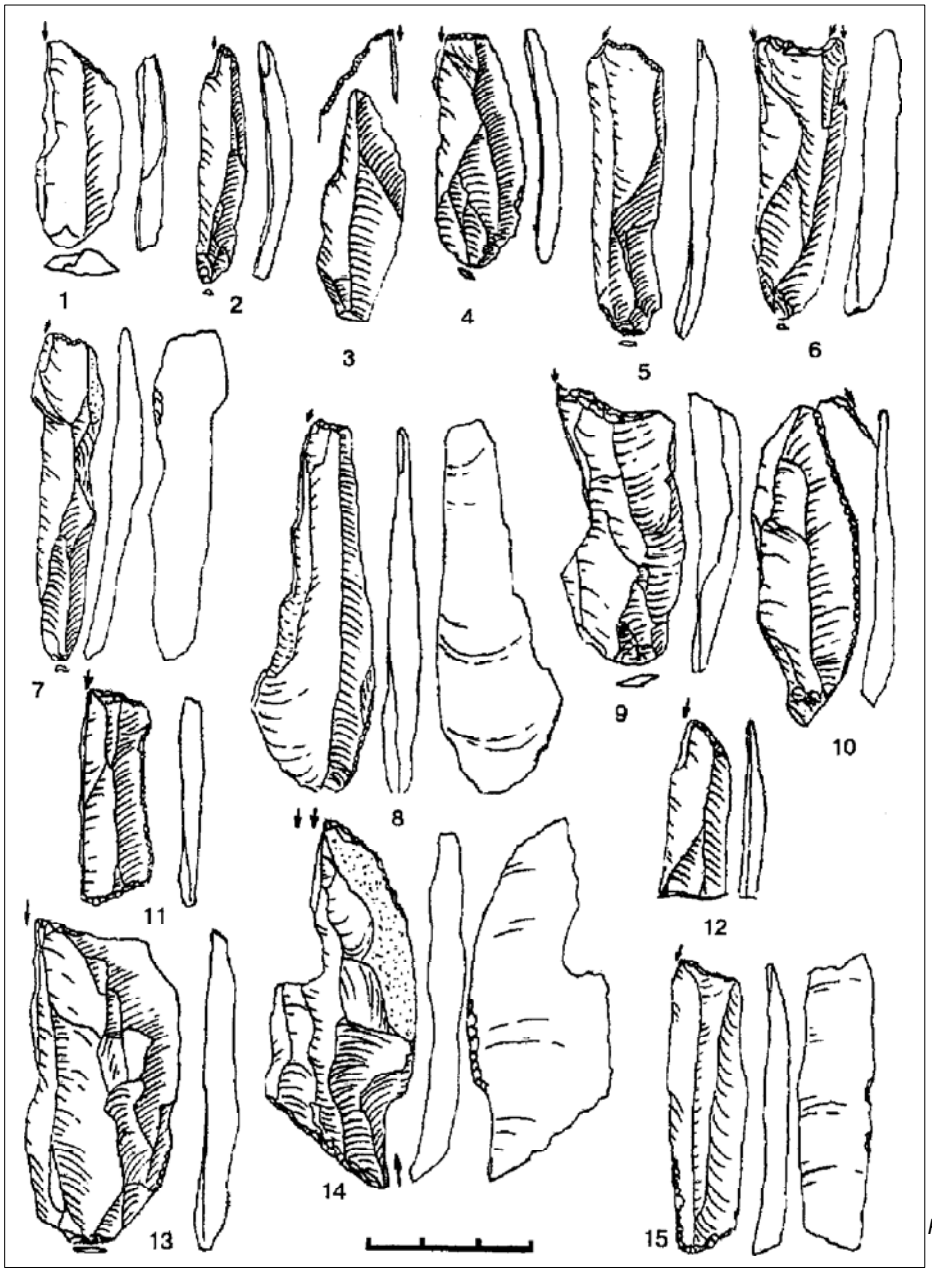

Рис.1. Елисеевичи 1. Резцы.

коллекции раскопок 1935 г. нами не было обнаружено инородных по кремню и типологически изделий, поэтому весь инвентарь рассматривается как монолитный верхнепалеолитический комплекс.

Нами была изучена коллекция из раскопок К.М. Поликарповича 1935 г. (№5298), хранящаяся в МАЭ. Массив исследования составили предметы с вторичной обработкой: 921 экз. (100,0 %), из которых: 427 экз. (46,4 %) резцы, 183 экз. (19,9 %) ретушированные пластины, 105 экз. (11,4 %) ретушированные микропластины, 105 экз. (11,4 %) острия, 53 экз. (5,7 %) микропластинки с притупленным краем, 43 экз. (4,7 %) скребковидные изделия и 5 экз. (0,5 %) изделия с подтеской конца.

СЫРЬЕ: Все орудия Елисеевичей из раскопок 1935 г. изготовлены из мелового деснинского кремня черного и темно-серого цвета. В коллекции попадались единичные осколки из светлого кварцита, но орудий из него не встречено. Кремень желвачный, очень редко плиточный. Форма желваков реконструируется как цилиндрическая (полая или заполненная мелом внутри), либо аморфно-бесформенная. Большинство изделий покрыто полностью густой голубой, до белого, пятнистой патиной, единичные предметы патинизированы лишь односторонне, редко не патинизированы вовсе.

РЕЗЦЫ. Всего 427 экз. В подсчеты не вошли изделия «случайных» форм на осколках, необработанных бесформенных отщепах и т. п. (рис. 1) Выделяется несколько групп:

1. Резцы ретушные- 195 экз. (целых 47 экз.). Длина целых 27-67 мм (преобладает 39-62 мм). Стандартная ширина до 12-27 мм. Стандартная толщина до 3-12 мм. Определимые заготовки выделены у 105 изделий:

Среди целых экземпляров лишь 8 двойных, остальные одинарные: единичные имеют на одном конце два резцовых скола по обоим краям. Подавляющее большинство (70 экз.) сделано на тронкированных ретушью концах, меньшинство (35 экз.) на естественных. Угол с краем образуют 66 экз., без угла — 39 экз. Ретушь концов: среди обработанных дорсально преобладает крутая и вертикальная ретушь, реже мелкая крутая, а среди вентрально обработанных мелкая крутая и вертикальная. Единичные ретушные резцы имеют более или менее значительную обработку на краях (рис. 1, 3, 14, 15), локализующуюся на спинке в 1|5—5/5, 2/5—5/5, 1/5—3/5 частях (крутая и мелкая крутая, редко микроретушь), на брюшке в 2/5—4/5, 1\5— 3\5 (мелкая крутая и вертикальная, редко плоская и микроретушь).

2. Резцы на углу сломанной пластины — 100 экз. (целых — 24 экз.). Длина целых 32-93 мм (преобладает 45-77 мм). Стандартная ширина до 15—40 мм. Стандартная толщина до 4-12 мм. Двойных орудий 10 экз. (из них 2 экз. имеют резцовые сколы по обоим краям на обоих концах). В единичных случаях отмечалась ретушь: на спинке в 1/5—5/5, 2/5, 1/2—2/2 частях (крутая, мелкая крутая и вертикальная), на брюшке в 2/5—5/5 (крутая и плоская) (рис1, 10).

3. Резцы двугранные — 68 экз. (целых 11 экз.). Подавляющее большинство представлено в обломках (рис. 2,16). Длина целых до 54 мм, но среди обломанных есть достигающие в длину 80 мм. Стандартная ширина до12-27 мм. Стандартная толщина до 4-11 мм. Преобладающий вид заготовок у 14 определимых экземплярам по своим характеристикам сближается с заготовками ретушных резцов. Двойных двугранных резцов 5 экз. Они не составляют отдельной группы по оформлению концов и, скорее, случайны.

По особенностям расположения резцового лезвия относительно оси заготовки подавляющее большинство двугранных резцов относится к угловым. За исключением 5 экз. все двугранные резцы оформлены в дистальной части пластин. У 9 изделий зафиксированы участки ретуши: на спинке в 3/5—4/5, 2/5—3/5 частях (крутая и мелкая крутая ретушь), на брюшке в 3/5—5/5 частях (плоская и крутая ретушь).

4. Атипичные резцы — 22 экз. (целых 12 экз.). Длина целых 28-59 мм (преобладает 42-59 мм). Стандартная ширина до10-26 мм. Стандартная толщина до 4-12 мм. Заготовки определимы у 19 экз.

Данные характеристики заготовок скорее всего отражают не отдельный их вид, а разнородность технологических стандартов, присутствующих в этой небольшой и типологически аморфной группе. Выделяются 14 резцов на естественной грани (рис. 1,10) на дистальном конце, 3 поперечных резца на проксимальном конце и 2 резца с резцовым сколом, нанесенным с ударной площадки. Обработка на краях: на спинке у 1 экз. мелкая крутая ретушь в 1/5—4/5, у 1 экз. крутая ретушь в 1/5—2/5 частях, на брюшке у 2 экз. микроретушь в 1/5—3/5 и у 1 экз. в 3/5—5/5 частях мелкая крутая ретушь.

5.Комбинированные резцы — 28 экз. (целых заготовок нет). Длина комбинированных резцов колеблется в пределах 41-68 мм (преобладает 41-57 мм). Стандартная ширина 14-25 мм, а толщина 7-17 мм. Оба параметра не локализуются на заготовке, из-за отсутствия целых не тронкированных концов, поэтому говорить о характеристиках заготовок нельзя. Выделяются комбинации: 10 экз. ретушный- двугранный, 12 экз. ретушный — на сломе, 3 экз. на естественной грани — на сломе, 3 экз. двугранный — на сломе. Фактически типологически самостоятельны лишь первые две комбинации с ретушными резцами (варианты переоформления ретушных резцов?). Обработка краев: у 1 экз. на спинке в 3/5 — 4/5 мелкая крутая и крутая ретушь по обоим краям и у 1 экз. на брюшке края полностью обработаны плоской по одному и крутой по другому ретушью.

6. Комбинированные резцы-острия- 14 экз. (целых 3 экз.). Длина целых 34, 46 и 69 мм. Их стандартная ширина 10, 13 и 27 мм, а толщина 2, 5 и 13 мм (рис. 1, 11, 15). Остальные изделия представлены незначительными фрагментами пластин, поэтому говорить о характеристиках заготовок не представляется возможным. Выделяются комбинации косоретушных острий с: ретушными резцами- 6 экз., резцами на углу сломанной пластины- 2 экз., двугранными резцами- 2 экз., резцами на естественной грани- 2 экз., резцом на ударной площадке- 1 экз. и одно атипичное орудие из комбинации ретушного резца на проксимальном конце и скребковидного поврежденного завершения на дистальном. Только 3 острия оформлено на проксимальном конце (в том числе единственное вентральной ретушью). Ретушь концов, как острий, так и ретушных резцов: крутая, мелкая крутая и вертикальная. У 7 экз. есть ретушь на краях: на спинке в 1/5—2/5—3/5 частях, прилегающих к острию, крутая и мелкая крутая ретушь, на брюшке плоская ретушь в средней и мелкая крутая в одном случае в верхней части края.

Подводя итоги классификации резцов можно заключить, что какой-либо преобладающий вид заготовок выделяется лишь для групп ретушных резцов- это пластина небольших и средних размеров, чаще всего наиболее массивная в проксимальной-медиальной части, а наименее у дистального конца. Преобладание угловых форм среди двугранных резцов возможно указывает на их связь с ретушными (переоформление?). Резцы на углу сломанной пластины не дают единого технологического стандарта, отличаются большим разбросом значений мет-

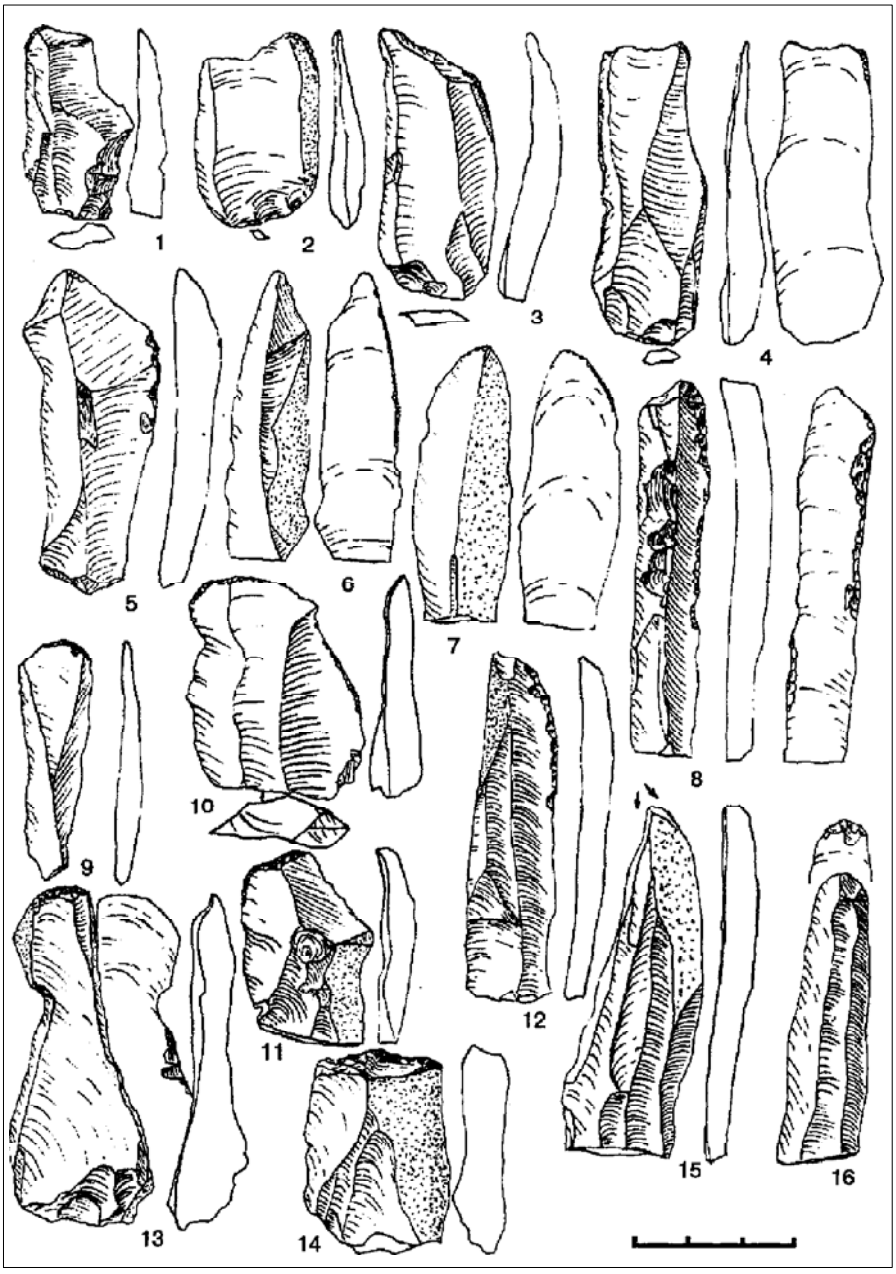

Рис. 2. Елисеевичи 1. 1-8,12 — пластины с ретушью; 9-11,13-14 — скребковидные изделия; 15 — резец; 16 — пластина с подтеской конца.

рических параметров, аморфностью в оформлении. Скорее всего, эта группа не обладает морфолого-типологической самостоятельностью и является набором, переоформленных в каких-то целях с помощью единого технологического приема, орудий разных групп и категорий. Большинство резцов не имеют сколько-нибудь значительной ретуши на краях. Краевая ретушь иногда локализуетя как участок ретуши у одного из концов заготовки (особенно на спинке), реже в средней части, совсем редко полностью по всему краю. Среди видов дорсальной ретуши преобладает крутая и мелкая крутая, а вентральной — крутая и плоская. Наименее распространена стелющаяся микроретушь.

РЕТУШИРОВАННЫЕ ПЛАСТИНЫ. Всего орудий этой категории 183 экз. К ним были отнесены все пластины и их обломки с ретушью, имеющие ширину более 12 мм. Заготовки определимых ретушированных пластин (152 экз.) в целом схожи с ретушными резцами.

Нибольшая часть изделий (74 экз.) наиболее массивна в средней части, но выделяются группы изделий наиболее массивные как в проксимальной-медиальной, так и в медиальной-дистальной части.

Выделяется ряд технико-морфологических групп:

1. Пластины с ретушью 1-2 краев у дистального конца на спинке — 67 экз. (целых 33 экз.). Длина целых 24-67 мм, (преобладает 40-53 мм). Стандартная ширина до 13-27 мм (есть исключения: две пластины с стандартным значением 38 и 48 мм). Стандартная толщина до 3-9 мм (исключения: 2 экз. имеют толщину до 11 мм). Краевая ретушь располагается в 3/5—5/5, 4/5—5/5, 3/5—4/5 частях, но 1 экз. имеет дополнительный участок ретуши у проксимального конца (рис. 2, 1-3, 12,). Преобладает мелкая крутая ретушь, реже крутая и микроретушь, в единичных случаях плоская.

2. Пластины с ретушью 1-2 краев у дистального конца на брюшке — 18 экз. (целых 10 экз.). Длина целых 26-60 мм (преобладает 40-56 мм). Стандартная ширина до 15-19 мм. Стандартная толщина до 3-7 мм. Краевая ретушь располагается в 3/5-5/5, 3/5-4/5, 4/5-5/5 частях, у 1 экз. целиком ретушировн весь край. Преобладает стелющаяся микроретушь, реже мелкая крутая и плоская, в одном случае крутая ретушь (рис. 2, 7).

3. Пластины с двухсторонней ретушью 1-2 краев у дистального конца 18 экз. (целых 9 экз.). Длина целых 41-77 мм (преобладает 44-58 мм). Стандартная ширина до 13-31 мм. Стандартная толщина до 4-11 мм. Краевая ретушь прослеживается: на спинке в 1/5—5/5, 2/5—5/5, 3/5—5/5, 3/5—4/5, 4/5—5/5 частях (крутая, реже микроретушь и мелкая крутая ретушь), на брюшке в 1/5—3/5, 2/5—5/5, 3/5—4/5, 4/5—5/5 частях (плоская и микроретушь, реже крутая и мелкая крутая). По типу ретушь в большинстве случаев противолежащая, встречная и переменная присутствует у единичных предметов в виде участка ретуши использования на стороне, противоположной основному ретушированному краю (рис. 2, 4, 8).

4. Пластины с ретушью 1-2 краев в средней части на спинке — 31 экз. (целых 9 экз.). Длина целых 43-70 мм (преобладает 50-59 мм). Стандартная ширина 13-21 мм. Стандартная толщина до 3-7 мм. Краевая ретушь располагается в 2/5-4/5 и 3/5 частях и иногда принимает вид неглубокой выемки. Преобладает крутая и мелкая крутая ретушь, реже плоская и микроретушь (рис. 2, 5).

5. Пластины с ретушью 1-2 краев в средней части на брюшке — 19 экз. (целых 5 экз.). Длина целых 53-64 мм (1 экз. 19 мм). Стандартная ширина до 17-32 мм. Стандартная толщина до 3-7 мм. Краевая ретушь зафиксирована в 2/5-4/5, 3/5 частях, у большинства принимает вид вогнутости или выемки (в группу по этому признаку включены 7 экз. с выемками на брюшке, подретушированные также и на спинке). Преобладает плоская, реже крутая и микроретушь, в единичных случаях мелкая крутая (рис. 2, 6).

6. Пластины с ретушью 1-2 краев у проксимального конца на спинке — 18 экз. (целых 9 экз.). Длина целых 48-64 мм. Стандартная ширина до 14-28 мм. Стандартная толщина до 4-8 мм. Краевая ретушь в 1/5-3/5, 1/5-2/5 частях, представлена преимущественно мелкой крутой ретушью, реже крутой и микроретушью, в единичных случаях плоской и вертикальной.

7. 3 экз.— пластины с участком ретуши в 1/5-2/5 частях у проксимального конца на брюшке (все целые). Длиной 38, 51 и 81 мм. Стандартная ширина 13-15 мм, а толщина 5-7 мм. У 2 экз. ретушь плоская, у одного мелкая крутая и крутая.

8. Пластины с двухсторонней ретушью 1-2 краев у проксимального конца- —9 экз. (целых 3 экз.). Длина целых 46, 69 и 79 экз. Стандартная ширина 13-16 мм. Стандартная толщина до 6-8 мм. Краевая ретушь на спинке в 1/5-3/5, 1/5-2/5, 2/5-3/5 (преобладает крутая, реже мелкая крутая и микроретушь, на брюшке в 1/5-4/5, 1/5-2/5, 2/5-3/5 частях (преобладает плоская ретушь, реже крутая, мелкая крутая и микроретушь). Выделяется одно изделие на укороченной пластине с участками ретуши и забитости по обоим краям на спинке и брюшке (рис. 3, 11).

Подводя итоги классификации ретушированных пластин, можно сделать вывод, что преобладающий вид заготовки реконструируется как пластина средних размеров, наиболее толстая в нижней-средней и наиболее широкая в средней части. По видам краевой ретуши на спинке преобладает крутая, мелкая крутая и микроретушь, а на брюшке микроретушь, плоская и мелкая крутая ретушь. Большая представленность микроретуши и вентральной плоской ретуши возможно свидетельствует в пользу того, что обработка часто носит не намеренный харак-

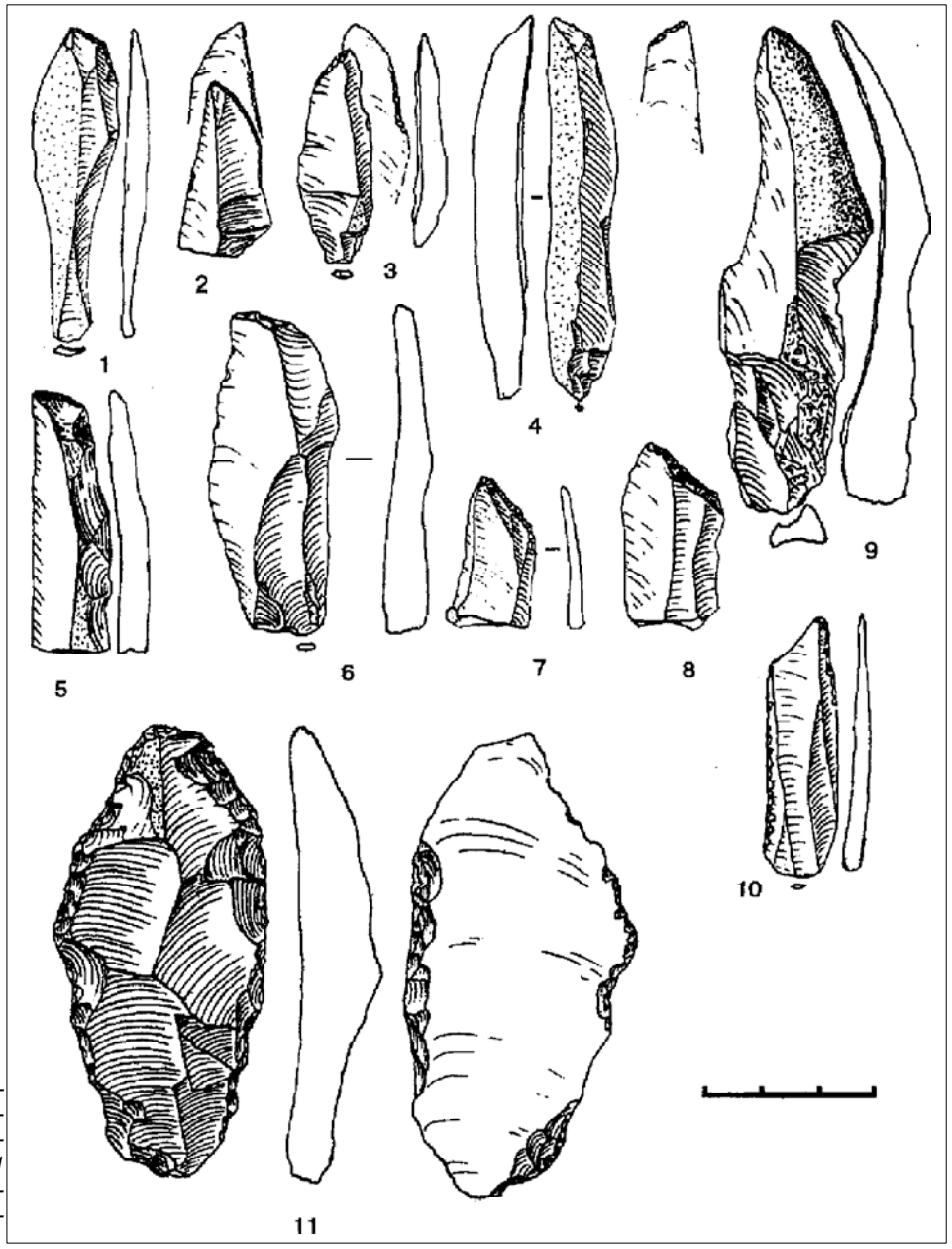

Рис.3. Елисеевичи 1. 1-8,10 — острия; 9,11 — пластины с ретушью.

тер, а получена в результате интенсивного использования.

МИКРОПЛАСТИНЫ С РЕТУШЬЮ — категория, большей частью включенная Л.В. Греховой в состав микропластинок с притупленным краем. Всего 105 экз. Сюда вошли изделия на заготовках с стандартной шириной в пределах 12 мм. Определимые пропорции заготовок дают 73 экз.

Выделяются следующие группы:

1. Микропластины с ретушью 1-2 краев у дистального конца на спинке — 22 экз. (целых 11 экз.). Длина целых 26-49 мм. Стандартная ширина до 5-12 мм. Стандартная толщина до 2-5 мм. Краевая ретушь в 3/5—4/5, 3/5—5/5, 4/5—5/5 частях. Преобладает стелющаяся микроретушь, реже мелкая крутая и крутая ретушь (рис. 4, 7, 11, 17).

2. Микропластины с ретушью 1-2 краев у дистального конца на брюшке- 23 экз.(целых 9 экз.). Длина целых 26-60 мм (преобладает 26-39 мм). Стандартная ширина до 6-12 мм. Стандартная толщина до 3-5 мм. Краевая ретушь в 3/5-5/5, 4/5-5/5 и 3/5-4/5 частях. Преобладает мелкая крутая и микроретушь, реже крутая и плоская (рис. 4, 1, 4, 8, 19).

3. Микропластины с двухсторонней ретушью 1-2 краев у дистального конца — 8 экз. (целых 6 экз.). Длина целых 36-54 мм. Стандартная ширина до 7-11 мм. Стандартная толщина до 2-4 мм. Краевая ретушь на спинке в 1/5-5/5 (прерывистая), 2/5—4/5, 2/5—5/5 частях (преобладает мелкая крутая и микроретушь), на брюшке в 2/5—5/5, 3/5—4/5, 3/5—5/5 частях (преобладает мелкая крутая, микроретушь, реже крутая и плоская). Двусторонняя ретушь всегда

противолежащая (рис. 4, 12, 22).

4. Микропластины с ретушью 1-2 краев в средней части на спинке — 32 экз. (целых 6 экз.). Длина целых 39, 42, 43, 62 мм. Стандартная ширина до 7-12 мм. Стандартная толщина до 3-5 мм. Краевая ретушь в 3/5, 2/5—4/5 частях, преобладает мелкая крутая ретушь, реже микроретушь (рис. 4, 8-10).

5. Микропластины с ретушью 1-2 краев в средней части на брюшке (сюда же вошло единственное изделие с двухсторонней ретушью) — 11 экз. (целых 6 экз.). Длина целых 39, 39 и 55 мм. Стандартная ширина до 9-12 мм. Стандартная толщина до 3-8 мм. Краевая ретушь в 2/5-4/5 частях, преобладает микроретушь, реже мелкая крутая и плоская, у 1 экз. крутая ретушь (рис. 4, 2, 3, 5, 6, 25).

6. Микропластины с ретушью 1-2 краев у проксимального конца на спинке — 5 экз. (целых 2 экз.). Длина целых 31 и 37 мм. Стандартная ширина до 8-11 мм. Стандартная толщина до 3 мм. Краевая ретушь в 1/5—3/5 частях. Преобладает мелкая крутая, реже крутая ретушь.

7. Микропластины с ретушью у проксимального конца на брюшке — 4 экз. (целых нет). Длина обломанных изделий 23-32 мм. Стандарт-

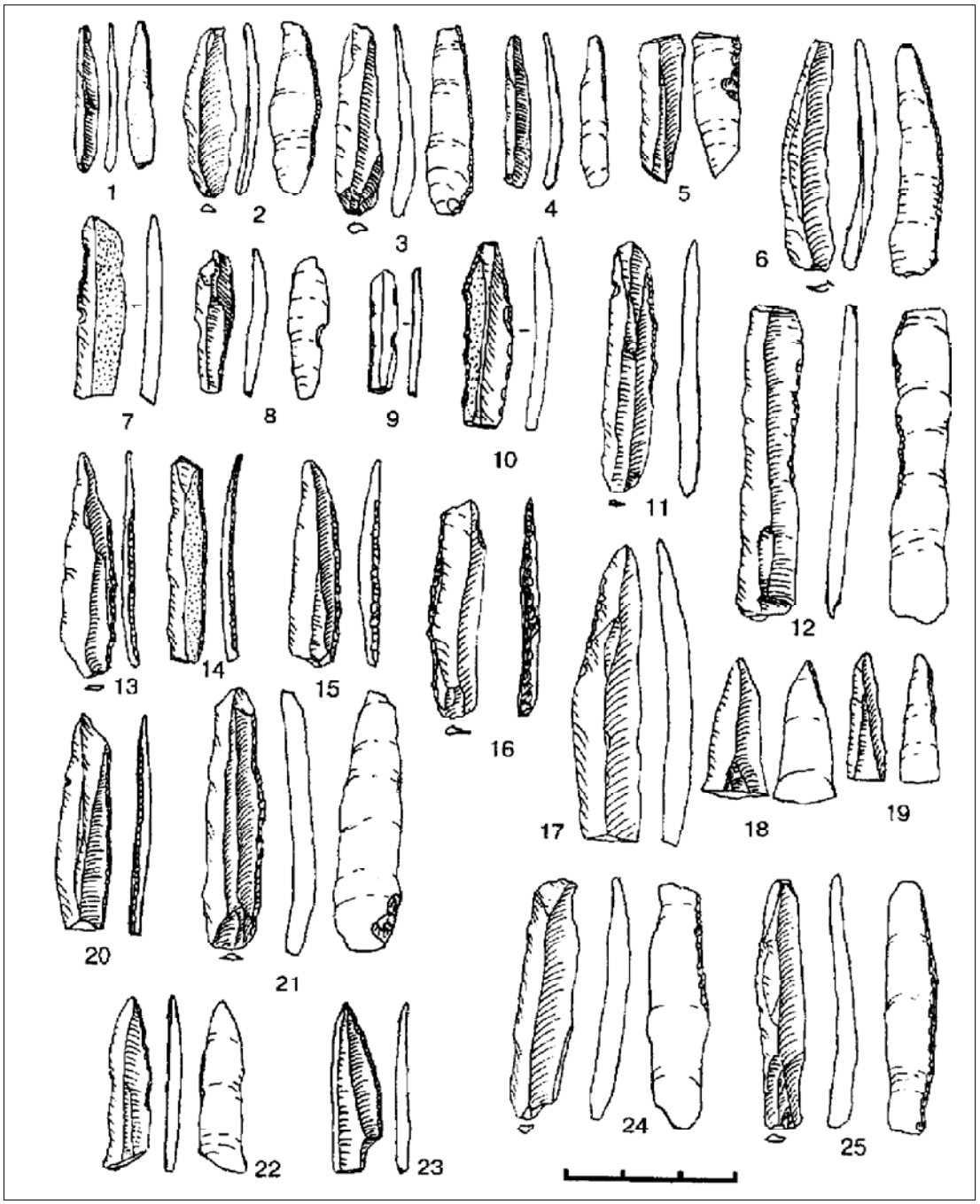

Рис 4. Елисеевичи 1. 1-12,17-19,22-23 — микропластинки с ретушью; 13-16,20-21,24-25 — микропластинки с притупленным краем.

ная ширина до 7-11 мм, а стандартная толщина до 2-3 мм. Краевая ретушь в 1/5—3/5 частях (у одного изделия ретушь двухсторонняя). Преобладает мелкая крутая, реже плоская и микроретушь.

В результате классификации микропластин с ретушью можно отметить, что для изделий этой категории отбирались микропластины более ли менее широкие и толстые в медиальной части. Как интересный момент, можно отметить практически полное отсутствие орудий с наибольшей массивностью в дистальной части. Все верхние концы ретушированных микропластинок были тонкими. Вероятнее всего, это свидетельство того, что рабочим элементом у них были не концы, а края, особенно в средней части. Среди видов краевой ретуши на спинке наиболее распространена мелкая крутая и микроретушь, а на брюшке микроретушь, мелкая крутая и плоская ретушь. Такое соотношение, с нашей точки зрения, свидетельствует о ненамеренном характере нанесения ретуши в большинстве случаев.

ОСТРИЯ. Острия составляют 105 экз. К ним отнесены все пластинки с заостренным с помощью ретуши концом. Категория разделяется на группу острий на естественных концах заготовок и на тронкированных ретушью. Среди острий на естественных концах заготовок из-за небольшой подборки определимых экземпляров (39 экз.) преобладающих видов заготовок не выделяется, хотя и здесь основная часть заготовок имеет наибольшую массивность в средней и прилегающих частях.

1. Острия с естественным косоретушным концом на спинке — 49 экз. (целых 33 экз.). Длина целых 27-90 мм (преобладает 33-90 мм). Стандартная ширина до 7-27 мм. Стандартная толщина до 3-10 мм. Двойных изделий нет, все одинарные, причем за одним исключением изготовлены на дистальных концах (рис. 3, 1-4, 6-7, 9). Лишь у 6 экз. ретушь конца плавно переходит на край, у остальных образует угол с краем. Ретушь концов: преобладает мелкая крутая и крутая, реже вертикальная и микроретушь, в единичных случаях плоская. У большинства орудий конец ретуширован целиком, но у 6 экз. ретушь располагается лишь у самого кончика естественно заостренного конца. Краевая ретушь присутствует у отдельных предметов: на спинке у 5 экз. в 3/5—5/5 частях ретушь переходит на край с конца, у 1 экз. ретушь в 2/5—3/5 на крае, противоположном скосу острия. На брюшке у 3 экз. ретушь в 3/5—4/5, образует выемку, 1 экз. имеет противолежащую ретушь в 3/5—5/5 частях. Среди видов дорсальной ретуши преобладает мелкая крутая и микроретушь, реже крутая и вертикальная, а вентральной- микроретушь, реже крутая и плоская.

2. Острия с естественным косоретушным концом на брюшке — 16 экз. (целых 8 экз.). Длина целых 47-90 мм (преобладает 47-77 мм). Стандартная ширина до 11-20 мм. Стандартная толщина до 4-9 мм. Все сделаны на дистальных концах, двойных нет. Кроме 6 экз. все образуют углы с краями. Два изделия оформлены ретушью по участку края, примыкающего к концу. Остальные обработаны ретушью по концу целиком. Среди ретуши на концах преобладает крутая, реже плоской и мелкой крутой ретушью, в единичных случаях вертикальной и микроретушью. Краевая ретушь: у 2 экз. противолежащая ретушь (микроретушь и плоская) в 1/5—5/5 целиком.

3. Острия с тронкированным ретушью скошенным концом — 22 экз. (целых 3 экз.). Длина изделий 21-61 мм (преобладает 35-52 мм). Стандартная ширина до 8-24 мм. Стандартная толщина до 3-6 мм (рис. 3, 5, 8). Заготовки не определяются из-за малочисленности (12 экз.) более ли менее полных экземпляров.

В группе зафиксировано лишь одно острие на проксимальном конце, остальные на дистальных. Кроме 2 случаев, ретушь концов всегда образует углы с краями. Ретушь концов лишь дорсальная, преобладает вертикальная, реже мелкая крутая и крутая. Ретушь краевая: 4 экз. дорсальной ретушью обработаны в 2/5-3/5 части (крутая и мелкая крутая, единичны микроретушь и вертикальная), вентральной мелкой крутой и плоской у 2 экз. ретуширована 3/5—4/5 части.

4. Проколковидные острия — 18 экз. (целых 11 экз.). Длина целых 29-66 мм (преобладает 37-54 мм). Заготовки не выделяются из-за малочисленности изделий.

Стандартная ширина до 12-30 мм. Стандартная толщина до 4-8 мм (в одном случае проколка на отщепе толщиной до 19 мм). Виды заготовок не выделяются. Орудия оформлены дорсальной ретушью двух краев, сходящихся к дистальному концу (обычно ретушь 1-го края протяженнее, чем у второго). В результате получается подчеркнутый ретушью шип. У 3 экз. этот шип находится на углу, у остальных по центру и оформлен за одним исключением (проколка на отщепе) дорсальной ретушью. Краевая ретушь фиксируется у 4 экз. на спинке в 2/5—4/5, 1/5—5/5 частях (крутая, мелкая крутая и микроретушь).

Подводя итоги классификации острий, можно заключить, что и в этой группе фактически отсутствует превалирующий вид заготовки. Возможно некоторое исключение составляют острия с тронкированными ретушью концами, среди которых выделяются изделия, с характеристиками заготовок, как у ретушных резцов (стандартная ширина в 2/5-3/5, а толщина в 1/5-2/5, 2/5-3/5 частях). Это обстоятельство позволяет относить их к заготовкам ретушных резцов. Среди видов краевой ретуши на спинке преобладает мелкая крутая микроретушь и реже крутая, а на брюшке плоская. Такое соотношение обработки на краях может говорить о том, что она является результатом интенсивного использования орудий. Но, по крайней мере, несколь-

ко ретушированных полностью по краям изделий несут искусственную (крутую и мелкую крутую) ретушь.

МИКРОПЛАСТИНКИ С ПРИТУПЛЕННЫМ КРАЕМ (МППК). Категория включает изделия (всего 53 экз.) с специально оформленной мелкой крутой или вертикальной ретушью спинкой-обушком по 1 краю (на большем протяжении или целиком), высотой не менее половины толщины заготовки (рис. 4, 13-16, 20-21). Определимы заготовки у 32 экз.

Несмотря на малочисленность определимых заготовок, также прослеживается тенденция расположения массивной части, как и у ретушных резцов, в проксимальной-медиальной и медиальной частях и никогда у дистального конца.

1. МППК с обушком, оформленном на спинке — 45 экз. (целых 7 экз.). Длина целых 30-43 мм. Стандартная ширина до 8-11. Стандартная толщина до 2-3 мм. Вид заготовки не выделяется. Концы все без обработки и имеют естественное точечное завершение. Краевая ретушь на противоположном притупленному крае отмечена в 7 случаях: на спинке участки микроретуши, на брюшке участки плоской ретуши, прилегающие к концам.

2. МППК с обушком, оформленном на брюшке — 8 экз. (целых 2 экз.). Длина целых 33 и 34 мм. Стандартная ширина до 7-8 мм. Стандартная толщина до 2-3 мм (в одном случае 4 мм). Краевая ретушь на противоположном притупленному крае зафиксирована в 4 случаях: на спинке участки крутой ретуши, на брюшке плоской ретуши у концов и сломов концов.

Замечательным кажется то обстоятельство, что все МППК изготовлены на очень правильных и очень миниатюрных микропластинках, вероятно специально для этого отобранных из общей массы нестандартизированных заготовок микроинвентаря. Их размеры не превышают в длину 43-46 мм, в ширину 8-11 мм и толщину 3 мм. Это хорошо заметно на фоне остальных, менее стандартизированных микропластинок с ретушью, длиной до 60 мм, шириной до 12 и толщиной до 5 мм.

Спецификой елисеевичских МППК является полное отсутствие обработки на концах. В краевом ретушировании противоположного притупленному края выделяются участки микроретуши и крутой ретуши на спинке и плоской на брюшке в верхней и нижней частях заготовок, но большинство изделий с такой обработкой представлены обломками, и возможно здесь присутствует вторичное использование.

СКРЕБКОВИДНЫЕ ОРУДИЯ. Всего 43 экз. Типичных скребков с типологически выраженным скребковым лезвием в коллекции не встречено. К категории скребковидных отнесены предметы со скребковидным (дугообразно ретушированным) оформлением концов. Определимы заготовки у 24 экз. Разброс их пропорций, свидетельствует в пользу того, что морфологически группа скребковидных орудий не едина и не может рассматриваться как самостоятельная на фоне остального инвентаря.

1. Скребковидные орудия на естественных концах заготовок — 29 экз. (целых 19 экз.). Изготовлены на пластинах правильных и неправильных очертаний, пластинчатых отщепах (рис. 2, 9-11, 13). Длина целых 28-88 мм (преобладает 38-45 мм). Стандартная ширина до 12-50 мм. Стандартная толщина до 3-15 мм. Все, кроме единственного экземпляра сделаны на дистальном конце, ретушь не переходит на края и образует с ними углы. Ретушь концов крутая, мелкая крутая и вертикальная. Краевая ретушь отмечена у 6 экз.: на спинке в 4/5, 3/5, 4/5 части (крутая и мелкая крутая ретушь), а на брюшке в 3/5, 5/5 частях (плоская ретушь).

2. Скребковидные орудия с тронкированным ретушью концом — 14 экз. (целых нет, все на обломках пластин). Длина сломанных изделий 24-65 мм. Стандартная ширина до 17-26 мм, а толщина до 4-13 мм. На проксимальном конце изготовлено 1 изделие, остальные на дистальных. Ретушь концов вертикальная и крутая (рис. 2, 14). Краевая ретушь в 1 случае на спинке в 4/5-5/5 части (крутая ретушь).

Скребковидные орудия обоих групп не обладают преобладающим видом заготовок. Более того, они выделяются очень сильным разбросом (особенно первая группа) метрических характеристик, аморфностью обработки. Скорее всего, изделия этой категории не являются единым массивом, как в типологическом, так и в функциональном плане, и сочетают в себе элементы (по формам скребковидных лезвий) других орудий, острий, заготовок резцов и ретушированных пластин.

ОРУДИЯ С ПОДТЕСКОЙ. Представлены лишь 5 изделиями — это 4 экз., оформленные плоской подтеской на дистальных концах обломков пластин (рис. 2, 16) и 1 экз. оформленный широкими ретушными фасетками на дистальном конце обломанного отщепа. Более подробная характеристика категории из-за ее незначительной представленности затруднена.

Основные итоги классификации елисеевичского инвентаря:

1. Большинство орудий елисеевичского инвентаря сделаны на средних размеров пластинах и микропластинах, около 30 % из которых имеет корку.

2. Орудийный набор беден категориями. Наиболее представительны резцы, преимущественно в ретушном их варианте, пластины и микропластины с ретушью, острия, Микропластинки с притупленным краем отличаются миниатюрностью и не имеют обработанных концов. Типологической самостоятельностью не обладают скребковидные изделия.

3. Большинство заготовок орудий в той или иной степени наиболее массивны в медиаль-

ной и наименее в концевых частях. Т. е. они отвечают одному из критериев «правильности» заготовок. Но при этом в целом кремневый комплекс Елисеевичей не отличается стандартизованностью заготовок (и в этом можно согласиться с мнением Л.В. Греховой), возможно за исключением групп ретушных резцов и ретушированных у дистального конца пластин. Для ретушных резцов отбирались заготовки, наиболее массивные в проксимальной-медиальной частях, а для ретушированных пластин наиболее толстые в проксимальной-медиальной и наиболее широкие в медиальной части. Среди косоретушных острий выделяется группа с тронкированным ретушью концом, заготовки которой сходны по своим характеристикам с видом заготовок ретушных резцов, что может говорить о их прямой технологической связи. Специальный отбор микрозаготовок вероятно производился и для изготовления миниатюрных микропластинок с притупленным краем. Почему же инвентарь Елисеевичей 1 выглядит нестандартизированным, несмотря на преобладание метрически правильных орудий? Дело, вероятно, в том, что елисеевичские заготовки не обладают главным признаком «правильности» — симметричностью: края орудий не спрямленные, часто выпукло-вогнутые, разброс метрических значений очень высок, даже на одном орудии. Таким образом, «правильность» заготовок весьма ущербна. Складывается впечатление, что люди, населявшие стоянку, пытались копировать «правильный» стандарт заготовок большинства верхнепалеолитических индустрий, но что-то им мешало. Это свидетельство специфики древнего поведения в одном конкретном случае. Скорее всего данный парадокс объясняется особенностями первичного расщепления елисеевичской индустрии. Известно, что заготовки нуклеусов на памятнике составляли желваки подцилиндрической формы полые изнутри, либо заполненные мелом. Поверхность скалывания при этом была задана формой желвака и массивностью желвачной кремневой стенки. Сам кремень достаточно плохого качества с посторонними включениями. По всей вероятности особенности заготовок и объясняются этим вынужденным обстоятельством, наложившим отпечаток на облик инвентаря.

4. О Елисеевичах сложилось мнение, как о памятнике с обедненным инвентарем, по сравнению с другими индустриями. Действительно, в кремневом комплексе стоянки единичны такие распространенные в верхнем палеолите орудия, как скребки. И в то же время, здесь присутствует значительное количество косоретушных острий и особенно пластин с ретушью у дистального конца. Возможно эти морфологически близкие орудия в какой-то степени выполняли роль скребковых форм. С другой стороны, группа ретушированных микропластин, категориально сопоставимая с раклетами, часто довольно массивных, имеет большой удельный вес мелкой крутой и микроретуши, сходных по описанию с обработкой на мураловских микроизделиях-скребках. Подобные изделия представлены в инвентаре многих южных степных памятников: Сагайдак 1 (Станко, Григорьева 1977), Анетовка 1-2 (Станко, Григорьева, Швайко 1989) Золотовка (Праслов, Щелинский 1996: 62-63), Большая Аккаржа (Сапожников 1989). Однако технологические стандарты заготовок там иные, не микропластинчатые, связанные с техникой скалывания массивных чешуек со скребков-нуклеусов. Это явление во многом является еще не изученным. Представляется, что использование подобных микроорудий на разнокультурных памятниках в финале верхнего палеолита на Русской равнине было достаточно широким и связано со стадиальным внедрением микропластинчатой и микровкладышевой техники. Елисеевичи, таким образом, могут сочетать в себе элементы разных культурных традиций: торцовые микроядрища, женская статуэтка «граветтьенского происхождения» (при этом микропластинки с притупленным краем явно не из этой традиции), преобладание ретушных резцов и острий, как и в большинстве деснинских памятников и почти мезолитическую вкладышевую технику. Такая характеристика скорее всего свойственна еще не сложившемуся окончательно набору признаков индустрии (культуры?). Учитывая, что Елисеевичи, по некоторым представлениям (Грехова 1990) являются поселением, функционировавшим продолжительное время, можно предположить, что комплекс действительно находился в стадии постепенного становления и выработки характеристик. Возможной иллюстрацией неустойчивого положения культурного комплекса, своеобразной аномальности черт кремневого инвентаря Елисеевичей, является мнение Л.М. Тарасова о сходстве елисеевичского инвентаря с материалами верхнедеснинских стоянок Косица и Коршево 2 (Тарасов 1981а). С орудийным набором Елисеевичей 1 их объединяют орудия с ретушным прямо скошенным концом (ретушные резцы, острия и тронкированные пластины), достаточно крупные размеры заготовок, серия пластин с мелкой крутой ретушью на краях, единичность скребковых форм и проколок. Нельзя лишь согласиться со сходством микропластинок с притупленным краем, часть которых в Косице имеет поперечные скребковидные завершения. Такие изделия характерны для тимоновско-юдиновского инвентаря, но там они сделаны на миниатюрных микропластинках, редко превышающих длину 35 мм. Тогда как МППК Косицы изготовлялись на микропластинках (?!) длиной до 70 мм (Тарасов 1981: 53). Поэтому можно присоединиться к мнению Л.М. Тарасова о более позднем, чем Елисеевичи 1 возрасте этого памятника, заполняющего типологическую ла-

куну между елисеевичской и тимоновско-юдиновской индустрией. Исследователь Елисеевичей Л.В. Грехова склонна сопоставлять с тимоновско-юдиновским инвентарем черты орудийного набора другой стоянки — Елисеевичи 2, расположенной неподалеку от первого памятника (Грехова 1985). Индустрия Елисеевичей 2 по сырью, особенностям расщепления, заготовкам орудий и набору основных категорий инвентаря сходна с Елисеевичами 1, но по серийной представленности и облику скребков сопоставима с тимоновской, из чего можно заключить что это возможно более молодая стоянка (Грехова 1985: 138-141). Вполне возможно, что Елисеевичи 2 сопоставимы в культурном отношении с Косицей и Коршево 2 и представляют собой дальнейшее развитие елисеевичской культуры, хронологически «стыкующейся» с тимоновско-юдиновской. Подвердить это предположение вероятно могло бы более тщательное изучение кремневого инвентаря памятников, особенно микроинвентаря. Выделенная в наборе Елисеевичей 1 устойчивая серия микропластинок с микроретушью использования возможно здесь окажется культуроопределяющей. Другой памятник, который имеет черты сходства с Елисеевичами 1 — стоянка Юровичи в бассейне Припяти (Поликарпович 1968, Будько 1970), на основании находки бивневой пластины с «елисеевичским» орнаментом и общей близости инвентаря. К сожалению, из-за отсутствия детальной публикации, сравнение будет достаточно ущербным. Возраст памятника определяется радиоуглеродной датой 26470±420 (ЛУ-125) и вероятно сильно удревнен. В Юревичах орудия сделаны в основном на хороших пластинах. Здесь присутствуют ретушные боковые резцы, скребки на пластинах и отщепах, в том числе двойные и с ретушированными краями, торцевые вторичные нуклеусы, пластины с ретушью, долотовидные изделия, острия на пластинах с дугообразным притупленным краем (в том числе 1 крупное острие на пластине, ретушированное почти целиком по периметру со скребковидным завершением базы), есть двойное срединное острие-проколка на пластинке с вертикальной ретушью по периметру, микропластинки с притупленным краем и естественными концами без скребковидных поперечных завершений, а также микропластинки с мелкой краевой ретушью (Будько 1970: 26-29; Ксензов 1988: 19-28). Т. е. инвентарь памятника достаточно своеобразен. Вместе с аналогиями инвентарю Елисеевичей 1 наблюдаются и отличия. Так, не находит соответствия в деснинском памятнике серия скребков, двойная проколка, долотовидные формы. Зато эти орудия вписываются в характеристику мезинского инвентаря. В то же время от мезинского орудийного набора инвентарь Юревичей отличается отсутствием серии проколок, тронкированных прямо-выемчатых пластин, комбинированных резцов-скребков. Таким образом, параллели Юревичам наблюдаются как в елисеевичской, так и в мезинской индустрии, не находя ни там ни там полного соответствия орудийному комплексу. Можно лишь пока говорить о «отдаленном сходстве» памятников.

Мезинская стоянка.

Верхнепалеолитическая стоянка в селе Мезин Черниговской области по праву является археологической жемчужиной среди памятников среднеднепровского бассейна. Открытая в 1908 году, она раскапывалась в ходе работ Ф.К. Волкова и его учеников, а затем в послереволюционное время докопана И.Г. Шовкоплясом. Специфические мезинские особенности каменного и костяного инвентаря, предметов искусства и планиграфии, спорные датировки памятника, выделяют Мезин на фоне верхнепалеолитических культур региона. Тем не менее, будучи подробно опубликованным, этот памятник по-прежнему остается культурно обособленным и во многом недоисследованным в плане поиска аналогий и генетических истоков комплекса.

По данным И.Г. Шовкопляса (1965: 115-130), количество кремневого материала стоянки составляет 113126 экз. (100%) В составе: дебитаж: 5661 экз. (5%), нуклеусы 576 экз. (0,5%), пластины, в том числе с ретушью 14828 экз. (13,1%), собственно орудийный набор насчитывает 4429 экз. (3,9%). В состав инвентаря входят: 2609 экз. — резцы (59,2%, из которых три четверти — ретушные); скребки (14,6%); косо-ретушные острия — 415 экз. (9,4%); проколки — 159 экз. (3,6%); микропластинки с притупленным краем —317 экз. (7,2%), нуклевидные— 99 экз. и долотовидные (около 30 экз.) орудия.

Кремневый инвентарь Мезина в нашей работе представлен коллекциями МАЭ (№№ 4268, 4269, 5799) из раскопок Ф.К. Волкова и его учеников (1916 г. ?). Массив исследования составили все предметы, кроме отобранных в экспозицию — всего 524 экз. (100%), из которых: 312 экз. резцы (59,54%), скребки 22 экз.(4,20%), косо-прямо-ретушные острия (они же тронкированные пластины) 64 экз.(12,21%), пластины с ретушью 54 экз.(10,31%), проколки 36 экз. (6,87%), резцы-острия 18 экз. (3,44%), микропластины с ретушью 7 экз. (1,34%), микропластинки с притупленным краем 5 экз. (0,95%), долотовидные 6 экз. (1,14%).

СЫРЬЕ. Мезинские орудия сделаны из хорошего качества однородного мелового кремня цвета от глянцево-черного, непрозрачного, до темно-коричневого, полупрозрачного. Кремень патинизирован лишь отчасти молочной патиной, которая покрывает одну сторону изделий, реже обе.

РЕЗЦЫ. Категория составляет 312 изделий. Выделяются группы:

1. Резцы ретушные — 193 экз. (целых 73 экз.). На пластинах сделано 180 экз., на пластинчатых отщепах 13 экз. Длина целых 11-44 мм, преобладает 41-51 мм. Стандартная ширина 11-38, преобладает 20-26 мм. Стандартная толщина 3-13 мм, преобладает 5-9 мм (рис. 5, 1-4). Среди определимых целых заготовок (50 экз.) превалируют пластины, наиболее массивные в проксимальной-медиальной частях.

Среди форм ретушных концов преобладают поперечные, образующие угол с краем (36 экз.), меньше представлены дугообразные (14 экз.) концы. Подавляющее большинство целых орудий (47 экз.) сделаны на предварительно тронкированных ретушью концах и лишь единицы (3 экз.) на естественных подретушированных. 14 ретушных резцов имеют подправку резцового лезвия. Ретушь у 9 изделий спускается на край, противоположный резцовой кромке. У единичных предметов подретушированы 1-2 края на спинке или брюшке в 1/5—3/5 частях, у проксимальной части заготовки. Краевая ретушь на спинке крутая и вертикальная, реже мелкая крутая, на брюшке крутая и плоская. Двойные ретушные резцы представлены 19 экз., тройные 4 экз., причем среди двойных выделяются формы как трапеций (8 экз.), так и ромбов (11 экз.), ретушированные и не ретушированные по краям, с встречным и противолежащим направлением резцовых снятий соответственно. Эти множественные ретушные резцы с предварительно тронкированными ретушью концами в большинстве всем (14 экз.) несут следы вторичной резцовой подправки и силь-

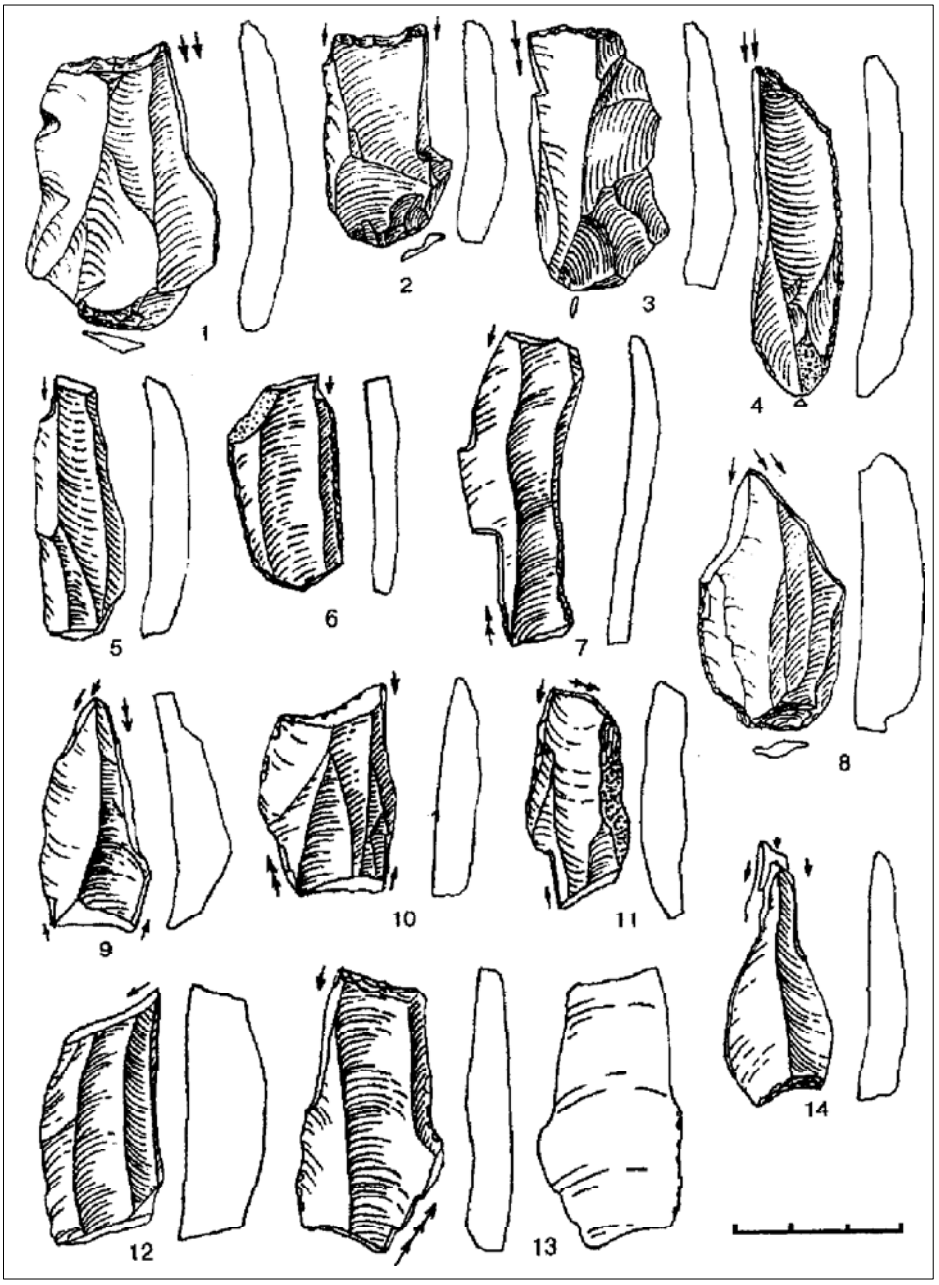

Рис.5. Мезин. Резцы.

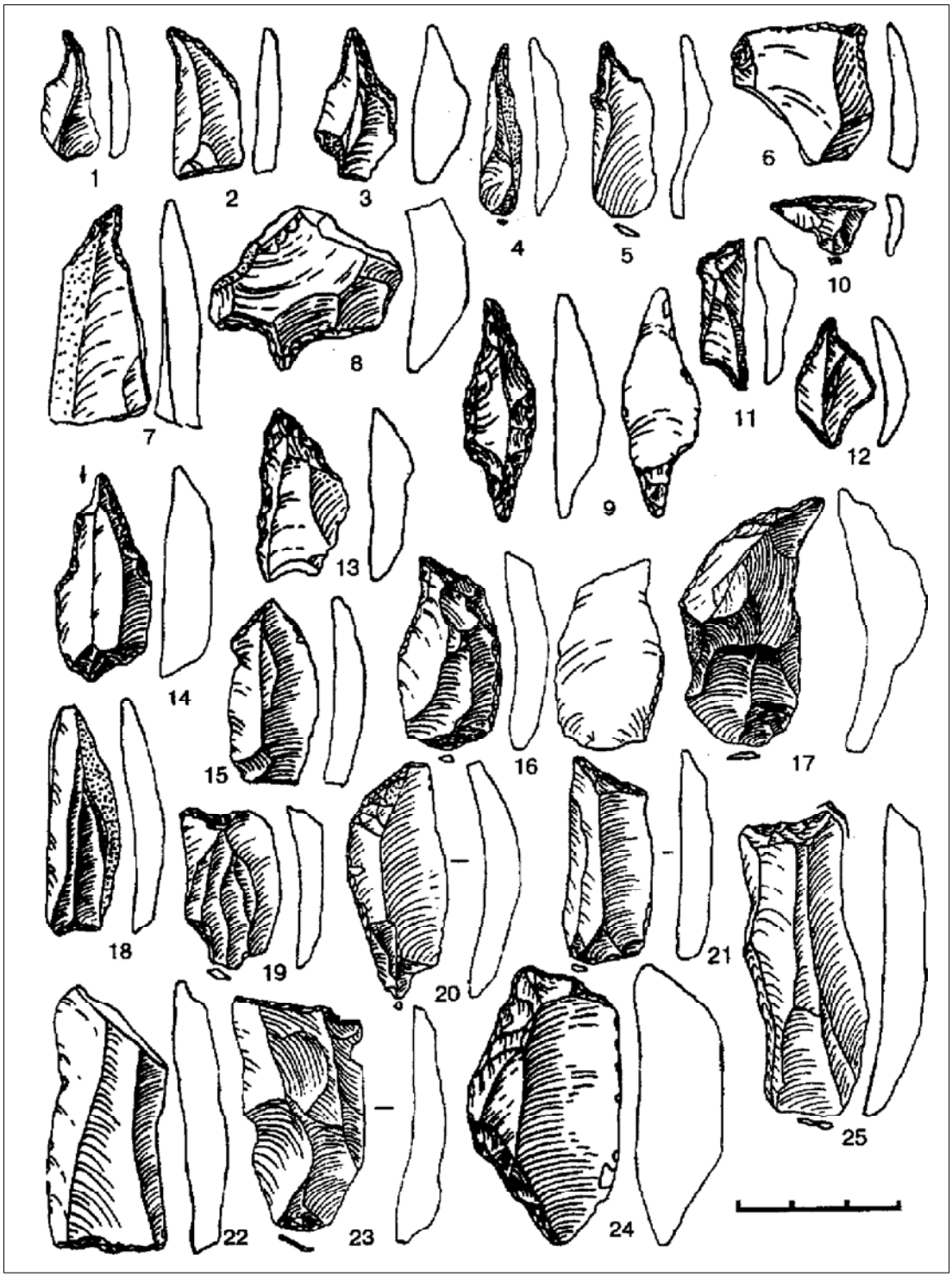

Рис.6. Мезин. 1-14,16 — проколки; 15,17-25 — косо-пряморетушные острия.

ного редуцирования первичной формы заготовки в процессе утилизации. Поэтому они не включены в состав целых изделий.

2. Двугранные резцы — 31 экз. (целых 9 экз.). На пластинах сделано 26 экз., на пластинчатых отщепах 5 экз. Причем среди орудий на пластинах по крайней мере 3 экз. — это переоформленные ретушные резцы со следами ретуши на концах. Длина целых 39-53 мм, преобладает 46-54 мм. Стандартная ширина 13-29 мм, преобладает 21-29 мм. Стандартная толщина 6-21 мм, преобладает 6-11 мм. Виды заготовок в группе двугранных резцов не выделяются из-за малочисленности целых изделий. И среди целых (5 против 4 экз.), и среди обломков (15 против 7 экз.) преобладают угловые формы над срединными. У 5 экз. присутствуют участки дорсальной вертикальной и мелкой крутой ретуш-

ши у проксимального конца. Усиленная подправка ретушной кромки наблюдалась лишь у 3 обломках двугранных резцов на отщепах. Двойных изделий не зафиксировано.

3. Резцы на сломе — 36 экз. (целых 9 экз.). Длина целых 26-51 мм, преобладает 37-47 мм. Стандартная ширина 13-42 мм, преобладает 19-22 мм. Стандартная толщина 4-23 мм, преобладает 7-13 мм. У 3 изделий заготовками служили отщепы, но основная масса — пластинчатые. Виды заготовок не определяются из-за малочисленности целых орудий.

Лишь 10 экз. (из них 2 целых) несут следы резцовой подправки. Двойных 2 экз., представлены также 2 экз. тройных резцов. У единичных орудий есть участки мелкой крутой и крутой краевой ретуши на спинке, 1 экз. на обломке ретуширован по всему периметру, что напоминает обработку некоторых множественных ретушных. В целом, как и в Елисеевичах, группа резцов на сломе выглядит аморфной и несамостоятельной (рис. 5, 5-6, 7).

4. Атипичные резцы — 11 экз. (целых 7). Сюда вошли резцы трансверсальные (5 экз.) и на естественной грани (6 экз.), не составляющих целостной серии. Все, кроме 2 сделаны на пластинах. Вторичной обработки, за исключением резцового снятия нет. Подправлены всего 2 экз. Есть единственный двойной трансверсальный резец. Группа явно состоит из случайных форм, привлекать пропорции заготовок которых особого смысла нет (рис. 5, 12).

5. Резцы комбинированные — 41 экз. (целых нет). все сделаны на усеченных ретушью или сломом пластинах (рис. 5, 9-11, 13). Выделяются комбинации: ретушные-на сломе — 25 экз.;

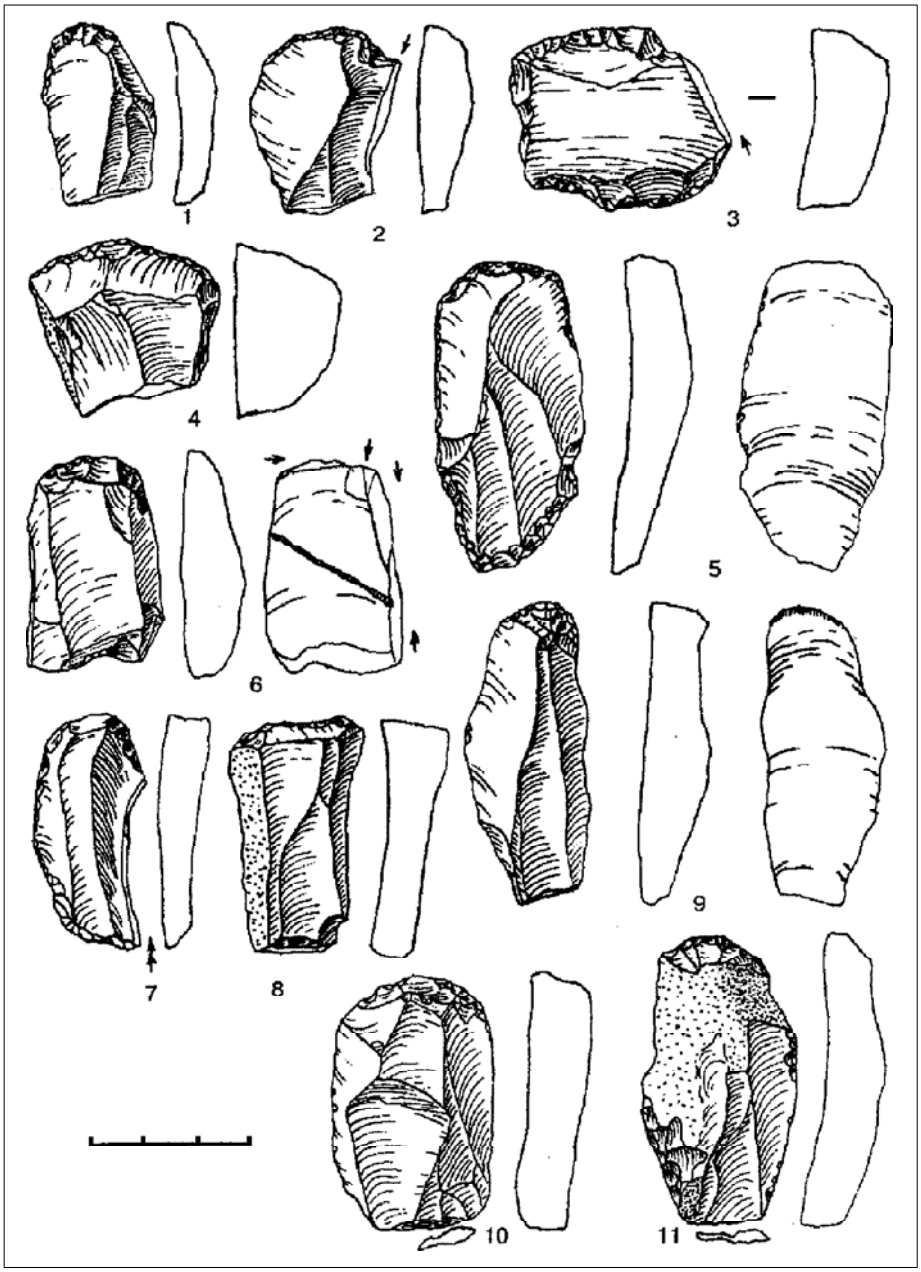

Рис.7. Мезин. Скребки.

ретушные-двугранные — 8 экз.; ретушные-трансверсальные — 2 экз.; ретушные-на естественной грани — 2 экз.; на сломе-трансверсальные — 1 экз.; на сломе-на естественной грани — 1 экз.; двугранный-трансверсальный — 1 экз.; на естественной грани-трансверсальный — 1 экз. У единичных ретушных-на сломе резцов наблюдались участки дорсальной крутой или вентральной плоской ретуши в нижней части.

СКРЕБКИ. Категория насчитывает 22 предмета (целых 5). Все скребки относятся к концевым. Длина целых 16-54 мм, преобладает (4 экз.) 41-54 мм. Стандартная ширина 22-37 мм, преобладает 28-33 мм. Стандартная толщина 6-10 мм, преобладает 93 экз.) 10 мм. На отщеповых заготовках изготовлено 8 орудий (рис. 7, 2-4, 10-11), на пластинчатых — 14 (рис. 7, 5-9). Виды заготовок из-за малочисленности целых не выделяются.

Все скребковые лезвия, кроме 2 экз. оформлены не на естественных, а тронкированных концах крутой и вертикальной ретушью. Целые изделия сделаны на дистальных концах. Среди обломков есть скребки на проксимальных концах (4 экз.). Представлены двойные скребки-резцы (4 экз.). Форма лезвий двух типов: выпуклая округлая без углов с краями и спрямленная неровная, образующая углы. В 8 случаях ретушь с лезвия переходит на 1 из краев, 2 скребка-резца ретушированы по периметру, 1 типичный «мезинский» скребок имеет подретушированное основание. Таким образом, среди скребков преобладают изделия на пластинах с тронкированными предварительно концами, иногда ретушированные по одному краю.

ТРОНКИРОВАННЫЕ ПЛАСТИНЫ, они же косоретушные острия — 64 экз. (целых 19). Эти традиционно разделяемые в типологии категории объединены нами в одну на следующих основаниях: Среди них количественно преобладают изделия на тронкированных предварительно концах (59 экз.) над изделиями на естественных подретушированных концах (5 экз.). Формы концов дают резкое количественное выделение поперечных прямо-скошенных концов (48 экз.) на фоне дугообразных (16 экз.). Все концы обработаны вертикальной, частично крутой усекающей заготовку ретушью, кроме 4 изделий на естественных концах, обработанных мелкой крутой ретушью. Морфологические различия между прямо- и косоретушными формами выражено очень нечетко; выделяются переходные формы с неровным контуром, «мезинские» выемчатые ретушированные концы (13 изделий) имеют в основном скошенные очертания. Наконец, давно замеченная на многих верхнепалеолитических памятниках близость косоретушных острий и тронкированных пластин к ретушным резцам (заготовки ретушных резцов?), среди которых также преобладают предметы с поперечно оформленными концами, позволяет поставить обе категории в один типологический и технологический ряд без произвольного разделения острий и тронкированных пластин. Из-за малочисленности целых орудий виды заготовок не выделяются (рис. 6, 18-24):

39 изделий оформлены на дистальных концах, а 23 на проксимальных. У 13 орудий ретушь конца переходит на край, что является дополнительным подтверждением связи категории с аналогичным образом обработанными ретушными резцами. Из общей массы выделяются 2 изделия: одно двойное орудие и одно атипичное, оформленное на боковом крае неправильного пластинчатого отщепа.

КОМБИНИРОВАННЫЕ РЕЗЦЫ-ОСТРИЯ — 18 экз. (целых заготовок нет). Все сделаны на пластинах. Концы, оформленные в виде острий, обработаны тронкирующей вертикальной или крутой ретушью (рис. 5, 14). В 11 случаях тронкированные ретушью концы оформлены в проксимальной части и лишь в 7 случаях в дистальной. Последнее находит логическое объяснение в том, что большинство резцов оформлялось всегда на дистальных концах заготовок. Формы острийных концов: 3 экз. имеют дугообразные концы, без угла с краем, 15 экз. — поперечные, образующие угол с краем. У 3 изделий ретушь переходит на край. Выделяются следующие комбинации острий с резцами: с ретушными резцами — 11 экз., с двугранными — 4 экз., с резцами на сломе — 3 экз. Таким образом, здесь представлены «недоделанные» двойные ретушные и комбинированные резцы.

ПРОКОЛКИ — 36 экз. (целых 10 экз.). На пластинчатых заготовках сделаны 27 экз., на отщепах 8 экз. и на микропластине 2 экз. (рис. 6, 1-17). Длина целых 23-50 мм, преобладает 32-44 мм. Стандартная ширина 7-24 мм, преобладает 14-18 мм. Стандартная толщина 3-7 мм, преобладает 5-7 мм. Вид заготовки не определяется из-за немногочисленности определимых целых изделий.

Жала проколок оформлены высокой вертикальной и в меньшей степени мелкой крутой ретушью. У единичных изделий зафиксированы отдельные участки дорсальной краевой ретуши, но лишь у 4 экз. ретушь переходит с жала на оба края. Выделяются 27 орудий на дистальных концах заготовок, 6 на проксимальных и 4 двойных проколок. Среди последних интересно одно орудие, ретушированное по периметру вертикальной ретушью, нижнее проколочное жало ретушировано плоской стелющейся ретушью на брюшке — прием не характерный для поздневалдайских комплексов. Относительно срединной оси заготовки выделяются срединные (12 экз.) и угловые (15 экз.) формы. 3 орудия подправлены резцовыми сколами. При видимом разнообразии форм и заготовок проколковидных острий, нужно отметить лишь один устойчивый элемент для всей категории — само сильно выступающее проколочное жало, являющееся, по-видимому, техно-морфологическим

и функциональным признаком подобных изделий. Даже при большей подборке целых изделий вряд ли можно было бы найти общий технологический стандарт заготовок и единый тип проколок. Мезинцы изготавливали их и на отщепах, и на пластинах, и на микропластинах, заботясь лишь об унифицированном, вследствие какой-то функциональной необходимости, оформлении проколочного жала. Подправка сработанных проколок могла производиться как повторным ретушированием, так и резцовым сколом или, в единичных случаях, вентральной подправкой.

МИКРОПЛАСТИНКИ С ПРИТУПЛЕННЫМ КРАЕМ — 5 экз. (целых 2 экз.). Длина целых 27 и 31 мм. Стандартная ширина 6 и 7 мм, стандартная толщина 2 и 3 мм. В коллекции представлены 2 медиальных обломка и 1 дисталь-

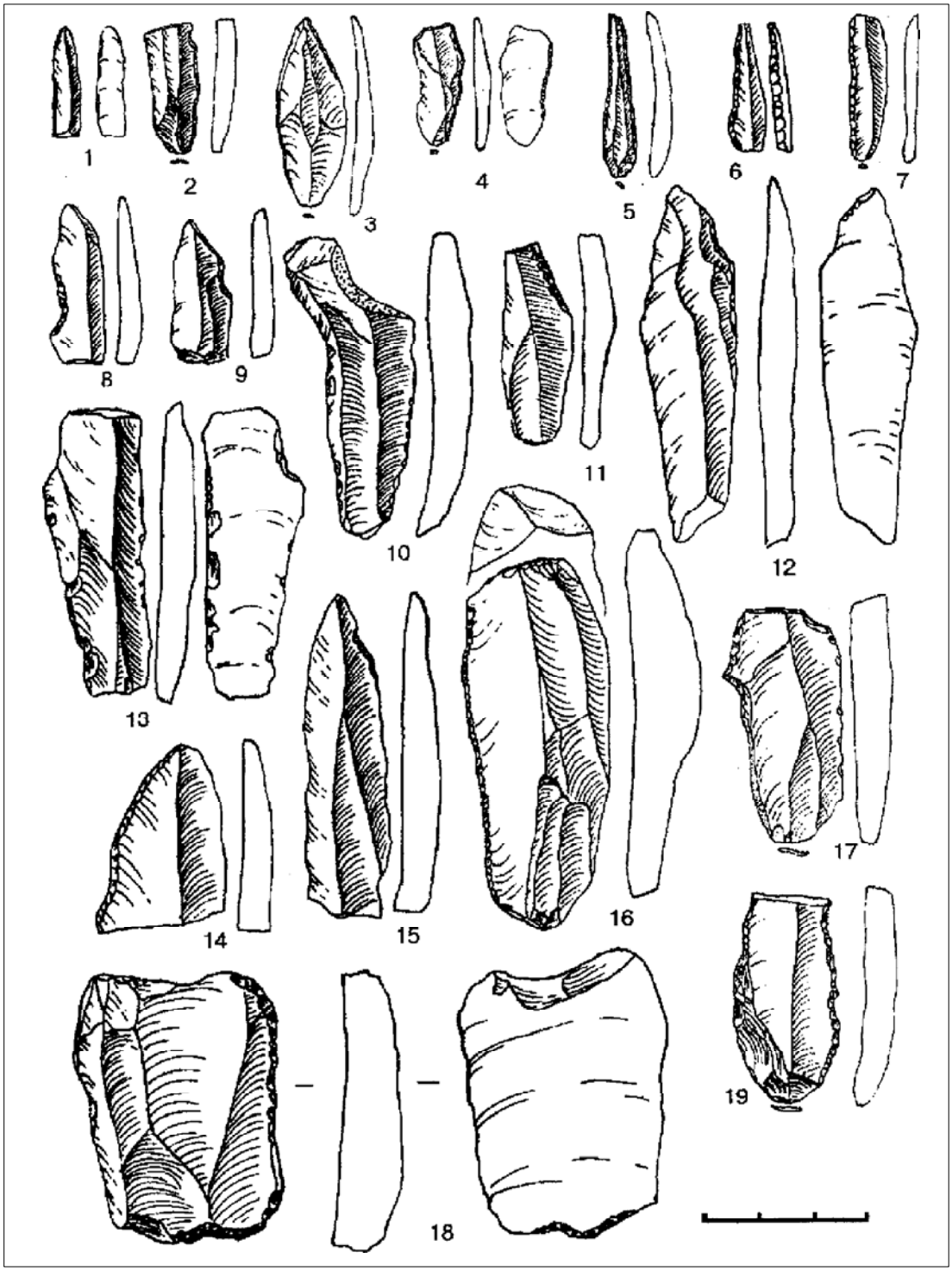

Рис.8. Мезин. 1-5,8,9 — ретушированные микропластинки; 6-7 — микропластинки с притупленным краем; 10-15,17,19 — пластины с ретушью; 16,18 — долотовидные изделия.

ный. Притупленный край обработан вертикальной, в меньшей степени мелкой крутой ретушью. Противоположный край ретуши не несет. Концы естественные, без обработки, как у большинства мезинских МППК (рис. 8, 6-7). Единичные изделия, судя по материалам из раскопок Шовкопляса, имеют косоретушное или проколковидное завершение концов, поперечных концов не зафиксировано (Шовкопляс 1965: 171).

МИКРОПЛАСТИНЫ С РЕТУШЬЮ — 7 экз. (целых нет). У 4 изделий отмечены участки краевой ретуши по 1 из краев, противоположному притупленному, на спинке, 2 экз. имеют участки противолежащей ретуши и 1 орудие ретушировано дорсально по обоим краям. Ретушь мелкая крутая и, в меньшей степени, стелющаяся микроретушь. Судя по всему, обработка носит ненамеренный характер у большинства изделий (рис. 8, 1-5, 8, 9).

ПЛАСТИНЫ С КРАЕВОЙ РЕТУШЬЮ — 54 экз. (целых 5 экз.). Длина целых 21-55 мм, преобладает 35-55 мм. Стандартная ширина 13-48 мм. Стандартная толщина 3-8 мм. В категорию включены 6 изделий на пластинчатых отщепах. По наиболее полным орудиям (20 экз.) можно судить о видах заготовок.

Практически все заготовки достаточно однотипны и имеют наибольшую массивность в проксимальной и средней части, сближаясь с показателями ретушных резцов. Но, в отличие от последних, они дают в целом меньший разброс по пропорциям. Т.е., вероятно, были подвержены людьми, их изготовившими, более строгому отбору. Выделяются группы с участками дорсальной ретуши по 1-2 краям — в 1/5-2/5 частях у проксимального конца (5 экз.), в 2/5-3/5 частях в медиальной части (4 экз.), 2 экз. ретушированы по 1 краю целиком и по другому частично, 3 экз. имеют участки ретуши в 3/5-4/5 частях, 3 орудия представляют собой пластины с выемкой на краю. Среди вентрально ретушированных следует упомянуть лишь 1 изделие с участком ретуши в 1/5-2/5 частях. И, наконец, двустороннюю обработку в виде участков ретуши по обоим краям имеют 2 изделия. Таким образом, большинство ретушированных пластин обработаны дорсально в проксимальной — медиальной частях (т. е. в месте наибольшей массивности заготовок). Дорсальная ретушь представлена вертикальной и мелкой крутой ретушью, в меньшей степени крутой, вентральная ретушь — крутой и ретушью утилизации (использования). Преобладание вертикальной ретуши свидетельствует о намеренном характере ее нанесения (рис. 8, 10-15, 17, 19).

ДОЛОТОВИДНЫЕ ОРУДИЯ — представлены в коллекции всего 6 изделиями (2 целых). 4 экз. сделаны на отщепах и 2 на пластинах (рис. 8, 16, 18). Длина целых 42 и 46 мм. Стандартная ширина 33 и 36 мм. Стандартная толщина 10 и 10 мм. Обработка орудий достаточно нестандартизирована. У орудий на отщепах подтеска долотовидного конца носит нерегулярный случайный характер. Лишь изделия на пластинчатых заготовках можно назвать «классическими» с широкими чешуйчатыми сколами долотовидной подтески и поперечным лезвием. Оба они, по всей видимости, сделаны на сечениях ретушированных пластин, 1 орудие подретушировано вертикальной вентральной ретушью на противоположном долотовидному конце.

Мезинский орудийный набор очень богат орудиями, которые оказались практически отсутствующими в просмотренной коллекции из волковских раскопок. Упомянем выразительную серию острий типа шательперрон и острий с ретушью основания, разнообразные пластины с краевыми выемками, рубящие орудия и др., представленные в материалах из раскопок И.Г. Шовкопляса (1965: 156-176)..

ИТОГИ КЛАССИФИКАЦИИ МЕЗИНСКОГО КРЕМНЕВОГО ИНВЕНТАРЯ:

1. Подавляющее число мезинских орудий изготовлено на пластинчатых заготовках при незначительном участии отщепов. Более 30 % орудий имеют остатки корки. Согласно И.Г. Шовкоплясу, мезинские орудия достигали в длину до 7-8 и даже 9-10 см, хотя в нашей коллекции таких больших изделий не было представлено.

2. Мезинскую индустрию после проведенного анализа заготовок орудий можно с полным основанием отнести к правильной пластинчатой. Наиболее полно в изученной коллекции представлены технологические стандарты пластин-заготовок ретушных резцов и ретушированных пластин — это средние по размерам пластины, наиболее массивные в проксимальной-медиальной частях. Причем для ретушированных пластин, судя по очень небольшому разбросу параметров в пределах группы, вероятно производился более тщательный отбор заготовок. По сравнению с комплексом Елисеевичей, мезинские пластины-заготовки выглядят более «правильными», с субпараллельными краями и огранкой. При этом и те, и другие в целом схожи по пропорциям. Но мезинские заготовки чаще, чем елисеевичские, бывают массивными в проксимальной части. Возможно это объясняется какими-то различиями в первичном расщеплении. Так, например, в мезинской индустрии господствуют одноплощадочные нуклеусы при меньшей представленности двуплощадочных (Шовкопляс 1965: 119), в Елисеевичах же в равной степени представлены одно- и двуплощадочные ядрища (Грехова. 1987: 124-126). Впрочем, до комплексного технологического анализа обеих индустрий можно выдвигать на этот счет лишь гипотезы.

3. В отличие от многих памятников поздней поры верхнего палеолита, в Мезине большинство орудий с обработанными концами (резцы, скребки, острия и тронкированные пластины)

сделаны не на естественных концах, а на предварительно тронкированных. Мезинская вторичная обработка (в том числе и краевое ретуширование с преобладанием заведомо намеренной вертикальной ретуши), таким образом, в большей степени была направлена на усиленную модификацию первичных заготовок. Во многом с этим связано то обстоятельство, что мезинские косоретушные острия и тронкированные пластины, всегда разделяемые в типологической классификации, в данном случае выступают как единая категория инвентаря. С тем же феноменом вероятно связана форма известных мезинских двойных ретушных резцов в виде ромбов и трапеций, которые являются утилизированными и многократно подправленными по какой-то необходимости изделиями. На других памятниках они тоже представлены, но в меньшем объеме (особенно трапеции).

4. Несмотря на не очень большую представительность просмотренной коллекции, можно выделить в мезинском инвентаре еще одну категорию орудий, а именно ретушированных микропластинок, которые следует отличать от микропластинок с притупленным краем по характеру краевой обработки. Сами микропластинки с притупленным краем по обработке и форме в большинстве своем необработанных, чаще всего точечных концов, судя по публикации И.Г. Шовкопляса, больше всего похожи на елисеевичские. Хотя здесь есть небольшое количество микропластинок с притупленным краем и косоретушными завершениями концов.

5. Вторичная обработка, направленная на усиленную модификацию заготовок, «аномальное» в плане типологии положение мезинских проколок, отсутствие поперечной концевой обработки микропластинок с притупленным краем, долотовидные изделия на крупных пластинчатых заготовках — вот основные критерии выделения мезинского орудийного набора на фоне финальнопалеолитических памятников.

6. Вот уже на протяжении многих лет культурное определение мезинского комплекса остается дискуссионным. После исследований последних десятилетий становится очевидным, что орудийный набор Мезина, также как и Супонево, не находит пока полных аналогов на фоне всего массива позднепалеолитических памятников. Об отдельных чертах инвентаря Юровичской стоянки, схожих с мезинскими, мы упоминали в разделе, посвященном Елисеевичам. Мезинский инвентарь сравнивали со множеством комплексов, но наиболее достоверные схожие элементы с Мезиным отмечены лишь в инвентаре стоянки Борщево 1 (Палеолит Костен... 1982: 215). По мнению М.В. Аниковича (1997), основанном на сравнении форм резцов, острий типа шательперрон, скребков, комбинированных и долотовидных орудий обоих памятников, Мезин и Борщево 1 — памятники одно-культурные. С нашей точки зрения, однако, это сходство присутствует, но носит более общий характер, отражающий тенденции культурного развития. В Борщево 1 не представлены «культуроопределяющие» мезинские проколки и пряморетушные и выемчатые тронкированные пластины (они же острия), микропластинки с притупленным краем и косоретушными концами. С другой стороны, в Мезине нет борщевских микропластинок с поперечными скребковидными концами, в том числе типичных прямоугольников, а также такой выразительной в Борщево 1 серии наконечников с боковой выемкой. И те и другие являются несомненным типологическим индикатором отнесения памятника к стоянкам, близким к восточно-граветтийскому культурному кругу. Столь же общее сходство мезинского кремневого инвентаря наблюдается и с набором 3 слоя Костенок 21, также граветтоидным. Здесь тоже нет мезинских прокролок, но представлены близкие формы ретушных резцов, скребков и их комбинаций , как в Мезине и Борщево 1 (Палеолит Костенк... 1982: 202-209). Присутствуют тронкированные пластины, в том числе и двойные. Более серийны, чем в Борщево 1 острия типа шательперрон. И, что знаменательно, микропластинки с притупленным краем не имеют скребковидных концов, но часто имеют мезинские формы скошенных проколковидных. При этом в 3 слое Костенок 21, кроме не находящих соответствия в Мезине наконечников с боковой выемкой особого гмелинского типа, есть большая серия наконечников (?) на небольших пластинках с ретушированным черешком, представленная единицами и в деснинском памятнике (Шовкопляс 1965: 129-130). Таким образом, Мезин по-прежнему остается уникальным комплексом. Однако типологическая связь отдельных черт мезинского кремневого инвентаря с донскими комплексами Борщево 1 и 3 слоем Костенок 21 и через них с восточно-граветтийскими стоянками указывает направление поиска культурных связей памятника.

Супоневская стоянка

Верхнепалеолитическая стоянка Супонево на правом берегу Десны открыта в 1925 г. С.С. Деевым и Г.Ф. Мирчинком, исследовалась затем комиссией музейного отдела Наркомпроса РСФСР и ГАИМК под руководством П.П. Ефименко и Б.С. Жукова и экспедицией В.А. Городцова. Также как и Мезин, Супонево вот уже на протяжении многих лет является предметом противоречивых суждений. Типологически кремневый инвентарь памятника в основном датировали ранним мадленом и временем перехода от солютре к мадлену (В.А. Городцов, П.П. Ефименко, П.И. Борисковский), ориньяком (С.Н. Замятнин). После пересмотра данных раскопок 20-ых гг. И.Г. Шовкоплясом (Шовкопляс 1950, 1951) супоневская индустрия была отнесена к

мезинской культуре (культурной общности) и датирована ранним мадленом в широком смысле. Однако нечеткая датировка самого Мезина и невысокий, сильно обобщенный, уровень классификации супоневского кремневого инвентаря затруднял культурную атрибуцию памятника. Полученная в начале 80-х гг. радиоуглеродная дата порядка 13-14 тыс. лет назад и постепенное накопление знания о многокомпонентности культур среднеднепровского верхнего палеолита позволили Н.А. Хайкуновой пересмотреть взгляды на Супонево (Хайкунова 1985). Наиболее вероятной теперь кажется интерпретация комплекса Супонева как уникального на фоне остальных памятников региона, хотя не отрицаются отдельные связи с мезинским комплексом. Окраску уникальности памятнику придают преимущественно торцевой способ раскалывания кремня на поселении и присутствие в орудийном наборе таких изделий, как резцы супоневского типа, сочетающие в себе черты ретушных и трансверсальных резцов.

По данным Н.А. Хайкуновой (1985), кремневый набор Супонево всех лет раскопок составляет 29566 экз. (100%). В его составе: предметы без следов намеренного расщепления — 252 экз. (0,9%), нуклеусы — 273 экз. (0,9%), нуклевидные обломки — 341 экз. (1.1%), сколы без вторичной обработки — 22918 экз. (77,5%) и предметы с вторичной обработкой — 5782 экз. (19,6%). Среди собственно орудийного набора выделяются: резцы — 2705 экз. с преобладанием ретушных (1474 экз.), скребки и скребковидные предметы — 1050 экз., проколки и острия —

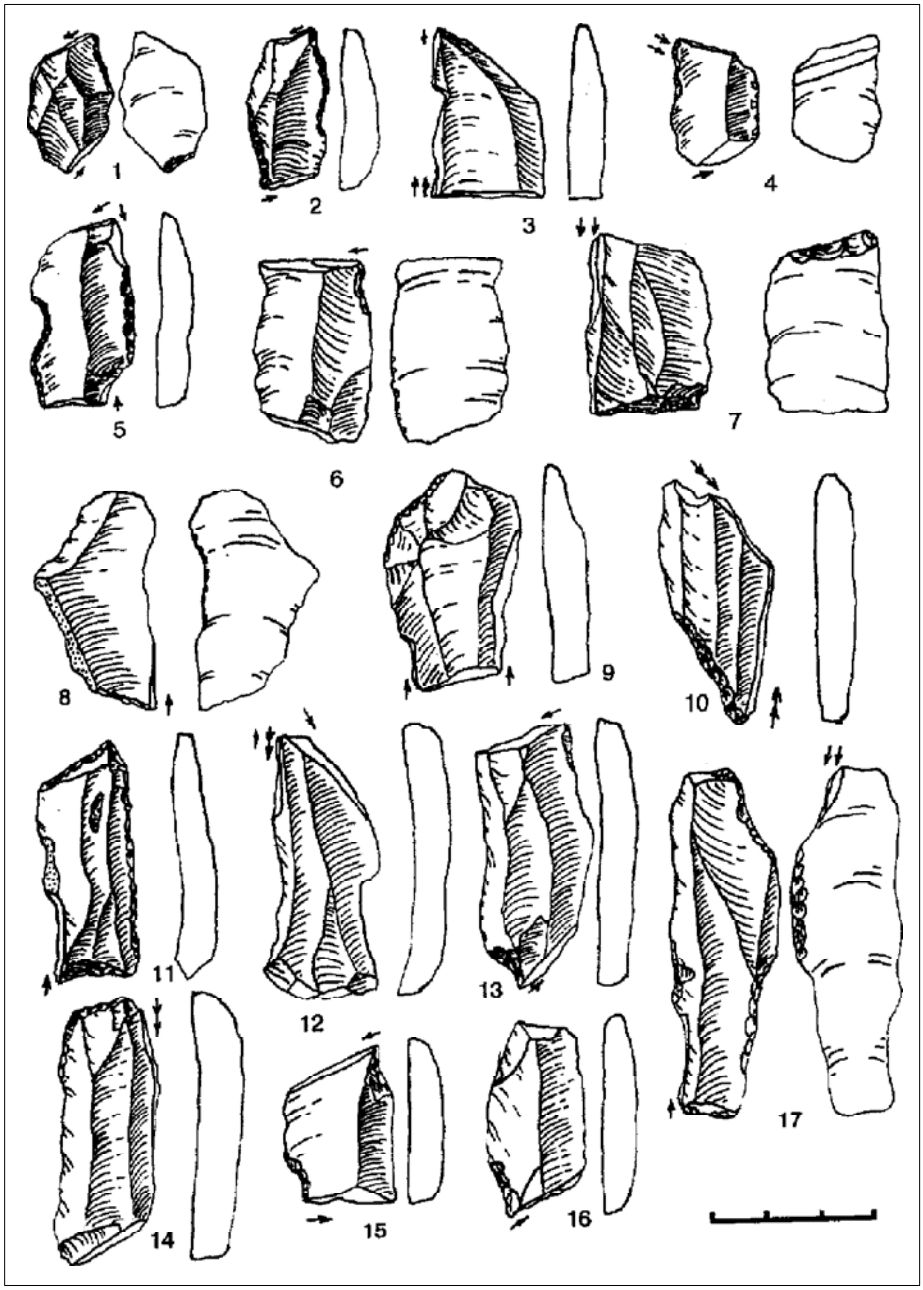

Рис.9. Супонево. Резцы.

501 экз., изделия типа «тронке» — 194 экз., микропластинки с притупленным краем — 102 экз., выемчатые и зубчатые орудия — 246 экз. О характере заготовок можно судить по краткому замечанию, что только «около половины орудий сделано на пластинах» (Хайкунова 1985: 11).

В нашей работе кремневый инвентарь Супоневской стоянки представлен совсем небольшой коллекцией из раскопок 1926 г. (№5348 МАЭ). Всего учтено 145 изделия с вторичной обработкой (100%), из которых резцов 95 экз. (65,52%), скребков 8 экз. (5,52%), пластин с ретушью 13 экз. (8,97%), проколок 12 экз.(8,28%), тронкированных пластин 7 экз. (4,82%), косоретушных острий 3 экз. (2,07%) и микропластинок с притупленным краем 7 экз. (4,82%).

СЫРЬЕ. Орудия сделаны на качественном меловом кремне преимущественно темно-коричневого и черного цвета, иногда сероватого. Судя по остаткам меловой корки, кремень желвачный, но иногда встречается и плиточный.

РЕЗЦЫ. Всего 95 экз. Выделяются несколько групп:

1. Резцы ретушного типа — 63 экз. Сюда по признаку ретушной подготовки площадки для резцового скола включены наряду с настоящими ретушными (рис. 9, 7-8, 14) резцами (27 экз.) также и резцы супоневского типа (36 экз.). Несмотря на разные способы нанесения резцового скола (продольный и трансверсальный), между ними наблюдаются переходные формы. На заготовках-отщепах сделаны лишь 9 экз., на микропластине — 1 экз., остальные на пластинах. Целых изделий, для которых можно описать преобладающие пропорции, всего 27 экз. Длина 19-61 мм, преобладает 24-47 мм. Стандартная ширина 11-57 мм, преобладает 24-44 мм. Стандартная толщина 4-14 мм, преобладает 5-10 мм.

Форма концов ретушных резцов в подавляющем числе определяется как поперечная прямо-косоретушная, образующая угол с краем. Лишь 5 экз. можно отнести к дугообразным, без угла с краем. Резцы супоневского типа (рис. 9, 1-2, 4, 6 15-16) имеют упрощенное оформление ретушной площадки для поперечного резцового скола: ретушированный вертикальной ретушью вогнутый или прямой участок края, примыкающий к концу. Ретушь с конца на край переходит (и далеко на него заходит, что важно для характеристики резцов супоневского типа) у 8 орудий. Отдельные участки крутой ретуши и ретуши утилизации, реже мелкой крутой встречены у подавляющего числа изделий. Вторично подправлены 14 резцов, но подавляющее число (49 экз.) несут обычные одинарные резцовые сколы. Двойные формы насчитывают 8 экз. и представлены все без исключения резцами супоневского типа, что еще раз подтверждает их ведущую роль среди ретушных резцов. Скорее здесь можно говорить о подчиненном положении ретушных резцов по отношению к резцам супоневского типа в инвентаре памятника.

2. Двугранные резцы — 19 экз. (целых 5 экз.). На пластинах сделаны 15 экз., на отщепах 1 экз., на осколках плитки 3 экз. Длина целых 23-57 мм, преобладает 38-57 мм. Стандартная ширина 16-23 мм, преобладает 20-23 мм. Стандартная толщина 5-17 мм, преобладает 11-17 мм. Пропорции орудий неопределимы по их малочисленности (рис. 9, 12).

К угловым формам относятся 9 резцов и к срединным 10. У единичных орудий есть небольшие участки ретуши использования на краях. Большинство изделий (15 экз.) имеют одинарные резцовые сколы и лишь 4 подправлено. Двойных орудий не зафиксировано.

3. Резцы на сломе представлены в коллекции всего 2 экз. на обломках пластин. Один из них двойной (рис. 9, 9).

4. Резцы комбинированные — 13 экз. (целых заготовок нет). Все на пластинах (рис. 9, 3, 5, 10, 13, 17). Выделяются комбинации: ретушный-на сломе 5 экз., ретушный-двугранный 2 экз., ретушный-трансверсальный 3 экз., двугранный-на сломе 2 экз., трансверсальный-на сломе 1 экз. Примечательно то, что в этой группе совсем нет резцов супоневского типа, хотя есть настоящие ретушные и трансверсальные. Возможно это случайность, а возможно нет. Краевое ретуширование в группе отсутствует, исключение — 1 экз., имеющий участки крутой ретуши на спинке и плоской на брюшке.

СКРЕБКИ — 8 экз. (целых 5). Из них 4 орудия сделаны на отщепах и 4 на пластинах. Пропорции орудий не определяются по малочисленности целых изделий. Длина 19-37 мм, преобладает 25-28 мм. Стандартная ширина 20-32 мм, преобладает 28-32 мм. Стандартная толщина 7-12 мм, преобладает 7-9 мм. Обычное округлое средне выпуклое скребковое лезвие, не образующее углов с краями есть лишь у 3 изделий, остальные скребки несут неровное лезвие, образующее один или оба угла с краями (один из них ретуширован переходящей ретушью на спинке и брюшке). Концевая ретушь крутая, в меньшей степени вертикальная. 3 скребка ретушированы по 1 краю, 4 по 2-ум. Краевая ретушь крутая и вертикальная (рис. 10, 1-5, 7, 12, 14). К скошенным изделиям можно отнести лишь два предмета, причем один из них двойной с одним прямым, а другим скошенным лезвием. Так как в коллекции №5348 скребки представлены в количественном отношении очень плохо, мы сочли возможным проиллюстрировать разнообразие форм скребков комплекса на примере другой коллекции супоневского инвентаря в МАЭ — №5081. Здесь выделяются, в добавление к вышеперечисленным: скребки с выступом (рис. 10, 9), с зубчатым лезвием (рис. 10, 8), угловые формы со смежными концевым и боковым ретушным оформлением (рис. 10, 10), округлые скребки (рис. 10, 3) и

укороченные сегментовидные (рис. 10, 11, 16). Многообразие форм скребковых орудий, невыдержанность контуров их лезвий и/или расположения на заготовке выделяет Супонево на фоне всего массива финальнопалеолитических памятников Русской равнины. Вместе с резцами супоневского типа «супоневские» полиморфные скребки могут считаться индикатором этой уникальной традиции.

ПЛАСТИНЫ С РЕТУШЬЮ — 13 экз. (целых 5 экз.). Все сделаны на пластинах, 1 экз. на микропластинке. Из-за малочисленности пропорции орудий не определяются (рис. 11, 12-14). Длина целых 42-59, преобладает 54-59 мм. Стандартная ширина 9-33 мм. Стандартная толщина 3-10 мм. В категории выделяются обломки пластин, у которых ретуширован дорсально 1 край (2экз.), оба края (2 экз.), сформирована выемка (2 экз.). Ретушь вертикальная и крутая, в меньшей степени ретушь использования. Кроме того, 3 целых изделия имеют ретушь использования и плоскую на спинке и на брюшке по обоим краям. И 4 изделия (2 целых и 2 обломка) несут участок крутой и мелкой крутой, частично вертикальной, ретуши у одного из концов (1 у проксимального, остальные у дистального), образуя слабую вогнутость. Последние возможно являются заготовками резцов супоневского типа.

ПРОКОЛКИ — 12 экз. Целая лишь на микропластинке длиной 37, стандартной шириной 10 мм и толщиной 3 мм. Всего на микропластинках сделано 4, на пластинах 6 и на отщепах 2 орудия. Два изделия двойные, остальные оди-

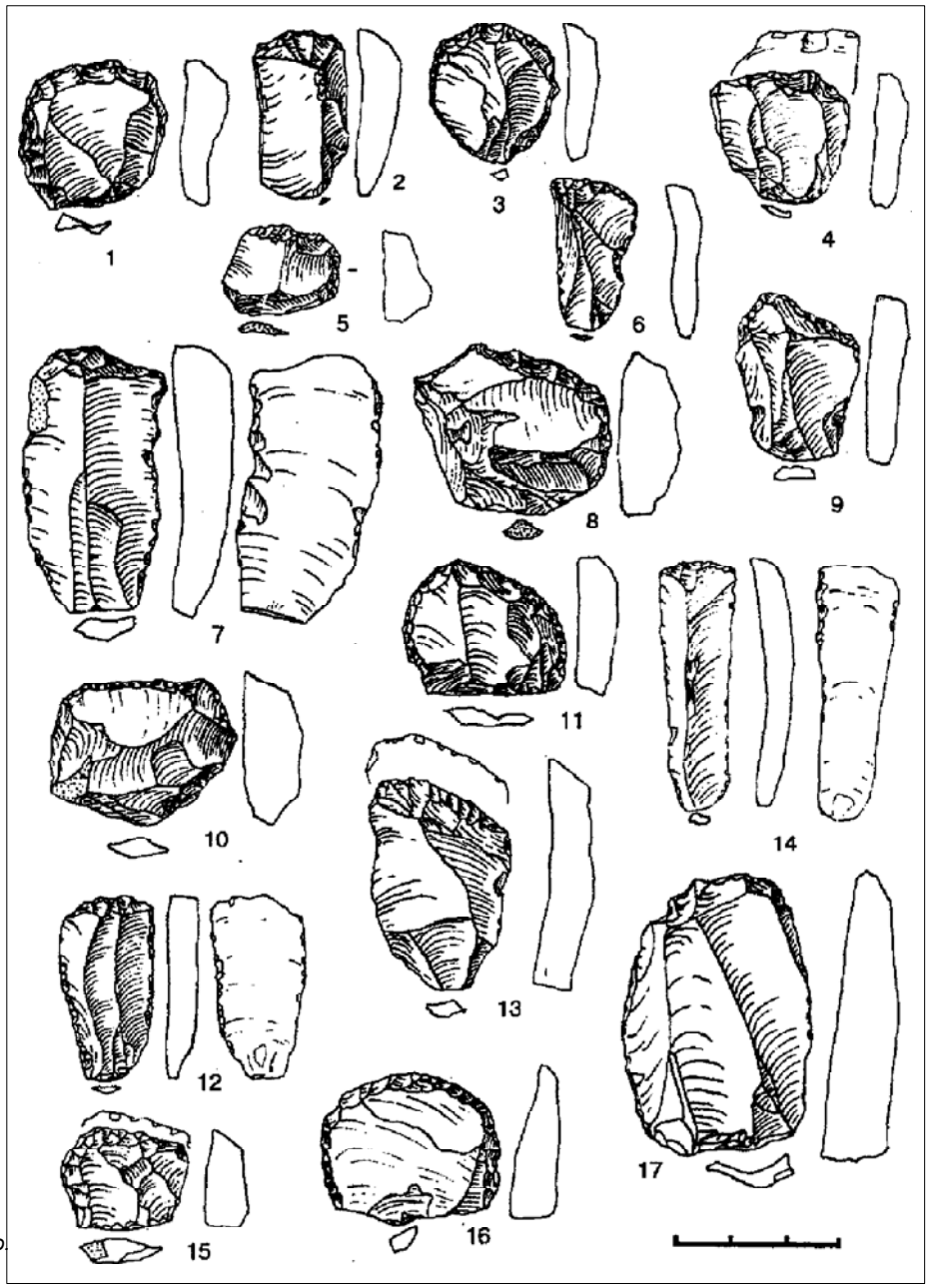

Рис.10. Супонево. Скребки.

нарные. Последние в большинстве своем, в отличие от мезинского комплекса, представлены срединными формами, кроме 1 изделия на отщепе (рис. 11, 8-11). Кроме единственного изделия, все одинарные проколки сделаны в дистальной части заготовок. Жала проколок оформлены вертикальной и мелкой крутой, в меньшей степени крутой ретушью, заходящей далеко лишь на 1 край, а на втором локализуется лишь у рабочего конца. Выделяются 3 предмета: проколка (сверло?), оформленное противолежащей ретушью и 2 изделия подретушированные вентральной ретушью, в меньшей степени, ретушью использования по одному из краев и 1 орудие, подправленное резцовым сколом.

ТРОНКИРОВАННЫЕ ИЗДЕЛИЯ — 7 экз. Целых лишь 2 экз., их длина 40 и 55 мм. Стандар-

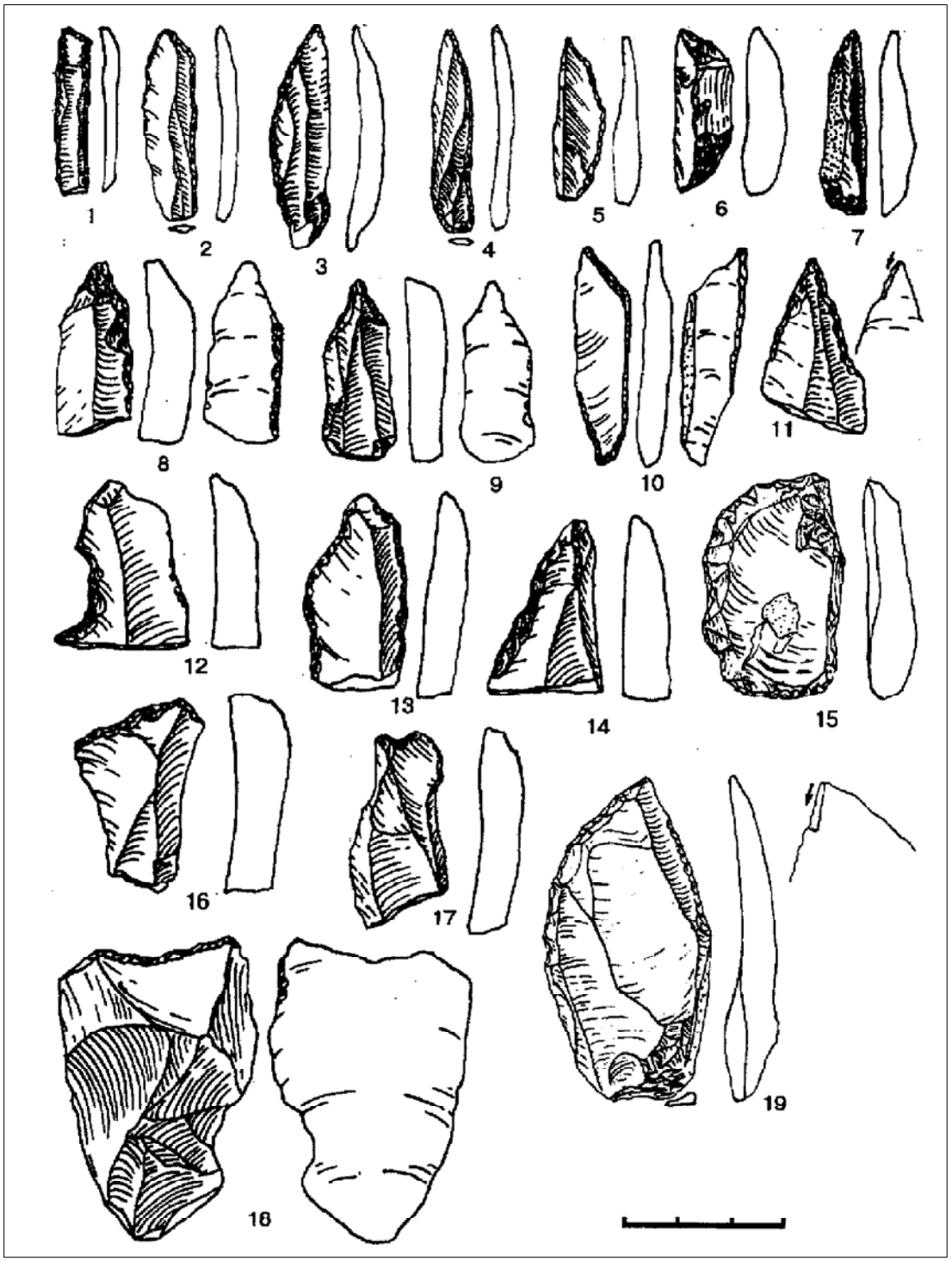

Рис.11. Супонево. 1-4 — микропластинки с притупленным краем; 6-7,15,19 — острия; 8-11 — проколки; 12-14 — пластины с ретушью; 16-18 — тронкированные орудия.

тная ширина 18 и 22 мм. Стандартная толщина 7 и 8 мм. Кроме 1 орудия на пластинчатом отщепе, остальные — на пластинах (рис. 11, 16-18). Форма усеченных ретушных концов нестандартизирована, всегда немного скошенная и\или выемчатая, образует углы с краями. Ретушь конца вертикальная и крутая. У трех изделий ретушированы плоской, крутой ретушью и ретушью использования 1-2 края. Особо выделяется двойное орудие, проксимальный конец которого превращен в ретушный резец.

КОСОРЕТУШНЫЕ ОСТРИЯ — представлены в коллекции всего 4 орудиями на обломках (1 на отщепе, 1 на пластине и 2 на микропластине). Они резко отличаются от тронкированных пластин оформлением на естественном конце заготовки формой конца (дугообразный скошенный без угла с краем) и присутствием микропластинчатых заготовок. Примечательны с типологической точки зрения все 4 предмета. Два острия на микропластинах большой массивности, причем одно двойное. Третье орудие оформлено на треугольной пластине с плоским резцовым сколом на конце и ретушировано целиком по одному, а частично по другому краю, четвертое имеет скребковидное завершение нижнего конца (рис. 11, 6-7, 15, 19).

МИКРОПЛАСТИНКИ С ПРИТУПЛЕННЫМ КРАЕМ — 7 экз. (целых 4 экз.). Длина целых 29-49 мм, преобладает 36-49 мм. Стандартная ширина 7-10 мм, преобладает 8-10 мм. Стандартная толщина 3-5 мм, преобладает 4-5 мм. 4 орудия имеют обработанные концы: 2 поперечных косоретушных, образующих углы с краями (рис. 11, 1-2) и 2 сегментовидных точечных, из которых одно имеет слабо намеченное проколочное жало, но не скошенное мезинское, а прямое (рис. 11, 3, 5). К последним примыкает еще одно изделие с точечным концом, но без подработки конца (рис. 11, 4). У 1 изделия притупленный край несет явственные следы использования с вентральной стороны.

Основные итоги классификации супоневского инвентаря:

1. Основная масса орудий изготовлена на пластинчатых заготовках с заметным участием отщепов. К сожалению, Н.А. Хайкунова, изучившая все материалы стоянки, данные о заготовках орудий привела лишь для резцов (Хайкунова 1992), из которых 1273 экз. сделано на пластинчатых заготовках и 989 экз. на отщепах.

2. Более или менее определенные устойчивые виды заготовок орудий из-за крохотности коллекции можно определить лишь для категории ретушных резцов. Практически все эти орудия имеют массивные пропорции у проксимального конца заготовок, у участка, примыкающего к ударной площадке. Возможно, это связано с господствующей в индустрии Супонево торцовой техникой первичного раскалывания. Так или иначе, эта черта заготовок ретушных резцов возможно тоже относится к одной из особенностей комплекса. По данным Н.А. Хайкуновой, формы концов ретушных резцов распределяются следующим образом: поперечные — 114 экз., скошенные — 681 экз. (включая пряморетушные — 191 экз., вогнуторетушные — 253 экз. и выпуклоретушные — 237 экз.). Таким образом, количественно преобладают скошенные концы, среди которых почти равным числом представлены вогнуто- и выпукло- ретушные, чуть меньше пряморетушные). В целом можно сказать, что длина орудий в Супонево, согласно Н.А. Хайкуновой (1985), чаще всего не превышает 3,5-5,5 см.

3. В инвентаре Супоневской стоянки, помимо резцов супоневского типа, можно найти еще один яркий компонент этой уникальной традиции, а именно набор скребков в разнообразнейших вариантах и формах. Среди других памятников деснинского палеолита большинство супоневских скребков не встречается.

4. По мнению Н.А. Хайкуновой, супоневский кремневый инвентарь по своим технико-типологическим особенностям ближе всего к комплексу Мезина. Наиболее схожи с мезинскими проколки и зубчато-выемчатые изделия, т.е. категории плохо в количественном выражении представленные в орудийных наборах остальных стоянок. Думается, что именно поэтому можно говорить о сходстве двух памятников, но не в типологическом, а статистическом смысле. Супоневские проколки отличаются от мезинских большей представленностью срединных форм и меньшим разнообразием заготовок (в основном сделаны на пластинах). Так что типологически они больше похожи на тимоновско-юдиновские проколки. Зубчато-выемчатые орудия — категория достаточно аморфная и многокомпонентная в любом комплексе, поэтому присутствие или отсутствие ее в инвентаре верхнепалеолитического памятника возможно связано с какими-то функциональными моментами. В этом смысле параллели в индустриях Супонево и Мезина несомненны, так же как и знакомство супоневцев с мезинским меандровым мотивом орнамента. Однако об однокультурности говорить сложно. В целом же можно присоединиться к выводам Н.А. Хайкуновой о уникальности и определенной культурной «замкнутости» Супонево среди верхнепалеолитических культур Русской равнины.

Стоянка Юдиново.

Верхнепалеолитическое поселение в селе Юдиново Погарского района Брянской области открыто в 1934 г. местным учителем и раскапывалась в 1947 г. К.М. Поликарповичем, в 1961-62 гг. — К.М. Поликарповичем совместно со своим учеником В.Д. Будько, который после кончины учителя продолжил раскопки в 1963-1966 гг. В 1980 г. исследования на памятнике проводит З.А. Абрамова, с 1982 г. совместно с Г.В. Григорьевой. В разные годы на стоянке открыты остатки, по крайней мере, четырех жилищ из костей мамонта (Поликарпович 1968, Будько 1967, Абрамова 1987, 1995). Культурная принадлежность кремневой и костяной индустрии памятника определена Л.В. Греховой, которая выделила тимоновско-юдиновскую культуру (Грехова 1970). В нее включена целая группа деснинских памятников: Юдиново, Тимоновка 1 и 2, Карачиж, Бугорок, Чулатово 2, а возможно (по Греховой) и Борщево 2 на Дону. Согласно представлениям Л.М. Тарасова (1991), сюда же следует включить Чернетово на Верхней Десне. К комплексу Юдиново ближе всего стоят Тимоновские стоянки по сходству кремневого и костяного (преимущественно бивневого) инвентаря. На уровне категориальном кремневый инвентарь Юдиновской и обеих Тимоновских стоянок практически идентичен, отличаясь в общем лишь большей представленностью в процентном отношении скребков и микропластинок с притупленным краем, а меньшим — проколок (Гаврилов 1994). По полной публикации ма-

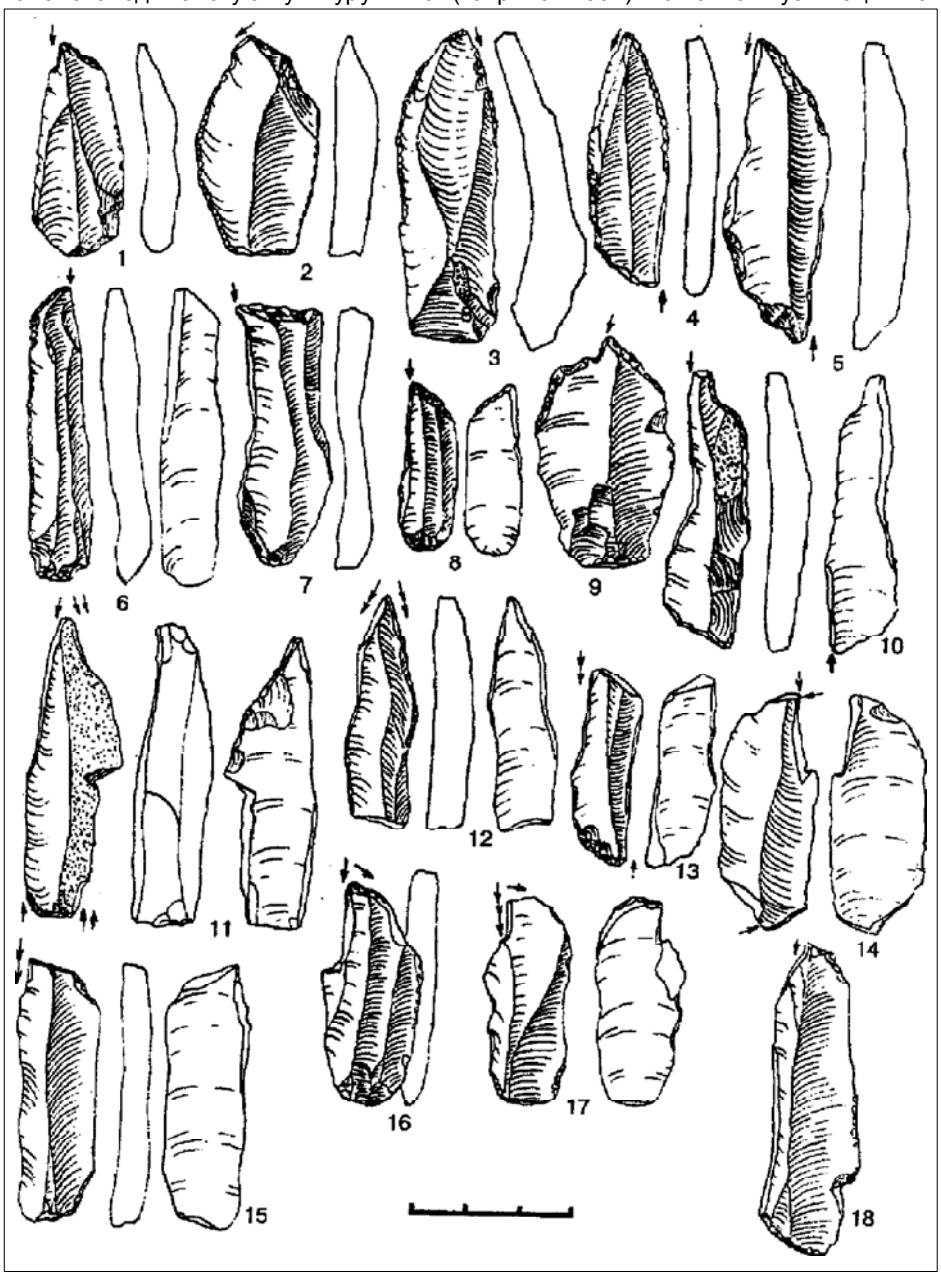

Рис.12. Юдиново. Резцы.

териалов из раскопок в Юдиново последних лет, можно судить о соотношении основных категорий инвентаря памятника (Абрамова, Григорьева, Кристенсен 1997). Набор орудий вместе с обломками составляет 1852 экз. вместе с обломками, включая: резцы 707 экз., скребки 688 экз. (%), микропластинки с ретушью или следами использования 75 экз., микропластинки с притупленным краем 40 экз., другие микропластинчатые формы орудий 32 экз. (включая 14 микроострий), пластины с тронкированным выемчатым концом 17 экз., косоретушные острия и пластины со скошенным концом (в т.ч. из отщепов 2 экз.) 87 экз., пластины с ретушью, краевыми выемками, а также «двойные» и «различные» 64 экз., орудия с подтеской (в т.ч. на пластинчатых заготовках 8 и на отщепах 6 экз.) — 14 экз., проколки (в т.ч. на пластинчатых заготовках 5 и на отщепах 3 экз.) — 8 экз., скребла — 4 экз., ретушированные отщепы — 20 экз., отжимники — 2 экз. Таким образом, основные категории орудий стоянки составляют резцы, среди которых преобладают ретушные (445 экз.), на пластинчатых заготовках и скребки, преимущественно на отщеповых заготовках. Всего на пластинчатых заготовках сделано 58,7% орудий, на пластинчатых отщепах 7,8% и на отщепах 22,2% орудий (Абрамова, Григорьева, Кристенсен 1997: 75).

В нашей работе орудийный набор Юдиново 1 представлен коллекциями из раскопок 1989-1982, 1984-1985, 1987-1989 гг., из зачисток 1991 г., некоторые рисунки орудий из раскопок 1995 г. Всего учтено 589 экз. (100%), из которых резцы 264 экз. (44,82%), скребки 229 экз. (38,88%), скребки-резцы 39 экз. (6,62%),

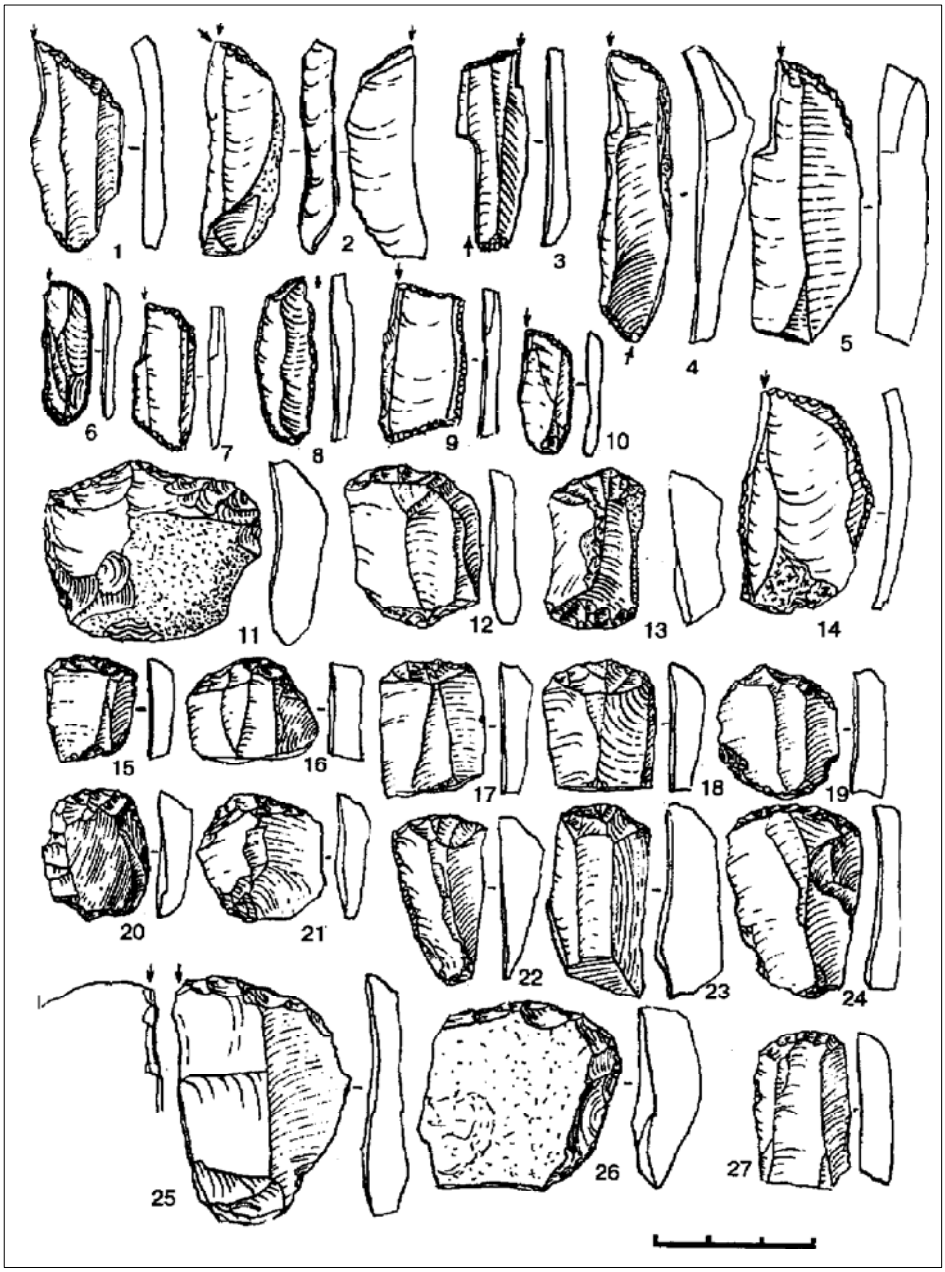

Рис.13. Юдиново. 1-10,14 — резцы; 11-13,15-27 — скребки.

косоретушные острия 18 экз. (3,05%), микропластинки с притупленным краем 17 экз. (2,89%), микропластинки с концевой ретушью 10 экз. (1,70%), тронкированные пластины 7 экз. (1,19%), пластины с ретушью 5 экз. (0,85%). К сожалению, эти подсчеты неполны, т.к. классификация юдиновского инвентаря проводилась нами за 3 года до написания данной работы. Она производилась достаточно бегло, без учета обломков орудий, по упрощенной методике, не рассматривавшей пропорции заготовок и расположение краевой ретуши на орудиях. Поэтому сопоставление с другими тремя комплексами возможно с использованием лишь общих параметров.

СЫРЬЕ. Кремневые орудия изготовлены на желвачном и плиточном меловом кремне, цвета от серого пятнистого до полупрозрачного коричневатого и черного.

РЕЗЦЫ — 261 экз. Подавляющая часть резцов изготовлена на пластинчатых заготовках, лишь 15 экз. на отщепах и пластинчатых отщепах. Выделяются типологические группы:

1. Ретушные резцы — 165 экз. Из них 125 одинарных и 40 двойных. Длина 27-80 мм, ширина 8-22 мм, преобладает 11-20 мм, толщина 2-8 мм, преобладает 4-5 мм (рис. 12, 1-10; рис. 13, 1-10, 14). Среди одинарных ретушных резцов (127 экз.) большинство 74 экз. — с дугообразным скошенным концом, ретушированным вертикальной и крутой ретушью не образующим углов с краем. У 22 из них ретушь переходит на край. Резцов с поперечным прямо- косоретушным концом, образующим угол с краем всего 53 экз. Из них лишь 8 экз. имеют краевую ретушь, переходящую с конца на край. Среди одинарных ретушных резцов преобладают орудия на естественных подретушированных концах, редко на предварительно сломанных и тронкированных ретушью. Двойные изделия (38 экз.) имеют чаще всего, напротив, тронкированные концы (особенно проксимальные). В группе двойных представлены противолежащие, ромбические по форме — 30 экз., среди которых большая часть (15 против 10 экз.) имеет дугообразные, а не прямо- косоретушные концы и 5 смешанные; встречные трапециевидные — 7 экз. и 1 экз. двойной одноконечный. 7 двойных орудий имеют ретушь, переходящую на край. Таким образом, среди ретушных резцов наиболее распространены скошенные дугообразные формы без краевой ретуши.

2. Резцы на сломе — 30 экз., из которых 3 двойных и 1 тройной. Все на пластинах. Длина 17-57 мм, ширина 9-20 м, толщина 3-8 мм, преобладает 4-7 мм. Краевая ретушь также не характерна (рис. 12, 13, 15).

3. Двугранные резцы — 18 экз. Из них 16 одинарных и 2 двойных. Длина 33-47 мм, ширина 9-19 мм, толщина 3-8 мм. Все на пластинах. Преобладают угловые формы, среди которых отмечены переоформленные ретушные резцы (рис. 12, 12, 16-17).

4. Комбинированные резцы — 32 экз. (рис. 12, 10, -11 13-14). Длина 33-65 мм, ширина 14-19 мм, толщина 4-9, преобладает 4-7 мм. Изготовлены на пластинчатых заготовках. Выделяются комбинации: ретушный-на сломе — 14 экз., ретушный-двугранный — 8 экз., ретушный-на естественной грани — 2 экз., ретушный-трансверсальный — 3 экз., двугранный-на естественной грани — 2 экз., двугранный-на сломе — 3 экз. Т.е., как и в многих других комплексах преобладают комбинации резцов на сломе заготовки и ретушных.

5. Атипичные резцы — к ним отнесены 4 резца типа на естественной грани, 1 из которых двойной, с резцовым сколом, нанесенным без предварительной подготовки с одной из граней пластины, а также 2 резца с резцовым сколом, нанесенным с ударной площадки. И те и другие вероятно могут считаться случайными формами.

6. Резцы в комбинации с косоретушными остриями — 13 экз. Орудия изготовлены на пластинчатых заготовках (рис. 12, 18). У 10 экз. с косоретушным острием на одном конце сочетается ретушный резец, у 2 экз. — резец на сломе заготовки и у 1 изделия двугранный резец.

СКРЕБКИ — 229 экз. На отщепах и пластинчатых отщепах изготовлено 216 орудий. на пластинах и сечениях пластин всего 13. Длина 13-45 мм, преобладает 13-35, ширина 14-35 мм, толщина 3-10 мм, преобладает 5-7 мм. Выделяются несколько групп:

1. Обычные концевые скребки на отщепах (124 экз.), сечениях пластин (9 экз.) — 133 экз. Длина 20-33 мм, ширина 12-35 мм, толщина 4-11 мм, преобладает 4-7 мм. Из общих параметров выбиваются лишь 3 орудия на массивных пластинах длиной 5,3-6,7 мм, шириной 16-24 мм, толщиной до 1,6 мм. Обработаны крутой и вертикальной ретушью, есть высокие формы. Скребковое лезвие слабо выпуклое, образующее углы, обычно сглаженные, с краями. 28 скребков имеют скошенное лезвие, у 12 из них ретушь конца переходит на край (рис. 13, 15-18, 20-24; рис. 14, 1-10, 20).

2. Скребки подквадратных и подпрямоугольных очертаний на отщепах и (4 экз.) на пластинах, ретушированные по краям — 49 экз. Длина 19-37 мм, ширина 18-35 мм, толщина 4-14, преобладает 4-9 мм. Их длина и ширина практически совпадают. По 1 краю крутой и вертикальной ретушью ретушированы 32 экз., по 2 краям 17 экз. Рабочее лезвие обычно слабовыпуклое, образует углы с краями. 12 изделий имеют следы забитости на участке края, примыкающего к лезвию. Вероятно массивные углы между лезвием и краем использовались как рабочий элемент (резаки?). Серия квадратных скребков отмечается Л.В. Греховой в 3 и 4 комплексах Тимоновки 1. Судя по всему речь идет о той же группе орудий (рис. 13, 11, 26; рис. 14, 12).

3. Двойные скребки — 34 экз. Сделаны на отщепах и сечениях пластин. Длина 17-40 мм, ширина 14-33 мм, толщина 5-10 мм, преоблада-

ет 5-8 мм. У 13 орудий ретуширован один край, у остальных обработаны только концы. Лезвие округлое выпуклое, образующее скругленные углы с краями (рис. 13, 13, 19; рис. 14, 7, 21).

4. Округлые скребки — 4 экз. Все сделаны из отщепов. Длина 13-33 мм, ширина 12-29 мм, толщина 4-9 мм. Обработаны крутой и вертикальной ретушью по большей части периметра заготовки. Контур скребкового лезвия неровный, часто образует многочисленные выступы (рис. 14, 13-14, 17).

5. Аморфные скребки — 9 экз. Сюда вошли атипичные скребковидные предметы с грубо оформленным неровным скребковидным лезвием, не вписывающиеся ни в одну из выделенных групп: «скреблышки», скребки на осколках и массивных отщепах, краевых и реберчатых сколах, часто с фасетками интенсивного использования на вентральной стороне скребковидного лезвия. Типологически группа не едина, выделяется нестандартизованностью заготовок и форм (рис. 14, 15-16, 18-19, 22).

РЕЗЦЫ-СКРЕБКИ — 39 экз. Сделаны на отщепах (23 экз.) и пластинах (16 экз.). Длина 17-55 мм, ширина 10-24 мм, толщина 3-14, преобладает 4-7 мм. Краевая ретушь зафиксирована у единичных изделий. Скребковое лезвие выпуклое округлое, реже спрямленное. Подавляющая их часть (25 экз.) — орудия, сочетающие скребковое лезвие на одном конце и ретушный резец на другом. У 6 орудий резцовый скол нанесен с скребкового лезвия (рис. 13, 25). 2 экз. представляют собой комбинацию скребка с двугранным резцом и 2 с резцом на естественной грани.

МИКРОПЛАСТИНКИ С ПРИТУПЛЕННЫМ

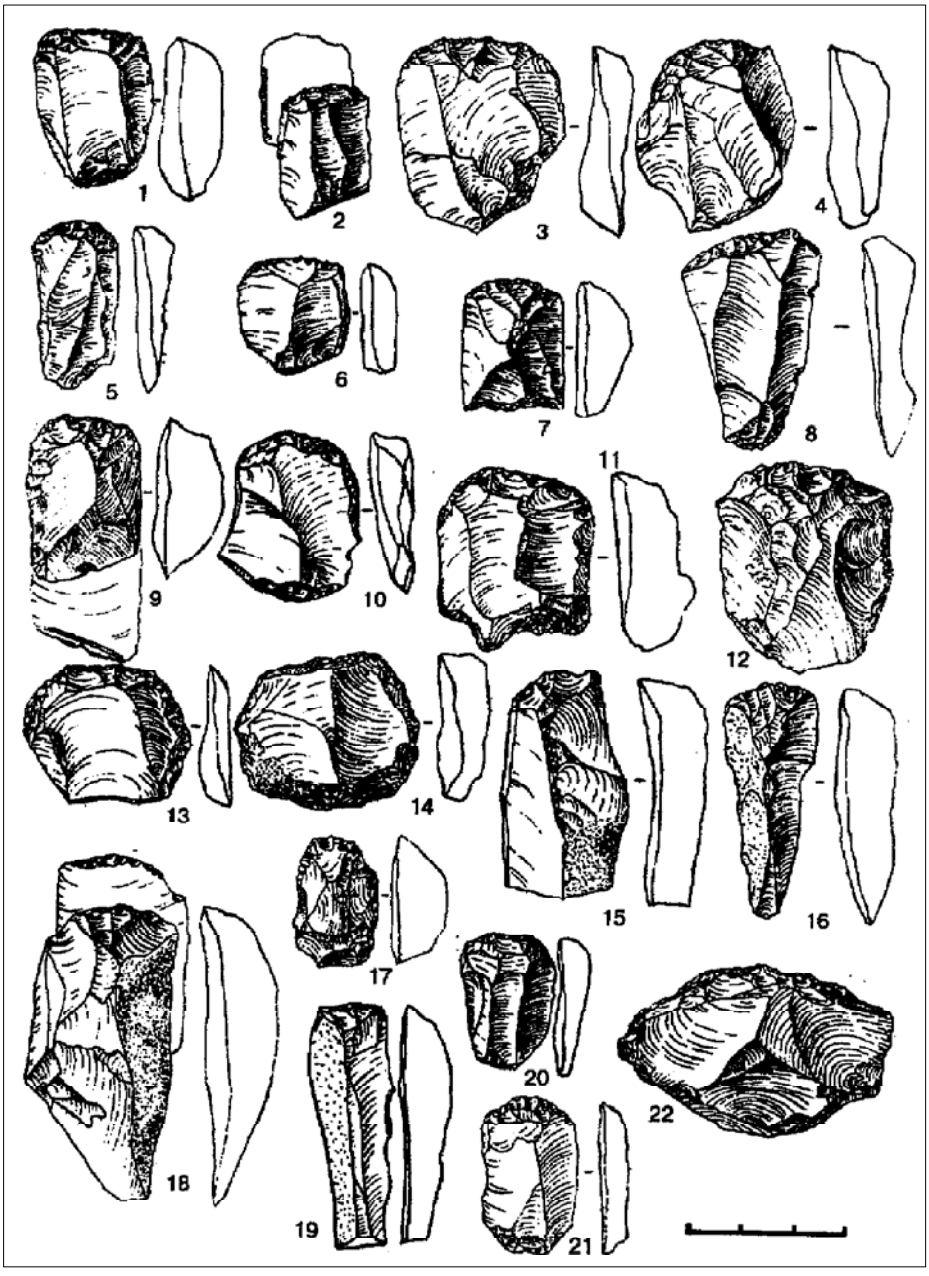

Рис.14. Юдиново. Скребки.

КРАЕМ И МИКРОПЛАСТИНКИ С РЕТУШИРОВАННЫМИ КОНЦАМИ — 27 экз. Микропластинок с притупленным краем 17 экз. Длина 22-42 мм, ширина 5-8 мм, толщина 2-3 мм. Одно изделие выделяется из общей массы, сделано на реберчатой микропластине шириной 11 и толщиной 7 мм. Большинство микропластинок с притупленным краем отличается удивительной миниатюрностью, 6 экз. имеют один поперечно обработанный конец, а 3 экз. оба конца. Форма концов скребковидная спрямленная, образующая сглаженные углы с краями (рис. 15, 1-10, 14). Смежной в типологическом отношении микропластинкам с притупленным краем группой вероятно являются 10 микропластинок со скребковидным завершением концов (есть 1 двойная), но без притупленного края. Длина 22-47 мм, ширина 5-10 мм, толщина 1-6 мм. Подобные изделия отмечены пока лишь в микроиндустрии верхнего слоя Костенок 1, но возможно встречаются и в других верхнепалеолитических комплексах. Они, скорее всего, представляют собой заготовки микропластинок с притупленным краем, которые имеют обработанные поперечные концы. Поэтому можно ожидать присутствие этой группы в инвентаре любого верхнепалеолитического памятника с традицией поперечного оформления концов микропластинок с притупленным краем.

КОСОРЕТУШНЫЕ ОСТРИЯ — 18 экз. Длина 37-62 мм, ширина 14-23 мм, толщина 2-7 мм. Ретушированы крутой и мелкой крутой ретушью естественные концы, в единичных случаях тронкированы вертикальной ретушью (рис. 15, 17-21). По форме ретушированного конца выделяются острия с дугообразным концом (9 экз.), не образующие угол с краем и поперечные скошенные (9 экз.), образующие угол с краем, из них 2 двойные.. Регулярная краевая ретушь отмечена лишь у 1 экз. По мнению Л.В. Греховой, в тимоновской индустрии эти изделия являются заготовками для ретушных резцов. Возможно и в Юдиново они играли ту же роль, хотя среди юдиновских резцов присутствуют очень мелкие ретушные резцы, мельче самого небольшого по размерам косоретушного острия.

ТРОНКИРОВАННЫЕ ПЛАСТИНЫ — 7 экз. Представляют собой смежную с косоретушными остриями категорию, не отличаясь от них по метрическим параметрам. Разнятся от них вертикальной ретушью конца и его формой, слабовыемчатой или спрямленной, перпендикулярной краям (рис. 15, 12-13).

РЕТУШИРОВАННЫЕ ПЛАСТИНЫ — 5 экз. Как отмечалось выше, методика подбора материала была ущербна и эта категория оказалась практически не представленной в классификации (рис. 15, 22), также как ретушированные микропластинки (рис. 15, 11) и немногочисленные в Юдиново пластинки с подтеской (рис. 15, 15-16). Поэтому нет особого смысла описывать столь скудную выборку, тем более, что категория подробно описана в публикации (Абрамова, Григорьева, Кристенсен 1997: 53-62).

ИТОГИ КЛАССИФИКАЦИИ ЮДИНОВСКОГО ИНВЕНТАРЯ.

1. Подавляющая часть просмотренных коллекций комплекса (255 экз.) изготовлена на небольших пластинах (пластинках) и микропластинках (110 экз.), в меньшей степени на отщепах (225 экз.). Последнее реализуется в основном за счет скребков.

2. Небольшие стандартизированные размеры заготовок основных категорий орудий способствовали минимализации вторичной обработки. Большинство орудий не имеют краевой ретуши; концевая отделка сведена к нескольким косо-пряморетушным и скребковидным формам. Орудия изготовлялись преимущественно на целых заготовках и естественных концах пластин.

3. Самой массовой и самой выразительной категорией юдиновского инвентаря являются резцы, как и во многих других финальнопалеолитических памятниках. Среди них обращают на себя внимание особенности ретушных резцов, большинство которых (порядка 60%) имеют скошенные дугообразные концы, редко образующие углы с краями.

4. Среди скребков выделяются изделия подчетырехугольных очертаний преимущественно сделанные на отщепах, с углами между спрямленным лезвием и краем, подчеркнутые крутой и вертикальной ретушью. Забитость на этом участке у отдельных орудий возможно говорит о использовании его в качестве рабочего элемента. В трасологическом анализе скребки этой группы, к сожалению, не участвовали (Абрамова, Григорьева, Кристенсен: 138-158) и проверить эти соображения пока нельзя. Возможно это будет сделано в будущем.

5. Наиболее близкие аналогии комплексу в кремневой и костяной индустрии Юдиновской стоянки, как уже неоднократно отмечалось в литературе, обнаруживаются в Тимоновке 1 (особенно 1 комплекс) и Тимоновке 2. Однако в орудийном наборе можно найти и ряд различий, которые в дальнейшем при более подробном сравнении могут обозначиться еще резче. Так, в тимоновских стоянках преобладают скребки на пластинах, а не на отщепах. Значительно лучше представлены в Тимоновках (особенно в 1-ой) микропластинки с притупленным краем и поперечной ретушью концов.. Больше там проколок и косоретушных острий (Величко, Грехова, Губонина 1977: 101-110). Подобные различия однако, по мнению Л.В. Греховой, объясняются развитием тимоновско-юдиновской культуры во времени. Здесь мы имеем дело с изменением отдельных технологических стандартов заготовок (отщепы\пластины) и разных соотношений групп инвентаря. Касаясь других памятников, предварительно отнесенных к данной археологической культуре (Карачиж,

Бугорок, Чулатово 2, Борщево 2), можно лишь отметить, что еще достаточно мало данных для столь уверенной их атрибуции. Так, присутствие в немногочисленном наборе стоянки Карачиж комбинированного орудия типа ретушный резец-скребок на пластине длиной 6 см и шириной 2 см (Грехова 1966: 10) может поставить под сомнение близость комплекса тимоновско-юдиновскому инвентарю, где подобные изделия сделаны в основном на отщепах. Своеобразие комплексу Борщево 2 придают пластины с одним целиком притупленным краем или острия типа шательперрон, находящие лишь единичные аналогии в тимоновско-юдиновском наборе (Цыганов 1995). Однако схожий облик и общий состав инвентаря, указанных памятников позволяет объединять их в одну культурно-типологическую (и хронологическую?) группу.

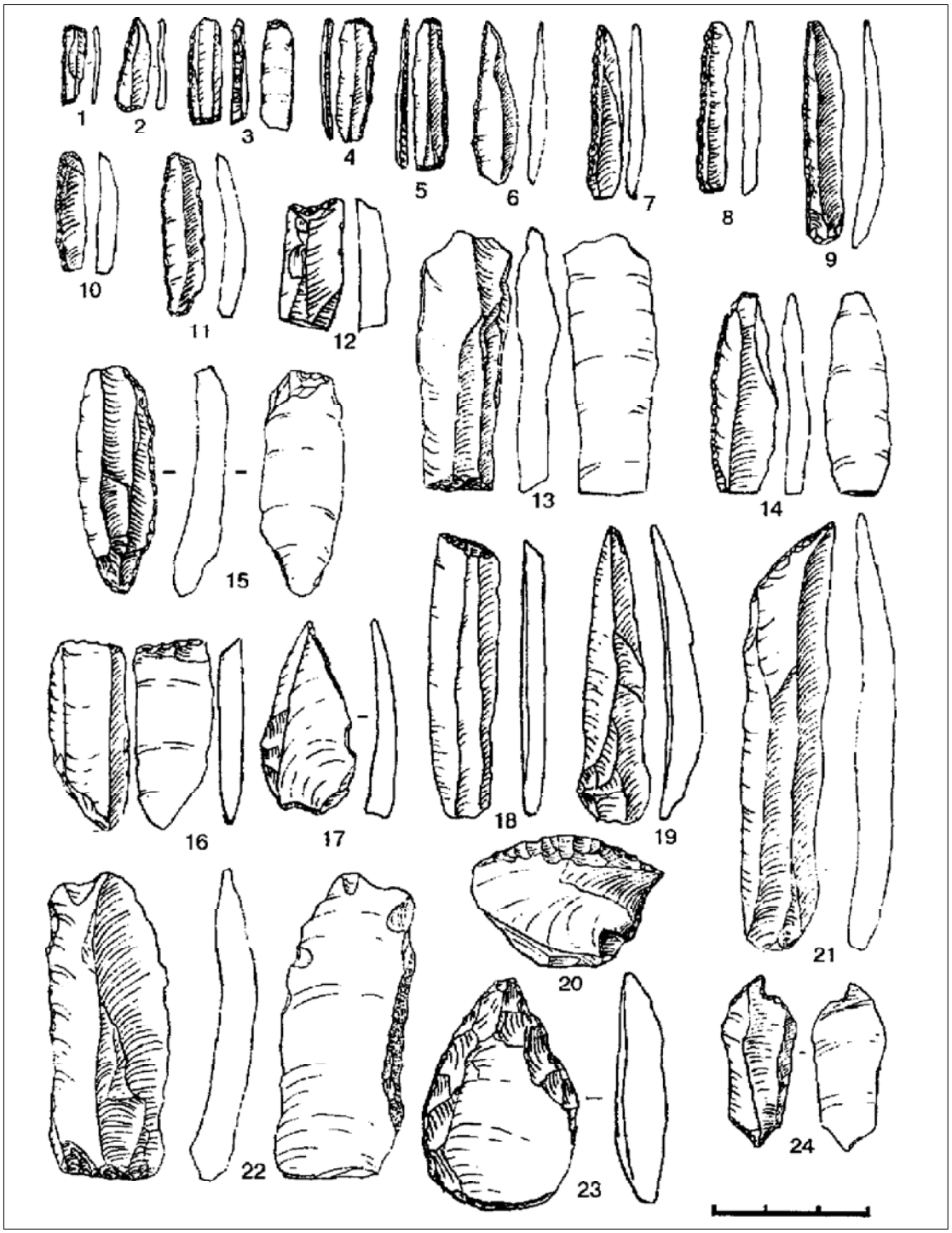

Рис.15. Юдиново. 1-10,14 — микропластинки с притупленным краем; 11 — микропластинка с ретушью; 12-13 — тронкированные пластины; 15-16 — пластины с подтеской; 17-21 — острия; 22 — пластина с ретушью; 20, 23-24 — проколки.

Кремневый орудийный набор четырех рассмотренных памятников в достаточно большой степени может отражать, с нашей точки зрения, пестроту культурных традиций поздней поры верхнего палеолита региона. С одной стороны, нами просмотрены коллекции наиболее уникальных деснинских комплексов, не имеющих аналогов, по представлениям многих исследователей (Елисеевичи, Мезин, Супонево). С другой стороны, в изученный массив попал инвентарь Юдиновской стоянки, который, опять же по устоявшимся представлениям, обладает чертами сходства с целым рядом поздневалдайских памятников Десны и вообще среднеднепровского бассейна. То есть, фактически, попадает в разряд типичных для финального палеолита центральной части Русской равнины. Опираясь на данные положения, попытаемся сравнить комплексы между собой, а также с другими синхронными памятниками Русской равнины.

1. На уровне сравнения технологических стандартов заготовок все четыре комплекса обнаруживают как черты сходства, так и различия. Во всех памятниках преобладают орудия, изготовленные на пластинчатых заготовках, длина которых варьирует в пределах 20-60 мм. Лишь метрические параметры елисеевичского инвентаря выбиваются из этих цифр. В Елисеевичах небольшая группа орудий достигает в длину 90 мм. Несомненно, что это можно объяснить спецификой первичного раскалывания на памятнике, связанной с использованием полого желвака цилиндрической формы и массивностью скалывавшихся с них нестандартизованных пластинчатых заготовок. Последнее проявляется и на параметрах орудий на микропластинках, некоторые из которых в длину превышают 60 мм, при том, что подобные изделия в большинстве деснинских комплексов редко превышают длину 35 мм. Если взглянуть на преобладающие длины орудий на пластинчатых заготовках четырех комплексов, то выясняются интересные параллели. Например, преобладающие длины орудий на пластинчатых заготовках Мезина (40-51 мм) в принципе сопоставимы, но все же отличаются от таковых в Елисеевичах (46-60 мм), а в Супонево (37-46 мм) и Юдиново (37-47 мм) схожи (рис. 17-20). Возможно, бóльшая выборка орудий из этих памятников, чем представлена в нашей работе, скорректирует цифры метрических обмеров, но сами по себе они указывают на особенности, которые могут оказаться культуроопределяющими. При более близком рассмотрении особенности комплексов проявляются на уровне чисто технологических признаков. Так, даже не касаясь вопросов параллельности огранки или углов скалывания, можно сделать интересные наблюдения. При сравнении орудий с сохранившейся ударной площадкой выясняется, что в Елисеевичах преобладают линейные ударные площадки над точечными (271 против 186 экз.), а в трех остальных комплексах, наоборот, точечные над линейными: в Мезине (76 против 57 экз.), Супонево (29 против 21). Из-за несовершенной методики подсчеты форм ударных площадок юдиновского инвентаря не проводились, но по нашим собственным замечаниям, а также представлениям З.А. Абрамовой (Абрамова, Григорьева, Кристенсен 1997: 5), здесь также преобладают точечные ударные площадки. Линейные ударные площадки свидетельствуют о так называемом неконусном расщеплении кремня, тогда как точечные о типично конусном верхнепалеолитическом, которое, по общим представлениям, является господствующим к финалу верхнего палеолита. Поэтому комплекс Елисеевичей и в этом случае выделяется особенностями первичного раскалывания. В целом же конусное расщепление может по-видимому считаться характерным признаком финальнопалеолитических индустрий, по крайней мере центра Русской равнины, района Десны. Относительно преобладающих форм можно судить по рассмотренным выше пропорциям орудий у орудийного набора трех памятников. В Елисеевичах в целом превалируют изделия наиболее широкие и толстые в медиальной части, с отдельными отклонениями на уровне групп орудий. В мезинском инвентаре прослеживается такая же тенденция, но у части орудий самый массивный участок в чаще тяготеет ближе к проксимальному концу. И, наконец, в Супонево присутствуют изделия как наиболее широкие и толстые в средней части, так и с ярко выраженным массивным проксимальным концом. Таким образом, преобладающая общая форма тех или иных орудий в каждом комплексе достаточно индивидуальна, но схожие тенденции прослеживаются во всех. Являясь результатом целенаправленного отбора палеолитическим мастером заготовок с определенными свойствами, форма орудий является ярким проявлением древнего поведения. Поэтому изучение «механического» сходства форм орудий родственных в типологическом плане комплексов (особенно общепризнанных «двойников» типа Костенок 1 и Авдеево, Юдиново и Тимоновок, Мальты и Бурети) возможно могло бы пролить свет на социальные связи оставивших их коллективов. Для каждой эпохи верхнего палеолита скорее всего свойственны какие-то общие закономерности технических стандартов заготовок и форм изделий из них. Сходства и тех и других в рассмотренных финальнопалеолитических памятниках указывает на эти закономерности, а различия — на степень близости в культурном и временном диапазоне коллективов людей их оставивших, приемам их адаптации к местному сырью и условиям. Общий облик заготовок и форм орудий финальнопалеолитических комплексов резко отличен от таковых предшествующей граветтийской эпохи.

2. Интересные результаты дает сравнение

описанных комплексов на уровне вторичной обработки орудий. Краевая обработка (за исключением пластин с ретушью) в большей степени оказалась характерна для Мезина и Супонево и в меньшей — для Елисеевичей и Юдиново. Причем для первых двух стоянок — это преимущественно вертикальная и крутая ретушь, а для последних — крутая и мелкая крутая. Другую расстановку представляет обработка концов. Здесь во всех комплексах преобладает вертикальная ретушь. Однако охват ретушью конца и прилегающего участка края, а также форма ретушированного конца (особенно по категории ретушных резцов и в меньшей степени скребков) дает иные сочетания. Так, переход ретуши с конца на край, как отдельный прием обработки, распространен в Мезине, Юдиново и сравнительно редко в Елисеевичах и Супонево. Поперечные прямо- скошенные ретушные концы количественно превалируют в Мезине и Елисеевичах. В юдиновском инвентаре они тоже представлены, но преобладают дугообразные выпуклоретушные. Особняком в этом плане стоит супоневский комплекс, где половину ретушных резцов составляют трансверсальные супоневского типа имеющие переходные формы с настоящими ретушными резцами. Но судя по публикации Н.А. Хайкуновой (1992: 125-128), дугообразные выпуклоретушные концы здесь имеют не менее трети изделий. Таким образом, как по особенностям первичного расщепления, так и по вторичной обработке среди рассмотренных четырех деснинских комплексов наблюдаются и определенные сходства и определенные различия.

3. После рассмотрения особенностей кремневого инвентаря Елисеевичей, Мезина, Супонево и Юдиново, нам кажется целесообразным попытаться определить их положение в периодизации индустрий поздней поры верхнего палеолита Верхнего Поднепровья и Русской равнины. Ряд признаков, в целом подтверждаемые и данными радиоуглеродного датирования (Куренкова 1980: 10-15), позволяет, с нашей точки зрения, выделить по крайней мере две отличных друг от друга в культурно-хронологическом отношении группы памятников. В наиболее раннюю, которая хронологически может быть сопоставлена со временем окончания максимального похолодания валдайского оледенения, из рассмотренных памятников попадают Мезин и Елисеевичи 1, а также Елисеевичи 2, Юровичи. Их общие черты проявляются в виде достаточно крупных размеров основной массы орудий на пластинчатых заготовках, широком использовании концевой тронкирующей ретуши, господстве поперечных прямо- косоретушных концов среди острий и ретушных резцов, микропластинках-остриях с притупленным краем без скребковидных поперечных концов. В другую, позднюю группу попадает Юдиново и, с определенными оговорками, Супонево, а также Тимоновка 1-2, Карачиж, Чулатово 2, Бугорок, Чернетово. Для них характерны небольшие размеры основной массы орудий, меньшее значение тронкирующей концевой ретуши, значительная (в Юдиново преобладающая) роль дугообразных выпуклоретушных концов, присутствие микропластинок с притупленным краем и скребковидными поперечными окончаниями наряду с микроостриями с притупленным краем. Промежуточное положение между двумя группами по типологическому облику инвентаря вероятно занимают Косица и Коршево 2, сочетающие как крупные орудия и прямо-косоретушные концы, так и микропластинки с притупленным краем и скребковидными окончаниями. В хронологическом отношении они вероятно соответствуют той же группе, являющейся по археологическим данным более поздней, завершающей палеолит Среднерусской возвышенности (Тарасов 1991: 30-31). Такая группа комплексов носит, по нашему мнению, не культурный, а именно культурно-хронологический, определенный «стадиальный» характер (об этом же писал и И.Г. Шовкопляс 1965: 300). В плане параллелей в орудийном наборе памятников сквозные связи наблюдаются между комплексами обоих групп. Так, многочисленные мезинские проколки и пластины с вертикально притупленным краем находят параллели только в Супонево. С другой стороны близки мезинским формы двойных ретушных резцов и комбинированных резцов-скребков Юдиновской стоянки, Межиречей и Добраничевки. Выделенная в нашей работе категория микропластинок с очень мелкой краевой ретушью, образовавшейся от интенсивного использования в составе елисеевичского инвентаря возможно имеют соответствия и в других комплексах. Эта, очень часто недостаточно подробно описываемая категория, присутствует во многих поздневалдайских стоянках. В частности, ретушированные микропластинки хорошо представлены в Юдиново (Абрамова, Григорьева, Кристенсен 1997: 50), есть в Супонево и Мезине. Т. е. эти микроорудия могут быть очень обычным явлением в конце верхнего палеолита, являясь свидетельством широчайшего распространения вкладышевой техники уже «мезолитического» облика.

4. Таким образом, на материалах деснинских стоянок поздневалдайского времени прослеживается членение комплексов на две группы, раннюю и позднюю на основании сходства орудийных наборов на техно-морфологическом уровне. При этом существуют типологические и культурные связи комплексов как внутри каждой из группировок, так и пронизывающие обе, как в пределах деснинского региона, так и с памятниками других территорий. Последнее указывает на возможность членения массива финальнопалеолитических памятников не только района Десны, но и соседних территорий. Черты первой и второй группировок можно найти в

комплексах смежных районов бассейна Днепра и Дона.

Черты сходства по отмеченным надкультурным признакам с рассмотренными комплексами имеют достаточно полно изученные донские стоянки — Костенки 2, Борщево 2. Спецификой Костенок 2, вместе с менее представительными комплексами Костенок 3 и Костенок 19, отнесенными к замятнинской культуре (Палеолит СССР 1984), является широкое использование наряду с меловым цветного кремня плохого качества. Последнее сильно влияло на особенности расщепления и формы орудий. Кроме того, в комплексе доминируют разнообразные долотовидные формы, нуклевидные резцы. Отсутсвуют типичные МППК, вместо которых наличествуют своеобразные изделия на нестандартизированных заготовках с притупленной контрударной ретушью спинкой. Однако учитывая, что среди ретушных резцов (порядка 40 экз.) представлены изделия с поперечными и выемчатыми концами, есть группа острий с дугообразно ретушированным краем, — можно хронологически сопоставить комплекс с ранними финальновалдайскими памятниками типа Мезина. Сюда же по тем же характеристикам следует, вероятно, включить и слой 1а Костенок 11. Этот комплекс в литературе в культурном отношении соотносится с замятнинской культурой (Попов 1989), однако отличается от последней более совершенным расщеплением, направленным на получение правильных пластинок и микропластинок.

Напротив, в орудийном наборе Борщево 2 более половины ретушных резцов имеют скошенные, выпуклые концы (Цыганов 1995), острия с дугообразно ретушированным краем сделаны на небольших пластинках, которые имеют переходные формы с микропластинками с притупленным краем. Среди последних представлены изделия с поперечными и скребковидными концами. Типологический облик, в совокупности с имеющимися абсолютными датами позволяет соотнести Борщево 2 со второй хронологической группой памятников.

Среди стоянок бассейна Днепра наибольшее число памятников в хронологическом и типологическом отношении относится к поздней группе. Представление об однокультурности обеих Тимоновских и Юдиновской стоянки, похоже, уже устоялось и не нуждается в дополнительных доказательствах. Убедительные доводы в пользу близости юдиновского кремневого инвентаря комплексам Чулатово 2 и Бугорка приведены З.А. Абрамовой (Абрамова, Григорьева 1997: 93-88). По мнению Л.М. Тарасова (1991), к тому же кругу относится Чернетово. Для всех памятников характерно стандартизированное пластинчатое расщепление, нацеленное на получение пластинок в среднем до 5 см длиной, микропластинок. На естественных концах таких заготовках оформлены ретушные резцы и острия, повторяющие очертания основы, поэтому часто дугообразные по форме. Крупные пластины, прием тронкирования (не считая стадии переоформления), поперечного и выемчатого концевого ретуширования мало распространены. Среди орудий на микропластинках представлены немногочисленные микрорезцы и острия с дугообразной спинкой, миниатюрные МППК с одним, очень редко обоими, поперечно ретушированными концами. Из стоянок Среднеднепровского бассейна по описанным технико-морфологическим признакам с пластом поздних деснинских памятников целиком соотносятся памятники межиричско-добраничевской культуры. Размеры заготовок кремневых орудий Добраничевской и Межиричской стоянок, а вероятно и Гонцов, облик ретушных резцов, микропластинчатых изделий находят соответствие именно в тимоновско-юдиновском культурно-хронологическом пласте.

Определенную трудность в понимании процессов культурной трансформации этого периода представляют материалы памятников Волго-Окского междуречья. Здесь памятники исследуемого времени имеют достаточно спорную оценку. Переходный этап от граветтийской к постграветтийской эпохе представлен верхним культурным слоем Зарайской стоянки. Однако разброс абсолютных дат от 15 до 18 тыс. лет назад и типологическое единство его материала с находками из нижележащего культурного слоя, датирующегося 19-21 тыс. лет назад, противоречат столь уверенной поздней датировке комплекса. Вряд ли хронологический разрыв двух культурных слоев был значительным. Трудно допустить переживание типичных граветтийских традиций в Волго-Окском междуречье в период, когда на остальной территории Русской равнины таковые уже отмерли. Консерватизм культурных традиций этого региона противоречил бы общему направлению эволюции кремневого инвентаря. К сожалению, более поздние памятники самого Волго-Окского междуречья не позволяют пока наметить направления местного культурного развития. Коллекция Карачаровского местонахождения, датированная радиоуглеродным методом 15 тыс. лет назад, является неполной и имеет достаточно архаичный облик. Немногочисленные материалы из Шатрищ, имеющих даты 12 и 14 тыс. лет назад, и, вероятно, нижний слой Алтыново, судя по новым данным относящемуся к этому времени (Кравцов 1998), для археологического анализа практически бесполезны. Лишь комплекс стоянки Заозерье 1 (Фролов 1987) доступен для исследования, но он не обладает абсолютной датировкой. Кремневый инвентарь последнего памятника, тем не менее, имеет черты, сближающие его с ранней группой поздневалдайских памятников Русской равнины. Орудия изготовлены на достаточно крупных пластинчатых заготовках до 80 мм длиной. Большинство

орудийных форм — ретушные резцы с поперечно и выемчато оформленными рабочими концами. Единичным изделием представлено острие с дугообразно ретушированным краем. Нет микропластинок с притупленным краем и поперечно ретушированными концами. Таким образом, граветтийских черт в комплексе не обнаруживается. Более всего последний сопоставим с Елисеевичами. Остальные памятники Волго-Окского междуречья, относимые к финалу плейстоцена (Золоторучье 1, Федюково, Авсерьгово 1, нижний слой Скнятино), по-видимому, уже относятся к иной культурно-исторической общности.

Суммируя выразительные признаки кремневого инвентаря памятников поздней поры верхнего палеолита и представления о абсолютном возрасте памятников на Русской Равнине, можно представить самые общие результаты в таблице:

	1-ая хронологическая группа	**2-ая хронологическая группа**
Основные черты кремневого инвентаря	1. Достаточно крупные размеры основной массы пластинчатых заготовок орудий (длиной до 6-7 см и более). 2. Микропластинки с притупленным краем и естественными концами, реже острийными завершениями. 3. Прямо-косоретушные, реже дугообразные, тронкированные формы концов ретушных острий и резцов, часто выемчатые, образующие углы с краями. 4. Острия типа “шательперрон” на пластинчатых заготовках, часто с прямо ретушированным нижним концом, а также смежная с ними категория пластин с высокой притупливающей краевой ретушью	1. Небольшие размеры основной массы пластинчатых заготовок орудий (в среднем длиной 4-5 см). 2. Микропластинки с притупленным краем и естественными концами, поперечными скребковидными окончаниями, редко острийными завершениями. 3. Дугообразные выпуклоретушные формы концов ретушных острий и резцов, не образующие или образующие сглаженные углы с краями, при устойчивом присутствии прямо-косоретушных. 4. Острия типа “микрошательперрон” или сегментовидные, немногочисленные, в основном на микропластинках.
Памятники	Мезин, Елисеевичи 1-2, Юревичи, Костенки 11(1а) (?), Костенки 3, Костенки 21(1), Костенки 19, Кирилловская (?), Заозерье 1 (?).	Юдиново, Тимоновка 1-2, Бугорок, Супонево (?), Чулатово 2, Межирич, Добраничевка, Гонцы, Борщево 2, Карачиж, Чернетово, Косица (?).
Датировка	Конец максимума похолодания валдайского оледенения ? поздневалдайское время (17/16-15/14 тыс. л. н.)	Финальный Валдай и позднеледниковье (15/14- 14/13 тыс. л. н.)

Выделение по техно-морфологическим критериям двух хронологических групп поздневалдайских памятников позволяет найти точки соприкосновения граветтоидных и более поздних комплексов, наметить динамику развития кремневого инвентаря. Сходство кремневого инвентаря Мезина с граветтоидными орудийными наборами Борщево 1 и Костенок 21(3), реалистичная женская статуэтка и мергелевая пластика Елисеевичей 1, орудия типа ножей «шательперрон», иногда с ретушированным основанием, встреченные в большинстве ранних комплексов (вариант аносовско-гмелинских и пушкаревских острий) указывают на определенную преемственность обоих этапов КИО охотников на мамонтов. Эта преемственность однако, как не парадоксально, фиксируется лишь на отдельных разрозненных признаках явно разнокультурных памятников, как будто граветтийское «наследство» поделено между многочисленными наследниками. Можно говорить о хронологической преемственности, но не продолжении традиций. Таким образом, термин «эпиграветт», как культурное явление, видимо, несостоятелен. Период позднего Валдая на Русской равнине характеризовался исчезновением граветтийских традиций, прежде всего в кремневой индустрии и лишь во второй степени — в искусстве.

Сложение культур позднеледниковья по-видимому многокомпонентно и уходит корнями во время максимального валдайского похолодания — период, который определяет дискретность развития двух этапов КИО охотников на мамонтов.

Резюмируя, можно определить основные черты развития кремневого инвентаря памятников поздней поры верхнего палеолита Центра Русской равнины. На раннем этапе в комплексах преобладают орудия на крупных и средних по размерам пластинах, присутствует небольшая, но устойчивая серия острий на пластинчатых заготовках с дугообразно ретушированным краем и иногда с поперечно оформленным или черешковидным основанием; микропластинки с притупленным краем имеют естественные, редко острийные завершения; широко распространен прием усечения ретушью кон-

цов орудий — среди резцов и острий преобладают поперечные-скошенные и выемчатые формы концов; представлены долотовидные изделия и связанный с ними прием вентральной обработки концов. На втором этапе большинство орудий изготовлено на средних и мелких пластинчатых заготовках; острия с дугообразно ретушированным краем сделаны преимущественно из микропластинок; среди микропластинок с притупленным краем устойчивой серией представлены прямоугольники с поперечно ретушированными концами; острия, ретушные резцы изготавливались, в основном, на естественных концах заготовок, часто имеют выпуклоретушную форму; вентральная обработка почти не практиковалась, долотовидные формы немногочисленны. В целом, динамика развития кремневого инвентаря поздневалдайских памятников состоит в стремительном изживании граветтийских традиций, уменьшении размеров заготовок и упрощении приемов вторичной обработки орудий.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова З.А. 1987. Новые исследования Юдиново 1. / / КСИА, 189. М.-Л, с. 72-75.

Абрамова З.А. 1995. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново, 1. СПб.

Абрамова З.А. Григорьева Г.В. Кристенсен М. 1997. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново, 2. СПб.

Абрамова, Григорьева 1997. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново, 3. СПб.

Борисковский П.И. 1953. Палеолит Украины. / / МИА, 40, М.-Л.

Будько В.Д. 1967. Юдиновское верхнепалеолитическое поселение. / / АО 1966 г. М, с. 27-29.

Будько В.Д. 1970. Палеолит. / / Очерки по археологии Белоруссии. Минск, с. 9-48.

Величко А.А., Грехова Л.В., Куренкова Е.И. 1997. Первобытный человек в экстремальных условиях среды. Стоянка Елисеевичи. М.

Величко А.А. Грехова Л.В. Губонина З.П. 1977. Среда обитания первобытного человека тимоновских стоянок. М.

Величко А.А. Грехова Л.В. Ударцев В.П. 1977. Новые данные по археологии, геологии и палеографии стоянки Елисеевичи. / / Палеоэкология древнего человека. М, с. 96-105.

Гаврилов К.Н. 1994. Специфика кремневых комплексов среднеднепровских стоянок поздневалдайского времени (сравнительная типология предметов со вторичной обработкой). / / Автореф. канд. дисс.

Гвоздовер М.Д. Григорьев Г.П. Деопик Д.В. Леонова Н.Б. 1979. Морфологическое описание пластинок с притупленным краем и статистический анализ их совокупности на этой основе. / / Древняя история народов юга Восточной Сибири, 1. Иркутск, с. 7-59.

Гладких М.И. 1973. Поздний палеолит лесостепного Поднепровья. / / Автореф. канд дисс.

Грехова Л.В. 1966. Верхнепалеолитическая стоянка Карачиж./ /Тр. ГИМ, 40, М, с. 7-10.

Грехова Л.В. 1970. Тимоновские стоянки и их место в позднем палеолите Русской равнины. / / Автореф. канд. ист. наук. М.

Грехова Л.В. 1985. Позднепалеолитическая стоянка Елисеевичи 2. / / СА, 1. М, с. 131-142.

Грехова Л.В. 1990. Археологический аспект радиоуглеродных дат стоянки Елисеевичи. / / Бюллетень КИЧП, 59, с. 111-115.

Кравцов А.Е. 1998. К вопросу о генезисе иеневской культуры. / / Тверской археологический сборник, 3. Тверь, с. 203-208.

Ксензов В.П. 1988. Палеолит и мезолит белорусского Поднепровья. Минск

Куренкова Е.И. 1980. Радиоуглеродная хронология и палеогеография позднепалеолитических стоянок Верхнего Приднепровья. / / Автореф. канд дисс. М.

Левенок В.П. 1966. Мезолит среднерусского Днепровско-Донского междуречья и его роль в сложении местной неолитической культуры. МИА, 126. М.-Л, с. 88-98.

Палеолит СССР. М-Л. 1984

Поликарпович К.М. 1968. Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск.

Попов В.В. 1989. Развитие позднепалеолитической культуры Восточной Европы по материалам многослойной стоянки Костенки 11. / / Автореф. канд. дисс. Л.

Сапожников И.В. 1989. К характеристике аккаржанской культуры. / / Проблеми Історрії та археології давнього населения Української РСР. Київ, с. 199-200.

Станко В.Н. Григорьева Г.В.. 1977. Исследование памятников каменного века на р. Ингул. / /Древности Поингулья. Киев, с. 37-51.

Станко В.Н. Григорьева Г.В. Швайко Т.Н. 1989. Позднепалеолитическое поселение Анетовка II. Киев.

Тарасов Л.М. 1980. Исследования мустьерской стоянки Бетово./ / АО 1979 г. М, с. 81-82.

Тарасов Л.М. 1981а. Позднепалеолитическая стоянка Косица./ / КСИА, 165. М, с. 50-55.

Тарасов Л.В. Палеолит бассейна Десны. / / Автореф. докт. дисс. Л.1991.

Фролов А.С. 1987. Стоянка Заозерье 1 на Москва-реке / / КСИА, 189. М, с. 75-83.

Хайкунова Н.А. 1992. Резцы верхнепалеолитической стоянки Супонево (Опыт классификации). // РА, 2. М, с. 123-135.

Шовкопляс І.Г.. 1950. Супоневьска палеолітична стоянка. / / Археологія, IV, Київ, с. 177-183.

Шовкопляс І.Г. 1951. Житла Супоневьскоі палеолітичноі стоянки. / / Археологія, V, Київ, с. 127-142.

Шовкопляс И.Г. 1965. Мезинская стоянка. Киев.

Лисицын Н.Ф.

О ЕВРОПЕЙСКО-СИБИРСКИХ КОНТАКТАХ В ПОЗДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ

Lisitsyn N.F. About the European-Siberian contacts in the late Palaeolithic.

The specific features of the Siberian Palaeolithic are: working of big tools of the Mousterian type and micro articles at the sites. The settling of Siberia was connected with the migration from south from the Central Asia. The hypothesis of settling of the north Asia from west was advanced by A.P.Okladnikov. He considered the European materials of the sites Malta and Bureti in the West Siberia close to each other. The emigrants from Russian plane brought with themselves the techniques of working of tools of the «European appareance» on the plates.

The finds of the sites with lamellar inventory of small size in the valley of Enisei (Tarachiha, the mountain of Afanasiev, Shlenka), West Siberia (Achinskaya, Tomsk site), in Ural (the site of Talitsky) allow to talk about the European–Siberian contacts 20-18 thousands years ago. The sources of formation of this «Gravettian» inventory have to be searched in the Malta-Buret culture.

In the valley of Enisei there were found even more ancient sites with the Aurignacian set of inventory. The articles of the site of Sabaniha (23 thousand years ago) find complete analogues in the collection of Kostenki -14 (second layer) in the Russian plain.

On the basis of facts the site of Little Sia is close to the site of Sabaniha.

The classical Siberian Palaedithic grows from the Mousterian of North Asia. The appearance in Siberia lamellar technics should be connected with the European influence. Time of appearance – about 25 thousands years ago.

Со времени открытия сибирского палеолита не утихают дискуссии о его происхождении и месте в системе каменного века Евразии. Наиболее известны теории: стадиальности, локальности, миграций (Ларичев 1969:35-37). Суть первой заключалась в том, что палеолит Европы и палеолит Сибири имеют в основе одни и те же общие закономерности или стадии развития культур каменного века. Единые законы развития природы и общества определяют сходство материальной культуры на Русской Равнине и в Северной Азии.

Смешение в одном комплексе стоянок архаичных галечных орудий, скребел мустьерского вида и мелкого инвентаря, неизвестное для европейских коллекций, являлось долгое время свидетельством своеобразия сибирского позднего палеолита. Концепция локального происхождения палеолита Северной Азии отвергла какие-либо посторонние воздействия, влияния, заимствования на формирование культур каменного века в Сибири. Элементы сходства между памятниками объяснялись стадиальной близостью, явлением конвергенции. «Наличие в сибирском палеолите изделий сходных с европейскими или северо-китайскими формами орудий, не должно давать повода для каких-либо миграционных построений» (Сосновский 1934:282).

Начиная с 1871 года, в Сибири на протяжении более 70 лет исследовались только позднепалеолитические памятники. Отсутствие мустьерских находок вынуждало даже сторонников своеобразия сибирского палеолита не отказываться полностью от теории миграций. Первоначальное заселение Северной Азии связывалось с движением древних охотников с юга или юго-запада на север. Вопрос о заселении Сибири с запада наиболее полно начал разрабатывать А.П.Окладников, основываясь на итогах раскопок стоянок Мальта и Буреть в Приангарье. Открытие на этих памятниках своеобразной индустрии «европейского облика» поставило под сомнение теорию автохтонного развития североазиатского каменного века, тем более, что мальтинская стоянка оказалась наиболее древним памятником в этом регионе. С европейскими материалами последнюю сближало, по мнению А.П.Окладникова, коллекция каменных изделий, обработка кости, своеобразное искусство, общие черты домостроительства. Возможность открытия памятников мустьерского времени и тем более предшествующих эпох исследователь считал маловероятной, поэтому первоначальное освоение Сибири связывалось им с расселением «солютрейской» культуры охотников Великой Русской равнины с запада на восток (Окладников 1950:152-155). Генетические корни ангарских стоянок предлагалось искать в круге восточноевропейских памятников, подобных Костенкам, Гагарино, Мезин. Позднее инвентарь Мальты сравнивался с «ориньякскими» изделиями. Мальто-буретская культура рассматривалась как яркий, но изо-

© Лисицын Н.Ф., 1999.

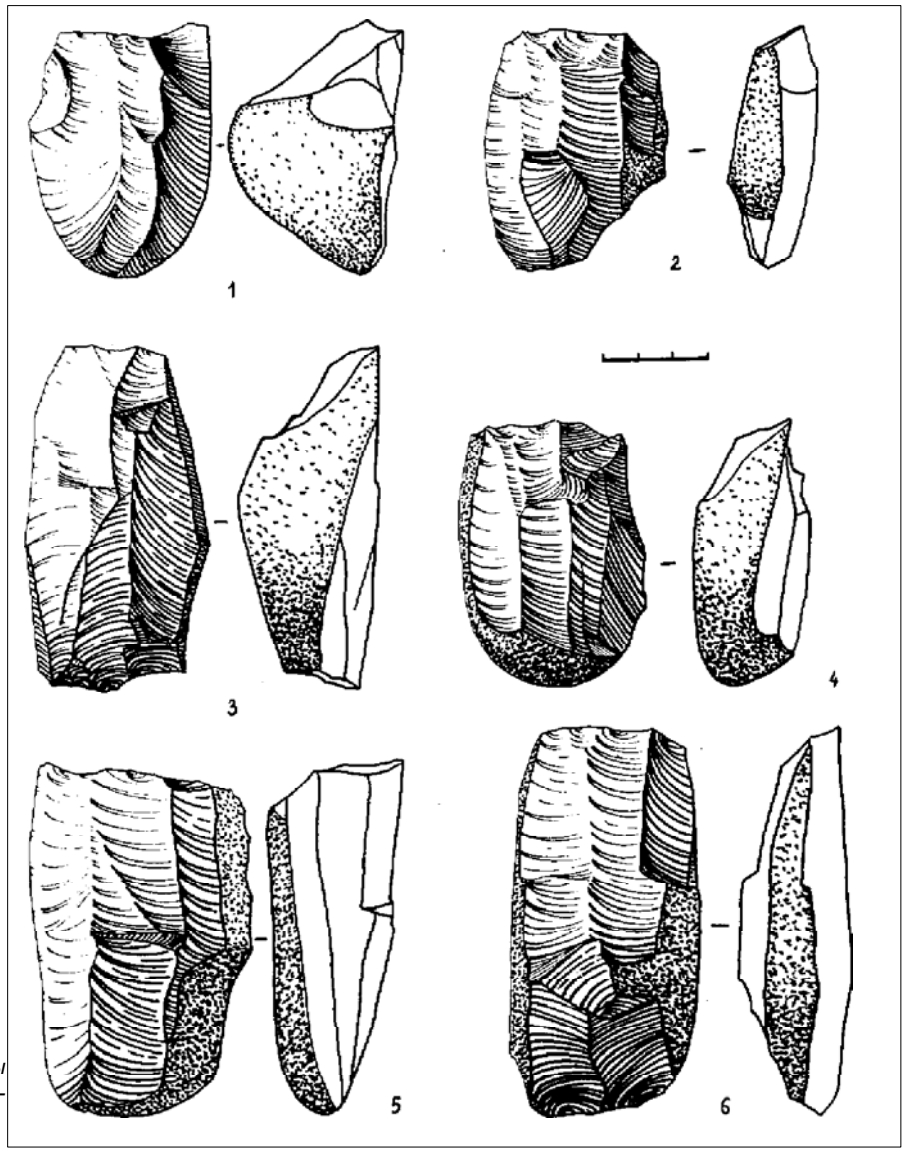

Рис.1. Нуклеусы стоянки Сабаниха.

лированный эпизод, вклинившийся 20-21 тыс. лет назад в историю местного населения Приангарья (Окладников 1981:114).

Отсутствие стоянок с европейским набором инвентаря между Уралом и Байкалом делало гипотезу А.П.Окладникова очень уязвимой для критики. Островская стоянка, открытая М.В.Талицким на р.Чусовой, стала первым памятником, материалы которого сравнивались с Мальтой (Бадер 1960:92-93). Аналогии инвентаря этой уральской стоянки находят и в костенковских памятниках городцовской археологической культуры Русской равнины, причем речь идет не о явлении конвергенции, а о допустимости культурно-генетических связей (Аникович 1991:30-31). Открытие и раскопки Ачинской стоянки в Западной Сибири, особенно работы В.Е.Ларичева в 1972 г., дали новый толчок к обоснованию теории миграций. «Эти находки, как считает А.П.Окладников, подтверждают мысль о генетических связях мальтинско-буретской культуры с западом, поскольку заполняют огромный территориальный разрыв между Мальтой и Буретью с одной стороны, палеолитом Восточной Европы — с другой (Окладников 1974:186).

Действительно, своеобразные пластинчатые комплексы Мальты, Бурети и Ачинской стоянки не вписываются в линию эволюционного развития индустрии Северной и Центральной Азии. Судя по многолетним исследованиям в Монголии, поздний палеолит в этом регионе постепенно вырастает из древнего. В инвентаре стоянок господствует техника отщепа; основными орудиями являются скребла, отщепы с ретушью. В Монгольском Алтае на 100 позднепалеолитических местонахождениях собрано всего 148 пластин с ретушью (Петрин 1991:38-39). В Туве процентное соотношение пластин со вторичной обработкой в позднем палеолите еще меньше (Астахов 1993:48). В Горном Алтае на российской территории мустьерская техника об-

работки камня сохраняется, судя по пещерным стоянкам, вплоть до голоцена. В наборе орудий основное место занимают скребла различных вариантов (Деревянко, Маркин 1992:206-219). Представляется очевидным, что «классический» сибирский палеолит имеет истоки в мустье Саяно-Алтая. Афонтовская позднепалеолитическая культура на Енисее, куналейская и ошурковская культуры в Забайкалье являются эталонами этой линии развития.

Для решения вопроса о генезисе пластинчатых индустрий «европейского облика» Сибири большое значение имеют находки в Южной Сибири. На Енисее в последние десятилетия выявлена группа стоянок, имеющих аналогии в Мальте и Ачинской: Тарачиха, Афанасьева Гора, Шленка (Абрамова 1983; Лисицын 1987; Астахов, Зубарева и др. 1993). Возраст находок, судя по радиоуглеродным датам, в пределах 20-18 тыс. лет назад. Среди ядрищ встречены мелкие односторонние, есть дисковидные и подконической формы с широкой округлой ударной площадкой. Нет торцовых микроядрищ. В основе каменной индустрии стоянок лежит техника отделения с небольших галечек мелких тонких пластинок, из которых изготавливались орудия. Инвентарь: мелкие пластинки с притупленной спинкой, пластинки с усеченным и ретушированным концом, пластинки с выемками, атипичные острия, проколки, концевые и округлые скребки. Есть группа скребков высокой формы на небольших массивных отщепах. Резцы немногочисленны, единичны скребла, галечные орудия. Нет крупных остроконечников, долотовидных форм (Лисицын 1988:54-55). Набор изделий по сравнению с мальтинским выглядит более микролитичным, ближе по размерам к коллекции Ачинской стоянки.

Енисейские стоянки с мелкой пластинчатой индустрией вместе с Ачинской, Островской стоянками образуют круг памятников, отражающих поздний этап мальтинско-буретской культуры.

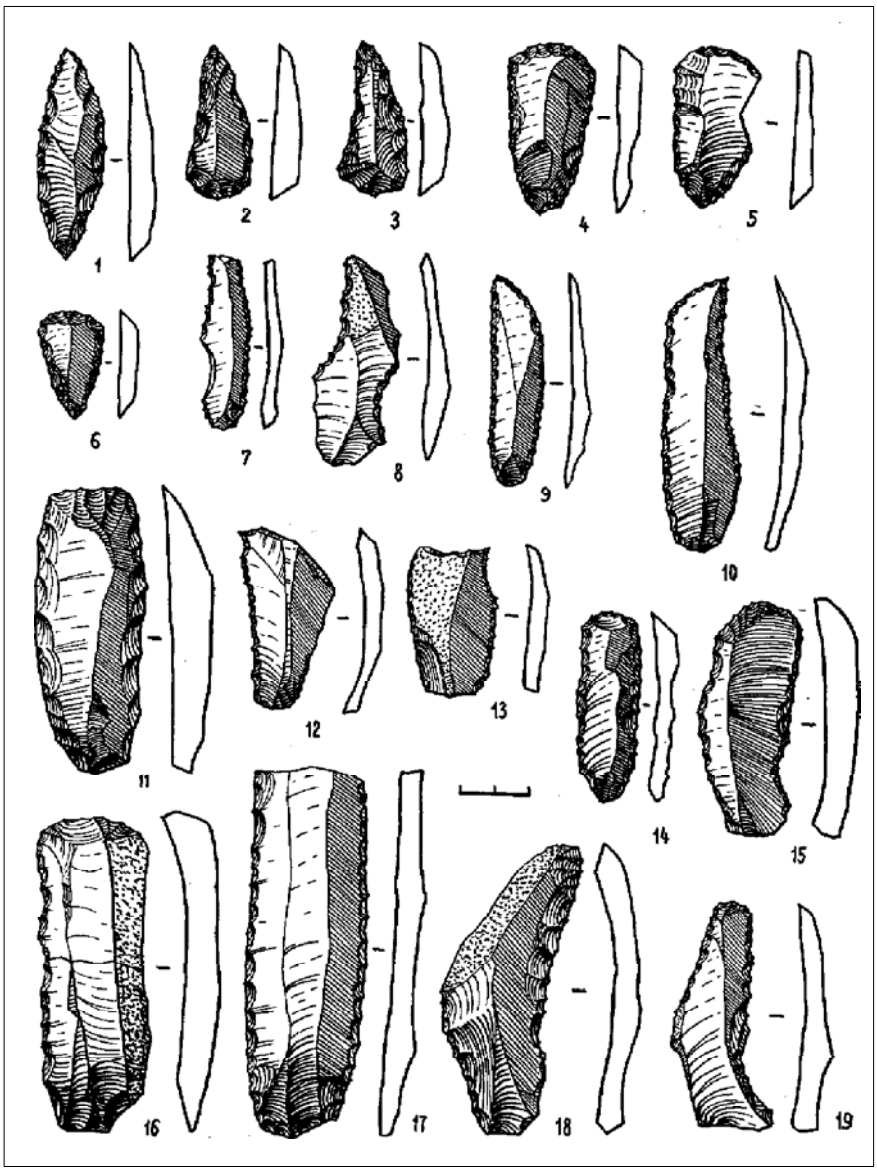

Рис.2. Орудия стоянки Сабаниха
1,9,10 - острия 2,3 - скребки-острия 4-6,14-16 - скребки 8,18,19 - выемчатые орудия 7,17 - пластины с ретушью 11 - стамеска 12-13 - проколки.

В эту группу следует включить и Томскую стоянку, материалы которой близки стоянке Талицкого (Абрамова, Матющенко 1973). Аналогии подобным комплексам можно найти на Русской равнине среди инвентаря поселений «граветтоидного» пути развития.

Более ранние пластинчатые комплексы представлены инвентарем стоянки Сабаниха на Енисее и стоянки Малая Сыя на Чулыме. Оба памятника находятся в Хакасии на расстоянии около 100 км по прямой друг от друга. В коллекции преобладают нуклеусы с прямыми и скошенными ударными площадками и с субпараллельным или вееровидным принципом расщепления. Есть крупные галечные торцовые, немногочисленны дисковидные, единичны микроформы. В орудийном наборе много ретушированных пластин, концевых скребков разных вариантов, в том числе двойные и высокой формы. Есть скребки со стамесковидным лезвием. Представлена группа зубчато-выемчатых орудий, среди которых выделяются ножи с вогнутым краем («коленчатые ножи»). Найдены плоские наконечники-унифасы с краевой ретушью, двойные проколки и проколки со скошенным на углу пластины шипом. Немногочисленны резцы, скребла, единичны долотовидные орудия, комбинированны формы. Среди костяного инвентаря выделяются наконечники удлиненной формы, овальные в сечении и без характерного для сибирских памятников продольного паза для вставки каменных пластин-вкладышей (рис. 1; 2).

Материалы Сабанихи и Малой Сыи находят аналоги в круге «ориньякоидных» индустрий Русской равнины. Наиболее близкое сходство коллекции Сабанихи можно найти в материалах второго слоя стоянки Костенки-14 (Палеолит... 1982). Основное отличие — группа галечных орудий в коллекциях хакасских памятников. Существующая схема разделения галек с обработкой на чопперы и заготовки нуклеусов достаточно условна, и вполне возможно, что галечные орудия могут быть заготовками ядрищ (Ларичев 1976:18-19). Возраст Сабанихи, судя по радиоуглеродным датам в пределах 23 тыс. лет. Хронологические рамки существования поселения Малая Сыя следует еще уточнить (Муратов, Оводов и др. 1982). Судя по данным палинологии, биостратиграфии, дате по угольному образцу (20 тыс. лет), которым не противоречат и геолого-геоморфологические наблюдения, эта стоянка может быть даже несколько моложе Сабанихи. Интересно отметить, что пластинчатые индустрии в Хакасии существовали уже в полностью сформированном виде.

Поздний палеолит Сибири имеет таким образом две линии развития. Формирование «классического» позднего палеолита на базе мустьерских комплексов Саяно-Алтая начинается в рамках 25-30 тыс. лет назад. Пластинчатая индустрия «европейского облика» появляется в Северной Азии около 23-25 тыс. лет назад, истоки ее следует искать на Русской равнине. Вряд ли появление в Сибири подобной техники обработки камня можно объяснить явлением конвергенции. Можно предположить, что первые мигранты из Европы принесли с собой полностью сформированный набор орудий.

Более поздний этап существования пластинчатой индустрии Северной Азии представлен материалами Мальты и Бурети (21-20 тыс. лет назад). Начинается процесс уменьшения размеров изделий, исчезают орудия на крупных заготовках — основой для изготовления орудий начинает служить пластинка средних размеров. Появляются многофасеточные резцы, многочисленные мелкие острия. Эти приангарские стоянки по-прежнему остаются самыми «европейскими» из всех сибирских памятников (Медведев 1983:37).

В период 20-18 тыс. лет тому назад процесс микролитизации инвентаря в Сибири достигает ступени, сходным с «граветтийским эпизодом» Европы. Наряду с ранее бытовавшим комплексом изделий появляются пластинки с притупленным краем, мелкие острия с притупленной спинкой, увеличивается количество резцов. Намечается цепочка, близких в хронологическом плане, стоянок от Урала до Байкала (стоянка Талицкого, Томская, Ачинская, Тарачиха, Афанасьева Гора, Шленка, Красный Яр). В это время зарождается техника торцового микронуклеуса, ставшего позднее непременной принадлежностью в коллекциях стоянок Северной Азии и Северной Америки.

Интересно отметить, что на протяжении нескольких тысячелетий пластинчатая техника Сибири, имеющая аналоги в Европе, развивалась независимо от параллельно существовавших местных «мустьероидных» позднепалеолитических комплексов. Этапы развития сибирской пластинчатой индустрии повторяли европейские, но с запозданием во времени.

Развитие мальтинско-буретской культуры прерывается неожиданно. С 18-17 тыс. лет назад и вплоть до финала палеолита с Северной Азии появляются индустрии очень значительно отличающиеся от европейских. В Западной Сибири, на Алтае, в бассейне Енисея, в Забайкалье появляется ряд археологических культур, в коллекциях которых встречаются специфичные клиновидные микронуклеусы, крупные «архаичные» орудия (чопперы, чоппинги, скребла, скребловидные формы (и мелкие изделия), микроскребки, проколки, долотовидные формы). Это явление А.П.Окладников (1950:153-155) объяснял нарушением традиционных связей между палеолитическими племенами Сибири и Восточной Европы.

В бассейне Енисея победу азиатского пути развития над европейским можно видеть в материалах афонтовской культуры. В то же вре-

мя, вероятно, нельзя говорить о полном отсутствии контактов между населением Русской равнины и Сибирью. Завершая обзор о европейских аналогах в Северной Азии, нельзя не остановиться на совершенно загадочном комплексе стоянки Голубая-1 в Саянском каньоне Енисея (Астахов 1993:40). Материала недостаточно для широких обобщений, но собранная коллекция не вписывается в рамки «сибирского» палеолита. В орудийный набор входят: концевые скребки, пластинки с ретушью, резцы (в том числе многофасеточные), пластинки с выемками. Остальные изделия немногочисленны, включая скребла на пластинках. Мелкие вторичные торцовые ядрища полностью отличаются от изделий сибирского круга комплексов и похожи на многофасеточные резцы. Возраст стоянки по радиоуглеродным определениям в пределах 13-12 тыс. лет и синхронен мадленским памятникам Европы. Голубая-1 — единственный памятник с пластинчатой техникой, расположенный в окружении группы стоянок афонтовской культуры.

Таким образом, можно предположить, что европейско-сибирские контакты в позднем палеолите возникли около 25 тыс. лет назад и существовали на протяжении 10-12 тыс. лет. Сходство пластинчатых комплексов Русской равнины и Сибири нельзя объяснить явлением конвергенции, так как в Северной Азии одновременно развивались индустрии, полностью чуждые европейским.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова З.А. 1983. Палеолитическая стоянка Тарачиха на Енисее. // КСИА,173,43-50.

Абрамова З.А.,Матюшенко В.И. 1973. Новые данные о Томской палеолитической стоянке // Из истории Сибири, 5,16-23.

Аникович М.В. 1991. Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы. Автореф. дисс. докт. ист. наук. С-Петербург.

Астахов С.Н. 1993. Палеолит Тувы. Автореф. дис. докт. ист. наук. С-Петербург.

Астахов С.Н.,Зубарева Г.Ю., Лисицын Н.Ф., Ямских А.Ф.. 1993. Палеолитическая стоянка Шленка // Российская археология, 3,140-148.

Бадер О.Н. 1960. Основные этапы этнокультурной истории и палеогеографии Урала // Материалы Института археологии,79,89-93.

Деревянко А.П., Маркин С.В. 1992. Мустье Горного Алтая. Новосибирск.

Ларичев В.Е. 1969. Теории первоначального заселения Северной Азии палеолитическим человеком и формирования его культуры // материалы конф. «Этногенез народов Северной Азии»,Новосибирск,1,35-37.

Ларичев В.Е. 1976. У истоков верхнепалеолитических культур и искусства Сибири // Рериховские чтения: тезисы конф. Новосибирск.

Лисицын Н.Ф. 1987. Афанасьевская Гора // Северная Азия в эпоху камня. Новосибирск, с.23-36.

Лисицын Н.Ф. 1988. Палеолитические стоянки Мальтино-буретского типа в Южной Сибири // Проблемы взаимосвязи природы и общества в каменном веке в Средней Азии. Ташкент, с. 54-55.

Медведев Г.И. 1983. Палеолит Южного Приангарья. Автореф. дис. докт.ист.наук. Новосибирск.

Муратов В.М., Оводов Н.Д., Панычев В.А., Сафарова С.А. 1982. Общая характеристика палеолитической стоянки Малая Сыя в Хакасии. // Археология Северной Азии. Новосибирск, с.33-48.

Окладников А.П. 1950. Освоение палеолитическим человеком Сибири // Материалы по четвертичному периоду СССР, Москва-Ленинград, 2,150-158.

Окладников А.П. 1981. Палеолит Центральной Азии. Новосибирск.

Окладников А.П., Абрамова З.А. 1974. Первоначальное освоение палеолитическим человеком Сибири и Дальнего Востока // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. Москва, с. 184-187.

Палеолит 1982. — Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону.1879-1979. Ленинград.

Петрин В.Т. 1991. Палеолит Западной Монголии. Автореферат дисс.докт.ист. наук. Новосибирск.

Сосновский Г.П. 1934. Палеолитические стоянки Северной Азии // Труды II Международной конф. Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы, Ленинград — Москва — Новосибирск, 5, с.246-304.

Ткаченко В.И.

АККУЛЬТУРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД ОТ РАННЕГО К ПОЗДНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ.

Tkacenko V. The process of assimilation into the transitional period from the Earlier to Late Palaeolithic in Central Europe.

The analysis of the most vivid Aurignacian industries of Check, Slovakia, Romania, Moldova and Western Ukraine allows to talk about the existence of Palaeolithic associations, the formation of which was conditioned by the activity of the assimilation process. It is manifested by a "selective" assimilation of the native population (of a certain part of *Homo neanderthalensis*) by the newcomers – already *Homo sapiens* long before. The penetration of the latter from the Near East already in the Mousterian time was being realized in the form of a poly impulse migration. It is quite probable that the native population borrowed some rational technical methods from the newcomers. The existence of a whole range of specific Upper Palaedithic articles in the industry of Chatelperron type confirms this fact. As a clear illustration of this can serve the upper Palaeolithic phenomenon of Cordevs in Zakarpatie (West Ukraine).

The other part of the Upper Palaeolithic groups (they compose the majority) – typical Aurignacian groups – migrants with specific local features, who evidently, did not make contacts with the native population. Later the successors of their traditions could be Gravettian communities. This is the explanation of the Gravettian "explosion", that coincides with the beginning of the Middle Aurignacian time, the period of the "last of the Mohicans" – Neanderthal groups that were disappearing everywhere.

Проблема аккультурации в палеолитическое время хотя и рассматривается уже довольно давно, однако до ее окончательного решения еще очень и очень далеко, и к тому же она имеет откровенно дискуссионный оттенок (напр., Allsworth-Jones 1986; Mellars 1989; Otte 1995 и др.). Концептуально такое понятие, как «аккультурация», должно, разумеется, рассматриваться здесь только в контексте упрощенного понимания чрезвычайно сложного процесса, протекавшего на рубеже перехода от раннего к позднему палеолиту. Поэтому термин, который взяли на вооружение многие специалисты из различных областей археологии (к примеру, в таком широком диапазоне, как «палеолит-средневековье»), употребляется ими лишь в своем наиболее общем значении как какая-то возможная форма трансмиссии идей, технологий, «поведения» и т.д. между двумя или несколькими близкими либо разнородными коллективами населения (Mellars 1989: 353).[1]

Таким образом попытаемся рассмотреть этот важный вопрос, приобщая для этого лишь те конкретные данные, которые непосредственно касаются переходного периода от раннего к позднему палеолиту в Центральной Европе, а также фактический материал прикладного содержания, рассматриваемый здесь лишь в самых общих чертах и в общетеоретическом плане.

В Центральной Европе имеются памятники, традиционно относящиеся к селето-ориньякским индустриям. То есть, они интерпретируются уже как вполне позднепалеолитические, где, однако, всегда в той или иной мере присутствует мустьерский компонент (двусторонние ножи с обушками, селетоидные острия и другие раннепалеолитические орудия). Например, в Чехии это такие индустрии, как Кржепице, Диваки, Пржеставлк, Купаржовице I и некоторые другие, в Словакии — Кехнец I, в Румынии — Бойнешти (нижний слой 1), Реметя-Сомеш II, Калинешти I, в Венгрии — Ишталлошке (нижний горизонт), Пешке, в Молдове — Брынзены I (грот, III к.с.), Корпач-Мыс (средний к.с.), Корпач (IV к.с.), в Украине — Радванская гора, Берегово III, IV, Заставное, Квасово. К сожалению, материалы некоторых из этих памятников собраны прямо на поверхности (это обстоятельство и стало для отдельных исследователей лишним козырем считать такие палеолитические комплексы смешанными). Напротив, существуют памятники, чьи культурные остатки зафиксированы in situ (правда, обозначенные для них временные рамки преимущественно не имеют достаточных на то доказательств). К таким индустриям обычно зачисляют Купаржовице I, Бойнешти (нижний слой 1), Рометя-Сомеш II,

1 Содержание, вложенное западными коллегами , некоторым образом отличается от общепринятого: "аккультурация" отвечает буквально синониму "ассимиляция". Я употребляю этот термин в близком значении, понимая под ним лишь частичную ассимиляцию либо "культурный взаимоконтакт", о чем подробнее будет идти речь в тексте данной статьи.

© Ткаченко В.И., 1999.

Калинешти I, Ишталлошке (нижний гор.), Брынзены I (III к.с.), Корпач-Мыс (средний к.с.), Корпач (IV к.с.). Поэтому важно хотя бы вкратце проанализировать представленные здесь индустрии.

Чешская индустрия Купаржовице I исследовалась М.Оливой и отнесена им к среднеориньякским памятникам (Oliva 1989: 251-264). Если рассматривать этот материал с точки зрения технико-типологической характеристики, каких-либо особенных возражений или замечаний не возникает. Если же принять во внимание предложенное чешским исследователем стратиграфическое обоснование памятника, здесь-то и появляются серьезные сомнения. Ведь в основном скоплении артефактов не встречается ни единой находки, которая хоть как-то была бы зафиксирована в четких стратиграфических условиях, кроме выявленных отдельных и неясных в культурном отношении находок далеко за пределами местонахождения (Oliva 1989: 251-264). Следовательно, исходя из технико-типологического анализа индустрия вполне позднепалеолитическая параллельная пластинчатая. Среди орудий превалируют резцы (такие индустрии М.Олива относит к одной из предложенных им фаций; см.: Oliva 1980, с.48-71). Имеют место скребки (24%), скребла (14%), атипичные острия, а так же листовидные наконечники селетоидного типа. Другие, упомянутые здесь чешские памятники не имеют никакой мало-мальски обоснованной стратиграфической привязки.

На Бойнешти, исследованной М.Битири, выявлено несколько культурных слоев, один из которых — нижний — рассматривается исследовательницей как мустьерский (Bitiri 1972: 63-66). На мой взгляд, это не совсем отвечает действительности. Судя по данным анализа материала, техника расщепления здесь уже вполне позднепалеолитическая, параллельная пластинчатая (из представленных на рисунках нуклеусов нет ни одного примитивного или леваллуазского ядрища и, напротив, все нуклевидные призматические, среди которых присутствуют торцевые и даже экземпляры для снятия микропластинок (Bitiri 1972: 161-163). Относительно предложенного румынской исследовательницей обоснования палеопочвы, соотносимой с одним из ранних вюрмских интерстадиалов и непосредственно увязываемой с рассматриваемым материалом, можно сказать следующее: в этом нет ничего подозрительного, что бы указывало на расхождения с общепризнанными современными представлениями. Подобных явлений ранних проявлений позднего палеолита сейчас можно привести предостаточно и при этом надежно обоснованных на весьма надежном научном уровне.

Аналогичная ситуация характерна и для других румынских индустрий, таких как Рометя-Сомеш II и Калинешти I. Относительно материалов из нижнего слоя (1) Рометя-Сомеш I можно констатировать лишь то, что и здесь румынская исследовательница, возможно, ошибается, определив их как мустьерские и несколько древнее аналогичных бойнештских. Из опубликованных рисунков, на мой взгляд, видно, что и эта индустрия, как и предыдущие, вполне позднепалеолитическая параллельная пластинчатая (Bitiri 1972: 168-175). Правда, здесь, как и в рассмотренных ранее индустриях, встречаются двусторонние орудия селетоидного типа, которые в процентном отношении незначительны.

Венгерский памятник Ишталлошке принадлежит к местонахождениям пещерного типа. Он исследовался на протяжении многих лет различными отечественными и зарубежными специалистами (Vertes 1951, 1955; Gabori 1970; Gabori-Csank 1970 и многие другие). Для индустрии нижнего горизонта присуща характерная двойственность: с одной стороны, здесь можно встретить орудия с четкими раннепалеолитическими чертами («мустьерские» наконечники, листовидные острия, нож с обушком), с другой — вполне позднепалеолитические изделия (пластины с «ориньякской» ретушью, скребки, пластины «дюфур»). Это один из надежно датированных памятников, и поэтому он представляет для нас огромное значение. Нижний комплекс имеет радиокарбоновую дату - 44.300 лет назад, верхний - более 34.000 лет назад. На территории Республики Молдова исследовался грот Брынзены (басс. реки Прут), материалы нижнего культурного слоя (III) которого интерпретируются как позднепалеолитические с некоторыми архаичными (мустьерскими) чертами, если брать во внимание технико-типологические показатели. Стратиграфическая ситуация здесь очень сложная и в настоящее время так и не прояснена. Производственный инвентарь этой индустрии составляют преимущественно призматические нуклекусы, служившие для получения пластин, многочисленные скребки, среди которых превалируют образцы на длинных пластинах. Высоких скребков немного, имеются так называемые изделия «с рыльцем», выделяются отдельной серией остроконечники подтреугольной формы, обработанные «плоско-выпуклой» ретушью, а также двусторонне обработанные орудия овальной формы (ножи) и т.д. (Рогачев, Аникович 1984: 172-173; Chirica, Borziac, Chetraru 1996: 13-30, 214-229).

Заслуживает внимания и местонахождение Корпач-Мыс, средний культурный слой которого насчитывает наибольшее количество выразительных изделий (Борзияк, Григорьева, Кетрару 1981: 86-103; Chirica, Borziac, Chetraru 1996: 31-36, 230-233). Однако, как и на предыдущем памятнике стратиграфическая ситуация здесь также усложнена. По мнению И.Борзияка, погребенная почва, с которой непосредственно связаны рассматриваемые здесь археологические находки, может быть не моложе ин-

терстадиала Арси-Штильфрид В (Паудорф, Брянск) (Борзияк 1981: 101; Chirica, Borziac, Chetraru 1996: 32). Однако не исключено, что палеопочва может принадлежать и к более раннему периоду — ранневюрмскому. Палеолитический материал характеризуется параллельной техникой расщепления, хотя в процентном отношении пластин как таковых здесь очень немного. Это обстоятельство заставило молдавских исследователей считать индустрию непластинчатой. Индустрия также существенно отличается от предшественницы своей характерной специфичностью, выраженной характером орудий (например, костяные наконечники, которые принято называть «младечским» типом).

Памятник Корпач также расположен в Попрутье и относится к многослойным палеолитическим местонахождениям, находки нижнего (IV) культурного слоя которого отмечены уникальным сочетанием различных наконечников, скребел (ножей), атипичных острий, близких к шательперронскому типу, а также сегментов (Борзияк, Григорьева, Кетрару 1981: 61-86; Chirica, Borziac, Chetraru 1996: 235-240). Молдавские исследователи склонны относить эту необычную индустрию к ранним позднепалеолитическим проявлениям. Такое сочетание орудий в некоторой степени имеет место и на других европейских памятниках, к примеру, в Улуцо (Италия), где развитый позднепалеолитический комплекс датируется 31.000 лет назад (Palma di Cosnola, Dini 1970). В Центральной Европе древнейшие геометрические микролиты были зафиксированы в Павлове (Чехия), чьи материалы интерпретируются как раннеграветтские (Klima 1954).

В Закарпатье к селето-ориньякским индустриям принадлежат исследованные памятники Радванская гора, Берегово III, IV, Заставное, Квасово (Сова 1964: 180-187; Ткаченко 1994: 181-192). Стратиграфической привязки археологические материалы этих памятников, как и на большинстве закарпатских местонахождений, не имеют. По своей численности археологического материала радванская индустрия занимает исключительное место: здесь собрано свыше 5 тыс. каменных и костяных находок (многие находки были утрачены в результате работ на карьере). Пока что сохраняется надежда на восстановление стратиграфической ситуации. Дело в том, что П.Сова-Гмитров — известный в 50-60-е гг. местный краевед и археолог — собирал материалы в действующем тогда карьере, не обращая внимания на существующую стратиграфию. Поэтому памятник требует дальнейшего более тщательного изучения в полевых условиях. Кстати, обратив внимание на это обстоятельство (отсутствие стратиграфического обоснования — прим. В.Т.), В.Н.Гладилин и Л.В.Кулаковская склонны считать эту индустрию смешанной и на этом основании значительную часть коллекции, имеющую определенную архаичность, относят к мустьерскому времени (Кулаковская 1989: 80; Гладилін 1997: 28-29). Индустрия представлена в целом призматической параллельной пластинчатой техникой расщепления. Напротив, отмечается значительное количество плоских нуклеусов (некоторые из них напоминают дисковидные заготовки (пренуклеусы), которые, на мой взгляд, служили в свою очередь заготовками для торцевых и клиновидных нуклеусов, а также некоторых классов орудий). Среди изделий превалируют разнообразные ножи (как обычные — простые, так и на дольках, с естественными и искусственными обушками, двусторонние и т.д. и т.п.). Подчиненные позиции занимают скребки, представленные выразительными сериями, характерными преимущественно для позднего палеолита. На примере этих орудий четко прослеживаются ориньякские черты (наличие образцов, обработанных «ориньякской» ретушью, «с носиком», кареноидные, килевидные). Резцов значительно меньше, хотя и они классифицируются посерийно. Имеют место фрагменты селетоидных изделий в качестве наконечников (Ткаченко 1994: 185-192).

Не меньшее внимание привлекает и индустрия Заставное, характеризующаяся в целом позднепалеолитическим инвентарем — разнообразными скребками — как простыми на отщепах и пластинах, так и ориньякского типа, выразительными резцами, ничем не отличающимися от мустьерских (лавролистные с искусственными обушками, бифасиальные). Другие орудия встречаются в единичных случаях, например, выемчатое и фрагмент селетоидного наконечника (Ткаченко 1997: 16-17). Материалы индустрий Квасово, Берегово III, IV немногочисленны и характеризуются лишь наличием выразительных селетоидных элементов.

Подытоживая результаты беглого анализа лишь нескольких наиболее выразительных центральноевропейских ориньякоидных индустрий, можно заключить следующее: на конкретной территории в определенное время существовали палеолитические коллективы, часть из которых формировалась в результате аккультурационного процесса, т.е., попросту говоря, осуществлялась «избирательная» ассимиляция автохтонного населения (определенной части неандертальцев, скажем, «прогрессивных» — Homo neandertalensis) п р и ш е л ь ц а м и — уже давно сформированными неоантропами (Homo sapiens sapiens), пришедшими, на мой взгляд, с Ближнего Востока еще в господствующее мустьерское время, если придерживаться существующей гипотезы многоимпульсной миграции палеолитических коллективов в разные периоды нашей с вами доистории. Однако связи могли существовать и на чисто культурном уровне, к примеру, «заимствование» у пришельцев представителями неандертальского (автохтонного) населения некоторых рацио-

нальных технических приемов обработки и изготовления орудий. На это, кажется, указывает наличие целого ряда специфических позднепалеолитических изделий (скребков, резцов, старательно изготовленных артефактов как из рога, так и кости) среди индустрий шательперронского типа (и не только шательперронского — прим. В.Т.), что может рассматриваться как чисто экономический аспект (Mellars 1989: 353). Наглядной иллюстрацией уже довольно длительного пребывания пришельцев на центральноевропейской территории может служить, на мой взгляд, позднепалеолитический феномен Королево в Закарпатье (Gladilin, Demidenko 1990: 115-124). Следует отметить и еще одно важное обстоятельство: в радванской индустрии отмечено несомненное наличие поделок из королевского андезита.

Другая часть позднепалеолитических коллективов — а их абсолютной большинство — типично ориньякские группы-мигранты со своеобразными локальными особенностями и изобилием хронологического спектра, не вступавшие очевидно в контакт с местным населением, а если и вступавшие, то только с целью их дальнейшего вытеснения с данной территории или даже полного уничтожения.

Рассмотрим теперь эту проблему в несколько ином ракурсе, а именно: как же стыкуются только что приведенные конкретные данные позднепалеолитических исследований с антропологическими находками и некоторыми результатами других современных научных многоотраслевых исследований как чисто теоретического, так и прикладного характера.

Критикуя гипотетические наброски М.Оливы относительно палеолитических материалов из Боржитова V, которые, по мнению чешского палеолитоведа, могли служить связующим звеном между позднемикокской культурой Кюльны и, собственно, селетом (как считает М.Олива, селет — «последняя ступенька» к позднему палеолиту), Карел Валох исключает возможность хотя бы каких-то генетических связей между неандертальскими коллективами — носителями селета и позднепалеолитическими, ссылаясь на отсутствие каких-либо конкретных данных. И вместе с тем он считает, что ранние проявления ориньяка одновременно в разных регионах могли быть вызваны именно его (ориньяка) полицентрической сущностью (Valoch 1993: 61).

Несколько иной точки зрения, хотя и довольно близкой, придерживается украинский исследователь Ю.Демиденко, считая, что возникновение позднего палеолита происходило на местной основе. Он довольно логично увязал конкретный позднепалеолитический материал с некоторыми леваллуазскими индустриями (Демиденко 1990: 17; Gladilin, Demidenko 1990: 115-124). На примере наиболее ярких и выразительных европейских палеолитических комплексов переходного периода от раннего к позднему палеолиту он попытался смоделировать возможную картину трансформации позднемустьерских индустрий в, собственно, позднепалеолитические, что вполне может быть приемлемым, если бы не одно досадное «но», а именно: подобной трансформации не могло произойти за столь короткий отрезок времени. Не наблюдается и задекларированной последовательности в развитии королевских позднепалеолитических комплексов (Королево II, II комплекс; Королево I, Ia комплекс). Можно согласиться с утверждениями автора, что с точки зрения технико-типологического анализа такая последовательность вроде бы прослеживается, хотя и в этом нет достаточной уверенности из-за серьезного недостатка стратиграфической информации. К тому же оба комплекса не принадлежат к одному конкретному памятнику, а зафиксированы отдельно друг от друга и сосуществовали фактически в одной пространственно-временной плоскости (они расположены на одном уровне в слабомощном суглинке, разделяющем рисс-вюрмскую и ранневюрмскую палеопочвы, и к тому же временной статус последней палеопчвы не имеет достаточного на то обоснования (см.: Гладилин, Ситливый 1990: 27-33).

Согласно современной синтетической теории эволюции, изменения в становлении человека происходят малозаметно и заторможенно. Вот как вкратце описывает эволюцию Н.Дубинин, известный современный генетик, ссылаясь на О.Пилбима: «Эволюция Hominid состояла из трех отчетливо различающихся периодов, характеризующих существование и переход от одной формы в другую — Australopithecus, Homo habilis, Homo erectus. Она завершилась появлением вида Homo sapiens. В течение каждого периода изменения происходили постепенно. При появлении последующей формы проходила импульсная эволюция, резко изменявшая средний объем мозга» (Дубинин 1986: 399). По последним данным современной генетики, появление человека разумного состоялось не позднее 100 тыс. лет назад, а по другим данным — 200 тыс. лет (Ламберт 1991: 158-159б 180-183; Henges et al. 1992: 737-739; Willson, Cann: 1992: 22-27), и его прародиной была Африка.

Подобное представление вполне правдоподобной картины глобальных событий никоим образом не противоречит существовавшему естественному отбору, который, без сомнения, действовал вплоть до появления новой (последней ли? — прим. В.Т.) формы — Homo sapiens. Эпохальной особенностью появления человека современного вида стало то, что главный фактор — естественный отбор — а именно, характер его действия, в корне изменился. Лишь наследственность и изменчивость сохранили свое значение. В результате этого вид Homo sapiens лишился действия главного фактора, определявшего протекание биологической эволюции (Дубинин 1986: 399).

Это заключение не исключает, на мой взгляд, и того, что на раннем этапе перехода от одной формы в качественно иную происходило частичное смешение (скрещивание) разных видов — старого («прогрессивного») и, собственно, нового. В пользу этого предположения служат исследованные в последнее время в Израиле остатки ранних форм Homo sapiens archaio, а также «переходных» форм — переходные морфотипы из гротов Амуд (Амуд 1), Кебара (Кебара 2-3), Схул (Схул 1-7, 9) и, собственно, типы современных людей из грота Кафзех (Кафзех 3, 6-9, 11) (Смирнов 1991: 289-292, 298-308, 311-318, 321-325). Подобные антропологические находки в Европе не зафиксированы, разве что можно лишь вскользь упомянуть об остатках крымских неандертальцев с некоторыми прогрессивными морфологическими чертами, если верить Ю.Смирнову (Смирнов 1991: 269-272). Относительно сен-сезерской антропологической находки (Франция) можно лишь подчеркнуть, что она принадлежит классическому неандертальскому типу. Уже это важное обстоятельство исключает какой-либо намек на эволюционный переход в Европе от «классических» неандертальцев к Homo sapiens (Mellars 1989: 349-385; Mercier et al. 1991: 737-739).

Напоследок остается лишь добавить, что существующая моноцентрическая концепция происхождения человека современного вида, предложенная и аргументированная Я.Рогинским уже почти четверть века тому назад, несмотря на появление и описание многих новых антропологических находок в защиту или противовес этой концепции, выдержала проверку временем, а также сохранила свое значение и поныне (Рогинский 1977). Таким образом смоделированные мной возможные аккультурационные процессы в переходный период от раннего к позднему палеолиту в Центральной Европе, как и в целом в Евразии, никак не расходятся с основными постулатами указанной концепции. В поддержку последнего процитирую блестящее высказывание В.Алексеева: «... сосуществование разных эволюционных этапов развития физического типа человека и развития каменной индустрии на каком-то или на каких-то отрезках времени никак не отвергает эволюционной последовательности и, наоборот, является н е о б р а т и м ы м (выделено мною) следствием из нее» (Алексеев 1978: 163).

Следовательно, как удачно заметил А.Козинцев: «Предположение о том, что сапиентация могла протекать параллельно в разных частях Эйкумены с вовлечением в этот процесс местных палеоантропов, остается пока что чисто теоретической возможностью» (Козинцев 1994: 16). Поэтому, конечно, не следует рассматривать аккультурацию буквально как отдельный элемент сапиентации: это вполне закономерный, однако всего-навсего побочный ее (сапиентации) продукт.

Моя аргументация базируется именно на эволюционной последовательности развития человечества на всех этапах его становления. Как известно, ничто не исчезает бесследно. И как бы мы примитивно не представляли ход исторического времени, в котором пребывали наши далекие предки, игнорируя при этом наше существующее (чего уж тут лукавить!) ущербное представление о многих вещах, нам никак не удается обойти существующих в истории очень многих «белых пятен» — тех неизвестных событий, происходивших реально вне нашего сознания во времени и пространстве. Одной из таких, казалось бы, неразрешимых загадок за семью печатями, является история граветта — одного из направлений техно-культурного прогресса в позднем палеолите. Однако здесь можно сразу же попытаться возразить: какое, скажем, это имеет отношение к данной только что рассмотренной теме? На первый взгляд вроде бы никакого. Но это лишь только на первый взгляд, а если «копнуть» значительно глубже, то возникает вполне резонный вопрос: куда ж запропастились те носители «симбиотических» приемов в изготовлении орудий, то есть фактически явственные элементы новой этнокультурной общности, сформированной в результате трансформации, о которой только что шла речь? Мне кажется, что ответ на это вполне своевременное замечание кроется во вполне логическом предположении: продолжателями селето-ориньякской традиции могли быть только ...граветтские коллективы. А если нет, то как же еще можно мотивировать тот граветтский «взрыв», совпадающий именно с началом среднеориньякского отрезка времени, с периодом существования «последних из могикан» — уже редеющих и исчезающих повсеместно неандертальских коллективов?

Если бы хоть на один лишь миг охватить глазом суть технико-типологического своеобразия преимущественного большинства граветтских индустрий (наличие больших пластин в качестве заготовок, усечение ретушью концов пластин, двусторонние наконечники специфических типов, листовидные орудия, пластины с характерным притупленным краем — «граветтские острия» и т.д., и т.п., а традиции изготовления приведенных здесь некоторых ведущих орудий исходят от селетских индустрий, напр., смотр.: Oliva 1995: 83-90), то становится более понятной логика моего предположения, которое никоим образом не претендует на безапелляционность.

Одни палеолитоведы (преимущественно французские) видели в граветтском феномене возможные корни шательперронской (мустьерской) культуры, например, Д.Сонневиль-Борд (Sonneville-Bordes 1960), отождествляя его с поздним перигордьеном, хотя большинство французских специалистов так не считает, как впоследствии и сама Д.Сонневиль-Борд (Sonneville-Bordes 1983: 339; Demars, Hublin 1989: 23-37; Mellars 1989: 354 и др.). На смеж-

ных с Францией территориях, в частности и на Украине, граветт, как считают, «вырастает» из местных мустьерских культур (напр., Черниш 1961). Другие, в том числе и автор этой статьи, воспринимают его как вполне вероятностный конечный результат определенного взаимовлияния двух разнокультурных направлений — селета и ориньяка (продукт аккультурации) (напр., Otte 1995: 197). Первые — сторонники полицентристской модели происхождения человека современного физического типа, исповедующие идею появления Homo sapiens на местной основе, последние — преимущественно моноцентристы или приверженцы компромиссной теории. Я склонен придерживаться моноцентрисской концепции в ее узком понимании, как наиболее стройной логичной модели происхождения Homo sapiens sapiens.

Естественно, такая постановка вопроса не только желательна, как одно из вероятных предположений, но и несет в себе более глубокий смысл, к примеру, затрагивает такой чрезвычайно сложный вопрос как проблема этнокультурных процессов в позднем палеолите.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В.П. 1978. Палеоантропология Земного шара и формирование человеческих рас: Палеолит. М.

Борзияк И.А. 1978, Поздний палеолит северо-запада Молдавии. Автореф. дисс... канд. наук. Л.

Борзияк И.А., Григорьева Г.И., Кетрару Н.А. 1981. Поселения древнекаменного века на северо-западе Молдавии. — Кишинев.

Гладилін В.М. 1997. Найдавніше населення на території України // Давняя історія України. Киев.

Демиденко Ю.Э. 1990. Начальный этап позднего палеолита Карпато-Балканского региона. Автореф. ... канд. наук. — Новосибирск.

Дубинин Н.П. 1986. Общая генетика. М.

Козинцев А.Г. 1994. Связи между коллективами позднеплейстоценовых гоминид: полицентризм и моноцентризм на современном этапе // Культурные трансляции и исторический процесс (палеолит-средневековье). СПб.

Кулаковская Л.В. 1989. Мустьерские культуры Карпатского бассейна. Киев. С.80.

Ламберт Б. 1991. Доисторический человек: Кембриджский путеводитель. Л.

Рогачев А.Н., Аникович М.В. 1984. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Археология СССР: Палеолит СССР. М.

Рогинский Я.Я. 1977. Проблемы антропогенеза. М.

Смирнова Ю.А. 1991. Мустьерские погребения Евразии: Возникновение погребальной практики и основы тафологии. М.

Сова П.П. 1964. Палеолітичні місцезнахождення в Ужгороді // Археологія. Киев.

Ткаченко В.И. 1994. О культурных особенностях в развитии позднего палеолита Закарпатья // Археологический альманах, №3. Донецк.

Allsworth-Jones P. 1986. The Szeletien, and the transition from Middle to Upper Palaeolithic in Central Europe. Oxford.

Chirica V., Borziac I., Chetraru N. 1996. Gisements du Paléolithique supérieur ancien entre le Dniestr et la Tissa // ED.HELIOS. Lasi.

Bitiri M. 1972. Paleoliticul in Ţara Oaşului: studiu archeologic. Bucureşti.

Demars P.-Y., Hablin J.-J. La transition néandertaliens (hommes de type moderne) en Europe occidentale: aspects paléontogiques et culturels // L'Homme de Neandertal Vol.7. L'Extinotion. Liège. P.23-37.

Gladilin V.N., Demidenko Yu.E. 1990. On the Origin of Early Upper Palaeolithic Industries with Leaf Points in the Carpatho-Balkan Region // Feuilles de Pierre: Les industries a pointes foliacées du Paléolithique superieur Européen. Etudes et Recherches archéologiques de l'Université de Liège. 42.

Henges S.B., Kumar S., Tamura K., Stoneking M. 1992. Technical comments: human origins and analysis of mitochondrial DNA sequences // Science. Vol.255.

Klima B. Pavlov. 1954. Nove paleolitiche sidliste na Jizni Morava // Archeologiche rozhledy. R.6. ses.6. Praha.

Mellars P.A. 1989. Major issues in the emergence of modern humans // Curr. Anthropol. vol.30.

Oliva M. 1995. Le Szeletien de Tchécoslovaquie: industrie lithique et repartition géographique // Actes du Colloque de Miskolc. Paléo-Supplement, 1.

Otte M. 1995. Traditions bifaces // Actes du Colloque de Miskolc. Paléo-Supplement, 1.

Palma di Cesnola A., Dini A. Industria dell'uluzziano arcaico presso San Romino (Risa) // Adriatica. Zagreb.

Sonneville-Bordes D. 1960. de. Le Paléolithique superieur en Perigord // Ed. Delmas. Bordeaux. Sonneville-Bordes D. 1982. de. L'évolution des industries aurignaciennes // Aurignacien et Gravettien Europe. Fasc. II. Cracovie-Nitra, Études et Recherches archéologiques de l'Université de Liège. 13.

Valoch K. 1993. Vedrovice, eine Siedlung des Szeletien in Südmähren // Quarter. B.43/44.

Willson A., Cann R. The resent African genesis of humans // Sci. Amer. Vol.266.

ПРОБЛЕМЫ ПАЛЕОЛИТА И МЕЗОЛИТА ЕВРОПЫ

Анисюткин Н.К.

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА ПРИДНЕСТРОВЬЯ И СЕВЕРНОЙ МОЛДОВЫ

Anisjutkin N. K.. The results of studying of the middle Palaeolithic of Dniester area and Northern Moldova. In the South–West of the Eastern–European plain there are represented numerous and various monuments of the Middle Palaeolithic, including those of many layers. Their research continued for half a century allowed to set and partially resolve many problems of chronology, the variability of Moustiers, evolution of stone industrie and ecology of the Palaeolithic man. The most important questions of chronology can be considered on the basis of through geological searches on the sites, connected with, late – pleistocene loes – soil formations of many meters. It is this fact that gives the possibility to make a more through correlation with the European stratotypes. The studying of the specific character of stone industries of the region presupposes the presence of two contrastive variants of development. The variant, named the Stinkovsky culture represents a phenomenon, where the archaic technology of the primary knapping combines with a relative abundance of Upper Palaeolithic forms and the presence of leaf-like points-bifaces.

1. Палеолит Приднестровья, являющегося вместе с территорией Северной Молдовы составной частью юго-запада Восточно-Европейской равнины, представлен многочисленными и разнообразными памятниками, в их числе среднепалеолитическими, включая многослойные с хорошо сохранившимися культурными слоями.

В данной статье, которая подводит итог полувековым полевым исследованиям, рассматриваются некоторые важные проблемы, чья постановка стимулирована накопленными археологическими материалами.

2.1. Первая из них — проблема хронологии, которая в археологии всегда является одной из самых важных. Огромное значение имеет то обстоятельство, что в регионе в течение многих лет велись основательные геологические изыскания, включая междисциплинарные. Последние, проведенные на многослойных стоянках, связанных с многометровыми позднеплейстоценовыми лессово-почвенными толщами, дали возможность более обосновано провести корреляцию с европейскими стратотипами. Порой наши эквиваленты по выразительности превосходят европейские. В частности, речь идет о превосходной ископаемой почве, выявленной на стоянке Кетросы, которая достаточно обосновано сопоставляется с интерстадиалом бреруп.

У нас, если говорить о среднем палеолите, еще мало надежных абсолютных дат, а имеющиеся радиоуглеродные датировки не могут восприниматься как надежные. Известно, что даты древнее 40000 лет, полученные этим способом, являются запредельными.

В статье принято деление позднего плейстоцена на рисс-вюрм (микулино, прилуки, эем), на древний вюрм и плениглациал, что соответствует новой тенденции (Gamble, 1986, Величко и др.,1989, Былинский, 1989, Riencourt, 1993). Древний вюрм составляют интерстадиалы амерсфорт, бреруп, оддераде. Плениглациал, подразделяющийся на ранний, средний и поздний, начинается с кислородно-изотопной стадии 4, после интерстадиала оддераде.

В свою очередь все эти подразделения, соответствуя определенным кислородно-изотопным стадиям, имеют абсолютные даты. Естественно, следует отдавать себе отчет в том, что использование данной системы в Приднестровье затруднительно по причине отсутствия специальных исследований. Сегодня очень сложно увязать те или иные почвенные горизонты, которые обнаруживаются в лессах вюрмского времени, с европейскими стратотипами. Корреляции, предложенные в свое время И.К. Ивановой, не учитывают ряда сложностей.

Вторая важная проблема, которая рассматривается в работе, посвящена локальным вариантам среднего палеолита. Первой «ласточкой» можно считать открытие в 1964 году стоянки Стинка 1 (Анисюткин, 1969), каменный инвентарь которой очень резко отличался от молодовского мустье. Дальнейшие исследования позволили сделать ряд важных выводов, усложнивших восприятие проблемы. Сейчас установлено сосуществование на протяжении всего верхнего плейстоцена двух различных вариантов среднего палеолита.

Третьей существенной проблемой нужно считать степень влияния на палеолитические

© Анисюткин Н.К., 1999.

каменные индустрии природного фактора. Здесь важное значение имеют палеоэкологические реконструкции, которые основываются на комплексных исследованиях палеолитических стоянок. Для постановки этой проблемы имеются определенные разработки, хотя налицо и досадные оплошности. К их числу, например, нужно отнести отсутствие полного списка фауны из мустьерских слоев стоянок Молодова 1 и 5. Материал, собранный в разные годы, оказался разобщенным и частично утраченным (Алексеева, 1987: 153).

2.2. Основой хронологии являются памятники с хорошо сохранившимися культурными слоями. Все они — Молодова 1 и 5, Кормань 4, Кетросы — находятся на II надпойменной террасе Днестра и расположены недалеко друг от друга, что позволяет связывать конкретные профили в единый разрез. Это осуществлено геологом И.К. Ивановой, предложившей следующую хроностратиграфическую схему (Иванова, 1982, Рис. 15).

Таблица 1

тыс. лет	Геохронология	Кетросы	Молодова 1	Молодова 5	Кормань
	Хенгело			+	+
40					
	Моерсхофд				+
50					
			+	+	
60	Оддераде-Брёруп		+	+	
		+			
	Амерсфорт				
70					
	Микулино				

Из таблицы следует, что самым ранним комплексом здесь является основной слой стоянки Кетросы, который обнаружен в четких геологических отложениях.Далее расположены слой 12 стоянки Молодова 5 и слой 5 Молодова 1, лежащие в основании нерасчлененного интерстадиала брёруп-оддераде, а в верхней части — слой 4 Молодова 1 и слой 11 Молодова 5. В отложениях интерстадиала моерсхофд залегают слои 11-12 стоянки Кормань 4. Финальномустьерские или пост-мустьерские (по А.П. Чернышу) индустрии выявлены в слое 10а стоянки Молодова 5 и слое 10 стоянки Кормань 4. Последние часто рассматриваются как переходные к верхнему палеолиту.

Надежные корреляции рассматриваемых позднеплейстоценовых отложений с европейскими стратотипами связаны с рисс-вюрмом и ранневюрмскими интерстадиалами амерсфорт и брёруп. За рисс-вюрмские отложения принимается русловая фация аллювия II надпойменной террасы реки Днестр, а в качестве эталона мощная полигенетическая ископаемая почва, обнаруженная в верховьях оврага Байлова Рипа, в 100 м от раскопа стоянки Молодова 1. Она описана как микулинская (Иванова, 1959: 252) и охарактеризована палинологически (Болиховская, 1982: 145). Палинологическими исследованиями установлено, что в микулинское время было два климатических оптимума, разделенных кратким периодом похолодания. Ранний оптимум был теплым и сухим, а поздний — теплым и влажным. Климат в это время был сходным или даже теплее климата Среднего Приднестровья в настоящее время (Болиховская, 1982: 147 153).

Пойменная фация аллювия II надпойменной террасы реки Днестр соответствует первому ранневюрмскому интерстадиалу амерсфорт. Ранневюрмские отложения, включая интерстадиалы брёруп и амерсфорт, хорошо выражены в разрезе стоянки Кетросы и в ее окрестностях (Кишлянский яр). Здесь брёруп характеризуется выразительной и мощной ископаемой почвой, которая также найдена в разрезе стоянки Кормань 4 (Иванова, 1982: 230). В этом плане непонятно отнесение ископаемой почвы из разреза стоянки Молодова 1, найденной на 9 м ниже 5-го мустьерского слоя, к межстадиалу амерсфорт, в то время как «брёруп» представлен только горизонтом оглеения (Иванова, 1982: 229). Известно, что климат во время брёрупа был теплее, чем в межстадиале амерсфорт (Болиховская, 1981: 120-121).

Датировка молодовского мустье брёрупским временем была неоднозначно воспринята исследователями палеолита, включая как сторонников (Праслов, 1984: 109) , так и противников (Klein, 1969: 259; Анисюткин, 1990: 46-49), указавших на несоответствие палинологических и фаунистических данных. Фауна грызунов представлена преимущественно степными и даже арктическими формами (Агаджанян, 1982: 158), а палинологические исследования показали, что теплолюбивая флора отмечена в отложениях ниже 12 мустьерского слоя (самого раннего), синхронного слою 5 стоянки Молодова 1, а наиболее холодная — в слое 11 (вышележащего) (Гитерман, 1987: 152). Тогда преобладала степная растительность (Болиховская, Пашкевич, 1982: 144), в то время как для

брерупа отмечено широкое распространение лесов. По данным европейских ученых этот интерстадиал был наиболее продолжительный, теплый и лесной (Carciumaru, 1973). Для малакофауны также характерны холодолюбивые формы (Мотуз, 1987: 163).

Что касается подразделения И.К. Ивановой послебрерупского вюрма, то здесь много неясного. Два межстадиала эквивалентных европейским хенгело и моерсхофд, с радиоуглеродной датой для последнего из 11 слоя стоянки Кормань 4 — 44400 + 2050/ — 1630 (GrN = 6807), которая соответствует датам из западноевропейских разрезов — 46000-48000 лет тому назад (Lumley, 1972: 366), не соответствуют стратиграфической колонке в Кетросах, где выше брерупа прослежено 3 четких гумусированных почвенных горизонта с находками костей мамонта, лошади, северного оленя (определения А.И. Давида и Н.М. Ермоловой), а также находками каменных изделий мустьерского облика. К сожалению, эти факты были проигнорированы московскими геологами,которые определили верхнюю ископаемую почву как Штилфрид В или паудорф (брянская почва) (Иванова и др. 1981: 160),т.е. необоснованно омолодили.

Удовлетворительны датировки стоянок Кетросы и Кормань 4, в то время как дата молодовского мустье спорна. Геологические исследования, включая комплексные, представили очень важный материал, который можно использовать для определения времени большинства известных стоянок. В их число можно включить даже местонахождения с подъемными материалами, каменные индустрии которых относятся к тому или иному региональному варианту среднего палеолита.

С учетом совокупности современных данных, включая не только геологию и биостратиграфию, но и археологию, я предлагаю следующую хронологию среднего палеолита.

2.3. Самые ранние комплексы среднего палеолита — нижние слои грота Старые Дуруиторы (Кетрару, 1973) и вероятно Ярово — датируются риссом. К этому периоду можно отнести и, видимо, южный комплекс Кишлянского яра (далее КЯЮ).

2.3.1. Микулинское или прилукское (рисс-вюрмское) межледниковье.

К рисс-вюрмскому межледниковью, которое вместе с древним вюрмом соответствует 5 кислородно-изотопной стадии, подразделяясь на следующие отрезки: 5a — оддераде, 5b — стадиал, 5c — броруп, 5d — стадиал и амерсфорт, 5e — рисс-вюрм (Заррина, 1991; Gamble, 1985; 1993), относится несколько важных памятников. Несмотря на хронологическую относительность изотопно-кислородных данных они используются исследователями плейстоцена для корреляции с лессово-почвенной шкалой (Величко и др., 1989: 20). Некоторые четвертичники предлагают рассматривать эту стадию как вариант «длинного микулинского интергляциала» (Былинский,1989: 32-37), соответствующую мезинскому лессово-почвенному комплексу (Величко и др., 1989: 20). Последний подразделяется на две фазы: ранняя — салынская фаза — микулино, поздняя — крутицкая — сопоставляется с ранневюрмскими интерстадиалами амерсфорт и броруп. Выделение 5 изотопно-кислородной стадии в самостоятельный отрезок позднего плейстоцена согласуется с биостратиграфическими данными. Только с вюрма 2 (т.е. после оддераде) начинают ощущаться ледниковые условия (Webb, 1988: 126), когда в мустьерских слоях появляются кости северного оленя, что характерно и для Приднестровья: кости северного оленя не найдены в добрерупских стоянках.

К микулинскому времени относится с наибольшей вероятностью нижний слой грота Выхватинцы, который перекрыт средним и верхним слоями с индустриями среднего палеолита (Анисюткин, Кетрару, 1982: 130). Фауна нижнего тайякского слоя представлена, обломками костей лошади, бизона, носорога, благородного оленя, волка, лисицы, а также пещерной гиены и пещерного медведя. Преобладают кости пещерных хищников,а также лошади и бизона.

Для среднего слоя, с каменными орудиями микока, характерны мамонт, носорог, бизон, лошадь, гигантский олень и пещерный медведь. Преобладают лошадь и ранняя форма мамонта, а пещерный медведь представлен 1 обломком нижней челюсти.

В верхнем слое найдено около десятка кремневых изделий, включая типичное скребло с подтеской основания и отщепы леваллуа, а также несколько обломков костей животных,-включая северного оленя. Это дает основания для предположения о том, что немногочисленные кости северного оленя из раскопок Г.П.Сергеева и Н.А. Кетрару, которые не членили фауну по слоям, также происходят из невыделенного мустьерского слоя Поэтому использование костей этого животного в качестве индикатора холодного климата, делая на этой основе вывод о позднемикулинском возрасте нерасчлененной толщи отложений (Иванова 1969: 115), сегодня неверно. Кстати, анализ публикации первого сезона раскопок позволил установить связь костей мамонта именно со средним слоем (Сергеев 1950: 206), что соответствует нашим с Н.А. Кетрару данным.

Весьма вероятно отнесение к межледниковью также среднего слоя, что соответствует представлениям Герхарда Бозински о времени раннего этапа микока, когда существовали соответствующие формы бифасов, обнаруженные в Выхватинцах.

Возможна увязка нижнего слоя с первым оптимумом микулинского межледниковья (сухим и теплым), а среднего — со вторым (влаж-

ным и теплым). Показательно, что глинистые отложения среднего слоя с тонкими прослойками немногочисленных мелких галек могут указывать на периодические затапливания карстовой полости. В это время грот не был обитаем пещерными хищниками, а люди посещали его только на короткое время. Видимо, это было связано с периодами облавных охот в данной пересеченной местности. Напротив, каменные изделия и обломки костей животных нижнего слоя залегали четко выраженным горизонтом мощностью не более 20 см. Кремневые изделия имеют острые края и хорошую сохранность поверхностей. Следы окатанности отмечены только для отдельных предметов из кровли нижнего слоя. Это указывает на частичную деформацию слоя в конце его формирования, предшествуя обвалу плит козырька навеса. Последний четко отделяет нижний слой от среднего.

Характер отложений свидетельствует о существовании постоянного водотока в самом начале «жизни» карстовой полости, прекращении в период формирования нижнего слоя и возобновлении позднее, но в меньших масштабах, вплоть до верхнего обвала, отделяющего средний слой от верхнего.

К микулино можно, как кажется, отнести КЯЮ, хотя не исключена и более ранняя дата — рисс, если учесть связь кремневых находок из четвертичных отложений с известковистым суглинком. Данная индустрия имеет сходство с индустриями Королево 1, происходящих как из рисс-вюрмских слоев, так и из рисского слоя 5. На это обращали внимание также украинские исследователи палеолита (Гладилин 1976: 148; Сытник 1985: 13; Кулаковская 1989: 116), хотя Л.В. Кулаковская сопоставляла КЯЮ только с рисс-вюрмским комплексом.

2.2.2. Древний вюрм. Самыми ранними комплексами этого времени являются Осыпка, Шипот 2 (далее ШНС — Шипот, нижняя стоянка) и коллекция из аллювиальных отложений стоянки Кетросы (далее — КА). Каменные изделия всех трех комплексов обнаружены в отложениях пойменной фации аллювия II надпойменной террасы реки Днестр, который датируется амерсфортом. Находки частично переотложены (Осыпка), но в основном лишь отчасти нарушены в слое. На стоянках ШНС и КА, которые еще недостаточно изучены, найдены единичные кости ископаемых животных — мамонта и широкопалой лошади.

Интересно, что здесь речь идет о двух вариантах среднего палеолита — микоке (КА) и стинковской культуре (Осыпка, ШНС). В немногочисленной коллекции КА вместе с чоппером найден выразительный бифас (Анисюткин, 1992: 19). Аналогичная картина сосуществования двух вариантов была характерна и для микулинского времени, хотя, если отнести к этому времени также коллекцию КЯЮ, возможно говорить о трех вариантах среднего палеолита — микоке, тайяке и позднем ашеле.

В отложениях между амерсфортом и брерупом расположен основной культурный слой стоянки Кетросы. Это первое появление в Среднем Приднестровье типичного мустье с фауной без северного оленя. Здесь установлено пока 3 локализации в пределах единого культурного слоя, отделенных одна от другой конусами выноса, образовавшихся в начале формирования отложений пойменной фации аллювия. Материал снесен с поверхности IV террасы, к которой прислонен фрагмент II террасы с культурными слоями мустьерской эпохи. Одна локализация — раскоп 1 — представлена индустрией с леваллуазской техникой расщепления, 2 и 3 (культурный слой последней разрушен карьером) — нелеваллуазские. Над Кетросами, на поверхности IV террасы, примерно в 250 м западнее Кишлянского яра, расположено местонахождение Стинка-Дарабаны (далее С Д) с находками каменных изделий мустьерского облика, собранных на поверхности. Культурного слоя не сохранилось. Комплекс аналогичен комплексам 2 и 3 стоянки Кетросы, а поэтому датирован тем же временем.

К добрерупским индустриям следует отнести подъемный материал местонахождения Бобулешты 5, обнаруженный на реке Реут в Молдове. Каменные изделия собраны на поверхности III террасы (Кетрару, 1983), аллювий которой синхронен или даже моложе аллювия реки Днестр, следовательно позднее рисса (Веклич, 1968,: .152) и не древнее конца рисс-вюрма. В основании субаэральных отложений разреза этой террасы описана прилукская (рисс-вюрмская) ископаемая почва (Адаменко и др., 1996: 57). Принимая во внимание сходство бобулештской индустрии с индустриями Осыпки и ШНС, есть все основания для синхронизации этих комплексов.

2.2.3. Плениглициал нижний и средний. Данный период соответствует вюрму 2 французской стратиграфической схемы, сопоставляясь с изотопно-кислородными стадиями 4 и 3. В мустьерских стоянках этого времени постоянно представлены кости северного оленя и даже песца, которые становятся обычной охотничьей добычей палеолитических охотников вплоть до конца верхнего палеолита и даже мезолита (Черныш, 1959: 167, Давид, 1980). Палинологические исследования, проведенные на разрезах стоянок Кормань 4, Кетросы и Молодова 1, показали, что наиболее суровые климатические условия отмечены в послебрерупское время, предшествуя интерстадиалу моерсхофд. После незначительного потепления наступила волна нового похолодания, продолжавшаяся до интерстадиала хенгело. Однако этот стадиал был менее суровым нежели предшествующий (Пашкевич, 1977: 106-109; Болиховская и др., 1982: 121-144).

Этому времени соответствуют культурные

слои стоянок Молодова 1 и 5. К холодному стадиалу, соответствующему хронологически слою 4 стоянки Молодова 1, можно отнести нижний слой стоянки Стинка 1, который был датирован послерисским и допаудорфским временем (Иванова, 1969: 135).

Более детальная хронология основана на ряде показателей: 1) залегании нижнего культурного слоя Стинки 1 в основании позднеплейстценовых отложений, под гумусированной прослойкой, которая по И.К. Ивановой является перемытым остатком ископаемой почвы; 2) данными спорово-пыльцевого анализа, выполненных М.Н. Клапчуком; 3) обликом каменной индустрии. Палинологический анализ показал, что в период накопления отложений нижнего культурного слоя климат в окрестностях стоянки был холодным и сухим. Преобладала лесостепь с рощами из сосны и березы. Образец из гумусированной прослойки указал на слабое потепление, аналогичное интерстадиалу моерсхофд.

Верхний культурный слой видимо можно датировать интерстадиалом хенгело, учитывая данные палинологии и литологии.

К интерстадиалу моерсхофд отнесены слои 11 и 12 стоянки Кормань 4, для которых получены радиоуглеродные даты свыше 44000 лет тому назад. Немногочисленные каменные изделия из этих слоев по совокупности технико-типологических показателей соответствуют стинковской культуре, что важно отметить.

Представлю в итоге хронологическую таблицу, распределив отдельно стратифицированные стоянки и местонахождения с подъемными материалами. Абсолютные даты взяты в публикации А.А. Величко (Velichko e.a., 1988: Fig.6.).

Некоторые комплексы характеризуются двумя датами — более молодыми и более древними. К их числу относятся КЯЮ и Ярово. Последнее обнаружено в маломощной лессовой толще, на поверхности высокой террасы, вблизи города Сороки на Среднем Днестре. Возможно допустить, что слой с кремневыми артефактами является иллювиальным горизонтом ископаемой почвы, залегавшей на поверхности галечников IV террасы, верхняя часть которой (гумусированная) размыта в древности. Это обстоятельство, а также наличие значительного числа кремневых изделий с поверхностью, деформированной морозобойными процессами, дают основание полагать, что слой сформировался в холодное время; он был перекрыт ископаемой почвой, которая могла быть либо микулинской, либо брерупской, либо даже интеррисской. Технический и типологический анализ дают основание для сопоставления индустрии стоянки Ярово с индустрией слоев 3-4 грота Дуруиторы, которая датируется рисским временем (Кетрару, 1973: 13-14). Налицо почти полное совпадение технических и морфологических признаков, что позволяет относить комплекс стоянки Ярово также к риссу.

Таблица 2.

Даты тыс. лет	2	Геохронология	Стратифицированные памятники	Нестратифициров-ные памятники
30				
		Хенгело	Молодова 5, с10а,	КЯС
			Кормань 4-10, Стинка 1,в. с.	
			Шипот 1?	
40	3			Володяны?
			Молодова 1, 5,	
			Буздужаны, Бутешты	
60				
		Моерсхофд	Кормань 4, Шипот 1	
			Молодова 1, 5, Стинка 1, н. слой.	
			Тринка 1, 2, Буздужаны	
70	4			
80	5a	Оддераде	Молодова 1,с.5. Молодова 5,с.12.	
90	5b			
100	5c	Брерup	Буздужаны,с 7,8	
110	5d		Кетросы	Стинка – Дарабаны
		Амерсфорт	КА, ШНС, Осыпка, Ярово ?	Стинка 2 ?
				Бобулешты 5
120	5e	Рисс-Вюрм	Выхватинцы	КЯЮ ?, Стинка 4 ?
130				
140	6	Рисс	Ярово, Дуруиторы	КЯЮ, Мерсына.

Каменная индустрия стоянки Шипот 1, связанная с ископаемой почвой, с одинаковым правом может быть датирована как межстадиалом хенгело, так и моерсхофд. Однако, палинологические исследования, проведенные Г.М. Левковской, показали, что во время формирования этой почвы природные условия соответствовали прохладному интерстадиалу практически без широколиственных пород деревьев. Подобные показатели характерны для интерстадиала моерсхофд, когда доля пыльцы широколиственных пород не превышала 5% (Болиховская, Пашкевич,1982: 138). Это дает основание для некоторого удревнения комплекса каменных изделий стоянки Шипот 1, который ранее относился к финальному мустье и сопоставлялся с верхним слоем стоянки Стинка 1 (Анисюткин, 1975: 168).

К сожалению, большинство памятников с территории Молдовы не имеют надежных датировок. Исключение представляют грот Выхватинцы и, как кажется, нижний уровень (слои 7,8) грота Буздужаны 1, темноокрашенные отложения которого почти лишены щебня, а в фаунистическом комплексе нет северного оленя, что позволяет относить его к брерупу. Хронология слоев лежащих выше неясна. Интересна пестроокрашенная обширная линза, представляющая слои 4,5, разрывающая горизонтально лежащие литологические слои. Но к какому времени отнести эту эрозию — сегодня неясно. Хронологическое положение мустье из гротов Бутешты, Тринка 1 и 2 обусловлено наличием костей северного оленя и тем, что в первом имеются многочисленные орудия с бифасиальной обработкой, которые единичны в тринковских индустриях. Сходная картина характерна для многослойной стоянки Рипичени-Извор в Румынии (Paunescu, 1993: 218), где бифасы малочисленны в нижних слоях и обильны в верхних.

Датировка подъемных материалов покоится на технико-типологических критериях. Так северный комплекс Кишлянского яра (далее — КЯС) отнесен к самой поздней группе, соответствующей хенгело, на основании находок нескольких типичных скребков, которые по формам и характеру заготовок неотличимы от прочих мустьерских орудий.

3. Вопросы локального подразделения среднего палеолита. В Среднем Приднестровье сосуществовало два контрастных варианта среднего палеолита — мустье типичное и зубчатое. Особенно резко различаются показатели стинковской и молодовской культур. Правда, каменная индустрия из культурных слоев грота Буздужаны 1 характеризуется более высокими индексами леваллуа и фасетирования, которые сопоставимы с соответствующими техническими индексами из комплекса слоя 4 грота Тринка 1, но этим сходство и ограничено. Достаточно указать, что буздужанская индустрия подобно стинковской основывается на мелких заготовках. Сколы крупных размеров, включая в первую очередь леваллуазские, почти не переоформлялись в орудия. Наблюдающаяся по краям микрозубчатая ретушь не меняет форму заготовок. Показательно полное отсутствие скребел на удлиненных пластинчатых заготовках с плоской и мелкой (преимущественно однорядной) ретушью по краям, которые являются наиболее характерными орудиями леваллуазских комплексов.

3.1. Мустье типичное. Этот вариант был подразделен на две группы — молодовскую (Молодова 1 и 5, Кетросы 1) и северомолдавскую (Тринка 1 и 2, Бутешты, КЯС, С Д, Кетросы — комплекс 2). Для последней характерны как леваллуазские комплексы так и нелеваллуазские. Индекс леваллуа варьирует весьма значительно, но не превышает 25%. Характерно применение распространенной ретуши, разных типов подтески, включая так называемый «площадочный» или тип «костенки». Остроконечники обычно малочисленны как и ретушированные леваллуазские острия.

Таблица 3.

Стоянки	IL	IF	I Iam	подтеска “костенки”	модифицирующая ретушь	листовидные острия
Молодова 1, с. 4	52%	62%	19,8%	-	-	-
Молодова 5, с. 11	50%	60%	20%	-	-	-
Кетросы 1	21%	43%	12%	-	-	-
Пронятин	16,2%	71%	15,7%	?	-	-
Бутешты	25%	64%	16%	X	X	X
Тринка 1	16,8%	41,3%	14%	X	X	X
Кетросы 2	12%	43%	10%	X	X	-
Тринка 2	6,6%	40%	18%	X	X	-
С Д.	15%	37,6%	6,6%	X	X	-
КЯС	18,4%	40,6%	13,6%	X	X	X

На таблице, где представлены не только основные памятники Приднестровья и Северной Молдовы, но и Пронятин, расположенный в Подолии и относящийся к молодовской группе (Сытник, 1994: 101-120), не отражены комплексы с малочисленными коллекциями.

Ясно видно, что более менее компактную группу образуют памятники молодовской груп-

пы, включая Пронятин. Для этой стоянки можно отметить присутствие такого существенного элемента как подтеска типа «костенки», которая представлена на рисунках публикации А.С. Сытника (Сытник 1994: 6: 7, 7: 8). В свое время А.П. Черныш показал мне скребло с типичной подтеской типа «костенки» из последних раскопок стоянки Молодова 1 (слой 4), которое ныне опубликовано (Черныш 1982: рис. 17, 13).

Значительная вариабельность характерна для бифасов, которые могут быть единичными в одних комплексах и многочисленны в других. В качестве примера укажу на относительное изобилие бифасов на открытой стоянке Стинка 1 и единичность их в коллекции грота Буздужаны 1, что находит свое подтверждение в мустье Болгарии: листовидных острий много на открытой стоянке Муселиево (Haesaerts e.a. 1979) и они единичны в гроте Самуилица 2 (Sirakov 1983).

Северомолдавская группа представляет из себя весьма разнородное явление , что особенно касается технических показателей. Важно обратить внимание на отсутствие листовидных бифасов в комплексах, где орудий менее сотни. Комплекс местонахождения С Д имеет весьма архаичные характеристики , включая низкие индексы пластин и фасетирования , но очень высокий клектонский (далее Icl.), что сближает его с комплексом Кетросы 2 , где также мало пластин , но много клектонских отщепов (Icl.:С Д = 36% , Кетросы 2 = 32%). Это,наряду с иными признаками, позволяет рассматривать оба комплекса близкими во времени .

В чем причина вариабельности нашего типичного мустье — неясно . Важно указать на то, что обе группы — молодовская и северомолдавская — найдены в пределах одного слоя, но в различных локализациях стоянки Кетросы (Анисюткин, 1981).

3.2. «Мустье зубчатое». Весьма интересен вариант, который был ранее описан как «зубчатое мустье» или «стинковская культура». В данном случае речь идет о группе разновременных памятников, существовавших в регионе в течение всей первой половины позднего плейстоцена. Эти памятники связаны в единую линию развития со среднеплейстоценовыми (Анисюткин, 1992), получив название «дуруиторостинковское единство».

Для большей ясности приведу некоторые технические и типологические показатели рассматриваемых памятников. Данные по дуруиторской коллекции взяты из публикации Н.К. Кетрару (Кетрару, 1991: 9-19),а также мои подсчеты техники расщепления.

Таблица 4.

Памятники:	Индексы техники (%):				Индексы типологии (%):			
	IL	IF	Ilam	ICl	II	III	IV	IB
Дуруиторы	2,5	28	4,5	60	8,1	10,2	20,4	0,4
Ярово	1,7	26	3,2	48	29,3	18,4	19,4	2,1
Бобулешты 5	2	28	3	50	18	12	28	1,5
Стинка 1:								
нижний слой	4	19	6,2	41	11	11	20	7,3
верхний слой	10	24	17	35	8,6	16	21	9
Шипот 1	10,8	34	11,6	34	18	13	25	7,5
Буздужаны 1:								
слой 2	10	41	13	26,3	13,7	12,5	28	1,2
слои 4-5	14	36	6	36,2	12	11,3	33	2,8
без подразделений	-	-	-	-	15,5	14,5	30,7	1,7

Все приведенные в статье комплексы характеризуются преимущественно сколами-заготовками мелких размеров. Только в нижних слоях грота Дуруиторы и коллекции местонахождения Бобулешты 5, где применялся кремень очень высокого качества, изделий менее 50 мм (т.е. мелких) было немногим более 60%, в остальных коллекциях — свыше 70%. Все технические индексы позволяют видеть здесь индустрии непластинчатые, практически нелеваллуазские и нефасетированные, с многочисленными клектонскими отщепами. Вариабельность этих показателей, в основном, имеет определенную направленность, которая позволяет наблюдать развитие. Так самые низкие показатели леваллуа и пластин характерны для наиболее ранних комплексов. Клектонский индекс, установленный как соотношение сколов со скошенными и гладкими ударными площадками ко всем определимым ударным площадкам — скошенные площадки х 100 : все определимые ударные площадки (Combier 1967: 27), также демонстрирует изменчивость, согласно которой самые ранние комплексы имеют наиболее высокие показатели. Определенным исключением является индустрия грота Буздужаны 1, имеющая самые высокие показатели леваллуа и фасетирования. Кстати, индексы леваллуа и фасетирования самого мощного слоя 6, где возможна примесь типичного мустье, чрезвычайны, достигая в первом случае 18% и во втором — даже 50% . Существенно указать на то, что в Буздужанах нет закономерного увеличения индексов леваллуа и фасетирования. В нижнем уровне (слои 7,8) они соответствуют показателям самого верхнего слоя 2. И только процент

пластин демонстрирует в слое 2 резкое повышение, хотя не дает оснований говорить об индустрии как пластинчатой. В чем причина «мустьеризации» буздужанской индустрии? Можно ли рассматривать буздужанскую и стинковскую индустрии как локальные варианты единой культуры, или речь идет только о разнице в хозяйственной деятельности? На этот вопрос сегодня нет удовлетворительного ответа. Укажу только на более высокие индексы леваллуа и фасетирования стоянки Шипот 1, которые сопоставимы с буздужанскими.

Относительно стабильны типологические индексы. Постоянно господствует группа IV (зубчатые орудия), следующие группы II и III (мустье и верхний палеолит) имеют сходные показатели. Исключением является комплекс Ярово, где преобладают различные скребла, которые очень часто можно рассматривать как комбинированные орудия, что является характерной чертой дуруиторо-стинковского единства. Спецификой следует считать постоянно высокий процент орудий верхнепалеолитического облика, где особенно многочисленны и выразительны скребки, в первую очередь карене, а museaux, нуклевидные и на ударных площадках отщепов. В эту группу III также входят , кроме резцов и проколок, ножи с массивными ретушированными (часто встречной ретушью) обушками, которые, как ни странно, более обычны для ранних комплексов.

Бифасы, представленные преимущественно листовидными формами, а также орудиями с обушками, дают в количественном отношении неустойчивую группу. Прослеживается, как кажется, тенденция уменьшения их процента в ранних комплексах. Наиболее выразительные формы листовидных бифасов обнаружены в коллекциях стоянок Стинка 1, Шипот 1 и Буздужаны 1. Если принять во внимание только эти памятники, которые следует рассматривать как синхронные или близкие во времени, то можно объяснить многочисленность бифасов в одном случае (Стинка 1, Шипот 1) и редкость их в другом различием типов стоянок: в гротах речь идет о зимних поселениях, на открытых местах — сезонные поселения в теплое время года.

Показательно, что единичные бифасы листовидной формы из слоя 3 грота Дуруиторы имеют сходные пропорции с листовидными орудиями Стинки 1 (Chetraru, 1992: 111), отличаясь более грубой обработкой.

3.3. Особенности и общие черты среднего палеолита Приднестровья и Северной Молдовы. Остановлюсь на специфике приднестровского «зубчатого мустье», не имеющего нигде полных аналогий кроме стоянки Мамая в Добрудже (Румыния). Здесь вблизи порта Констанца, на берегу Черного моря найдено несколько местонахождений мустьерского времени (Paunescu et all., 1972), включая наиболее значительное из них — Мамая, где кремневые изделия мустьерского облика залегали в многометровой толще четвертичных отложений (Valoch, 1968: .466-467; 1993: 239-242). Индустрия Мамаи почти неотличима от индустрии нижнего слоя Стинки 1, в чем я смог убедиться при знакомстве с коллекциями, хранящимися в Брно (Чехия) и Бухаресте (Румыния). Независимо к подобному же выводу пришел Карел Валох, который в итоговой публикации данного памятника указал, что только Стинка 1 является наиболее сходной с коллекцией Мамаи, все остальные отличаются с точки зрения техники и типологии (Valoch, 1993: 261).

Тем не менее, Карел Валох отнес индустрию к типичному мустье, опираясь только на индекс скребел , который достигал почти 30%, хотя остроконечники представлены только 2 атипичными обломками. Интересно, что значительная часть скребел являлась комбинированными орудиями, следовательно могли быть интерпретированы иначе. К тому же некоторые из скребел неотличимы от зубчатых орудий, а иные можно рассматривать как листовидные острия начальной стадии обработки (Ibid. Fig. 6: 22, 9: 25, 11: 11,17). Показательно обилие зубчатых и выемчатых орудий, количество которых превышало 20%. Все это дает право полагать, что в рассматриваемой публикации индекс скребел преувеличен и речь идет о зубчатой индустрии. К зубчатому мустье отнесли материалы Мамаи румынские исследователи (Paunescu e. a., 1972: 27). К сожалению, в период моего знакомства с коллекцией Мамаи у меня не было времени для ее статистического анализа. Технические индексы Карела Валоха чрезвычайно близки индексам из нижнего слоя стоянки Стинка 1. Для наглядности приведу эти показатели.

Таблица 5.

Комплексы	IL %	IF %	Ilam %	Icl %	M Массивность
Мамая 1	4,08	11,4	5,1	36,5	28,1
Мамая 2	6,04	18,8	4,2	39,7	28,1
Стинка 1 ниж. слой	4,00	19,0	6,2	41,0	28,0

Сопоставляемые комплексы, из которых Мамая 1 происходит из брерупской почвы, а Мамая 2 из рисс-вюрмской (Valoch, 1993: 262), практически тождественны Стинке 1. Особенно поразительно совпадение по индексу массивности, который я определял без подразделения на слои, ибо коллекция Мамаи из Института археологии Академии наук Румынии пред-

ставлена как единая,а коллекция из музея Антропос (Брно) мною не была обработана. Разница в IF с комплексом 1 несущественна по причине большого сходства остальных. Показательны совпадения по клектонскому (Icl) индексу стинковского комплекса и комплекса Мамая 2, происходящего (якобы) из рисс-вюрмских отложений.

Как воспринять количественные данные по технике расщепления румынских коллег, которые отличаются от приведенных в таблице, но которые сопоставимы с индексами из слоев грота Буздужаны 1, — неясно. Может быть речь идет о материалах с иного участка и перед нами случай, который отмечен на стоянке Кетросы, где в пределах одного культурного слоя фиксируются два комплекса с несколько различными технико-типологическими (в основном техническими) показателями?

Главное состоит в том, что рассматриваемые индустрии представляют особый вариант среднего палеолита с листовидныи остриями и постоянно высоким процентом орудий верхнепалеолитического облика, включая ориньякоидные формы скребков — карене, a museaux, нуклевидные, а также на ударных площадках отщепов. Причем, что интересно, прослеживается единая линия развития, которая начинается в риссе и завершается в первой половине верхнего палеолита. И как бы мы не относились к простым однолинейным схемам развития, перед нами пример именно такой схемы. Она характерна только для относительно ограниченной территории, протянувшейся вдоль восточной окраины Карпат и примыкавшей к северо-восточной оконечности Балкан, включая Среднее Приднестровье на севере ареала и Добруджу — на юге.

Палеозоологические и палеоботанические данные, полученные при изучении Мамаи и пещер Добруджи, показывают, что в позднем плейстоцене ландшафты и животный мир рассматриваемой зоны, включая Приднестровье, были практически неразличимы. В южной части ареала в несколько большей мере были распространены степи. Здесь встречены все те формы млекопитающих, включая северного оленя и песца, которые характерны для Приднестровья (Dumitrescu e.a. 1962-1963: 277-279; Carciumaru 1971: 25). В этой зоне, протянувшейся вдоль восточных склонов Карпатских гор, от Хотина в среднем течении Днестра до побережья Черного моря в районе Констанцы, и существовал вышеотмеченный специфический средний палеолит. Памятники этого варианта не найдены ни в Карпатах, ни на Балканах, ни на территории Восточно-Европейской равнины.

Напротив, типичное мустье имеет аналогии на территории Болгарии и Румынии. Речь идет о стоянке Рипичени-Извор на реке Прут, где в 6 культурных слоях обнаружены мустьерские комплексы. Нижняя пачка слоев — 1, 2, 3 определены как типичное мустье, средняя пачка — слои 4 и 5 — отнесены к мустье ашельской традиции и верхний слой 6 — к зубчатому мустье. Для всех из них характерны умеренные индексы фасетирования и пластин и высокие леваллуа (Paunescu, 1993: 211). В целом, несмотря на то, что здесь выделено три мустьерских варианта, на мой взгляд, речь идет о едином комплексе. Различия касаются лишь количества и разнообразия бифасов, которые в основном характерны для слоев 4 и 5. В остальном речь идет о тех же формах орудий и технических приемах, включая очень распространенную подтеску типа «костенки» и аналогичную вторичную обработку. Коллекция же слоя 6 бедна и ее определение затруднительно, хотя и здесь нет контрастных различий с более ранними комплексами.

Северомолдавская группа, кроме индустрии грота Бутешты, существенно отличается от нижних слоев Рипичени-Извор низкими индексами леваллуа, а от слоев 4 и 5 также малочисленностью и однообразием бифасов. Однако, если допустить, что индустрии тринковских гротов происходят из поселений иного типа, то здесь оправдано обратить внимание на признаки, которые сближают эти комплексы, включая подтеску типа «костенки» и наличие листовидных острий. Вполне возможно говорить о близости типичного мустье Рипичени-Извор и нашего мустье. Что касается комплекса С Д, где наряду с заметной долей леваллуазской техники весьма высок клектонский индекс, то здесь следует учесть его значительную древность относительно комплексов из нижней пачки стоянки Рипичени-Извор, слой 3 которой связан с отложениями интерстадиала моерсхофд (Carciumaru, 1985: 22). По данным И.К. Ивановой мустье Рипичени-Извор позднее брерупа (Иванова, 1975: 112), т.е. намного моложе стоянки Кетросы и синхронного комплекса С Д.

Существенное сходство наше типичное мустье имеет с вариантом мустье типа Муселиево и Самуилица 2 в Болгарии. Отличия заключаются в более высоких индексах леваллуа характерных для указанных выше болгарских памятников. Однако в Болгарии имеется и нелеваллуазское мустье с низкими индексами фасетирования и пластин. Это пещера Бачо Киро, где в нижних слоях обнаружены мустьерские комплексы (Kozłowski 1982: 81-116). Здесь нет бифасов и не отмечена подтеска типа «костенки». Анализ иллюстрации в монографии, посвященной изучению Бачо Киро, позволяет обнаружить форму, напоминающую листовидное острие с односторонней обработкой (Kozłowski 1982: 81), которое происходит из самого нижнего слоя 14. Еще одно орудие, которое может косвенно указывать на употребление бифасиальной техники, найдено в слое 13 (Kozłowski 1982: Pl.IX:2). Это обломок скребла с плоской и субпараллельной, почти струйчатой ретушью

края, которое сопоставлено исследователями стоянки с «листовидным острием» слоя 14.

Приведенные примеры позволяют допустить, что здесь нет листовидных бифасов только по причине небольшого объема коллекций. Ни в одном из слоев не найдено 100 орудий, а если изъять из коллекции отщепы с нерегулярной ретушью, отщепы, пластины и острия леваллуа без обработки, то нигде нет более 50 орудий. Молодовское мустье, которое происходит из ашеля Королево в Закарпатской Украине (Гладилин 1978; Кулаковская 1989, Анисюткин,1981) также не имеет полных аналогий на соседних территориях. Исключением является группа мустьерских стоянок в Подолии, включая основополагающий комплекс — Пронятин (Сытник 1985; 1989; 1994), а также стоянки Бережаны 5 и Тернополь 1, коллекции которых мало отличимы от молодовской индустрии (Сытник 1997; 1998). Этот факт дает основание для предположения о том, что основной ареал молодовского мустье находился именно в северной части Среднего Приднестровья и, прежде всего, на территории Подолии. Здесь данный тип мустье, отделенный от Центральной Европы Карпатскими горами, которые в вюрмское время играли роль естественного препятствия (Сытник, 1994: 108), сформировался в своеобразную мустьерскую археологическую культуру.

В настоящее время, учитывая современное состояние наших источников, нельзя воспринимать самостоятельность двух групп нашего типичного мустье однозначно. Казалось бы, очевидна разница между разноликой северомолдавской группой и сравнительно монолитной молодовской. При сопоставлении комплексов любой стоянки эти отличия существенны. Однако, все наши изощрения по части методики и процедуры выделения локальных вариантов среднего палеолита становятся несостоятельными при столкновении с фактом сосуществования комплекса северомолдавской (комплексы 2 и 3) и молодовской групп (комплекс 1) в пределах единого культурного слоя , но на разных участках одного поселения Кетросы (Анисюткин, 1981). Сходное явление ранее описано Ю.Г. Колосовым в палеолите Крыма (Колосов, 1986: 136).

4. Вопросы взаимовлияний. Необходимо обратить внимание на наличие в каменных индустриях определенных форм орудий, которые дают интересный материал к размышлению. В среднем палеолите, включая типичное мустье, выявляются бифасиальные формы, которые обычно связывают с микоком. Наиболее выразительные, включая прондники, происходят из слоев 4 и 5 стоянки Рипичени-Извор, единичные бифасы типа Keilmesser обнаружены в культурных слоях ряда стоянок Приднестровья и Северной Молдовы, в частности со Стинки 1. Отдельные формы, напоминающие прондники, встречены в гротах Бутешты и Тринка 2 (Анисюткин, Борзияк, Кетрару, 1986: 69). Однако, самыми интересными являются комплексы начала верхнего палеолита, где сочетаются элементы разных мустьерских вариантов нашего региона. Один из таких комплексов представляет ранний ориньяк Румынии, который залегает в основании серии верхнепалеолитических слоев, перекрывающих мустьерский слой 6 стоянки Рипичени-Извор. Речь идет о культурных слоях 1a и 1b, предполагаемая дата которых около 30 тысяч лет (Paunescu, 1993: 131-140). Соотношения между основными группами орудий этих слоев и верхнего слоя Стинки 1 очень сходны. Так в раннем ориньяке орудия верхнепалеолитической группы (группа III по Ф. Борду) достигают почти 15 %, мустьерской группы II — 14%, а зубчатых орудий — группа IV — 27,6%, в то время как бифасы (включая листовидные острия) составили всего 4%. Напомню, для Стинки 1 они следующие: II — 8,6%, III — 16%, IV — 21%, бифасы — 9%. Очевидно почти полное совпадение. Некоторые различия в процентном соотношении можно считать случайными. Напротив, в ориньяке преобладают пластинчатые заготовки, включая отщепы, пластины и острия леваллуа. Среди последних имеются как ретушированные формы, так и лишенные обработки. Обнаружены единичные мустьерские остроконечники. В коллекции верхнего слоя Стинки 1 этих форм, а также крупных бифасов, нет. Особенно показательны бифасы крупных размеров, в их числе скребло с частично двусторонней обработкой, которые обычны в нижележащем микокском слое 5. Аналогичное крупное скребло с частично бифасиальной обработкой найдено в комплексе (раскопе) 2 стоянки Кетросы на Среднем Днестре (Анисюткин, 1981: 43).

Еще один комплекс, который также расположен на левом берегу реки Прут, происходит из местонахождения Валя-Изворулуй, где нет выраженного культурного слоя. Комплекс датируется переходным временем между мустье и верхним палеолитом (Bitiri, 1973: 27-35). Здесь отмечено то же сочетание как и для ориньяка Рипичени-Извор, в их числе крупные бифасиальные формы. Последние, как уже отмечалось, типичны для слоев 4 и 5 Рипичени-Извор (Mania, Toepfer, 1973: 143; Paunescu, 1988). Очень важно, что в данной коллекции, с которой мне удалось ознакомиться в Бухаресте благодаря любезности доктора М. Битири-Чартеску, сочетаются типичные стинковские элементы и микокские, особенно характерные для слоя 5 Рипичени-Извор.

Сходная картина отмечена для нижнего слоя грота Брынзены 1 в Молдове, где ориньякские скребки сочетаются с выразительными скреблами и пластинчатыми заготовками, а также обильными выемчатыми и зубчатыми орудиями, единичными редуцированными скреб-

ками на площадках, сравнительно многочисленными бифасами. Среди последних имеются формы с обушками, напоминая ножи типа Keilmesser (Chirica, Borziac, Chetraru, 1996, Fig.21, 5). Правда, индекс пластин, выявленный мною по части коллекции 1965 года, достигал всего 25%, что для верхнего палеолита достаточно мало.

Эти примеры дают основание для весьма широкой интерпретации, включая культурные взаимовлияния. Они показывают, что процесс трансформации мустье в верхний палеолит был весьма сложным и далек от единственной модели простого перерастания определенного варианта мустье в определенную культуру верхнего палеолита. В регионе прослежено 2 модели возможной трансформации: первая — линейная (Стинка 1, Климауцы 1, Зеленый хутор, Анетовка 13), на которую обращали внимание исследователи палеолита (Борзияк, 1978: 14; Станко, 1982: 89), вторая может быть названа «синтетической», где отмечается совмещение элементов стинковской культуры и регионального типичного мустье.

В заключение можно отметить любопытную тенденцию, которая прослежена на материалах изучаемого региона: в рисс-вюрме — амерсфорте микок характеризуется комплексами с типичными бифасами, включая микокские, расположенными на окраине региона; в более позднее время — видимо после брерупа (в плениглициале) — бифасиальные формы представлены листовидными остриями и атипичными Keilmesser, включая Koenigsaue и прондники, но без микокских рубил. Эти формы, свойственные т.н. «восточному микоку», найдены как в типичном мустье, так и в зубчатом, распространенными по всему ареалу.

5. Вопросы развития. Очень важным итогом исследований палеолита Приднестровья является установление конкретных моделей временной изменчивости каменных индустрий с учетом региональных особенностей. Эта изменчивость, которую можно отождествить с развитием, прослеживается на огромном отрезке времени. Причем, в одном конкретном случае новые материалы позволили провести проверку правомерности выделения осыпского этапа развития стинковской культуры, который позднее был назван прото-стинковским. Речь идет о местонахождении Шипот 2 (ШНС), где каменные изделия и единичные обломки костей лошади найдены в отложениях пойменной фации аллювия II надпойменной террасы Днестра. Важно напомнить, что осыпский этап развития был выделен еще в 1971 году на основе небольшой коллекции Осыпки, подавляющая часть которой представлена переотложенными каменными изделиями из финальноплейстоценовых суглинков и только 3 связаны с датированными отложениями (Анисюткин, 1977а: 7), что явилось основой датировки всего материала интерстадиалом амерсфорт. К этому времени относятся отложения с каменными изделиями ШНС. Технические и типологические показатели этих двух комплексов, а также коллекций из нижнего слоя грота Выхватинцы с хорошей стратиграфической позицией и местонахождения Бобулешты 5 с подъемными материалами практически тождественны. Можно полагать, что комплекс Бобулешты 5 синхронен стратифицированным, соответствуя хронологически периоду от рисс-вюрма до интерстадиала амерсфорт включительно.

Дуруиторо-стинковское единство можно подразделить на следующие этапы развития: дуруиторский (грот Дуруиторы, Мерсына, Хоробра, Ярово), прото-стинковский (Осыпка, ШНС, нижний слой грота Выхватинцы, Бобулешты 5), раннестинковский (нижний слой Стинки 1, Мамая, грот Буздужаны 1), позднестинковский (верхний слой Стинки 1, Шипот 1, слой 2 грота Буздужаны 1). Видимо к дуруиторскому этапу можно отнести коллекцию Стинки 4, к прото-стинковскому — Стинку 2 и ряд местонахождений в бассейне Реута (Кетрару, 1973: 29-31), к раннестинковскому — слои 11, 12 стоянки Кормань 4. Каждый этап может быть охарактеризован достаточным количеством сравнительного материала.

В целом, техника расщепления совершенствуется медленно для индустрий дуруиторостинковского единства. Здесь способ подготовки ударных площадок нуклеусов при помощи фасетирования или снятия «бахромы» не был распространен. Уменьшение угла скалывания достигалось при помощи довольно широких сколов, хотя часто этого не делалось вообще. Подготовка рабочей поверхности была минимальной, что сказывалось на формах заготовок. Только в конце мустьерской эпохи, на позднестинковском этапе развития, наметился некоторый прогресс: поперечные ядрища стали заменяться продольными, а отбойники из твердых пород камня вытесняются иными (в частности из песчаника). Нельзя исключать того, что именно в это время стал постоянно использоваться посредник. Общий прогресс выразился в постепенном уменьшении массивности отщепов и пластин. Правда, если для зубчатого мустье этот процесс растянут до начала верхнего палеолита, то для типичного мустье все завершилось уже в период существования слоя 11 Молодова 5 (т.е. в нижнем плениглициале) когда был достигнут предельный уровень уплощения сколов-заготовок. Например, индексы массивности верхнего слоя стоянки Костенки 1, слоев 11 и 4 стоянок Молодова 5 и 1 были одинаковы, достигая всего 17. Очевидно значительное преобладание тонких сколов-заготовок с массивностью менее 20 (Анисюткин, 1988: 105). С данными показателями коррелируют индексы пластин и клектона, изменяющиеся по-разному в типичном мустье и

в стинковской культуре.

Основной прогресс в технике расщепления камня шел по пути уменьшения массивности и увеличении удлиненности заготовок, подтверждая тем самым мысль Г.А. Бонч-Осмоловского, высказанную еще в 1928 году (Бонч-Осмоловский, 1928: 181-183). Развитие шло поразному в разных вариантах среднего палеолита: очень медленно в индустриях дуруиторостинковского единства и очень быстро в молодовском леваллуа-мустье. Присутствие отщепов с двумя противолежащими ударными площадками не только на дуруиторском этапе, но и на протостинковском (ШНС), свидетельствует о существовании архаичных элементов расщепления камня до начала вюрма. Напротив, подлинные черепаховидные нуклеусы, которые обычны в коллекции КЯЮ, очень быстро исчезают, заменяясь одно и двуплощадочными леваллуазскими ядрищами для пластин, на что обращал свое внимание такой тонкий наблюдатель как А.П. Черныш еще свыше тридцати лет тому назад (Черныш, 1965: 96).

Типологические изменения также различны в разных вариантах. В типичном мустье, если использовать как самый ранний комплекс КЯЮ, когда существовали типичные бифасы, кливеры, чопперы и крупные скребловидные формы (секачи по В.Н. Гладилину), трансформация произошла стремительно: исчезли или стали случайными, превратившись в атипичные, все отмеченные выше формы, но появились леваллуазские и мустьерские остроконечники. В дальнейшем никаких существенных изменений не выявлено, исключая КЯС, где найдено много скребков. Однако здесь трудно говорить однозначно о развитии, учитывая сохранность памятника.

Близкая картина зафиксирована и для стинковской культуры, где, если брать во внимание только послебрерупские индустрии, кардинальных изменений не обнаружено. Сосуществуют сходные по типологическим показателям две индустрии, различающиеся степенью «мустьеризации». В этом плане комплексы Мамаи, описанные К. Валохом и А. Паунеску, имеют все те признаки, которые зафиксированы для стинковской и буздужанской индустрий. Поэтому считать ранний комплекс Мамаи рисс-вюрмским нет оснований. Здесь нужно согласиться с датировкой, которая предложена румынскими учеными, датировавшими ранний комплекс Валоха брерупским временем (Dumitrescu e.a., 1983: 40). Только в среднем пленигляциале, после интерстадиала моерсхофд, выявляются следы «деградации», выразившейся не только в изменившемся характере скребел и во вторичной отделке орудий, но в увеличении количества и качества верхнепалеолитических элементов, в их числе типичных скребков на концах пластинчатых заготовок и единичных микропластинок с ретушью краев. Самым поздним в этой цепи является верхний слой Стинки 1. Для данного специфического варианта среднего палеолита характерна такая модель развития, где коротким периодам довольно быстрой эволюции, которые соответствуют протостинковскому и верхнестинковским этапам развития, противостоит период относительной стабилизации, практически без изменений.

Подобное вероятно характерно и для типичного мустье. Но здесь нет ни одного комплекса, который можно было бы признать в качестве переходного от мустье к верхнему палеолиту. Напомню, что КЯС с относительно многочисленными скребками представлен подъемным материалом.

Типичный микок характеризуется малочисленной коллекцией среднего слоя грота Выхватинцы и материалами аллювиального комплекса стоянки Кетросы, а также единичными находками, включая типичный сердцевидный бифас, с левобережного притока Днестра реки Смотрич на окраине Негина. Бросается в глаза преобладание в этих комплексах пластинчатых заготовок, включая леваллуазские.Ранние комплексы микока отмечены на восточной окраине ареала, в то время как «восточно-микокские» элементы распространяются широко только в пленигляциале.

6. Вопросы палеоэкологии. Частично вопросы палеоэкологии региона освещены в работе И.К. Ивановой, где основное внимание уделено палеогеографии (Иванова, 1987: 94-123). Это же характерно и для других работ, в которых речь идет о Приднестровье.

В качестве образца палеоэкологической характеристики имеющихся материалов использую сборник «Проблемы палеоэкологии древних обществ», где впервые в отечественной научной литературе дана теория и методика, а также рассмотрены различные аспекты палеоэкологических исследований в археологии (Леонова, Несмеянов 1993: 5-7). Последнее обстоятельство имеет для специалистов по палеолиту решающее значение.

6.1. Региональная палеоэкология. Регион занимает особое географическое положение, располагаясь на стыке Балкан, Центральной и Восточной Европы, являясь юго-западной окраиной великих степей Евразии, представляя лесостепную зону, примыкающую к лесам Карпатских гор. В течение позднего плейстоцена, в результате существенных климатических колебаний, связанными с вюрмским оледенением, границы степи и леса изменялись, но регион оставался всегда лесостепным, как и в настоящее время (Украина и Молдавия, 1972: 285). Территория междуречья Прута и Днестра представляет холмистую равнину, пересеченную цепью небольших возвышенностей с конусообразными или плоскими вершинами, сложенными органогенными известняками. Данная цепь шириной до 10 км протя-

гивается с юга — юго-востока на северо-запад с территории Румынии до левобережья Днестра на территории Украины. Эта рифовая зона называется толтрами или медоборами (Поручик, 1916: 119). В них имеются карстовые полости, включая гроты и навесы, часть из которых содержит культурные слои палеолитического времени. Последние сегодня выявлены только на территории Молдовы.

Долина Днестра, особенно в среднем течении, достаточно глубоко врезана, напоминая каньон. Выделено два типа террас — надканьонные — высокие и внутриканьонные — более низкие (Иванова, 1987: 94). На последних обнаружены почти все стоянки среднего палеолита. На высоких террасах (свыше 120 м), которые ныне очень сильно эродированы, встречаются только единичные кремневые изделия, включая архаичные.

Внутриканьонная часть долины, представленная II, III и IV террасами, также была расчленена различными по протяженности притоками Днестра. Часто эти долины, называемые ярами, имели крутые, обрывистые склоны, где обнажены дочетвертичные породы, в которых имелись выходы кремня. Имелись многочисленные источники пресной воды, которые использовались древними людьми.

Фауна позднего плейстоцена, найденная на среднепалеолитических стоянках Приднестровья и Северной Молдовы, представлена типичным приледниковым комплексом, широко распространенным в Европе. Налицо представители всех биотопов, но преобладают животные открытых пространств. Для пещерных стоянок характерны пещерные хищники.

Растительность позднего плейстоцена, как свидетельствуют палинологические данные, была достаточно разнообразной , достигая максимума теплолюбивых форм во время климатических максимумов микулинского межледниковья. Суровые климатические условия зафиксированы в послебрерупское время. В это время доля пыльцы широколиственных пород составляла 5% только в интерстадиалах, а в отложениях стадиалов она либо единична, либо не найдена вообще. Тем не менее, теплолюбивые формы могли переживать самые суровые отрезки ледникового периода в глубоких защищенных оврагах Приднестровья (Пашкевич, 1977: 105-111; Левковская, 1981: 125-134; Болиховская и др., 1982: 121-143).

Изучаемая территория была очень благоприятной для жизнедеятельности людей в первой половине позднего плейстоцена. Здесь имелись обильные и разнообразные источники сырья и пресной воды, существовали благоприятные условия для организации поселений и мест для облавной охоты, водились разнообразные промысловые животные, произрастали многочисленные съедобные растения. Известно, что для лесостепи характерна наибольшая биомасса (Долуханов1976: 16).

6.2. Локальная палеоэкология. По характеру материалов, используемых для реконструкций, локальную палеоэкологию целесообразно разделить на два направления: палеоэкологию места жительства и палеоэкологию посещаемых территорий (Леонова, Несмеянов 1993: 10). Конкретно, локальная палеоэкология каменного века изучает условия существования отдельной стоянки (группы стоянок) на определенной территории и факторы адаптации ее обитателей к этим условиям. Итогом исследований является локальная реконструкция среды обитания и жизни древнего человека (Леонова, Несмеянов 1993: 59).

Большинство открытых стоянок имеют северную или северо-западную экспозицию. Это характерно как для стоянок с сохранившимися культурными слоями, так и для местонахождений с подъемными материалами. Фактически на север открыта долина Кишлянского яра, где расположена стоянка Кетросы. Все объекты привязаны к источникам воды и сырья. Последние представлены либо выходами непосредственно в пределах стоянки (Кетросы), либо переотложенными кусками и желваками кремня (Молодова 1 и 5), либо галечниками (Стинка 1, Шипот 1). Интересно, что основными источниками питьевой воды были родники или маловодные притоки, но не река Днестр. Исключением является местонахождение Осыпка, найденное непосредственно в древней пойме Днестра. Стоянки на IV надпойменной террасе отличаются от расположенных на более низкой высоким процентом орудий, что позволяет видеть здесь иной тип сезонных стоянок.

Молодовские стоянки находились на сравнительно обширных мысах, которые ограничены с востока и запада водотоками, а с юга крутым склоном высокой террасы, где у тылового шва группировался кремневый щебень и желваки, снесенные с более высоких участков их коренного залегания (Иванова, 1982, рис.9). Стоянка открыта на север и северо-запад в направление поймы Днестра. Незащищенность от северо-западного ветра, господствующего в данной местности и в настоящее время (Природа Чернівецькоі області, 1978: 62), компенсировалась устройством жилищ с широким использованием гигантских костей мамонта.

Топография стоянки Кетросы, укрытой в боковой долине и защищенной от непогоды конусами выноса, а также жилищами с использованием костей мамонта и крупных камней, связана вновь с источниками воды и сырья для изготовления каменных орудий. В отличие от топографии молодовских стоянок здесь «полезная площадь» позволяла образовывать жилые площадки на узком пространстве, выстраивая их вдоль водотока Кишлянского яра один за другим. Сейчас известно 4 комплекса, в их числе 2 раскопанных, 1 разрушен карьером и 1

разведан, но не исследован до сих пор.

Открытые стоянки на IV-ой надпойменной террасе, относящиеся к стинковской культуре, хорошо укрыты в рельефе и незаметны с левого берега реки. Противоположностью являются комплексы типичного мустье. В частности, СД хорошо видна с противоположного берега. С поверхности IV надпойменной террасы хорошо просматривается долина Днестра.

Стоянки в гротах имеют южную, юго-восточную, реже восточную или юго-западную (грот Дуруиторы) экспозиции. Исключением являются гроты Тринка 3 (Анисюткин, Борзияк, Кетрару, 1986: 83-84) и Ла Сэретурь (Борзияк, Григорьева, Кетрару, 1981: 35), мустьерские слои которых являются остатками охотничьих лагерей. Все они расположены высоко от воды и лишены источников сырья, исключая грот Выхватинцы. Для пещерных стоянок типичны высокие проценты орудий и малочисленность нуклеусов, представленных преимущественно остаточными образцами. Многие кремневые орудия имеют следы переоформления, а скребла интенсивно ретушированы. Это характерно для зимних поселений, когда источники сырья были недоступны. К тому же, для стоянок этого типа обычна сильная фрагментированность обломков костей (Давид,1986: 113). Если учесть размеры скальных убежищ и распространенность культурного слоя, а также объемы коллекций, то возможно предположить, что здесь зимовали небольшие группы древних людей. Исключением является средний слой грота Выхватинцы, который вероятно представлял стоянку в районе облавных охот палеоантропов, учитывая топографию местности, изобилие костей животных в тальвеге балки и особенность набора каменных изделий, где преобладали орудия, включая 5 бифасов.

Можно предположить, что открытые стоянки на II-ой террасе являются сезонными поселениями на путях миграций копытных животных, а также мамонтов. Они функционировали в осенний период, когда была необходимость в утепленных жилищах, как это установлено для стоянки Кетросы (Анисюткин, 1979: 46; Щелинский, 1994: 27).

Стоянки на высоких террасах ,видимо, следует отнести также к сезонным, существовавшим в теплый период. На это указывает топография стоянок, расположенных на высоких поверхностях, не защищенных от холодных ветров при отсутствии следов утепленных жилищ. Скорее всего, в сооружении последних не было необходимости, если допустить занятость этих мест летом. Кроме того, на стоянках подобного типа всегда много ядрищ, включая преформы. Кстати, в пыльцевых спектрах из отложений нижнего слоя стоянки Стинка 1 исключительно обильна пыльца сорняков, которые свидетельствуют о появлении рудеральных сообществ на месте первичных фитоценозов — на вытоптаном человеком грунте. В культурном слое стоянки Кетросы и в слое 4 Молодова 1 процент сорняков менее значителен. Это возможно указывает на то, что они существовали в осенний период, в конце вегетативного периода.

6.3. Для наступающего вюрмского времени характерна нестабильность климата, вызванная наступающим оледенением. Во время холодных стадиалов и прохладных интерстадиалов раннего и среднего плениглициала становились редкими или исчезли многие виды растений, включая съедобные, а также некоторые виды промысловых животных. Например, вместо многочисленного бизона, который наряду с широкопалой лошадью являлся основной добычей мустьерцев, в послебрерупское время основной добычей были стада северного оленя, который вместе с лошадью и мамонтом превратился в главный объект охоты палеолитического человека до конца плейстоцена.

6.4. Степень оседлости, дальность и маршруты кочевий. Памятник, который принято считать образцом относительной оседлости, т.е. базовой стоянкой — слой 4 Молодова 1, существовал от 3-х лет (Черныш 1982: 57) до нескольких десятков лет (Иванова 1982: 223). Однако это не было непрерывным заселением. Стоянка неоднократно оставлялась и вновь заселялась группами мустьерцев. Данные из работ А.П. Черныша позволяют убедиться в многогоризонтности наиболее полно раскопанного слоя 4 стоянки Молодова 1. В частности, при описании ямы-хранилища (кладовой) обращено внимание на разновременность ее заполнения. Выделено три уровня костей, перекрывающих один другой, что видно на представленном разрезе (Черныш 1989: 76-77). Планиграфия также дает доказательство многогоризонтности: одни комплексы перекрывали другие, а тонкие очаги, хаотично расположенные, не только «заползают» под стены жилища-яранги, но и прорывают последние (Черныш 1965: 38; 1982,рис.10). Дополнительным доказательством является характер каменной индустрии молодовского мустье, где орудия с краевой однорядной ретушью весьма просты, а переоформленные единичны, что типично для индустрии стоянки Кетросы. Однако, в отличие от последнего памятника, располагавшегося на путях миграций бизона, молодовские были связаны, вероятно, с путями миграций мамонта. Не исключено, что значительная часть костей от 53 мамонтов из слоя 4 (Черныш 1989: 78) подобрана на берегу Днестра, как это имело место в Кетросах (Аникович, Анисюткин 1995: 597).

В нашем регионе нет базовых стоянок, указывающих на оседлость, а относительно долговременными были только зимние поселения в скальных убежищах. Можно заключить, что система жизнеобеспечения мустьерцев была обусловлена природными условиями, сменой времен года, способствовавших сезонной дея-

тельности. В отличие от горных регионов с вертикальной зональностью, на равнине ландшафтные зоны имеют горизонтальную зональность, содействуя в зависимости от времени года, длительным миграциям промысловых животных, позволяя полнее использовать те или иные источники питания, связанные с охотой и собирательством.

7. Заключение. Средний палеолит Приднестровья и Северной Молдовы существовал на территории с благоприятными природными условиями, которые вопреки существенным климатическим колебаниям позднего плейстоцена позволяли человеческим популяциям находить достаточные ресурсы для жизнеобеспечения. В основе хозяйственной деятельности, связанной с охотой и собирательством, положена такая модель, которая учитывает естественную смену времен года и особенности природной среды. Все стоянки являются сезонными, среди которых относительно долговременными можно назвать только зимние стоянки. Лишь в это время года немногочисленные коллективы мустьерцев, укрывавшихся в гротах в течение нескольких холодных месяцев, вели вынужденно оседлый образ жизни. Напротив, в теплое время года люди вели подвижный образ жизни, объединяясь в достаточно многочисленные коллективы для охоты во время миграций стадных животных (Кетросы, Молодова 1 и 5) или иных видов деятельности, связанных с собирательством (Стинка 1, С Д). Важно отметить, что система «землепользования» была одинаковой для каждого из вариантов регионального среднего палеолита.

Структура поселений дает возможность понять особенности социальной организации людей этого времени. Очевидно, общины расчленялись на отдельные хозяйственно-родственные группы, возможно отдельные протосемьи, или формирующиеся семьи, которые населяли отдельные жилища (как в Кетросах) и вели относительно самостоятельное хозяйство. В то же время община была сплоченной, интегрированной общностью. Подтверждением сплоченности служит строительство жилищ из крупных камней и огромных костей мамонта, что немыслимо без взаимопомощи (Анисюткин, 1978: 146; Кабо, 1986: 213-214).

Специфика региональных индустрий состоит в наличии двух контрастных вариантов. Вариант, названный стинковской культурой (Анисюткин, 1977б: 6-9), представляет особое явление, где архаичная технология первичного расщепления сочетается с относительным обилием верхнепалеолитических форм и присутствием листовидных острий-бифасов. Важно, что индустрии данной культуры имеют большое сходство с индустрией среднего плейстоцена. Это относится к комплексу нижних слоев грота Дуруиторы, который сопоставлялся с тайяком (Кетрару, Анисюткин, 1967: 36; Кетрару, 1973: 13), но позднее рассматривался как своеобразное явление (Анисюткин, 1992: 25), аналогичное эвенозьену и клектону одновременно. В данном случае выделение дуруиторо-стинковского единства, существовавшего от рисса до середины вюрма, т.е. в течение очень длительного времени, представляет значительный интерес.

ЛИТЕРАТУРА.

Агаджанян А.К. 1982. Мелкие млекопитающие из разреза стоянки Молодова 1.// Молодова 1. Уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре. «Наука», Москва, с. 154-171.

Адаменко и др. 1996. — Адаменко О.М., Гольберт А.В., Осиюк В.А., Матвиишина Ж.Н., Медяник С.И., Моток В.Е., Сиренко Н.А., Чернюк А.В. Четвертичная палеогеография экосистемы Нижнего и Среднего Днестра.»Феникс», Киев, 1996.

Алексеева Л.И. 1987. Териофауна многослойной стоянки Молодова 5.// Многослойная палеолитическая стоянка Молодова 5. Люди каменного века и окружающая среда. «Наука», с. 153-162.

Аникович М.В., Анисюткин Н.К. 1995. Человек и мамонт в палеолите Восточной Европы.// Первое международное мамонтовое совещание 16-22 октября 1995 года, С.- Петербург, Россия. Тезисы докладов. Санкт-Петербург, с.597.

Анисюткин Н.К. 1969. Мустьерская стоянка Стинка на Среднем Днестре.//Археологический сборник, 11, «Советский художник», Ленинград, с. 5-17.

Анисюткин Н.К. 1975. Новое палеолитическое местонахождение Шипот в Приднестровье.// БКИЧП, n. 43, Москва, с.163-168.

Анисюткин Н.К. 1977а. Раннемустьерское местонахождение Осыпка и некоторые вопросы зубчатого мустье в междуречье Днестра и Прута.// Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европаы. «Наука», Ленинград, с.7-14.

Анисюткин Н.К. 1977б. Об археологических культурах мустье.// Археологический сборник, 18, «Аврора», Ленинград, с. 5-9.

Анисюткин Н.К. 1978. Кетросы — поселение неандертальских охотников на Днестре.// Природа, 5, Москва, с. 145-146.

Анисюткин Н.К. 1979. Мустье бахчисарайско-холоднобалковского типа.// Исследования палеолита в Крыму. «Наукова думка», Киев, с.131-141.

Анисюткин Н.К. 1981. Археологическое изучение мустьерской стоянки Кетросы.// Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре.»Наука», Москва, с.7-53.

Анисюткин Н. К. 1984. О взаимодействии среднепалеолитических культурных единств на территории Юго-Запада СССР. //Археологический сборник, 25, «Искусство», Ленинград, с. 19-23.

Анисюткин Н.К. 1990. Хронология мустье (Приднестровья).// Палеолит Кавказа и сопредельных территорий. «Мецниереба», Тбилиси, с.46-51.

Анисюткин Н.К. 1992. Ранний и средний палеолит Юго-Запада Европейской части СССР. Автореферат диссертации доктора историч. наук. Санкт-Петербург.

Анисюткин Н.К. 1994. Древнейшие местонахождения раннего палеолита на Юго-Западе Русской равни-

ны.// Археологические вести, n. 3, Санкт-Петербург, с. 6-16.

Анисюткин Н.К., Борзияк И.А.,Кетрару Н.А.1986. Первобытный человек в гротах Тринка 1-3. «Штиинца», Кишинев.

Анисюткин Н.К., Кетрару Н.А. 1982. Грот Выхватинцы и проблема домустьерских памятников Молдавии.// Проблемы антропогена Молдавии, «Штиинца», Кишинев, с.120-132.

Болиховская Н.С. 1981. Растительность и климат Среднего Приднестровья в позднем плейстоцене.// Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре. «Наука», Москва, с.103-124.

Болиховская Н.С. 1982. Растительность микулинского межледниковья по данным палинологического анализа полигенетической ископаемой почвы близ стоянки Молодова 1.// Молодова 1. Уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре. «Наука», Москва, с.145-154.

Болиховская, Пашкевич, 1982. Динамика растительности в окрестностях стоянки Молодова 1 в позднем плейстоцене. // Молодова 1. Уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре. «Наука», Москва, с.120-144.

Бонч-Осмоловский Г.А. 1928. К вопросу об эволюции древнепалеолитических индустрий. // Человек, n.2-4, с.147-185.

Борзияк И.А. 1978. Поздний палеолит Северо-Запада Молдавии. Автореферат диссертации кандидата историч. наук, Ленинград.

Борзияк И.А., Григорьева Г.В., Кетрару Н.А. 1981. Поселения древнекаменного века на Северо-Западе Молдавии. «Штиинца», Кишинев.

Былинский Е.Н. 1989. Объем микулинского межледниковья и проблема корреляции микулинских морских трансгрессий на севере Европы и черноморском побережье Кавказа. // Четвертичный период. Палеогеография и литология. «Штиинца», Кишинев, с.32-39.

Веклич М.Ф. 1968. Стратиграфия лессовой формации Украины и соседних стран. «Наукова думка», Киев.

Величко и др., 1989. — Величко А.А., Маркова А.К., Морозова Т.Д., Нечаев В.П., Ударцев В.П., Цацкин А.И., Чепалыга А.Л. Хроностратиграфия лессово-почвенной формации и ее значение в корреляции и периодизации ледниковой перигляциальной и приморской областей. // Четвертичный период. Палеогеография и литология. «Штиинца», Кишинев, с.14-21.

Гитерман Р.Е. 1987. Палинология мустьерских слоев стоянки Молодова 5.// Многослойная палеолитическая стоянка Молодова 5. «Наука», Москва, с.152-153.

Гладилин В.Н. 1976. Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. «Наукова думка», Киев.

Давид А.И. 1980. Териофауна плейстоцена Молдавии. «Штиинца», Кишинев.

Давид А.И. 1986. Остатки млекопитающих из гротов у с. Тринка.// Первобытный человек в гротах Тринка 1-3.»Штиинца», Кишинев, с.113 — 123.

Долуханов П.М. 1979. География каменного века. «Наука», Москва.

Заррина Е.П. 1991. Четвертичные отложения северо-западных и центральных районов Европейской части СССР. «Недра», Ленинград.

Иванова И.К. 1959. Геологические условия нахождения палеолитических стоянок Среднего Приднестровья.// Палеолит Среднего Приднестровья. Труды комиссии по изучению четвертичного периода, ХУ, Москва, с.215-278.

Иванова И.К. 1969. Геоморфология и палеогеография Приднестровья в палеолите.// Природа и развитие первобытного общества. «Наука», Москва, с.111-119.

Иванова И.К. 1975. Геологический обзор местонахождений каменного века Молдавии. // БКИЧП, n.43, «Наука», с.90-117.

Иванова И.К. 1982. Геология и палеогеография мустьерского поселения Молодова 1.// Молодова 1. Уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре. «Наука», Москва, с.188-235.

Иванова И.К. 1987. Палеогеография и палеоэкология среды обитания людей каменного века на Среднем Днестре.// Многослойная палеолитическая стоянка Молодова 5. Москва, с.94-123.

Иванова и др., 1981. — Иванова И.К., Болиховская Н.С., Ренгартен Н.В. Геологический возраст и природная обстановка мустьерской стоянки Кетросы.// Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре. «Наука», Москва, с.152-161.

Кабо В.Р. 1986. Первобытная доземледельческая община. «Наука», Москва.

Кетрару Н.А., Анисюткин Н.К. 1967. Мерсына. Новое нижнепалеолитическое местонахождение в Молдавии. Кишинев.

Кетрару Н.А. 1973. Памятники эпох палеолита и мезолита. Археологическая карта Молдавской ССР, вып.1, «Штиинца», Кишинев.

Кетрару Н.А. 1983. Палеолитическая стоянка Бобулешты 5.// Первобытные древности Молдавии. «Штиинца», Кишинев.

Кетрару Н.А. 1991. Производственные комплексы раннего палеолита Молдовы.// Хозяйственные комплексы древних обществ Молдовы. «Штиинца», Кишинев, с.5-28.

Кулаковская Л.В. 1989. Мустьерские культуры Карпатского бассейна. «Наукова думка», Киев.

Левковская Г.М. 1981. Палинологическая характеристика мустьерского культурного слоя стоянки Кетросы.// Кетросы. Мустьерское поселение на Среднем Днестре. «Наука», Москва, с.125-135.

Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., Матюшкин И.Е. Региональная и локальная палеоэкология каменного века.// Проблемы палеоэкологии древних обществ. Москва, с.5-18.

Мотуз В.М. 1987. Наземные моллюски из четвертичных отложений стоянки Молодова 5.// Многослойная палеолитическая стоянка Молодова 5. Москва, с.162-167.

Пашкевич Г.А. 1977. Палинологическое исследование разреза стоянки Кормань 4.// Многослойная палеолитическая стоянка Кормань 4. «Наука», Москва, с.105-111.

Поручик Ф.С. 1916. Геология Бессарабии. Кишинев.

Праслов Н.Д. 1984. Ранний палеолит Русской равнины и Крыма.// Археология СССР. Палеолит СССР. «Наука», Москва.

Природа Чернівецькоі області.1978, Львів.

Сергеев Г.П. 1950. Позднеашельская стоянка в гроте у с. Выхватинцы. СА, XII, с.203-212.

Станко В.Н. 1982. Мирное. Проблема мезолита степей Северного Причерноморья. «Наукова думка», Киев.

Станко В.Н., Петрунь В.Ф. 1994. Анетовка 13 — памятник начальной поры позднего палеолита в Степном Причерноморье // Археологический альманах, 3, Донецк, с. 161-179.

Сытник А.С. 1985. Ранний палеолит Приднестровской Подолии. Автореферат канд. диссертации. Киев.

Сытник А.С. 1989. Палеолит Приднестровской Подо-

лии.// Каменный век: памятники, методика, проблемы. «Наукова думка», Киев, с.86-93.
Сытник А.С. 1994. Мустьерская стоянка Пронятин и ее место в палеолите Восточной Европы.// Археологический альманах, n.3, Донецк, с.101-109.
Сытник А.С. 1997 — Ситник О. Леваллуазьский комплекс Тернопільськоі стоянки (Тернопиль 1).// Наукові записки. Випуск VI, Частина 1. Львивський історичнний музей. Львів, с.98-109.
Сытник А.С. 1998 — Ситник О. Мустьэрська стоянка Бережани V. Археологія.// Українська наука: минуле, сучасне, майбутнэ. Щорічник. Тернопіль, с.164-172.
Украина и Молдавия. 1972, «Наука», Москва.
Черныш А.П. 1959. Поздний палеолит Среднего Приднестровья.// Труды комиссии по изучению четвертичного периода, вып.15, Москва, с.5-214.
Черныш А.П. 1965. Ранний и средний палеолит Приднестровья. «Наука», Москва.
Черныш А.П. 1977. Многослойная палеолитическая стоянка Кормань 4 и ее место в палеолите.// Многослойная палеолитическая стоянка Кормань 4.»Наука, Москва, с.7-77.
Черныш А.П. 1982. Многослойная палеолитическая стоянка Молодова 1.// Молодова 1. Уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре.»Наука, Москва, с.6-101.
Черныш А.П. 1987. Эталонная многослойная стоянка Молодова 5.// Многослойная палеолитическая стоянка Молодова 5. «Наука», Москва, с.7-93.
Черныш А.П.1989. О мустьерских жилищах и поселениях.// Каменный век.»Наукова думка», Киев, с.72-81.
Щелинский В.Е. 1994. Трасология, функции орудий труда и хозяйственно-производственные комплексы нижнего и среднего палеолита. Автореферат диссертации доктора исторических наук. Санкт-Петербург.
Bitiri M. 1973. Cîteva date cu privire la Paleoliticul de la Mitok-Valea Izvorului.// Studii şi materiale istorice. III, Suceava.
Bosinski G. 1967. Die mittelpaläolithischen Funde im westlichen Mitteleuropa. Fundamenta A/4.
Bosinski G. 1985. Der Neandertaler und seine Zeit.// Kunst und Altertum am Rhein, n.118, Bonn.
Cârciumaru M. 1973. Bruno Bastian. La Chronostratigraphie du Wurm en Belgique à la lumière de la Pallinologie des Loess et Limons. // Studii şi Cercetare de Istorie Veche. T.24, n.1.
Cârciumaru M. 1985. La relation Homme-environnement element important de la dynamique de la Société Humaine au cours du Paléolithique et Epipaléolithique sur la territoire de la Roumanie.// Dacia, N.S., XXIX, n.1-2, pp.7-34.
Chetraru N.A. 1992. Contribuţii la cunoaşteria Paleoliticului inferior în Moldova.// Anuarul , II, Chişinău, pp.93-138.
Chirica V., Borziac I., Chetraru N. 1996. Gisements du Paléolithique Superieur ancien entre le Dniestr et la Tissa. Iaşi.
Combier J. 1967. La Paléolithique de la Ardeche dans son cadre paléoclimathique. Mem. 4, Bordeaux.
Dumitrescu e. a. 1962-1963 — Dumitrescu M., Samson P., Terzea E., Radulescu C., Ghica M. Peştera «La Adam», staţiune pleistocenă.// Lucrările institutului speleologic «Emil Racoviţa», Tom 1-2, pp. 229-284.
Dumitrescu e.a. 1983. — Dumitrescu V., Bolomey A., Mogosanu F. Esquisse d`une Préhistoire de la Roumanie. Bucarest.
Gamble C. 1986. The Palaeolithic settlement of Europe. Cambridge.
Haesaerts e. a., 1979. — Haesaerts P., Sirakova S. Le Paléolithique moyen a pointes foliaciées de Mouselievo.// Middle and early Upper Palaeolithic in Balcans. Warszawa-Kraków, pp.35-63.
Klein R. 1969. Mousterin Cultures in European Russia.// Science, Vol.165, n.03890.
Kozłowski J. (Ed.), 1982. Excavation in the Baco Kiro cave. Warszawa.
Lumley H. de (Ed.). 1972. La grotte mousterienne de la Hortus. Marseille.
Mania D., Toepfer V. 1973. Königsaue. Gliederung-Ökologie und mittelpalaeolithishe Funde der letzten Eiszeit. Berlin.
Păunescu A. e.a., 1972 — Păunescu A., Mogosanu F., Cârciumaru M. Unele consideraţii privind paleoliticul mijlociu din Dobrogea.// Pontica, V, pp.11-28.
Păunescu A. 1988. Chronologie du Paléolithique moyen en Roumanie dans le contexte de celui de l`Europe Centre-Orientale et Medionale.// L`Homme de Neandertal. Vol.1.La Chronologie. Liège, p.73-86.
Păunescu A. 1993. Ripiceni-Izvor. Paleolitic şi mezolitic. Bucureşti.
Riencourt, 1993. — Riencourt-les-Bapaume un gesiment du Paléolithique moyen. Documents d`Archeologie Française, n.37, Paris.
Sirakov N. 1983. Reconstruction of the Middle Palaeolithic flint assemblages from the cave Samuilitsa II and their taxonkmical position seen against the Palaeolithic of South-Eastern Europe. Folia Quaternaria, 55, Kraków.
Valoch K. 1968. Gisement du Pleistocene superieur à Mamaia sur la coté de la Mer Noire. // La Préhistoire. Problemes et Tendances. P.465-472.
Valoch K. 1993. Les industries du Paléolithique moyen de Mamaia-Sat, Roumanie.// L'Anthropologie. Tome 97, n.2/3, pp.239-264.
Velichko A. 1988. Geoecologiy of the Mousterian in East Europe and the adjacent areas.// L`Homme de Neandertal, 2. L`Environnement. Liège, pp.181-206.
Webb R. 1988. The implications for Middle Palaeolithic Culture History of recent attemts at radiometric dating.// Le Homme de Neandertal, 1. La Chronologie. Liège.

Кулаков С.А.

ТЕХНОЛОГИЯ РАСЩЕПЛЕНИЯ КАМНЯ НА МЕСТОНАХОЖДЕНИИ БОГОС (СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ)

Kulakov S.A. The technology of knapping of stone on the location of Bogos (North-Eastern region of the Black Sea).

The Palaeolithic workshop Bogos, consisting of 10 small locations, is discovered in hilly foothills of Caucasis, on the Black Sea coast in the region of Grand Sochi. The major part of flint finds (2,364 copies) is gathered on the surface and in the deposits of loams on the edges of gullies, cutting a 35-40 meter-terrace of the river Psou. A part of the collection was selected in shingle beds of the same terraces what gives the chance of determining their age within the framework of Riss interglacial, probably, closer to its end (115-70 thousand years ago).

The technological analysis of the industry reveals the primary usage of unifacial core with a parallel chopping. Levallois cores and discoid nucleuses are presented in a lesser degree. Taking into consideration a great number of pre-cores, technological flakes and other characteristic features of palaeotechnics, it is possible to make the conclusion of a specialized character of Bogos as a production base, providing the whole region of Sochi-Gagra with flint blanks.

Proceeding from the tool set of the collection, it is fair enough to attribute the Middle Palaeolithic industry of Bogos to the number of monuments of the Tayac denticulated way of development. This is defined by the presence of articles of massive and high form, side-scrapers and denticulate and notched tools. To this group of monuments the most part of the middle-palaeolithic sites of the North-Western Caucases is referred.

Местонахождение Богос было открыто в 1967 г. Кавказской палеолитической экспедицией ЛОИА АН СССР, под руководством В.П.Любина (Любин, Щелинский 1972), в 1988 г. местонахождение было повторно обследовано Причерноморским отрядом этой экспедиции (Кулаков 1993 а, 1988).

Местонахождение Богос расположено на правом берегу реки Псоу, в полосе холмистых предгорий. В 12 км от берега Черного моря, в районе села Ермоловка Адлерского района Большого Сочи (рис.1). Окрестности селения сильно залесены, а все безлесные места вокруг заняты под фруктовые сады, чайные плантации, пашни и личные усадьбы жителей. Каменные изделия обнаруживаются на склонах небольшой горы — «Богосов бугор» (отсюда и название местонахождения), на поверхности и в отложении речной террасы, прилегающей к ней с юга, и по бортам оврага, огибающего гору и террасу с северо-запада на юг. Здесь же на «Богосовом бугре» имеются многочисленные выходы кремневого сырья невысокого качества. Сбор артефактов производился в ряде локализующихся пунктов на обнажениях покровных суглинков по бортам оврага, на пашнях и на вспаханных участках в садах и чайных плантациях. Локализация пунктов производилась согласно естественному разделению местонахождения дорогами, тропинками, границами усадеб и полей.

В 1967 г. на местонахождении было выделено 4 пункта сбора артефактов, в 1988 г. в результате нового более тщательного обследования памятника было прибавлено 6 новых пунктов и собрана дополнительная коллекция каменных предметов, таким образом сейчас местонахождение насчитывает 10 пунктов (Богос I-X), общей площадью более 10 га. Наиболее богатыми являются пункты — Б III, IV,V,VI и IX (рис.1).

Согласно определению В.П.Любина и В.Е.Щелинского, местонахождение Богос располагается на поверхности, в покровных отложениях и в верху галечника IV (35-40 м) надпойменной террасы р.Псоу, которая в устье реки непосредственно переходит в IV морскую террасу, равную ей по высоте. Авторы определяют эту террасу как «древнекарангатскую», сопоставляемую с рисским (одинцовским) интергляциалом, исходя из этого палеолитического изделия, происходящие из верхней части галечников террасы, «не могут быть моложе конца одинцовского межледниковья или начала московского оледенения» (Любин, Щелинский 1972: 92).

К настоящему моменту в решении вопросов корреляции речных и морских террас Северо-Западного между собой и их привязки к Средиземному морю и Атлантике проделана огромная работа, сложилась боле или менее единая схема их расчленения. В 1980-90-е гг. большие

© Кулаков С.А., 1999.

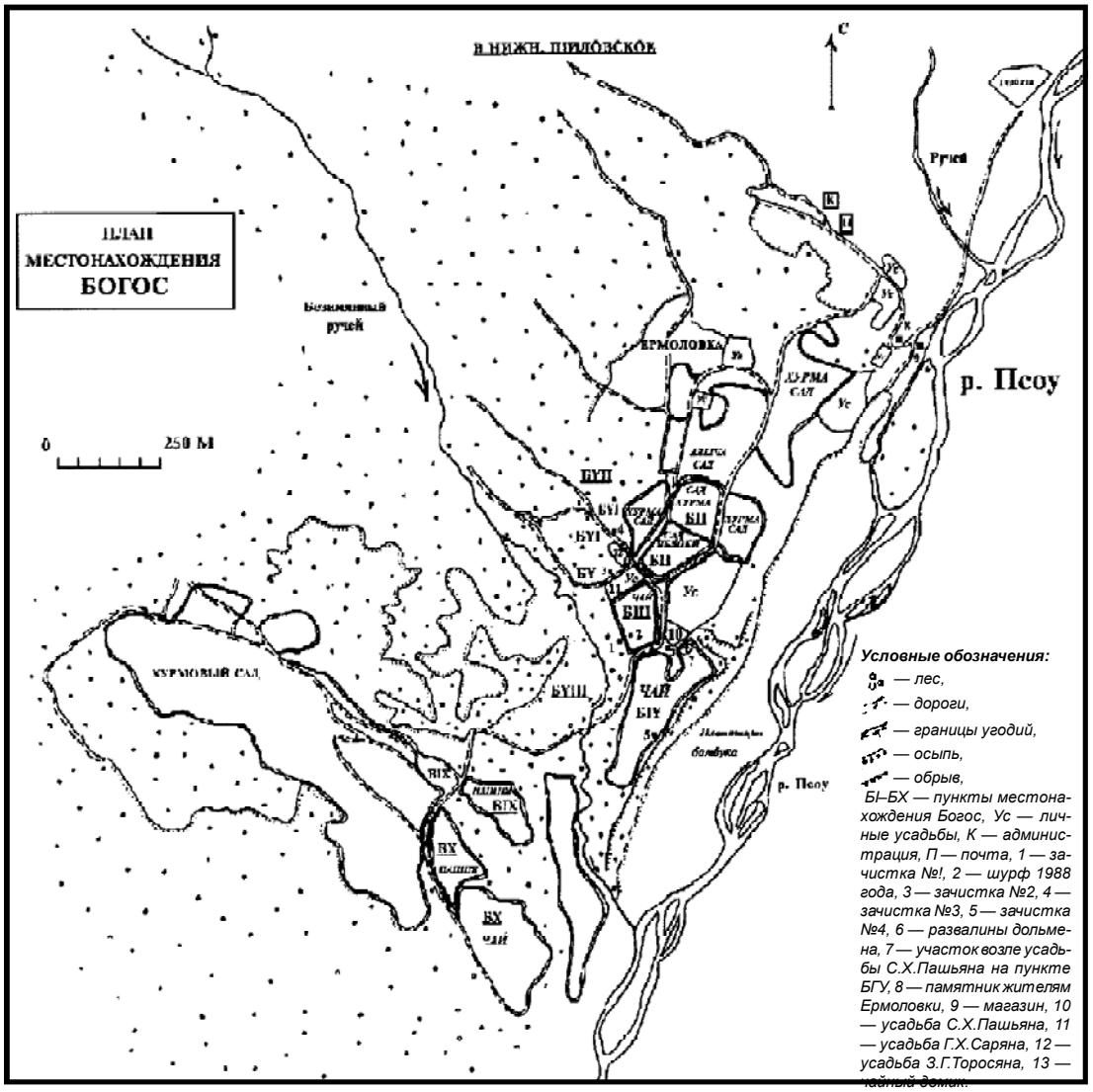

Рис.1. План местонахождения Богос.

работы в Сочинском Причерноморье производил С.А.Несмеянов (Несмеянов 1992а, 1992б, 1993). К сожалению, долина р. Псоу не была так же тщательно проработана, как долины других рек Большого Сочи, но на основании разработок по долине соседней р.Мзымты можно предположить, что 30-40 м терраса возле сел. Ермоловка может соответствовать террасе Q 1/3 в Ахштырском ущелье, которая коррелирует с морской шахейской (раннекарангатской) террасой (R-W), возрастом 115-70 тыс. лето тому назад (Несмеянов, 1992а, 1992б).

В 1988 г. на местонахождении были сделаны четыре зачистки отложений (пункты Б III,IV,V,VI) и поставлен шурф на пункте Б III (Рис.1). Стратиграфия отложений в зачистках и шурфе была в основном аналогична стратиграфии, зафиксированной в 1967 г., но в отличие от наблюдений 1967 года, в 1988 г. никаких палеолитических изделий в «верхах галечника» не было встречено. Все находки были обнаружены в переотложенном состоянии только в буро-сером покровном суглинке или собирались на поверхности. Исключение составил пункт Б У1, где в зачистке № 4, на склоне Богосова бугра, два скола были встречены в светло-желтом суглинке (элювий известняков — ?) на контакте его со скальными выходами. По всей видимости, данные артефакты находятся in situ на склонах горы у наиболее богатых выходов кремневого сырья, при этом, возможно, археологический материал постоянно перемещался и перемещается вниз по склонам, на поверхность террасы.

Однако, пока не будет подтверждения нахождения археологических материалов «в верхах аллювиального галечника», все хронологические привязки богоской террасы для определения возраста артефактов будут иметь чисто ориентировочный характер, т.к. покровные суглинки вмещающие, каменные изделия, могли образоваться много позже выделения самой террасы.

Археологический материал местонахождения представлен 2364-мя находками кремневых изделий, происходящих со всех 10-ти пунктов сборов. Коллекция четко распределяется на две неравные группы, причем предметы обеих групп встречались повсеместно на всех пунктах. Это разделение фиксируется и в преобладающем использовании в группах определенного вида кремневого сырья, и в морфологии изделий, и в орудийном наборе.

К 1-ой группе были отнесены изделия более архаичного, древнего, облика, изготовленные в абсолютном большинстве из местного желвачного кремня (окремненного известняка) плохого качества, серовато-белых и серовато-желтых тонов. На общем фоне кавказского причерноморского палеолита эти изделия представляют достаточно однородную группу и определенно могут быть атрибутированы среднепалеолитическим временем.

Во 2-ю группу были включены изделия более позднего облика, оформленные, как правило, на приносном красно-коричневом кремне прекрасного качества. Поэтому 215 находок были уверенно отнесены к этой группе, здесь четко определяются поздние (верхний палеолит-неолит ?) формы орудий, микронуклеусы, призматические ядрища.

К древней группе относится комплекс из 1899 предметов, все они имеют одинаковую степень патинизации и сходное состояние поверхности, на многих прослеживаются следы ожелезнения. Коллекция древнего комплекса состоит (Табл.1) из 239 орудий (12%), 1476 экз. сколов (78%) и 184 ядрищ (10%). Исходя из такого состава коллекции, вполне правомерно предполагать, что в данном случае возможно проследить проявление «технологических необходимостей» и «технологических связей» между исходной формой сырья (желвак, обломок), ядрищем, изготовленным из нее, и сколами, полученными в результате расщепления этих ядрищ. Иными словами можно попытаться восстановить палео-технологию расщепления на памятнике

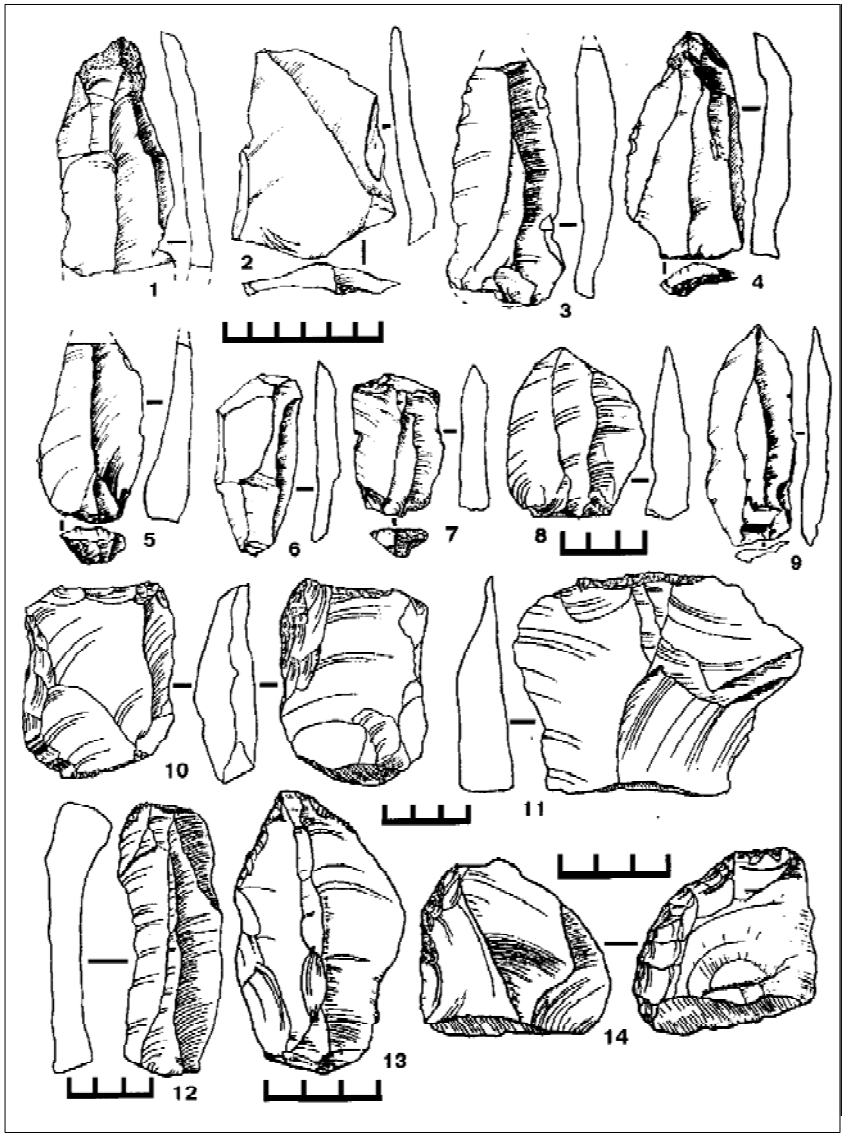

Рис.2. Местонахождение Богос. 1-9,11,12 — Сколы-заготовки, кремень; 10,13,14 -Орудия на сколах-заготовках, кремень.

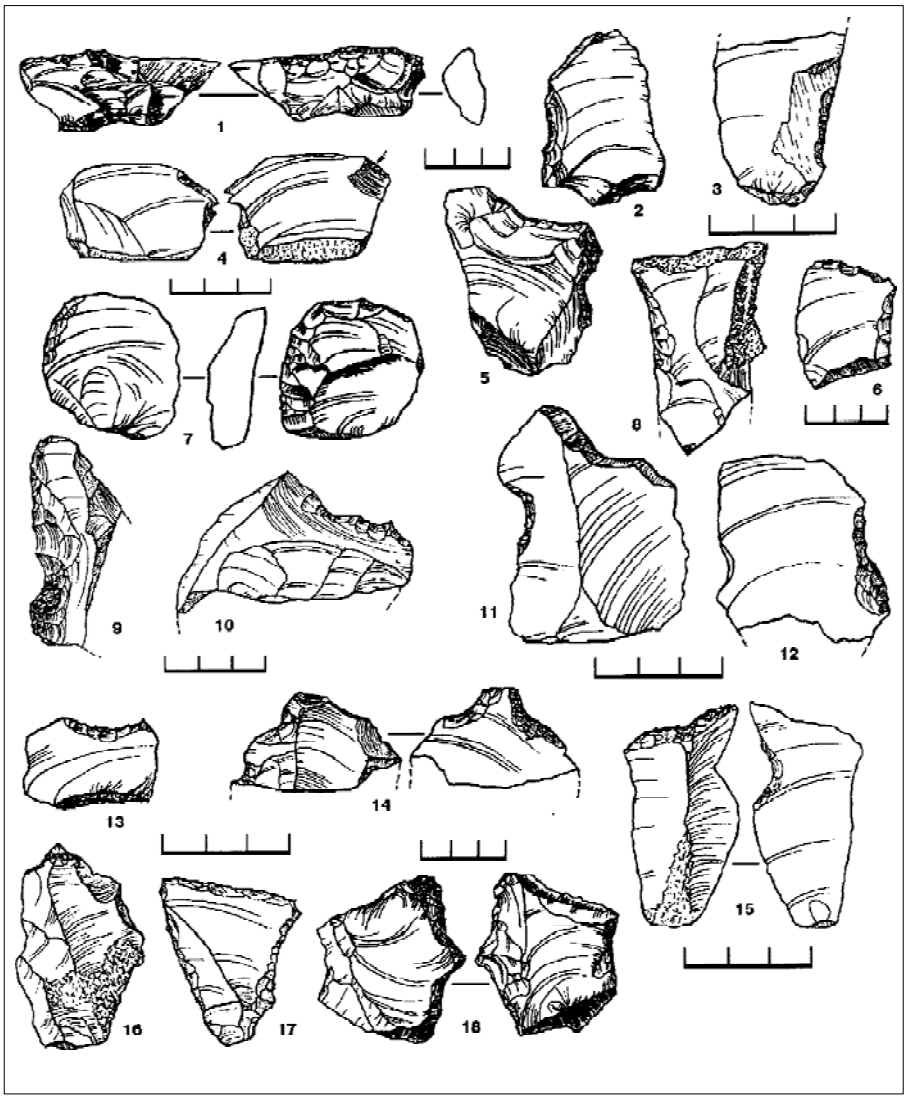

Рис.3. Местонахождение Богос. Орудия на сколах-заготовках, кремень.

(Гиря 1991,1993,1994,1997; Гиря, Бредли 1996; Гиря, Нехорошев 1993; Кулаков 1991,1992,1993а; Нехорошев 1993,1996),

Процесс изучения и реконструкции палеотехнологии заключается в определении конечной цели расщепления и в воссоздании способов ее достижения. Результаты технологического анализа индустрии используются при решении вопросов о том, что в ней обусловлено культурными, традиционными факторами, а что чисто физическими свойствами сырья и закономерностями его расщепления.

Для среднепалеолитической богоской индустрии, на основании распределения изделий по классам (Табл.1), можно предположить, что на памятнике производилось расщепление местного кремня для получения сколов. Анализ сколов индустрии позволяет выделить из всей их совокупности группу в 523 экз. (28%), предметы которой отличаются своими серийными морфологией и пропорциями, симметрией. Это позволяет предположить, что в индустрии целью расщепления было производство не крупных, не массивных сколов, в среднем 5x4x1 см размеров, главным образом с субпараллельной огранкой спинок и гладкими ударными площадками при угле скалывания до 80 градусов (рис.2; 3). Эта группа изделий индустрии была определена как сколы-заготовки, остальные сколы были отнесены к технологическим. При этом отчетливо прослеживается постоянное стремление к получению, насколько позволяло качество и форма сырья, наиболее удлиненных, пластинчатых сколов с параллельной огранкой (рис. 2:1,3,4,5,9,12,13). Сколы-заготовки, традиционно, были разделены на три основные категории: пластины (рис. 2:1,3-6,9,12,13), отщепы (рис.2:11,14; 3:4,6,7,13) по Ф.Борду (Bordes 1961) и пластинчатые отщепы (рис,2:2,7,8,10; 3:2,15-18), которые по очертаниям пластины, но по пропорции — длина/ширина — меньше, чем 2/1 (Лгобин 1965).

Просмотр достаточно богатого орудийного набора индустрии, на предмет выяснения предпочитания использования определенных заготовок для орудий, не дал возможности выяснить это. Орудия изготовлялись и на целых сколах-заготовках — 41 экз. (17%) (Рис.2:10,13,14;

3.1,2,4-7,13,1 5-18), и на их обломках — 19 экз. (8%) (Рис,3:8-12,14), и на технологических сколах — 108 экз.(45%) (Рис.4:1-8,10-13). и на обломках нуклевидных изделий — 15 экз.(6%) (Рис.4:24, 5:7), и на обломках желваков кремня — 56 экз.(23%). Т.е., в плане реконструкции палеотехнологий расщепления камня в богоской индустрии, ее орудийный набор дал данные не соответствующие результатам анализа сколов. Орудия изготовлялись главным образом на технологических сколах, их обломках, нуклевидых обломках и обломках желваков кремня (179 экз. — 75%)

Тем не менее, анализ ядрищ коллекции (табл.1) позволяет настаивать на том, что в палеотехнологии расщепления богоской индустрии целью было получение определенных сколов-заготовок. Анализ расщепленных нуклеусов дает возможность представить обобщенное среднее ядрище, с которого могли и снимались средние сколы заготовки, определенные выше. Это не крупное, не массивное ядрище, размерами 8х6х8 см. с углом скалывания до 80 градусов, в основном с гладкой ударной площадкой, подготовленной одним крупным сколом, и с субпараллельным направлением негативов на поверхности расщепления. Все представленные в индустрии приемы и способы расщепления ядрищ (Табл.1) (Рис.5:1-6, 6:1,4-6) опять-таки четко демонстрируют направленность на получение максимально возможных в тех условиях сколов-заготовок. Основными поставщиками подобных сколов были ядрища односторонне-одноплощадочные с параллельным способом расщепления — 51 экз. (28%) (рис, 5:3, 6:1,5), много сколов-заготовок снималось и с ядрищ многосторонне-одноплощадочных с параллельным способом расщепления — 27 экз.(15%) (рис. 5:1,2.5: 6:6). Другие приемы и способы представлены в малом количестве (рис. 5:4.6; 6:4), что позволяет рассматривать их как вспомогательные или случайные, при направленности палеотехнологии расщепления камня богоской индустрии в двух основных стратегиях расщепления.

О специализированном производстве сколов на памятнике свидетельствует и наличие в богоской индустрии пробных ядрищ и пренук-

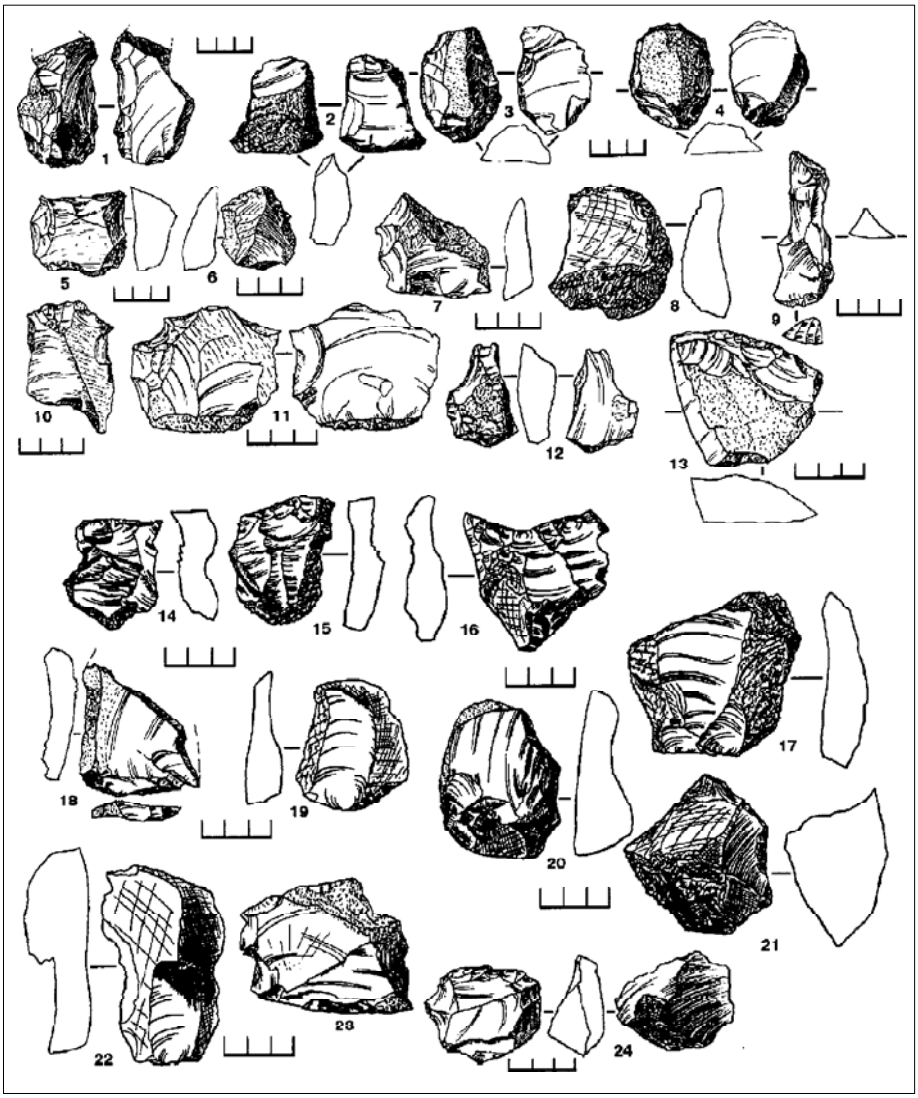

Рис.4. Местонахождение Богос. 1-8,10-13 — Орудия на технологических сколах, кремень; 9,14-23 — Технологические сколы, кремень; 24 — Скребковидное изделие на нуклевидном обломке.

леусов (рис. 6:2,3).

Сколы отнесенные к классу технологических (табл. 1) также вполне определенно указывают на присутствие в богоской индустрии достаточно хорошо налаженной палеотехнологии производства сколов из довольно плохого кремневого сырья. В первую очередь это подтверждают краевые сколы — 259 экз. (27%) (рис.4: 1, 6. 7, 10, 18, 23), которыми оформляли обязательную поперечно-продольную выпуклость поверхности расщепления и поддерживали ее в процессе скалывания. Корочные сколы — 162 экз,(17%) (Рис.4:2,3,4,12,13), первичные и полупервичные сколы — 166 экз.(17%) (Рис. 4:5,8,11,17,19.21), среди последних выделяются даже несколько реберчатых сколов (Рис.4:9, 6:7), показывают сколь тщательно в богоской индустрии готовилась поверхность расщепления ядрищ к снятию сколов. Стремление получить максимально возможный хороший скол демонстрируют и приемы подправки ядрищ, зафиксировавшиеся в сколах подправки поверхности расщепления (Рис. 4:20), в частности в сколах снятия заломов на ней (Рис. 4:14-16,22), последние, в некоторых случаях, были одновременно и сколами переоформления ударной площадки (Рис. 4:14-16).

Т.о., технологический анализ среднепалеолитической индустрии местонахождения Богос позволяет утверждать, что одной из важнейших задач палеопроизводства на памятнике было расщепления ядрищ с целью получения определенных сколов-заготовок. Модель реконструкции этой палеотехнологии представлена в таблице № 2.

Так как сырье на памятнике не очень высокого качества, желваки кремня для изготовления ядрищ отбирались, опробывались и из них готовились вначале пренуклеусы. Сколы-заготовки производились двумя основными приемами: односторонне-одноплощадочным с параллельным расщеплением и многосторонне-одноплощадочным с параллельным расщеплением. В качестве вспомогательных употреб-

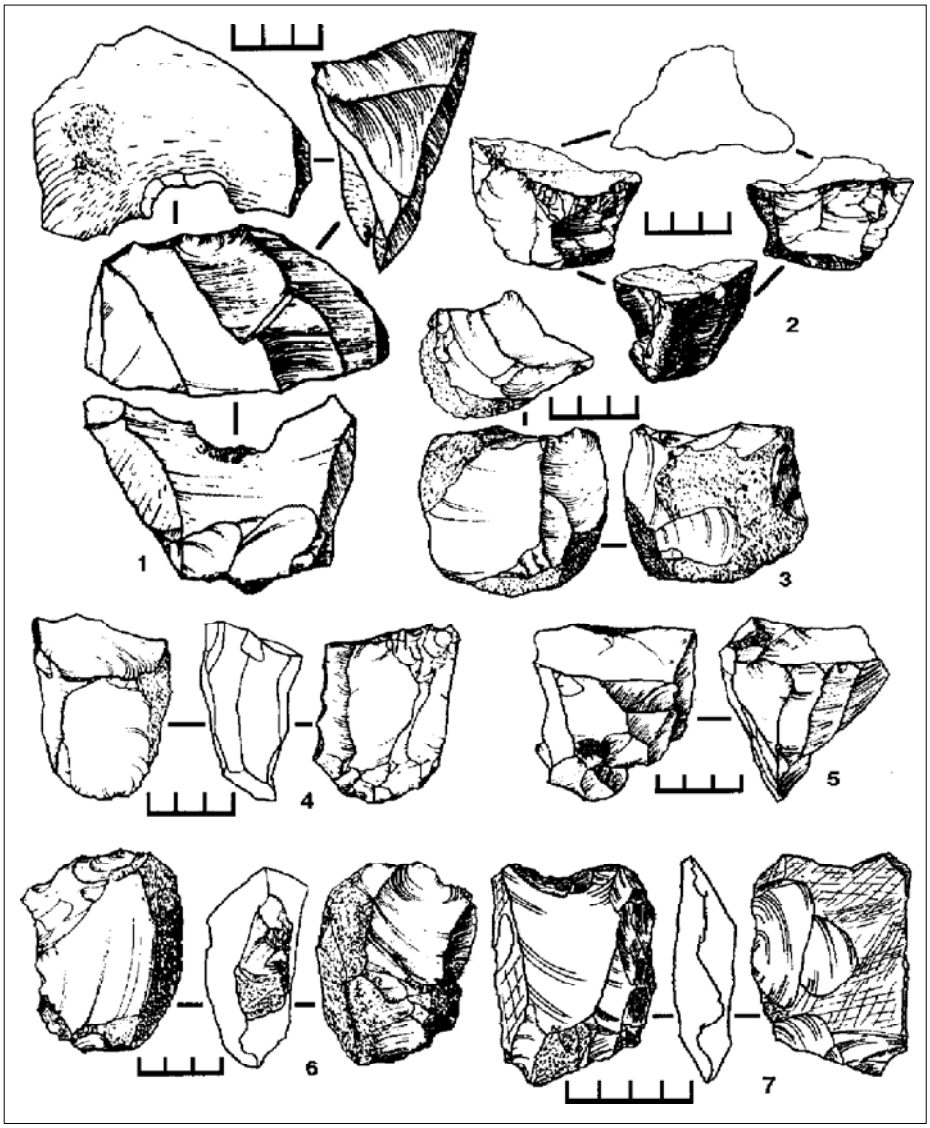

Рис.5. Местонахождение Богос. 1-6 — Ядрища, кремень; 7 — Комбинированное орудие на нуклевидном куске.

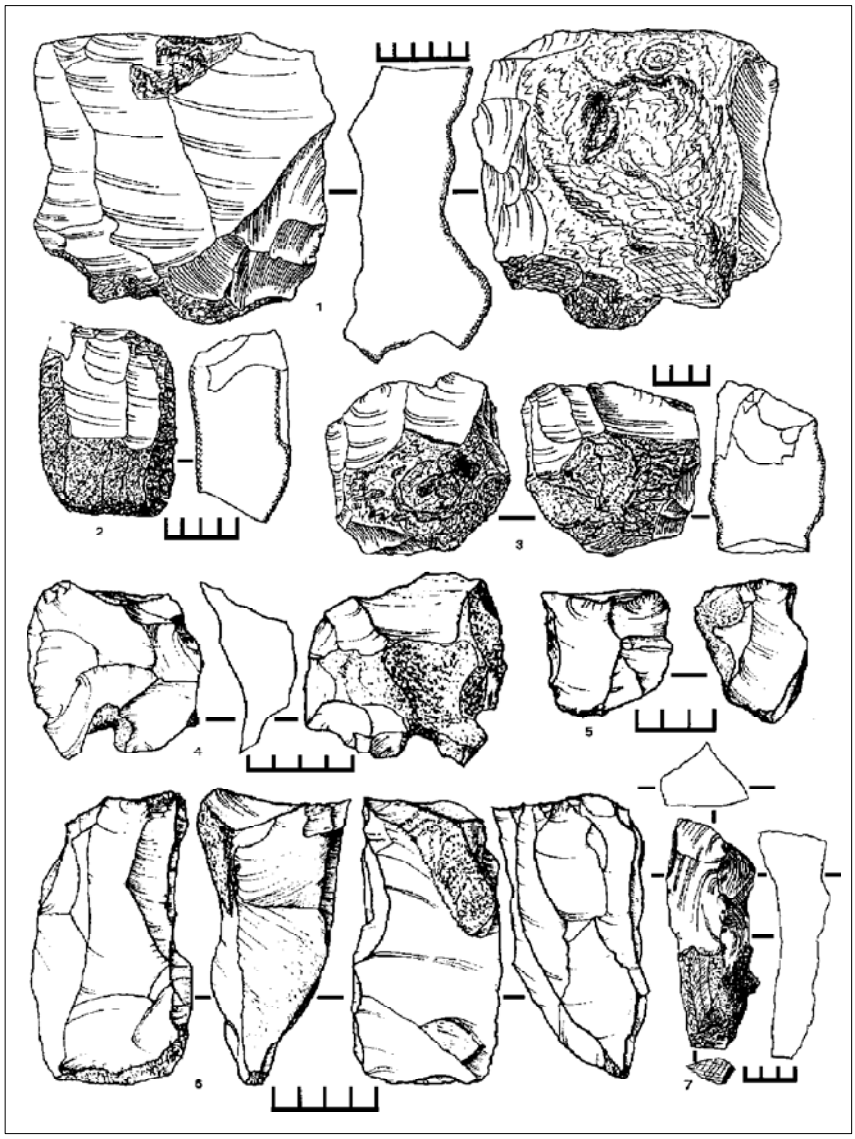

Рис.6. Местонахождение Богос. 1-6 — Ядрища, кремень. 7 — Первичный скол, кремень.

лялись, в первом случае, односторонне-одноплощадочный прием с конвергентным и «левалуазским» расщеплением, односторонне-двуплощадочный прием параллельно-встречного скалывания и радиальное одностороннее расщепление; во втором случае, такими могли быть конвергентное скалывание многосторонне-одноплощадочного приема и многосторонне-двуплощадочное расщепление с параллельно встречным скалыванием. Основными приемами подправки поверхности расщепления в процессе скалывания заготовок были приемы приподнимания ее в поперечно-продольном направлении с помощью снятия краевых сколов и круговой оббивки, а также снятие заломов, образующихся нередко на поверхности расщепления. На заключительной стадии ядрища, в основном, бессистемно дорабатывались.

Основываясь на технологическом анализе, можно сказать, что в данной технологии была одна «стадиальная форма» — пренуклеус, после создания необходимой морфологии поверхности расщепления сразу же начинался процесс снятия сколов — конечных форм. По всей видимости они получались «конкретно-ситуационным перманентным расщеплением» (Гиря 1993,1997). Что, как кажется, подтверждается довольно большим многообразием приемов и способов расщепления, фиксируемых по морфологии ядрищ и сколов.

Анализ зон удара сколов (Гиря, Нехорошев 1993; Гиря 1997) дает возможность считать, что сколы в индустрии отделялись прямым ударом с использованием как твердых (камень), так и мягких (рог, кость, дерево — ?) отбойников. Ударные площадки на ядрищах готовились ударом со снятием крупных и очень крупных сколов, что приводило к появлению конечных сколов с гладкими ударными площадками, которых более 50 %. При этом на сколах фиксируются и другие техники подготовки и оформления ударных площадок. Угол скалывания в богоской индустрии колеблется в пределах 50 — 75 градусов.

После изучения продуктов расщепеления коллекции и определения модели палеотехнологии расщепления на памятнике представляется бесспорным, что на местонахождении производилось специализированное расщепление ядрищ с целью получения определенных сколов.

Однако остается противоречие между целью палеопроизводства в богоской индустрии — получением определенных сколов и их малым использованием. Для решения этого вопроса еще раз рассмотрим орудийный набор индустрии.

Своеобразие орудийному набору богоской индустрии в первую очередь придают следующие категории (табл.1.):

— Скребки и скребковидные изделия — 75 экз. (31%) (рис.3:5,7; 4:2-4,6,8,24), 11 из них изготовлены на сколах-заготовках или их обломках. Основную массу среди них составляют скребки и скребковидные высокой формы — 34 экз. (рис.3:5; 4:2-4,24). При этом под скребками понимается категория каменных орудий обработанных односторонней систематической ретушью, формирующей лезвие с углом заострения 90-95 градусов;

— Острия — 33 экз. (14%) (Рис.3:16,18; 4:5,7), 10 изделий на сколах-заготовках. Категория орудий имеющих остроконечный участок, оформленный различным образом. Среди острий большинство опять же составляют массивные и мелкие острия (Рис.3:18; 4:5).

Скребел и скребловидных в наборе столько же сколько скребков — 74 экз. (31%) (Рис.2:13,14; 3:3,8,12,13; 4:13), 18 предметов на сколах-заготовках и их обломках. В состав этой категории входят орудия с лезвиями одностороне обработанными систематической ретушью. Большинство скребел индустрии составляют простые боковые (Рис.3:3,8.12) и поперечные орудия (Рис.3:13; 4:13).

Среди всей совокупности скребловидных сколов с ретушью были выделены группы подлинно зубчатых изделий — 9 экз.(4%) (Рис.3:10), и выемчатых изделий — 12 экз.(5%) (Рис.3:11), в каждой категории по три орудия изготовлены на сколах-заготовках.

Среди орудий индустрии несомненно выделяются струговидные изделия — 4 экз.(2%) (Рис.4:12), здесь совсем не использовались сколы-заготовки; клювовидные изделия — 8 экз.(3%) (Рис.3:14,15) и резцы — 7 экз.(3%) (Рис.3:4), половина в обоих случаях была изготовлена на сколах-заготовках.

Единичными экземплярами представлены бифасиальные изделия — 5 экз.(2%)(Рис.3:1; 4:1), в одном случае был использован отщеп.

Интересной группой представлены комбинированные орудия — 12 экз.(5%) (Рис. 2:10; 3:2,6,9,17; 4:10,11), единственная категория, где больше половины орудий изготовлены на сколах-заготовках.

Тем не менее, практически во всех категориях наиболее яркие, показательные формы орудий все же были изготовлены на хороших сколах заготовках или их крупных обломках (Рис.2:10,13,14; 3:2-8,11-18), т.е., примерно четверть производимых сколов-заготовок использовалась здесь же на месте. Но большая часть удачных сколов-заготовок, по всей видимости уносилась с местонахождения.

Исходя из орудийного набора коллекции, вполне правомерно отнести среднепалеолитическую индустрию местонахождения Богос к кругу памятников тейякско-зубчатого пути развития (Коробков, Мансуров 1972). Как представляется, в Причерноморье Кавказа этот путь определяется следующей «сопряженной группой орудий» : скребки, резцы, острия, скребла и зубчато-выемчатые изделия. При этом обязательным условием является присутствие среди орудий, перечисленных категорий, изделий массивных и высокой формы, которые преобладают. К тейякско-зубчатому кругу, на наш взгляд, относится большинство среднепалеолитических памятников Северо-Западного Кавказа (Большой Сочи и Абхазия) (Замятнин 1961; Любин 1977: Коробков 1971; Чистяков 1996), некоторые из них можно предварительно обозначить по хозяйственному назначению как долговременные стоянки-мастерские, базовые стоянки в пещерах, кратковременные стоянки (многие пункты и местонахождения от Геленджика до Сухуми).

На этой достаточно ограниченной территории наблюдаются два, своеобразно замкнутых, района сосредоточения среднепалеолитических памятников. В первом (Сочи-Гагра), окруженный с трех сторон горными хребтами (Главным с севера, Гагрским с востока и Туапсинским с запада) и с юга морем, находятся долговременная стоянка-мастерская Богос, базовые стоянки в пещерах Ахштырской и Малой Воронцовской и целый ряд (около 20) небольших местонахождений — кратковременных стоянок. Во втором районе (Гудаута — Сухуми), ограниченном морем, Главным, Бзыбским и Кодорским хребтами, выделяются долговременная стоянка-мастерская Яштух, базовая стоянка в пещере Мачагуа (Хварцхия 1992) и ряд кратковременных стоянок — местонахождений.

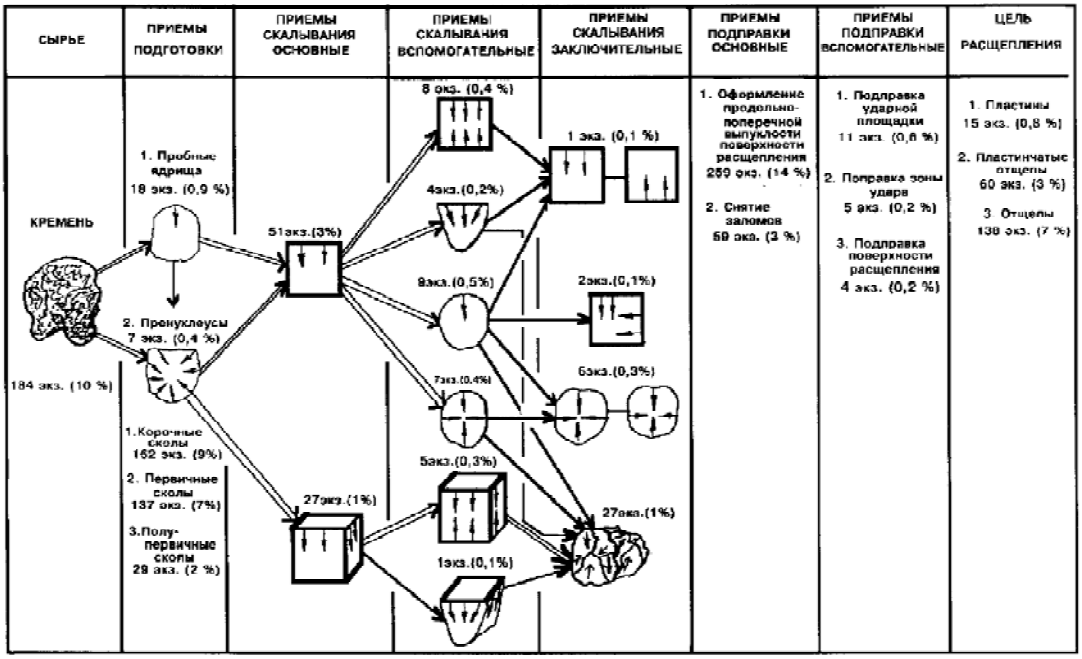
Т.о., исходя из предложенной гипотезы местонахождение Богос может рассматриваться в качестве производственной базы коллектива (коллективов — ?) первобытных людей, снабжавшей сколами-заготовками весь район Сочи-Гагра. При таком рассмотрении само собой снимается противоречие между характером палеопроизводства на богоской стоянке-мастерской и использованием продуктов этой деятельности.

Табл. 1. Распределение среднепалеолитической коллекции индустрии местонахождения Богос по классам и категориям изделий.

Классы инвентаря	Кол-во, (шт.). % ко всему инвен-тарю	Категории изделий	Кол-во (шт.). % ко всему классу
1. Орудийный набор	239 (12 %)	1.1. Бифасиальные изделия.	5 (2 %)
		1.2. Скребки и скребковидные изделия.	75 (31 %)
		1.3. Острия.	33 (14 %)
		1.4. Скребла и скребловидные изделия.	74 (31 %)
		1.5. Зубчатые изделия.	9 (4 %)
		1.6. Выемчатые изделия.	12 (5 %)
		1.7. Струговидные изделия.	4 (2 %)
		1.8. Клювовидные изделия.	8 (3 %)
		1.9. Резцы.	7 (3 %)
		1.10. Комбинированные изделия.	12 (5 %)
2. Сколы—заготовки.	523 (28 %)	2.1. Пластины.	15 (3%)
		2.2. Пластинчатые отщепы.	60 (11%)
		2.3. Отщепы.	138 (26%)
		2.4. Базальные обломки сколов.	125 (24%)
		2.5. Обломки сколов.	185 (35%)
3. Нуклевидные.	184 (10 %)	3.1. Пробные ядрища.	18 (5%)
		3.2. Пренуклеусы.	7 (4%)
		3.3. Ядрища односторонне-одноплощадочные, параллельного расщепления.	51 (28%)
		3.4. Ядрища односторонне-одноплощадочные, конвергентного расщепления.	4 (2%)
		3.5. Ядрища односторонне-одноплощадочные, "леваллуазского" расщепления.	9 (5%)
		3.6. Ядрища односторонне-двуплощадочные, параллельно-встречного расщепления.	8 (4%)
		3.7. Ядрища односторонне-двуплоща-дочные, ортогонального расщепления.	2 (1%)
		3.8. Ядрища односторонне-многоплощадочные, радиального	

		расщеплния.	7 (4%)
		3.9. Ядрища двусторонне-многоплощадочные, радиального расщепления.	6 (3%)
		3.10. Ядрища двусторонне-двуплощадочные, параллельно-встречного расщеплсния.	1 (0,5%)
		3.11. Ядрища многосторонне-одноплощадочные, параллельного расщепления.	27 (15%)
		3.12. Ядрища многосторонне-одноплощадчные, конвергентного расщеплениюю.	1 (0,5%)
		3.13. Ядрища многосторнне-двуплощадочные, параллельно-встречного расщепления.	5 (3%)
		3.14. Остаточные ядрища ("шаровидные, кубовидные, аморфные").	27 (15%)
		3.15. Обломки нуклевидных.	11 (6 %)
4. Технологические сколы.	953	4.1. Корочные сколы.	162 (17%)
		4.2. Первичные и полупервичные сколы.	166 (17%)
		4.3. Красвые сколы.	259 (27%)
		4.4. Сколы снятия заломов.	59 (6%)
		4.5. Сколы подправки поверхности расщепления.	4 (0,4%)
		4.6. Сколы переоформлсния ударной площадки.	11 (1%)
		4.7. Сколы подпраки зоны удара.	5 (0,5%)
		4.8. Чешуйки.	181 (19%)
		4.9. Двухбрюшковые отщепы.	3 (0,3%)
		4.10. Обломки технологичсских сколов.	103 (11%)

Табл.2. Схема реконструкции палеотехнологии расщепления местонахождения Богос.

ЛИТЕРАТУРА

Гиря Е.Ю. 1991. Проблемы технологического анализа продуктов расщепления камня // Советская археология. №3.

Гиря Е.Ю. 1993. Технологический анализ пластинчатых индустрии. Автореф.дисс....канд.истор.наук. СПб.

Гиря Е.Ю. 1994. Технологические закономерности расщепления изотропных пород // Археологический альманах. № 3. Донецк.

Гиря Е.Ю. 1997. Технологический анализ каменных индустрии // Методика микро- макроанализа древних орудий труда. 4.2. СПб.

Гиря Е.Ю., Бредли Б.А. 1996. Словарь Кроу Каньон: концепция технологического анализа каменных индустрии // Археологический альманах. № 5. Донецк.

Гиря Е.Ю., Нехорошев П.Е. 1993. Некоторые технологические критерии археологической периодизации каменных индустрии // Российская археология. № 4.

Замятнин С.Н. 1961. Палеолитические местонахождения Восточного побережья Черного моря // Очерки по палеолиту. М.-Л.

Коробков И.И. 1971. К проблеме изучения нижнепалеолитических поселений открытого типа с разрушенным культурным слоем // Палеолит и неолит СССР. T.YI. (МиА СССР № 173). М.-Л.

Коробков И.И., Мансуров М.М. 1972. К вопросу о типологии тейлкско-зубчатых индустрии (на основе местонахождения Чахмаклы в Западном Азербайджане) // Палеолит и неолит СССР. T.VII. (МиА СССР, № 185). М.-Л.

Кулаков С.А. 1991. Нижнепалеолитические мастерские Кавказа. Автореф.дисс....канд.истор.наук. Л.

Кулаков С. А. 1992. К вопросу об определении хозяйственной специализации некоторых нижнепалеолитических памятников Кавказа // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.

Кулаков С.А. 1993а. Индустрия местонахождения Богос // Тез.док-ов Второй Кубанской археол.конферен. Краснодар.

Кулаков С.А. 1993б. Технология расщепления камня на Абадзехском нижнепалеолитическом местонахождении (Северный Кавказ) // Российская археология. № 3.

Кулаков С.А. 1996. К вопросу о характере нижнего палеолита Северо-Западного Кавказа // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX «Крупновские чтения»). Тез.док-ов. М.

Кулаков С. А. 1997. О возможности выделения тейякско-зубчатого круга индустрии в нижнем палеолите Западного Кавказа // Развитие культуры в каменном веке. Кратк.содерж.док-ов Междунар.конф., посвящ. 100-летию Отдела археол. МАЭ. СПб.

Кулаков С.А. 1998. Местонахождение Богос на Северо-Западном Кавказе // Изучение раннего палеолита Старого Света. СПб.

Любин В.П. 1965. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий // Палеолит и неолит. Т. V. (МиА СССР, № 131). М.-Л.

Любин В.П. 1977. Мустьерские культуры Кавказа. Л.

Любин В.П., Щелинский В.Е. 1972. Новые данные о нижнем палеолите Сочинско-Абхазского Причерноморья // Бюлл.Комисс. изучен. Четвертич. периода. № 38.

Несмеянов С.А. 1992 а. Неоструктурное районирование Северо-Западного Кавказа. М.

Несмеянов С.А. 19926. Геоморфологическое положение пещерных палеолитических стоянок в долинах рек Хосты, Кудепсты и Мзымты (Южный склон Западного Кавказа)//Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.

Несмеянов С.А. 1993. Строение террасового комплекса горных долин и палеогеоморфологические ситуации расположения стоянок каменного века // Проблемы палеоэкологии древних обществ. М.

Нехорошев П.Е. 1993. К методике изучения нижнепалеолитической техники и технологии расщепления камня // Российская археология. № 3.

Нехорошев П.Е. 1996. Технологический метод изучения первичного расщепления камня в среднем палеолите. Автореф.дисс.. .канд.истор.наук. СПб.

Хварцхия М.К. 1992. Мустьерская пещерная стоянка Мачагуа в Абхазии // Российская археология. № 4.

Чистяков Д.А. 1996. Мустьерские памятники северо-восточного Причерноморья. СПб.

Bordes F. 1961. Typologie du palnolitique ancien et moyen. Bordeaux.

Отт М., Нуаре П., Лопес Байон И.

ОБЗОР ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА МОЛДАВИИ

M. Otte, P. Noiret, I. Lopez-Bayón. The Survey of the Upper Palaeolithic of Moldova.

The existing in Moldova Aurigniacian industries of the lamellar type are represented by the stone collections of 2 kinds: with leaf-shaped points and backed points with a concave edge. Together with this the Corpach IV industry which includes backed points (segments) must have been related to Gravette. Other industries should not be considered separately and apparently can be grouped under the title «industries de type Paleolithic superieur ancien a points foliacees». They are supposed to spring from the Middle Palaeolithic industries with leaf-shaped pieces (from Micoquian of Central Europe), that were further developed in the Aurignacian direction.

If the Aurignacian of Molova has evidently a foreign origin then the Gravette traditions go back to some related centers. It is reflected in the compatibility of backed pieces and leaf-shaped points in one and the same industry, dated back to the early stage of the Upper Palaeolithic. It is clearly seen in the collections of lower layers of Moldova V where homogeneousness of the complex is evident starting with the tenth layer. The appearance of some new types of tools (for instance, shouldered points) in the upper layers of this site does not fail the general stability and the cultural originality of the industry.

Введение

Республика Молдова, вклинивающаяся между Румынией и Украиной, является автономным политическим образованием, возникшим после распада Советского Союза. Её пейзаж, состоящий из покатых холмов, представляет собой переход от Карпатской горной гряды к огромной украинско-русской равнине. Благоприятные климатические условия прошлого способствовали большой плотности палеолитического населения и сравнительно хорошему сохранению культурных остатков на её территории.

Молдавский край, в широком смысле включающий также часть восточной Румынии, иллюстрирует все стадии верхнего палеолита: архаические индустрии (с двусторонне обработанными изделиями), местный ориньяк и различные этапы граветта. Чрезвычайно богатый палеолитическими памятниками, в особенности по долинам Днестра и Прута, он стал объектом многочисленных исследований начиная со второй половины XIX века, что позволило достаточно быстро идентифицировать разные преисторические эпохи.

Начиная с 1980 года, исследования палеолита в Молдавии активно проводятся группой исследователей, во главе с Ильей Борзияком. Ему удалось привлечь специалистов разного профиля из Кишинева, Львова и Санкт-Петербурга. Весьма плодотворным оказалось его сотрудничество с учеными из Румынии, особенно важное с Василием Кирикэ из Института археологии в Яссах. Совместно с Николаем Кетрару, были проведены широкие разведочные работы, а в содружестве с профессиональными палеонтологами, геологами, палинологами частично раскопана стоянка Косоуцы. Драгоценную помощь в проведении этих работ оказал директор Института археологии и древней истории г.Кишинева Валентин Дергачёв.

Начало

При изучении ориньякских слоев стоянки Миток-Малу Галбен, несмотря на изнуряющий летний зной, неоднократно велось обсуждение спорных вопросов. В один из таких моментов Василий Кирикэ сказал: “Я Вам хочу представить одного очень своеобразного субъекта, моего друга Илью”. Это была наша первая встреча с Ильей Борзияком. Спустя полчаса беседы, перемешивая молдавские и французские слова, мы поняли глубокомыслие этой личности, значение его исследований и недооценку молдавского палеолита на Западе. Бельгийская археологическая миссия, организованная на основе двух исследовательских групп из национальных и европейских исследователей, в дальнейшем способствовала изучению этой информации. В тоже время, она проводила исследования на месте и способствовала более широкому освещению ранее открытых материалов, в рамках сотрудничества с Институтами археологии из Молдавии и Румынии.

План

На территории Молдавии, известковистые образования, выступающие в качестве основания осадочных отложений, даже при своем истощении, создавали благоприятные условия для сохранения различного рода остатков и

© Отт М., Нуаре П., Лопес Байон И., 1999.

органических веществ. Во многих местах лёссы эолового происхождения значительно нивелируют наблюдаемый пейзаж. Речные долины, покрытые чернозёмом, способствовали спонтанному возникновению примитивного земледелия, в то время как холмы представляли естественную зону для охотничьего промысла в палеолитическую эпоху. Это объясняет исключительную плотность известных ныне стоянок каменного века. С другой стороны, промежуточное положение Молдавии между Прутом и Днестром, на контакте с большими географическими зонами, позволяет проследить разные эволюционные стадии культуры верхнего палеолита с очень высокой точностью.

Меловой кремень высокого качества имеет выходы во многих местах долин обеих рек и определяет автономное развитие экономики на основе региональных источников каменного сырья. Однако, ряд пород могли импортироваться, но лишь в ограниченном количестве в виде готовой продукции или полуфабрикатов.

Несколько многослойных памятников отражают длительный период развития. Для палеолита наиболее важны Молодова V (средний палеолит, граветт, финальный граветт) на Украине, Рипичень-Извор (средний и верхний палеолит) и Миток-Малу Галбен (ориньяк и граветт) в Румынии, а также Косоуцы (финальный граветт) в Молдавии. Эти памятники составляют основу хронологии верхнего палеолита, которая может быть дополнена данными с других памятников, таких как Брынзены I и Климауцы I и II, составляющих основу местных культур.

Стоянки верхнего палеолита являются наиболее многочисленными и документированными в Молдавии. Они располагаются по долинам крупных рек и пещерах её северной части.

Начало верхнего палеолита

По И.Борзияку (1996, Chirica и др. 1996) эта первоначальная стадия проявляется в трех группах памятников или фациях, без выделения каких-либо культурных особенностей или хронологических индикаторов. Обычно допускается их связь с селетом Центральной Европы.

“Брынзеньен”. Представлена 3 слоем Брынзен I, индустрия которого характеризуется чертами мустье типичного, присутствием мустьерских изделий типа Леваллуа и листовидных наконечников. Находка амулета определила её отнесение к верхнему палеолиту.

“Прутская культура”. Эта фация рассматривается как более важная, чем “Брынзеньен”. Она представлена главным образом Гординешти (слой 3) и характеризуется присутствием изделий среднего и верхнего палеолита в одном комплексе. Скребки доминируют в коллекции (больше трети орудий), в то время как архаические изделия представлены несколькими мустьерскими скреблами, небольшим количеством зубчато-выемчатых форм, а также двусторонне обработанными наконечниками.

Фация Корпача. Первоначально идентифицирована в Корпаче (слой 4), вызывая при этом намного больше спорных вопросов, чем выделение двух предыдущих фаций. В инвентаре отмечены орудия верхнего палеолита, в сопровождении архаичных форм (листовидных бифасов) и очень специфичных изделий типа “сегментов”, так называемых острий с дугообразно притупленным краем.

Наше впечатление при выделении этих трех типов индустрий связано с некоторыми сомнениями: их хронологическая позиция остается неопределенной, а однородность материалов – сомнительной. Тем не менее, эти индустрии, вероятно, развивались на основе среднепалеолитического субстрата, исходя из наличия в них комплекса архаичных изделий. В них также отмечено ориньякское влияние (по присутствию скребков каренэ, несмотря на малочисленность). Развитие внутри этих фаций (если здесь есть развитие) отмечено в направлении увеличения числа и качества отделки изделий в рамках верхнепалеолитической техники, при уменьшении числа мустьерских форм (скребел, зубчато-выемчатых изделий). По прошествии некоторого времени, двустороннее ретуширование становится менее выразительным, а листовидные изделия более редкими.

Но, с другой стороны, присутствие ориньякских изделий, листовидных острий и пластинчатой техники свойственно ранней поре верхнего палеолита, параллельно селету Центральной Европы. При этом можно обособить фацию типа Корпача, которую допустимо соотнести с граветтоидным технокомплексом (по мнению Allsworth-Jones 1990). Исходя из этого, возможно в Центральной и Восточной Европе граветтоидные индустрии контактировали с индустриями включающими листовидные острия.

Ориньяк

Ориньякская традиция, четко выраженная на территории Румынии, слабо представлена в Молдавии. В Румынии, по правому берегу Прута, в местности Миток-Малу Галбен обнаружена стоянка, служащая примером типичного ориньякского поселения. На территории Молдавии также встречаются памятники с наборами изделий ориньякского облика, но без соответствующей датировки и часто со значительными примесями, как это отмечено на Корпаче Мыс.

Корпач Мыс находится на правом берегу Прута. Верхний его слой локализован в слое погребенной почвы, в составе которого имеется много каменного и костяного инвентаря. Техника первичного расщепления основана на призматических нуклеусах, которые сочетаются с небольшим количеством дисковидных форм. Инвентарь состоит из нескольких коротких

скребков и скребков каренэ, резцов, широких скребел, фрагментов листовидных бифасов, проколки, нескольких зубчатых орудий и редких пластин с притупленным краем (Chirica и др. 1996). Особенно надо отметить присутствие двух наконечников дротика (из рога северного оленя) с массивным основанием типа Младек, очень схожих с таковым из Миток-Малу Галбен (Chirica, Borziac 1995; Otte и др. 1996а), характерных для индустрий с ориньякскими традициями.

Рассматриваемая нами территория располагается на границе распространения классического ориньяка. Но если в Митоке раскрываются все его специфические черты, то на молдавских памятниках выделение ориньякских традиций оказывается более проблематичным. Существовавший к востоку от Карпат массив ориньякских памятников сокращен к настоящему времени до нескольких местонахождений, таких как Миток-Малу Галбен, Сюрень I в Крыму и Костенки I/3 в России. Два последних памятника, более ранние, чем Миток, допускают предположение о существовании некоей восточно-ориньякской провинции.

Граветт

Граветтский комплекс характеризуется набором общих технологических черт: скалыванием пластин с одно- и двуплощадочных нуклеусов, получением тонких и стандартных пластинчатых заготовок, крутой ретушной подработкой острий и вкладышей. На протяжении нескольких археологических эпох европейской истории, отдельные типологические признаки проявляются спонтанно на разных территориях, но не всегда в одном и том же хронологическом порядке, что определяется их происхождением и разнообразием взаимовлияний. Мы предлагаем распределение граветтоидного технокомплекса по нескольким “стадиям” (Otte и др. 1996в). Каждая из этих стадий характеризуется доминированием одного или другого специфического типа вкладыша. Такое распределение, основанное на изучении ряда индустрий, выглядит следующим образом: стадия I, появление микролитов и микроострий (не присутствуют на рассматриваемой территории); стадия II, распространение пластинчатых острий, ретушированных и усеченных; стадия III, присутствие изделий с боковой выемкой; стадия IV, использование элементов усечения и пластинок с притупленным краем (не присутствуют на рассматриваемой территории); стадия V, распространение элементов усечения и геометрических микролитов. Эти стадии соответствуют “ритмам”, идентифицированным в Западной и Центральной Европе и частично представленным на Русской равнине, что не исключает существование особых региональных фаций и допускает иную хронологическую последовательность.

Классический граветт

Стоянка Молодова V расположена на правом берегу Днестра, в настоящее время украинской территории. Для этой стоянки вторая стадия представлена слоями 10 и 9, датируемыми в пределах 29.600-28.100 лет назад. Происхождение индустрии слоя X безусловно связано с селетом типа верхнего слоя грота Селет; другая гипотеза предполагает развитие комплекса ранней поры верхнего палеолита с листовидными остриями в направлении к памятникам с изделиями, подработанными усекающей краевой ретушью. Третья стадия отражена в материалах 8 и 7 слоев, датируемых приблизительно 24.000-23.000 лет назад. В их инвентаре отражено появление наконечников с боковой выемкой и распространение изделий с притупленным краем (острий Граветт и микрограветт). Элементы усечения проявляются также в технике утоньчения, выраженной в “ножах костенковского типа”.

На Миток-Малу Галбен, эти две стадии представленны теми же типологическими характеристиками. Стадия II, выраженная в материалах нижних граветтоидных слоев, датируется в пределах 27.500-25.600 лет назад. Вполне очевидно присутствие острий Граветт и микрограветт, сопровождаемых ретушированными пластинами, приостренными и усеченными. Стадия III определена материалами верхних культурных слоев, датированных от 24.600 до 23.400 лет назад. Их инвентарь включает острия (Граветт и микрограветт), при малом числе изделий/острий с боковой выемкой.

Финальный граветт

В рассматриваемом регионе, отмечено существование отдельных выразительных групп памятников; прежде всего, речь идет о Молодовьене, соответствующего V стадии, согласно выше представленной классификации. Он характеризуется присутствием элементов усечения и геометрических микролитов. Вместе с тем, наблюдается тенденция в сокращении определяющих черт, выраженных в технике раскалывания и инвентарном наборе.

Другой интересный памятник, стоянка Косоуцы обнаружена Ильей Борзияком (1991, 1993) на правом берегу р.Днестр. Речь идет о поселении на открытом воздухе, чьи многочисленные культурные слои запечатлены в мощной лёссовой толще. 21 слой, относимый к финальному граветту, был подвергнут продолжительному исследованию. В результате был обнаружен чрезвычайно обильный каменный и костяной инвентарь, зафиксирована подробная информация по планиграфии стоянки. Характерные особенности пятой стадии отражены в материалах всех её слоев. Техника рас-

щепления ориентирована на производство небольших пластин с правильным огранением, часто используемых в качестве заготовок для орудий. Неоднократное заселение стоянки определило широкое использование хозяйственного инвентаря.

Крайне богатая коллекция костяных изделий распадается на несколько морфо-функциональных групп или категорий. Среди них наиболее многочисленны наконечники дротиков из бивня мамонта и оленьего рога, на которых часто моделированы пазы для каменных вкладышей, а иногда декорированы винтообразным углубленным орнаментом; разнообразные роговые инструменты с рукоятками (топоры, молотки, мотыжки, кирки); серия удлиненных проколок из продольно расчлененного оленьего рога, облегчающего захват; плоские ножи; группа гарпунов из оленьего рога, в виде острия с двумя рядами шипов; иглы из трубчатых костей птиц или животных (оленя); игольники с насечками на поверхности; подвески из просверленных зубов оленя и лисицы.

Нельзя не отметить находки двух произведений искусства, представленных статуэтками из мергеля, одна – зооморфная (бизон), другая – антропоморфная (женщина). Кроме того, обнаружено несколько гравированных галек с линейным и геометрическим орнаментом (в отличии от змеевидного декора наконечников дротиков).

Заключение

Существование в Молдавии индустрий пластинчатого типа, сопоставимых с ориньяком, определено присутствием нескольких коллекций каменных изделий; эти индустрии подразделяются на два вида: с листовидными наконечниками и с остриями, имеющими дугообразно притупленную спинку. При этом, индустрия четвертого слоя Корпача, включающая острия с дугообразно притупленной спинкой, вероятно, имеет отношение к Граветту. Другие же индустрии не должны восприниматься по отдельности и, по всей видимости, могут быть сгруппированы под названием “индустрии ранней поры верхнего палеолита с листовидными наконечниками”. Их происхождение предполагается от среднепалеолитических индустрий с листовидными изделиями (начиная от восточного микока, через центрально-европейский селет), которые в дальнейшем развиваются в ориньякоидном направлении.

Если ориньяк Молдавии безусловно имеет иностранное происхождение, то традиции граветта восходят к нескольким родственным центрам. Это находит свое отражение в совместимости изделий с притупленной спинкой и листовидных наконечников в одном и том же комплексе, датируемым ранней порой верхнего палеолита. Последнее хорошо прослеживается в коллекциях нижних слоев Молодова I, где гомогенность комплекса четко выражена с 10 слоя. Появление некоторых новых типов орудий (например, наконечников с боковой выемкой) в верхних слоях этой стоянки не изменяет общей стабильности культурного своеобразия индустрии в целом.

* * * * * * *

С открытием внешних границ Молдавии, появилась возможность сравнительного анализа накопленной за многие годы информации по преистории региона на европейском уровне. Богатые коллекции артефактов, собранные втайне местными учёными, позволяют Западу, при соответствующей финансовой поддержке, еще в большей степени активизировать продвижение исследовательских программ.

ЛИТЕРАТУРА

Allsworth-Jones Ph. 1990. Les industries a pointes foliacées d’Europe centrale. Questions de définitions et relations avec les autres techno-complexes // Paléolithique moyen recent et Paléolithique superieur ancien en Europe. Actes du colloque de Nemours (mai 1986). Memoires du Musée de Préhistoire d’Ile-de-France, 3. Nemours. P. 79-85.

Borziac I.A. 1991. Quelques données préalables sur l’habitat tardipaléolithique pluristratifié de Cosseoutsy sur le Dniestr moyen // Le Paléolithique et le Néolithique de la Roumanie en contexte européen. Iasi. P.56-71.

Borziac I.A. 1993. Les chasseurs de renne de Kosoioutsy, site paléolithique tardif a plusieurs niveaux sur le Dniestr moyen (rapport préliminaire) // L’Antropologie, 97 (2-3). P.331-336.

Borziac I.A. 1996. C.-R. De Al.Păunescu, “Ripiceni Izvor, Paléolithique et Mésolithique. Etude monographique”, Bucarest, 1993 // Préhistoire Européenne, 8. P. 201-204.

Chirica V., Borziac I. 1995. Les ivoires du sud-est de l’Europe: Bulgarie, Grèce, Yougoslavie et Roumanie jusqu’au Dniestr // Le travail et l’usage de l’ivoire au Paléolithique superieur. Actes du colloque de Ravello (mai 1992). Ravello. P.199-210.

Chirica V., Borziac I., Chetraru N. 1996. Gisements du Paléolithique superieur ancien entre le Dniestr et la Tissa. Iaşi.

Otte M. 1981. Le Gravettien en Europe centrale. Bruges, Dissertationes Archaeologicae Gandenses XX.

Otte M., Lopez Bayón I., Noiret P., Borziac I., Chirica V. 1996a. Recherches sur la Paléolithique superieur de la Moldavie // Bull.Soc.Rovale Antropologie et Préhistoire (Bruxelles), 106. P. 45-80.

Otte M., Noiret P., Chirica V., Borziac I. 1996b. Rythme évolutif du Gravettien oriental // The Upper Palaeolithic. Colloquium XII: The Origin of the Gravettian, XIIIeme Congres international de l’U.I.S.P.P. Colloquia, vol. 6, Forli. P. 213-226.

Кирикэ В.

КУЛЬТУРА РИПИЧЕНЬ – БРЫНЗЕНЬ

V. Chirica. The culture of Ripicheni-Brînzeni.

The Palaeolithic culture Ripicheni-Brînzeni is characterized by the collections of flint articles from the sites of Mitoc-Malu Galben, Mitoc-Valea Izvorului, Ripiceni-Izvor and Brînzeni. It is subdivided into 2 types: the classical European Aurigniac (Mitoc-Malu Galben) and the group from other monuments, close to the European Aurigniacian. In their industry the specific features of the Middle Palaeolithic are clearly seen: the techniques of Levallois is representative; the traditions of acheuleene are spread over (taking into consideration the presence of bifaces), many side-scrapers, denticulate and notched tools. Together with this, the typical features of the Upper Palaeolithic are noted: lamellar techniques, various scrapes and burins, double pieces, blades with continuous retouch, Dufour bladelets etc. The period of existence of this culture can be determined by the age of the grotto of Brînzeni in the limits of 35-30 thousand years and is correlated with the transition from the Middle to Upper Palaeolithic.

Археологические исследования в зоне среднего течения р.Прут четырех стоянок - Миток-Малу Галбен, Миток-Валя Изворулуй, Рипичень-Извор и Брынзены – позволяют предложить новый подход в освещении всей накопленной информации.

Исходя из традиций румынского палеолитоведенья, относимого к классическому стилю, можно рассмотреть развитие палеолитических культур Румынии в следующей последовательности: средний палеолит со своей особой мустьерской культурой; верхний палеолит с ориньякой культурой, занимающей промежуточную позицию между мустье и граветтом, и собственно граветтом, завершающим данный период. Согласно нашим взглядам, “ориньяк” может быть использован в качестве термина в своем классическом европейском смысле. Под ним мы подразумеваем культуру, которая получила развитие в Европе на стадии W3 (согласно французской схеме), в интервале от 36.000 до 20.000 лет до н.э. Для нее характерно использование техники, направленной на изготовление разнообразных инструментов из кости. Кроме того, можно отметить такие специфичные орудия, как скребки и резцы каренэ, скребки с носиком, резцы (особенно двугранные), ориньякские пластины, наконечники копий из кости (прежде всего, типа Младек). Присутствуют мустьерские формы орудий, число которых сокращается. Среди последних можно выделить скребла, обломки бифасов, зубчато-выемчатые орудия. Первые этапы ориньякской культуры датируются в пределах 33.420-31.950 лет назад в Ревании, 34.000-28.000 лет назад в Юра Суабэ, 38.000-26.000 лет назад в Моравии (Levoi-Gourhan 1988).

Проанализируем материалы ранее упоминаемых памятников.

В Миток-Валя Изворулуй, также называемом “Ла Сэрэтурь”, первоначальный зондаж выявил два уровня обитания – мустьерский и ориньякский (Nicolaescu-Plopsor, Zaharia 1959). В дальнейшем, в ходе раскопок (Bitiri, Carciumaru 1978; Bitiri, Carciumaru, Vasilescu 1979; Bitiri-Ciortescu 1987), М. Битири стала рассматривать индустрию Валя Изворулуй в рамках “фации типа Миток”, относящейся к ранней поре верхнего палеолита, на основании сочетаемости среднепалеолитических и верхнепалеолитических изделий. Вместе с тем, Ал.Паунеску (1987,1993) выделяет на этом памятнике два уровня обитания, первый из которых относит к среднему палеолиту, сопоставляя его IV-V слоем Рипичень-Извор, в связи с присутствием бифасов.

Ещё 18 лет тому назад (Chirica 1980), исходя из изучения стратиграфии памятника и его орудийного набора (бифасов, листовидных наконечников, скребел, острий Леваллуа, скребков, проколок), мы проводили корреляцию, согласно которой допускалось существование двух типологических комплексов: среднего палеолита и верхнего палеолита. В наших объяснениях мы подчеркивали, что ориньякские изделия присутствуют в незначительном количестве. Процентное соотношение, установленное Ал.Пэунеску, между типологическими группами “мустье” Миток-Валя Изворулуй и IV-V слоями Рипичень-Извор, позволяет предложить следующую таблицу:

© Кирикэ В., 1999.

Таблица 1

	Индекс Леваллуа типичного	Индекс скребел	Индекс Кина	Индекс орудий верхнего палеолита	Индекс Леваллуа	Индекс бифасов
	(ILTY)	(IR)	(IQ)	(gr.III)	(IL)	(IBif)
Миток-Валя Изворулуй	34,46	6,54	20,83	6,67	57,89	3,42
Рипичень-Извор, сл.IV	53,03	27,21	16,48	2,51	38,50	6,06
Рипичень-Извор, сл.V	63,72	15,26	12,33	2,27	37,50	2,22

Данные таблицы свидетельствуют, что сходство не такое уж и близкое.

В Митоке-Малу Галбене, ситуация совсем другая. С типологической точки зрения здесь идентифицированы 62 скребка каренэ, 4 – с носиком, 28 – на пластинах, 14 – на отщепах, 6 скребков-резцов, 42 резца каренэ (в целом утолщенных), 48 – двугранных, 8 – скошенных, 8 – на ретушированной выемке, 18 – угловых, 3 – смешанных, 40 – изделий с резцовыми снятиями, 16 – зубчатых изделий, 15 скребел и 2 отщепа Леваллуа. Дополнительно найдены два наконечника копий, один – из оленьего рога, типа Младек, другой – из бивня, оба овальные в сечении. Короткие скребки каренэ найдены группами на уровнях – 8.60, 9.35, 10.70, а также на глубине 11 м, где были обнаружены ещё и 10 округлых скребков на первичных отщепах. Для более подробного описания, мы должны уточнить характеристику мастерской, идентифицированной на кв.F-G-4-6 и глубине 10.50-10.70. Так, на площади в 24 кв.м, было выделено большое число кремневых изделий, свидетельствующие о разных этапах кремнеобработки, а также найдены остатки фауны и очаг. Пластин не очень много, но они отражают некоторые особенности ориньяка. На нуклеусах отмечено использование приема подготовки бокового ребра и косой отбивной площадки. Продукты расщепления и заготовки для орудий имеют тщательную отделку спинки. Это часто достигалось благодаря скалыванию удлиненных ламелярных фасеток, что характерно для ориньяка; серия нуклеусов имеет огранку с множеством таких снятий, во многом сопоставимых с отделкой резцов на отщепах.

В инвентаре выделено 12 массивных зубчатых изделий, 17 резцов на массивных заготовках (8 двугранных, 1 смешанных, 6 каренэ, 2 бюске), 15 скребков каренэ, 3 скребка на пластинах, 7 резцов на пластинах (4 скошенных, 3 на ретушированной выемке), 350 пластин, 16 нуклеусов, большое количество отщепов (Otte, Chirica 1993).

Абсолютная хронология ориньяка Миток-Малу Галбен: 29.410±310, 31.000±900 и 31.000±500 лет назад.

В Рипичень-Извор, долгие годы исследуемой Ал.Пэунеску, как мы уже знаем, были выделены 4 ориньякских слоя. Все они обнаружены в отложениях светло-желтого лёсса, к которому также приурочены два граветтоидных слоя. Автор исследований руководствовался геохронологическим подразделением, соотнося слой 1а с интервалом Арси (Денекамп), отличающимся умеренным климатом, слой 1в – с преходом от холодной фазы к интервалу Кесселт-Штилфред В (брянскому интерстадиалу); два других культурных слоя (2а и 2в) попадают в последний интервал, который иногда сопоставляют с верхним Вюрмом, до начала интервала Турсак (Paunescu 1993: 150).

В его монографии для каждого слоя определен процент орудий, изготовленных на сколах Леваллуа: 16% - в сл.1а, 14,5% - в 1в, 9% - в сл.2а и 7% - в сл.2в, которые всегда в рамках данной техники получались в виде неретушированных отщепов и пластин. Каждый слой содержит некоторое количество изделий верхнего палеолита: скребки разных типов (из них 6 каренэ и 11 атипичных), резцы (без каренэ), в меньшей степени – двугранные резцы и еще меньше – ориньякских пластин. Найдено большое число изделий, выполненных в более древней среднепалеолитической технике: 201 выемчатое и 156 зубчатых орудий, 106 скребел, 38 бифасов. В этом смысле, мы констатируем, что ориньякская группа представлена как 4,02 (сл.1а), 3,29 (сл.1в), 4,06 (сл.2а) и 6,53 (сл.2в), а орудия с более древней традицией – 97,16% (сл.1а), 83,56% (сл.1в), 63,66% (сл.2а) и 63,20% (сл.2в).

При простом сопоставлении, мы составили типологическую характеристику Рипичень-Извор – Миток-Малу Галбен, исходя из методического подхода Ал.Пэунеску (по тип-листу). В этом смысле, мы считаем, что четыре слоя Рипичень-Извор представляют одно технико-типологическое объединение (табл. 2).

Мы констатируем значительное преобладание типично ориньякского инвентаря в Миток-Малу Галбен и среднепалеолитического – в Рипичень-Извор.

Четвертый памятник, требующий нашего рассмотрения, грот Брынзены I расположен по левому берегу р.Прут. Слой 2 данного памятника, очень хорошо стратифицированный, включает находки скребков, в большинстве своем простых форм, на пластинах (некоторые из которых каренэ), резцы различных типов, час-

Таблица 2

	Миток-Малу Галбен	Рипичень-Извор
Скребки простые	28	34
Скребки атипичные	-	25
Скребки стрельчатые	-	5
Скребки на пластинах или ретушированных отщепах	2	28
Скребки с носиком	4	4
Скребки на отщепах	14	8
Скребки каренэ	62	6
Скребки каренэ атипичные	-	11
Резцы срединные	48	24
Резцы каренэ	42	-
Пластины ориньякские	7	8
Выемчатые изделия	8	211
Зубчатые изделия	18	156
Скребла	15	113
Бифасы	-	38

тично на отщеповой заготовке, 16 из которых двугранные, 364 ретушированные пластины (включая ориньякские пластины), 188 выемчатых и 301 зубчатое изделие, 58 скребел и 46 бифасов. При этом, необходимо помнить, что речь идет лишь об одной почти полностью раскопанной пещере, каменный инвентарь которой не был распространен на большой площади, как это бывает на памятниках открытого типа (Chirica, Chetraru 1996).

Полученные по этому памятнику радиоуглеродные даты (по древесному углю) не связаны между собой. Диапазон их разброса составляет от 16.000 до 48.000 лет.

В другой типолого-статистической таблице, мы проанализировали каменный инвентарь этих четырех памятников, произведя подразделение по типам (табл. 3).

Мы констатировали, что инвентарь Миток-Малу Галбен не имеет таких характеристик как в Миток-Валя Изворулуй, Рипичень-Извор и Брынзенах. Вместе с тем, коллекции трех последних памятников очень схожи между собой, в связи с присутствием изделий типичных для среднего палеолита: скребел (45 в Миток-Валя Изворулуй, 113 в Рипичень-Извор, 58 в Брынзенах), зубчатых изделий (115 в МВИ, 156 в РИ, 301 в Бр.), или же типичных для классического ориньяка: скребков каренэ, с носиком (11 в МВИ, 22 в РИ, 11 в Бр., 66 в ММГ), резцов двугранных, каренэ (7 в МВИ, 28 в РИ, 16 в Бр., 90 в ММГ), не забывая при этом об условности некоторых определений. Инвентарь Миток-Малу Галбен отличается от других коллекций, как при сравнении верхнепалеолитических наборов орудий и, прежде всего, изделий типа классического ориньяка, так и среднепалеолитического инвентаря. По нашему мнению, коллекции Миток-Валя Изворулуй, Рипичень-Извор и Брынзен являются более древними, чем Миток-Малу Галбен и, вероятно, объединяются в одну группу. Если в Миток-Малу Галбен верхнепалеолитический инвентарь превышает 90%, то тот же процент характерен для орудий среднего палеолита в Миток-Валя Изворулуй, Рипичень-Извор и Брынзенах. В связи с этим, мы можем согласиться с идеей, что верхний палеолит выступает в Среднем Попрутье в двух разновидностях: первый, типа Миток-Малу Галбен, представленный ориньяком в классическом европейском смысле и, второй, типа Рипичень-Извор, Миток-Валя Изворулуй и Брынзен, по ряду особенностей близкий европейскому ориньяку.

В одном сравнительно недавнем исследовании, Л.Яковлева (1994) аргументировала выделение культуры типа Брынзены, характеризуя её индустрию, исходя из ярко выраженной аккультурации мустьерского субстрата в рамках пластинчатой технологии, время существования которой около 35.000 лет. Такая же комбинация элементов, возможно, в еще более выраженном виде, может быть прослежена в Рипичень-Извор, где каменный инвентарь бо-

Таблица 3

	Миток-Малу Галбен	Миток-Валя Изворулуй	Рипичень-Извор	Брынзень
Скребки простые	42	28	101	41
Скребки каренэ, с носиком	66	11	22	11
Скребки-резцы	6	2	3	3
Проколки атипичные	2	3	9	-
Резцы двугранные, каренэ	90	7	28	16
Резцы угловые, сложные	32	4	6	24
Изделия с усеченными концами	-	6	25	13
Пластины ретушированные	5	-	21	309
Пластины ориньякские	7	-	8	-
Выемчатые изделия	8	51	211	156
Зубчатые изделия	18	115	156	301
Скребла	15	45	113	58
Бифасы	-	16	38	46

лее разнообразен. Исходя из этого, мы предлагаем объединить их в культуру, под названием Рипичень-Брынзены. Мы считаем, что это название более приемлемо, чем прутская культура, названная так Ильей Борзияком.

В целом, культура Рипичень-Извор характеризуется четко выраженными традициями среднего палеолита: представительностью техники Леваллуа, сохранением ашельских традиций (принимая во внимание наличие бифасов), присутствием скребел, зубчато-выемчатых изделий. Наряду с этим проявляются специфичные черты верхнего палеолита, получает распространение пластинчатая техника скалывания, разнообразные скребки и резцы, комбинированные орудия, ретушированные пластины, в частности, типа Дюфур и т.д. Время существования этой культуры установлено по Брынзенам. По нашему мнению, она могла существовать в промежутке от 35.000 до 30.000 лет и продолжать эволюционировать в начале верхнего палеолита параллельно ориньяку.

ЛИТЕРАТУРА

Bitiri-Ciortescu M. 1987. Paleoliticul de la Mitoc-Valea Izvorului. Probleme privind începutul paleoliticului superior pe teritoriul României // SCIVA, 38, №3.

Bitiri M., Cârciumaru M. 1978. Atelierul de la Mitoc-Valea Izvorului şi locul lui în cronologia paleoliticului României // SCIVA, 29, №4. P.463-480.

Bitiri M., Cârciumaru M., Vasilescu P. 1979. Paleoliticul de la Mitoc-Valea Izvorului, specificul culturii şi mediul său natural. Hierasus. I/ Botoşani. P. 33-42.

Chirica V. 1980. Aşezările paleolitice de la Mitoc. Rezumatul tezei de doctorat.

Chirica V., Borziac I., Chetraru N. 1996. Gisement du Paléolithique supérieur ancien entre le Dniestr et la Tissa //BAI, V. P.131-130.

Iakovleva L. 1994. La chronologie du Paléolithique supérieur en Ukraïne. Ravello.

Leroi-Gourban A. 1988. Dictionnare de la Préhistoire // PUF. Paris. P. 82-83.

Nicolăescu-Plopşor C.S., Zaharia N. 1959. Cercetările de la Mitoc // Materiale, VI. P.11-22.

Otte M., Chirica V. 1993. Atelier aurignacien à Mitoc-Malu Galben // Préhistoire Européenne. Liège. 3. P.55-66.

Păunescu AL. 1987. Începuturile paleoliticului superior în Moldova // SCIVA, 38. ą2.

Păunescu Al. 1993. Ripiceni-Izvor. Paleolitic-Mezolitic // Studiu monografic. 190 p.

Коваленко С.И., Кетрару Н.А.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ИНДУСТРИЙ В ДНЕСТРОВСКОЙ ЗОНЕ МОЛДАВИИ

Covalenco S.I., Chetraru N.A. Some peculiarities of the development of the Upper Palaeolithic industries in the Dniester region of Moldova.

The comparison and analysis of the data, accumulated by now in respect of the Upper Palaeolithic sites of the Moldavian Dniester area permit considering the process of cultural and historical development in this area on the basis of the contacts be tween two large technological and typological formations, represented by the Aurignacian and Gravettian technocomplexes. Inside the former one it is outlined the cultural and genetic continuity from the Lower Dniester archaeological culture (Climautsi I, Zelyony Khutor I and II) along two lines: from Climautsi I to the lower and then to upper layer of Climautsi II, continue in Rashkov VIII and VII, and from Zelyony Khutor II to Kamenka, Usatovo and Calfa. The loss of the cultural specific character by the early sites at the middle stage of the development (Climautsi II) is due to the influence of the carriers of Molodova`cultural traditions, forced to migrate under the circumstances of the increasing stadial fall of temperature. The penetration of the representatives from the Central European circle of the Sagaydak type sites into the zone of Southern Russian steppes is observed by the end of the Early Ostashkovo period. In the Dniester area the alien Aurignacian traditions are superimposed on the local industry, that functions within the frames of the same technocomplex. This process results in the formation of the original Rashkov culture with a developed Aurignacian tool set.

The different line of the Upper Palaeolithic development in the Dniester zone is reflected in the materials from the sites of Gravettian technocomplex. The earliest from them probably proceed the coldest stage of the Ostashkovo Glacial period. The decrease in number of the well-known sites in the Molodova archaeological culture area and the presumed outgoing of the population to the Southern part of the Middle Dniester area and to the valleys of the rivers Reut, Ikel and other tributaries of the Lower Dniester are observed by the beginning of this period. The migration of the carriers of Molodova cultural tradition was reflected in the inadequate reproduction of its peculiar features. It is confirmed by the insignificant cultural character by defining the sites of the Iorjnitsi, Cureshnitsi, Ciutuleshti, Reci and other types. A number of features, inherited from the Molodova community are met with the Cosoutsi cultural variety, that was under the strong influence of the Anetovo cultural tradition carriers at the stages of its formation and successive development. The continuation of the Gravettian traditions can be reflected in the peculiar character of the Late Molodova culture, whose perception variability embraces the sites of Vadu-Rashkov, Ataki I and II, that are close this culture.

Первые научные исследования по палеолиту Молдавии нашли свое отражение в миграционистической концепции Н.Морошана (1938) и в многоступенчатой схеме развития А.Черныша (1959), в основу которых легла западноевропейская периодизация и представления о стадиальном развитии верхнего палеолита. Их идеи были продолжены в трудах Н.А.Кетрару (1969,1973) уже на более широкой источниковедческой базе. Именно Н.А.Кетрару впервые выделяет две главные хронологические группировки памятников и определяет культурную при надлежность многих из них (атакские стоянки соотнесены с конкретными этапами развития молодовской археологической культуры, а рашковские памятники представлены как оригинальные индустрии, развивающиеся на ориньякоидной основе).

Подробная схема культурно-исторического развития отражена в работах Г.В.Григорьевой (1975,1980). В рамках её первого этапа выделяются две линии развития, одна из которых связана с днестровской индустрией Климауц I. На втором этапе отмечаются три технико-типологические группы стоянок, предположительно рассматриваемые как три археологические культуры (рашковская, йоржницко-курешницкая и костештско-атакская) со всеми присущими им атрибутами.

Пристальное внимание проблеме периодизации палеолитических памятников нашего региона уделял И.А.Борзияк (1983). В разработанной им четырехступенчатой схеме развития, первая хронологическая группа представлена на Днестре Климауцами I и Зеленым Хутором II. Отмечая связь этих памятников с мустье региона, И.А.Борзияк подчеркивает ориньякоидный характер их индустрий. Вторая и третья хронологические группы характеризуются памятниками в бассейне Прута и Реута. Последняя группа расчленяется на четыре подразделения, в двух из которых присутствуют днест-

© Коваленко С.И., Кетрару Н.А., 1999.

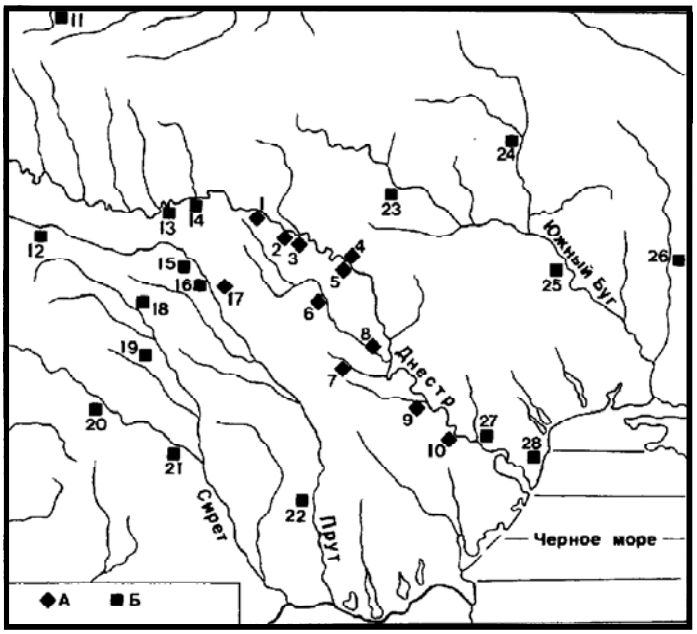

Рис.1. Карта распространения верхнепалеолитических памятников в Молдавском Поднестровье и на сопредельных территориях (А — стоянки Молдавии; Б — стоянки Украины и Румынии. 1 — Атаки I и II; 2 — Йоржница, Курешница; 3 — Косоуцы; 4 — Рашков VII и VI II; 5 — Климауцы I и II, Ваду-Рашков; 6 — Чутулешты; 7 — Реча; 8 — Скок; 9 — Калфа; 10 — Чобручи; 11 — Куличивка; 12 — Замостье; 13 — Молодова V, Бабин I; 14 -Молодова I, Кормань IV; 15 — Миток Малул Галбен; 16 — Стынка Рипичень; 17 — Костешты; 18 — Доро хой; 19 — Удешть; 20 — Чахлэу-Дырцу, Чахлэу-Бофу Мик, Чахлэу-Подиш; 21 — Буда; 22 — Мэлуштень; 23 — Лески, Ивашково VI; 24 — Владимировка; 25 — Анетовка I и II; 26 — Сагайдак I; 27 — Зеленый Хутор I и II; 28 — Большая Аккаржа.

ровские памятники из атакского и рашковского микрорайонов. Его представления во многом совпадают с выводами Г.В.Григорьевой, в частности, о схожести характерных черт Атак I, Атак II, Костешт I и верхних слоях в Молодова V. Дальнейшее развитие получает тезис о позднеледниковом возрасте Рашкова VII. Проводятся параллели между рашковской индустрией и памятниками причерноморских степей, с выделением аналога в виде комплекса Ивашкова VI.

Характеристика материалов рассматриваемой зоны затрагивается в обобщающих работах Г.П.Григорьева (1970), В.Н.Станко (1982,1989), А.Н.Рогачева и М.В. Аниковича (1984), И.В.Сапожникова (1994, 1995).

Оформление источниковедческой базы и плодотворные исследовательские разработки по верхнему палеолиту региона допускает освещение многих аспектов процесса культурно-исторического развития. Свое выражение это находит во взаимодействии двух ведущих технокомплексов (ориньякоидного и граветтоидного), содержание которых раскрывается через уточнение характера и динамики эволюции отдельных археологических культур и вариантов.

Ориньякоидный технокомплекс

Становление верхнепалеолитической индустрии в рассматриваемой зоне можно проследить на примере нижнеднестровской археологической культуры. Три опорных ее памятника — Климауцы I, Зеленый Хутор I и II (рис.1:5,27) — демонстрируют ряд особенностей, позволяющих отнести её к ориньякоидному технокомплексу. Именно, в рамках данного технокомплекса, наблюдается дальнейшая трансформация культурного наследия ранних памятников.

Вопрос о времени формирования и генетических корнях нижнеднестровской культуры остается открытым. Тем не менее, не вызывает серьезных возражений ее связь с ранней порой верхнего палеолита по типологическим критериям. Среди разных подходов к проблеме происхождения индустрии Климауц I — Зеленый Хутор I и II наиболее аргументирована концепция преемственности от зубчатого мустье типа Стынки I (Анисюткин 1969), при констатации факта существования широкой исторической общности на Нижнем Днестре и Дунае в конце среднего — начале верхнего палеолита (Анисюткин 1977; Станко 1982; Amirkhanov, Anikovich, Borziak 1993).

Индустрии всех трех памятников во многом сходны как по структурной упорядоченности их коллекций, так и по устойчивому сочетанию типичных форм изделий (табл.1). Естественно, не все культурообределяющие параметры в равной степени отражены на каждом из памятников. Учитывая факт сбора находок с поверхности, вполне допустимо отсутствие отдельных типов изделий на конкретном памятнике, в то же время характерных для культуры в целом. Для нижнеднестровской археологической культуры свойственно:

* обязательное присутствие дисковидных, шаровидных, кубовидных или аморфных ядрищ среди значительной подборки подпризматических форм, при ведущей роли отщеповой заготовки, используемой при изготовлении орудий;

* численное превосходство скребков (табл.1), обилие высоких форм, присутствие специфичных — ладьевидных или массивных стрельчатых, с носиком, с перехватом, каренэ и с лезвием на ударной площадке отщепов;

* сочетание низких и высоких острий, вклю-

чающих так называемые острия климауцкого типа (на толстых отщепах с коротким массивным жалом, выделенным с двух сторон; рис.2:13);

* распространенность зубчато-выемчатых и архаичных форм орудий, иногда дополняемых удлиненными бифасами;

* представительность срединных резцов, прежде всего многофасеточных и нуклевидных, а также комбинированных со скребками;

* отсутствие микропластинок с притупленным краем.

И.В.Сапожников полностью отрицает наличие в материалах Зеленого Хутора I и II каких-либо дисковидных и шаровидных нуклеусов, существенно сокращает процент зубчато-выемчатых форм (до 7% в Зеленом Хуторе I и 4% в Зеленом Хуторе II), а бифас (Станко 1980, рис.2:2) и двусторонне обработанное орудие (Красковский 1978, рис.5:12) считает обломком призматического нуклеуса или поздней примесью. Отмечая близость зеленохуторских комплексов между собой, он подчеркивает наличие большого количества скребел в первом из них, присутствие высоких скребков с перехватом и подокруглых, резцов угловых и нуклевидных, пластин с подтеской и долотовидных изделий только во втором, указывая на вероятную причину этого в меньшей представительности коллекции Зеленого Хутора I (Сапожников 1994).

При одинаковом показателе индекса высоких скребков, в том числе с носиком и стрельчатых, также как острий и резцов, лишь в Климауцах I достоверно присутствуют бифасы, пластины с ориньякской ретушью по большей части периметра и пластинки с мелкой краевой ретушью (Борзияк 1981). Дополнительный просмотр климауцкой коллекции позволил выявить

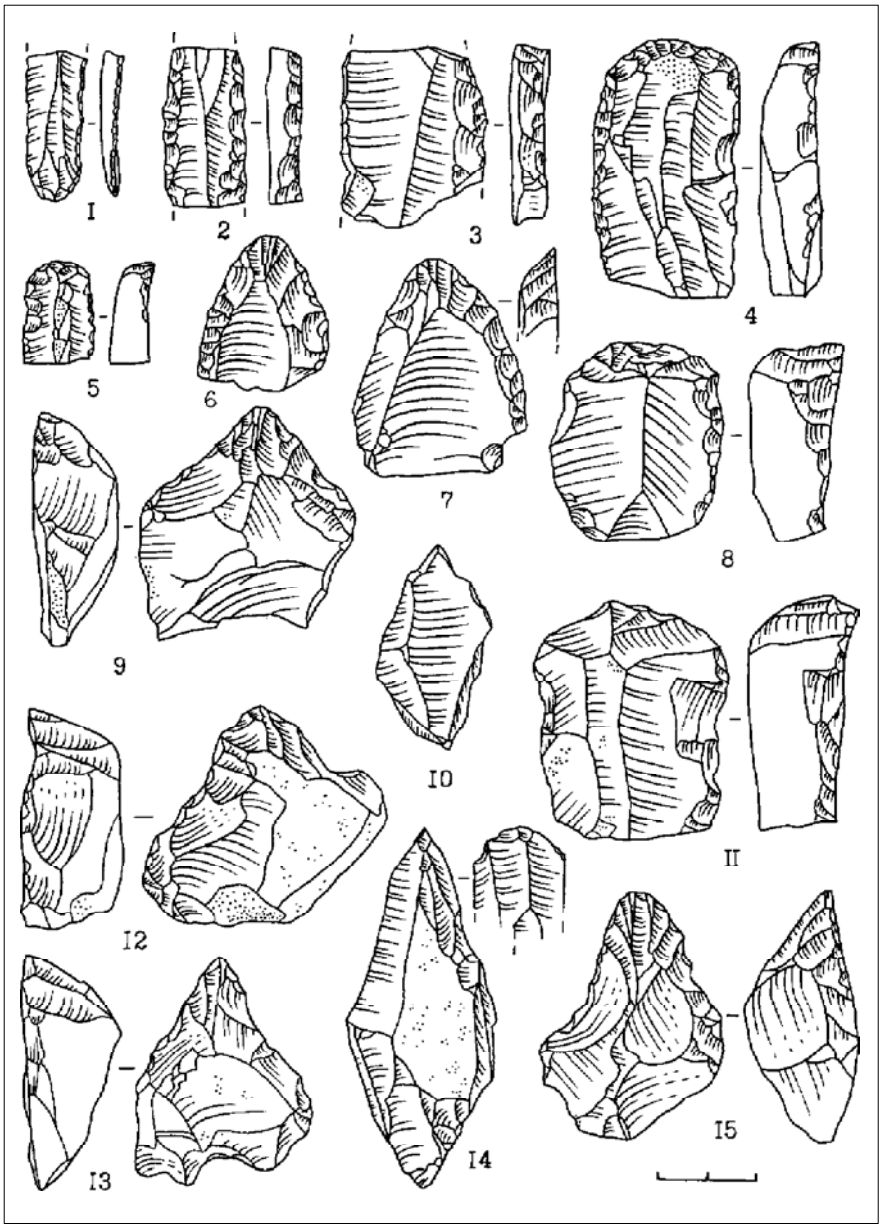

Рис.2. Климауцы I. Кремневые изделия.

единичный скребок высокой формы с небольшим перехватом.

Высокий коэффициент сходства прослеживается между Климауцами I и подъемными материалами с местонахождения Скок (рис.1:8) на р.Реут (всего в 8 км от Днестра) ранее соотносимого с группой брынзенских памятников. Это находит свое выражение в подпризматической технике скалывания массивных и аморфных отщепов (Борзияк, Коваленко 1987:21-25; Chirica, Borziac, Chetraru 1996:66-69), сочетаемости архаичных форм (бифасов, скребел, клювовидных орудий, изделий типа раклет) с верхнепалеолитическими (численно преобладающими скребками, прежде всего высокой формы и одного нуклевидного, а также менее характерными резцами, вогнуторетушными и срединными), большом проценте зубчато-выемчатых форм. При этом, на Скоке не нашли распространение плоские нуклеусы параллельного снятия, характерные для нижнего слоя грота Брынзены, нет здесь и типичных остроконечников, относительно мало скребел, как правило, мелких и невыразительных, и, наконец, отсутствуют пластинки с крутой ретушью по краю. В то же время, заметную долю составляют скребки на широких отщепах, а техника первичного расколывания включает долечное расщепление. Сравнение с нижнеднестровским комплексом опять же указывает на не меньшее сходство, при определенном различии. Указание на типологическую связь Скока лишь с Брынзенами I, по причине отсутствия в первом острий климауцкого типа, представляется не очень убедительным.

Дальнейшая судьба памятников нижнеднестровской культуры рассматривалась двояко. С одной стороны, В.Н.Станко, кладя в основание генеалогической цепочки материалы Зеленого Хутора II, пытался конкретизировать ход

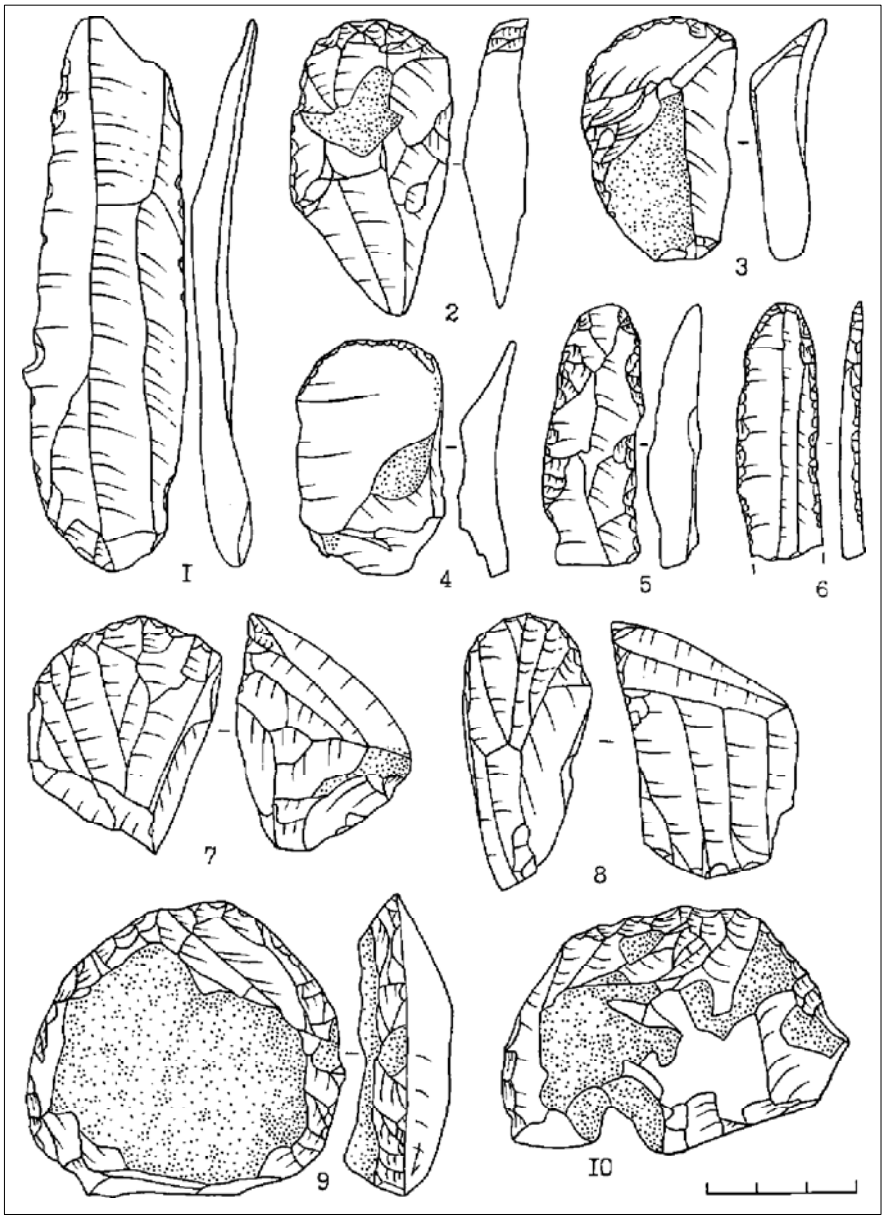

Рис.3. Климауцы II. Кремневые изделия из нижнего слоя.

развития через последовательную смену трех этапов. Процесс автохтонного развития доводился до финального палеолита, когда он прерывался проникновением в Нижнее Приднестровье инородных традиций типа Большой Аккаржи (Станко 1982). Концепция В.Н.Станко утратила свою актуальность после апробирования новой периодизационной схемы, основанной на стратиграфической колонке из Южного Побужья, с которой соотносится ряд памятников Нижнего Приднестровья (Станко, Григорьева, Швайко 1989; Смольянинова 1990). По нашему мнению, первоначальная схема В.Н.Станко не лишена рациональности. По крайней мере, отметим принципиальную взаимосвязь, существующую между зеленохуторским комплексом и более поздним памятником Каменкой, сопоставимого с Усатово, который, в свою очередь, по отдельным критериям стыкуется с Чобручами.

С другой стороны, направленность развития нижнеднестровской культурной общности подводилась под рамки ориньякоидного технокомплекса. В одном случае, конкретизировалась ориньякоидность орудийного набора Климауц I и более поздних рашковских стоянок, подчеркивались аналогии по высоким формам (Григорьева 1975), но не делалась попытка увязать их напрямую, в виду отсутствия промежуточного звена из памятников средней поры верхнего палеолита. Во втором случае, определение ориньякоидности зеленохуторских м атериалов (Сапожников 1987) подразумевало вероятность аналогий с высокими скребками из Рашкова VII.

Исследование стоянки Климауцы II (рис.1:5) в 1989 г. частично восполнило существующий пробел во времени между нижнеднестровскими и рашковскими памятниками. Действительно, по ряду критериев можно говорить о преем-

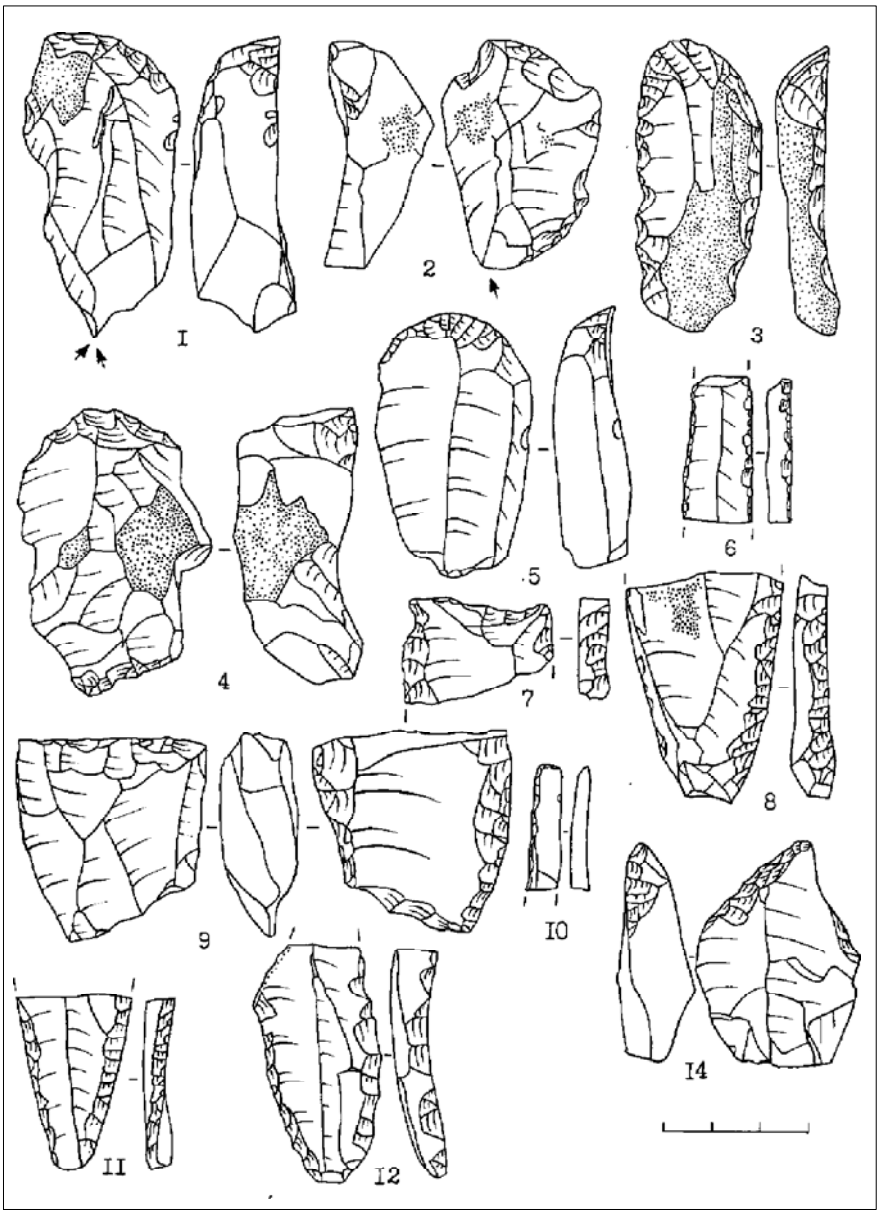

Рис.4. Климауцы II. Кремневые изделия из верхнего слоя.

ственности, перерождении одного в другое. В то же время, детальное сопоставление не позволяет определять прямую культурную трансформацию.

Вначале представим свидетельства, подтверждающие континуитет. Они касаются внутренней упорядоченности сравниваемых объектов на уровне категорий и субкатегорий. Их анализ подводит к определению, согласно которому наиболее высокие коэффициенты сходства (вычисленные по 107 верхнепалеолитическим памятникам региона) прослеживаются в строгой последовательности от Климауц I к нижнему слою Климауц II, от нижнего слоя этой стоянки к верхнему, а также Рашкову VIII, от верхнего слоя Климауц II к Рашкову VIII , от Рашкова VIII к Рашкову VII. За высокими коэффициентами и процентными соотношениями стоит конкретная сопряженность между комплексами, направленность в накоплении или снижении количественных параметров того или иного признака. Нетрудно заметить и ряд важных тенденций (табл.1). На фоне плавного сокращения доли архаичных форм от 17% в Климауцах I до 0,4-0,8% на рашковских стоянках, а также снижения процента изделий с подтёской и двусторонней обработкой, заметно возрастание представительности боковых резцов (от 4,5 до 15-19%) и микроизделий с краевой ретушью (более 12%), при устойчивости диагностичного компонента из скребков высокой формы на уровне 10-15% (меньший показатель только в верхнем слое Климауц II). Как первое явление, связанное с последовательным изживанием традиций предшествующей эпохи, так и последующие, вполне вписывающиеся в общий ход развития ориньякоидных индустрий региона, демонстрируют целостность, взаимосвязанность в процессе развития и отсутствие явных структурных деформаций, определяющих сме-

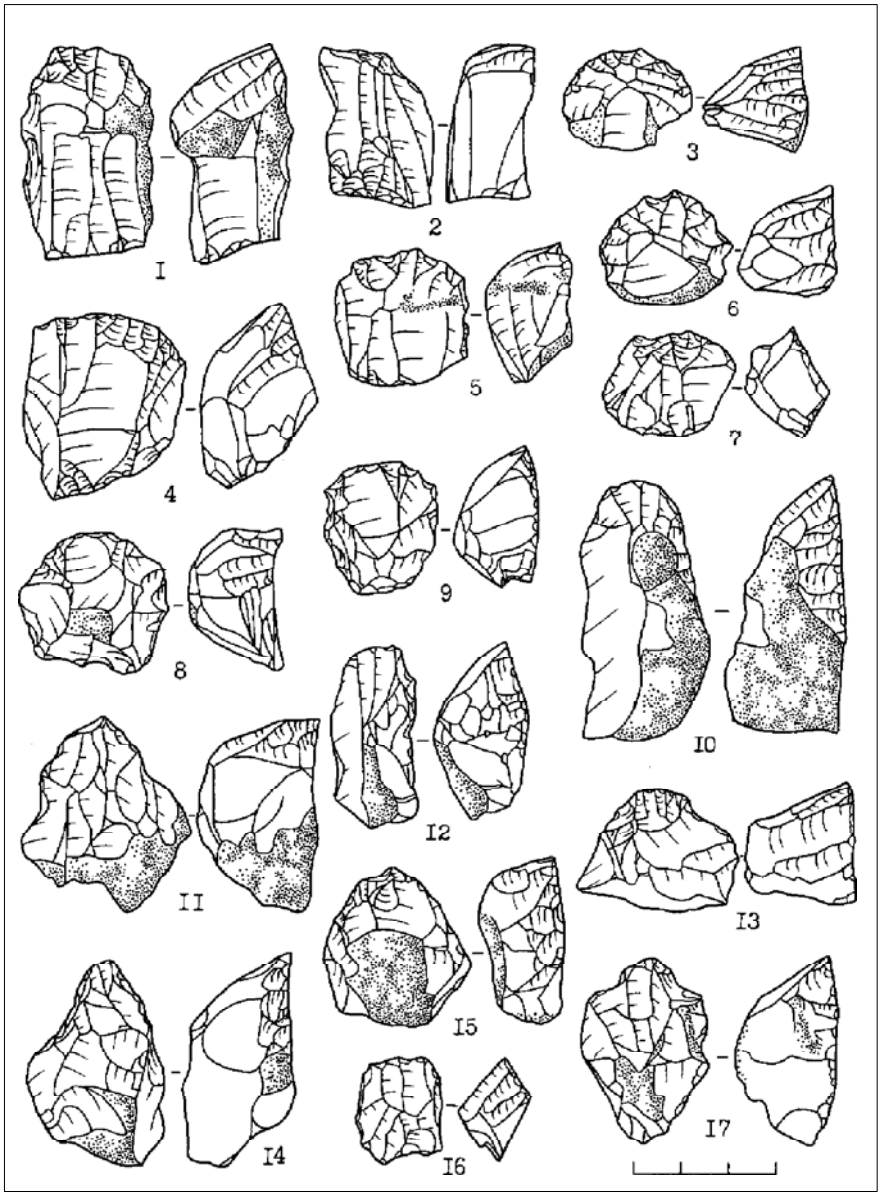

Рис.5. Рашков VII. Кремневые изделия.

ну ориентиров в культурном контексте.

Типологический анализ материалов нижнего слоя Климауц II (рис.3) показал, что не менее половины всех изделий со вторичной обработкой изготовлено на отщепах, при этом выразительны скребки-нуклеусы, скребок каренэ и экземпляр с остроконечным лезвием, из резцов эффектны срединные двойные, многофасеточные и один подготовленный на пластине с ориньякской обработкой. Относительно много скребел, включая экземпляры на отщепах с выпуклым или полуокруглым лезвием. Единична микропластинка с притупленным краем .

Верхний слой Климауц II (рис.4) имеет еще меньшее сходство с памятниками нижнеднестровской культуры. Он содержит призматические нуклеусы, в сочетании с аморфными ядрищами, равное соотношение орудий на отщепах и пластинах, при изготовлении большинства скребков и резцов на пластинчатых отщепах. В его коллекции отмечены скребки высокой формы и с носиком, двойной нуклевидный скребок, срединные многофасеточные резцы и пластины с ориньякской обработкой, некоторые с краями сходящимися к основанию. Крайне мало обработанных микропластин.

Перечисленные особенности обоих комплексов не содержат культурного своеобразия нижнеднестровских памятников. Если присутствие скребков-нуклеусов и скребка каренэ, в одном случае, скребков высокой формы и с носиком, в другом, несколько облегчает проводимое сопоставление, то отсутствие ладьевидных форм, экземпляров с перехватом и на ударных площадках, высоких острий, превосходство резцов в коллекции, распространенность массивной пластинчатой заготовки, более тщательная отделка и стандартизация орудийного набора, совершенство обработки единичных микроорудий и отсутствие двусторонне подработанных

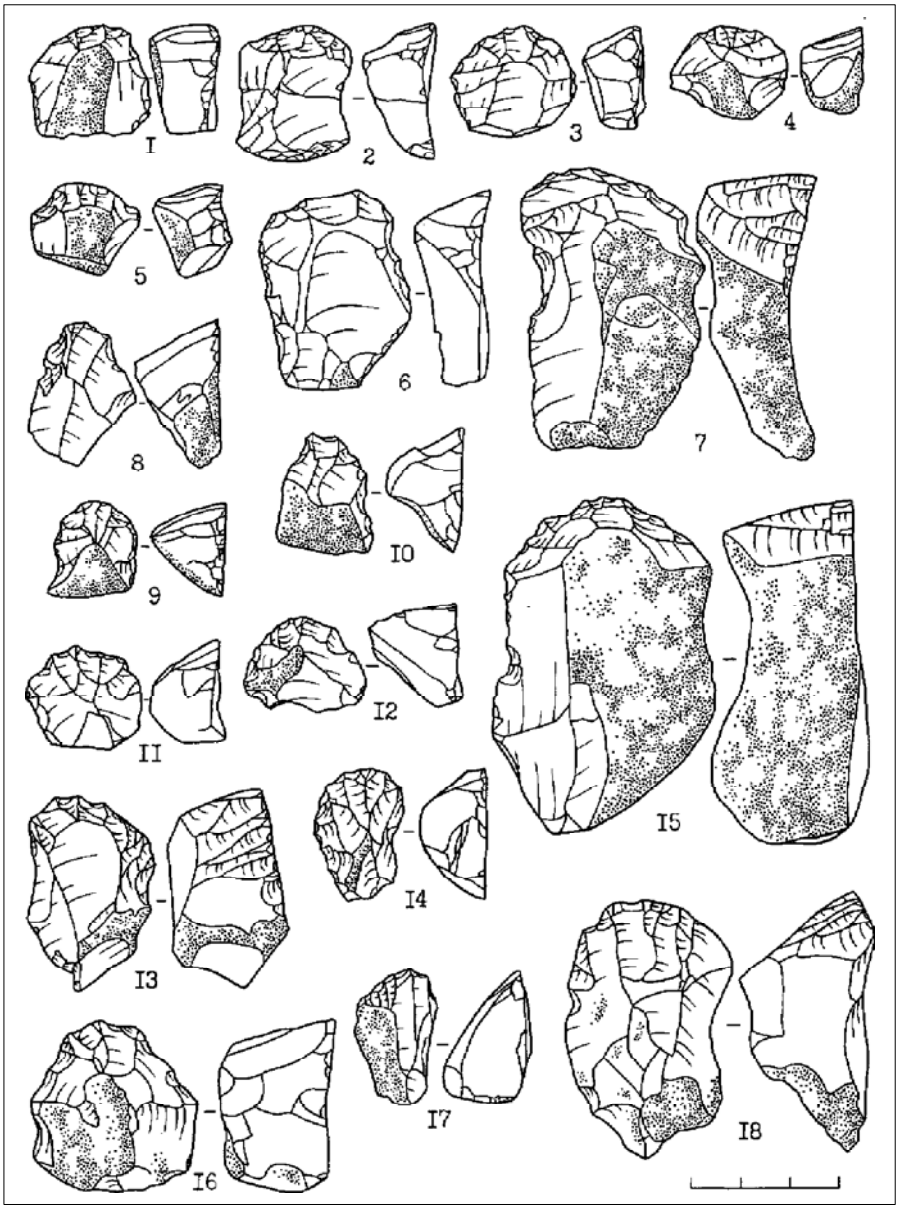

Рис.6. Рашков VII. Кремневые изделия.

изделий противопоставляет Климауцы II ранним памятникам. Тем не менее, остается достаточно критериев, подтверждающих сохранение общей направленности развития в рамках единого технокомплекса.

Утрата отличительных черт памятников нижнеднестровской культуры не может объясняться только ссылкой на развитие индустрии во времени или малочисленностью коллекции нижнего слоя Климауц II (66 орудий). В верхнем слое этой стоянки найдено 232 орудия , но острий климауцкого типа или ладьевидных скребков мы все-таки не наблюдаем. Вероятно, объяснение кроется в действии каких-то внешних факторов. Не может ли это быть связано с массовым передвижением носителей иных культурных традиций, например, из Центральной Европы, существенно повлиявших на состав орудийного набора памятников нашего региона? Некоторые свидетельства действительно имеются. Так, крупная подвижка носителей традиций костенковско-виллендорфского единства из Центральной Европы в Восточную прослеживается как раз с конца брянского интерстадиала. Культурная атрибуция этого процесса, подкрепленная серией радиоуглеродных дат, не вызывает каких-либо сомнений. Влияние «виллендорфцев» распространяется до Среднего Приднестровья. В слое 7 Молодов а V, датируемого 23 000±800 и 23 700±320, обнаружены наконечники с боковой выемкой, пластины с подтёской концов, близкие ножам костенковского типа и пластинки с выемкой у верхнего конца, сходные с ножами типа Ргани (Борзияк 1997), не представленные на более ранних памятниках молодовской культуры. Любопытно совмещение датировки этого слоя с датой по Бердыжу (23 430±180), промежуточ-

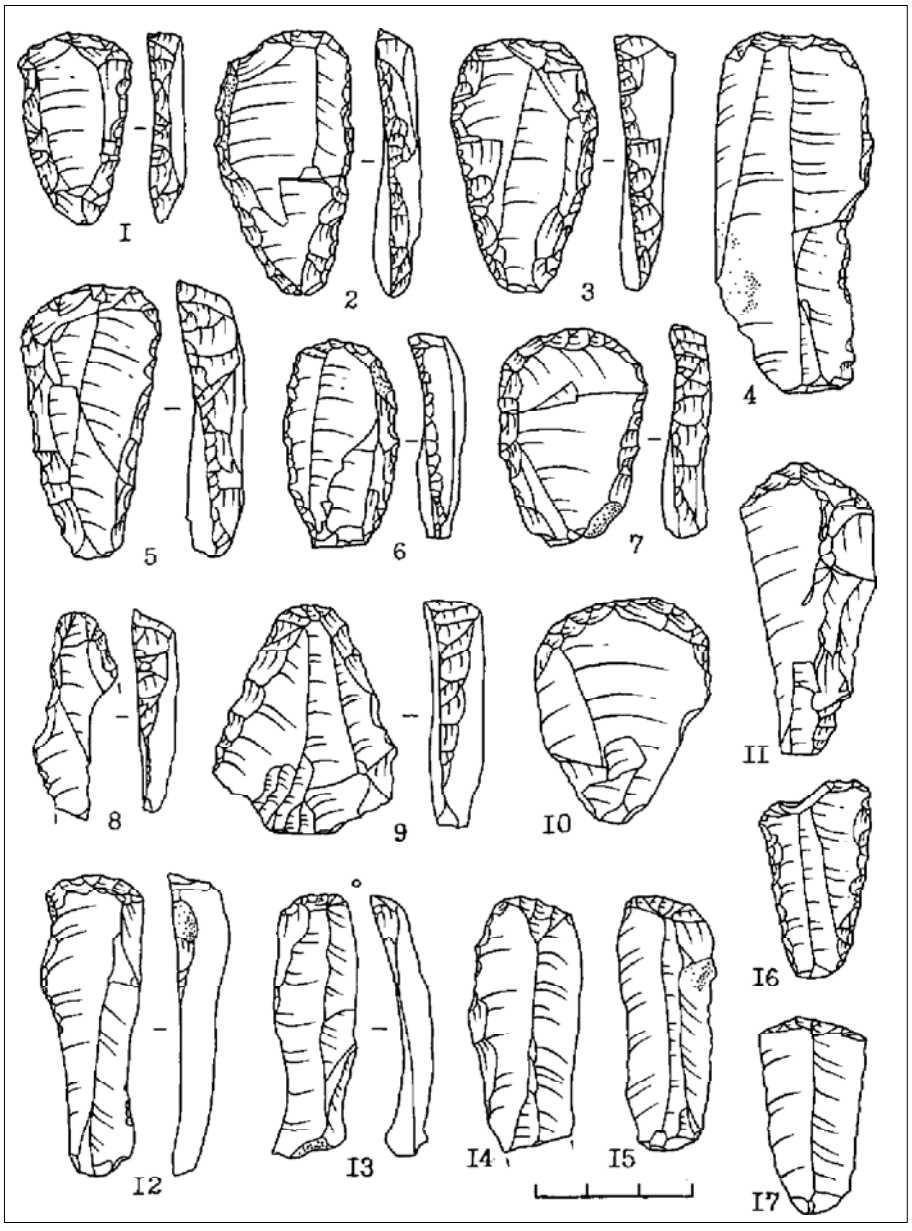

Рис.7. Рашков VII. Кремневые изделия.

ному звену в цепи широко развернувшихся в пространстве памятников виллендорфско-костенковского типа.

Еще одним свидетельством крупномасштабного проникновения носителей традиций центрально-европейского круга можно считать появление индустрии типа Сагайдак I (Станко, Григорьева 1977) в Южном Побужье (рис.1:26), ближайшим аналогом которого является комплекс Гура Пулавская (Krukowski 1939). Анализ материалов этих двух памятников, совместно с Мураловкой, подтверждает заключение о вероятности миграций с территории современной Польши в период внутривюрмских похолоданий. Необходимо признать вероятность периодичности волн таких переселений (Смольянинова 1990:91), косвенно фиксируемых по распространению сагайдакско-мураловских острий в Анетовке I и II, Золотовке I, Рашкове VII и VIII, Большой Аккарже и слоях 4-6 Владимировки (Станко, Григорьева, Швайко 1989). Начало этого процесс определяется по дате, полученной для нижнего слоя Сагайдака I — 21 240±200 л.н.

Таким образом, изменение культурной специфики Климауц II, в сравнении с Зеленым Хутором II и Климауцами I, поднимает целый спектр проблем и не может определяться однозначным отказом от преемственности или признанием континуитета. Предпочтительней указать на предопределенность в развитии, подчеркивая опосредованную связь между каждой парой памятников в цепи перехода от нижнеднестровской культуры к рашковской.

Очередная группа ориньякоидных памятников, соотносимых со средней порой верхнего палеолита, чьё культурное своеобразие достаточно для выделения археологической культуры, представлена рашковскими стоянками (рис.1:4; Кетрару 1973; Григорьева, Кетрару 1973). Характерные черты этих памятников еще

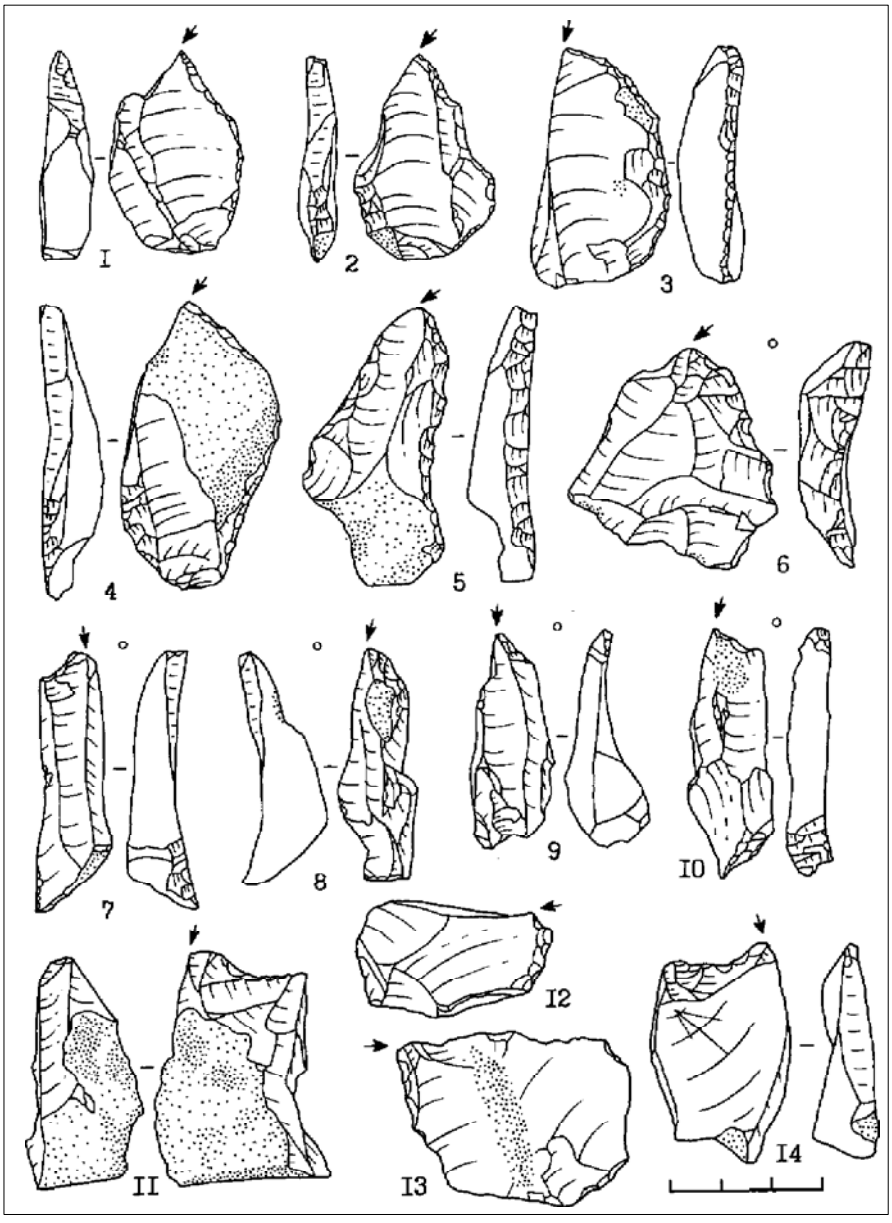

Рис.8. Рашков VII. Кремневые изделия.

на этапе полевых исследований воспринимались как вполне весомые для выделения отдельного технико-типологического подразделения (Григорьева 1975). Дальнейшее рассмотрение индустрии Рашкова VII и VIII на более широком историческом фоне придает им статус самостоятельного культурного феномена (Рогачев, Аникович 1984). Конкретизируем некоторые особенности рашковской культуры :

1. Техника первичной обработки основана на одностороннем призматическом нуклеусе. Своего совершенства она достигает при скалывании пластинок с микронуклеусов и вторичных ядрищ. Многочисленны сработанные нуклеусы с уплощенным фронтом скалывания и конусовидные экземпляры с круговой огранкой. Единичны подклиновидные и дисковидные ядрища. Ведущей заготовкой выступает пластинчатый отщеп (44% по Рашкову VII и несколько меньший по Рашкову VIII). Сравнительно мал процент использованных микропластинчатых заготовок;

2. Среди большого технико-типологического разнообразия скребков (рис.5-7) заслуживают внимания изделия с расходящимися к лезвию ретушированными краями, ладьевидные, микролитичные, близкие к полуокруглым, экземпляры на ударных площадках отщепов, на конце или ребре удлиненных краевых сколов, часто с высоким лезвием. Много укороченных форм. Распространены арочные, спрямленные, стрельчатые лезвия, иногда со слабо выделенным носиком или угловым расположением лезвия у скошенного ретушью конца. Не менее вариабельны скребки высокой формы на первичных отщепах, в том числе полуокруглые и с носиком. Нуклевидные скребки состоят из округлых (в том числе до 2 см в диаметре) экземпляров, каренэ, двойных с двугранной тыльной стороной, изделий с носиком или узким вытянутым ламелярно оформленным лезвием;

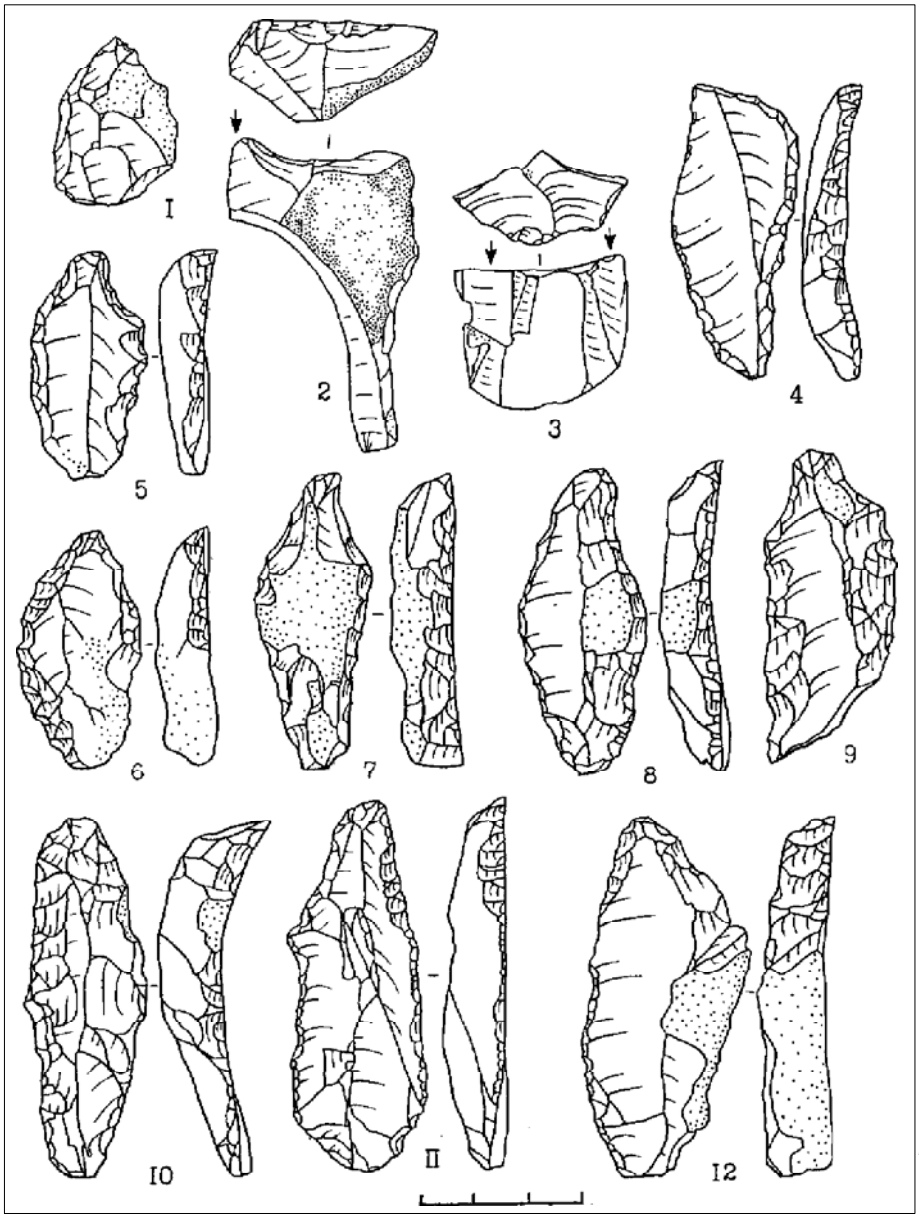

Рис.9. Рашков VII. Кремневые изделия.

3. Высоко стандартизованы косо- и перечноретушные резцы, преобладающие в группе резцов (рис.8; 9:2,3). Серийны экземпляры с плавным переходом ретушной обработки на прилегающий край, иногда проработанным по длинной дуге. Обособлены боковые резцы с зубцом, шипом или угловым выступом, с высоким желобчатым лезвием, подправленным одним — двумя уплощенными резцовыми сколами (т.н. резцы-стамески). Крайне много двойных, тройных комбинированных форм, некоторые с интенсивной краевой ретушью, другие — с обработкой придающей им очертания прямоугольников и параллелограммов. Отмечены нуклевидные резцы с широкими резцовыми кромками, трудно отличимые от вторичных ядрищ, и двугранные формы на ретушированных отщепах, включая многофасеточные и с поперечным усечением нижнего конца;

4. Микролиты подразделяются на изделия с крупной усекающей ретушью по одному из краев и изделия с мелкой краевой ретушью, часто лишь подправляющей кромку. Обращают на себя внимание миниатюрные экземпляры, до 1 см в длину, с противолежащей ретушной обработкой краев, с плоской вентральной подработкой концов, включая прямоугольники. Большинство микроострий обработаны мелкой нерегулярной ретушью, среди которых выявлены сагайдакско-мураловские формы на чешуйках или узких микропластиночках (рис.11: 3, 21-23) и микропроколки с выделенными жальцами;

5. Устойчивым компонентом орудийного комплекса являются проколки. Выразительны массивные острия климауцкого типа, килевидные проколки с шиповидным жалом, проколки-сверла рашковского типа (рис.10:1,2). Наряду с ними

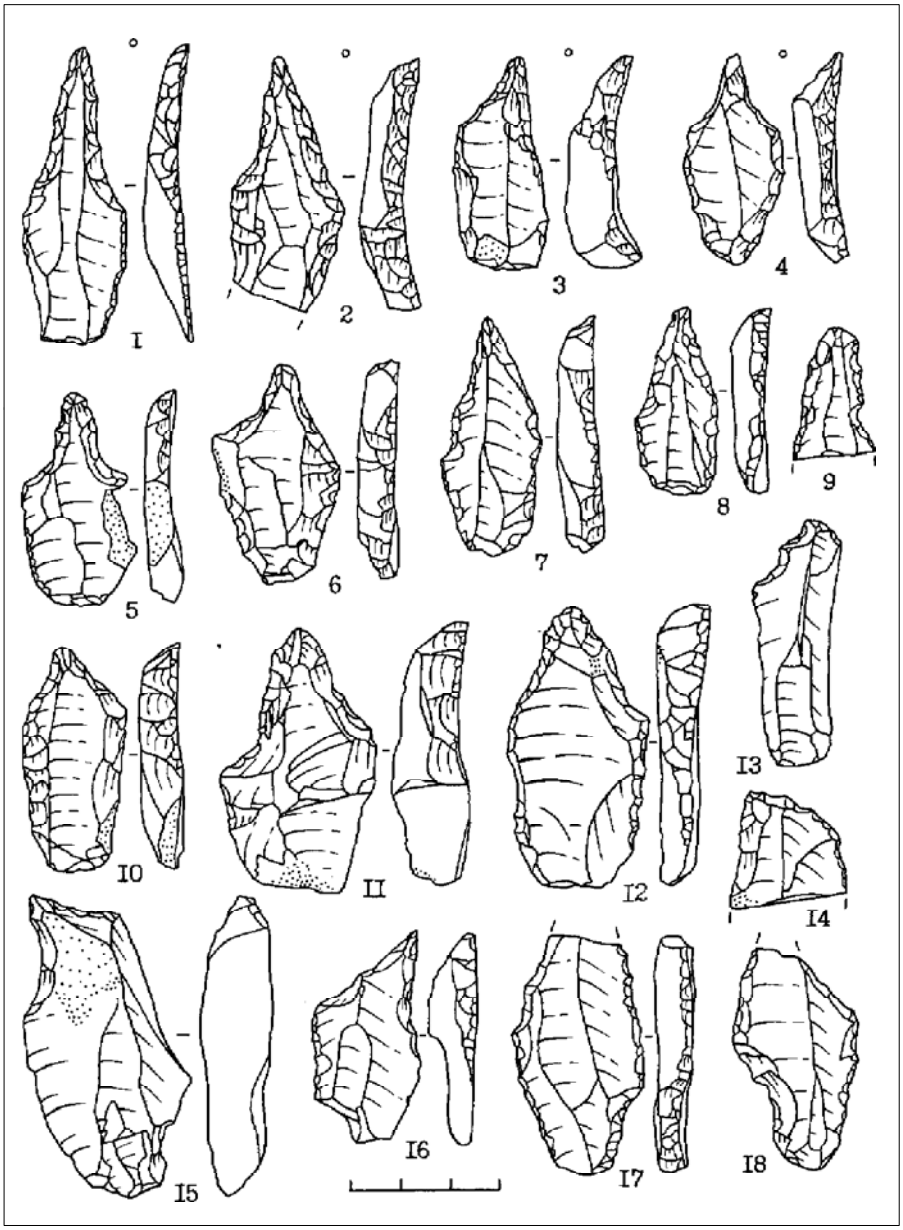

Рис.10. Рашков VII. Кремневые изделия.

существуют острия угловые, косые симметричные с ретушью по двум краям, с массивным лезвием, близким к скребковому, а также проколки с коротким и шиловидным жалом;

6. Весьма оригинальны комбинированные орудия — полифункциональные изделия с зауженным рабочим концом, в частности, массивные скребки с носиком или стрельчатые на скреблах с дугообразным лезвием (рис.9:5-9), скребки-скобели, скребки в сочетании с остриями , проколками, резцами, единичные резцы с чешуйчатой подтеской;

7. Представительны ножевидные пластины с круговой ориньякской ретушью, отчасти с далеко заходящими на поверхность заготовки фасетками, с расходящимися краями, изредка вентральной подтеской одного из концов. Встречаются изделия со скошенным ретушью концом, иногда сразу двух, скребла и выемчатые формы.

В качестве «руководящих ископаемых» для рашковской культуры могут выступать проколки-сверла с вытянутым тщательно выделенным жалом. Их сочетание с разнообразными нуклевидными скребками, скребками с круто ретушированными краями, ладьевидными и на ударных площадках, боковыми резцами с дугообразным краем или шипом, сагайдакскими и климауцкими остриями, пластинами с ориньякской обработкой, создает неповторимый облик, сво-

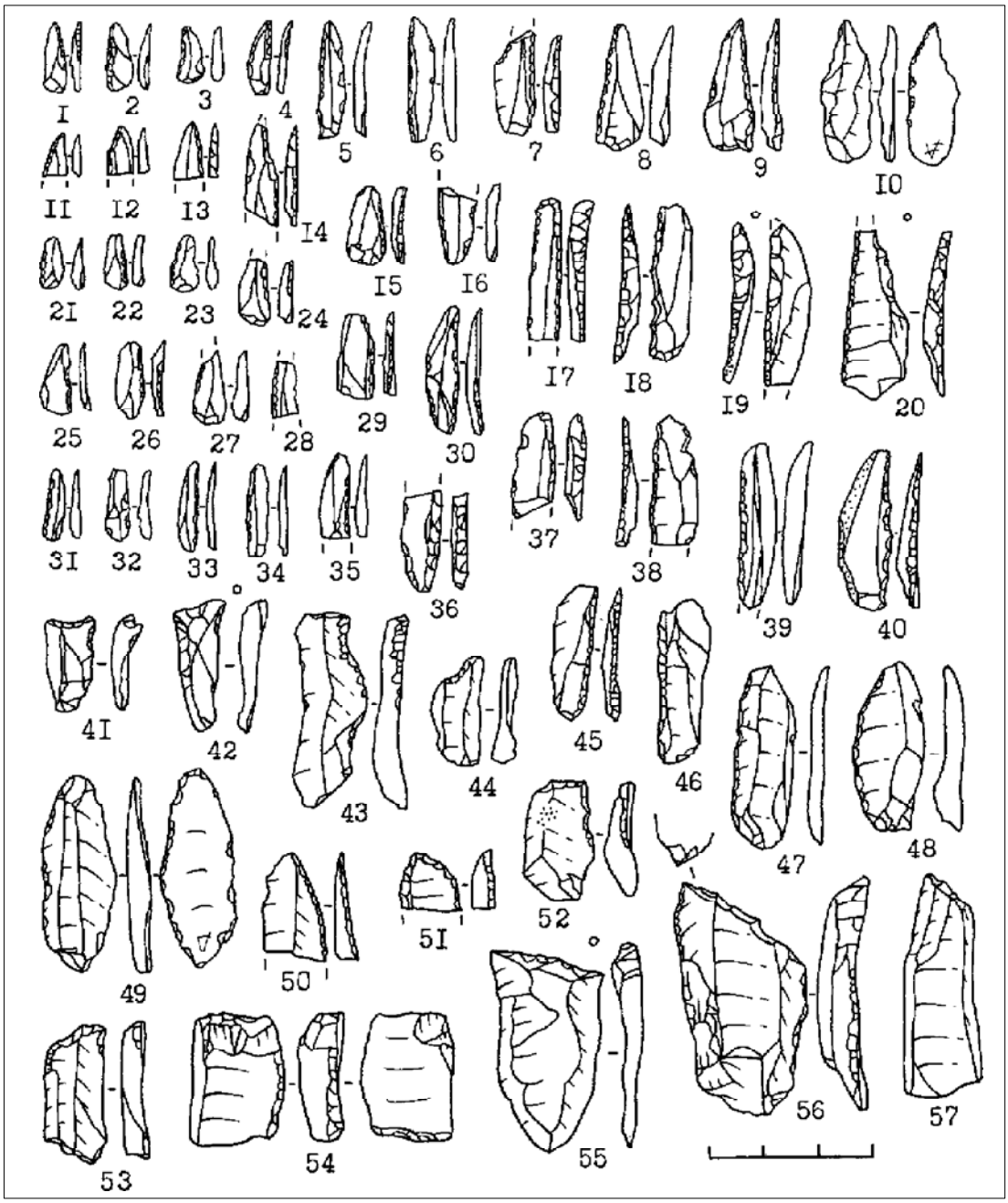

Рис.11. Рашков VII. Кремневые изделия.

еобразный «код», по которому безошибочно определение культурной принадлежности.

Структурные соотношения в орудийном комплексе рашковских стоянок (табл.1) заслуживают специального рассмотрения. Резкое преобладание скребков в Рашкове VII (47% в выборке орудий с преднамеренно заданной формой), крайне высокий процент их килевидных разновидностей (29), соотносится со сравнительно малой долей резцов (32,5%) и ещё меньшей у микроорудий (12,3%). Такой высокий процент скребков можно наблюдать на граветтоидных памятниках субкарпатской Молдовы (30-45%), где, однако, незначительна доля килевидных форм (2-5% и лишь на Мэлуштень IV — 10,8), много микроорудий (около 25%) и не столь характерны резцы (10-20%; Chirica 1989). Больше структурного сходства с коллекциями нижнеднестровских памятников, Калфы, Чобруч, Каменки и верхнего слоя Анетовки I.

Несколько иное соотношение между категориями орудий на Рашкове VIII. Здесь резцы составляют 61%, соответственно уменьшается значение скребков (24%, из которых 10% килевидные) и микроизделий (9%). Такой расклад на уровне категорий наиболее близок молодовскому сообществу (резцы 50-70%, скребки 15-20%, микроорудия 1-10%, хотя в слое 7 Моло-

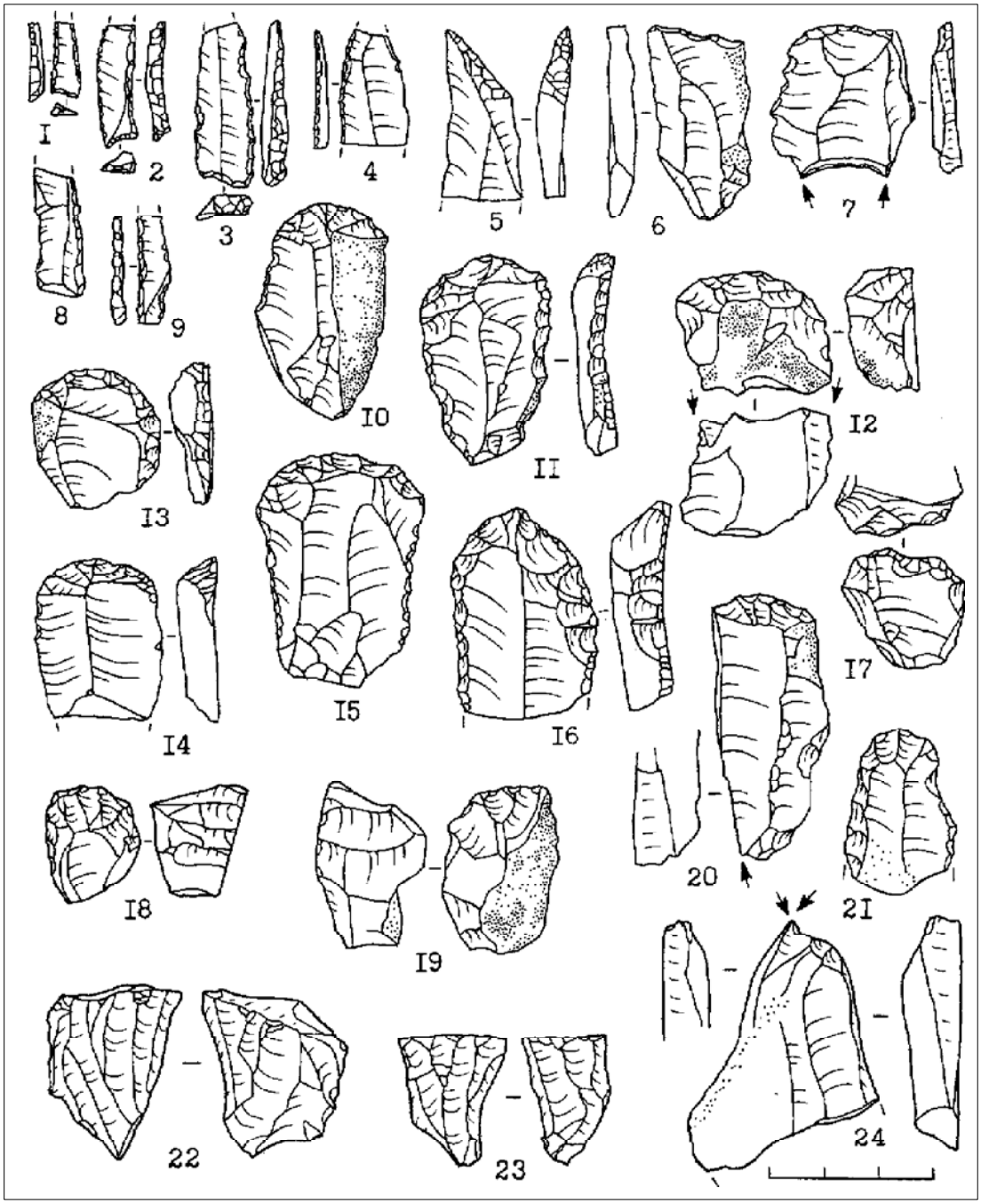

Рис.12. Калфа. Кремневые изделия.

дова V микролитов 21%), нижним слоям Косоуц и верхнему слою Климауц II.

Существенные различия в структурной упорядоченности орудийного набора Рашкова VII от Рашкова VIII можно объяснять воздействием инородных культурных традиций, носители которых вынуждены были сместиться к югу в период максимума осташковского оледенения. Ранее мы касались этой проблемы, отмечая вероятность влияния представителей центрально-европейского круга памятников на некоторые из днестровских индустрий. Не исключено наложение пришлых ориньякоидных традиций на нашу местную ориньякоидную индустрию, что и привело к формированию оригинального, ярко выраженного культурного феномена, каким является памятник Рашков VII. Своеобразие же Рашкова VIII, совместно с верхним слоем Климауц II, складывалось под воздействием не менее сильного влияния традиций уже распадающейся молодовской культуры. Некоторая смещенность во времени этих двух главных процессов, объясняет появление комплексов со специфическими молодовскими чертами с конца раннеосташковского интервала и проникновение памятников типа Сагайдак в период максимального похолодания.

Актуален вопрос о дальнейшей судьбе традиций рашковской культуры. Отдельные её технико-типологические особенности прослеживаются в коллекции стоянки Калфы (рис.1:9). Индустрия этого памятника основана на отщеповой заготовке (44%), среди изделий со вторичной обработкой большую часть составляют скребки (39%), включая экземпляры высокой формы и нуклевидные, несколько меньше резцов — боковых, нуклевидных многофасеточных, срединных, но относительно высок процент микроорудий (19,5). При этом, культурная специфика Калфы, частично выраженная и через

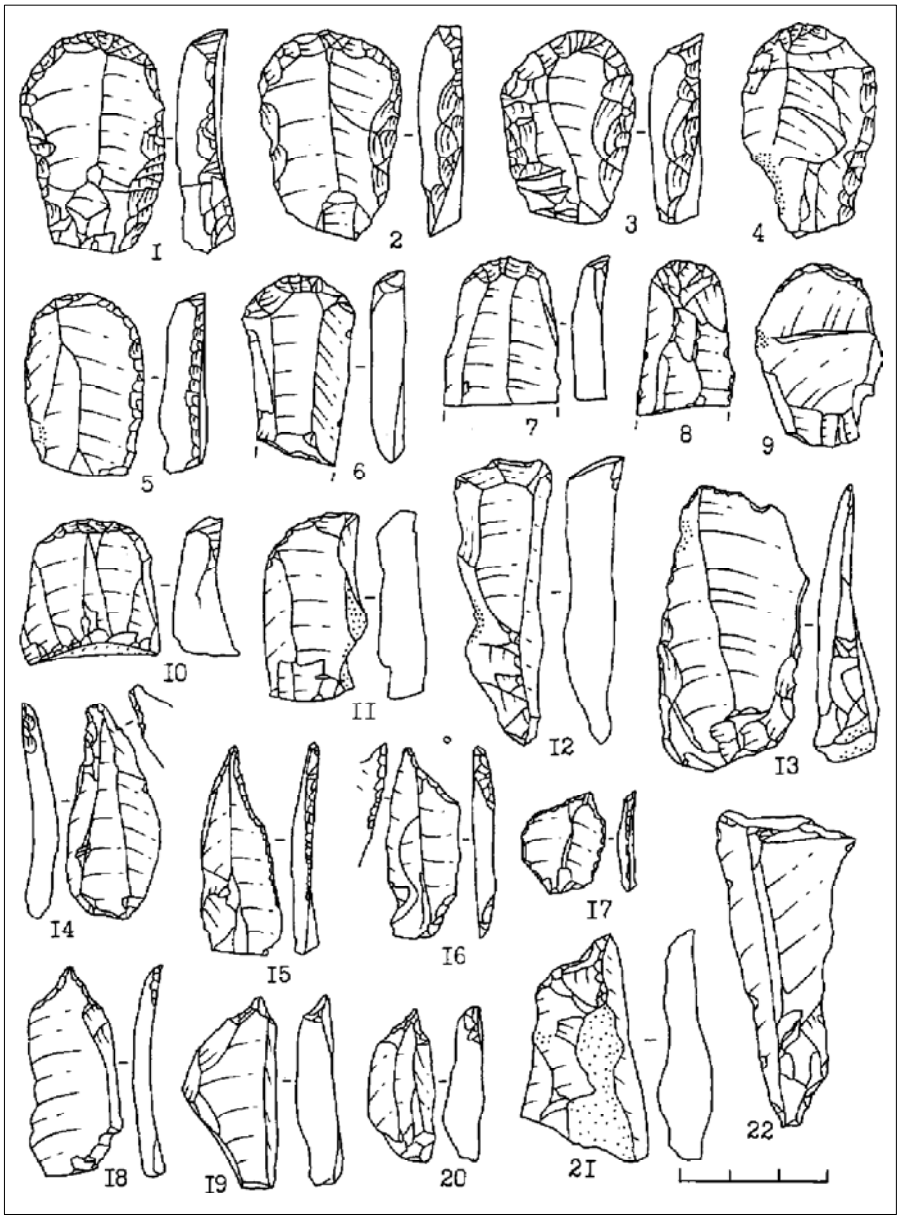

Рис.13. Косоуцы. Кремневые изделия из слоя 4.

граветтоидный микрокомплекс, прием поперечного усечения концов микропластинок (рис.12:1,2), единичные формы стрельчатых и ретушированных по двум краям скребков, не содержит ожидаемого проявления рашковского своеобразия.

Сомнительно оправдывать это малочисленностью инвентаря. Вероятней проявление другой культурной направленности в рамках одного технокомплекса (Борзияк, Коваленко 1987). Согласно типологическому анализу материалов памятников Нижнего Днестра, проведенному В.Н.Станко (1980, 1982, 1989), не исключена возможность обособления линии развития традиций Зеленого Хутора, ориентированной через ряд последовательных ступеней, включая Каменку, Усатово, Калфу и т.д. В обобщенном виде здесь заметно больше архаичных форм и отдельных типов орудий ранней поры верхнего палеолита, сравнительно сильнее, но менее разнообразно выражен граветтоидный микрокомплекс. Продолжение традиций этой группы памятников просматривается в материалах Чобручей (рис.1:10), где серия микроизделий достигает 33,8% из выборки орудий с преднамеренно заданной формой, что отчасти сближает её с Большой Аккаржей (рис.1:28; Григорьева 1967).

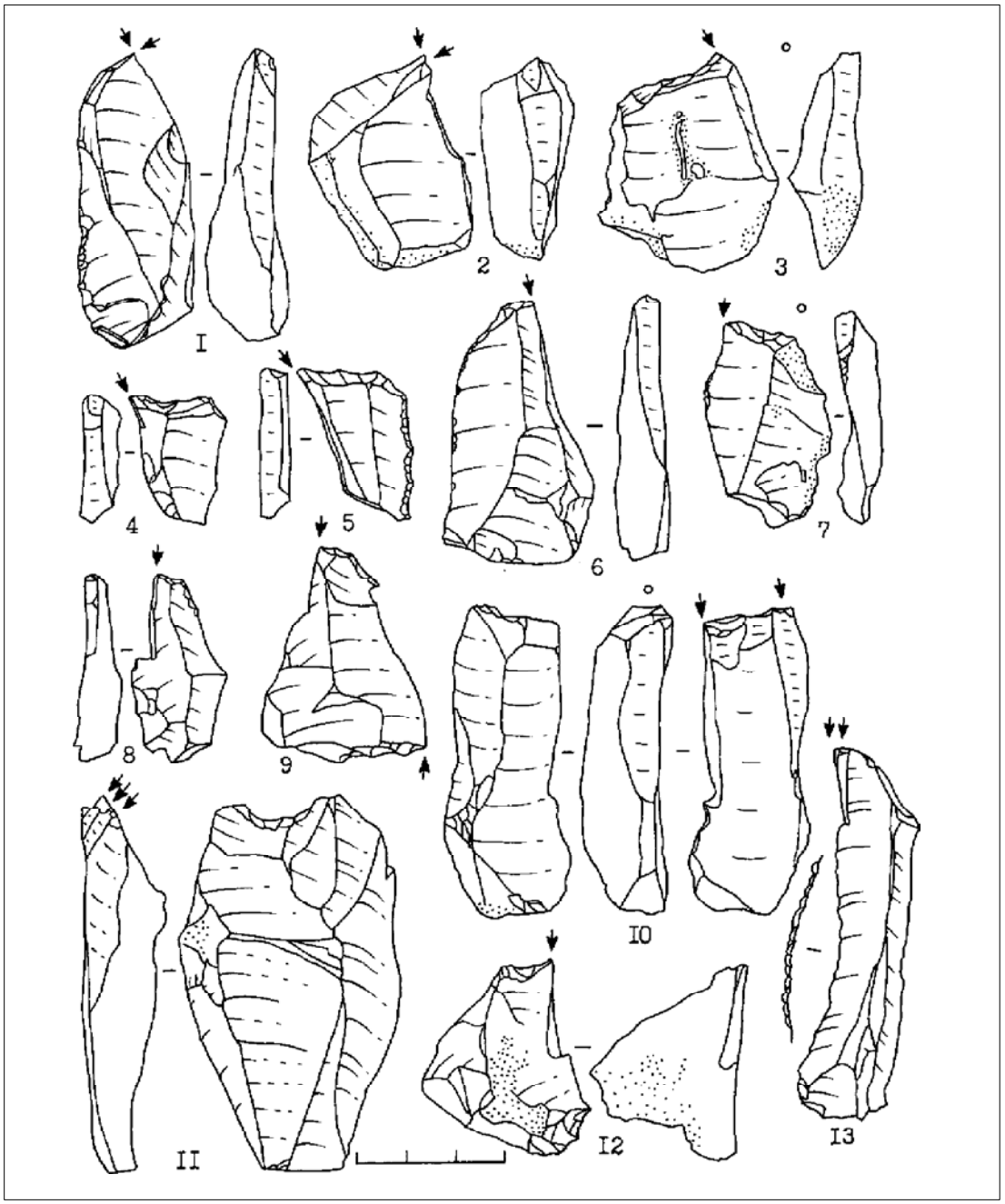

Рис.14. Косоуцы. Кремневые изделия из слоя 4.

Граветтоидный технокомплекс

Анализ различных вариантов культурного взаимодействия и направления передачи специфических технических традиций, начиная от самых ранних граветтоидных памятников Поднестровья, предполагает рассмотрение связи между памятниками молодовской культуры и группой стоянок, расположенных к югу и юго-востоку от её ареала. Негативные явления в период максимально холодной стадии осташковского оледенения, частично затронувшие Среднее Приднестровье (Иванова 1977:167), предопределили резкое сокращение числа известных стоянок этого периода, что допускает перемещение части населения к Нижнему Днестру.

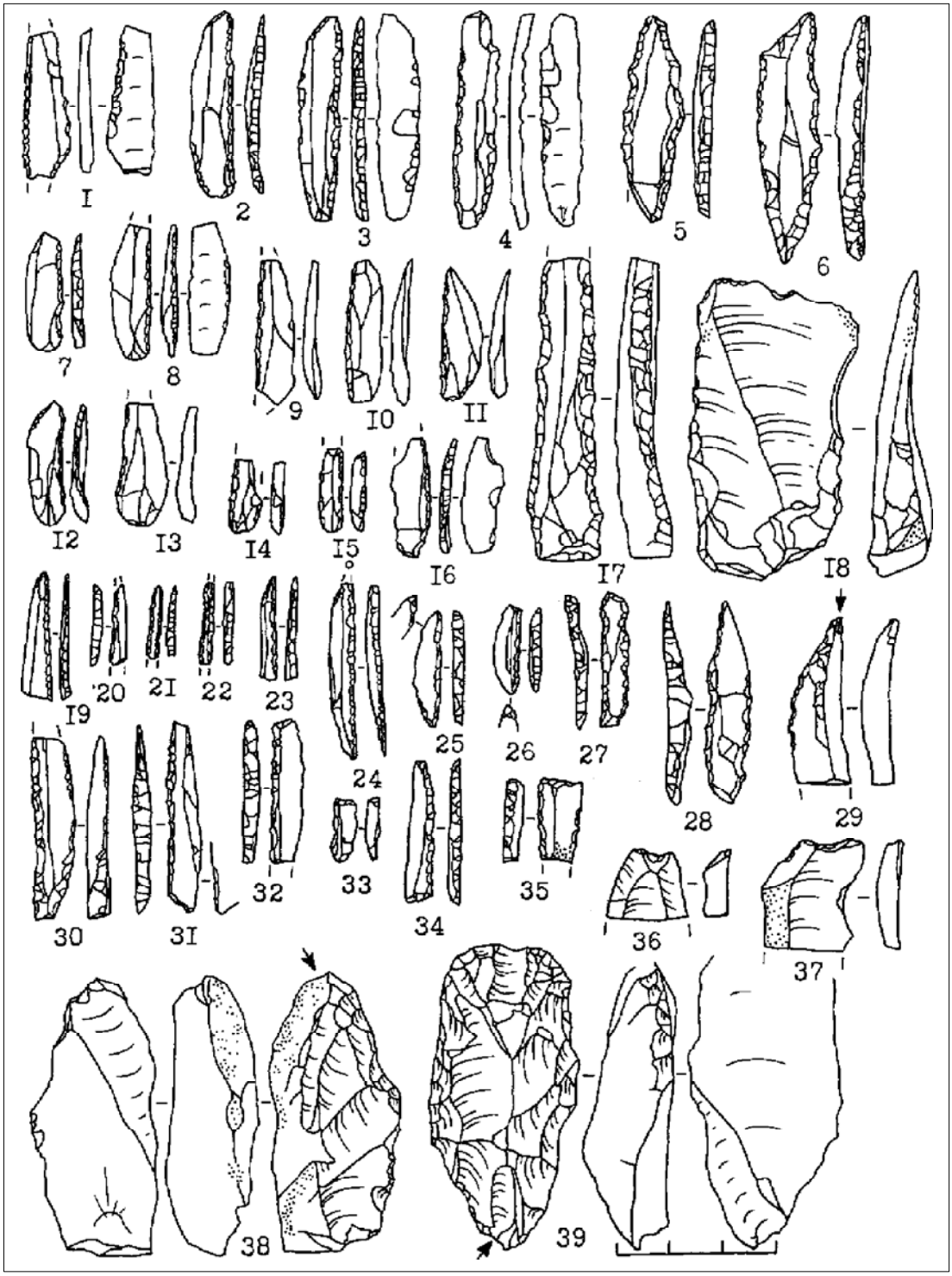

Рис.15. Косоуцы. Кремневые изделия из слоев 7 (1-16), 4 (17-37), 6 (38,39).

Старые технические и культурные традиции молодовской культуры в новых условиях, в частности, при использовании иных сырьевых источников, не могли быть востребованы в полной объёме. Видимо, этим объясняется потеря культурного своеобразия более ранних памятников, а в некоторых случаях и невыразительность орудийного набора. Исходя из типологического облика инвентаря, структурного соотношения основных групп орудий, особенностей техники первичного расщепления и характера используемых заготовок, представляется допустимым проведение отдельных аналогий между слоем 7 Молодова V, средним слоем Бабина I, нижними верхнепалеолитическими слоями Кормани IV (рис.1:14; Черныш 1959,1977,1987) и группой более южных стоянок, такими как Чутулешты на р.Реут (рис.1:6; Кетрару 1965; Borziac, Chetraru 1995), Речана р.Икель (рис.1:7; Кетрару 1989), слои 7-8 Владимировки на р.Синюха (рис.1:24; Черныш 1953), Йоржница, Курешница (рис.1:2; Григорьева 1975), слои 14-17 Косоуц (рис.1:3; Borziak 1993). По отдельным признакам группа молодовских памятников также соотносится с Замостьем I на р.Черемош (рис.1:12; Ambrojevici, Popovici 1938), Рашковым VIII и верхним слоем Климауц II.

Возраст большинства этих стоянок относителен, но ряд наблюдений указывает на их большую древность, чем позднеледниковье. Как правило, для них характерна типично призматическая техника скалывания, пластинчатая заготовка средних и крупных размеров, ведущая роль резцов, при отсутствии или сравнительно малом количестве микроорудий, преобладание срединных резцов, часто двойных и многофасеточных, использование приема оформления

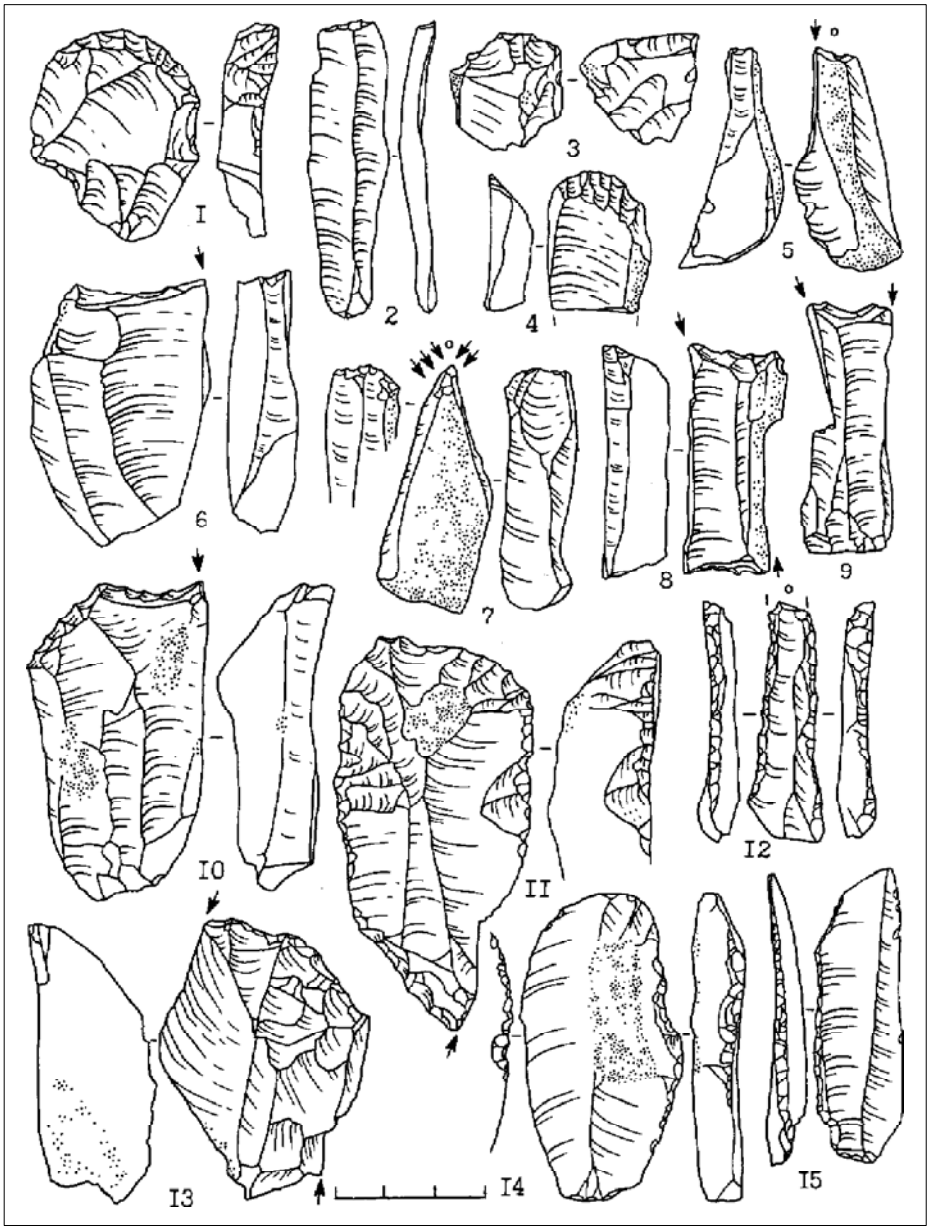

Рис.16. Косоуцы. Кремневые изделия из слоя 6.

нижнего конца орудий по типу двугранного резца, обязательное присутствие скребков на крупных длинных пластинах.

Наряду с этим, для Речи прослежено употребление интенсивной краевой ретуши, а в Чутулештах показательны орудия длиной до 10-12 см, серия симметричных острий, в том числе двуконечное на крупной пластине, пластинки с выемкой на конце, близкие к типу Ргани, игловидное двуконечное микроострие с притупляющей ретушью по двум краям.

Стратиграфическая привязка нижних слоев (14-17) стоянки Косоуцы к отложениям, время аккумуляции которых соответствует осташковскому максимуму, согласуется со смешанным набором в составе их орудий. Общие черты, характерные для послемолодовских комплексов, дополняются в данном случае обычными

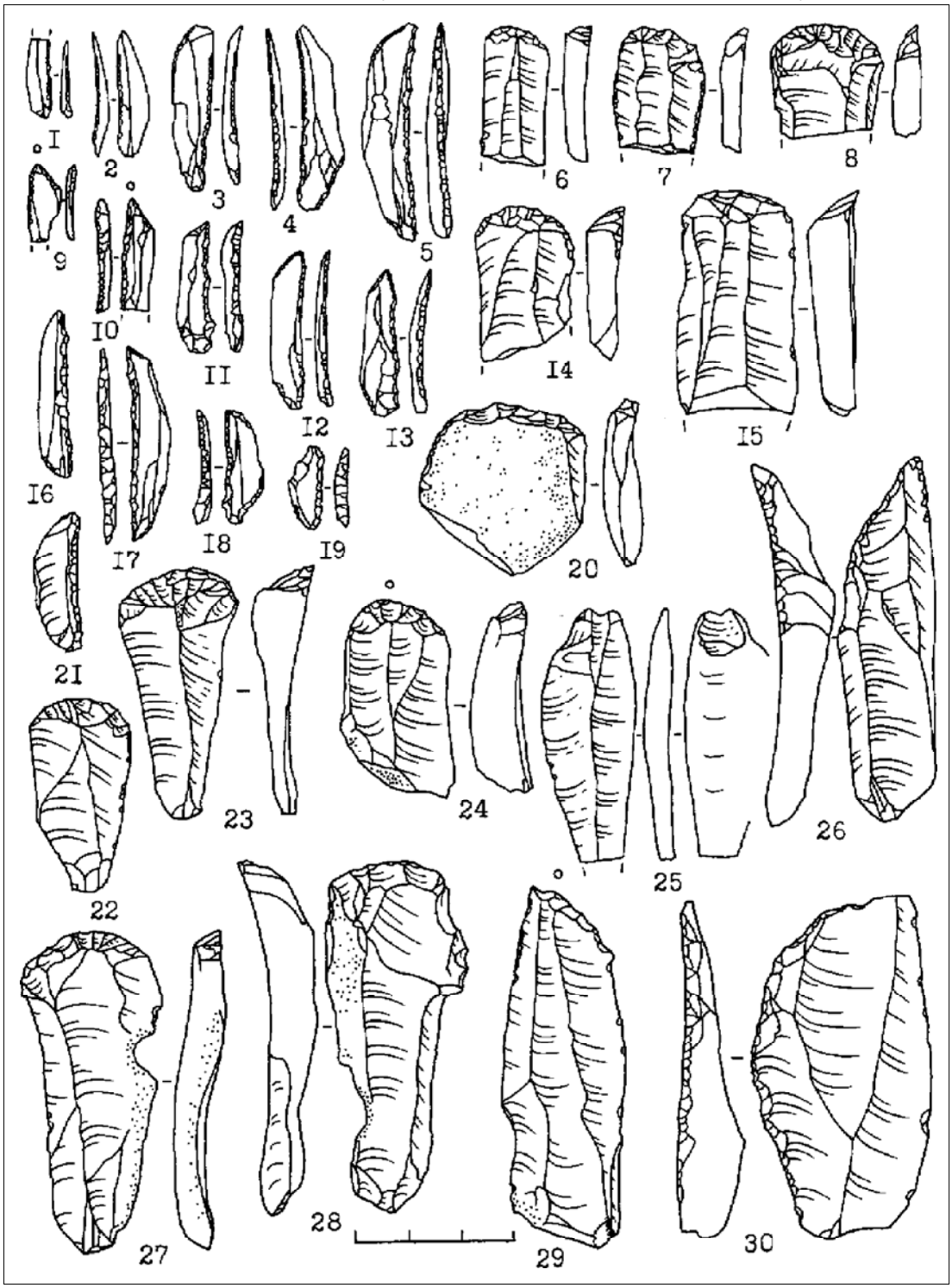

Рис.17. Косоуцы. Кремневые изделия из слоя 8.

для слоя 7 Молодова V формами орудий — узкими микроостриями с приостренными концами, включая игловидное с обработкой по двум краям, и пластинами с подтёской концов. Однако, в этих же слоях найдены микропластинки со слегка вогнутой формой обработанного края, более крупные изделия с прямым или выпуклым притупленным краем, микроизделия с усеченными концами, а в 15 и 16 слоях — узкие прямоугольники. В индустрии нижних слоев начинают просматриваться черты новой совокупности культуроопределяющих признаков. Своим происхождением они обязаны как предполагаемому переносу части традиций молодовской культуры, так и влиянию своих восточных соседей — формирующейся анетовской культуры (Станко, Григорьева, Швайко 1989; Смольянинова 1990) с богатым и разнообразным набором микроинвентаря, ретушных резцов и костяных орудий.

Основная часть культурных слоев (6-12; по рабочей нумерации — 2Б, 2В, 3Б, 3, 3А, 4, 5) стоянки Косоуцы, соотносимых с заключительными фазами максимально холодной стадии осташковского оледенения, обладает своеобразием, достаточным для выделения самостоятельного варианта культуры (Коваленко 1993:14). Отметим его особенности, фиксируемые по материалам 6-12 слоев стоянки Косоуцы:

1. Грубопризматическая техника первичного расщепления, направленная на получение пластинчатых отщепов как ведущего типа заготовки. Сочетание неправильно-призматических ядрищ с ограниченным фронтом скалывания и более вариабельных форм с уплощенной рабочей поверхностью, дополняемых тщательно ограненными нуклеусами со снятиями по большей части периметра и зауженным нижним кон-

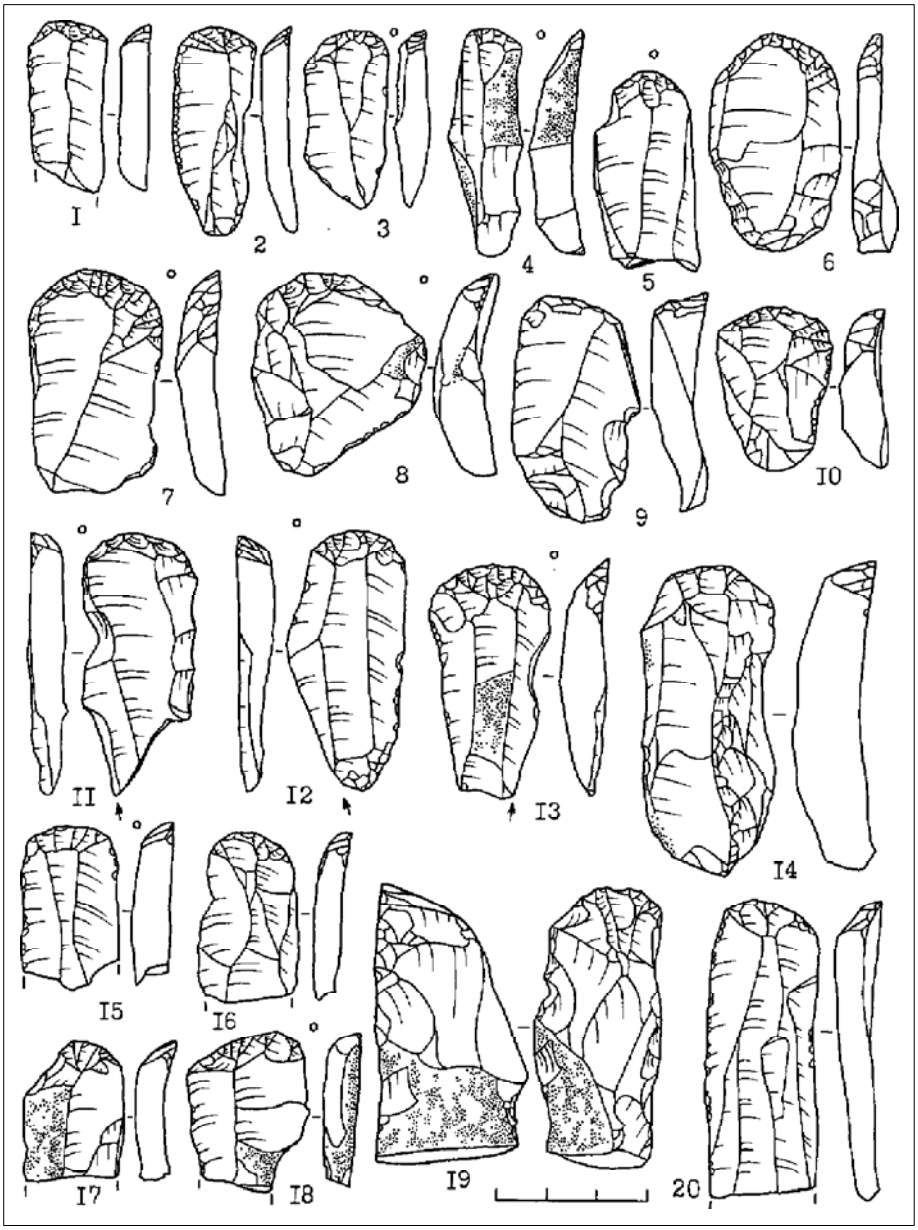

Рис.18. Атаки II. Кремневые изделия.

цом по типу клиновидного. Распространенность микролитичных форм и вторичных ядрищ, предназначенных для снятия пластинок;

2. Приоритет резцов и микроизделий с притупленным краем в составе орудий, с возрастанием доли микроорудий к верхним слоям.Относительная малочисленность скребков, изделий с усеченным ретушью концом и проколок, малочисленность острий, предметов с чешуйчатой подтёской и архаичных форм;

3. Преобладание боковых резцов, прямо- и косоретушных, часто двойных, включая геометрические разновидности типа прямоугольников, параллелограммов (рис.16:8,9) и с дугообразно подработанным краем. Постоянное присутствие атипичных резцов на нуклевидных и аморфных сколах с широкими резцовыми кромками, иногда трудно отличимых от вторичных ядрищ, а также единичных многофасеточных, поперечных и плоских резцов (рис.15:38,39).

4. Стандартизация скребков на пластинчатых отщепах с субпараллельными или слабо расходящимися неретушированными краями, некоторые с обломанным основанием (рис.17: 6-8). Редкость скребков со стрельчатым лезвием, с расходящимися к лезвию ретушированными краями, высокой формы, на ударных площадках заготовок и отсутствие двойных;

5. Большое количество микропластинчатых изделий (рис.17:1-4,7-16; 15:1-5,9-13,16-19), главным образом с крупной краевой ретушью, срезающей заготовку на всю или большую часть её толщины, нередко формирующей вогнутое очертание обработанного края. Характерно поперечное усечение концов, иногда сразу двух;

6. Разнообразие микроострий, прежде всего граветтоидного облика, на фоне которых наиболее значимы двуконечные на пластинках с вогнутым или прямым притупленным краем и приостренными концами, включая миниатюр-

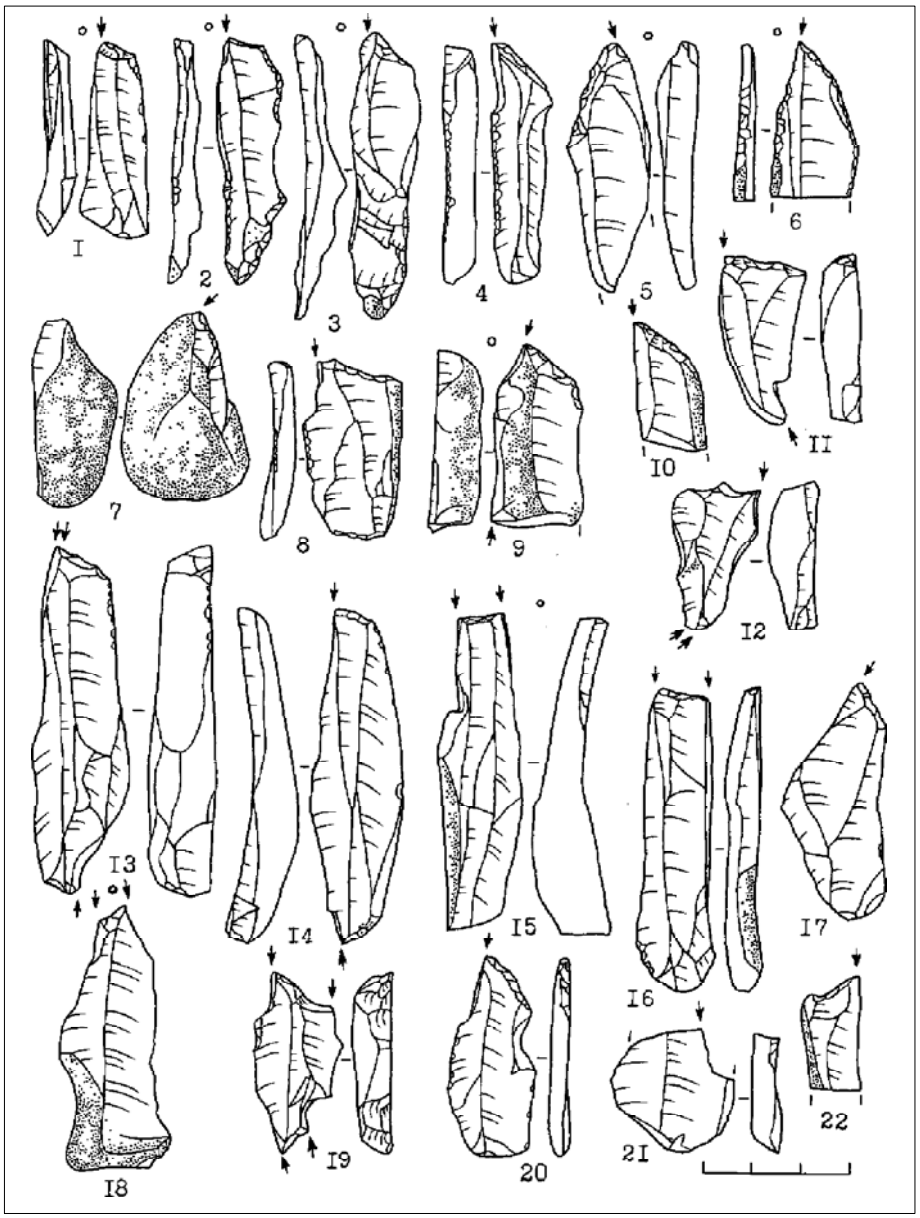

Рис.19. Атаки II. Кремневые изделия.

ные, длиной 1,5-2 см. Встречаются острия на пластинках с выпуклым притупленным краем, с частичной обработкой по двум краям, вытянутые треугольники с прямосрезанным основанием, микроострия близкие к абузовским, игловидные на узких микропластинках с двумя ретушированными краями, амвросиевские с вытянутыми жальцами и микропроколки. Вентральная подработка концов не характерна;

7. Показательны пластины с дугообразно отретушированным краем, которые сочетаются с пластинами с усеченным ретушью концом (рис.17:26,29,30).

Дополнительно каждый слой имеет свою специфику. В слое 13 найден вытянутый треугольник, в 10-12 встречаются узкие прямоугольники, в 8 и 9 — пилочки и единичные долотовидные изделия, в 9 — скребки высокой формы и боковые, в 7 и 8 — подклиновидные нуклеусы, а в 6 — скребки высокой формы в ком-

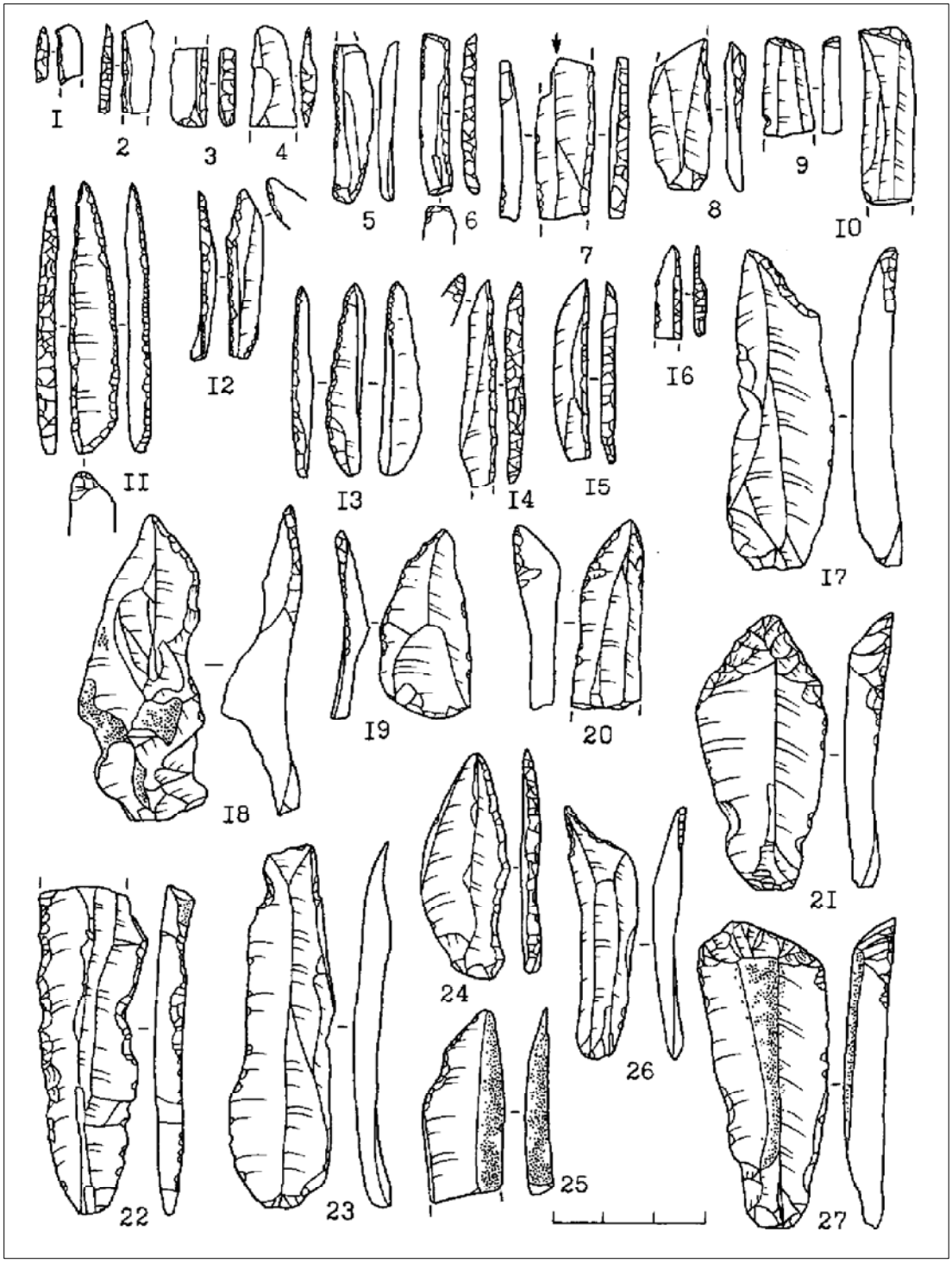

Рис.20. Атаки II. Кремневые изделия.

бинации с резцами (рис.16:11,13), резцы с шипом и нуклеусы с круговой системой скалывания.

Сравнительный анализ орудийного набора 6-12 слоев стоянки Косоуцы свидетельствует об устойчивости связей между основными его компонентами. А это дает возможность сопоставлять с косоуцким вариантом любой другой инвентарный набор, содержащий группы орудий в следующей последовательности (в порядке уменьшения их числа): боковые и нуклевидные резцы, граветтоидные микроострия и пластинки с крупной притупляющей ретушью, простые и укороченные скребки.

Индикатором на уровне типа может выступать двуконечное микроострие с вогнутым притупленным краем и подработанными концами, общая форма которого близка к сегменту

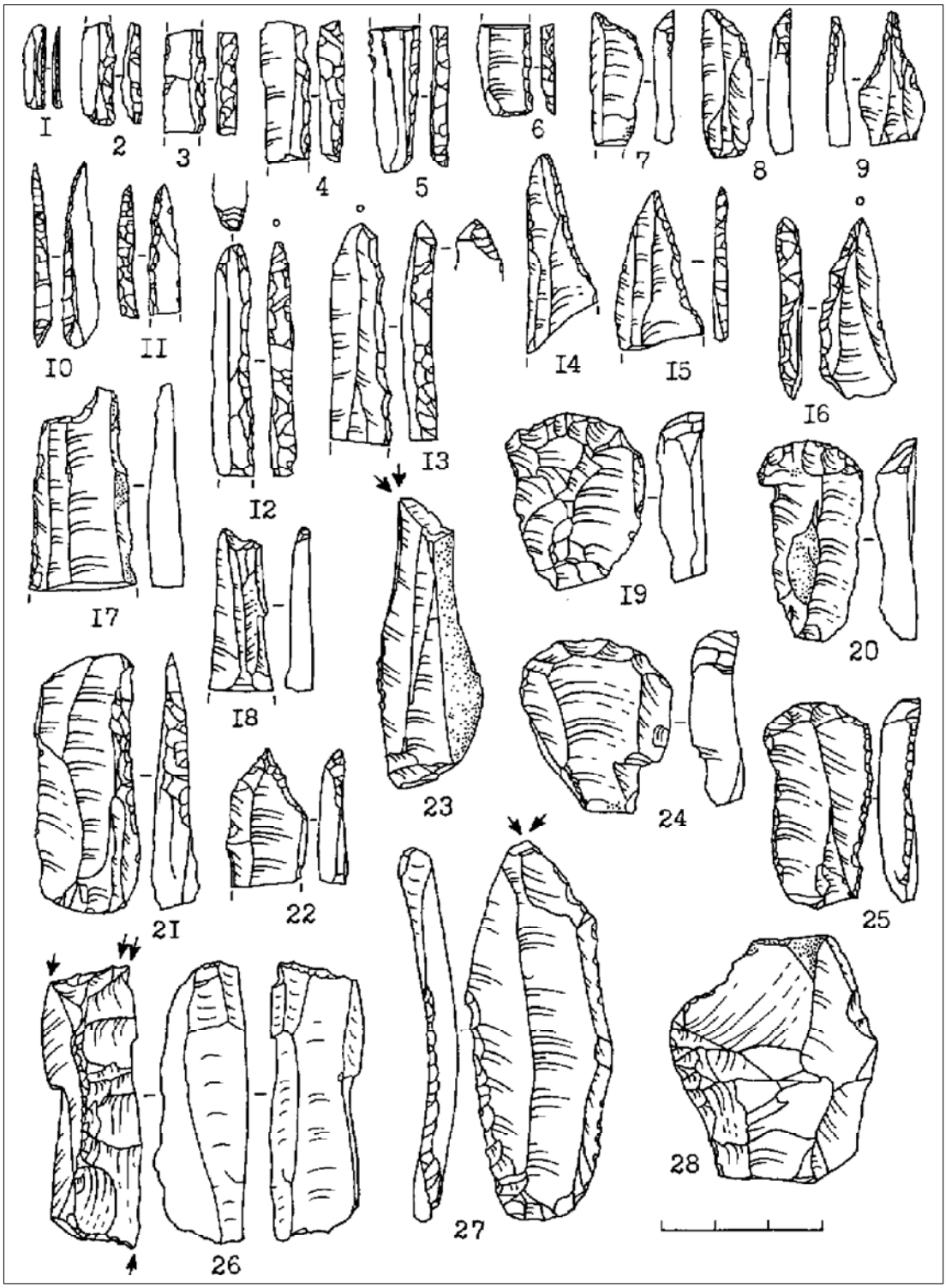

Рис.21. Ваду-Рашков. Кремневые изделия.

(рис.17:5,17). В отличие от известных мезинских острий с ретушированными концами (Шовкопляс 1965), косоуцкий тип острий включает изделия на микролитичной пластине. Микроострия Анетовки II, отличающиеся удивительным разнообразием форм (Станко, Григорьева, Швайко 1989:47-52; Григорьева 1987:27-30), не дают сочетания на одном образце сразу четырех параметров: вогнутости обработанного края, приостренности двух концов, сегментовидности используемых пластинок, отличающихся ровным профилем. Шесть сравнительно близких предметов, обнаруженных нами при осмотре анетовской коллекции, разнятся от косоуцкого типа по выбору изогнутых в профиле микропластинчатых заготовок, излишней вытянутостью концов, которые не просто приострены (Станко, Григорьева, Швайко 1989, рис.24:48), но и частично выделены.

Любопытно частичное сходство косоуцких материалов с мезинскими. Самый же высокий показатель сходства мы наблюдаем с Анетовкой II. Для большинства памятников с такой высокой степенью сходства характерна однокультурность. В нашем случае это исключается и вероятно лишь указание на большую связь косоуцкого варианта с памятниками степной зоны. Отличием от Анетовки II можно считать значительно более низкий процент микроорудий и соответственно несколько больший по резцам, отсутствие серий разнообразных острий и орудий с чешуйчатой подтёской. Нет в Косоуцах и микроострий сагайдакско-мураловского типа и двойных скребков, не характерны скребки на ретушированных заготовках и срединные резцы. В свою очередь для Анетовки II не свойственны нуклевидные резцы и, в целом, использование аморфных и нуклевидных заготовок. Вместе с тем, не оставляет сомнений идентичность многих форм резцов, их боковых разновидностей, в том числе двойных и геометризированных, скребков, включая укороченные варианты, и микроорудий, в особенности граветтоидных и с ретушной подработкой концов. Представляется, что близость косоуцкого варианта к анетовскому сообществу определяется элементами родства, значительным влиянием, оказанным на раннем этапе формирования косоуцкой общности.

Отдельного рассмотрения заслуживают аналогии с позднемолодовскими памятниками. Главным образом, это касается слоев 1А и 2 Молодова V, Атак II, двух верхнепалеолитических слоев Молодова I, в которых представлена серия микроорудий (не менее 10%) и не столь характерны срединные резцы (до 10%). Ведущая роль резцов, как правило, боковых их разновидностей, многочисленность двойных, наличие нуклевидных, поперечных и с дугообразно ретушированным краем, указание на присутствие граветтоидных и аккаржанских острий, микроострий со слегка вогнутым притупленным краем или приостренным концом, микропластин с крупной притупляющей ретушью и усеченными концами, нуклеусов неправильно-призматических (преобладают), примитивно-конических и уплощенных, сближает эти памятники с Косоуцами. Подчеркнем наличие узких прямоугольников в 10-12 слоях Косоуц и 2, 1А, 1 слоях Молодова V, широких прямоугольников в 5 слое этой же стоянки, и приема поперечного усечения микропластинок в верхних слоях Молодова I.

Прямое сопоставление косоуцких слоев с «поздними этапами развития молодовской культуры» (Борзияк, Давид 1986; Borziak 1993), действительно, во многом оправдано. Но такое сопоставление не должно восприниматься как однокультурность. Нельзя забывать о таких особенностях позднемолодовских памятников как широкое применение пластинчатых заготовок, иногда достигающих 7-9 см, все-таки высоком проценте двугранных резцов, меньшем разнообразии микроострий, присутствии в некоторых слоях пластинчатых острий и изделий с двумя усеченными концами, более развитом облике техники расщепления, при небольшом количестве дисковидных форм (Черныш 1982, 1987). Разница в объеме микроизделий (4-12% в позднемолодовских и 24-38% в косоуцких), отсутствие специфических косоуцких микроострий, делает такое сопоставлние не столь однозначным. В то же время, нельзя полностью игнорировать тезис о вероятном влиянии косоуцкого варианта на формирование позднемолодовской культуры.

Многочисленные свидетельства специализации охотничьего промысла на северного оленя в косоуцких слоях и на позднемолодовских памятниках, предполагают вероятность передачи традиционных способов и предпочтительности в охоте на северного оленя от одних к другим, что нашло свое косвенное выражение и в орудийном наборе. Возможно, именно памятники типа Косоуц могут выступать в качестве промежуточного звена в цепи перехода от памятников молодовской культуры к позднемолодовской, восполняя пробел в молодовской колонке.

Из рассмотрения в рамках косоуцкого варианта умышленно выведена коллекция четвертого слоя Косоуц. Обладая сходным набором инвентаря, материалы этого слоя демонстрируют явное смещение акцента в структурной упорядоченности орудийного комплекса, появление новых типов изделий и усиление связей со степными памятниками типа Большой Аккаржи.

Типологический облик слоя 4 из Косоуц (Борзияк, Коваленко 1989:21-29) определяется следующими особенностями:

* широким использованием нуклеусов с круговой системой скалывания, микронуклеусов для пластинок и двуплощадочных челновидных форм. Изменением соотношения в составе используемых заготовок. Если в слоях 6 и 9 они

представлены 37% отщепов, 20% пластин и 37% микропластин, то в слое 4 наблюдается соответственно 26, 25 и 38% используемых заготовок;

* возрастанием доли микроорудий (до 38,8%), среди которых главенствую роль играют сечения и обломки микропластин с вертикально притупленным краем. Отмечается сохранение приема поперечного усечения концов микролитов, в том числе среди узких прямоугольников и вытянутого треугольника. Менее выражен специфический косоуцкий тип микроострий, вместе с тем чётче моделированы игловидные и амвросиевские разновидности, микропроколки с выделенными головками и граветтоидные формы на пластинках, иногда с вентральной подработкой острия (рис.15:19-35);

* снижением процента резцов в составе орудий и обеднением их номенклатуры (рис.14), что не сказалось лишь на выборке нуклевидных форм, крайне сходных со вторичными нуклеусами. Использованием резцового скола в оформлении обушка ножевидных орудий;

* увеличением типологической дифференцированности скребков, изготавливаемых на краевых сколах, ретушированных отщепах и в меньшей степени укороченных пластинах. Серийностью скребков со слабо расходящимися к лезвию круто ретушированными краями на правильно ограненных отщепах. Различным оформлением лезвий скребков, включая скошенные и прямые (рис.13:1-12);

* представительностью группы проколок с короткими и вытянутыми жальцами (рис.13:14-20). Появлением изделий с круто усеченными краями (рис.15:17,18), скошенными ретушью концами и небрежно подготовленными остриями. В целом, отличительными чертами слоя 4 Косоуц можно считать обилие ретушированных микроострий, узких прямоугольников, граветтоидных сечений микропластин, скребков с интенсивной краевой ретушью и укороченных пропорций, серийных проколок, боковых и нуклевидных резцов.

Помимо косоуцких коллекций, с памятниками позднемолодовской культуры сходны материалы стоянок Атаки II и Ваду-Рашков (рис.1:1,5). Они вполне совместимы с материалами слоев IA и 2 Молодова V, двух верхних палеолитических слоев Молодова I (Черныш 198 2, 1987). Совокупность этих памятников, составляющих первую подгруппу позднемолодовского сообщества, несколько разнится от другой, более аморфной подгруппы, представленной слоями 1, 3-5 Молодова V, «мезолитического» слоя Молодова I, Врублевцов и молдавским памятником — Атаками I (рис.1:1).

Отличие определяется размерами микрокомплекса (не менее 10% в первой подгруппе и 1-4% во второй), представительностью срединных форм резцов (10-15% и 20-25% соответственно) и т.д. Типологический облик обоих подгрупп выражен слабее, тем не менее и он позволяет выделять «ядро» наиболее типичных памятников в виде 2 и 5 слоев Молодова V и двух верхних палеолитических слоев Молодова I.

Сложившееся представление о цельности и специфичности позднемолодовской культуры находит подтверждение при сопоставлении с памятниками сопредельных территорий только по соотношению основных категорий орудийного набора и выбору исходной заготовки. Её типологические особенности не столь чётки. Сравнительный анализ определяет следующие черты позднемолодовской культуры:

* преимущественное использование пластинчатых заготовок средних и небольших размеров, получаемых с призматических и конусовидных нуклеусов с правильным огранением, дополняемых вторичными и микролитичными ядрищами для скалывания микропластин, доля которых сравнительно мала;

* преобладание резцов (более 50%) в составе орудий, среди которых много боковых и двойных, включая геометрические формы и желобчатые резцы-стамески, в первой подгруппе, и равное соотношение основных типов резцов, во второй;

* развитый граветтоидный набор микроорудий, при относительно небольшом их количестве. Распространенность приёма поперечного усечения концов, особенно характерного для узких прямоугольников и вытянутых треугольников. Присутствие изделий с дугообразно оретушированной спинкой;

* обилие простых форм скребков, изредка со спрямленным, скошенным, стрельчатым лезвием или укороченным основанием. Ретуширование краев не характерно, но если оно встречается, то представлено на скребках с параллельными крутообработанными краями или же на коротких скребках с расходящимися к лезвию краями;

* обязательное присутствие группы пластин со скошенным ретушью концом или поперечновыемчатым его оформлением, в отдельных случаях сочетающихся с пластинчатыми остриями.

Первоначально определяемые как культуроопределяющие типы — микроизделия с притупленным краем и поперечно усеченными концами (так называемые прямоугольники), в дальнейшем были обнаружены на ряде стоянок и за пределами днестровской зоны. Тем не менее , детальная проработка известных по публикациям и доступных для изучения изделий такого рода, свидетельствует о существовании по крайней мере трех их вариантов.

Широкие прямоугольники, подготовленные на пластинках, встречаются в Рашкове VII (Григорьева, Кетрару 1973), Дорохое (Chirica 1989), а также Пушкарях I (Борисковский 1953), Кайстровой Балке (Борисковский, Праслов 1964), верхнем слое Сюрени I (Векилова 1957). Намного чаще представлены узкие прямоугольники на микропластинах, например, в слоях 2-4

Кормани IV (Черныш 1977), Костештах (Григорьева, Кетрару 1983), Врублевцах (Кучугура 1985), Анетовке II, нижних слоях Косоуц и др.

Узко локализован только третий вариант прямоугольников — на сильно удлиненных микропластинках с правильным огранением спинки, соотношение длины и ширины которых составляет 7 : 1. Находки таких прямоугольников имеются в слоях 1, 1А и 2 Молодова V (Черныш 1987, рис.35). Несколько более крупные формы таких изделий встречаются в слое 5 Чахлэу-Дырцу (Chirica 1989) и Каменных Балках (Борисковский, Праслов 1964), но без должного ретушного среза на всю толщину заготовки. Прямое сравнение допустимо лишь с серией микроизделий с крайне удаленной от нашего региона стоянки Яма (Неприна, Зализняк, Кротова 1986), обнаруженной в бассейне Северского Донца.

Какие-либо другие типы изделий («вытянутые треугольники», «удлиненные трапеции», «азильские острия») не могут претендовать на роль ключевого культуроопределяющего элемента, по причине своей вариабельности и трудности определения. Проблематичность выделения «ведущих форм», культурная невыразительность резцов и скребков, составляющих до 2/3 всего орудийного набора, вынуждает обращать большее внимание на различие в структурном соотношении основных категорий и типов орудий. Отнесение позднемолодовской культуры к разряду граветтоидных (Аникович 1992) предполагает её связь с культурами южнорусских степей и субкарпатской лесо-степной зоны. Однако, стоянки степной зоны по структурной упорядоченности своих орудийных наборов резко контрастируют с позднемолодовскими. Рассмотрение субкарпатских памятников Молдовы, по мнению Ал.Пэунеску (1984:261-262), допускает синхронизацию слоя 6 Бистричеара-Лутэрие, слоя 5 Чахлэу-Дырцу, слоя 2 Чахлэу-Бофу Мик и др. со слоями 1-3 Молодова V. Дополняя этот список взаимосвязанных между собой субкарпатских памятников, соотносимых с позднеледниковьем, слоями 3 и 5 Чахлэу-Подиш, Дорохоем, Топилэ, Удешть (Chirica 1989), остановимся на аргументах, вызывающих сомнение в правомерности их сопоставления с позднемолодовскими.

По нашему мнению, культурное сходство субкарпатских и позднемолодовских памятников проявляется в ограниченном наборе общих признаков, характерных для «восточного граветта» в целом. В орудийном наборе субкарпатских стоянок ведущие позиции занимают скребки и микроизделия, при меньшем числе резцов. При этом, большинство скребков выполнено на отщепах, включая массивные и килевидные, встречаются округлые, микролитичные или ногтевидные, изделия с интенсивной обработкой по двум краям. Развитость граветтоидного компонента, в отличии от позднемолодовского комплекса, выражена намного сильнее, их ассортимент более разнообразен, значительно больше изделий с дугообразно отретушированной спинкой и микроострий с дополнительным приострением концов.

Рассматривая позднемолодовское сообщество с позиций наиболее вероятного «резервуара», способного вместить ряд граветтоидных памятников нашего региона, мы не должны ограничивать исследования, направленные на выявление самостоятельных археологических культур. Так, попадание таких молдавских стоянок, как Ваду-Рашков (рис.1:5), Атаки I и II (рис.1:1), в одно сообщество с хорошо изученной позднемолодовской культурой, должно активизировать исследовательский процесс на уровне детальных отличий между памятниками. В связи с этим, обратимся к характеристике инвентаря Ваду-Рашкова, Атак I и II.

В комплексе Атак I (Chetraru, Covalenco 1991:51-58) отчетливо выражен тип конусовидного нуклеуса со снятиями по большей части периметра, достаточно много вторичных ядрищ. В численно преобладающей группе резцов наблюдается равное соотношение основных форм, при обособленности двугранных, иногда с уплощенными многофасеточными лезвиями или интенсивной краевой ретушью по двум краям. У большинства скребков моделировано спрямленное лезвие, единичны экземпляры высокой формы и с крутой ретушной обработкой краев. Редки изделия с притупленными краями и пилки, присутствуют пластина с подтёской и обломок бифаса с выпуклым основанием.

Коллекция Атак II (рис.18-20), при общем сходстве техники первичного расщепления с Атаками I, содержит конусовидные нуклеусы со снятиями по торцу и группу микронуклеусов (Chetraru, Covalenco 1991:60-73). Среди многочисленных резцов выделяются поперечные, в том числе супоневские с краевой выемкой, а среди скребков — два нуклевидных, один из которых узких вытянутых пропорций. Четко моделированы стрельчатые скребки. Микрокомплекс включает узкий прямоугольник, вытянутый треугольник и граветтоидные острия с вентральной подработкой. Имеются пилочки и пластинчатые острия.

Особенностью материалов Ваду-Рашкова (рис.21) можно считать серию мелких пластинчатых острий с крутой ретушной обработкой одного из краев, микроострий с прямым ретушным срезом на всю толщину относительно массивной заготовки, с дополнительной плоской вентральной подправкой лезвия, а также игловидных экземпляров с выпукло отретушированным краем. Учитывая смещенность Ваду-Рашкова к нижней части Среднего Поднестровья, развитость граветтоидного набора, распространенность острий, изделий со скошенными концами, мы не можем настаивать на его связи только с позднемолодовским центром.

Заключение

Сопоставление и анализ данных, накопленных к настоящему времени по верхнепалеолитическим памятникам днестровской зоны Молдавии, позволяет рассматривать процесс культурно-исторического развития в регионе на основе контакта двух крупных технико-типологических формирований, какими являются ориньякоидный и граветтоидный технокомплексы. Внутри первого из них намечается культурно-генетическая преемственность от нижнеднестровской археологической культуры (Климауцы I, Зеленый Хутор I и II) по двум направлениям: от Климауц I к нижнему, а затем верхнему слою Климауц II, с продолжением в Рашкове VIII и VII, и от Зеленого Хутора II к Каменке, Усатово и Калфе. Потеря культурной специфики ранних памятников на среднем звене развития (Климауцы II) определяется влиянием носителей традиций молодовской культуры, вынужденных рассредотачиваться в условиях усиления стадиального похолодания.

К концу раннеосташковского времени наблюдается проникновение представителей центрально-европейского круга памятников типа Сагайдака в зону южно-русских степей. В Приднестровье происходит наложение пришлых ориньякоидных традиций на местную индустрию , функционирующую в пределах того же технокомплекса. Результатом этого процесса стало образование оригинальной рашковской культуры с развитым ориньякоидным набором инвентаря.

Иной путь развития верхнего палеолита в днестровской зоне отражен в материалах памятников граветтоидного технокомплекса. Наиболее ранние из них предшествуют максимально холодной стадии осташковского оледенения. К началу этого периода наблюдается сокращение числа известных стоянок в ареале распространения молодовской археологической культуры и предполагаемый отток населения в южную часть Среднего Приднестровья, в долины рек Реута, Икели, других притоков Нижнего Днестра. Перемещение на новые территории носителей традиций молодовской культуры сказалось на неадекватном воспроизведении её особенностей. Это подтверждается маловыразительностью культурного облика памятников типа Йоржницы, Курешницы, Чутулешт, Речи и др.

Наследование ряда черт молодовского сообщества наблюдается в косоуцком варианте культуры, испытавшем на стадии формирования и последующего развития сильное влияние носителей анетовских культурных традиций. Продолжение граветтоидных традиций можно проследить в своеобразии позднемолодовской археологической культуры, к которой близки памятники типа Атак I и II, Ваду-Рашкова.

Таблица 1.

	Общий объём коллекции	Орудия	Резцы	Скребки	Пластинки ретушированные	Микроострия ретушированные	Остроия	Проколки	Изделия с усечённым концом	Изделия с подтёской	Пластины с ретушью
Атаки I	1 109	124	60	17	1	1	4	1	2	1	8
Атаки II	2 749	185	92	37	10	6	5	1	3	-	29
Йоржница	4 078	181	49	48	3	4	8	-	-	4	39
Косоуцы, сл. 4	2 558	111	24	28	3	2	5	-	-	-	14
Курешница	18 322	229	52	26	64	25	5	7	4	-	24
Косоуцы, сл. 6	12 425	328	106	22	77	46	8	-	1	-	30
Косоуцы, сл. 7	767	32	4	2	18	2	-	-	-	-	4
Косоуцы, сл. 8	10 907	163	49	49	17	16	1	-	4	1	17
Косоуцы, сл. 9	35 462	482	195	37	89	60	10	5	17	1	60
Климауцы I	3 680	519	37	46	3	-	10	-	-	3	144
Климауцы II, сл. 1	4 503	232	92	28	3	-	1	-	4	3	89
Климауцы II, сл. 2	597	66	27	13	1	-	1	-	-	3	13
Ваду-Рашков	7 013	150	52	26	13	5	6	1	6	-	30
Рашков VII	51 212	2 407	759	1 043	115	27	32	36	22	8	278
Рашков VIII	8 770	763	282	113	33	7	10	3	-	6	189
Калфа	1 911	113	24	32	16	-	1	1	3	1	14
Чобручи	11 360	475	53	97	79	19	13	2	13	4	65

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникович М.В. 1992. Граветтоидный путь развития, граветтоидные археологические культуры и проблема «граветтоидного эпизода» // Северо-Западное Причерноморье. Ритмы культурогенеза. Одесса. С.15-17.
2. Анисюткин Н.К. 1969. Мустьерская стоянка Стинка на Среднем Днестре // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. II. Л. С.5-17.
3. Анисюткин Н.К. 1977. Об археологических культурах мустье (по материалам Приднестровья) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. С.5-9.
4. Борзияк И.А. 1981. Верхнепалеолитическая стоянка Климауцы I на Среднем Днестре // Археологические исследования в Молдавии в 1974-1976 гг. Кишинев. С.3-24.
5. Борзияк И.А. 1983. Поздний палеолит Днестровско-Карпатского региона // Первобытные древности Молдавии. Кишинев. С.33-64.
6. Борзияк И.А. 1997. Некоторые типологические элементы костенковско-виллендорфского единства в позднем палеолите Поднестровья // Vestigii arheologice din Moldova. Chisinau. С.11-18.
7. Бозияк И.А., Давид А.И. 1986. Позднепалеолитическая стоянка Косоуцы // Антропоген и палеолит Молдавского Приднестровья. Кишинев. С.130-137.
8. Борзияк И.А., Коваленко С.И. 1987. Новые данные о позднем палеолите Нижнего Поднестровья // Молдавское Поднестровье в первобытную эпоху. Кишинев. С.16-41.
9. Борзияк И.А., Коваленко С.И. 1989. Поселение слоя 1 многослойной палеолитической стоянки Косоуцы на Среднем Днестре // Археологические исследования в Молдавии в 1984 г. Кишинев. С.16-32.
10. Борзияк И.А., Давид А.И., Обадэ Т.Ф. 1992. Климэуць II — верхнепалеолитическая стоянка с мамонтовой фауной в Поднестровье // Anuarul. I. Chisinau. С.75-94.
11. Борисковский П.И. Палеолит Украины // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып.40. 463 с.
12. Борисковский П.И., Праслов Н.Д. 1964. Палеолит бассейна Днепра и Приаловья // Свод археологических источников А1-5. М.-Л. 54 с.
13. Векилова Е.А. 1957. Стоянка Сюрень I и её место среди палеолитических местонахождений Крыма и ближайших территорий // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып.59. С.235-323.
14. Григорьев Г.П. 1970. Верхний палеолит // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып.166. С.43-63.
15. Григорьева Г.В. 1967. Большая Аккаржа и её место среди позднепалеолитических памятников юга СССР. Вып.3. С.86-90.
16. Григорьева Г.В. 1975. Позднепалеолитические памятники междуречья Днестра и Прута // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Киев. С.20-22.
17. Григорьева Г.В. 1980. Некоторые итоги изучения позднего палеолита в Молдавии // Первобытная археология — поиски и находки. Киев. С.71-82.
18. Григорьева Г.В. 1987. Некоторые микролитические орудия из позднепалеолитической стоянки Анетовка II // Краткие сообщения института археологии. Вып.189. С.27-32.
19. Григорьева Г.В., Кетрару Н.А. 1973. Исследования палеолитических стоянок Рашков VII и VIII // Археологические исследования в Молдавии в 1970-1971 гг. Кишинев. С.15-26.
20. Иванова И.К. 1977. Геология и палеогеография стоянки Кормань IV на общем фоне геологической истории каменного века Среднего Приднестровья // Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV. М. С.126-181.
21. Кетрару Н.А. 1965. Палеолитическая стоянка Чутулешты I // Известия АН МССР. Серия общественных наук. №12. Кишинев. С.53-61.
22. Кетрару Н.А. 1969. Исследования палеолита в Молдавии // Известия АН МССР. Серия биологических и химических наук. №2. Кишинев. С.71-76.
23. Кетрару Н.А. 1973. Памятники эпох палеолита и мезолита // Археологическая карта МССР. Вып.1. Кишинев. 177 с.
24. Кетрару Н.А. 1989. Палеолитическая стоянка Речa в Кодрах // Археологические исследования в Молдавии в 1984 г. Кишинев. С.3-16.
25. Коваленко С.И. 1993. Поздний палеолит Молдавского Приднестровья. Автореф. ... канд.ист.наук. С.Петербург. 19 с.
26. Красковский В.И. 1978. Памятники палеолита и мезолита Северо-Западного Причерноморья. Киев. 68 с.
27. Кучугура Л.И. 1985. Каменный век поселения Врублевцы (Среднее Приднестровье) // Бюлл.комис.по изуч.четвертичного периода. Вып.54. М. С.66-80.
28. Неприна В.И., Зализняк Л.Л., Кротова А.А. 1986. Памятники каменного века Левобережной Украины. Киев. 223 с.
29. Рогачев А.Н., Аникович М.В. 1984. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. М. С.162-272.
30. Сапожников И.В. 1987. Поздний палеолит степей Нижнего Приднестровья. Автореф.дисс. ... канд.ист. наук. Л. 16 с.
31. Сапожников И.В. 1994. Палеолит степей Нижнего Приднестровья. Часть 1. Одесса. 79 с.
32. Сапожников И.В. 1995. Причерноморские степи в позднем палеолите — природо-хозяйственная и культурная специфика // Хозяйство и культура населения Южного Побужья в позднем палеолите и мезолите. Одесса — С.Петербург. С.149-176.
33. Смольянинова С.И. 1990. Палеолит и мезолит Степного Побужья. Киев. 108 с.
34. Станко В.Н. 1980. Поздний палеолит и сложение мезолита в степях Северо-Западного Причерноморья // Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытнообщинного строя. Киев. С.5-21.
35. Станко В.Н. 1982. Мирное. Проблема мезолита степей Северного Причерноморья. Киев. 173 с.
36. Станко В.Н., Григорьева Г.В. 1977. Исследование памятников каменного века на р.Ингуле // Древности Поингулья. Киев. С.37-51.
37. Станко В.Н, Григорьева Г.В., Швайко Т.Н. 1989. Позднепалеолитическое поселение Анетовка II. Киев. 140 с.
38. Черниш О.П. 1953. Володимирівська палеолітична стоянка. Київ. 76 с.
39. Черныш А.П. 1959. Поздний палеолит Среднего Приднестровья // Труды ком.по изуч.четверт.периода. Т.XV. С.5-214.
40. Черныш А.П. 1977. Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV и её место в палеолите //

Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV. М. С.7-77.
41. Черныш А.П. 1982. Многослойная палеолитическая стоянка Молодова I // Молодова I. Уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре. М. С.1-188.
42. Черныш А.П. 1987. Эталонная многослойная стоянка Молодова V. Люди каменного века и окружающая среда. М. С.7-93.
43. Шовкопляс И.Г. 1965. Мезинская стоянка. Киев. 326 с.
44. Ambrojevici C., Popovici R. 1938. Zamostea I am Ceremos, eine jungpalaolitische Fundstelle Nord-Rumaniens // Dacia. V-VI. Bucuresti. P.23-39.
45. Amirhanov H., Anikovich M., Borziak I. 1993. Probleme de la transition du mousterien au paleolithique superieur sur le territoire de la plaine Russe et du Caucase // L'Anthropologie. T.97, n.2/3. P.311-330.
46. Borziak I. 1993. Les chasseurs de renne de Kosoioutsy,site paleolithique tardif a plusieurs niveaux, sur le Dniestr moyen // L'Anthropologie. T.97, n.2/3. P.331-336.
47. Borziac I., Chetraru N. 1995. Statiunea din paleoliticul superior Ciutulesti I // Arheologia Moldovei. XVIII. Bucuresti. P.95-113.
48. Brudiu M. 1980. Prelucrarea oaselor si coarnelor de ren in asezarea paleolitica de la Cotu Miculinti (jud.Botosani) // Studii si cercetari de istorie veche. V.31, n.1. Bucuresti. P.13-22.
49. Chetraru N., Covalenco S. 1997. Asezari paleolitice de langa oraselul Otaci // Tyragetia. IV-V. Chisinau. P.49-79.
50. Chirica V. 1989. The Gravettian in the East of the Romanian Carpathians. Iassy. 240 p.
51. Chirica V., Borziac I., Chetraru N. 1996. Gisements du paleolithique superieur ancien entre le Dniestr et la Tissa. Iasi.
52. Krukowski S. 1939. Paleolit Polski: Osobno odbicie z Encyklopedii Polskiej. T.4, cz.1. P.3-117.
53. Morosan N. 1938. La station paleolithique de grotte de Stanca Ripiceni // Dacia. V-VI. Bucuresti. P.1-22.
54. Paunescu A. 1984. Cronologia paleoliticului si mesoliticului din Romania in contecstul paleoliticului central, est si sud European // Studii si cercetari de istorie veche. V.35, n.3. P.235-266.

Смольянинова С.П.

О ТЕХНИКЕ РАСЩЕПЛЕНИЯ КРЕМНЯ НА НЕКОТОРЫХ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНКАХ ПОБУЖЬЯ

S. P. Smolianinova.About the techniques of flint knapping at the Late-Palaeolithic sites of the Bug area.

And also of the characteristic of the basic constructive elements the technology of knapping of flint is being considered on the three Late Palaeolithic sites – Lesca, Ivashcovo field and Ivashkova VI in the Bug area. Inspite of the usage of raw materials of one and the same type (Dniester pebble) by the dwellers of the sites and the resemblence in mounting and ways of knapping of nucleuses, the size and the character of flakes on each monument are different which is connected with the usage of various combination of angles of knapping off of nucleuses and the application of force. On the basis of the research of the forms of prenucleuses, nucleuses and the morphology of the flakes the attempt of the reconstruction of the knapping process is being made.

Для характеристики техники расщепления любой индустрии значение имеют все каменные артефакты, выявленные на памятнике. Но наиболее важны предметы и продукты расщепления – нуклеусы и сколы. Между ними существует прямая технологическая связь и потому их не следует изучать в отрыве друг от друга, как это часто бывает в публикациях, но необходимо дополнять заложенной в них информацией недостающие звенья в цепи реконструкции последовательности расщепления. Анализ нуклеусов, как и анализ сколов, должны давать ответ на вопрос: почему с этих нуклеусов скалывались именно такие пластины и отщепы, а не другие? Применением каких технических приемов вызвано получение адекватных им сколов на каждом конкретном памятнике? В связи с такой постановкой вопроса мы попытаемся рассмотреть нуклеусы в комплексе со сколами на позднепалеолитических стоянках Лески, Ивашково поле и Ивашково VI.

Все три стоянки расположены на южной окраине с.Ивашково Кодымского района Одесской области, на соседних мысах правого берега безымянной балки системы р.Савранки (правый приток Южного Буга). Материалы стоянки Ивашково поле являются сборами на поверхности. Стоянка Ивашково VI раскапывалась автором в 1973-1976 гг., Лески – в 1985, 1987, 1989-1991 гг. Коллекции памятников опубликованы, поэтому рисунки кремней здесь не приводятся (Смольянинова 1978: 120-129; 1990: 14-21, 25-27, 42-48; 1992: 32-43).

Кремневое сырье памятников, расположенных у с.Ивашково, изучал геолог В.Ф.Петрунь, который определил его однотипность и западное происхождение. Древние обитатели указанных стоянок использовали первично желвачные халцедоновые кремни типа «черт», которые широко распространены среди гезов сеноманского возраста среднего течения Днестра. В переотложенном состоянии в виде галек они присутствуют в составе аллювия террас Днестра и рек его бассейна, а также в разрезах песчаников и известняков неогена. В связи с этим, поиски сырья не обязательно требовали выхода непосредственно к долине Днестра, куда по прямой не более 30 км.

Методика исследований такова. Для нуклеусов, помимо подразделения их по количеству площадок, форме, размерам, учитывался характер оформления ударной площадки, поверхности скалывания, дистальной части и боковых поверхностей, а также тыльной стороны для односторонних. Важное значение в технике скола имеет угол скалывания нуклеусов (aa), а также угол поперечной дуги рабочей поверхности (bb) (Сулейманов 1968: 127-128; 1972: 79-80), которые измерялись в градусах.

Для сколов производилось измерение диаметра и толщины отщепов, длины, ширины и толщины пластин. Результаты метрического анализа отражены в графиках соответствующих показателей. Описывалась форма, профиль, характер ударной площадки и основания пластинчатых сколов, а также характер ударной площадки отщепов. Морфология дорсальных поверхностей пластинчатых снятий учитывалась по методике, разработанной Е.Ю.Гирей (1997: 163-164, рис.1, 1-2). Для отщепов фиксировались первичные, с участками естественной поверхности желвака и без корки.

Определенную трудность вызывает сравнение размеров отдельных категорий изделий, имеющих значительный вариационный размах, различных памятников. Поэтому мы оперируем модой (значение варианты, на которую приходится наибольшее количество наблюдений)

© Смольянинова С.П., 1999.

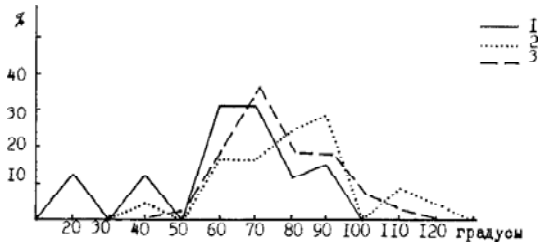

Рис.1. График распределения угла скалывания нуклеусов стоянок: 1 – Лески, 2 – Ивашково поле, 3 – Ивашково VI.

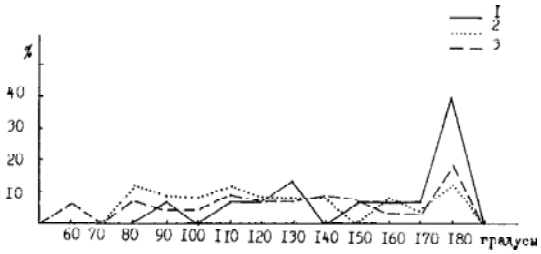

Рис.2. График распределения угла поперечной дуги рабочей поверхности нуклеусов стоянок: 1 – Лески, 2 – Ивашково поле, 3 – Ивашково VI.

и средней арифметической. Сравнение средних позволяет таким образом сравнивать наиболее характерные, наиболее типичные показатели соответствующих категорий изделий на различных стоянках.

Изделия со вторичной обработкой с точки зрения типологии не раскрываются, учитываются суммарно в зависимости от вида заготовок, из которых они изготовлены.

На стоянке ЛЕСКИ сырьё в виде галек не найдено, хотя обломки расколотых галек присутствуют. Не обнаружены также и пренуклеусы. О технике расщепления можно судить по нуклеусам и сколам.

Нуклеусов найдено 10: 5 одноплощадочных и 5 двуплощадочных. По форме 3 из них призматические, 2 неправильно призматические, 3 плоские и 2 уплощенные. Три нуклеуса вторичные – выполнены на отщепах. Ударные площадки обычно оформлялись одним косым сколом или 2-3 более мелкими. Одна скошенная площадка выполнена сколами с торца нуклеуса, еще в одном случае – прямым усечением. Некоторые площадки имеют подправку мелкими сколами со стороны плоскости скалывания. В целом, ударные площадки нуклеусов скошенные гладкие (66,7%), прямые гладкие (6,6%) и скошенные подправленные (26,7%). Преобладают скошенные площадки (93,4%). У наибольшего количества нуклеусов угол скалывания равен 60-70° (рис.1). Среднее значение этого угла 65° . Для одноплощадочных нуклеусов – 57° , для двуплощадочных — 67°.

Следует отметить, что у нуклеусов с подновленными ударными площадками среднее значение угла скалывания меньше, чем у нуклеусов с гладкими площадками (53° против 65°). То есть, подправке подвергались нуклеусы с более острыми рабочими углами, во избежание скольжения отбойника.

У половины нуклеусов поверхности скалывания в плане подпрямоугольной формы, часто с неровными краями, у одного – с конвергентными краями подтреугольной формы. Остальные поверхности скалывания близки трапециевидной форме с дивергентными краями. Обычно поверхности скалывания широкие (3 и более сколов в ширину).

Наибольшее количество нуклеусов имеют угол поперечной дуги рабочей плоскости равный 180° (рис.2). Среднее значение этого угла 166°, для одноплощадочных нуклеусов — 209°, для двуплощадочных — 141°. Таким образом, с увеличением количества плоскостей скалывания уменьшается значение угла дуги рабочей плоскости. Для нуклеусов с односторонним скалыванием угол bb в среднем равен 150°, для нуклеусов с двусторонним скалыванием — 201°. Для плоских и уплощенных нуклеусов значение угла bb наибольшее – в среднем 195°, в то время как для призматических составляет 149°°, а для неправильно призматических — 133°.

У нуклеусов, не имеющих вторичную площадку на дистальном конце, основание специально не оформлялось, образуя острый угол схождения плоскости скалывания с тылом.

У большинства нуклеусов не наблюдается специальная обработка боковых поверхностей. В одном случае боковой поверхностью является ударная площадка отщепа, в трех –

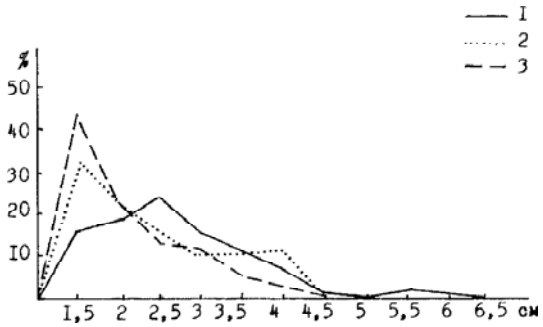

Рис.3. График распределения отщепов по диаметру: 1 – Лески, 2 – Ивашково поле, 3 – Ивашково VI.

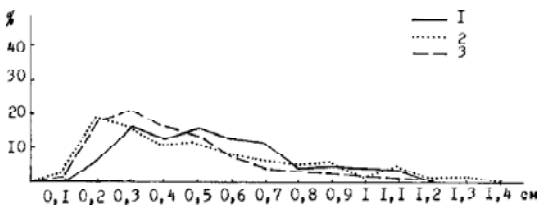

Рис.4. График распределения отщепов по толщине: 1 – Лески, 2 – Ивашково поле, 3 – Ивашково VI.

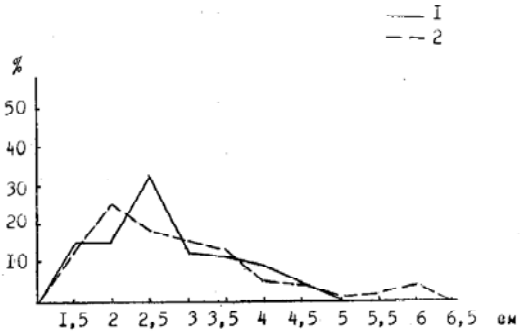

Рис.5. График распределения отщепов стоянки Лески по диаметру: 1 – Лески, 2 – Ивашково поле, 3 – Ивашково VI.

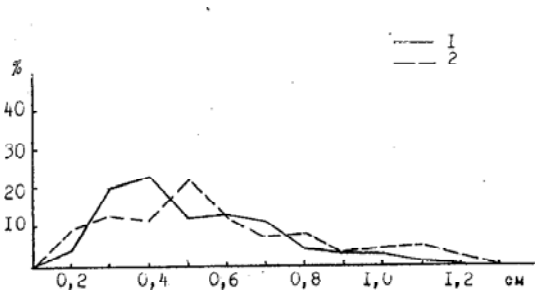

Рис.6. График распределения отщепов стоянки Лески по толщине: 1 – с прямыми площадками, 2 – со скошенными площадками.

желвачная корка, в остальных случаях плоскость скалывания сходится с тыльной стороной нуклеуса под острым углом. У нуклеусов со специальной обработкой боковых сторон отмечены пластинчатые снятия с площадки и в одном случае —со стороны тыла.

На стоянке преобладают нуклеусы с односторонним скалыванием (60%). Двустороннее скалывание больше характерно для двуплощадочных нуклеусов (75%). У односторонних нуклеусов на оборотной стороне обычно оставлена естественная поверхность желвака. Лишь в одном случае корка сбита бессистемными сколами и ещё в одном – одним широким сколом.

Теперь обратимся к сколам. Отщепы по размерам подразделяются на мелкие (от 1 до 3 см в диаметре – 74,8%), средние (3-5 см – 20,8%) и крупные (больше 5 см – 4,4%). Первичных отщепов с желвачной поверхностью – незначительное количество (3,2%), очень много отщепов с участками корки (50,5%) и несколько меньше отщепов без корки (46,2%). Максимальное количество отщепов имеют диаметр 2,5 см (рис.3). Среднее значение диаметра отщепов 2,8 см. Наибольшее количество отщепов толщиной 0,3 и 0,5 см (рис.4). Среднее значение толщины – 0,6 см.

Среди отщепов с сохранившимся основанием 43,5% с прямыми ударными площадками (то есть плоскость площадки перпендикулярна вентральной поверхности отщепа) и 56,5% — скошенными (то есть ударная площадка составляет тупой угол с вентральной поверхностью отщепа). 16,6% отщепов с подправленными ударными площадками (фасетированными и двугранными) (табл.2).

Анализ размеров отщепов с прямыми и скошенными ударными площадками показал незначительные различия между ними. И хотя они, казалось бы, несущественны, но тем не менее имеют место. Так, среди отщепов с прямыми ударными площадками наибольшее количество имеет диаметр 2,5 см, со скошенными – 2 см (рис.5). Среднее значение диаметра отщепов с прямыми площадками 2,6 см, со скошенными – 2,7 см. Максимальное количество отщепов с прямыми площадками имеют толщину 0,4 см, со скошенными – 0,5 см (рис.6). Среднее значение толщины отщепов обоих видов площадок 0,6 см. Таким образом, у большинства отщепов со скошенными площадками на 0,5 см меньше диаметр и на 0,1 см больше толщина, чем у отщепов с прямыми площадками.

Пластины Лесков по ширине подразделяются на мелкие (до 0,8 см шириной – 12,9%), средние (0,9-1,5 см – 38,2%) и крупные (больше 1,5 см – 48,9%). По морфологии дорсальной поверхности пластин выделяются следующие сколы: Е – 1,0%, ЕР – 1,0%, РН – 2,0%, РР – 1,0%, ПП – 69,2%, ВВ – 2,0%, ПО – 5,9%, ПВ – 2,0%, ПН – 2,0%, ПЕ – 8,9%, РП – 4,0%, ЕН – 1,0%. Первичные сколы с огранкой Е и сколы с односторонним и двусторонним ребром (ЕР, РН, РР), которые снимались с пренуклеусов, состав-

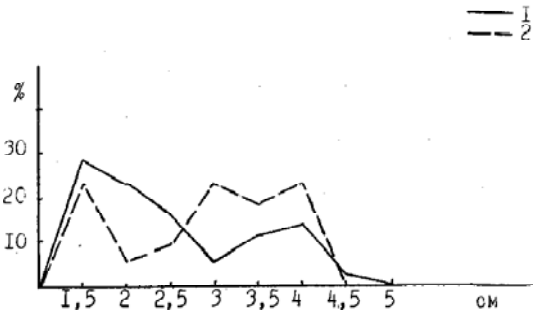

Рис.7. График распределения отщепов стоянки Ивашково поле по диаметру : 1 – с прямыми ударными площадками, 2 – со скошенными ударными площадками.

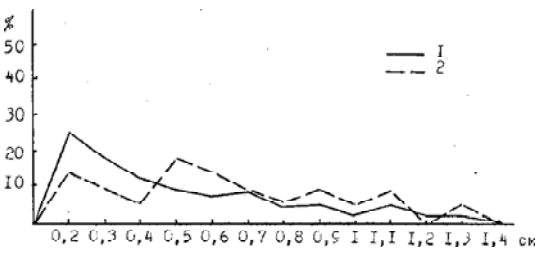

Рис.8. График распределения отщепов стоянки Ивашково поле по толщине: 1 – с прямыми ударными площадками, 2 – со скошенными ударными площадками.

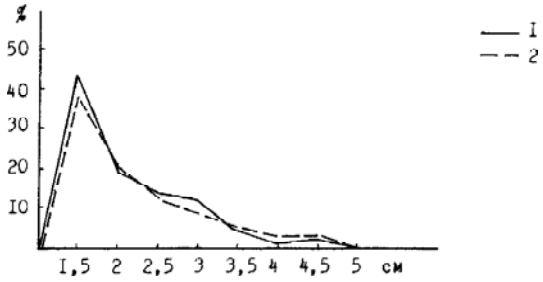

Рис.9. График распределения отщепов стоянки Ивашково VI по диаметру: 1 – с прямыми ударными площадками, 2 – со скошенными площадками.

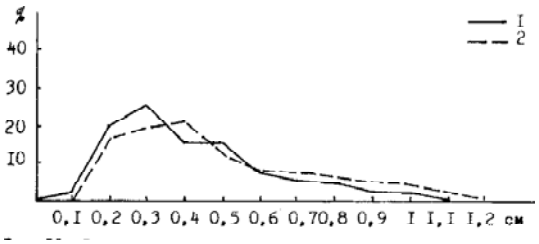

Рис.10. График распределения отщепов стоянки Ивашково VI по толщине: 1 – с прямыми ударными площадками, 2 – со скошенными площадками.

ляют 5,0%. Ещё 1% составляют первичные пластинчатые сколы формирования призматической поверхности скалывания (ЕН). Остальные сколы – 94,0% — сколы с нуклеусов. Среди них преобладают пластины с огранкой (ПП), снятые в одном направлении (69,3%). Сколов, снятых во встречном направлении (ПВ), очень мало (2%). Угловых сколов, которые расширяли поверхность скалывания при её истощении – 8,9% (ПЕ). Наибольшее количество сколов переоформления или исправления рельефа при уже существующей призматической поверхности скалывания (ПР) – 4%.

Максимальное количество пластин — шириной 1,5 см и немногим меньше 2 см. Больше всего пластин толщиной 0,5 см и чуть меньше – 0,3 см. Среднее значение ширины пластин 1,5 см, толщины – 0,5 см.

Среди пластин с сохранившимся основанием (целые пластины и проксимальные концы) 26,5% имеют прямые и 73,5% — скошенные ударные площадки. 17,3% пластин с основаниями носят следы подправки ударных площадок (фасетированные и двугранные). Здесь также, как и у отщепов, подправка выше у пластин со скошенными ударными площадками (табл.2).

Максимальное количество целых пластин длиной до 5 см (рис.11). Средняя длина пластин 3,6 см. График распределения ширины целых пластин обнаруживает два пика – 1 см и 2,5 см (рис.12). Средняя ширина целых пластин 1,5 см. График распределения толщины целых пластин также имеет два пика: 0,2-0,3 см и 0,5 см (рис.13). Среднее значение толщины целых пластин 0,5 см.

Среди целых пластин 66,7% со скошенными ударными площадками и 33,3% — с прямыми. У пластин с прямыми ударными площадками наибольшее количество – длиной 3,5 и 5 см, у пластин со скошенными площадками – 2,5 и 5 см (рис.14). Среднее значение длины пластин с прямыми площадками — 3,8 см, со скошенными – 3,4 см. Максимальное количество пластин с прямыми площадками — шириной 2 см, со скошенными – 1 см (рис.15). Среднее значение ширины целых пластин с прямыми площадками – 1,7 см, со скошенными – 1,3 см. График распределения целых пластин по толщине для изделий с прямыми площадками имеет три пика: 0,3, 0,5 и 0,7 см, для пластин со скошенными площадками наибольшее количество приходится на значение толщины в 0,2 см (рис.16). Среднее значение толщины целых пластин с прямыми площадками – 0,6 см, со скошенными – 0,5 см.

Таким образом, из приведенных выше графиков и средних значений размеров целых пластин видно, что пластины Лесков со скошенными ударными площадками короче, уже и тоньше пластин с прямыми площадками.

Изделия со вторичной обработкой изготовлены в основном из пластин (67%) и отщепов (29,7%). Наибольшее количество изделий со вторичной обработкой – из отщепов диаметром 3,5 см и толщиной 0,9 см (рис.23, 24). Средний

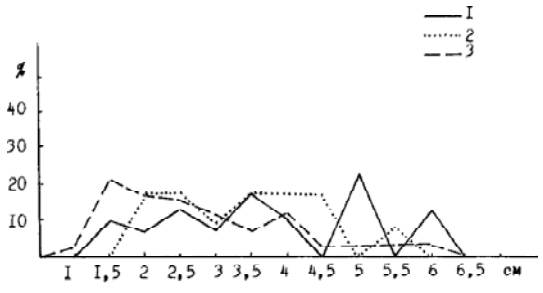

Рис.11. График распределения длины целых пластин: 1 – Лески, 2 – Ивашково поле, 3 – Ивашково VI.

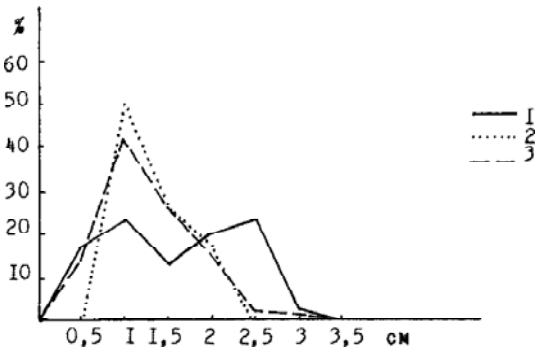

Рис.12. График распределения целых пластин по ширине: 1 – Лески, 2 – Ивашково поле, 3 – Ивашково VI.

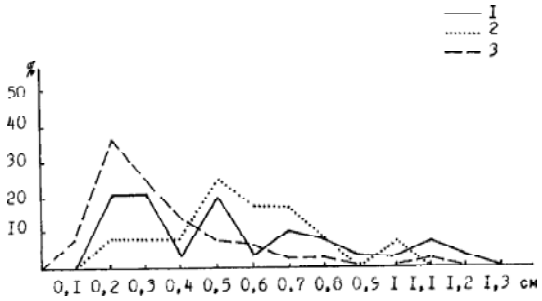

Рис.13. График распределения целых пластин по толщине: 1 – Лески, 2 – Ивашково поле, 3 – Иващково VI.

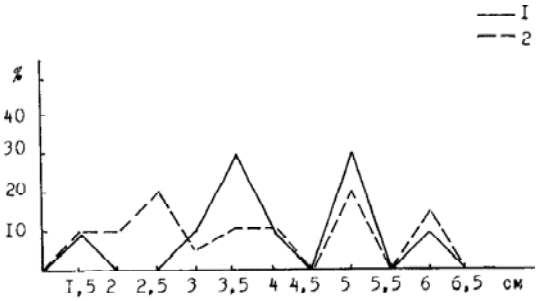

Рис.14. График распределения целых пластин стоянки Лески по длине: 1 – с прямыми ударными площадками, 2 – со скошенными площадками.

диаметр изделий со вторичной обработкой из отщепов – 4 см, средняя толщина – 1 см. Среди этих орудий, с сохранившимися ударными площадками, преобладают изделия с прямыми площадками (63,6%)(табл.3). Среднее значение диаметра для орудий из отщепов с прямыми площадками – 3,5 см, со скошенными – 3,6 см. Средняя толщина изделий со вторичной обработкой из отщепов с прямыми площадками – 0,8 см, со скошенными – 1,1 см. То есть, последние более массивны.

Среди изделий со вторичной обработкой из пластин с сохранившимся основанием – 47,6% с прямыми ударными площадками и 52,4% — со скошенными (табл.3). Большинство изделий со вторичной обработкой из пластин имеют ширину 2 см и толщину 0,6 см (рис.25,26). Средние значения ширины – 2,1 см, толщины – 0,7 см. Изделия со вторичной обработкой из целых пластин – в среднем 5 см длиной, 2,2 см шириной и 0,8 см толщиной. Эти показатели немного выше, чем по всем пластинам (вместе с фрагментами). Если рассмотреть изделия со вторичной обработкой из пластин в зависимости от характера ударной площадки, то предметы со скошенной площадкой преобладают. Средняя длина орудий из целых пластин с прямыми площадками — 6,2 см, со скошенными — 4,6 см. Средняя ширина для первых — 2,5 см, для вторых — 2,2 см. Средняя толщина для первых — 0,5 см, для вторых — 0,9 см. То есть, изделия со вторичной обработкой из целых пластин с прямыми площадками длиннее, шире и тоньше аналогичных изделий со скошенными площадками.

У изделий со вторичной обработкой из отщепов — 27,3% с подправленными ударными площадками (фасетированными и двугранными), у аналогичных изделий из пластин — 28,6% (табл.3).

Подводя итоги рассмотрению зависимости размеров изделий и характера ударной площадки, следует сказать, что для отщепов и изготовленных из них изделий со вторичной обработкой стоянки Лески заметна общая тенденция: сколы со скошенными площадками при меньших или почти одинаковых размерах значительно толще сколов с прямыми площадками, а, значит, более массивны.

Целые пластины и изготовленные из них изделия со вторичной обработкой со скошенными площадками короче и уже аналогичных изделий с прямыми площадками. Целые пластины со скошенными площадками тоньше пластин с прямыми площадками, а орудия из пластин толще аналогичных изделий с прямыми площадками.

Если сравнить средние размеры отщепов и изготовленных из них изделий со вторичной обработкой, то очевидно, что для последних отбирались более крупные и массивные экземпляры. Средний размер диаметра орудий в 4 см и толщины в 1 см против 2,8 см и 0,6 см у отщепов соответственно. Это же наблюдение относится и к пластинам, вместе с изделиями со вторичной обработкой из них. Так, если целые пластины Лесков в среднем имеют длину 3,6 см, ширину 1,5 см и толщину 0,5 см, то орудия из пластин намного превышают эти показатели (длина 5,0 см, ширина 2,2 см, толщина 0,8 см.

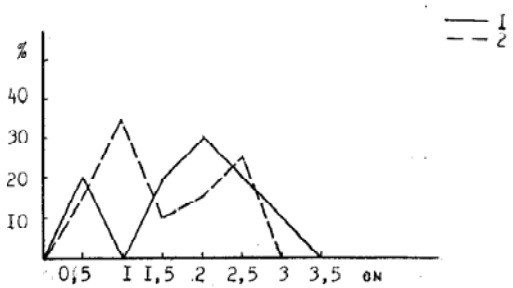

Рис.15. График распределения целых пластин стоянки Лески по ширине: 1 – с прямыми ударными площадками, 2 – со скошенными площадками.

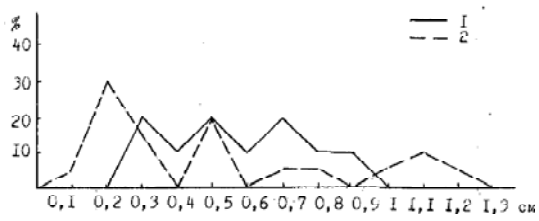

Рис.16. График распределения целых пластин стоянки Лески по толщине: 1 – с прямыми ударными площадками, 2 – со скошенными площадками.

Таблица 1. Показатели средних значений (углы в градусах, размеры в см)

Наименование	Лески	Ивашково поле	Ивашково VI
Угол скалывания (α)	65	77	73
Угол поперечной дуги рабочей поверхности (β)	166	134	73
Длина нуклеусов	4,2	4,5	3,6
Ширина всех пластин	1,5	1,5	1,1
Толщина всех пластин	0,5	0,5	0,4
Длина целых пластин	3,6	3,3	2,5
Ширина целых пластин	1,8	1,2	1,1
Толщина целых пластин	0,5	0,6	0,3
Диаметр отщепов	2,8	2,3	2,0
Толщина отщепов	0,6	0,5	0,5
Ширина орудий из всех пластин	2,1	2,2	1,3
Толщина орудий из всех пластин	0,7	0,7	0,5
Длина орудий из всех пластин	5,0	4,3	3,4
Ширина орудий из целых пластин	2,2	1,3	1,4
Толщина орудий из целых пластин	0,8	0,5	0,5
Диаметр орудий из отщепов	4,0	3,4	2,9
Толщина орудий из отщепов	1,0	0,8	0,8

Таблица 2. Характер ударных площадок сколов (в процентах)

Наименование сколов	Лески	Ивашково поле	Ивашково VI
Отщепы с площадками (от общего количества)	71,2	64,2	75,5
с прямыми площадками	43,5	72,2	61,9
гладкими	39,9	64,6	49,9
фасетированными	3,6	3,8	3,9
двугранными	-	3,8	2,0
корковыми	-	-	5,9
со скошенными площадками	56,5	27,8	38,1
гладкими	42,5	21,5	32,4
фасетированными	7,8	-	1,3
двугранными	5,2	6,3	1,7
корковыми	1,0	-	2,7
Всего отщепов с подправленными площадками	16,6	13,9	8,9
Пластины с площадками (от общего количества)	56,6	52,8	56,5
с прямыми площадками	26,5	72,3	66,7
гладкими	23,5	72,3	58,4
фасетированными	1,0	-	3,7
двугранными	1,0	-	1,3
корковыми	1,0	-	3,2
со скошенными площадками	73,5	27,7	33,3
гладкими	58,2	23,4	30,7
фасетированными	12,2	-	1,3
двугранными	3,1	2,1	0,8
корковыми	-	2,1	0,5
Всего пластин с подправленными площадками	7,3	2,1	7,1
Призматические пластины	67,6	48,3	81,3
Неправильно призматические пластины	32,4	51,7	18,7
Пластины с прямым профилем	31,8	27,0	29,5
Пластины с изогнутым профилем	68,2	73,0	70,5

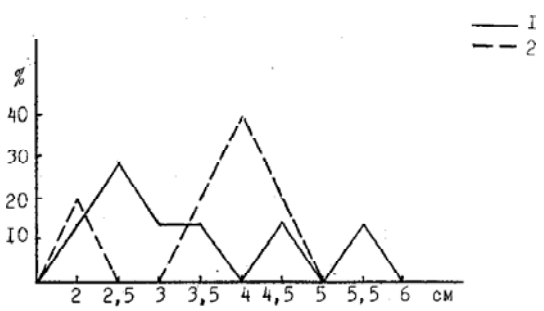

Рис.17. График распределения целых пластин стоянки Ивашково поле по длине: 1 – с прямыми ударными площадками, 2 – со скошенными площадками.

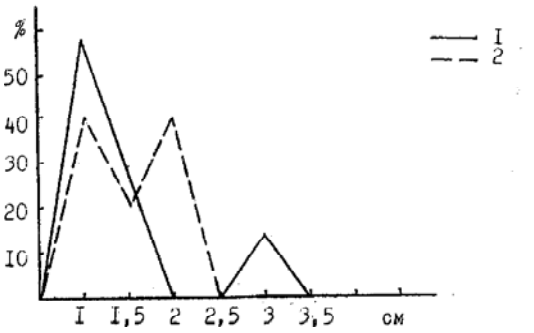

Рис.18. График распределения целых пластин стоянки Ивашково поле по ширине: 1 – с прямыми ударными площадками, 2 – со скошенными площадками.

Таким образом, налицо искусственный отбор заготовок для орудий.

В целом, для индустрии стоянки Лески характерно преобладание скошенных ударных площадок как у нуклеусов, так и у отщепов и особенно пластин. Подправке ударных площадок подвергались нуклеусы с более острыми углами скалывания. Сколы с прямыми и скошенными ударными площадками различаются по размерам.

В связи с отсутствием пренуклеусов, трудно судить о месте формирования ребра, с которого начиналось скалывание, хотя в коллекции присутствуют односторонние и двусторонние реберчатые снятия с пренуклеусов. На одном из нуклеусов частично сохранилось боковое одностороннее ребро, которое, однако, являясь вторичным, сформированным с поверхности скалывания, имеющей призматический рельеф. Для нуклеусов характерно отсутствие специального оформления основания и выравнивания тыльной стороны, имеющей естественную поверхность желвака. Помимо галечного сырья для нуклеусов использовались отщепы. Отмечено значительное количество отщепов с участками корки. Для изделий со вторичной обработкой специально отобраны более крупные и массивные отщепы и более длинные, широкие и утолщенные пластины по сравнению с общей массой аналогичных заготовок.

На стоянке ИВАШКОВО ПОЛЕ пренуклеусы не найдены. Нуклеусы представлены 9 одноплощадочными и 8 двуплощадочными. 7 нуклеусов – призматической формы, 5 – неправильно призматической, 1 – торцевой и 4 – плоских. Ударные площадки нуклеусов оформлялись обычно одним косым сколом, изредка двумя. Четыре площадки выполнены поперечным усечением гальки, в двух случаях площадкой служила естественная поверхность желвака. Некоторые площадки имеют подработку мелкими сколами. Ударные площадки – прямые гладкие (48%), прямые подправленные (5%), прямые корковые (4%), скошенные подправленные (12%), скошенные корковые (4%). Преобладают скошенные площадки (64%).

Угол скалывания у наибольшего количества нуклеусов приближается к 90° (рис.1). Причем, если для одноплощадочных нуклеусов этот показатель равен 60°, то для двуплощадочных — 90°. Средний угол скалывания для одноплощадочных — 69°, для двуплощадочных — 82°. Среднее значение рабочего угла для всех нуклеусов — 77°. Средний угол скалывания практически одинаковый у нуклеусов с подправленными площадками (78°) и неподправленными (77°). Подправка площадок отмечена для призматических нуклеусов и в одном случае – для неправильно призматического.

У нуклеусов преобладают поверхности скалывания подтреугольных очертаний с конвергентными краями. Значительно меньше нуклеусов с подпрямоугольными поверхностями скалывания в плане, единичны – трапециевидных очертаний с дивергентными краями. Характерно одностороннее скалывание (88,2%). Средний угол поперечной дуги рабочей плоскости (рис.2) равен 134°, причем, для одноплощадочных его значение 163° , а для двуплощадочных 117°. Таким образом, у одноплощадочных нуклеусов угол a меньше, а угол b больше, чем у двуплощадочных. У плоских нуклеусов отмечен самый острый угол скалывания (61°) и самое большое значение угла b (168°) по сравнению с другими формами нуклеусов.

Специального оформления основания у нуклеусов Ивашкова поля не наблюдается. Обычно оно представляет собой схождение под острым углом плоскости скалывания с тыльной стороной и лишь в одном случае отмечено заострение основания сколом с поверхности скалывания на тыльную сторону.

Более половины нуклеусов не имеют специально выровненных боковых поверхностей. У трети нуклеусов боковые стороны представляют собой естественные поверхности галек, у части нуклеусов вместо одной или обеих боковых поверхностей отмечается схождение под острым углом поверхности скалывания и тыла. У нуклеусов, боковые стороны которых выров-

Таблица 3. Характер ударных площадок изделий со вторичной обработкой (в процентах)

Наименование изделий	Лески	Ивашково поле	Ивашково VI
Изделия со вторичной обработкой из отщепов (от общего количества)	39,3	61,6	55,7
с прямыми площадками	63,6	68,2	53,8
гладкими	36,4	50,0	35,9
фасетированными	9,1	13,6	7,7
двугранными	9,1	4,5	-
корковыми	9,1	-	10,3
со скошенными площадками	36,4	31,8	46,2
гладкими	18,2	22,7	33,3
фасетированными	9,1	-	5,1
двугранными	-	4,5	2,6
корковыми	9,1	4,5	5,1
Всего изделий со вторичной обработкой из отщепов с подправленными площадками	27,3	22,7	15,4
Изделия со вторичной обработкой из пластин (от общего количества)	39,6	44,4	40,4
с прямыми площадками	47,6	41,7	60,3
гладкими	42,9	41,7	54,0
фасетированными	4,8	-	1,6
двугранными	-	-	1,6
корковыми	-	-	3,2
со скошенными площадками	52,4	58,3	39,7
гладкими	28,6	41,7	31,7
фасетированными	14,3	8,3	1,6
двугранными	9,5	8,3	1,6
корковыми	-	-	4,8
Всего изделий со вторичной обработкой из пластин с подправленными площадками	28,6	16,7	6,3
Изделия со вторичной обработкой из призматических пластин	94,3	63,0	87,2
Изделия со вторичной обработкой из неправильно призматических пластин	5,7	37,0	12,8
Изделия со вторичной обработкой из пластин с прямым профилем	34,0	25,9	30,0
Изделия со вторичной обработкой из пластин с изогнутым профилем	66,0	74,1	69,9

нены намеренно, предпочтение отдавалось снятию пластинчатых сколов с площадки, очень редко – с основания и всего один случай поперечного скола с поверхности скалывания в сторону тыла.

Тыльная сторона у половины нуклеусов имеет естественную поверхность желвака, у трети нуклеусов с односторонним скалыванием на оборотной стороне – один широкий скол, еще у нескольких – бессистемные сколы.

Средняя длина нуклеусов 4,5 см. Наименьшая длина отмечена для плоских нуклеусов (3,4 см), наибольшая – для неправильно призматических (5,4 см). Одноплощадочные в среднем (4,8 см) длиннее двуплощадочных (4,1 см).

Среди сколов количественно преобладают отщепы. Первичных отщепов очень мало (3,7%), с участками желвачной корки — 34,3% и без корки – основная масса (62%). Крупных отщепов – лишь один (0,8%), средних – 23,6%, численно доминируют мелкие (75,6%). Максимальное количество отщепов – диаметром 1,5 см и толщиной 0,2 см (рис.3,4). Средние значения диаметра – 2,3 см, толщины – 0,5 см. Среди отщепов с сохранившимися основаниями – 72,2% с прямыми площадками и 27,8% — со скошенными (табл.2). У 13,9% отщепов с сохранившимися ударными площадками, они подправлены (фасетированные и двугранные).

Размеры отщепов с прямыми и скошенными площадками различаются. Среди отщепов с прямыми площадками – максимальное количество диаметром 1,5 см, со скошенными площадками – 1,5, 3 и 4 см (рис.7). Средний размер диаметра отщепов с прямыми площадками – 2,4 см, со скошенными – 2,6 см. Различия

между отщепами прослеживаются и по толщине. Среди отщепов с прямыми площадками преобладают изделия толщиной 0,2 см, со скошенными – 0,5 см (рис.8). Средняя толщина отщепов с прямыми площадками – 0,5 см, со скошенными – 0,6 см. Таким образом, отщепы со скошенными площадками крупнее и толще отщепов с прямыми площадками.

Среди пластин — 12,3% мелких, 46,1% средних и 41,6% крупных размеров. По морфологии дорсальной поверхности пластин выделяются сколы со следующей огранкой: ПЕ – 16,7%, РО – 2,4%, ПН – 2,4%, ПП – 59,4%, ПР – 16,7%, ПВ – 2,4%. Из снятий с пренуклеусов отмечен только один скол (РО), сколы с пренуклеусов составляют 97,6%. Преобладают сколы с огранкой ПП, снятые в одном направлении. Сколов расширения границ призматического рельефа поверхности скалывания (ПЕ) и сколов переоформления или исправления призматического рельефа (ПР) — одинаковое количество.

Максимальное количество пластин – шириной 1,5 см, что соответствует и среднему значению ширины. Наибольшее количество пластин имеет толщину 0,4 см. Среднее значение толщины пластин – 0,5 см.

Среди пластин с сохранившимся основанием (целые и проксимальные концы пластин) – 72,3% с прямыми ударными площадками и 27,7% — со скошенными. Подправленные площадки составляют всего 2,1% (табл.2). Наибольшее количество целых пластин —длиной 2-2,5 см и 3,5-4,5 см (рис.11). Средняя длина целых пластин – 3,3 см. График распределения целых пластин по ширине показывает преобладание пластин шириной до 1 см (рис.12). Средняя ширина – 1,2 см. Максимальное количество целых пластин – толщиной 0,5 см (рис.13). Среднее значение толщины целых пластин – 0,6 см.

Размеры целых пластин с прямыми и скошенными площадками различны. Длина максимального количества пластин с прямыми площадками составляет 2,5 см, со скошенными – 4 см (рис.17). Среднее значение длины первых – 3,2 см, вторых – 3,4 см. Наибольшее количество пластин с прямыми площадками имеют ширину в 1 см, со скошенными – 1 и 2 см (рис.18). Средние значения ширины для первых – 1,3 см, для вторых – 1,2 см. Наибольшее количество пластин с прямыми площадками – толщиной 0,5 и 0,7 см, пластины же со скошенными площадками из-за их малочисленности показали значительный разброс по толщине (рис.22). Средние значения толщины пластин с прямыми площадками – 0,5 см, со скошенными – 0,6 см.

Таким образом, целые пластины со скошенными площадками длиннее и толще пластин с прямыми площадками.

Изделий со вторичной обработкой из отщепов – 56,3%, из пластин – 42,2%. Наибольшее количество изделий со вторичной обработкой из отщепов – диаметром 3 см и толщиной 0,5 см (рис.23,24). Средние значения диаметра – 3,4 см, толщины – 0,8 см.

Среди изделий со вторичной обработкой из отщепов с сохранившимся основанием 68,2% имеют прямую площадку и 31,8% — скошенную (табл.3). Из них — у 22,7% подправленные ударные площадки. Среднее значение диаметра изделий со вторичной обработкой из отщепов с прямыми ударными площадками – 3,5 см, со скошенными – 3,2 см. Средние значения толщины для первых — 0,9 см и 0,7 см – для вторых. То есть, орудия из отщепов с прямыми площадками крупнее и толще аналогичных орудий со скошенными площадками.

Большинство изделий со вторичной обработкой из пластин – шириной 1,5 см и толщиной 0,5 см. Средние значения ширины 2,2 см, толщины – 0,7 см. Изделий со вторичной обработкой из целых пластин – всего одно, поэтому анализировать орудия из целых пластин не приходится. Среди изделий со вторичной обработкой из пластин с сохранившимся основанием — 41,7% с прямыми ударными площадками и 58,3% — со скошенными (табл.3). Из них подправленных (фасетированных и двугранных) – 16,7%.

Рассмотрение проксимальных концов пластин со вторичной обработкой по ширине и толщине показало, что средние значения ширины для изделий с прямыми площадками 1,5 см, со скошенными – 1,9 см. Средние значения тол-

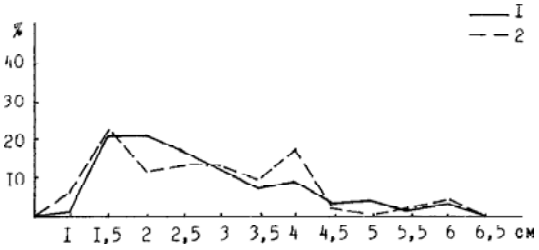

Рис.19. График распределения целых пластин стоянки Ивашково VI по длине: 1 – с прямыми ударными площадками, 2 – со скошенными площадками.

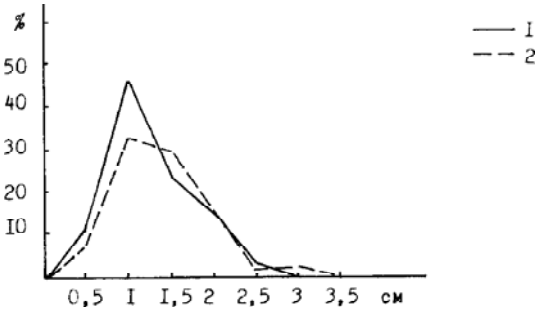

Рис.20. График распределения целых пластин стоянки Ивашково VI по ширине: 1 – с прямыми ударными площадками, 2 – со скошенными площадками.

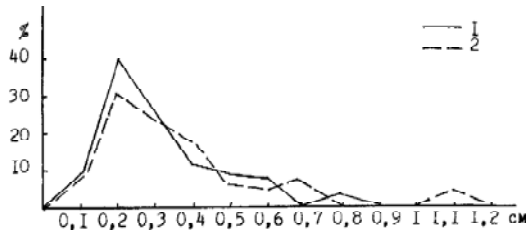

Рис.21. График распределения целых пластин стоянки Ивашково VI по толщине: 1 – с прямыми ударными площадками, 2 – со скошенными площадками.

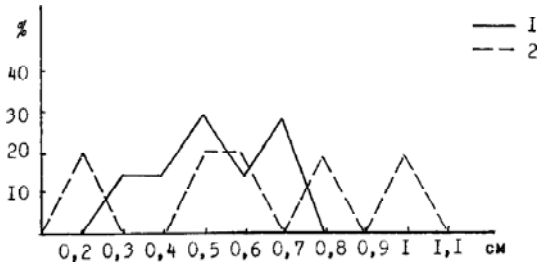

Рис.22. График распределения целых пластин стоянки Ивашково поле по толщине: 1 – с прямыми ударными площадками, 2 – со скошенными площадками.

щины изделий со вторичной обработкой из пластин с прямыми площадками – 0,5 см и 0,7 см – со скошенными. Таким образом, орудия из пластин со скошенными площадками крупнее и толще аналогичных изделий с прямыми площадками.

Следовательно, для стоянки Ивашково поле характерно, что отщепы, пластины и изделия со вторичной обработкой из пластин со скошенными площадками крупнее и толще аналогичных предметов с прямыми площадками, чего нельзя сказать об изделиях со вторичной обработкой из отщепов с прямыми площадками. В целом же, средние размеры орудий и из пластин, и из отщепов превосходят средние размеры пластин и отщепов, что свидетельствует об их искусственном отборе.

В связи с отсутствием на стоянке пренуклеусов трудно восстановить последовательность расщепления. Практически нет и сколов с пренуклеусов, очень мало первичных отщепов. Это обстоятельство наводит на мысль, что изготовление пренуклеусов, возможно, происходило вне стоянки. Анализ нуклеусов показал, что в изготовлении ударных площадок преобладал приём косого усечения отдельности сырья, специальная обработка дистальной части не производилась. У половины всех нуклеусов не выравнивались боковые поверхности и тыл, сохранялась естественная поверхность желвака. Хотя у нуклеусов доминируют скошенные ударные площадки, у сколов преобладают прямые. Характерно одностороннее скалывание. Анализ морфологии дорсальных поверхностей пластин указывает на довольно высокий процент расщепления нуклеусов. Размеры сколов в зависимости от характера ударной площадки различаются.

На стоянке ИВАШКОВО VI сырьем служила днестровская галька небольших размеров удлиненно-уплощенной формы с тонкой коркой. Найден один экземпляр нерасколотой гальки. Её размеры 4,3 х 2,8 х 1,3 см. В коллекции выделены 2 пренуклеуса. У одного из них косым сколом оформлена ударная площадка и фронтальное бифасиальное ребро. Боковое ребро опоясывает почти весь периметр пренуклеуса, за исключением площадки. Левый край ребра выполнен поперечными двусторонними сколами, правый – односторонними с тыльной поверхности. В сечении он имеет подтреугольную форму. Пренуклеус не был превращен в нуклеус – не было снято фронтальное ребро, сколы со стороны площадки оказались короткими и с глубокими заломами, вследствие чего дальнейшее его использование было прекращено.

Второй пренуклеус из уплощенного куска кремня, также как и первый, не имеет желвачной корки. С торца одним прямым снятием у него сформирована площадка. Основание приострено двумя сколами с торца на будующую плоскость скалывания и на тыльную сторону. Боковые поверхности уплощены сколами с тыльной стороны и с поверхности скалывания. На торце пренуклеуса выполнено одностороннее переднее ребро.

Среди нуклеусов – 20 одноплощадочных, 20 двуплощадочных и 2 трехплощадочных. Форма у 16 – призматическая, у 15 – неправильно призматическая, у 3 – подконическая, у 8 – плоская или уплощенная.

Ударные площадки нуклеусов в большинстве своем выполнены одним косым сколом, изредка – двумя или тремя. Поперечное усечение не характерно. Следует отметить наличие неподготовленных площадок, имеющих галечниковую корку или поверхность естественной трещины. Некоторые площадки подправлены мелкими сколами или ретушью. Ударные площадки нуклеусов – скошенные гладкие (71,1%), скошенные корковые (6,1%), скошенные подправленные (10,6%), прямые гладкие (6,1%), прямые подправленные (6,1%). Преобладают скошенные ударные площадки (87,8%). Подправка отмечена у 16,7% площадок.

Угол скалывания у одноплощадочных нуклеусов обнаруживает 3 пика: 70° (наибольший), 90° и 110°. Среднее значение этого угла 76°. График распределения угла скалывания двуплощадочных имеет одну вершину — 70°. Среднее значение этого угла — 72°. Максимальное количество значений рабочего угла для трехплощадочных нуклеусов приходится на 70° и меньшее – на 100°. Среднее значение — 72°. Суммарное распределение угла скалывания показано на рис.1. Среднее его значение — 73°.

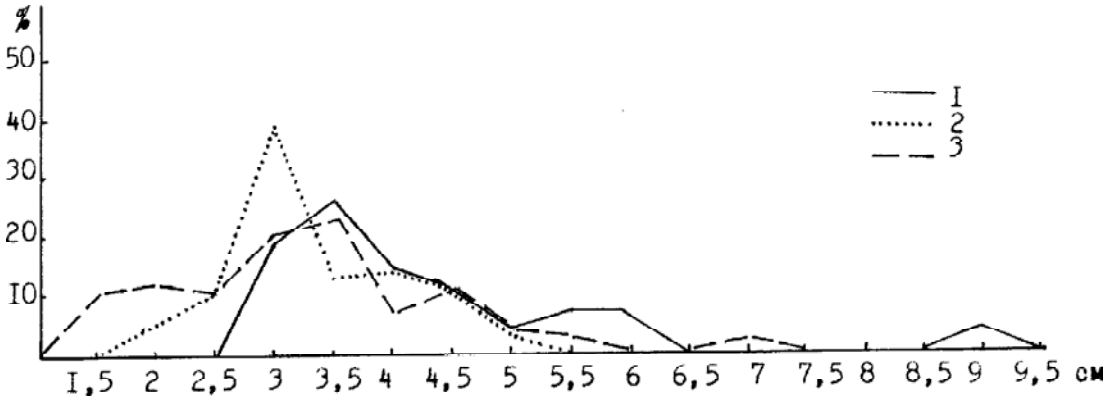

Рис.23. График распределения изделий со вторичной обработкой из отщепов по диаметру: 1 – Лески, 2 – Ивашково поле, 3 – Ивашково VI.

Для нуклеусов с подправленными ударными площадками средний угол скалывания — 84°, в то время как у нуклеусов с гладкими площадками среднее значение его меньше 71°. Подправленные ударные площадки отмечены для плоских, призматических и неправильно призматических нуклеусов, для нуклеусов с односторонним и двусторонним скалыванием, для одноплощадочных и двуплощадочных. Однако, лишь у плоских нуклеусов подправка ударных площадок характерна для 50% их количества, для остальных категорий – от 20 до 33%. В данном случае подправке подвергались ударные площадки нуклеусов с рабочими углами, близкими к прямым, в то время как у нуклеусов с неподправленными площадками – более острые рабочие углы.

Поверхности скалывания нуклеусов, как правило, в плане подпрямоугольные. Их боковые края могут быть прямыми или слегка выпуклыми, но подпараллельными. У нуклеусов с конвергентными краями поверхности скалывания подтреугольные. Число таких нуклеусов не меньше, чем предыдущего вида. Небольшое количество нуклеусов с дивергентными боковыми краями, их поверхности скалывания близки трапециевидной форме.

Поверхности скалывания нуклеусов преимущественно широкие. Наибольшее количество нуклеусов имеют угол поперечной дуги рабочей плоскости, равный 180° (рис.2). Среднее значение этого угла — 145°. Для одноплощадочных нуклеусов — 157°, для двуплощадочных — 144°, для трехплощадочных — 109°. То есть, с увеличением количества поверхностей скалывания среднее значение угла — уменьшается. Для нуклеусов с односторонним скалыванием среднее значение угла — 135°, для нуклеусов с двусторонним скалыванием — 174°. Наибольшее значение угла дуги рабочей плоскости у подконических нуклеусов — 197°, у плоских — 151°, у призматических и неправильно призматических соответственно 144° и 142°.

Дистальная часть подавляющего большинства нуклеусов никак не оформлялась и представляет собой либо естественный конец гальки, покрытый коркой, если сколы не достигали её конца, либо заостренное основание, образованное, с одной стороны, поверхностью скалывания и тылом нуклеуса, с другой. Лишь изредка отмечено поперечное усечение дистального конца, а также приострение его сколом с поверхности скалывания на тыльную сторону или боковую. В одном случае основание нуклеуса заострено двусторонним ребром.

У части нуклеусов с двусторонним скалыванием отсутствуют боковые поверхности, снятые сколами заготовок. Это же относится и к

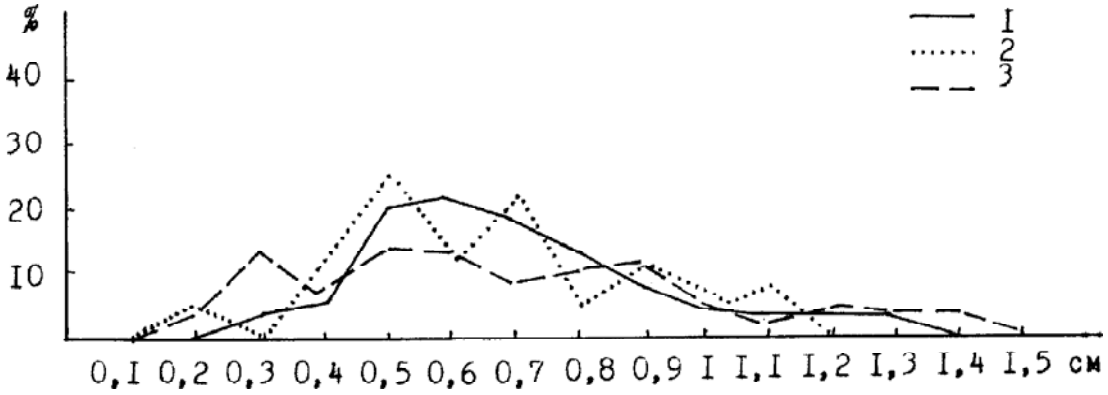

Рис.24. График распределения изделий со вторичной обработкой из отщепов по толщине: 1 – Лески, 2 – Ивашково поле, 3 – Ивашково VI.

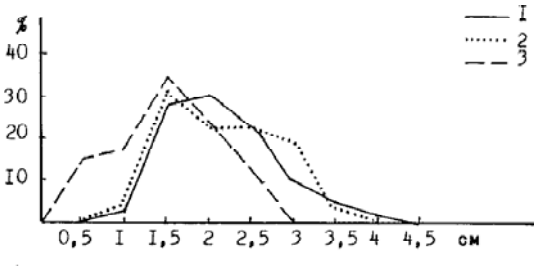

Рис.25. График распределеня изделий со вторичной обработкой из пластин по ширине: 1 – Лески, 2 – Ивашково поле, 3 – Ивашково VI.

некоторым односторонним нуклеусам, у которых вследствие истощения и уплощения поверхности скалывания последняя образует острые углы с тыльной стороной, часто представляющей собой галечниковую корку. У семи нуклеусов сохранилась лишь одна боковая сторона, вместо второй – схождение плоскости скалывания с тылом под острым углом. Около половины всех нуклеусов имеют обе боковые поверхности. Оформлялись они по-разному. У трех нуклеусов удобной формы боковые стороны покрыты коркой. Ещё у нескольких нуклеусов одна из боковых сторон является естественной поверхностью гальки, а вторая выровнена сколами. У половины всех нуклеусов, сохранивших боковые поверхности, они были подготовлены специально. Подправка боковых поверхностей велась пластинчатыми сколами с площадки или основания и в меньшей мере – поперечными сколами с плоскости скалывания на тыльную сторону.

На стоянке численно преобладают нуклеусы с односторонним скалыванием (79%), хотя если для одноплощадочных нуклеусов это преобладание абсолютно (95%), для двуплощадочных вообще не характерно (100% двустороннее скалывание). У половины нуклеусов с односторонним скалыванием тыльная сторона специально не обработана и покрыта галечной коркой. Некоторые нуклеусы с остатками корки на оборотной стороне имеют поперечные снятия, создающие площадку для сколов выравнивания боковых поверхностей. У остальных одноплощадочных нуклеусов тыл оформлен одним широким сколом или поперечными снятиями.

Средняя длина нуклеусов – 3,6 см. Наименьшую длину имеют подконические нуклеусы (в среднем 2,4 см), наибольшую – плоские (в среднем 4,1 см). Средняя длина нуклеусов с односторонним скалыванием – 3,5 см, с двусторонним или круговым – 4,0 см.

Среди сколов количественно преобладают отщепы. Абсолютное их большинство – мелких размеров (88,8%), средних – 10,6%, крупные единичны. (0,6%). Максимальное количество отщепов – диаметром 1,2 см и толщиной 0,3 см (рис.3,4). Средние значения диаметра отщепов – 2,0 см, толщины – 0,5 см. Первичных отщепов немного (6,0%), значительно больше отщепов с участками корки (39,2%). Но преобладают отщепы без корки (54,8%).

Отщепов, имеющих основание, 75,5%. Среди них 61,9% — с прямыми ударными площадками и 38,1% — со скошенными (табл.2). 8,9% отщепов с подправленными площадками (фасетированными и двугранными). Анализ размеров отщепов с прямыми и скошенными ударными площадками показал небольшие различия между ними. Среди отщепов с прямыми площадками наибольшее количество диаметром 1,3 см и толщиной 0,3 см. Среди отщепов со скошенными площадками максимальное количество диаметром 1,4 см и толщиной 0,4 см (рис.9,10). Среднее значение диаметра для отщепов с прямыми площадками – 1,9 см, толщины – 0,5 см; для отщепов со скошенными площадками – 2,1 см и 0,5 см соответственно.- Таким образом, отщепы со скошенными площадками несколько крупнее и толще отщепов с прямыми площадками.

Пластины по ширине подразделяются на мелкие (34,3%), средние (47,5%) и крупные (18,2%). Максимальное количество пластин шириной 1 см и толщиной 0,2 см. Среднее значение ширины пластин 1,1 см, толщины – 0,4 см.

Пластины с сохранившимся основанием (целые и проксимальные концы) составляют 56,5% от всего количества пластин. Из них 66,7% имеют прямые площадки и 33,3% — скошенные (табл.2). 7,1% пластин с основаниями носят следы подправки ударных площадок (фасетированные и двугранные). Отметим, что и у пластин, и у отщепов подправка больше применялась у экземпляров с прямыми площадками.

По морфологии дорсальных поверхностей пластин выделены следующие виды сколов: ЕР – 1,1%, ОР – 0,3%, РН – 1,1%, РР – 0,3%, ОН – 0,3%, ЕН — 0,8%, ЕО – 0,3%, ЕВ – 1,4%, ПВ – 3,9%, ПЕ – 14,6%, ПН – 1,7%, ПО – 1,9%, ПП – 64,9%, ПР – 5,0%, РВ – 1,7%, НВ – 0,8%. Пластинчатых снятий с естественной спинкой нет. Сколы с пренуклеусов – реберчатые односторонние и двусторонние – составляют всего 2,8% (ЕР, ОР, РН, РР). Первых пластинчатых сколов формирования призматического рельефа поверхности скалывания нуклеуса (ОН, ЕН, УО) ещё меньше –1,4%. 95,8% составляют сколы с нуклеусов. Среди них преобладают сколы с огранкой ПП –64,9%. Угловые сколы (ПЕ) свидетельствуют о расширении границ призматического рельефа поверхности скалывания – 14,6%. Сколы с огранкой ПР и ВР – вторичные односторонние реберчатые сколы, которые переоформляли или исправляли призматический рельеф поверхности скалывания в процессе расщепления, составляют 6,7%.

Максимальное количество целых пластин – длиной до 1,5 см. График длины целых пластин имеет два пика: 1,5 и 4 см (рис.11). Среднее значение длины целых пластин – 2,5 см.

Наибольшее количество целых пластин – шириной 1 см и толщиной 0,2 см (рис.12,13). Среднее значение ширины – 1,1 см, толщины – 0,3 см. У пластин с прямыми площадками преобладают изделия длиной 1,5-2 см, у пластин со скошенными площадками – 1,5 см (рис.19). Среднее значение длины пластин с прямыми площадками – 2,5 см, со скошенными – 2,6 см. Наибольшее количество пластин и с прямыми, и со скошенными площадками – шириной 1 см и толщиной – 0,2 см (рис.20,21). Однако, средние значения ширины и толщины несколько отличаются. Для пластин с прямыми площадками средняя ширина – 1,0 см и толщина – 0,3 см, со скошенными площадками средняя ширина –1,1 см и толщина – 0,4 см. Таким образом, по средним показателям пластины со скошенными площадками на 1 мм превосходят размеры пластин с прямыми площадками.

Изделия со вторичной обработкой изготовлены в основном из пластин (64,7%) и отщепов (29,0%). Наибольшее количество изделий со вторичной обработкой из отщепов – диаметром 3,5 см и толщиной 0,5 см (рис.23,24). Среднее значение диаметра – 2,9 см, толщины – 0,8 см. Среди изделий со вторичной обработкой из отщепов с сохранившимися ударными площадками преобладают с прямыми площадками (53,8%). Наибольшее количество изделий с прямыми площадками имеют диаметр 3 см и толщину 0,6 см. Среднее значение диаметра – 3,1 см, толщины – 0,7 см. Орудия из отщепов со скошенными площадками наиболее многочисленны размером диаметра в 2,5 и 3,5 см и толщиной 0,3 и 0,9 см. Средние значения размеров: диаметра 3,2 см и толщины – 0,9 см. Таким образом, изделия со вторичной обработкой из отщепов со скошенными ударными площадками несколько крупнее и массивнее изделий с прямыми площадками. Среди орудий из отщепов с сохранившимися основаниями 15,4% имеют подправленные площадки (табл.3).

Большинство изделий со вторичной обработкой из пластин – шириной 1,5 см и толщиной 0,4 см (рис.25,26). Среднее значение ширины – 1,3 см, толщины – 0,5 см. С сохранившимися основаниями – 60,3% изделий с прямыми ударныыми площадками и 39,7% со скошенными (табл.3).

Изделия со вторичной обработкой из целых пластин преобладают длиной 3,5 см, шириной 1,5 см и толщиной 0,4-0,5 см. Средние значения размеров орудий из целых пластин: длины – 3,4 см, ширины – 1,4 см, толщины – 0,5 см. В целом, показатели размеров изделий со вторичной обработкой из пластин превышают аналогичные показатели целых пластин, что, вероятно, связано с отбором более крупных заготовок для орудий из общей массы пластин.

Изделий со вторичной обработкой из целых пластин с прямыми площадками несколько больше (56,7%), чем со скошенными площадками. Среди них преобладают изделия длиной 3,5 см, шириной 1,5 см и толщиной 0,5 см. Средние показатели совпадают с ними. У изделий со вторичной обработкой из целых пластин со скошенными площадками – наибольшее количество длиной 5 см, шириной 2 см и толщиной 0,4 см Средние показатели: длины – 3,3 см, ширины – 1,4 см, толщины – 0,8 см. Следовательно, изделия со скошенными площадками короче, но толще изделий с прямыми площадками.

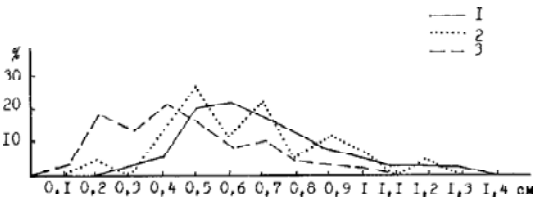

Рис.26. График распределения изделий со вторичной обработкой из пластин по толщине: 1 – Лески, 2 – Ивашково поле, 3 – Ивашково VI.

Изделия со вторичной обработкой из пластин с подправленными площадками (фасетированными и двугранными) составляют 6,3%. Для орудий отбирались преимущественно пластины призматической формы (87,2%) с изогнутым профилем (69,9%) (табл.3).

Таким образом, для стоянки Ивашково VI характерно, что отщепы со скошенными площадками крупнее отщепов с прямыми площадками, пластины со скошенными площадками длиннее, шире и толще пластин с прямыми площадками, изделия со вторичной обработкой из отщепов со скошенными площадками крупнее и толще изделий с прямыми площадками, изделия со вторичной обработкой из пластин со скошенными площадками короче и толще аналогичных орудий с прямыми площадками при одинаковой ширине.

В целом, для комплекса Ивашково VI о технике расщепления можно говорить на основании подготовки пренуклеусов, срабатывания нуклеусов и характеристики сколов. Оформление площадки, заострение основания и создание фронтальных унифасиальных или бифасиальных ребер происходило на стадии пренуклеуса. Скалывание начиналось со снятия фронтального ребра на торцеой части гальки и продолжалось от центра к краям. На двух нуклеусах сохранились остатки таких ребер на торце гальки, которые не были сняты оказавшимися более короткими поверхностями скалывания. Когда поверхность скалывания истощалась, снимались угловые сколы или оформлялись вторичные боковые ребра, обычно односторонние. Три нуклеуса имеют такие ребра, выполненные со стороны боковых поверхностей.

Следует отметить, что для нуклеусов выбиралось сырьё удобной формы с тонкой галечной коркой, которая не мешала скалыванию, о чем свидетельствует наличие нуклеусов и ско-

лов с корковыми площадками. Помимо галек в качестве заготовок для нуклеусов использовались отщепы. Оформление площадок нуклеусов происходило чаще всего одним косым сколом, реже – двумя-тремя. Обработке, как правило, не подвергались дистальный конец, тыл и боковые поверхности, неся на себе естественную поверхность желвака. Подправка их являлась, скорее исключением, чем правилом.

У нуклеусов преобладают скошенные ударные площадки, у сколов – прямые. Подправка ударных площадок нуклеусов происходила у экземпляров, угол скалывания которых приближался к прямому, в то время как площадки нуклеусов с более острыми углами скалывания подправке не подвергались. Мелкие размеры нуклеусов, скалывание до исчезновения боковых поверхностей, эксплуатация до прямых и тупых углов скалывания – свидетельства срабатывания нуклеусов до предела.

Обитатели всех трех стоянок использовали одинаковое сырьё в виде небольших удобной формы галек с тонкой коркой, которая не мешала расщеплению. На стоянках Лески и Ивашково поле пренуклеусы хотя и не найдены, сколы с пренуклеусов в виде реберчатых односторонних или двусторонних снятий в небольшом количестве представлены. На одном из нуклеусов Лесков, кроме того, сохранилось вторичное одностороннее боковое ребро, что косвенно может свидетельствовать об использовании приема создания ребра при расщеплении. Есть такие ребра и на нуклеусах Ивашково VI.

Здесь же найдены и пренуклеусы в стадии формирования переднего бифасиального и боковых ребер на одном из них и фронтального унифасиального на другом, с которых начиналось расщепление. На этапе изготовления пренуклеусов, помимо ребер, оформлялась ударная площадка, основание и боковые поверхности. Однако, есть основание предполагать, что таким образом пренуклеусы изготавливались не всегда или, может быть, не так часто. Более вероятно использование для пренуклеусов галек уплощенной формы, у которых в торцевой части косым снятием образовывалась площадка, ниже площадки на торце выполнялось ребро, с которого начиналось скалывание. Боковые поверхности, дистальная часть и тыл оставались покрытыми коркой. И лишь по мере уплощения поверхности скалывания и поднятия её призматического рельефа снятием угловых сколов происходило расширение плоскости скалывания. Для нуклеусов всех трех стоянок характерно отсутствие специального оформления основания, для большинства нуклеусов – выравнивания тыла и боковых поверхностей, которые несут естественную поверхность желвака. Помимо галечного сырья в качестве заготовок для нуклеусов использовались отщепы в Лесках и Ивашково VI.

Для нуклеусов всех стоянок характерно преобладание скошенных ударных площадок, оформленных одним или реже – 2-3 сколами. Некоторые площадки подправлялись затем мелкими сколами или ретушью. Доля подправленных площадок у нуклеусов – от 16,7% в Ивашково VI до 26,7% в Лесках. Однако, если в Лесках подправке площадок подвергались нуклеусы с более острыми углами скалывания, в Ивашковом поле – и с острыми, и с прямыми, то в Ивашково VI – площадки нуклеусов с углами скалывания, приближающимися к прямым.

В Ивашковом поле и Ивашково VI отмечены корковые площадки у нуклеусов, в Лесках они отсутствуют. Но на всех трех стоянках естественные площадки зафиксированы на сколах: и отщепах, и пластинах, и орудиях из пластин и отщепов. Больше всего их в Ивашково VI.

На всех памятниках отмечен отбор более крупных и массивных заготовок для орудий из общей массы сколов.

Несмотря на преобладание скошенных площадок у нуклеусов на всех трех памятниках, лишь в Лесках скошенные площадки преобладают и у отщепов, и особенно у пластин, в то время как в Ивашковом поле и Ивашково VI у сколов доминируют прямые площадки.

Сколы с прямыми площадками являются следствием скалывания с нуклеусов, имеющих рабочий угол, близкий к 90°, с углом приложения силы тоже близким к прямому. В этом случае усилие направлено почти параллельно плоскости расщепления. Сколы же со скошенными площадками получались при скалывании с нуклеусов с острыми рабочими углами, но углом приложения силы, не параллельным плоскости скалывания. В первом случае возникает коническое начало плоскости расщепления, во втором – изогнутое (неконическое)(Гиря 1994: 21). Если угол приложения силы к нуклеусам с острыми углами скалывания был подпараллелен плоскости скалывания, сколы также имели скошенные ударные площадки, но длина их была больше, чем у сколов со скошенными площадками, снятых ударом, не параллельным плоскости расщепления.

Сколы с прямыми и скошенными площадками различаются по размерам. Так, на всех памятниках отщепы со скошенными площадками крупнее и толще отщепов с прямыми площадками. Что касается целых пластин со скошенными площадками, то в Лесках они короче, уже и тоньше пластин с прямыми площадками. В Ивашковом поле и Ивашково VI наоборот: целые пластины со скошенными площадками длиннее и толще пластин с прямыми площадками.

Объяснение этому явлению следует искать в углах приложения силы и рабочих углах нуклеусов. Так, в Лесках, чтобы получить пластины с прямыми площадками с нуклеусов, име-

ющих рабочий угол, близкий к 90°, скалывали их под прямым углом. Пластины со скошенными площадками скалывались с нуклеусов с острыми углами скалывания также под прямым углом (не параллельным плоскости расщепления). Последние имели утолщенный проксимальный конец, изогнутый профиль и небольшую длину по сравнению с пластинами, снятыми параллельно плоскости скалывания. Отметим также, что в количественном отношении в Лесках преобладают сколы со скошенными площадками.

В Ивашковом поле и Ивашково VI пластины с прямыми площадками скалывались аналогично лесковским. Пластины же со скошенными площадками снимались с нуклеусов с острыми рабочими углами и углом приложения силы, примерно параллельным плоскости скалывания. Удар получался по касательной. При приблизительно равных размерах нуклеусов длина пластин со скошенными площадками всегда была больше длины пластин с прямыми площадками, как это характерно для гипотенузы и катета в прямоугольном треугольнике. В обоих указанных памятниках преобладают сколы с прямыми ударными площадками.

Таким образом, для древних мастеров стоянки Лески свойственно было скалывание под углом, близким к прямому, с нуклеусов, имеющих как прямые, так и острые рабочие углы. Для обитателей Ивашково поле и Ивашково VI характерно скалывание с углом приложения силы, подпараллельным плоскости скалывания, независимо от того, прямые или острые углы скалывания у нуклеусов. Разница в этих технических приемах определила и различие в характере сколов и их размерах на разных памятниках.

В целом, комплексный скрупулезный анализ нуклеусов и сколов дает возможность приблизиться к пониманию закономерностей технологии процесса расщепления.

ЛИТЕРАТУРА

Гиря Е.Ю. Технологические закономерности расщепления изотропных пород // Археологический альманах. Донецк, 1994. №3. С.13-34.

Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро- и макроанализа древних орудий труда. Часть 2. Санкт-Петербург, 1997. 198 с.

Смольянинова С.П. Позднепалеолитическая стоянка Ивашково VI //Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1978. С.120-129.

Смольянинова С.П. Палеолит и мезолит степного Побужья. Киев, 1990. 105 с.

Смольянінова С.П. Ліски – нова пізньопалеолітична стоянка //Археологія Південного Заходу України. Київ, 1992. С.32-43.

Сулейманов Р.Х. О нуклеусах из пещерной стоянки Оби-Рахмат //КСИА. 1968. №114. С.124-130.

Сулейманов Р.Х. Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. Ташкент, 1972. 172 с.

Васильев С.А.

ФИНАЛЬНЫЙ ПАЛЕОЛИТ ДАНИИ

S.A.Vasiliev. The final Palaeolithic of Denmark.

The change of the environment in the late Pleistocene opened the possibility for the penetration of a person on the territory of modern Denmark already in the second half of Bölling (about 12,5 thousand years). At the first the monuments of the Gamburg culture (Iels I and II, Slotseng-C, Solbjerg II and III), the bearers of which specialized in the bag of reindeer are widely spread. The most characteristic attributes of this culture are represented by tanged points and punches of the Zinken type.

The Lamburg culture in Allerřd is changed by the monuments of the Federmesser type (Slotseng b ande), left by the hunters on elk. The given culture is characterized by the flint inventory with scrapers of the Veilen type and punches with backed points.

On the following stage, by the end of Allerřd, the Bromme culture (Astrup Moze, Levenholm, Bro and others) spreads over. In many of its stratificated monuments there are found tanged points, with retouched machining of the distal point, scrapers on flakes and blades, various burins.

To the last period of the Paleolithic of Denmark can be referred the Ahrensburgian culture (Solbjerg I), comparable with the Upper Dryas. The return to a specialized bag on reindeer is seen. In the flint inventory tanged points of the Ahrensburgian type with a distal end truncated by retouching, points of the Tsonhofen type, retouched blades-knives are present.

All known sites are referred to the places of a short-term activity of an ancient man. They were supposed to be connected with the base-camps, situated along the connected with the base-camps, situated along the river valleys innondated at present. The sites are characterized by a relatively simple structure with the concentration of remnants around the hearths. The functional specialization of monuments is clearly revealed and their location has been repeated in the course of millenniums and on and the same places were being assimilated by the bearers of different cultural traditions.

Дания — небольшая страна на севере Европы, занимающая полуостров Ютландия и ряд прилегающих островов (крупнейшие из них — Зеландия, Фюн и Лолланн). Эти причудливо разбросанные на современной карте участки суши представляют собой не более чем остатки некогда обширной равнины, простиравшейся к югу от ледника и охватывавшей в финале плейстоцена территорию нынешнего Северного моря. Она связывала воедино материковую Европу, Британские острова и юг Скандинавии. Географическое единство проявлялось в облике культур того времени, распространявшихся на огромные территории. Это обстоятельство делает искусственным ограничение работы рамками собственно Дании, ибо описываемые ниже стоянки неотделимы от однокультурных памятников севера Германии (Шлезвиг-Гольштейна) и юга Швеции (Скании).

Что касается хронологических границ нашего повествования, то они сводятся к рассмотрению культурной последовательности конца плейстоцена, в интервале от 13 до 10 тыс. лет. Применительно к территории Дании понятие «финальный палеолит» практически обозначает то же, что «палеолит» в целом. В печати можно встретить упоминание о находках нижне- и среднепалеолитических орудий, указывающих на возможность проникновения сюда человека в более ранние периоды, особенно во время межледниковий. Однако все они лишены четкого геологического контекста, а недавний анализ серии так называемых рубил наглядно продемонстрировал, что большинство этих предметов на самом деле являются заготовками кремневых топоров неолита-бронзы (Johansen, Stapert, 1995/6).

Значение палеолита Дании для отечественных исследователей обусловлено рядом факторов. Прежде всего, датские материалы крайне важны для всех археологов, интересующихся реконструкцией систем адаптации человека к изменявшемуся климату финала плейстоцена, вопросами палеолитических жилищ и поселений. В силу особенностей палеогеографии страны на долю археологов здесь достались памятники, приуроченные в плейстоцене к возвышенным частям рельефа (основные речные долины находятся сейчас ниже уровня моря). Не секрет, что во всех случаях, когда в нашем распоряжении имеются крупные скопления стоянок позднего палеолита, идет ли речь о бассейнах Енисея, Рейна или Сены, основные исследовательские усилия сосредотачиваются на изучении богатых находками и часто многослойных стоянках, локализованных на низких террасах днища долин (примерами могут служить Пенсеван, Геннесдорф, стоянки кокоревской и майнской групп на Енисее). При этом заметно меньшее внимание привлекают памятники высоких уровней. Как правило, они беднее остатками, их стратиграфическая позиция менее четкая, во многих случаях такие пункты лишены фауны. Однако если мы стремимся реконструировать целостную систему расселения групп позднепалеолитических охотников, включавшую

© Васильев С.А., 1999.

Рис.1. Карта основных стратифицированных памятников палеолита Дании (по данным А.Фишера, Л.Йохансон, Э.Б.Петерсона и С.Андерсона).

А — памятники гамбургской культуры; Б — памятники культуры федермессер; В — памятники культуры бромме; Г — памятники аренсбургской культуры.

1 — Слотсенг; 2 — Йельс I и II; 3 — Сельбьерг I-III; 4 — Эгтвед; 5 — Хасселе; 6 — Фермозе; 7 — Эструп Мозе I; 8 — Севинд; 9 — Ланго I; 10 — Левенхольм; 11 — Бро; 12 — Хейгорд; 13 — Бромме; 14 — Троллесгаве; 15 — Стоксбьерг Вест и Стоксбьерг Бро; 16 — Аттемозе II; 17 — Бондеруп.

ряд разнофункциональных мест обитания (базовые стоянки, охотничьи лагеря, промежуточные стоянки, мастерские и т.д.), эти памятники имеют не меньшее значение, чем опорные стоянки низких уровней.

Далее, в свете недавних открытий на Русской Равнине (Синицына, 1996) становятся очевидными широкие связи культур черешковых наконечников в финале плейстоцена, охватывавших север Европы. Таким образом, впервые установлены прямые аналогии между палеолитическими культурами нашей страны и юга Скандинавии.

«Палеолитический фонд» Дании невелик, но достаточно полно отражен в публикациях, причем основная масса материалов происходит из раскопок последних десятилетий, что дает возможность осветить не только проблемы культурной истории региона, но и вопросы функциональной дифференциации памятников, планиграфического распределения находок, характера структур обитания.

История исследования палеолита в Дании достаточно коротка. Первые находки изделий из рога оленя, которые могли быть отнесены к периоду, предшествовавшему мезолиту, известны с конца XIX в. В 1913 г. в Норре Лингби в позднеледниковых отложениях был встречен первый черешковый наконечник и с 20-х г.г. в литературе появляется термин « культура лингби», выделенная на основании подобных единичных открытий. Только в 1944 была обнаружена стоянка Бромме, исследованная на широкой площади Т.Матиассеном в 1945-1946 г.г. (Mathiassen, 1946). Богатейшие материалы этого памятника послужили позднее поводом для переименования культуры лингби в бромме. В течение последующих десятилетий Бромме оставалась единственным стратифицированным памятником плейстоценового возраста. Лишь в 70-е г.г. С. Андерсен раскапывает новую стоянку культуры бромме — Бро, а А.Фишер — Троллесгаве и Фенсмарк.

Решительный перелом в активности датских исследователей наступает лишь в 80-е — начале 90-х г.г., когда одним за другими ведутся раскопочные кампании на таких памятниках как Йельс I, II, Слотсенг, Селбьерг I-III, Стоксбьерг Вест, Стоксбьерг Бро, Эгствед, Ланго I, Левенхольм и др. А.Фишер возобновляет изучение эпонимной стоянки Бромме. Наряду с памятниками уже известной культуры бромме, было установлено наличие ряда других культурных традиций — гамбургской, аренсбургской культур и культуры федермессер. Публикация материалов стоянок Йельс I и II (Holm, Rieck, 1992) стала первой и пока единственной монографией по датскому палеолиту. Этот всплеск полевой активности сопровождался заметным расширением круга интересов археологов, появлением новых направлений научного поиска. В их чис-

ло, кроме изучения планиграфии памятников (в том числе с помощью компьютерных методов) входят вопросы технологического и трасологического анализа изделий из камня, эксперимент и т.д. (Fischer, Mortensen, 1977; Fischer et al., 1979; Fischer, Hansen, Rasmussen, 1984). Проявляется интерес к этноархеологии, стимулированный деятельностью датских археологов по изучению культуры эскимосов — охотников на северного оленя в Гренландии (Gronnow, Meldgaard, Nielsen, 1983). Добавим к сказанному наличие детальной геохронологической шкалы позднего плейстоцена и устоявшуюся типологию каменного инвентаря, в основном разработанную по мезолитическим комплексам (Mathiassen, 1973; Petersen, 1993).

К сожалению, в последующем, в 90-е г.г., наблюдается спад исследовательской активности, объясняемый разочарованием археологов в полученных материалах. Дело в том, что все известные палеолитические стоянки оказались связанными с маломощными подпочвенными песчаными отложениями, культурные слои их, как правило, в значительной мере разрушены за счет криогенеза (особенно ярко проявившегося во время верхнего дриаса), вспашки и биотурбаций (воздействия корневых систем растений и деятельности грызунов). Все это привело к тому, что артефакты рассеяны по вертикали, часто смешаны с мезолитическими и неолитическими кремнями, четко видимые структуры обитания редки, а фаунистические остатки в большинстве случаев отсутствуют, как и пригодный для датирования древесный уголь.

В настоящее время лишь несколько исследователей, занимающихся в основном мезолитом (напомним, что Дания необычайно богата мезолитическими остатками) сохраняют интерес к изучению палеолита. Активных же полевых работ практически не ведется. Итог деятельности по изучению древнейшего человека в Дании подвела конференция, посвященная проблемам первоначального заселения Скандинавии, проведенная в 1994 г. в Истаде (Швеция).

Как уже отмечалось, расселение палеолитического человека в Дании всецело зависело от меняющейся палеогеографической обстановки. Во время последнего оледенения, около 13 тыс. лет назад, на месте современной Балтики простиралось Балтийское приледниковое озеро, сток которого осуществлялся на месте современного пролива Эрезунд. Территория Дании представляла собой арктическую тундру. В беллинге, в период от 12,6 до 12,2 тыс. лет, здесь распространяется кустарниковая тундра с ксерофитами. Ледники стояли на территории Швеции, хотя юг Скандинавского полуострова был уже свободен ото льда. Новая волна похолодания фиксируется в нижнем дриасе, около 12,2-12,0 тыс. лет.

Климатическая обстановка становится более благоприятной в аллереде. Со времени 11,2 тыс. лет Балтийское ледниковое озеро совершает прорыв в океан на территории современной средней Швеции, к северу от горы Биллинген, и уровень его падает на 10 м. В это время Зеландия и Скания соединялись сухопутным мостом. Природная обстановка в аллереде характеризуется распространением кустарников, березовых перелесков и, возможно, островков соснового леса.

Последняя волна плейстоценового похолодания связана с верхним дриасом. В это время Балтийское ледниковое озеро подпруживается и уровень его повышается на 15 м. На территории Дании наблюдается распространение травянисто-кустарниковой тундры на месте леса, возрастает эоловая активность.

Наконец, со времени около 10,3 тыс. лет за счет увеличивающегося таяния ледникового покрова уровень Балтийского озера повышается и вновь образуется прорыв в океан. Так, с началом голоцена Балтика входит в фазу Иольдиевого моря (Bjorck, 1996).

Редкость фаунистических остатков препятствует воссозданию картины смены комплексов в финале плейстоцена. Мамонты вымирают на этой территории значительно раньше прихода сюда человека (древнее 13 тыс. лет). Фауна конца плейстоцена включает северного оленя, лошадь и гигантского оленя (последний исчезает в конце аллереда). В теплые интервалы (аллеред) отмечено появление таких лесных обитателей, как лось, благородный олень, рысь, бобр.

Хотя территория Дании была свободна от ледникового покрова уже около 14 тыс. лет, первые следы проникновения сюда человека относятся к заметно более позднему времени, второй половине беллинга (около 12,5 тыс. лет). Открывают палеолитическую последовательность памятники гамбургской культуры, широко распространенные также на севере Германии. Вероятно, отсюда первые группы охотников проникли на территорию Дании в процессе своего расселения по перигляциальной тундре на север. Основные стратифицированные стоянки данной культуры известны в юго-восточной части датской территории (Рис. 1) — Йельс I и II, Слотсенг (пункт с) на юге Ютландии, Селбьерг II и III на острове Лолланн (Holm, Rieck, 1992; Petersen, Johansen, 1994, 1996; Holm, 1991, 1992, 1996). Исследователи связывают расположение памятников с путями сезонных меридиональных миграций северного оленя.

Вопросы датировки гамбургской культуры в Дании пока далеки от ясности. Типологически эти комплексы относятся к поздней группе культуры (хавелте). Имеющиеся абсолютные датировки дают очевидный разброс. По фрагменту рога северного оленя из эрозионной выемки близ стоянки Слотсенг получена дата около 12,5 тыс. лет, по случайной находке обработанного рога, поднятого со дна моря в Сольред Странд

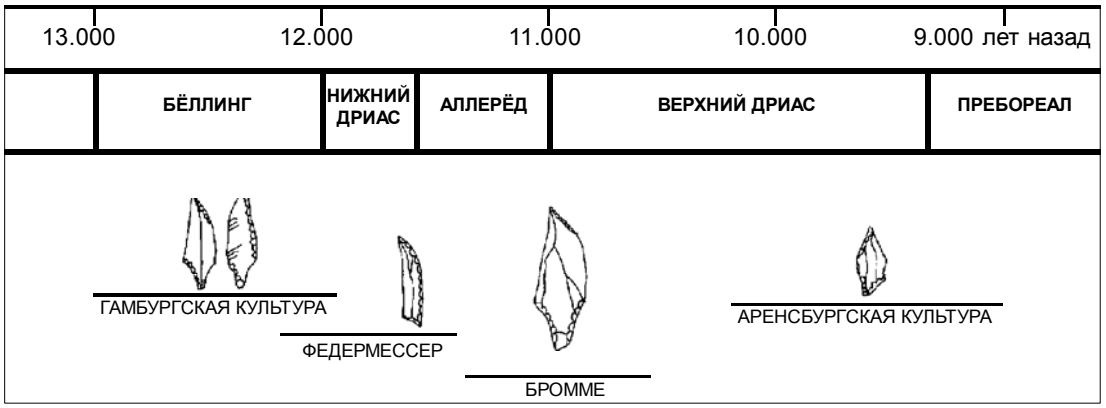

Рис.2. Хронология культур финального палеолита Дании и основные типы наконечников (по данным С.Андерсена, Л.Йохансен и П.В.Петерсона).

— 12,1 тыс. лет. Термолюминесцентные датировки по обожженному кремню из Йельс I лежат от 12,4 до 10,2 тыс. лет. В целом эти данные позволяют отнести время распространения гамбургской культуры ко второй половине беллинга.

Стоянки Йельс I и II связаны с отложениями 10-м песчаной озерной террасы. Культурные слои, как и на всех остальных памятниках, дислоцированы в однородных эоловых песках. Открыт ряд скоплений артефактов размерами от 6 х 6 до 8 х 9 м. На стоянках Сельбьерг II и III, приуроченных к склонам холма, бывшего в плейстоцене берегом древнего озера, материал представлен в виде округло-овальных в плане скоплений размерами примерно 3 х 4 м. На стоянке Слотсенг скопление имело размеры 8 х 11 м.

Отличительная особенность гамбургской, как и всех других позднепалеолитических культур Дании, — зависимость от местных источников сырья. Территория настолько обильна высококачественным меловым кремнем, повсеместно встречаемым в моренных отложениях, что делало ненужным организацию характерных для позднего палеолита других регионов Европы сетей обмена сырьевыми ресурсами.

Техника расщепления гамбургской культуры основывалась на снятии пластин с призматических ядрищ с гладкими скошенными площадками. Применялся мягкий отбойник. Имеются одно-, дву- и трехплощадочные нуклеусы, а также формы со следами скалывания по торцу. Среди орудий, помимо характерных черешковых наконечников (Рис. 2), встречены разнообразные острия-проколки типа zinken, скребки на пластинах, усеченные ретушью пластины, ретушированные пластинки, резцы, пластины с ретушированными выемками, комбинированные изделия, изредка ретушированные отщепы и скребла. Практически на всех стоянках, относимых к гамбургской культуре, присутствуют формы, типичные для федермессер (острия с притупленным краем, скребки с черешком типа вейлен). Однако, учитывая сложный характер стратиграфии, трудно однозначно сказать, идет ли речь о наличии определенной преемственности между гамбургской культурой и федермессер, или о простом смешении материалов.

Гамбургскую культуру сменяют памятники типа федермессер, занимавшие в Европе гораздо более обширную территорию (Германия, Бельгия, север Франции). Следы этой культуры достаточно полно изучены в Дании только на стоянке Слотсенг (пункты b и e), и, возможно, Эгтвед в восточной Ютландии (Holm, 1991, 1992, 1996; Fischer, 1988). Помимо пунктов сборов, есть сведения об открытии стратифицированных стоянок в Фермозе в Зеландии и Хасселе на острове Фальстер (Petersen, 1988). Как и предшествующая гамбургская культура, культура федермессер не выходит за пределы юга Дании. Хронология может быть пока установлена только по аналогии с северогерманскими материалами. Появление культуры федермессер в Дании может быть отнесено к нижнему дриасу. С типологической точки зрения датские памятники в основном относятся к ранней фазе этой культуры (вейлен).

Вообще хронология позднепалеолитических культур Дании требует некоторых комментариев. Абсолютные датировки столь немногочисленны, что не могут служить надежной опорой для решения вопроса о характере смены культурных комплексов. Ситуация осложняется тем, что представители разных культур зачастую занимали одни и те же места для устройства стоянок, что вело к смешению материалов. Большинство авторов склонны рассматривать последовательные традиции как разновременные. В то же время некоторые исследователи допускают частичное сосуществование культур (Holm, Rieck, 1992; Fischer, 1993). Так, возможно культура федермессер сосуществовала с бромме (занимая более южный ареал) и, может быть, даже с ранней фазой аренсбургской культуры.

Возвращаясь к характеристике памятников федермессер, а именно к стоянке Слотсенг, отметим локализацию находок на песчаной возвышенности высотой 10 м вблизи плейстоценового водоема. Артефакты залегали в скоплени-

ях размерами 4 х 5 и 6 х 8 м, в одном случае находки обожженного кремня могут служить указанием на наличие очага. К федермессер отнесен выразительный комплекс Эгтвед, где в подпочвенном слое было вскрыто компактное скопление из 1476 кремневых изделий (ядрища, отщепы, пластины, сколы оживления), представлявшее собой следы мастерской по первичному расщеплению. Однако, при отсутствии орудий, трудно сказать, оставлен ли этот объект носителями культуры федермессер или бромме.

Кремневый инвентарь федермессер характеризуется остриями с притупленным краем, скребками типа вейлен, резцами и проколками.

Следующий и наиболее изученный этап палеолита Дании — культура бромме. В отличие от описанных выше традиций, она занимает ограниченную по европейским меркам территорию, охватывая, кроме Дании, юг Швеции и север Германии. Помимо эпонимной стоянки, расположенной в Зеландии (Mathiassen, 1946), известно значительное число поверхностных местонахождений, встреченных на всей территории страны, кроме запада Ютландии. Всего в настоящее время известно около 50 пунктов находок (Johansen, 1997). К числу стратифицированных стоянок относятся Эструп Мозе I на юге Зеландии, Левенхольм, Севинд и Ланго I на севере полуострова, Бро на острове Фюн, Хейгорд, Троллесгаве, Фенсмарк, Аттемозе II, Стоксбьерг Бро и Стоксбьерг Вест в Зеландии, Хасселе на острове Фальстер (Andersen, 1972; Fischer, Nielsen, 1987; Fischer, 1990; Madsen, 1983, 1996; Johansen, 1993, 1997; Johansson, 1996).

Хронологическая привязка культуры основана на ряде абсолютных датировок. По стоянке Троллесгаве имеются радиоуглеродные определения в интервале 11,1-11,0 тыс. лет и термолюминесцентные даты по обожженному кремню от 12,0 до 11,1 тыс. лет, по стоянке Фенсмарк — радиоуглеродная дата около 10,8 тыс. лет. В целом эти данные позволяют сопоставить распространение культуры с аллередом, что подтверждается результатами споро-пыльцевого анализа разреза стоянки Бромме. Возможно, развитие культуры бромме продолжалось в начале верхнего дриаса.

Расположение стоянок бромме на местности однотипно. Памятники обычно приурочены к песчаным холмам, возвышающимся над прилегающими болотистыми низинами и торфяниками (в древности последние представляли собой озера). Зачастую стоянки концентрируются у мест впадения речек в озера. Высота их расположения колеблется от нескольких метров до 28-30 м над уровнем моря. Культурные слои залегают в подпочвенном песке, перекрывающем моренные отложения. Стоянка Ланго I, напротив, приурочена к речной террасе.

Памятники бромме дают некоторое представление о направленности охотничьей деятельности. Из эпонимной стоянки известны остатки лося (преобладающий вид), северного оленя, лошади, росомахи, бобра и птиц (лебедя). Из Троллесгаве определены кости благородного оленя или лося, из Ланго I — лося и оленя.

Поселения бромме занимают в среднем площадь 25-50 кв. м. Наиболее выразительные свидетельства жилых структур доставила стоянка Бро (Рис. 3). В раскопе были вскрыты остатки концентрации кремней размерами 6 х 7 м вокруг обложенного камнями очага. Вероятно, в данном случае уместно говорить о наличии легкого наземного жилища. На стоянке Троллесгаве было открыто центральное скопление остатков близ очага, сопровождавшееся естественной западиной, два внешних очага и следы мастерской по производству пластин и резцов, расположенную на некотором отдалении от очага. Рядом лежали две крупных плиты камня, возможно служившие сиденьями для древних

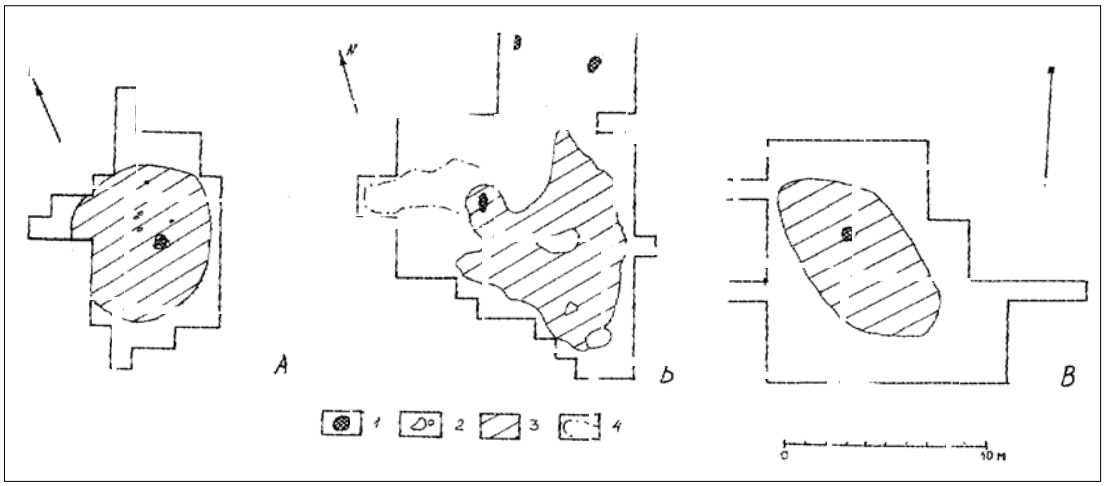

Рис.3. Жилые структуры стоянок культуры бромме (по С.Андерсену, А.Фишеру и Б.Мадсену).
А — Бро; Б — Троллесгаве; В — Ланго I.
1- очаги; 2 — каменные плиты;3 — зоны концентрации культурных остатков; 4 — западина.

мастеров. Связи по ремонтажу демонстрируют единство структурных элементов памятника.

На других стоянках скопления остатков в плане менее отчетливо выражены. На стоянке Стоксбьерг Вест небольшие очаги окружали два скопления, два других аналогичных объекта сильно разрушены поздними ямами. На стоянке Бромме вскрыто семь подобных концентраций без следов очагов, на стоянке Левенхольм — два скопления со следами очага, на стоянке Ланго I — одно скопление вокруг углубленного очага.

Интересно отметить неравномерность планиграфического распределения находок. По материалам стоянки Троллесгаве можно установить наличие концентрации черешковых наконечников вблизи очага (часто предметы носят следы воздействия огня), возможно связанное с деятельностью по подготовке охотничьего вооружения. Скребки и резцы демонстрируют более равномерное распределение по площади, в то время как крупные ядрища отбрасывались на периферию.

Помимо жилых стоянок, вероятно носивших характер кратковременных сезонных обитаний, фиксируются пункты другого плана (Andersen, 1988; Fischer, 1991). Судя по резкому преобладанию наконечников в инвентаре, такие памятники как местонахождения полуострова Кнутсховед на юге Зеландии представляют собой места забоя (kill-sites). Ввиду отсутствия фаунистических остатков, эта версия, впрочем, остается не более чем догадкой. На местонахождении Оммельсховид было собрано 110 черешковых наконечников в сопровождении 7 пластин и скребка. Возможно, здесь открыт своего рода клад — запас охотничьего вооружения. Наряду с этим, есть памятники с обилием наконечников, но со значительным числом скребков и резцов. Они могут быть интерпретированы как охотничьи лагеря (Левенхольм). С другой стороны, есть стоянки с преобладанием деятельности по расщеплению кремня, где основу скудного орудийного набора составляли скребки и резцы, а наконечников очень мало (Ланго I).

Кремневая индустрия бромме основывалась на пластинчатой технике с использованием твердого отбойника. Встречены призматические одно- и двуплощадочные ядрища с гладкими площадками. Орудийный набор состоит в основном из трех классов изделий — характерных черешковых наконечников с подработкой ретушью дистального конца, скребков на отщепах и пластинах, разнообразных резцов. Встречены также ретушированные и усеченные ретушью пластины, ножи на отщепах, острия, зубчатые и выемчатые формы. Интересно отметить наличие серии выразительных скребел (продольных, двойных, поперечных и др.). Вопрос о наличии у носителей культуры бромме орудий из кости и рога остается открытым. Все известные в Дании случайные находки подобных изделий плейстоценового возраста имеют аналогии в аренсбургской культуре (см. ниже).

Наконец, к заключительному этапу палеолита относится аренсбургская культура, представленная такими памятниками как Селбьерг I на острове Лолланн, а также подъемными местонахождениями, сосредоточенными на юге Зеландии (Petersen, Johansen, 1991, 1994, 1996). Площадь этой культуры также охватывает, помимо севера Германии и Дании, юг Швеции. Хронологическую привязку аренсбургской культуре, возможно, дает радиоуглеродная датировка по роговому орудию из Аррескова порядка 10,6 тыс. лет. В целом аренсбургские памятники относятся к верхнему дриасу. Стоянка Селбьерг I располагается на вершине холма поблизости от предполагаемого берега ледникового озера. Артефакты образовывали компактное скопление размерами 3 х 4 м.

Каменная индустрия аренсбургской культуры отмечена применением техники мягкого отбойника. Встречены одноплощадочные нуклеусы, черешковые наконечники аренсбургского типа со скошенным ретушью дистальным концом, острия типа цонхофен, скребки на пластинах, резцы, ретушированные пластины-ножи. Добавим, что к аренсбургской культуре можно отнести отдельные находки роговых орудий типа топоров и гарпунов, типологически сходных с материалами аренсбургского комплекса Штельмоора.

Наиболее поздние памятники аренсбургской культуры, представляют собой промежуточное звено между палеолитом и древнейшим мезолитом, известным в Дании как культура бармозе (9,8-9,0 тыс. лет). К числу таких пунктов относится стоянка Бондеруп в Зеландии. Памятник может быть датирован, судя по палинологическим данным, временем перехода от верхнего дриаса к пребореалу. Среди материалов стоянки имеется черешковый наконечник, близкий аренсбургским формам, в то время как техника расщепления, по мнению А. Фишера (Fischer, 1982) указывает на сходство с мезолитом Норвегии. Возможно, именно эта поздняя аренсбургская волна расселения человека вслед за отступающим ледником и привела к освоению новых территорий в Скандинавии (Fischer, 1996).

Подведем теперь некоторые итоги. Чередующиеся этапы изменения природной обстановки в конце плейстоцена имели следствием попеременную эксплуатацию доступных фаунистических ресурсов. Распространенная во время беллинга специализированная добыча северного оленя (гамбургская культура) сменяется в аллереде охотой на лося (культуры федермессер и бромме) и новой фазой охоты на северного оленя в верхнем дриасе (аренсбургская культура; Eriksen, 1996).

Все известные стоянки относятся к местам кратковременной сезонной деятельности древнего человека, они предположительно были свя-

заны с базовыми лагерями, располагавшимися вдоль речных долин. Однако эти следы находятся ныне глубоко под водой. Стоянки характеризуются относительно простой структурой с концентрацией остатков вокруг очагов, в ряде случаев можно предполагать наличие легких наземных жилищ. Каменный инвентарь также характеризуется обедненностью типологического набора, в основном сводящегося к наконечникам, скребкам и резцам. Четко выражена функциональная специализация памятников, причем их расположение повторялось в течение ряда тысячелетий, и одни и те же места осваивались носителями разных культурных традиций.

Написание работы стало возможным благодаря исследовательской поездке в Данию, предпринятой при поддержке Северного Совета. Автор признателен датским коллегам, в первую очередь С. Андерсену (Центр морской археологии, Роскилле), П.В.Петерсону (Национальный Музей, Копенгаген), Б.Мадсену (Историко-культурный музей, Раннерс), А.Фишеру (Отдел культурного наследия Министерства леса и окружающей среды, Копенгаген), и А.Йохансену за предоставленную возможность ознакомления со стоянками и коллекциями, а также плодотворные дискуссии. За помощь в подборе литературы хотелось бы выразить благодарность Г.В.Синицыной.

ЛИТЕРАТУРА

Синицына Г.В. Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. СПб.: ИИМК РАН, 1996.

Andersen, S.H. Bro. En senglacial boplads på Fyn // Kuml, 1972, P. 7-60.

Andersen, S.H. A survey of the Late Palaeolithic of Denmark and Southern Sweden // De la Loire a l'Oder. Les civilisations du Paléolithique final dans le nord-ouest européen. BAR International series, N 444, vol. 1. 1988, P. 523-566.

Bjorck, S. Late Weichselian/Early Preboreal development of the Öresund strait: a key area for northerly mammal migration // The earliest settlement of Scandinavia and its relationship with neighbouring areas. Acta Archaeologica Lundensia, N 24. 1996, P. 123-134.

Eriksen, B.V. Resource exploitation, subsistence strategies, and adaptiveness in Late Pleistocene — Early Holocene Northwestern Europe // Humans in the end of the Ice Age: the archaeology of the Pleistocene-Holocene transition. N.Y.: Plenum Press, 1996, P. 101-128.

Fischer, A. Bonderup — bopladsen. Det maglende led melleia dansk palæolitikum og mesolitikum? // Antikvariske studier, N 5, 1982, P. 87-103.

Fischer, A.A Late Palaeolithic flint workshop at Egtved, East Jutland // Journal of Danish Archaeology, vol. 7, 1988, P. 7-23.

Fischer, A. A Late Palaeolithic "school" of flint-knapping at Trollesgave, Denmark // Acta Archaeologica, vol. 60, 1990, P. 33-49.

Fischer, A. Pioneers in deglaciated landscapes: the expansion and adaptation of Late Palaeolithic societies in Southern Scandinavia // The Late Glacial in Northwest Europe: human adaptation and environmental change at the end of the Pleistocene. Council for British archaeology report, N 77, 1991, P. 100-121.

Fischer, A. The Late Palaeolithic // Digging into the past. 25 years of archaeology in Denmark. Aarhus: Aarhus Universitets Forlag, 1993, P. 51-56.

Fischer, A. At the border of human habitat. The Late Palaeolithic and Early Mesolithic in Scandinavia // The earliest settlement of Scandinavia and its relationship with neighbouring areas. Acta Archaeologica Lundensia, N 24. 1996, P. 157-176.

Fischer, A., B. Gronnow, J.H.Jønsson, F.O.Nielsen, C.Petersen. Stenalder-experimenter i Lejre. The National Museum of Denmark working papers, N 8, 1979.

Fischer, A., P.T.Hansen, P. Rasmussen. Macro and micro wear traces on lithic projectile point. Experimental results and prehistoric examples // Journal of Danish archaeology, vol. 3, 1984, P. 13-46.

Fischer, A., B.N.Mortensen. Trollesgave — bopladsen. Et eksempel på anvendelse af EDB inden for arkaeologien // Nationalmuseets Arbjedsmark, 1977, P. 90-95.

Fischer, A., F.O.S.Nielsen. Senstidens bopladser ved Bromme // Aarboger for Nordisk Oldkyndighed og Historie 1986. København, 1987, P. 5-69.

Gronnow, B., M.Meldgaard, J.B.Nielsen. Aasivissuit — the great summer camp. Archaeological, ethnological and zoo-archaeological studies of a caribou hunting site in West Greenland. Meddeleser om Grønland, Man and society, N 5. Kobenhavn, 1983.

Holm, J. Settlements of the Hamburgian and Federmesser cultures at Slotseng, South Jutland // Journal of Danish archaeology, vol. 10, 1991, P. 7-19.

Holm, J. Rensdyrjæger bopladsen ved Slotseng — og et 13,000 å rigt dødishul med knogler og flint // Nationalmuseets Arbjedsmark, 1992, P. 52-63.

Holm, J. The earliest settlement of Denmark // The earliest settlement of Scandinavia and its relationship with neighbouring areas. Acta Archaeologica Lundensia, N 24. 1996, P. 43-59.

Holm, J., F.Rieck. Istidsægere ved Jelsøerne Hamburgkulturen i Danmark. Haderslev: Skrifter fra Museensrådet for Sonderjyllands amt, N 5, 1992.

Johansen, E. Late Palaeolithic and Mesolithic // Arkaeologiskeundgravninger Danmark 1992. København: Det arkæologiske Nævn, 1993, P. 109-112.

Johansen, E. Late Palaeolithic and Mesolithic // Arkaeologiskeundgravninger Danmark 1996. Kobenhavn: Det arkaeologiske N?vn, 1997, P. 94-96.

Johansen, L. The Late Palaeolithic in Denmark. Preprint. Paris: APRAIF, 1997.

Johansen, L., D.Stapert. Handaxes from Denmark: Neanderthal tools or "vicious flints"? // Palaeohistoria, vol. 37/38, 1995/6, P. 1-28.

Jonahsson, A.D. A base camp and kill sites from the Bromme culture on South Zealand // The earliest settlement of Scandinavia and its relationship with neighbouring areas. Acta Archaeologica Lundensia, N 24. 1996, P. 89-97.

Madsen, B. New evidence of Late Palaeolithic settlements in East Jutland // Journal of Danish archaeology, vol. 2, 1983, P. 12-31.

Madsen, B. Late Palaeolithic cultures of South Scandinavia — tools, traditions and technology // The earliest settlement of Scandinavia and its relationship with neighbouring areas. Acta Archaeologica Lundensia, N 24. 1996, P. 61-73.

Mathiassen, T. En senglacial boplads ved Bromme // Aarbøger for Nordisk Oldkyndighed og Historie, 1946, P. 121-197.

Mathiassen, T. Ældre Stenalder // Jeg ser på Oldsager. 880 Danske Oldsager. København: Politikens Forlag, 1973, P. 25-69.

Petersen, E.B. Late Palaeolithic and Mesolithic // Arkaeologiskeundgravninger Danmark 1987. København: Det arkæologiske Nævn, 1988, P. 109-112.

Petersen, P.V. Flint fra Danmarks oldtid. København: Høst & Son, 1993.

Petersen, P.V., L.Johansen. Sølbjerg I — an Ahrensburgian site on a reindeer migration route through eastern Denmark // Journal of Danish archaeology, vol. 10, 1991, P. 20-37.

Petersen, P.V., L.Johansen. Rensdyrjægere ved Sølbjerg på Lolland // Nationalmuseets Arbejdsmark, 1994, P. 80-97.

Petersen, P.V., L.Johansen. Tracking Late Glacial reindeer hunters in eastern Denmark // The earliest settlement of Scandinavia and its relationship with neighbouring areas. Acta Archaeologica Lundensia, N 24. 1996, P.75-88.

Виноградова Е.А., Шейпак О.А.

ВОЗМОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ КРЕМНЕВЫХ МАТЕРИАЛОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННОЙ БАЗЫ ДАННЫХ

E.A.Vinogradova, O.A.Sheipak. Possibilities of studying of the Upper Palaeolithic flint materials using electronic data base.

Modern computer technologies in archaeology definitely have a number of advantages. Computers allow to preserve and process big data sets about mass material when the number of finds come to thousands or dozens of thousands . They facilitate very much the usage of statistical methods. The information technologies match the modern methods of accurate fixing of the archaeological material and make possible the exchange of precise and objective information among the researchers. Finally, they solve the problem of cartography and volume – space presentations of the information about finds.

On the other hand the use of computers presupposes a precise, severe, standardized description of materials what is not always easy to realize.

In the offered article the data base for flint finds of the stone-beam culture is described. The data base is realized with the help of a widely spread program MS Access. The article gives a detailed descriptions of the structure of recording that include three parts: space coordinates: descriptive features – the type of the find, fragmentary, the way of processing etc.; inventory belonging of the find. The authors admit that the choice of the suitable set of descriptive features is one of the main difficulties in their work. The approaches to the statistical processing of the information are described very generally (it is noted in the article that this part of the researches bears the experimental character so far).

В настоящее время создание электронных баз данных — одно из наиболее перспективных направлений в изучении археологических памятников. Проблема накопления большого количества археологического материала при недостаточной его представленности в научных публикациях в последние годы успешно решается благодаря широкому использованию компьютера для хранения и анализа информации. Наиболее активно используемые отечественными и зарубежными исследователями для создания локальных баз данных такие программы как Paradox, Fox Pro, пакет Microsoft Office, а также геоинформационные системы Surfer, Paleo, AutoCAD и им подобные, применяемые при пространственных построениях и геомоделировании, вполне оправдывают себя при решении задач археологии (.Смирнов 1995: 39; David Schloen 1998: 97; 26th Computer Applications 1998: 26, 33, 43, 56).

Одно из несомненных достоинств этих систем — простота и удобство взаимодействия с ними и полная совместимость с другими пакетами программ. Эти качества делают доступными археологический материал, хранящийся в определенной базе данных широкому кругу исследователей — пользователей компьютера. Использование данных в различных информационных системах и возможность их передачи по электронным каналам связи наряду с публикациями являются важнейшим фактором обмена научной информацией.

Электронная база данных «Археологические материалы каменнобалковской верхнепалеолитической культуры» является попыткой разработки системы для описания, систематизации, последующего анализа кремневых находок и для создания объемных планиграфических реконструкций культурного слоя верхнепалеолитических стоянок.

Каменнобалковская культура представлена материалами трех стоянок — Каменная Балка I,II и Третий Мыс, расположенных в Ростовской области. Все памятники являются базовыми стоянками, заселенными в разные периоды предположительно с 16 по 12 тысячелетия. Археологические исследования этих памятников ведет Донская археологическая экспедиция МГУ под руководством Н.Б.Леоновой, используя самые современные методы раскопок (Леонова 1990: 13-17; Миньков 1990: 17-20). Коллекция кремневых находок каменнобалковской культуры ежегодно увеличивается на 5-20 тысяч предметов, найденных при раскопках и промывке культурного слоя.

Необходимость использования базы данных

© Виноградова Е.А., Шейпак О.А., 1999.

для обработки и анализа кремневых находок обусловлена в первую очередь характером предмета исследования. Большой объем данных и их ценность именно в виде целостного массива информации предполагает преимущественное значение количественных, статистических методов исследования. Средняя плотность находок на стоянке Каменная Балка 2 — 1000 предметов на 1 кв.м. (не считая мелкого дебитажа из промывки слоя). Высокая насыщенность находками культурного слоя создает определенные проблемы в изучении хозяйственно-бытовой структуры памятника, выявлении границ объектов, не оставивших каких-либо следов своего существования, кроме определенного взаиморасположения находок. Эти вопросы можно решить, используя не только компьютерный статистический анализ, но и возможности создания с помощью компьютера пространственных планов распределения различных категорий находок с учетом координат артефактов с точностью до 10 см по горизонтали и до 1 см по вертикали.

Возможности построения трехмерных моделей культурного слоя особенно важны для многослойных стоянок, каковой и является Каменная Балка 2. На некоторых ее участках выделено до 5 уровней залегания находок. Микрогоризонты внутри основного культурного слоя разделены прослойками чистого суглинка мощностью не более 5 см, а на большей части раскопанной площади стоянки они соприкасаются или даже налегают друг на друга. Наиболее явно, исходя из полевых наблюдений и данных предварительных микростратиграфических исследований, микрогоризонты прослеживаются в северной и северо-западной части стоянки на площади около 150 кв. м. Возможность выделения микрогоризонтов на остальной территории памятника связана в первую очередь с необходимостью построения и анализа микропрофилей основного культурного слоя и с тщательным сопоставлением состава кремневых находок различных микрогоризонтов одного участка слоя.

Эффективность исследования двух более поздних стоянок каменнобалковской культуры – Каменной Балки 1 и Третьего Мыса – также во многом зависит от применения компьютерной обработки данных. Каменная Балка 1 – один из немногих непереотложенных памятников верхнего палеолита, территория которого практически полностью вскрыта раскопками. Изучение организации производственной деятельности, размещения и специализации различных хозяйственно-бытовых объектов этой стоянки открывает широкие возможности для создания и отработки методик планиграфического реконструирования однослойного памятника со сложной структурой культурного слоя. Опыт хозяйственно-бытового реконструирования Каменной Балки 1 позволит полнее и точнее осуществить исследования Каменной Балки 2, имеющей менее четкое и более разнообразное строение культурного слоя.

Культурный слой стоянки Третий Мыс, судя по небольшой плотности находок и отсутствию последовательных горизонтов залегания, возник в один непродолжительный промежуток времени, что существенно отличает его от остальных стоянок. Использование возможностей компьютерной статистики и пространственной планиграфии при исследовании этого памятника особенно важно, поскольку оно позволит выявить структурные отличия стоянки, связанные с существенным изменением ландшафтно-климатической обстановки Северного Приазовья на рубеже позднего плейстоцена и голоцена.

Именно эти причины привели к созданию информационной системы «Археологические материалы каменнобалковской верхнепалеолитической культуры». Основными трудностями при разработке базы данных стали проблема выбора программного обеспечения исследований и создание комплекса параметров для описания собственно кремневых находок.

При выборе программы для создания базы данных мы исходили в первую очередь из стремления найти наиболее доступную для широкого круга исследователей систему, и, с другой стороны стремились к наибольшей эффективности системы управления базой данных (СУБД). К программе предъявлялись следующие требования: 1. Широкое распространение среди пользователей, 2. Простота взаимодействия с программой, 3. Возможность модификации программы без привлечения специалистов по программированию, 4. Способность самого пользователя проводить исследования в рамках данного программного обеспечения без специальной компьютерной подготовки. При этом так же требовалась определенная мощность программы, в связи с необходимостью обработки десятков тысяч объектов, каждый из которых описан десятками признаков. Всеми этими качествами обладает пакет Microsoft Access семейства Microsoft Office. Данная группа программ в настоящее время наиболее широко известна пользователям компьютеров, оснащенных различными версиями операционной системы Windows. Эти программы обладают доступным интерфейсом, что в сочетании с большим количеством справочной литературы делает их наиболее простыми в обращении для большей части исследователей. Microsoft Access был разработан коллективом программистов одной из ведущих компаний по производству программных продуктов. Это гарантирует программную поддержку пакета и создание новых версий Accessa с большими возможностями. Помимо этого Microsoft Access рассчитан на непрофессионального пользователя, что значительно облегчает процесс усовершенствования и модификации базы данных. О призна-

нии программы Microsoft Access эффективной для создания археологических баз данных можно судить по материалам 26-ой Международной конференции по использованию компьютерных технологий в археологии (26th Computer Applications… 1998: 14, 26, 33, 43, 57).

Для ввода кремневых находок каменнобалковских стоянок в базу данных была разработана система их описания. Список названий артефактов создавался с учетом всех категорий кремневых изделий, имеющихся в коллекции каменнобалковской культуры, и не выходит за рамки общепринятой классификации верхнепалеолитических находок (Sonneville-Bordes 1974: 30-60; Археологический словарь каменных орудий 1991: 11-36). Параметры, характеризующие местонахождение находки в культурном слое, даны с учетом современных требований к полевой фиксации палеолитических материалов. Это дает возможность использования базы данных для изучения других стоянок и культур верхнего палеолита с незначительными изменениями и дополнениями списка характеристик.

1. Структура базы данных, описание находок

База данных состоит из файлов, каждый из которых соответствует описи кремневого материала одного года раскопок. Это связано, с одной стороны, с удобством экспорта информации (основным носителем машиночитаемой информации у нас сейчас выступает диск объемом 1.4 Мб, а размеры подобного файла колеблются от 0.4 до 1.1 Мб), и, с другой, с сохранением стандарта ведения документации, когда каждому году соответствовала своя отдельная опись находок. При этом каждый файл озаглавлен в соответствии с единой системой. Например:

КБII9797 КБI9170

Здесь КБII, КБI — названия памятников, 97, 91 — года раскопок, 97, 70 – версия программы Access.

В основу описания артефактов был положен принцип характеристики каждого объекта в отдельности. При этом описание проводится по 19 параметрам, которые можно условно разделить на три группы. Первая группа – пространственные координаты находки. К ней относятся:

1. «Буква квадрата» — координата квадратного метра по линии север – юг.
2. «Цифра квадрата» – координата квадратного метра по линии восток – запад.
3. «Сектор» — одна четвертая квадратного метра.
4. «Дециметр» – одна сотая квадратного метра[1].
5. «Слой» — принадлежность кремня к тому или иному культурному слою или микрогоризонту.
6. «Глубина» – глубина залегания кремня согласно нивелировочной отметке.

Эти параметры дают возможность соотнесения информации из базы данных с реальной местностью и планами раскопов, без каких либо дополнительных вычислений. Эту группу признаков можно дополнить еще тремя пунктами, которые позволяют отмечать ориентацию кремня в слое и его наклон.

Во-первых, в зависимости от точности первоначальной фиксации находки заполняется обычно только одно из полей «Сектор» или «Дециметр», во избежание избыточной информации.

Ко второй группе признаков, по которым описывается объект, относится собственно название находки, категориальная принадлежность, а также определение фрагментированности находки, ее относительных параметров, наличие у нее первичной корки, патины, следов обожженности, принадлежность к изделиям с вторичной обработкой. Эта группа также может быть дополнена различными характеристиками объекта, в том числе и метрическими.

И, наконец, третья группа – это инвентарная принадлежность находки. Сюда входят:

1. Год раскопок.
2. Номер коллекции.
3. Номер по описи.
4. Индекс объекта в файле базы данных.

Помимо этих трех групп существует так же поле примечаний, рассчитанное на введение произвольной текстовой информации.

2. Ввод информации. Организация пространства дисплея

При разработке базы данных особое внимание уделялось процессу занесения информации в базу данных и легкости его последующего визуального восприятия на дисплее, отчего зависит скорость работы, сведение возможных ошибок к минимуму. Для этого каждому объекту было создано отдельное «окно», которое можно условно разделить на две части. В одной части окна располагаются поля признаков со списками их возможных значений, в другой — поля признаков, обладающих постоянными для данного файла значениями (Год, Коллекция), признаки логического формата, определяемые значениями «да» – «нет» и поля, показывающие значение признаков, выбранных из списков.

Поля «Категория», «Буква», «Цифра», «Дециметр», «Сектор», «Слой», «Параметры», «Фрагмент», «Конец » и «Номер по Описи» снабжены списками их возможных значений, из

[1] В зависимости от точности первоначальной фиксации находки заполняется обычно только одно из полей “Сектор” или “Дециметр”, во избежание избыточной информации.

которых пользователь выбирает необходимые для описания данного объекта. При этом пользователю изначально открыт или весь список или его значительная часть, что сокращает процесс его «перелистывания». После выбора одного из значений, оно автоматически высвечивается в поле того же признака в результативной части экрана. Создание списков связанно с двумя основными причинами. Во-первых, выбор значения гораздо быстрее его ручного ввода, а во-вторых, при этом практически сводится к нулю возможность опечаток, что очень важно, учитывая с одной стороны рутинный характер работы, а с другой – важность правильного занесения информации для последующего статистического анализа.

Таким образом, организация пространства экрана в базе данных с одной стороны способствует упрощению процесса ввода информации, а с другой помогает ее визуальному восприятию, так как все результаты описания сконцентрированы в одном углу дисплея.

3. Анализ материала средствами информационной системы, получение документов

Одним из важнейших качеств нашей информационной системы является возможность разносторонней обработки данных. При этом речь идет не только об ускорении процесса анализа находок, но и о качественно новых способах работы с материалом. Исследования, проводимые с применением базы данных «Археологические материалы каменнобалковской верхнепалеолитической культуры», можно условно разделить на три группы.

К первой относятся запросы или выборки, производимые самой программой Ms Access. Речь идет о создании списка предметов, удовлетворяющих некоему условию. Условием может являться набор любых значений того или иного признака, присущего объектам базы. При этом возможно задание одного или нескольких условий на выборку. Этим способом определяется статистическое распределение находок на заданной площади, плотность насыщенности культурного слоя находками и т.д. Результаты запроса можно оформить как в численно-текстовом виде, так и с помощью диаграмм. Необходимо отметить, что все операции подобного рода производятся в терминах предметной области и не требуют от пользователя создания логических выражений.

Вторая группа исследований носит на данный момент экспериментальный характер. Это применение многомерного статистического анализа, который позволяет выделять некие территориальные конгломераты внутри памятника. Данное построение основывается на определении в качестве объекта единицы площади и придачи ему некого количества признаков. Под признаками в данном случае понимается отношение находок с определенными характеристиками к площади, на которой они располагаются (например, плотность первичного кремневого инвентаря в секторе С квадрата Б5). Затем программа проводит анализ корреляционных связей данных объектов в N-мерном пространстве признаков (где N – количество признаков). На основании этого анализа выделяются территории со сходными чертами в составе и количестве материала. Это позволяет не только уточнять границы производственных комплексов стоянок, но и выявлять те объекты культурного слоя, которые невозможно определить визуальным путем. Помимо этого при использовании факторного анализа выявляются характеристики находок, которые имеют наибольший вес при выделении данных кластеров. Так же имеется возможность использования других форм статистического анализа при помощи пакета «Статистика», совместимого с базой данных.

И, наконец, третьим видом обработки информации с помощью электронной базы данных является геомоделирование. На основании описания координат находок производится построение двух- и трехмерных планов культурного слоя. С этой задачей успешно справляется программа Surfer, совместимая с пакетом Ms Office. Подобное моделирование позволяет увидеть все особенности ландшафта залегания артефактов в трехмерном пространстве, отметить на нем места расположения находок и, исказив его, сделать более рельефным, облегчив тем самым его восприятие. Непосредственно для изучения Каменной Балки 2 очень важно отражение в объемных моделях культурного слоя таких объектов, как очаги, участки зольности, скопления кремня и кости, а также ходов роющих животных и черноземных трещин. По кротовинам и трещинам, которыми изобилует культурный слой стоянки, артефакты зачастую перемещались на расстояние до 10 м. Проследив с помощью трехмерного моделирования перемещение артефактов, можно установить их координаты на момент формирования слоя. Результаты ремонтажа кремневых изделий Каменной Балки 1и 2 также могут быть отражены в объемных моделях слоя, что позволит определить вероятные связи различных производственных объектов и микрогоризонтов.

Информационная система «Археологические материалы каменнобалковской верхнепалеолитической культуры» предоставляет широчайшие возможности для экспорта информации в печатном виде. В первую очередь необходи-

мо сказать об отчетах, которые могут представлять собой как полные варианты описей, так и распечатку результатов отдельных запросов. Существуют различные варианты решения внешнего вида подобных отчетов и сводок с включением или удалением из них тех или иных показателей. Подобные документы можно иллюстрировать диаграммами, отображающими результаты тех или иных перекрестных выборок. Также информационная система способна выдавать трехмерные планиграфические изображения.

Первый опыт использования электронной базы данных «Археологические материалы каменнобалковской верхнепалеолитической культуры» для занесения находок в базу, проведения статистического анализа и геомоделирования культурного слоя из раскопок Каменной Балки II 1997 года доказал эффективность этого подхода к проблеме. И хотя на данный момент основной объем времени занимает процесс ввода информации, база данных находится в состоянии постоянного совершенствования. Процесс этот идет по трем основным направлениям. С одной стороны, мы пытаемся максимально удовлетворить запросы пользователей, связанные, в первую очередь, с ускорением и облегчением процесса ввода данных. Помимо этого, идет также активная работа по выявлению наиболее эффективных способов обработки археологического материала с использованием возможностей базы данных как в области статистического анализа, так и с помощью различных геоинформационных систем, в том числе созданных специально для археологических памятников. И, наконец, третьим направлением совершенствования базы данных является ее универсализация, стремление к созданию единой системы, способной работать с любыми памятниками верхнего палеолита.

ЛИТЕРАТУРА

Леонова Н.Б., 1990. Возможности планиграфии и микростратиграфии при современных полевых исследованиях. // КСИА N 202, М.

Миньков Е.В. 1990. Методика полевых исследований на верхнепалеолитических памятниках Каменная Балка I и Каменная Балка II // КСИА N 202, М.

Смирнов А.С., 1995. Компьютерные базы данных в археологии // Базы данных в археологии, М.: 3-9.

David Schloen, 1998. Database Desigh and the Electronic Publication of Archaeological Information // 26th Computer Applications in Archaeology, Barselona, p.97.

Sonneville-Bordes, D.de, 1974. The Upper Palaeolithic // France before the Romans, Noyes Press, Park Ridge, New Jersey, pp.30-60.

26th Computer Applications…, 1998. 26th Computer Applications in Archaeology, Barselona, pp. 14, 26, 33, 43, 56.

Левицкий О.Г., Борзияк И.А.

НОВЫЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК ТИПА ГОРДИНЕШТЬ I НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ МОЛДОВЫ

O. Levitsky, I. Borziac. The New Palaeolithic monument of the Gordineshti I type in the North-West of Moldova.

The site of Gordineshti I remained until recently isolated in the Late Palaeolithic of Moldova due to its stone inventory structure. After the publication of the material of the site Ripicheni-Izvor (Paunescu, 1993) it became clear that one of the layers, even two, related by the author to the Aurigniac has a great resemblance with the materials of Gordineshti I. Thus, in the Middle Prut area a new Late Palaeolithic culture is being revealed, which alongside with its Mousterian traditions in the knapping of stone has a specific inventory with a great number of beautifully worked bifacial points of various types that are encountered together with side-scrapers, flat and broad scrapers and with a little presence of Gravittian features. At the investigation of a multi-layer site of Trinka-Izvorul lui Luca (Bronze epoch, different stages of Halstat) on the surface, in prospecting shafts there were revealed more than 300 of flint objects which after the analysis turned out to be analogues to the materials of the site of Gordineshti I by raw materials, by technics of primary and secondary working and by inventory structure. The distance between them is no more than 7 km. Thus, with the discovery of these materials to which the article is dedicated one can talk with more confidence about the existence of a New Late Palaeolithic culture which we call "Prut' culture. This name has already entered the literature, but until a satisfactory identification of the culture is given we consider the name preliminary. It is quite possible that it will enter as a variant the general complex of "Aurigniacian" cultures of Central Europe.

В I973-I976 гг. в северной части Республики Молдова был открыт и исследован интересный позднепалеолитический памятник — Гординешть I (Борзияк 1984). На стоянке достоверного культурного слоя со следами обитания не обнаружено. Культурный слой в виде кремневых изделий, мелких фрагментов костей был во взвешенном состоянии; находки залегали лишь на отдельных участках небольшого раскопа (около 100 кв.м). Но, несмотря на малоинформативную планиграфию культурных остатков, здесь удалось обнаружить каменную индустрию верхнепалеолитического облика, отличную от ранее известных (или не опубликованных) в этой зоне.

При позднелеваллуазской технике скалывания, которая имела прямой выход на позднепалеолитическую подпараллельную, выявлены компоненты типологии, характерные как для мустьерской, так и для верхнепалеолитической типологии. Преобладала верхнепалеолитическая типология, но большинство заготовок для изготовления орудий имели мустьерский облик (фасетированные ударные площадки).

При этом в типологии, наряду со скребками неграветтского облика и редкими резцами, при практическом отсутствии пластинок с притупленным краем выявлены многочисленные целые и фрагменты двустороннеобработанных наконечников. Вся эта гамма типологических проявлений в совокупности не характерна как для ориньякских, так и для граветтских памятников региона (Борзияк 1994: 27).

Казалось, что этот памятник — изолированный в культурном отношении, и для первых публикаций было предложено выделить его в отдельную «Прутскую» археологическую культуру позднего палеолита данной зоны (Борзияк 1984). В 1993 году была опубликована монография А.Пэунеску о культурных остатках различных палеолитических слоев на стоянке Рипичень-Извор, среди которых, к нашему удивлению и, естественно, удовлетворению, имеются два слоя (IIа и IIб), относимых А.Пэунеску к ориньяку, но которые по своей структуре инвентаря, содержанию типов очень близки к инвентарю стоянки Гординешть I.

Ввиду этого, начала более четко очерчиваться «Прутская верхнепалеолитическая культура», как ее теперь понимаем — как один из вариантов позднего ориньяка с двусторонними формами в этой зоне (Борзияк 1994: 26).

О соотношении упомянутых двух слоев стоянки Рипичень-Извор со стоянкой Гординешть I будем говорить ниже, сейчас же представим материалы вновь открытой стоянки, которая может оказаться перспективной для исследования и которая, вероятно, относится к этому же кругу памятников.

Стоянка Тринка-Изворул луй Лука (дальше, для упрощения названия этой палеолитической стоянки — Тринка-Лука) выявлена в 1981 году

© Левицкий О.Г., Борзияк И.А., 1999.

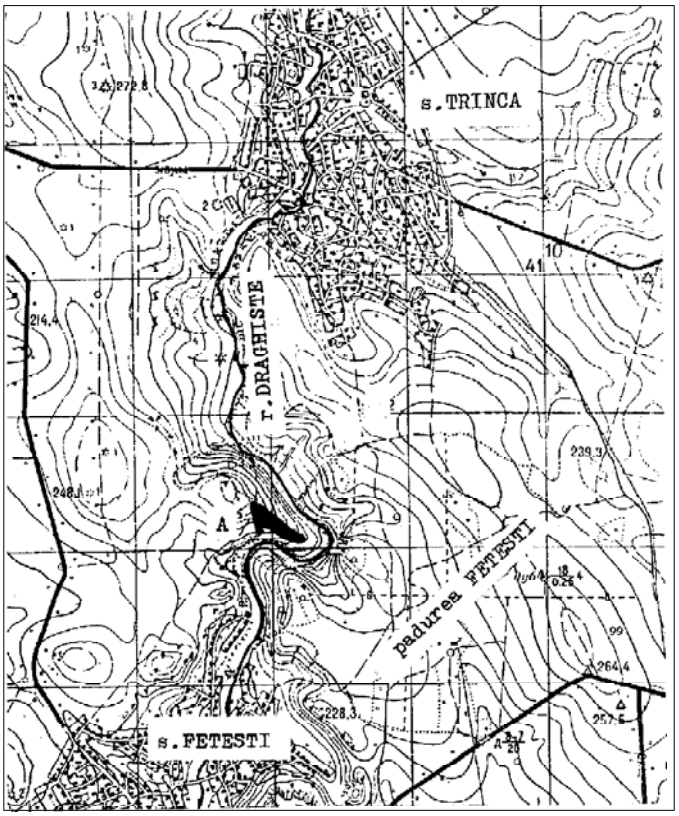

Рис. 1. Карта расположения многослойного памятника Тринка-Изворул луй Лука, на территории которого отмечены кремневые изделия типа Гординешть I.
А — местоположение памятника.

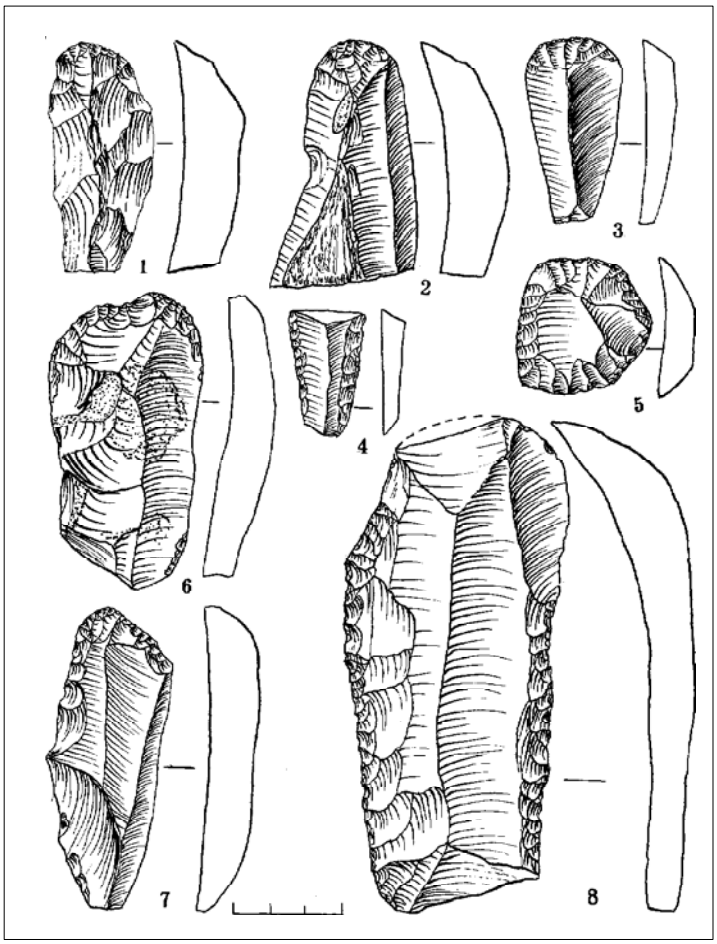

Рис.2.Кремневые изделия верхнего палеолита с поселения Тринка-Изворул луй Лука. 1-3, 5-7- скребки; 4 — ретушированная пластина; 8 — двойное скребло.

одним из авторов этой статьи, когда на ее месте наряду с материалами различных археологических культур гальштатского времени и трипольской культуры были собраны на поверхности отдельные позднепалеолитические кремни. Но, так как кремни подобного рода на северо-западе Молдовы встречаются чуть ли не на каждом всхолмлении, то им тогда не придавалось особое значение.

Особенное внимание уделялось впоследствии при раскопках поселения Тринка-Изворул луй Лука материалам голоценного возраста (Левицкий 1995: 47-57), но попутно при раскопках собирались и палеолитические материалы, которые по различным причинам оказывались в сфере влияния исследований.

Многослойный археологический памятник Тринка-Изворул луй Лука находится в 2,5 км к югу от южной окраины села Тринка, Единецкого района Молдовы, в местности «Изворул луй Лука». Памятник занимает почти всю площадь мыса, сформированного излучиной реки Драбиште (левый приток Прута), на правом ее берегу. Мыс ориентирован с северо-запада на юго-восток. Тыльная сторона мыса прислонена к гряде известняков, которые обнажаются в этом месте, и имеет максимальную высоту в 213,5 м. На юго-востоке он постепенно понижается до 183,3 м, имея по верхушке уклон в 2,7 градуса. Относительная высота мыса от уровня реки Драбиште колеблется между 40 и 30 м. Пологие склоны мыса заняты лесом, с северо-запада он защищен известняковой грядой. Поверхность мыса периодически вспахивается (рис. I).

С поверхности мыс сложен голоценовыми отложениями, которые плащеобразно покрывают почти всю его поверхность. В этих отложениях залегают остатки поселений позднего триполья и различных периодов фракийского гальштата. Некоторые сооружения этих культур (ямы различного назначения, полуземлянки, ямы от печей для обжига керамики и др.) углублены в нижележащие отложения, которые представлены суглинками, глинами и ниже — обломочным материалом выветренного известняка, который подстилает четвертичные отложения. Мощность горизонтов четвертичных отложений еще не ясны, но, по предварительным оценкам, они достигают 3-5 м.

В процессе работ на памятнике собрано более 300 кремневых предметов, которые, судя по патине, технологии расщепления и морфологии орудий труда, относятся к позднему палеолиту. Большинство из них происходит из выбросов грунта при выкапывания ям и других углублений в суглинках, о которых мы говорили выше. Не исключено, что на месте многослойного памятника имеется и культурный слой позднего палеолита.

Хотя фаунистические остатки в гальштатских и трипольском слоях достаточно представительны, пока нет достоверных данных об их присутствии в предполагаемом позднепалеолитическом слое.

Коллекция кремневых изделий позднего палеолита насчитывает 327 предметов.

В качестве сырья использовался черный и серый меловый желвачный кремень высокого качества местного происхождения. Большинство изделий покрыты белесоватой и голубоватой патиной, что отличает их от кремней из голоценовых слоев, которые лишены патины.

Среди продуктов первичного расщепления имеются: обломки нуклеусов — 7 экз., пластины и их обломки — 54 экз., краевые сколы с нуклеусов — 7 экз., сколы оживления ударных площадок — 3 экз., отщепы и их обломки представляют остальные предметы.

Судя по находкам, здесь практиковался подпаралелльный прием скалывания. Однако на более чем 30 предметах отмечены подправленные и ретушированные ударные площадки — факт, говорящий о достаточно архаичной для позднего палеолита индустрии. Параметры изделий — средние и крупные, хотя имеются среди них и мелкие изделия.

Орудия труда в коллекции представлены 72 предметами. Среди них имеются типичные для позднего палеолита изделия — скребки, резцы, пластины с ретушью, бифасы, но и атипичные — выемчатые изделия, отщепы ретушированные, зубчатые изделия.

Скребла в коллекции представлены 3-мя экземплярами (рис.2, 8; рис.4, 13). Среди них выделяется крупный экземпляр, изготовленный из длинной и широкой пластины, изогнутой в профиле. Ее боковые, почти прямые края обработаны крупной полукрутой ретушью, заходящей на спинку заготовки. Длина предмета — 13,5 см, наибольшая ширина — 6 см. Протяженность лезвий — 8 и 11 см.

Второе скребло изготовлено из массивного подтреугольного отщепа с гладкой и широкой ударной площадкой. Лезвие скребла оформлено с дорсальной плоскости заготовки и обработано полукрутой систематичной ретушью. Оно относится к одинарным прямым. Третье скребло изготовлено из пластины. Слегка выпуклый рабочий край обработан систематичной ретушью полукрутого характера.

Острия представлены 2-мя экземплярами. Оба изготовлены из широких пластин, и оба фрагментарны (рис.4, 6,8). Первое из них сломано с обоих концов, а сходящиеся края обработаны полукрутой ретушью. Второе острие несколько асимметрично, а края обработаны мелкой регулярной ретушью.

В коллекции имеются 3 бифаса, относимые нами к наконечникам копий или дротиков. Один предмет целый, другие два — представлены обломками. Целый экземпляр имеет листовидную форму и округлое основание (рис.3, 15). Его размеры 5,4 х 3 х 1,1 см. Наибольшая ширина приходится на середину предмета. Одна

сторона сравнительно плоская, другая — слегка выпуклая. Обе стороны предмета утоньшены плоскими сколами, а края обработаны мелкой ретушью, которой они выровнены.

Второй бифас представлен дистальной половиной. Косой след слома с заусеницей с одной стороны, возможно, указывает на то, что предмет был сломан не в процессе изготовления, а при давлении на него с одной стороны. Сходящиеся края слегка выпуклы. Плоские стороны тщательно утоньчены плоскими сколами, а края отретушированы. Размеры фрагмента — 7,5 x 4,5 x 0,7 см. Наконечник крупнее, чем вышеописанный, и длина его достигала не менее 9-10 см (рис.5, 1).

От третьего наконечника сохранилась проксимальная половина с округлым основанием. Одна сторона полностью покрыта негативами плоских снятий, вторая — лишь частично (рис.5, 4).

Скребки представлены 20 экз. (рис.2, 3, 5-7; рис. 3, 1-8, I2). Среди них имеются: округлый (рис.2, 5), концевые из толстых пластин (рис. 2, 1,2,6,7), ладьевидные (рис.3, 6,7), высокой формы, простые концевые из пластин. У некоторых скребков боковой или боковые края отретушированы полукрутой, порой ступенчатой ретушью. Имеется скребок со стрельчатым лезвием (рис. 4,5), а другой с выпрямленным лезвием (рис.4, 2).

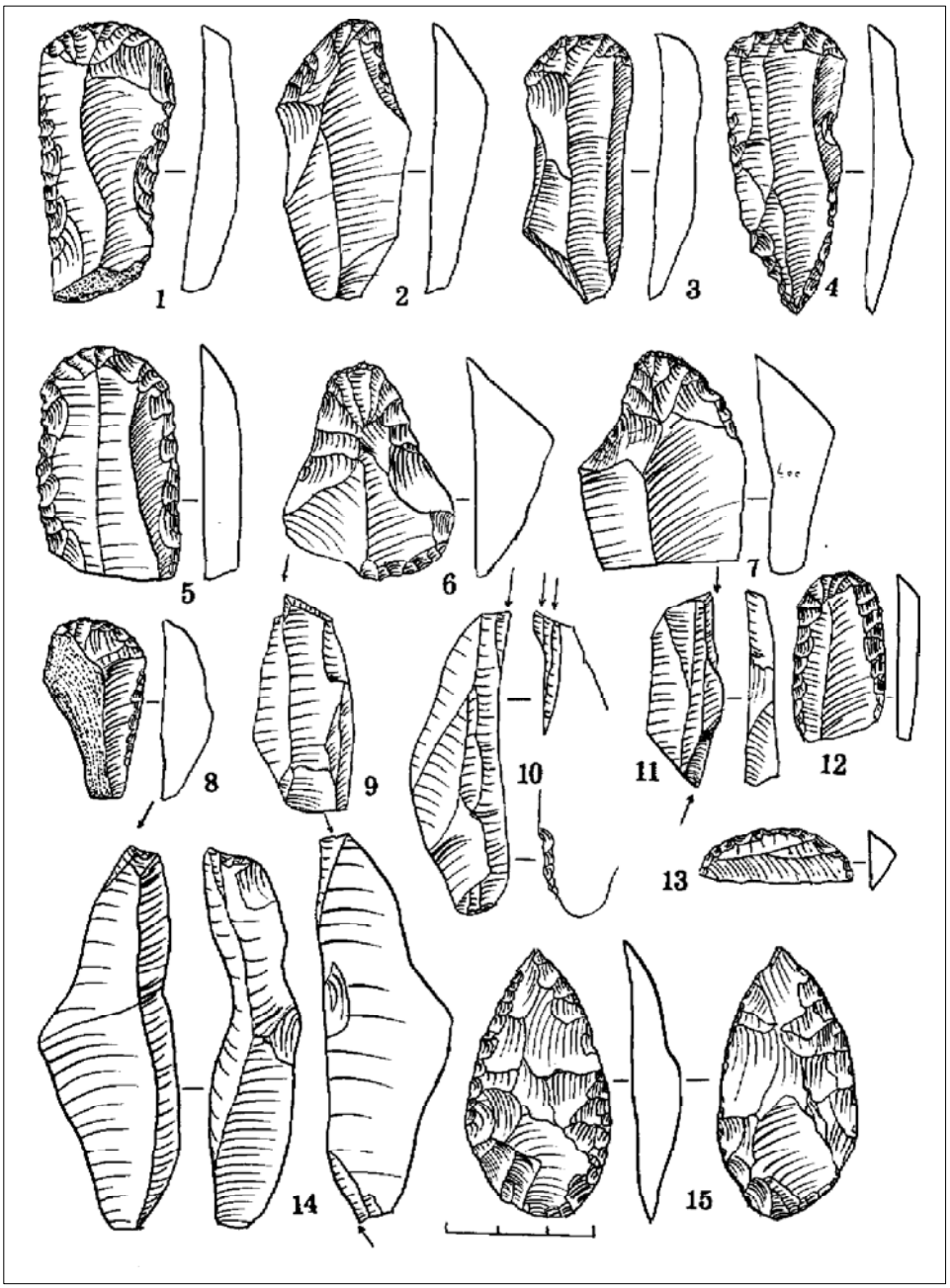

Рис.3.Кремневые изделия верхнего палеолита с поселения Тринка-Изворул луй Лука. 1-8,12 — скребки; 9-11,14 — резцы;13 — сегмент; 15 — листовидный бифас с округлым основанием.

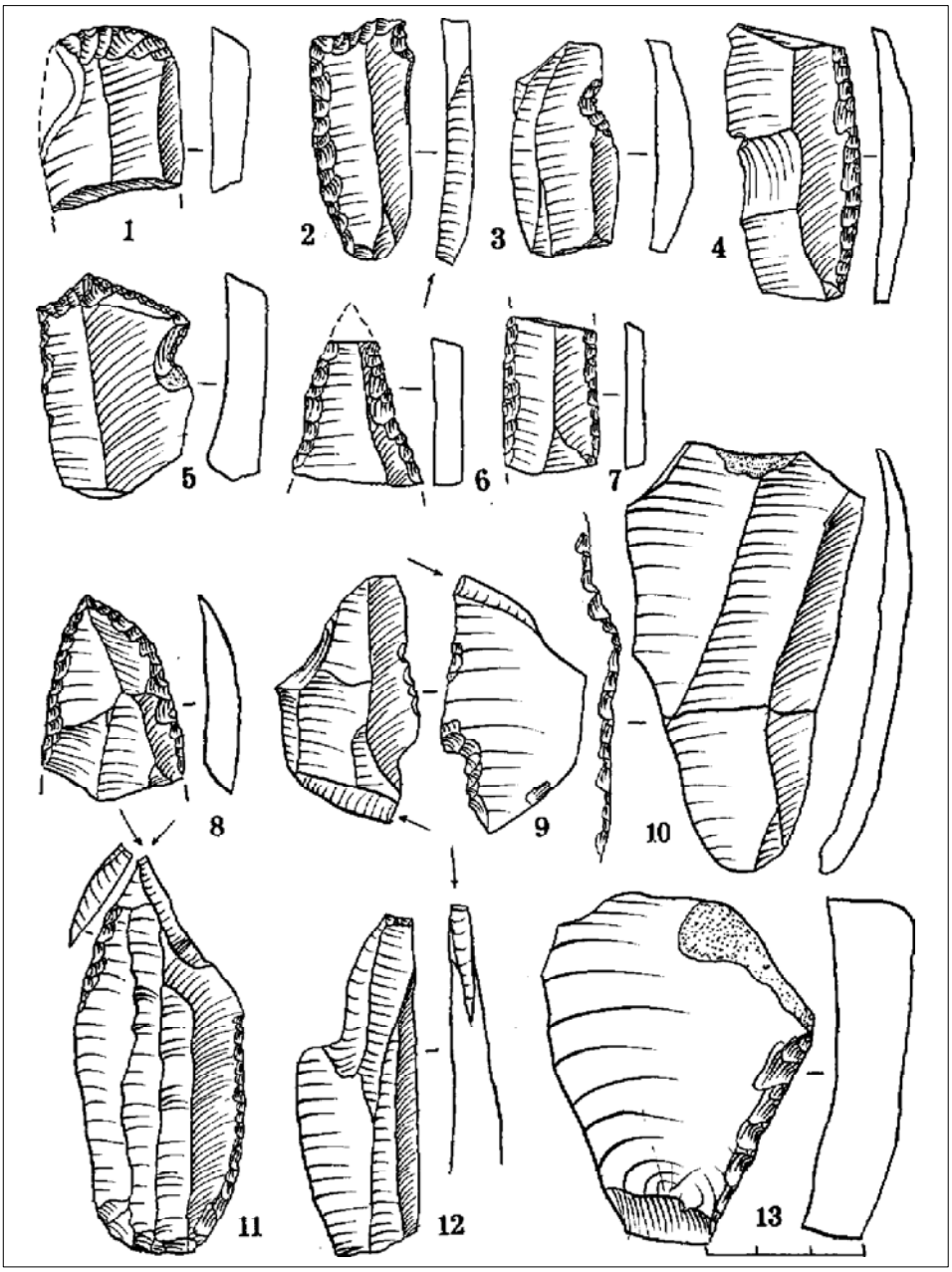

Рис.4. Кремневые изделия верхнего палеолита с поселения Тринка-Изворул луй Лука. 1,2,5 — скребки; 3,4,7, 10 — ретушированные пластины; 6,8 —острия; 9,11,12 — резцы; 13 — скребло.

Резцы представлены 11 экз. Среди них 7 из пластин и 4 из отщепов. Боковые представлены лишь одним маловыразительным экземпляром (рис. 4, 22). Остальные экземпляры представлены срединными формами (рис. 3, 9-12; рис. 4, 9, 11). Два из них — двойные.

Остальные орудия представлены ретушированными пластинами (рис.2, 4; рис. 4, 7), выемчатыми орудиями (рис. 4, 3), пластиной (крупной) с притупленным краем, ретушированными отщепами.

Следует особо отметить изделие типа сегмента (рис. 3, 13), изготовленное из сравнительно толстой пластины. Его дугообразный край обработан полукрутой ретушью.

Вот краткое описание данного орудийного комплекса. Структура инвентаря этого комплекса достаточно своеобразна. В нем сочетаются скребла, бифасы, ориньякоидные скребки и практически отсутствуют граветтоидные черты (пластинки с притупленным краем, боковые резцы). По структуре этот инвентарь сходен с материалами стоянки Гординешть I, которая расположена в 4 км восточнее местонахождения Тринка-Лука, в долине Рэковца. Обе стоянки расположены в сходных геоморфологических условиях, имеют тот же кремень с голубоватой патиной и легким характерным люстражем, имеют ту же структуру инвентаря. В Гординештах пока нет сегментов, но зато бифасы обоих

памятников сходны как по формам, так и по характеру обработки (Борзияк 1984: 17-35).

Мы уже отмечали, что наиболее близкими к Гординештам памятниками являются стоянки слоев IIa и IIб стоянки Рипичень-Извор (Борзияк, Кетрару 1995: 377-383). Разница лишь в том, что материалы указанных слоев стоянки Рипичень-Извор более многочисленны, так как там раскопана несравненно большая площадь в сравнении с Гординештами. В слое IIв наряду с листовидными наконечниками имеются подтреугольные с вогнутым основанием (Păunescu 1993: 150, рис.95,20), такого же типа, как в Гординештах. Только здесь имеются, кроме других типов, и сегменты, чего пока нет в Гординештах.

А.Пэунеску относит указанные слои к оринья-

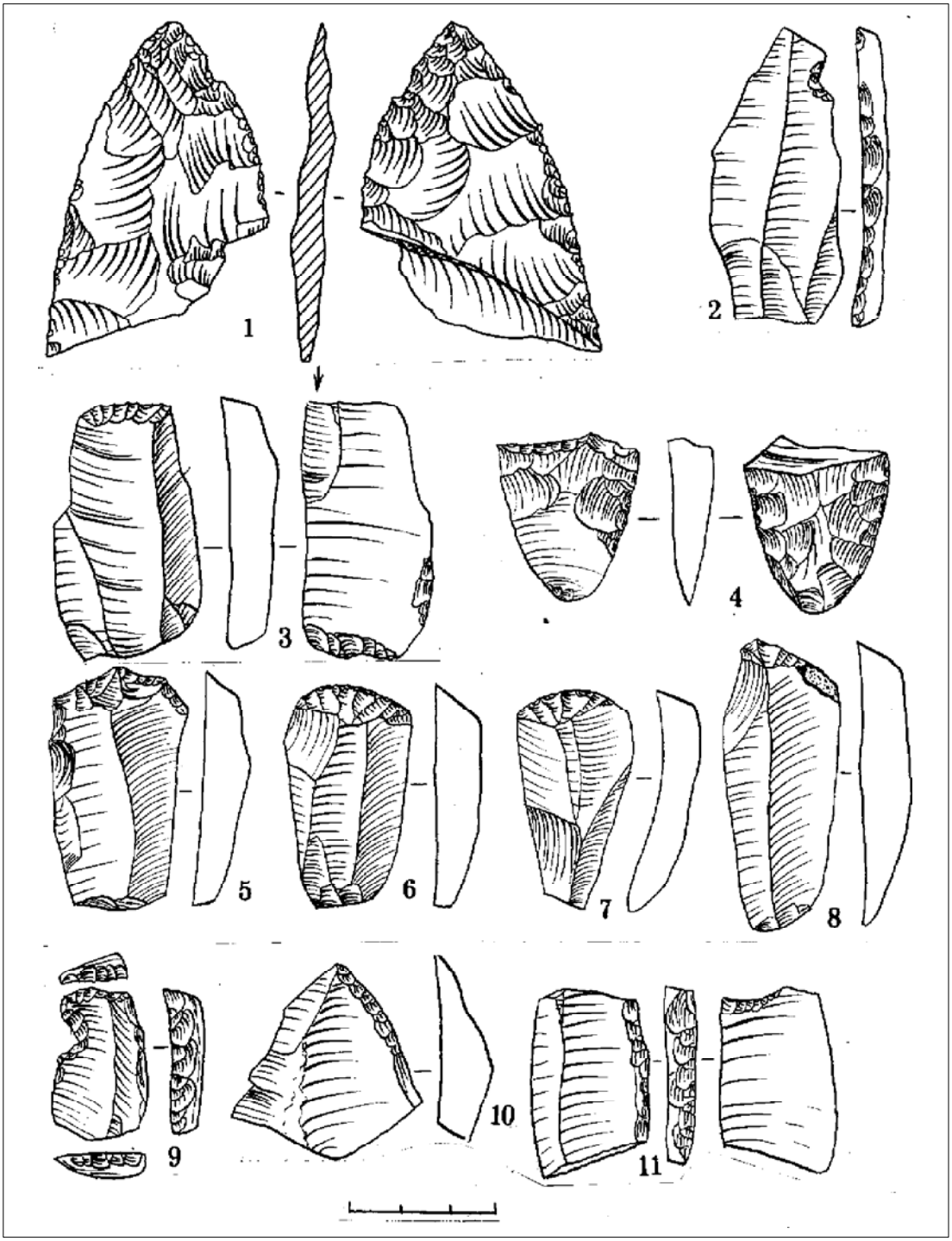

Рис.5. Кремневые изделия верхнего палеолита с поселения Тринка-Изворул луй Лука.1,4 — обломки бифасов; 2,11 — крупные пластины с притупленным краем;3 — боковой резец с подработкой с нижнего конца заготовки; 5-8 — скребки; 9 — комбинированное орудие; 10 — подтреугольный отщеп с ретушью (скребло ?).

ку. Мы ничего против этого не имеем, только отметим, что эти слои, вместе с гординештской стоянкой, а также с материалами Тринки-Лука могут быть включены в Прутскую верхнепалеолитическую культуру (Borziac 1994: 35). Возможно, эта культура и имеет ориньякоидный облик, но она обогащена двусторонними формами и сегментами. Кроме слоя IIв и Тринки-Лука, сегменты в зоне Среднего Прута в четких стратиграфических условиях встречены в нижнем слое стоянки Корпач (Борзияк, Григорьева, Кетрару 1981: 74), однако на этой стоянке бифасы несколько отличны от Рипиченьских и Гординештских, и в указанном слое больше граветтоидных черт. Не исключено, что эти различия имеют хронологическое объяснение. Вероятно, Гординешты I и указанные слои стоянки Рипичень-Извор более древние, чем нижний слои стоянки Корпач, но для проверки этой гипотезы нужны точные радиоуглеродные даты.

В любом случае, открытие материалов Тринки-Лука расширяет наши знания об этом варианте позднего палеолита данной зоны и делает вновь открытую стоянку перспективной для исследований.

ЛИТЕРАТУРА

Борзияк И.А., Григорьева Г.В., Кетрару Н.А. 1981. Поселения древнекаменного века на Северо-Западе Молдавии. Кишинев.

Борзияк И.А. 1984. Верхнепалеолитическая стоянка Гординешты I в Попрутье. Кишинев.

Borziac I. 1994. Paleoliticul şi mezoliticul in spaţiul dintre Nistru şi Prut // Traco-Dacica. XV. 1-2. Bucureşti. P.19-41.

Borziac I., Chetraru N. 1993. Alexandru Păunescu. Ripiceni-Izvor. Paleolitic şi mezolitic. Studiu Monografic. Bucureşti // Anualul Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei. II. Chişinău. 1995. P.377-383.

Leviţki O. 1995. Investigaţiile arheologice de la Trinca. raionul Edineţ. Republica Moldova // Cercetări arheologice in aria Nord-Traca. I. Bucureşti. P.247-279.

Păunescu A.1993. Ripiceni-Izvor. Paleolitic şi mezolitic. Studiu Monografic. Bucureşti.

Кобалия Д.Р.

ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ЮРЬЕВКА-I

D.R.Kobalia. The Late Palaeolithic Site of Iurievka I.

The location of the site is connected with a high cape on the rigpt bank of the river Lozovatka by the village of Iurievka of the Zaporojie area. A partially preserved cultural layer of the monument is in the loes deposits at the 60-70 m depth from the surface. The studying of this layer on the area of 133 m^2 was executed by the expedition of O.V.Tuboltsev in 1993.

The inventory of the monuments comprises almost 100 flint tools. Among them thece are side cutters on the plates, points in the shape of willow leaves (retouched from both sides), micro-plates with a backed edge and worked ends. They combine with cone and blade nucleuses, devoid of regular cutting. According to a number of characteristic features the collection of Iurievka finds analogues with the monuments of the stone-beam type.

Стоянка Юрьевка была впервые обнаружена в результате разведок Запорожского Государственного Университета в 1986 году. Разведочные работы осуществлялись под руководством Г.Н.Тощева, С.И.Андрух. Необходимость исследовательских работ была вызвана разрушением памятника в силу ряда природных условий.

Стоянка расположена у юго-западной окраины села Юрьевка Приморского района Запорожской области на высоком мысообразном выступе, образованном рекой Лозоваткой и ее правым притоком — р.Криничной. В основании мыса залегает кристаллический массив гранитных пород, открытый по всему правому берегу реки. Выше расположены лессовые толщи, постепенно понижающиеся к воде. Культурный слой был частично разрушен при сооружении дорог в послевоенное годы. В образовавшихся траншеях были найдены кремневые изделия, керамика.

В 1993 году здесь производились археологические изыскания. Руководитель экспедиции — О.В.Тубольцев. Разбитые на поселении раскопы N 1 и 2 имели своей целью изучить участок культурного слоя. В связи с тем, что работа носила, в большей степени, ознакомительный характер, объем вскрытой площади небольшой — 133 кв.м. Каждая найденная единица фиксировалась по оси север-юг, оси запад-восток от репера в западном углу каждого квадрата. Так же отмечалась глубина (Z) с целью последующей стратиграфической привязки.

Для Юрьевки 1 можно проследить следующий стратиграфический срез: дерновый слой 0.0-0.1 м., черноземный слой 0.1-0.7 м., гумусированный слой мощностью 0.7-1.0 м., переход к подпочве, как правило, постепенный. Далее — слабогумусированная почва (подпочва): 1.0-1.4 м. Лессовый слой с карбонатовыми включениями в верхней части. Высота памятника над уровнем воды — 12 метров. Раскопки проводились послойно, с последующей зачисткой горизонтов и оставленных бровок. Основная часть рассматриваемого материала располагалась в раскопе 2, находящемся в семи метрах северо-западней квадрата 11 раскопа 1. В бровках квадратов 2,3, 4,10,11 зачищены разрезы двух хозяйственных ям. Обнаруженный материал следует разделить на два слоя: верхний и нижний.

Верхний слой фиксируется в раскопе 1 и датируется энеолитическим временем. Его рассмотрение не входит в сферу данной работы. К вышеуказанному слою так же относится весь остеологический материал и хозяйственные ямы.

Нижний культурный слой концентрировался на глубине 60-70 см. от поверхности и, таким образом, располагался на стыке чернозема и подпочвы. Часть находок обнаружена и ниже, в суглинке.

Сырьем служил разнообразный по качеству и расцветке кремень.

Статистическое распределение изделий стоянки таково: нуклеусов и подправок 2.1% — показатель, по степени экономичности, близкий группе памятников Ямы, Говоруха, Амвросиевка (Кротова 1986а: 84). Отщепы и пластины без желвачной корки — 27.5 и 30% соответственно, процент орудий 13.7 — это даже выше, чем в группе Янисоль, Федоровка.

По всей видимости, район отличается высоким уровнем экономичности производства,

© Кобалия Д.Р., 1999.

его рациональности.

Обломки и отходы не превышают 5-ти процентов, что может быть объяснимо высокой степенью их утилизации. Для первой группы этот показатель составляет 11-15%, для группы 2 еще выше (Кротова 1986а: 84). Полный цикл кремнеобрабатывающего производства, по мнению А.А. Кротовой, присущ стоянкам, чем дальше ее местоположение от источников сырья, тем более рациональным является производственный процесс (Кротова 1986а: 86).

Согласно расчетам, Юрьевку можно расценивать как памятник с высоким уровнем экономичности производства, близким первой группе. Удаление таких объектов от сырьевых баз могло достигать от нескольких десятков до нескольких сотен километров (Кротова 1986а: 89).

В Юрьевке обнаружено 93 изделия, имеющих следы вторичной обработки, что составляет 19.9%. Из них 67 имеют различную ретушь — 72.1% от общего количества изделий со вторичной обработкой. Изделий с резцовым сколом — 27 (29.0%), с подтеской — 5 (5. 3%). 6.3% изделий сочетают в себе два вида вторичной обработки.

На подавляющем числе изделий ретушь наносилась со спинки — 64 или 95.5% от всех изделий с ретушью. Показатель изделий, имеющих притупляющую ретушь на порядок выше изделий с приостряющей и прямой ретушью. Их соответственно: 73.1%, 13.4%, 13.5%.

Распределение основных типов изделий со вторичной обработкой по ширине пластин таково: резцы на пластинах шириной около 15 мм.

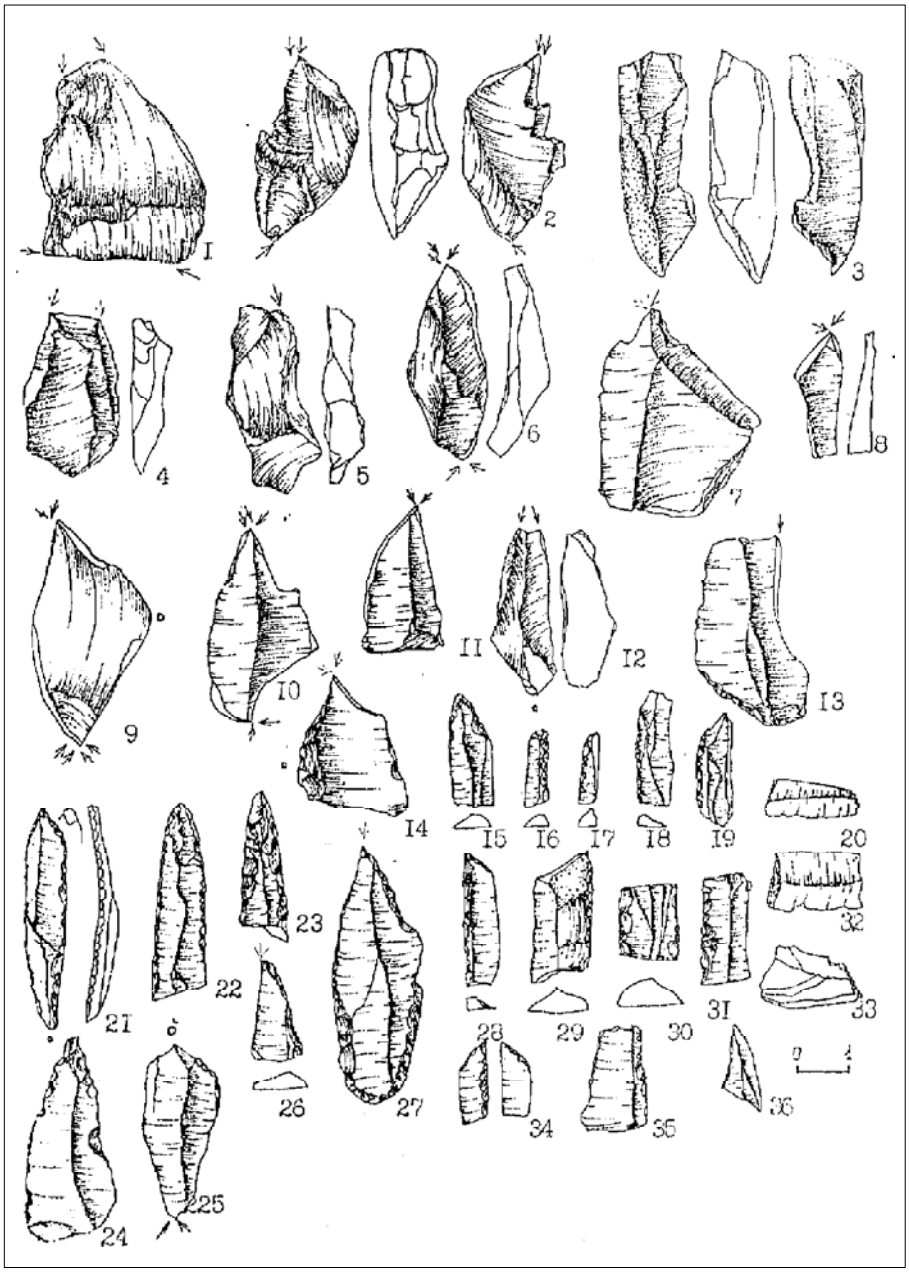

Рис. 1. Орудия нижнего слоя.

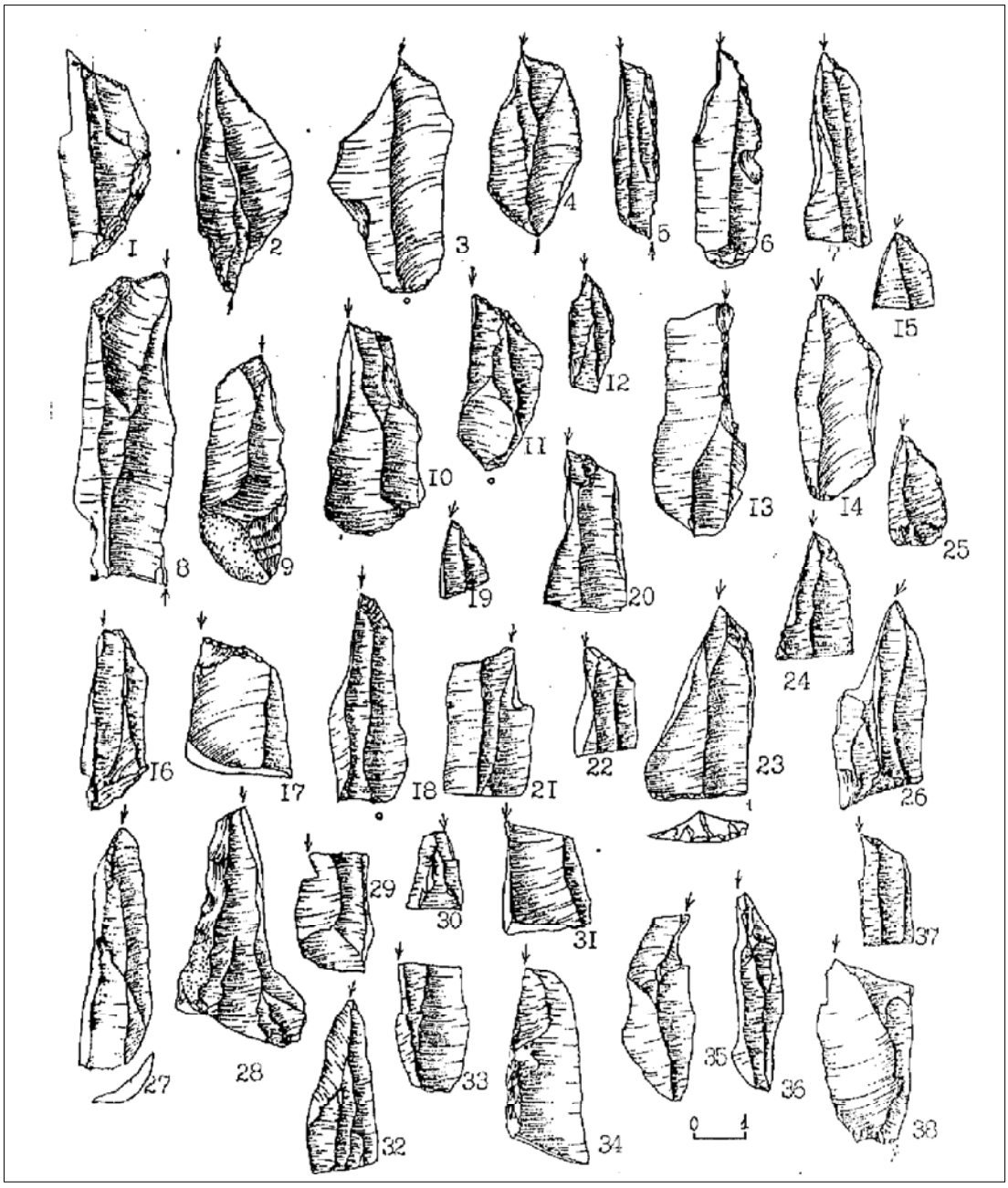

Рис. 2. Резцы нижнего слоя.

— 15 экз. (45.4%) от всех резцов на пластинах и их частях. На пластинах шириной около 10 мм. — 21.2%, шириной 20 мм. — 27.2%. Все, кроме одного, острия расположены на пластинах шириной около 10 мм. Собственно пластины со следами вторичной обработки имеют ширину от 6 до 22 мм.

Скребки: 4 — концевых. Два из них изготовлены на пластинах, 3 — на отщеповых заготовках. Ретушь разнообразна — присутствует как мелкая, так и крупная, иногда оба варианта сочетаются на одном орудии. Тип ретуши так же разнообразен: наблюдается приостряющая, притупляющая, прямая и обрубывающая (рис.4).

Резцы, доминирующие среди орудий, расположены на пластинчатых заготовках, есть также на отщепах. Основная часть — боковые: 22 экз., угловые 6 экз., 4 — срединные. 20 резцов имеют подправку ретушью с дорсальной стороны (рис.1-2).

Острия: обнаружено 7 острий, одно из которых имеет явную листовидную форму, остальные полиморфные, так же приближающиеся к листовидным (рис.1). 6 из 7-ми изготовлены на пластинчатых заготовках, 3 — на медиальной части, 1 — на дистальной. Ретушь на всех остриях притупляющая. На четырех изделиях мелкая, на остальных, соответственно, прямая, крупная и в одном случае комбинированная.

Найдено одно косое острие на медиальной части пластины. Ретушь мелкая притупляющая дорсальная по двум граням, вентральная на скошенной.

Кроме того, обнаружены четыре тупоспинника, проколка надистальной части пластины со следами сработки, одно острие с микрорезцовым сколом (рис.1).

Данные по пластинам без вторичной обработки таковы: пластин шириной от 8 до 15 мм. — 73 (42.4%) от всех пластин; от 16 до 19 мм. — 28 мм.(16.2%); от 20 до 23 мм. 9.8%.

Длина юрьевских пластин в 55.8% случаев не менее 10 и не превышает 20 мм. Метрика отщепов не превышает 30х40 мм. более чем в 90% от их общего числа.

Приведенные данные свидетельствуют о наиболее частом использовании пластинчатых заготовок шириной от 10 до 20 мм., причем эта величина для разных типов орудий несколько варьируется.

Нуклеусы и их обломки в количестве 10 экз. Преобладают клиновидные, есть конические, небольшого размера. Большая часть — пря-

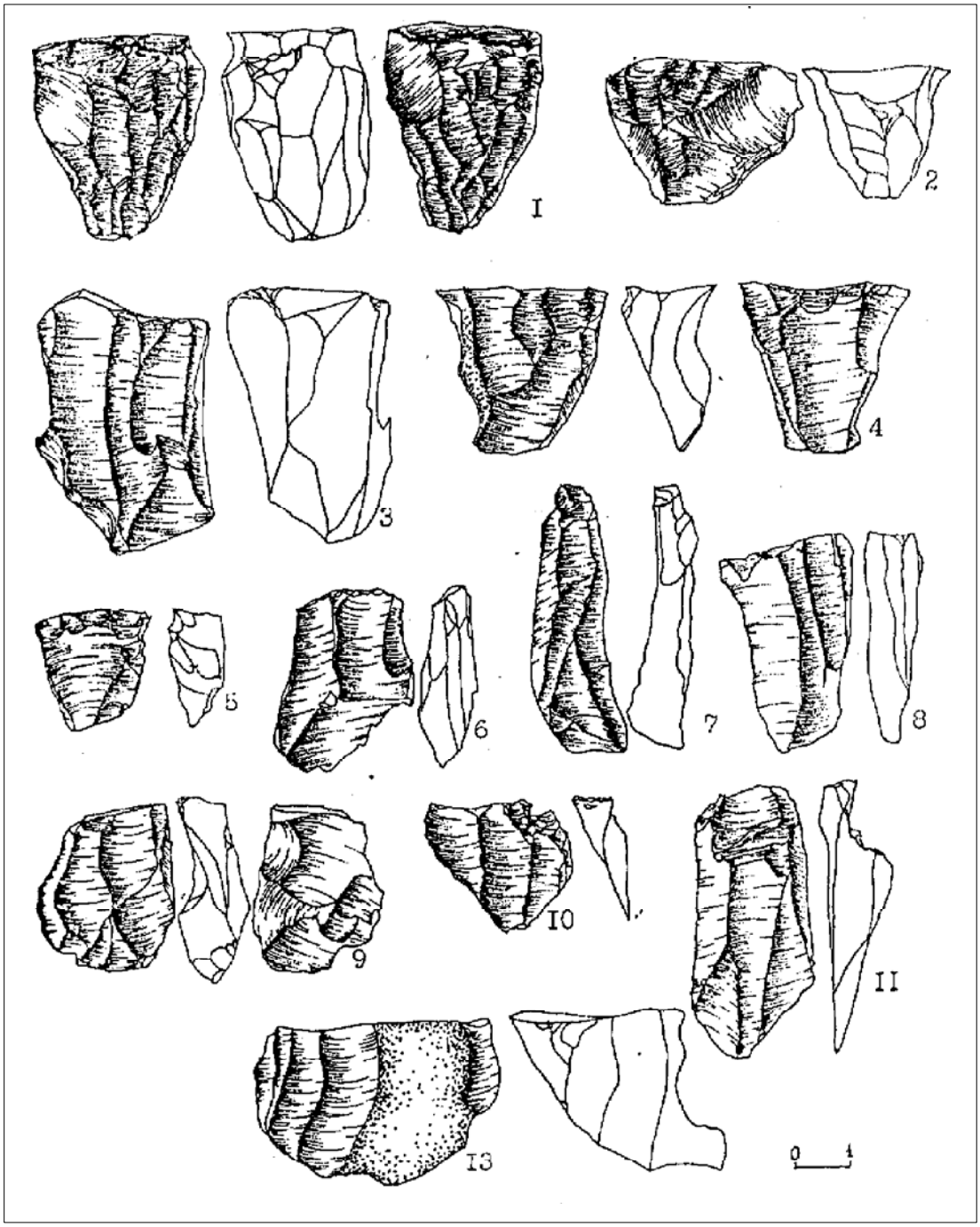

Рис. 3. Нуклеусы нижнего слоя.

моплощадочные. Среди сколов, в основном продольные и только один поперечный (рис.3).

Степень сработанности орудий: из 44 резцов обнаружено только 2 экз., имеющих следы сработанности. Сработаны 2 из 5-ти скребков и 4 из 7-ми острий. Последнее наблюдение все же свидетельствует о хозяйственной деятельности на стоянке, но активность ее должна была значительно уступать производственной.

Планиграфически локализовано несколько обособленных зон.

Наиболее плотно находки располагались в квадратах 4, 5, 6, 9, менее плотно в квадратах 2, 3, 10. Материал из квадратов 1, 7, 8, 12 единичен, в квадрате 11 находок не обнаружено вообще.

Отметим, что объем найденного материала стоянки сравнительно невысок. Здесь он составляет от 1-2 до 25-30 единиц на кв. м., что в среднем на кв.м. составляет 9.3.

Привлекают внимание несколько скоплений кремня, терминологически идентичные «рабочим местам». Их общее количество — 5. Расположены они в одной зоне. Это позволяет объединить их в два производственных комплекса.

Вероятно и наличие производственного центра, однако сравнительно малая изученная площадь не позволяет однозначно ответить на этот вопрос. В то же время мы в праве констатировать присутствие здесь определенного единого комплекса, уходящего в северо-западном направлении под бровку раскопа.

Производственный комплекс 1 в квадрате 5 имеет площадь — 2 кв.м. Границы не достаточно четкие. Комплекс может быть односторонне выделен по ясно видимым скоплениям — «рабочим местам». Общее количество кремневых единиц — 63. Подавляющее число находок — изделия, имеющие первичную обработку, заготовки в виде отщепов и пластин, их 52 экземпляра — (82.5%). Орудия — 6 экз. (9.5%) представлены резцами и скребком, отходы производства — 5 экз. (7.9%) обломки, сколы.

Характерно, что большинство резцов (ширина 15-22 мм., ретушь крупная, притупляющая) и скребок расположены на пластинчатых заготовках, в частности, резцы — на их медиальной части. Один резец расположен на сколе.

Практически все пластины представлены обломанными частями, что затрудняет установить их полную длину. По ширине их можно разделить на три группы, где первая: пластины шириной 12-15 мм. в количестве 9 шт., вторая: 5-8 мм. 4 шт. и третья — пластины шириной более 20 мм. — 2 шт.

На территории комплекса обнаружено несколько осколков, обломков.

Присутствие сколов и обломков говорит о вероятном использовании нуклеусов здесь же, на комплексе, хотя сами нуклеусы отсутствуют.

Производственный комплекс 2 в квадрате 6 (площадь около 3-х кв.м.) складывается из пяти скоплений разного размера с количеством находок от 5 до 20, близко лежащих в одном месте.

Как и в первом случае, для комплекса не характерно общее повышение числа находок по всей площади. Вместо этого прослеживаются несколько близко расположенных скоплений.

Первое в восточном углу квадрата состоит из находок всех трех основных групп: орудий, заготовок, отходов. Обнаружено 9 пластин и их обломков из светлокоричневого прозрачного и серого непрозрачного кремня. Примерно половина имеет схожие пропорции: длина — 34-38 мм., ширина 12-17 мм. Одна пластина шириной 10 мм., и одна 20 мм. 6 отщепов разной ширины, но с преобладанием единиц 17-25х15-18 мм. Цвет кремня тот же. Есть экземпляры желтого цвета.

На скоплении обнаружены три резца. Два из них светлокоричневого цвета, один серый. Метрические данные: 1-й — 35х15, 2-й — 40х17, 3-й — 46х20 мм. Все изготовлены на пластинах. Это позволяет предположить их производство на участке. Здесь же найдены два скола серого цвета.

Второе скопление в юго-восточном углу насчитывает 9 пластин шириной 12-16 мм. Длина, включая длину обломков — 30-45 мм., что в целом повторяет данные по первому «рабочему месту». То же можно сказать и о 2-х боковых резцах на пластинах. Тут же находилось поломанное листовидное острие на пластине светлокоричневого цвета. Ширина 23 мм. с обработкой по одной грани мелкой притупляющей ретушью с брюшка. Так же скол.

Остальные скопления характеризуются преобладанием пластин. Наиболее часто встречаема их медиальная часть. Ширина 7-8, 14-16, 20-25 мм. Цветовая гамма разнообразна.

По всей территории раскопа резцы, как указывалось, чаще боковые на пластинчатых заготовках с параметрами 30-40х15-20 мм. Угловые и срединные встречены в меньшем количестве.

Орудия встречаются и между описанными скоплениями. В их числе: 6 резцов, скобель, сколы.

Статистические данные по комплексу таковы: общее количество найденных единиц — 57. Из них заготовок (отщепов, пластин и их частей) — 77.1%, орудий — 17.5%, отходов — 8.7%.

Данные относительно заготовок и отходов на обоих комплексах фактически идентичны. Количество же орудий на втором комплексе почти в три раза меньше чем в первом.

Планиграфический анализ памятника показывает, что: 1) предварительного опробования сырья на данном участке не производилось. Отбор и проба могли осуществляться в местах добычи. 2) Первичная сработка нуклеусов могла иметь место на выделенных комплексах и, видимо, на еще неисследованной территории объекта. 3) С достаточной вероятностью мож-

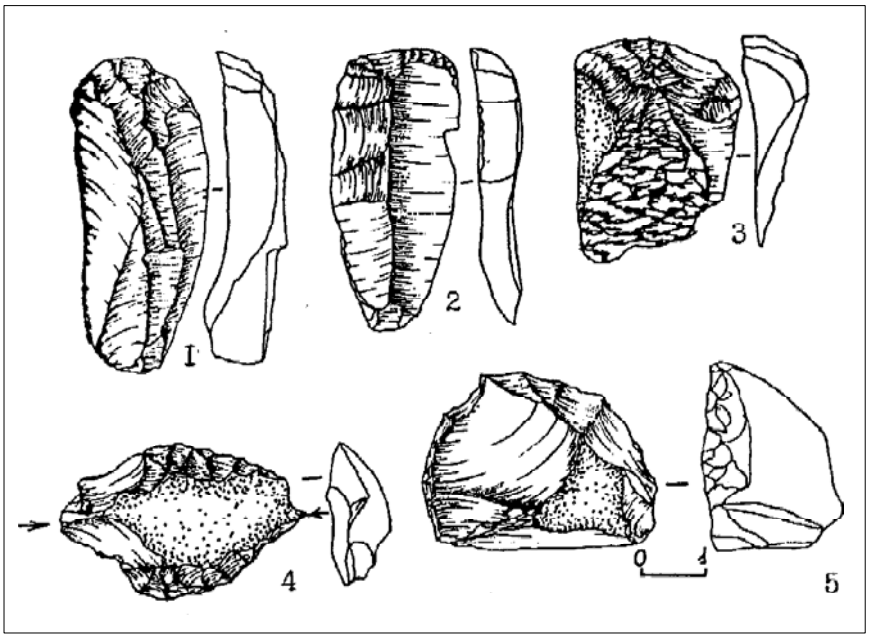

Рис. 4. Скребки нижнего слоя.

но допустить специализированную производственную деятельность в области вторичной обработки.

Уже при первичном анализе стоянка Юрьевка I в плане культурной локализации не имеет прямых аналогий. В то же время выявление определенных тенденций близости известным на данный момент объектам вполне осуществимо.

Немногочисленная коллекция скребков представлена достаточно крупными концевыми орудиями на пластинах подпрямоугольной или неправильной форм. Рабочая кромка не имеет выраженной округлости. Ретушь комбинированная притупляющая с дорсальной стороны (рис.4).

В целом, комплекс скребков характерного палеолитоидного вида.

Наиболее близкие в отношении типологии орудия мы наблюдаем с одной стороны на юго-востоке Украины: памятники Федоровка, слои 1 и 2, Миньевский Яр, Амвросиевка, Янисоль, с другой — в регионе Надпорожья, где наиболее близкими являются Кайстровая балка VI, Ворона II, Подпорожный II, местонахождение Шушваловка. Отметим достаточно сходную форму и в Осокоровке IIIв, относимой Д.Я.Телегиным к раннему мезолиту (Телегин 1982: 76). Следует, однако, оговориться, что ассортимент надпорожских памятников, как позднепалеолитических так и мезолитического, а также слоя 1 Федоровки, несколько шире, и вышеописанные орудия встречаются наряду с укороченными и закругленными формами.

Резцы, в большом количестве встреченные на памятнике, чаще боковые — 50% от общего количества — есть срединные и угловые приблизительно в равном количестве. Подавляющее большинство изготовлено на пластинах, часто с неправильной огранкой (рис.2). Встречаются на отщепах и сколах. Все они, как правило, имеют притупляющую дорсальную ретушь.

Процент боковых резцов Федоровки из слоя 1 равен 47, что близко Юрьевке. Резцы там изготавливались на пластинах, отщепах и массивных сколах (Кротова 1986: 28). Как и в Юрьевке, большинство боковых резцов косоретушированы, однако изделия Федоровки мельче и имеют более правильные формы. Все это говорит о достаточно развитой технологии их производства. Характерно, что ретушированный скос не носит, присущий Юрьевке, выраженный правосторонний характер.

При общем рассмотрении памятников Донецкого региона, несмотря на относительное доминирование резцов, чаще боковых, среди изделий со вторичной обработкой, не выявлено явной морфологической близости группе резцов Юрьевки I. В этом отношении наиболее близким вариантом является надпорожская Ворона II и, вероятно, Кайстровая балка VI (Смирнов 1973: 102), где резцы, как и в нашем случае, самая многочисленная группа орудий, характеризующаяся, однако, сочетанием развитых и примитивных форм. Орудия косоретушированы и имеют чаще правосторонний скос. Единственным существенным отличием является более завершенная огранка пластин.

Для нашего памятника присущи орудия на крупных пластинах с плохой, палеолитоидной, как и в случае со скребками, огранкой, размытыми формами.

Особое внимание привлекают юрьевские острия, имеющие иволистные или близкие им очертания. Орудия изготовлены из узких пластин и оконтурены мелкой притупляющей, иногда крутой, ретушью с дорсальной стороны по обеим граням. Подобная подграветтоидная форма, близкая сегментовидной, включена

Д.Ю.Нужным в выделенный им второй технолого-хронологический этап и определяется как поздний граветт (Нужний 1993: 167). Это позволяет сделать ряд аналогий.

В Донецком регионе очень близкие экземпляры известны в первом слое Федоровки (Кротова 1986: 34), где изготовленные на массивных узких пластинах острия имеют обрубывающую ретушь с обеих или только с одной стороны. Наряду с такими крупными симметричными изделиями на памятнике, правда, обнаружено достаточное количество морфологически подобных острий, но на пластинах меньшего размера или же микропластинах. Последние совсем не встречены в Юрьевке. Автор, в принципе, допускает их возможное наличие.

Подобные иволистные острия с подокруглой базальной частью встречаются на уже упоминавшихся надпорожских стоянках Ворона II, Подпорожный II (Смирнов 1973: 102,107). На Подпорожнем II эти острия встречены наряду с классическими орудиями типа граветт; несмотря на крупные размеры они близки им своей подостренной дистальной частью. Юрьевские острия, в данном случае, имеют близкий к округлому профиль (рис.1).

Переходя к рассмотрению микрокомплекса стоянки отметим, что он весьма немногочислен. Всего насчитывается 13 микропластин с притупляющей и обрубывающей ретушью по краю одной стороны. Ретушь дорсальная за исключением одной пластины. Большинство с необработанными торцами. Торцевая оконечность пластин не однотипна. В число микроизделий входят четыре тупоспинника.

Близким можно считать микроинвентарь той же Федоровки, слой 1, с той только разницей, что в Федоровке обнаружена крупная партия — 86 экземпляров (Кротова 1986: 29).

Довольно скромный ассортимент микроорудий в Юрьевке — 7,5% от всех пластинчатых сколов — не стоит рассматривать как атипичный. Материалы ряда позднепалеолитических объектов имеют сходную картину, например во Владимировке, где процент микропластин еще меньше — 5,1%. Близким можно считать Ивашково VI, Большую Аккаджу (Станко 1982: 97).

Типичные для Юрьевки нуклеусы имеют коническую или клиновидную форму, они ортогнатны, с одной ударной площадкой. Почти во всех случаях неправильной огранки. Негативы сколов палеолитоидного типа — неровные, асимметричные, заходящие друг на друга, линейные практически отсутствуют (рис.3). Эти изделия близки амвросиевским одноплощадочным конусовидным и клиновидным аналогам. Вероятно, подобные же черты прослеживаются и на Подпорожнем II (Смирнов 1973: 105).

На основании вышеизложенного сравнения отметим, что наиболее близкими памятниками являются Федоровка в Донецком регионе, а также надпорожские Ворона II и Подпорожный II, отдельные сходные моменты мы находим и на других позднепалеолитических поселениях Донецкого и Поднепровского районов. Близость в первую очередь Федоровки, плюс некоторое сходство с микролитами Сомовой балки сближают Юрьевку с каменно-балковским типом.

Рассматривая памятники юго-востока Украины на основе новых геоморфологических материалов, А.А.Кротова предлагает свой вариант периодизации. Так, Федоровка — наиболее близкая Юрьевке в морфологии, датирована возрастом 15-13 тыс. лет — соответственно слои 1,2 и помещена в самом конце раннесреднепричерноморского времени (21-16 тыс. лет). К этому же времени относится и Миньевский Яр, практически так же датированный И.Ф.Левицким и Д.Я.Телегиным.

Стоянка Янисоль отнесена к позднепричерноморскому времени — 15-10 тыс. лет. Г.Ф.Загний с использованием палеомагнитного метода датирует памятник возрастом 14-13 тыс. лет. С датой хорошо согласуется залегание культурных остатков в слое бурого суглинка непосредственно под черноземом. Для стоянок приазовского позднего палеолита замечено, что и тут в большинстве случаев культурные слои приурочены к верхним частям лессовидных суглинков, свидетельствуя о позднеплейстоценовом возрасте. К этому времени относится образование аллювия 3-й, 2-й и 1-й надпойменных террас, а также 3-х последних погребальных почв и трех горизонтов типичных лессов (Степанов 1976: 145).

Радиоуглеродная дата Амвросиевки — 15250-20620 тыс. лет с большей вероятностью первого значения (Кротова 1986: 62-64). В.Н.Станко, Г.В.Григорьева, Т.Н.Швайко относят Амвросиевку к выделенной ими 3-й хронологической группе Степного Причерноморья, для которой характерны памятники на высоких террасовых уровнях, что, видимо, связано с усилением водостоков в этот период. Группа датируется среднепричерноморским горизонтом и последним этапом Осташкинского оледенения.

Надпорожские памятники Ворона II, Кайстровая балка VI датированы С.В.Смирновым финальным этапом позднего палеолита. Ворона II определяется мадленским временем 15-10 тыс. лет, Подпорожный II — финальным граветт (Смирнов 1973: 87,104,112).

Как видно, все объекты со сходными для нашего памятника признаками относятся приблизительно к одному периоду позднепалеолитического времени. Позднепалеолитическая техника пластинчатого скалывания для производства орудий и достаточно неразвитая морфология их в Юрьевке в сравнении с наиболее близкой Федоровкой, ряд сходных Амвросиевке черт — скребки и нуклеусы дают повод предварительно датировать Юрьевку I второй половиной раннесреднепричерноморского, первой половиной позднепричерноморского времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кротова А.А. 1986. Культурно-хронологическое членение памятников позднего палеолита на юго-востоке Украины // Памятники каменного века на левобережной Украине.— Киев.
2. Кротова А.А. 1986а. Об одном из аспектов изучения кремневого инвентаря позднепалеолитических памятников // Там же.
3. Нужний Д.Ю. 1993. Розвиток мікролітичної техниці у кам'яному віці. — К.
4. Смирнов С.В. 1973. Палеолит Надпорожья.— Киев.
5. Станко В.Н. 1982. Мирное: проблема мезолита степей Северного Причерноморья. — Киев.
6. Степанов В.П. 1976. Палеолит Приазовья // Разрез новейших отложений Северо-восточного Приазовья.— М.
7. Телегин Д.Я. 1982. Мезолітичні пам'ятки України.— К.

Смынтына Е.В.

К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИИ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

(по материалам современной территории Украины)

Smîntîna EV. To the problem of typology of Mesolithic monuments (on the materials of the modern Ukraine).

A short review of the basic Mesolithic monuments (base-camps, season sites, shorts-term location, centers of flint working and also of burials and cemetries) gives the possibility to reveal the stages of evolution of systems of settlements and connected with them ways of vital activity, which in general coordinate with the palaeographic boundaries and condition the changes in the fundamentals of carrying on management: 1). Allerřd; 2). Drias III-preboreal; 3). Boreal

Among the factors that influence greatly the choice of systems of life activity an important place takes the specific characters of the ecological niche and historically formed specific features of cultures (the ethnic culture inclusive) of certain groups of population.

The existence of every separate type of archaeological monuments presupposes the existence of a century developed system of self-regulating of the group of primitive people. Alongside with many other components it comprises: periodical displacements, sometimes into a considerable distance; living in one place, the ensuring of conditions good for vital activity and for continuation of family, the working and usage of labor implements, ritual activity.

Thus, studying of the systems of settlements on the basis of revealing and interpretation of monument types gives almost exhaustive information about the way of life of certain groups of population. In such a context the settlement can be at the same time both the means of adaptation to certain conditions of existence and the main historic source for the reconstruction of cultural-historical adaptation of a certain community of Mesolithic population.

Мезолит представляет собой один из наиболее сложных периодов истории человечества, на протяжении которого система жизнедеятельности населения неоднократно подвергалась принципиальным изменениям. Их направление и общая целесообразность становятся понятными при рассмотрении культуры мезолитического времени как сложной адаптивной системы, развитие которой во многом определялось особенностями эволюции окружающей среды. Непосредственно процесс приспособления к условиям существования осуществлялся путем соответствующего социально организованного освоения конкретной экологической ниши. Исторически эти процессы реконструируются на основе всестороннего изучения материалов археологических памятников и систем их распространения.

Изменение условий существования требует перестройки принципов освоения промысловой территории. Наиболее наглядно археологически это фиксируется в трансформации системы расселения и, как результат, в иной, по сравнению с предшествующим временем, структуре распространения поселений. Судя по результатам картографирования опорных памятников позднего палеолита, в этот период люди селились главным образом вдоль главных водных артерий (Рис. 1). Начиная с аллереда в степной зоне, а с начала пребореала и на всей территории современной Украины население постепенно отходит от больших рек и их притоков (Рис. 2). Мезолитические охотники и собиратели осваивают течения малых рек; свои поселения они устраивают также на склонах оврагов, в балках, лощинах и ложбинах, около небольших озер. Можно предположить, что такое “рассеяние” групп населения отражает общую тенденцию к индивидуализации хозяйственной деятельности.

Анализ карт археологических памятников свидетельствует о том, что между системой расположения поселения и изменениями природно-климатических условий и ландшафта существует определенная зависимость (Рис. 3, 4, 5, 6). Так, в случае ухудшения окружающей среды и, в частности, снижения плотности биомассы на единицу площади количество поселений резко снижается (дриас III — пребореал в степной зоне, частично конец бореала в лесостепи). Со стабилизацией условий существования количество обитателей в этих регионах постепенно возрастает. На протяжении всего мезолита Горный Крым и (до середины бореального периода) Среднее Поднестровье выделяются как области с самой высокой плотностью населения. Это может объясняться благоприятными условиями существования в этих экологических ни-

© Смынтына Е.В., 1999.

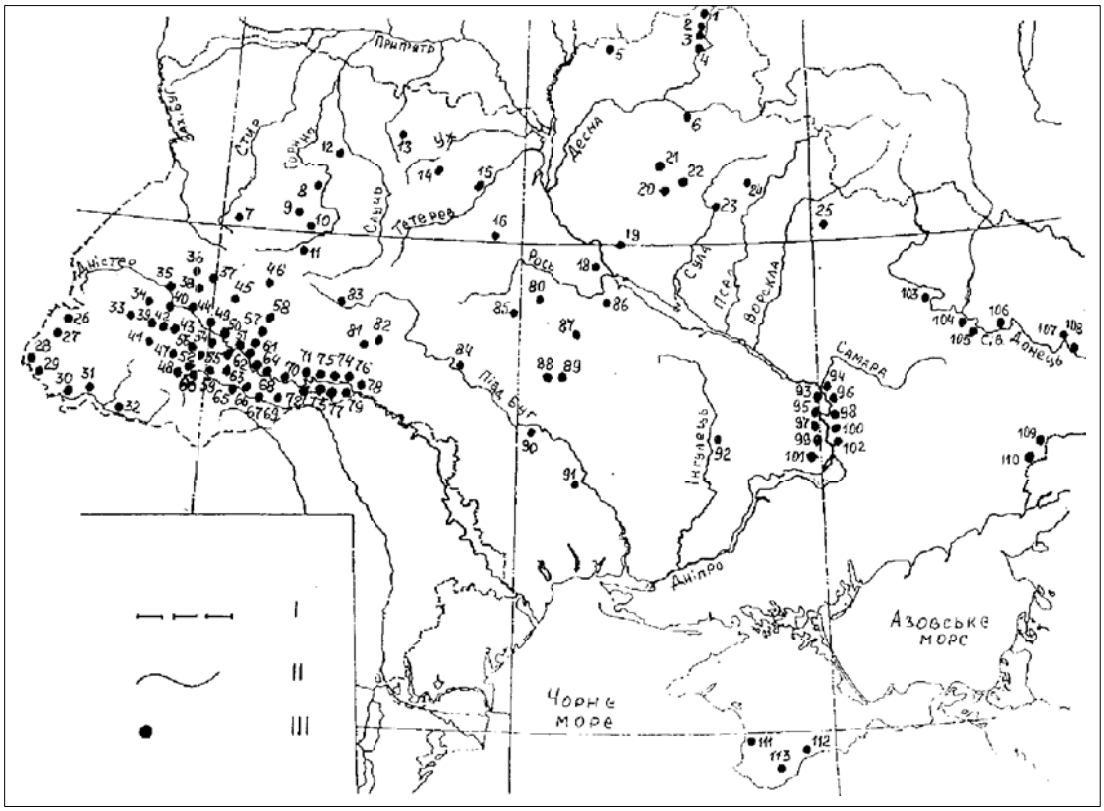

Рис.1. Карта опорных археологических памятников позднего палеолита.

шах, которые сочетают разнообразную фауну и флоры, удобные формы палеорельефа, легко доступные источники высококачественного каменного сырья. Таким образом, демографическая емкость ландшафта прямо пропорциональна количеству археологических памятников и до некоторой степени отражается в системе их распространения.

На протяжении мезолита неоднократно изменяется и характер комплексов поселений. В результате возникает проблема создания типологии археологических памятников заключительных фаз позднеледниковья — раннего голоцена. Традиционно на основе анализа характера и времени формирования культурного слоя выделяются одноразовые, или однократные, памятники (погребения, клады) и многоразовые, или многократные, с относительно длительным периодом накопления культурных остатков (поселения, могильники). Для мезолитического времени на территории современной Украины известны археологические памятники обоих типов. Роль погребений и могильников, а также их значение для реконструкции жизнедеятельности связанного с ними населения, нуждаются в отдельном детальном анализе. Изучение поселений, которые составляют абсолютное большинство памятников мезолитического времени, требует создания специальной типологии.

В этнологии в самом общем виде поселение определяется как место пребывания человека, выбранное на относительно длительное время, где сооружены жилые и рабочие помещения, а также соответствующие собственные, иногда искусственно созданные, жилая площадка и окружающая хозяйственная территория. На этой основе под типом поселения понимаются их социально-экономические разновидности, а под формой поселения — его планировка (Витов, 1953: 34; Pax, 1989: 144).

В археологии под поселением, как правило, понимается некоторая площадь земной поверхности, которая была занята определенный промежуток времени отдельной группой населения, про что свидетельствует единство культурного слоя, геологические условия его залегания и тождественность культурных остатков (Sklenar,1975: 145). В отличие от этнологов, археологи достаточно часто используют способ планировки в качестве критерия классификации поселений, выделяя в результате три основных типа: линейные, круговые и кучевые. Однако их подавляющее большинство имеет весьма близкое назначение и термин функционирования; там могут быть прослежены подобные культурные остатки. Кроме того, для эпохи мезолита поселения с несколькими жилищами — явление относительно редкое. В результате классификация поселения на основе их планировки не отражает должным образом специфику жизнедеятельности определенной группы населения и, в таком контексте, является малопродуктив-

ной для воссоздания систем адаптации мезолитического населения.

В археологии достаточно распространено также выделение типов поселений на основе изучения условий залегания их культурного слоя. Чаще всего различают пещерные памятники и поселения открытого типа, причем в последнем случае прослеживается четкая тенденция к выявлению самых разнообразных вариантов: дюнные стоянки, поселений на низких террасах, на высоких точках рельефа и др. В большинстве случаев в таких классификациях отражаются особенности палеорельефа конкретного региона, а также хронологические особенности поселений. Достаточно часто поселения, близкие по топографии, содержат принципиально отличные структурные элементы культурного слоя и имеют разное функциональное назначение. Это подтверждается, в частности, материалами позднепалеолитических и мезолитических памятников Поднестровья.

В последние годы в связи с постепенным возрастанием внимания к математическим методам обработки массовых археологических материалов появился новый подход к созданию типологии поселений, который условно можно назвать статистическим. Так, выделяют пункты (поселения с отдельными находками, количество которых не превышает 10 экземпляров), местонахождения (поселения без четко выраженного культурного слоя с более, чем 10 артефактами) и стоянки (поселения, где прослеживается культурный слой) (Мацкевой, 1991: 23). Как и большинстве рассмотренных типологий, последняя категория весьма обширна и нуждается в дополнительной систематизации.

Особое место занимает классификация поселений на основе определения специфики хозяйственной деятельности их обитателей. Хронологически одним из первых ее вариантов в советской археологии стала схема И.Г. Пидопличко, который выделил стоянки и стойбища (1969: 18). Дальнейшим ее развитием применительно к мезолиту стало выделение стоянок, которые представляют собой остатки кратковременных сезонных остановок отдельных групп, поселений как мест относительно длительного проживания, а также стоянок-мастерских поблизости выходов сырья. В таком контексте дополнительного определения и уточнения требует допустимый максимальный удельный вес таких критериев выделения отдельных типов поселений, как обработка кремня на долговременных поселениях или, например, утилизация продуктов охоты и собирательства на стоянках-мастерских. Кроме того, на многих поселениях, мощность культурного слоя которых свидетельствует об относительно длительном сроке их функционирования, конструктивные остатки не обнаружены (например, Гиржево, Песочный Ров и др.). Таким образом, рассмотрение характеристик отдельных типов поселений дает основа-

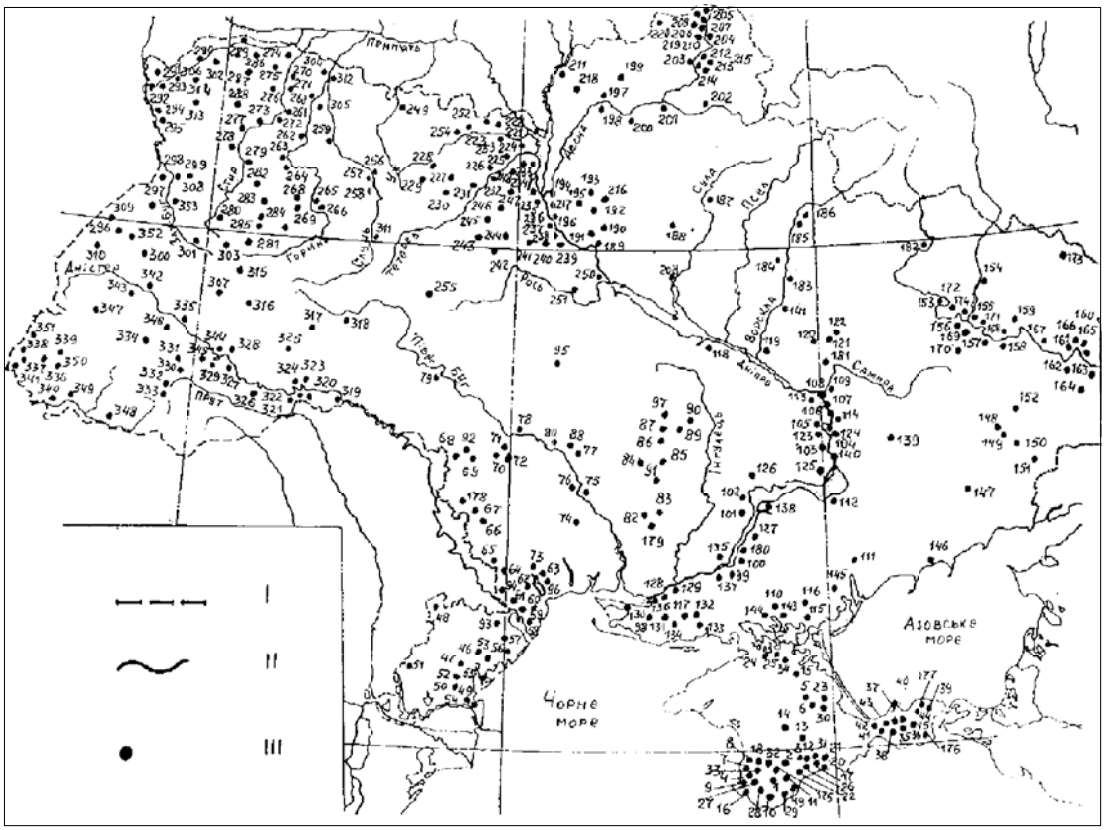

Рис. 2. Карта опорных археологических памятников мезолита.

ние допустить, что тут смешаны как минимум два критерия — длительность проживания и особенности хозяйственной деятельности. Более последовательно обоих этих принципов классификации памятников придерживаются современные англоязычные авторы.

На основе изучение видов хозяйственной деятельности обитателей поселения в самом общем виде выделяют монофункциональные дочерние хутора и полифункциональные базовые поселения (Gamble, 1990: 161). Одноцелевые поселения, в свою очередь, подразделяются на мастерские, лагеря собирателей, места забоя добычи, места обработки туш и др. (Binford, 1982: 26; Soffer, 1985: 355). Применительно к мезолитическим памятникам современной территории Украины, не все из этих категорий поселений можно с достаточной степенью достоверности отождествить с конкретными археологическими материалами. Кроме того, специфика хозяйства и структура промысловых видов в позднеледниковьи — в раннем голоцене, скорее всего, не предусматривают существования, например, особых мест забоя и обработки добычи. С другой стороны, типология поселений, которая учитывает особенности деятельности их обитателей, может оказать существенную помощь в процессе воссоздания способов хозяйственно-культурной адаптации мезолитического населения.

Важным инструментом реконструкции образа жизни является также классификация поселений на основе длительности обитания на них, созданная К. Скленаржем (Sklenar, 1975). Он выделил пять типов поселений:

1. Эфемерные, которыми пользовались лишь несколько дней;
2. Временные, связанные с целевыми группами охотников и собирателей на протяжении нескольких недель в теплое время года в богатых природными ресурсами местностях;
3. Сезонные, которыми пользовались зимой на протяжении нескольких месяцев;
4. Полупостоянные, где жизнь продолжалась несколько лет;
5. Постоянные, связанные с жизнедеятельностью не менее одного поколения.

Можно предположить, что в конце позднеледникового времени и в раннем голоцене существовали поселения первых четырех типов. Однако условия залегания абсолютного большинства мезолитических памятников современной территории Украины (на небольшой глубине, в выдувах, на эродированных склонах) существенно ограничивают возможности сохранения неповрежденного и непереотложенного материала. В результате эфемерные и временные поселения (по К. Скленаржу) археологически практически не прослеживаются и/или не различаются между собой. Таким образом, выделение типов поселений, которое базируется на длительности обитания на них, дает важную информацию о степени подвижности связанных с ними отдельных групп населения. С другой стороны, такие типологии часто не учитывают факторы, которые обусловили выбор именно такого образа жизни, и, в том числе, систему жизнеобеспечения.

В последние годы наблюдается устойчивая тенденция к созданию типологий на основе целого ряда критериев. Так, например, В.М. Массон вслед за К. Флэннери и К. Хоулом, учитывая место расположения поселения, характер культурного слоя, специфику хозяйственной деятельности и длительность обитания на поселении для позднего палеолите Восточной Европы выделяет базовые стойбища, временные стоянки, промежуточные стоянки и мастерские (Массон, 1996: 36-37; Hole, Flannery, 1967: 162-165).

Анализ разнообразных вариантов типологии поселений свидетельствует об отсутствии единого подхода к решении этой проблемы. В большинстве случаев схемы отвечают конкретному заданию и нацелены на выявление особенностей той или иной сферы культуры. Для воссоздания целостной системы жизнедеятельности мезолитического населения наиболее плодотворным представляется выделения пяти основных типов археологических памятников, которые были распространены на территории современной Украины в эпоху мезолита:

1. Базовый лагерь — большое долговременное поселение с многочисленным производственным инвентарем, который представляет все стадии обработки кремня и разнообразные области утилизации орудий труда. Планиграфическое изучение распространения структурных элементов культурного слоя поселений этого типа дает возможность проследить жилища, очаги, места обработки каменного сырья, культовые и бытовые сооружения и др. Их устройство весьма сложно и разнообразно; во многих случаях оно определяется природно-ландшафтными условиями. Не исключено, что не все обитатели базовых лагерей были связаны с ними постоянно на протяжении всего периода функционирования поселения. Об этом свидетельствует формирование специфических “кустов” небольших памятников в их хозяйственной округе. Изучение скоплений на базовых лагерях мезолитического времени указывает на сложную социальную структуру связанных с ними общин.

2. Сезонные стоянки представляют собой одну из категорий археологических памятников, четкое определение которым дать крайне сложно. Как и на базовых лагерях, тут прослеживаются остатки всех основных видов жизнедеятельности населения: производство и использования орудий труда, обработки и потребление пищи, одежды и др. Как правило, жизнь на поселениях этого типа продолжается в течение нескольких месяцев в один из двух сезонов: теп-

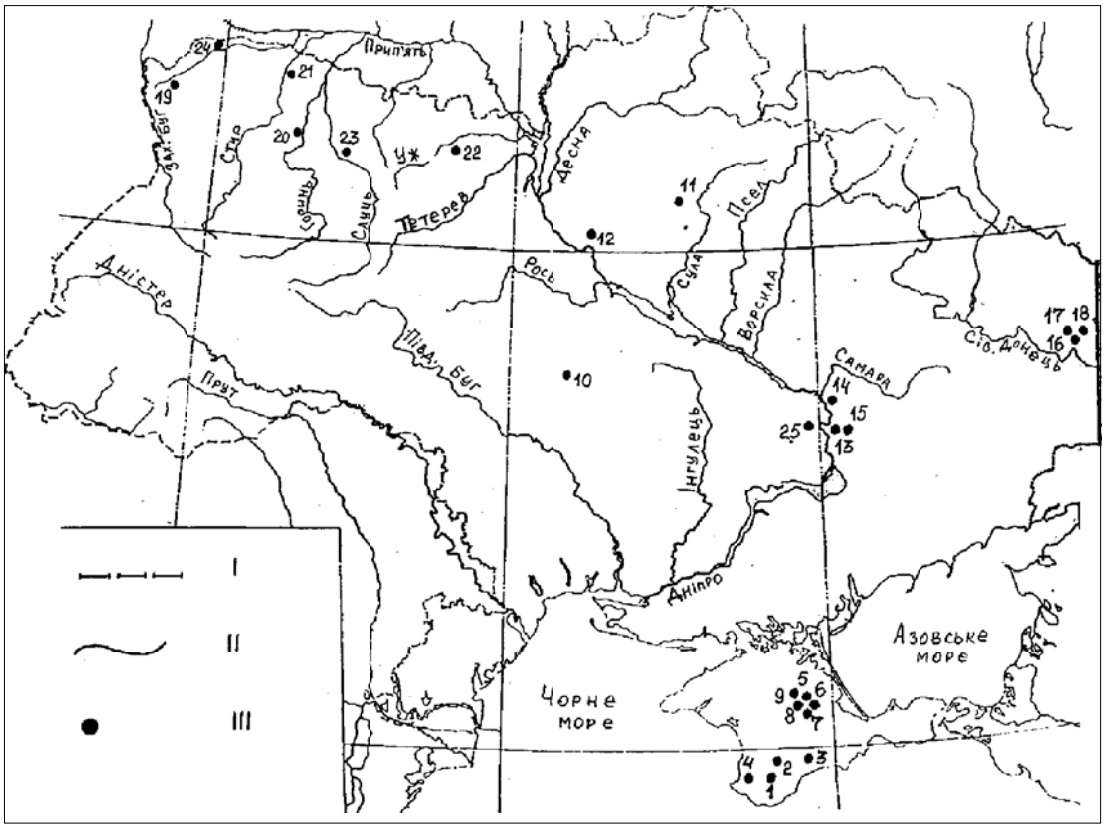

Рис. 3. Карта опорных археологических памятников аллереда — начала дриаса III.

лый (с апреля-мая по сентябрь-октябрь) или холодный. В некоторых случаях на основе стратиграфических наблюдений, трасологического анализа производственного инвентаря, изучения насыщенности культурного слоя и топографии, а также по остаткам фауны и микро- и макрофлоры можно определить сезон функционирования поселения.

Устройство сезонных стоянок и характер связанных с ними конструктивных остатков на территории Украины в мезолите крайне изменчивы. Это в целом характерно и для других регионов и для других периодов. В общем виде можно выделить три варианта мезолитических сезонных стоянок:

а) с развитыми комплексами, где прослеживаются жилища, очаги, хозяйственные объекты;

б) с упрощенными комплексами, то есть менее стабильные, где выделяется лишь одна разновидность структурных элементов культурного слоя;

в) так называемые “подвижные” комплексы без конструктивных остатков.

3. Кратковременные местонахождения составляют подавляющее большинство мезолитических памятников Украины. Как правило, культурный слой на таких поселениях отсутствует; среди находок — только небольшое количество кремневых изделий. Длительность обитания, хозяйственную ориентацию и связь с какой-либо социальной структурой установить на современном уровне развития методики исследований практически невозможно.

4. Пункты кремнеобработки представляют собой памятники, состав находок которых указывает на абсолютное преобладание деятельности по обработке каменного сырья. Они фиксируются по скопления кремневого инвентаря, состоящих главным образом из отходов производства, сырья, нуклеусов, отбойников и содержащих относительно низкий процент изделий со вторичной обработкой (Федоров, 1953: 289; Сериков, 1988: 204).

Использование термина “мастерская” применительно к памятникам этого типа, вероятно, не всегда оправдано: в данный период производство имело дискретный характер, что не предусматривало существования специального мастера (Станко, 1989). Для позднего палеолита и неолита разработаны разнообразные типологии пунктов обработки кремня, которые построены с учетом места расположения данной категории памятников и удельного веса результатов отдельных стадий производственного процесса. Имеющиеся на сегодняшний день в научном обороте материалы пунктов кремнеобработки мезолитического времени пока не дают оснований для их классификации, в том числе и благодаря их немногочисленности и отсутствию четкой территориальной локализации и культурной атрибуции. Возможно, существенную помощь в этом сможет оказать ана-

лиз микроотходов как на пунктах кремнеобработки, так и на памятниках других типов (Fladmark, 1982: 206).

5. Погребения и могильники отражают особенности общественной структуры, идеологии и мировоззрения населения, а также специфику антропологического типа и некоторые аспекты материальной культуры и образа жизни. Устройство памятников данного типа и перспективы их изучения неоднократно становились предметами тщательного анализа (Даниленко, 1955; Столяр, 1957; Дворянинов, 1978; Телегін, 1982; Станко, 1995 и др.).

Система жизнедеятельности первобытного населения, вероятно, предполагала создание и использование одним и тем же коллективом сразу нескольких типов археологических памятников. Это позволяет предположить существование определенных систем поселений, например: базовый лагерь (и/или сезонная стоянка) — кратковременные местонахождения — пункты кремнеобработки — погребения/могильники. Их выявление и культурно-историческая интерпретация остается одной из проблем, не разработанных ни в эмпирическом, ни в теоретико-методологическом отношении.

На основании изучения пространственно-хронологического распространения отдельных типов археологических памятников можно выделить три основных этапа эволюции систем поселений, в общих чертах отвечающих отдельным палеогеографическим периодам.

Аллеред. Первый этап связан с аллередом, временем господства относительно благоприятного, теплого и влажного климата (Табл. 1). В условиях коренной перестройки фаунистического и растительного комплексов в *Горном Крыму* выделяется два основных типа памятников. Первым, преобладающим, являются сезонные стоянки охотников и собирателей. К их числу относится, например, поселение горизонта 2 слоя 6 (далее: 6/2) навеса Шан-Коба. Там в центре подпрямоугольной жилой площадки (около 32 кв.м.) раскрыто овальное пятно древнего кострища, граничащее со скоплением пережженных костей; в южной части прослежена выкладка из больших камней, которая, возможно, использовалась для укрепления заслона из ветвей при входе (Бибиков, 1936; 1946; Бибиков, Станко, Коен, 1994: 16). В горизонте 6/1 такая жилая площадка (26-30 кв.м). прослеживается более четко; южный угол также завален камнями; в северной части зафиксировано небольшое округлое потемнение, возможно, от столба. Жилые площадки горизонтов 6/1 и 6/2 рассматриваются как остатки долговременного жилища (Бибиков, Станко, Коен, 1994: 16-17). На длительную связь населения со своей территорией указывает и клад кремневых изделий, прослеженный в поселении горизонтов 6/3-4 Шан-Кобы.

Характерную особенность аналогичной сезонной стоянки Замиль-Коба I (нижний слой) составляет очаг, выложенный из удлиненных известняковых камней и плит, а также погребение черепа человека (Крайнов, 1938: 12-13; 1940). На сезонном поселении в навесе Буран-Кая раскрыты остатки кострищ и скопление кремневых отходов и сколов, отвечающее рабочему месту (Бадер, 1940).

В общих чертах похожее устройство имеют однокультурные поселение в 1-4 горизонтах сл. 3 Грота Скалистого. Первичная обработка сырья осуществлялась на участке древнего склона перед навесом; в пределах жилой площадки имела место вторичная обработка и использование орудий труда. Внимание привлекает впущенная с уровня жилища в горизонте 3/3 хозяйственная яма, в заполнении которой найдены кости животных, гальки-наковальни, угольки, охра, кремневые нуклеусы и сколы, а также часть бедренной кости подростка (Коен, 1994: 143-146). Такое заполнение углублений в культурном слое пока что не имеет прямых аналогий в материалах мезолитических поселений Украины.

К типу сезонных стоянок охотников и собирателей на основе состава находок и наличия остатков очага можно отнести также поселение в слое Б Вишенного II (Яневич, 1992).

Вторым типом археологических памятников Горного Крыма этого времени можно считать пункты кремнеобработки (Биюк-Карасау I — IV). Их изучение продолжается, что не позволяет уточнить особенности их устройства.

Анализ типов археологических памятников Горного Крыма аллередского времени свидетельствует об относительно стабильном, оседлом образе жизни. Для сезонных стоянок характерны усложненные комплексы материальной культуры, включающие жилища, кострища и другие структурные элементы культурного слоя. На достаточно тесную связь со своей промысловой территорией указывает также наличие специальных пунктов обработки кремня. Такой образ жизни стал возможен в результате трансформации культурной традиции и перехода к новому способу адаптации, что отразилось в формировании шан-кобинской культуры.

В аллереде существенно изменяется и способ жизни финальнопалеолитического населения *степной зоны*. В это время тут существовали археологические памятники трех типов: кратковременные местонахождения, сезонные стоянки и могильник.

Наиболее многочисленную группу составляют кратковременные местонахождения, которые представлены главным образом подъемным материалом. Среди сезонных стоянок одним из самых фундаментальных является круговое поселение в слое IIIв Осокоровки, где выявлены наземные жилища округлой формы, внешние и внутренние очаги, а также выделены места обработки кремня как внутри, так и за

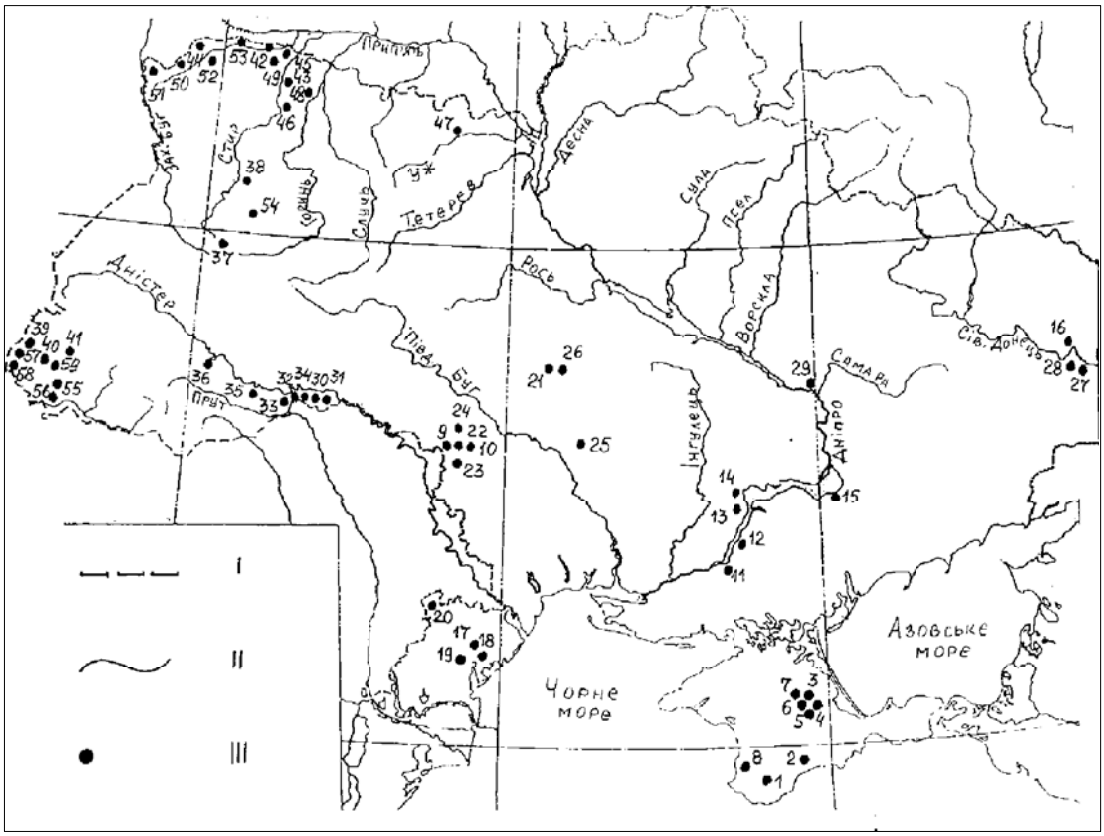

Рис. 4. Карта опорных археологических памятников второй половины дриаса III — начала пребореала.

пределами жилищ (Колосов, 1964). На двух других сезонных стоянках Рогалик 2 и Владимировка сл. 3 прослежены только остатки соответственно 1 и 3 кострищ (Черныш, 1953: 47; Телегин, Тарасенко, 1983: 35).

Такая система поселений и связанный с ней образ жизни обусловлены, скорее всего, взаимодействием целого ряда факторов. Среди них важное место занимает изменение окружающей среды, и в том числе — начало смены фаунистического комплекса. В условиях высокой плотности населения, имеющего в своем распоряжении высококачественное охотничье вооружение, это вызвало необходимость перехода к новым основам жизнеобеспечения и жизнедеятельности. Одним из вариантов приспособления к условиям существования аллередского времени была трансформация культурной традиции и формирование в результате осокоровской культурной традиции. Это дало возможность части населения найти свою экологическую нишу и снова перейти к относительно стабильному образу жизни, что и нашло отражение в материалах финальнопалеолитических поселений Осокоровка сл. IIIв и Рогалик 2. Не исключено, что с носителями этой культуры связан и Волошский могильник, также свидетельствующий об упрочнении связей с территорией проживания.

Вторым вариантом адаптации финальнопалеолитического населения степной зоны к изменившимся условиям окружающей среды аллередского времени было повышение подвижности с целью расширения кормовых площадей, отход части населения в северные районы. На новых территориях они стараются сохранить традиционные основы системы жизнеобеспечения, чему способствует явление так называемой преадаптации, основывающееся в том числе и на подобии природно-ландшафтных условий (Migration, 1994: 872; Stein, Rowe, 1989: 132, 134). Это подтверждается, например, материалами финальнопалеолитического поселения Журавка в лесной зоне, где раскрыто три скопления размерами 3 х 4 м без жилищ и без очагов (Рудинський, 1929; Рудинський, Вороний, 1928). Оставшаяся в степи часть местного анетовского населения в результате снижения давления на кормовую территорию получила возможность до некоторой степени стабилизировать свою систему жизнеобеспечения, о чем свидетельствуют материалы поселения Владимировка сл. 3.

Население *лесостепной и лесной природно-ландшафтных зон* современной территории Украины в аллереде практически полностью сохраняет традиции предшествующего времени. Это отразилось в типично позднепалеолитических типах археологических памятников и комплексах материальной культуры, в том числе и кремневой индустрии. Так, подавляющее большинство известных аренсбургских поселе-

ний относится к типу кратковременных местонахождений и представлено исключительно подъемным материалом; остатки жилищ или кострищ не обнаружены (Зализняк, 1989).

Таким образом, в аллереде на территории современной Украины сосуществует целый ряд систем адаптации, что отразилось в разнообразной структуре систем поселений отдельных природно-ландшафтных зон. В тех регионах, где под влиянием изменений палеогеографических условий происходит трансформация культурной традиции (Горный Крым и частично степная зона), функционируют долговременные сезонные стоянки охотников и собирателей с развитыми комплексами материальной культуры. Это свидетельствует про относительно стабильные связи населения со своей промысловой территорией. Высокий уровень подвижности отдельных финальнопалеолитических коллективов связывается с культурами, носители которых практически полностью сохраняют традиционный образ жизни, структуру промысловых видов и — как результат — систему поселений (анетовская и аренсбургская культурные традиции).

Дриас III — пребореал. Отличия в системах поселений между группами населения, обитающими в разных природно-ландшафтных зонах, более четко начинают проявляться на протяжении дриаса III — пребореала, периода господства сурового, прохладного и засушливого климата (Табл. 2).

В *Горном Крыму* в это время прослеживается существование сезонных стоянок двух типов. К первому относятся поселения с относительно развитыми комплексами. Принципы их организации по сравнению с предшествующим временем практически не изменяются. Так, заполнение сл. 4 навеса Шан-Коба по характеру близко позднеледниковому сл. 6, что дает основание предположить существование тут аналогичных сооружений. Похожие поселения раскрыты в сл. 6 навеса Фатьма-Коба. Найденные тут объекты рассматриваются как остатки долговременного жилища площадью 12 кв.м. с углубленным полом и двумя периодами заселения, рядом с которым находился ветряной заслон и место обработки кремня около входа (Бибиков, Станко, Коен, 1994: 16-17, 76). Поселение, скорее всего, функционировало на протяжении зимнего периода (Бибиков, 1966: 139). Остатки двух кострищ в пределах жилой площадки раскрыты в сл. 2 грота Скалистый (Коен, 1994). Аналогичное сооружение прослежено в слое 4 Алимовского навеса (Столяр, 1961: 43).

С другой стороны, в пребореале появляются сезонные стоянки с упрощенным устройством. Только очаги без остатков жилых сооружений выявлены на поселениях Вишенное II сл. “А” и Куба (Тарасов, 1985: 364; Яневич, 1994: 290).

Еще один вариант комплексов сезонных стоянок представлен материалами верхнего слоя скального навеса Сюрень II, состав артефактов которого свидетельствует об изготовлении и использовании орудий труда на поселении. Тем

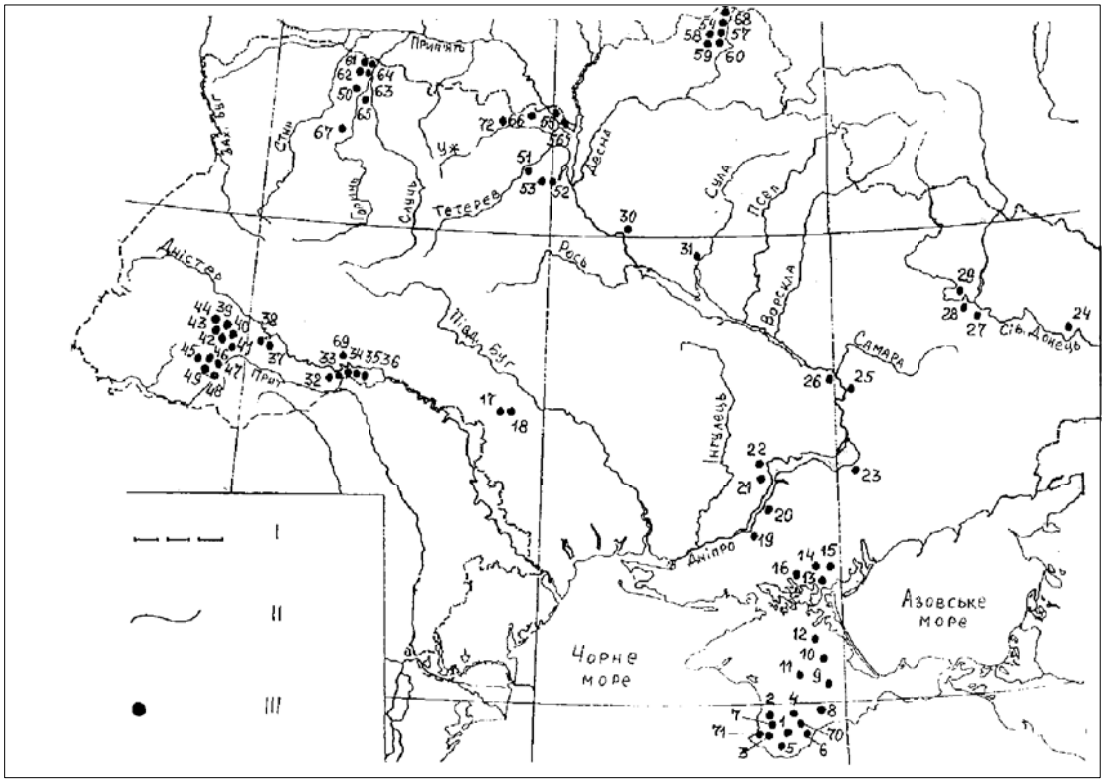

Рис. 5. Карта опорных археологических памятников пребореала.

не менее, из всех разновидностей структурных элементов культурного слоя там выявлена лишь хозяйственная яма 1.3 х 1 м, дно которой выложено известняковыми плитами (Векилова, 1957: 7).

В целом дриас III — пребореал в Горном Крыму можно рассматривать как своего рода переходный период. С одной стороны, разнообразие природных ресурсов позволяло частично сохранять относительно оседлый образ жизни. Однако с начала голоцена все четче начинают проявляться кризисные черты, что отразилось в упрощении комплексов. Последнее, не исключено, указывает на постепенное повышение уровня подвижности населения. Это подтверждается также исчезновением специальных пунктов кремнеобработки, которые являются определенными показателями степени связи населения с конкретной территорией.

В *степях* в дриасе III — пребореале продолжается перестройка фаунистического комплекса, сопровождавшаяся постепенной аридизацией климата. Изменения палеогеографической ситуации обусловили продолжение отхода населения из этого региона, а также влекли за собой изменение образа жизни и систем поселений.

Крупные сезонные стоянки позднепалеолитического типа на рубеже плейстоцена и голоцена исчезают. Ярким примером данной категории поселений эпохи мезолита являются материалы стоянки Белолесье в Нижнем Поднестровья. Там раскопано 4 подокруглых скопления, расположенные вдоль берега р. Сарата и состоящие из фауны и кострищ. Эти комплексы, возможно, отвечают небольшим (до 12 кв.м.) наземным куренеподобным жилищам. Скорее всего, поселение функционировало в теплое время года; тут могло проживать около 20 человек на протяжении как минимум 3.5 месяцев (Станко, 1980: 92; 1985: 32, 35).

На некоторых сезонных стоянках, которыми пользовались летом в течение незначительного промежутка времени, обитатели могли ограничиваться ветряными заслонами из веток и жердей, которые иногда укреплялись камнями и покрывались травой и мхом. Так, на поселении Зимовники 1 в Юго-Восточном Приазовье в раскопе 3 южная часть скопления кремня и отдельных фрагментов фауны была оконтурена тремя плитами песчаника; контуры ямы не прослеживаются (Горелик, 1984а: 127).

К числу сезонных стоянок без конструктивных остатков можно отнести поселения в раскопах 1 и 2 Зимовников 1. В раскопе 2 изделия из кремня и сланца, фрагменты фауны и раковины концентрировались в овальном скоплении размерами 8 х 5 м, а в раскопе 1 они были ограничены неправильным полукольцом из плит песчаника радиусом около 3 м (Горелик, 1984а: 115, 123). Такая планиграфия культурных остатков дает основания предположить существование легких куренеподобных жилищ или навесов.

Наиболее распространенным типом поселений степной зоны, начиная с дриаса III, стают кратковременные местонахождения, которые в большинстве случаев представлены исключительно подъемным материалом.

Таким образом, в дриасе III — пребореале в степной зоне складывается специфический способ социокультурной адаптации, основными характерными чертами которого являются мобильность и дисперсность населения. Эти черты проявляются также и в пестрой этнической карте региона. Для этого периода какая-либо четкая традиция устройства поселений или система их взаиморасположения не прослеживается. Возможно, единственным принципом существования в кризисной палеоэкологической ситуации, которая постепенно обостряется, было стремление максимально использовать имевшиеся в степи ресурсы для обеспечения выживания с минимальными затратами труда (Станко, 1982).

Иная ситуация складывается в дриасе III — пребореале в *лесной зоне*. Северные области Украины, освободившиеся от постгляциальных явлений, сохраняют во многих чертах привычные для населения условия существования. Сюда в поисках охотничьей добычи с юга и запада проникают группы, придерживающиеся позднепалеолитических основ ведения хозяйства и создающие соответствующую материальную культуру. Они расселяются среди носителей автохтонных культурных традиций.

Для сезонных стоянок охотников и собирателей этого периода характерны более простые, по сравнению с предшествующим временем, комплексы, в состав которых чаще всего входят либо жилища, либо очаги.

Так, в Западном Полесье в нижнем слое поселения Нобель 1, которое датируется временем 10 тыс. л.н., выявлено 6 очагов, четыре из которых ограничивают прямоугольное скопление кремневого инвентаря (Грибович, 19876: 67). Похожее устройство имеет сезонная стоянка Дворище в бассейне р. Иквы (Березанская, 1968: 30). В слое С дюнной стоянки Народичи в Киево-Житомирском Полесье открыты остатки пяти круглых и удлиненных очагов диаметром 0.6-1.4 м и мощностью до 0.5 м, вокруг которых концентрируются находки кремневых артефактов. Типологически и хронологически близки им прослеженные в слое В этого же поселения скопления у очагов № 6-21, которые датируются рубежом пребореала и бореала (Телегін, 1982: 144-145; 1985: 142). Топография поселения (высота над поймой 2 м) и отсутствие утпленных жилищ позволяют предположить, что стоянка функционировала в теплое время года.

К типу сезонных стоянок с упрощенными комплексами относится также поселение Малая Оснича II, где раскопками раскрыта свидерская

землянка (Охрименко, 1983: 303). Остатки углубленного жилища, возможно, с внутренним очагом, вокруг которых концентрируются все артефакты, найдены около с. Рудня Шибенская Киевской области (Зализняк, 1984: 29-30). Мощные ортштейны свидетельствуют о существовании в древности углубленного жилища на поселении Загай 1 в Среднем Поднепровье (Савчук, 1975: 94).

Второй вариант сезонных стоянок охотников и собирателей лесной полосы представлен материалами поселения Раска в Бородянском районе Киевской области. Там в нижней части подпочвы найдены многочисленные кварцитовые и гранитные валуны, использовавшиеся для хозяйственных нужд (Зализняк, 1977а: 295). Такое упрощение устройства сезонных стоянок, скорее всего, является результатом сложного процесса перестройки экологической обстановки. С одной стороны, палеогеографические условия существования, сохранившие черты предшествующего времени, на протяжении раннего мезолита еще позволяли осуществлять привычный, относительно оседлый образ жизни. В связи с этим обращает на себя внимание культурная принадлежность описанных комплексов сезонных стоянок — все они (кроме поселения Загай 1) связаны с позднесвидерским населением, то есть наследниками местных обитателей финальнопалеолитического времени. С другой стороны, проникновение населения из сопредельных территорий создает до некоторой степени стрессовую ситуацию, ответом на которую и было придание комплексам относительно большей подвижности.

И все-таки в дриасе III — пребореале связь позднесвидерцев со своей территорией остается пока еще достаточно тесной. На это указывает наличие многочисленных пунктов обработки кремня, второго основного типа археологических памятников лесной природно-ландшафтной зоны раннего мезолита. К их числу относится, например, расположенная поблизости выходок кремневого сырья в оврагах у боровой террасы левого берега р. Смячка в среднем течении Десны группа памятников. Среди них Смячка 17А, инвентарь которой составляют преимущественно ощепы, обломки и сколы с нуклеусов (Телегін, 1982). В материалах расположенных неподалеку пунктов Бугры 1А и Крейда 3 прослеживается полный цикл первичной обработки кремня (нуклеусы, отщепы, пластины) (Неприна, Зализняк, Кротова, 1986: 101-102). Такие же типологические группы изделий обнаружены у с. Деревляны Каменско-Бугского района Львовской области (Мацкевой, 1987а: 370-371). К числу пунктов кремнеобработки можно отнести также находки у с. Малые Дорогостаи Ровенской области и с. Старая Ушица Хмельницкой области (Рудинський, 1928; 1952; Конопля, 1980).

У с. Поповцы в верховьях р. Иквы Львовской области на расстоянии 1 км от выхода сырья открыт пункт кремнеобработки. Он состоит из 5 подокруглых скопление диаметром до 2 м, каждое из которых соотносится с местами работы “мастеров”. В скоплениях 1 и 2 найдены только результаты первичного расщепления кремня, а в скоплениях 3-5 выявлены также скребки, резцы и вкладыши ножей. В 200 м на запад от этого пункта раскопано поселение, инвентарь которого (двуплощадочные нуклеусы, пластины и их сечения, скребки, резцы, вкладыши) концентрируется в южной части раскопа около следов кострища. Автор раскопок рассматривает поселение и пункт кремнеобработки как целостный комплекс (Грибович, 1987а: 321-322). Такое утверждение предполагает высокий уровень оседлости данной группы населения.

В целом в дриасе III — пребореале в лесной зоне проявляются две тенденции. С одной стороны, местное население сохраняет свои традиционные черты материальной культуры и образа жизни, что отразилось в наличии относительно стабильных комплексов сезонных стоянок и пунктов кремнеобработки. С другой, переселение сюда носителей пришлых традиций с юга и запада изменяет демографическую и экологическую ситуацию, что вносит определенные изменения в образ жизни и способы адаптации населения лесной зоны. Это проявляется в упрощении комплексов материальной культуры, что достаточно четко прослеживается по материалам целого ряда памятников, начиная уже с середины пребореала.

Лесостепь, занимая промежуточное положение между степной и лесной природно-ландшафтными зонами, в определенной степени объединяет отдельные черты способов социокультурной адаптации населения обоих регионов. Разнообразие природных ресурсов и успешное приспособление к прохладным климатическим условиям способствовали сохранению в Поднестровье на этом этапе позднепалеолитических традиций материальной культуры и быта населения. Это отразилось в функционировании группы сезонных стоянок сложного устройства.

На поселении Молодова V в сл. 1, который датируется дриасом III, открыто 5 овальных скоплений культурных остатков и 13 связанных с ними кострищ. По подсчетам А.П. Черныша, тут на протяжении 5 месяцев обитало 65 человек (Черниш, 1975: 44-46; 149). В близком по времени слое 1а этого поселения найдено 4 аналогичных скопления площадью от 8 до 32 кв.м. Они интерпретируются как остатки куреневидных жилых сооружений, где в течение 3.5 месяцев проживало 55 человек (Чердынцев, 1971: 308; Черниш, 1975: 32, 149). В обоих дриасовых слоях Молодовского поселения большинство скоплений имеет сложную внутреннюю структуру. Так, в слое 1а скопление № 1 содер-

жит 4 очага, № 3 — 3, № 2 и № 4 — по одному; кроме того, выявлено 2 очага вне комплексов. В слое 1 с центральным и юго-западным скоплениями связаны по 4 очага, с юго-восточным — 3, а также обнаружено 2 отдельных очага как центры сооружений наподобие куреней (Черниш, 1975: 32, 48). Такая планиграфия структурных элементов культурного слоя может быть связана с формой социального устройства более сложной, чем парная семья, с которыми чаще всего связывают отдельные очаги. В таком случае высчитанное А.П. Чернышом количество обитателей и срок обитания на поселении можно рассматривать лишь как один из возможных вариантов.

Относительно долговременные комплексы выявлены также и в Левобережной Лесостепи. На сезонном поселении Вязовок 4а в пойме р. Слепород на Полтавщине раскрыто 5 неправильно-подокруглых жилищ со слегка углубленным ("втоптанным") полом; площадь жилищ № 1 и № 3 составляет 10-12 кв.м., а жилых сооружений № 2, № 4 и № 5 достигает 20 кв.м. Скопления артефактов и фауны расположены около внутренних, иногда углубленных, очагов и внутри жилищ, выходя из их пределы не более, чем на 1 м; максимальная мощность скоплений не превышает 30 см (Неприна, Супруненко, Гавриленко, 1992: 139; Гавриленко, 1995: 7; 1997). Жилища одновременны; специализации хозяйственной деятельности в отдельных сооружениях не прослеживается; процесс изготовления и использования орудий труда осуществлялся в каждом жилище (Коен, 1992: 15). Выявленный в жилище № 2 вход типа сеней, немного углубленный пол и внешний вид сооружения, который реконструируется в виде чума, указывает на относительно длительный период обитания на поселении, скорее всего, в холодное время года.

Существование долговременных сезонных стоянок в дриасе III — пребореале в обеих провинциях лесостепной зоны свидетельствует об определенной близости образа жизни их обитателей. Последнее, вероятно, было обусловлено общими чертами палеогеографической ситуации и разнообразием природных ресурсов. С другой стороны, в устройстве археологических памятников этого типа, в формах жилищ и очагов прослеживаются определенные отличия. Возможно, эти различия связаны с определенным хронологическим разрывом во времени функционирования поселений. Не исключено также, что тут нашла отражение региональная специфика условий существования среднеднестровской и левобережной провинций.

В определенной мере как подтверждение второй гипотезы можно рассматривать присутствие в Левобережной Лесостепи на границе с лесной зоной ряда пунктов кремнеобработки,

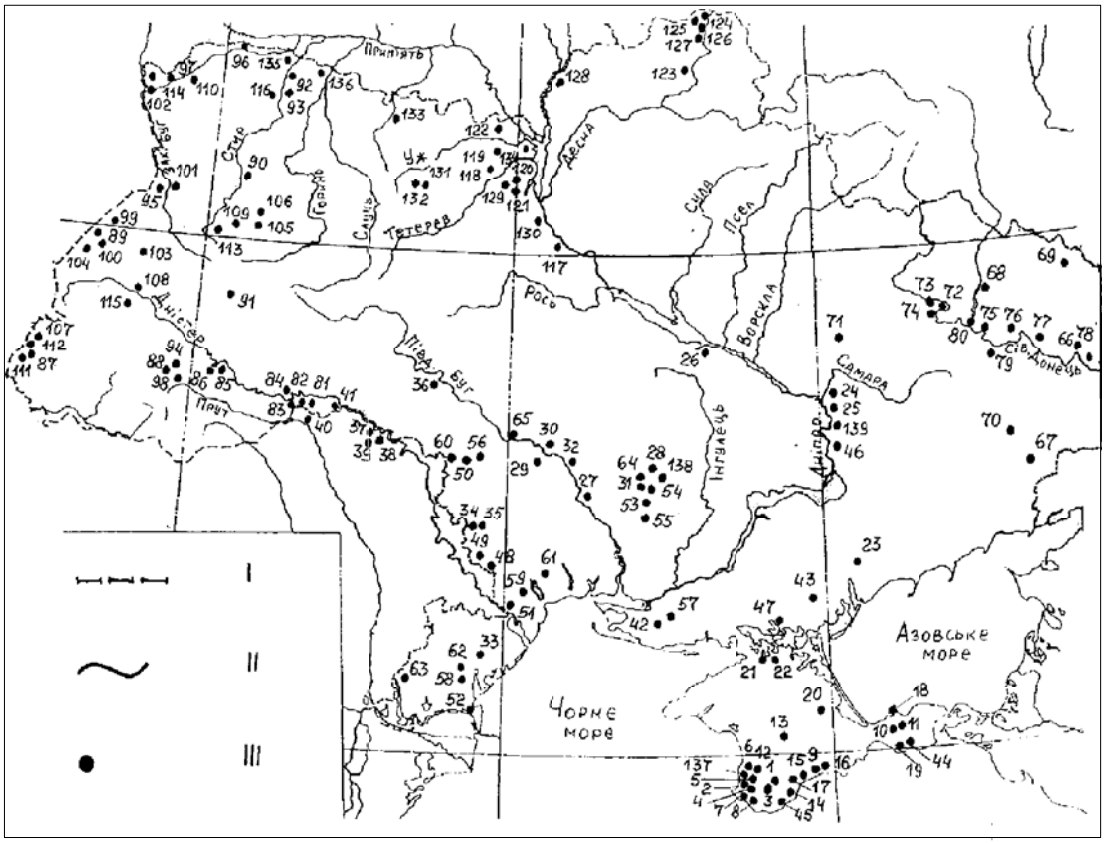

Рис. 6. Карта опорных археологических памятников бореала.

что подтверждает относительно прочные связи населения со своей промысловой территорией. К памятникам данного типа следует отнести Незвисько X в Ивано-Франковской области (Мацкевой, 1991: 18). Внимание привлекают материалы расположенного поблизости памятника Незвисько XXI, который датируется 10 — 9.5 тыс. л.н. Тут найдены три каменные кольцевые выкладки, которые интерпретируются как основания жилищ типа чумов, укрытые шкурами животных. Около возможного входа в одно из них найдены остатки очага и скопления кремня с низким процентным содержанием изделий со вторичной обработкой. Всего одно кострище вряд ли могло удовлетворить потребности трех парных семей в тепле и средстве обработки продуктов питания в климатических условиях "крайне суровых, на грани выживания" (Мацкевой и др., 1983: 11; 1987б: 84). Кроме того, тут отсутствует фауна, хотя на соседних поселениях (Молодова V, Кормань IV, Оселивка I, Бабин I) она многочисленна. Несмотря на большое количество высококачественных месторождений кремня в районе с. Незвисько, тут найден небольшой клад сырья и нуклеусов (Мацкевой, 1991: 107). Все это указывает на преобладание деятельности по обработке кремня. На однокультурном памятнике Камяница V, расположенном в лесной зоне, прослежено сооружение близкого устройства; в составе инвентаря Камяницы V, как и в наборе изделий Незвисько XXI, представлены все технологические стадии процесса изготовления орудий труда (Мацкевой, 1987б: 87). Внимание привлекает лишь незначительное количество целых пластин на обоих памятниках. В целом же Камяница V и Незвисько XXI могут рассматриваться как пункты кремнеобработки, где осуществлялись все технологические операции этого процесса. Каменные кольцевые выкладки в таком контексте, наиболее вероятно, использовались как основания заслонов от ветра для работавших в непогожие дни. Учитывая расположение этих однотипных и однокультурных памятников в разных природно-ландшафтных зонах, их устройство можно интерпретировать также как специфическое проявление этнической культуры.

В Левобережной Лесостепи, кроме Вязовка 4а, известны пока что лишь небольшие кратковременные местонахождения, представленные исключительно подъемным материалом. Такое отличие системы поселений до некоторой степени может отражать также и недостаточную изученность Слободской Украины.

В целом в дриасе III — в пребореале в лесостепной зоне отсутствует единый эталон системы поселений. В начале этого периода местное население имеет возможность сохранять традиционную материальную культуру и образ жизни, что отразилось в функционировании относительно долговременных комплексов поселений Молодова V (сл. 1, 1а) и Вязовок 4а. На Правобережье такой способ адаптации сохраняется на протяжении всего пребореала, о чем свидетельствует наличие специальных пунктов обработки кремня. В процессе расселения в другую природно-ландшафтную зону (лесную) молодовцы в определенной мере упрощают свои комплексы; лишь в одном случае найдены остатки ветряного заслона с очагом (Камяница V) и еще в одном найдены следы наземных кострищ (Поповцы I). На всех остальных известных памятниках какие-либо структурные элементы культурного слоя не выявлены. Наряду с этим, изменение климатических условий и трансформация фаунистического комплекса обусловливают становление нового образа жизни также и в границах лесостепной зоны. Эта тенденция проявляется в повышении уровня подвижности населения и в преобладании, со второй половины пребореала, небольших кратковременных местонахождений. Не исключено, что в Левобережной Лесостепи этот процесс начинается немного раньше, о чем свидетельствует иная, по сравнению со Средним Поднестровьем, система поселений.

Бореал. С переходом к бореальному периоду голоцена смягчение климатических условий способствует общей стабилизации жизни и ведет к новым изменениям в адаптации населения (Табл. 3). В это время мезолитические группы осваивают водоразделы и долины небольших рек. Количество археологических памятников возрастает.

Наиболее наглядно изменения типологии поселений и связанного с ними образа жизни проявляются в *степной зоне* современной Украины. В это время тут вновь появляются базовые лагеря охотников и собирателей. К памятникам данного типа можно отнести Мирное в Нижнем Подунавье, где раскрыто 58 очагов и пекарских ям, которые концентрируются в центре поселения. На периферии по периметру очажной зоны выявлено 18 скоплений средней площадью 30 кв.м., возможно, отвечающие микрокомплексам центра лагеря (Станко, 1982: 56-58, 78-80). Изучение состава находок отдельных скоплений дает основания рассматривать их как хозяйственно-бытовые комплексы широкого назначения, где осуществлялась обработка кремня, изготовление одежды, предметов быта, потребление продуктов охоты и собирательства. Состав находок и фауны свидетельствует о том, что поселение функционировало круглый год. В холодный сезон над скоплениями могли сооружаться легкие куреневидные жилища из жердей и ветвей, а летом устраивать навесы, защищающие от солнца. Судя по количеству раскрытых скоплений, тут на протяжении 9 месяцев обитало более 150 человек. Однако жизнь на поселении в действительности могла продолжаться и дольше, что подтверждается находками более 30 тыс. недиагностичных костей и свидетельств широкого потребления растительной

пищи, что не учитывалось в ходе палеоэкономического моделирования. Не исключено также, что не все связанные с Мирным группы обитали тут постоянно. На это указывает ряд кратковременных однокультурных местонахождений в непосредственной близости от базового лагеря — Мирное 2, Мирное 3, Васильевка (Китайозеро), Борисовка, Траповка, Новоселицы I, Татарбунары I и др. (Красковский, 1978; Кизь, 1980; Станко, 1997). Такая система расположения поселений частично свойственна в бореале и для лесной зоны. Возможно, эти "кусты", состоявшие из поселения и нескольких местонахождений, связанных с отдельной экологической нишей, охватывали промысловую территорию и соотносились с определенной формой социального устройства населения.

Второй вариант базовых лагерей степной зоны реконструируется на основе материалов поселения Игрень 8 в левом берегу р. Самара в Днепровском Надпорожье. Тут на краю боровой террасы раскопано 7 подокруглых жилищ диаметром до 8 м, углубленных в материк до 1 м. Они имели каркас из жердей и коническую крышу, перекрытую камышом; на дне углублений прослежены скопления инвентаря, золы и угля, хотя очаги открыты лишь в двух жилищах (Балакин, Козловский, Телегин, 1979: 294; Телегин, 1980). Почти все объекты были повреждены размывом, а в нескольких прослежены остатки пожара, уничтожившего сооружение (Добровольський, 1949: 246). Среди исследователей нет единого мнения по поводу одновременности проживания во всех землянках. Тем не менее, наличие углубленных жилищ и очагов указывает на длительность функционирования поселения, обитатели которого занимались главным образом охотой и рыбной ловлей. "Куст" его памятников, связанных с речной экономикой, составляют поселения на островах Сурской, Лоханский, Кизлевый, Шульговка и др. (Телегин, 1985).

В последние годы намечается тенденция к интерпретации поселений без четких структурных элементов культурного слоя и без конструктивных остатков как базовых лагерей. Так, например, хут. Шевченко и Зимовники 1 (раскопы 1 и 2) отнесены к данному типу археологических памятников на том основании, что там "процесс изготовления средств производства занимал такое же важное место, как и их использование в разных сферах трудовой деятельности" (Горелик, 1987: 157). В ходе определения типа поселений Гиржево и Абузова балка решающую роль играла длительность использования этих стоянок и наличие собственных "кустов" памятников (Станко, 1982: 127). Не ставя под сомнение значение каждого из этих критериев базовых лагерей, необходимо также учитывать еще один, не менее важный — планиграфию поселений, возможность выявления скоплений и интерпретации связанных с ними социальных единиц. На современном уровне археологической методики ни для одного из указанных памятников проверить эти параметры практически невозможно. В таком контексте, вероятно, уместным будет отнести их к категории сезонных стоянок, жизнь на которых протекала в теплое время года и, не исключено, неоднократно возобновлялась. Такая ситуация характера в целом и для других сезонных стоянок степной зоны. Для бореального периода, за исключением каменного основания жилища на Фронтовом 1 сл. 3 в Восточном Крыму, другие остатки каких-либо конструкций не выявлены.

Наряду с возникновением базовых лагерей с кустовой системой расселения и функционирования долговременных сезонных стоянок, на более тесную связь со своей территорией и на тщательный контроль за ее ресурсами со стороны населения степной зоны указывает распространение в богатом выходами кремневого сырья нижнем течении р. Северский Донец пунктов кремнеобработки (Горелик, 1984б: 19; 1987: 47).

На возрастание оседлости населения степной Украины в бореале указывает также III Васильевский могильник с определенной системой расположения отдельных погребений (Телегін, 1962). Возникновение и закрепление на протяжении мезолита памятников данного типа стало одним из наиболее важных достижений этого времени и свидетельствует о формировании понятия родовой территории.

Тем не менее, как и в предшествующее время, в степи продолжают абсолютно преобладать кратковременные местонахождения, которые представлены главным образом подъемным материалом.

Таким образом, изменения палеоэкологической ситуации в бореале вызвали определенные подвижки в способах социокультурной адаптации населения. В степной зоне это проявилось в возрастании количества археологических памятников, возникновении новых их типов, а также формировании "кустовой" системы расположения поселений. Все это свидетельствует об определенной стабилизации жизни и укрепления связей с конкретной территорией. Возможно, эти процессы связаны с нахождением нового источника мясной пищи благодаря началу доместикации тура. Отсутствие очагов и жилищ на многих памятниках бореального времени может объясняться относительно мягким и теплым климатом этого времени. С другой стороны, весьма бедные комплексы материальной культуры большинства поселений степной зоны указывают на продолжение поисков средств преодоления кризисного состояния.

Принципиальные изменения характера материальной культуры, систем поселений и связанного с ними образа жизни, однако в ином, по сравнению со степями, направлении, прослеживается также по материалам поселений обе-

их провинций *лесостепной зоны*. Тут в бореале не выявлены ни базовые лагеря, ни сезонные стоянки со сложным устройством. Очаги в данном регионе открыты только на поселении Атаки VI (Грибович, 1977: 284). Жилища, долговременные кострища, ветряные заслоны на памятниках автохтонных культур не прослеживаются. Несмотря на наличие в данной природно-ландшафтной зоне ряда месторождений высококачественного каменного сырья, пункты кремнеобработки исчезают. Одним из немногих свидетельств сохранения некоторых черт образа жизни предшествующего времени можно считать клад необработанного сырья на поселении Кормань IV"А" (Черниш, 1975: 81-81). Планиграфия сезонной стоянка Незвисько IX, расположенной на границе лесостепной и лесной зон, не исключает возможности существования там кратковременного легкого жилища или заслона от ветра (Мацкевой, 1991: 97). Все это указывает на начало коренной перестройки образа жизни и, вероятнее всего, хозяйственной системы населения данной природно-ландшафтной зоны. Она состоит в резком повышении подвижности в связи с кризисом традиционного охотничьего хозяйства. Последнее было вызвано распадом рангиферного и рецентного териокомплексов и формированием фауны современного типа, с одной стороны, и увеличением и без того значительного уровня обводненности данного региона, с другой. Все это не позволяло охотиться привычными традиционными способами и вызывало необходимость поисков новых источников питания и кормовых территорий. Лесостепь становится своеобразным коридором, по которому в разных направлениях перемещаются разноэтничные группы населения.

В связи с этим особое значение приобретают материалы кукрекского поселения Бурлаков Яр, где раскрыто наземное жилище, центральная часть которого углублена в материк на 0.6 м (Балакін, 1986: 40). Не исключено, что тут проявилась одна из особенностей способа адаптации кукрекцев, которые во всех областях своего расселения имеют по меньшей мере одно долговременное поселение (например, Каменная Могила, Мирное, Игрень 8 и др.). Относительная упрощенность конструкции Бурлакова Яра может объясняться тем, что его материалы фиксируют лишь начальную фазу расселения носителей культур кукрекского круга за пределы степной зоны. С другой стороны, в дальнейшем в лесостепной и лесной зонах долговременные поселения этого круга не выявлены. Это в одинаковой мере может как фиксировать степень успешности их адаптации к новым условиям существования, так и свидетельствовать о необходимости перехода к иным способам использования возможностей окружающей среды.

В целом бореальное время в лесостепи можно рассматривать как период коренной перестройки культуры населения региона, базирующейся на принципиальных изменениях природно-ландшафтной и экологической ситуации. В этих условиях не исключено, что выбор стратегии жизнедеятельности мог быть связан в том числе и с этнической принадлежностью обитателей каждого конкретного поселения.

Существенные изменения материальной культуры происходят в бореале и в *Горном Крыму*. Тут они связаны с появлением проблем в ресурсообеспечении региона, сменой фоновых видов фауны и необходимостью трансформации хозяйства.

На рубеже пребореала и бореала тут развивается достаточно сложный адаптивный комплекс материальной культуры, который относится к стоянкам типа "раковинных куч". Это связано с развитием разнообразных видов деятельности мезолитического населения, в том числе и специфического для данного региона усложненного собирательства улиток Helix (Бибиков, 1941: 140; 1946: 130; Бибиков, Станко, Коен, 1994: 112-113). Наиболее полно такой комплекс представлен в материалах сл. 3 навеса Шан-Коба. Тут выделено 2 хозяйственно-бытовых комплекса, которые рассматриваются как места разновременных поселений. На уровне 1-2 горизонтов прослежена кладовая для хранения улиток Helix (глубина 1.1 м), которая использовалась на протяжении всего срока существования сл. 3; внутри кладовой в мощной толще раковин выявлены орудия для их выгребания. В горизонте 4 сл. 3 Шан-Кобы найдена яма для запекания улиток шириной 0.22 м и глубиной 0.15м. Такие ямы внутри обкладывались листьями, туда укладывали раковины, сверху слегка присыпали землей и на 15 мин. разводили огонь. Лишь этот способ обработки давал возможность извлечь тело улитки, не повредив раковины. Типологически близкий комплекс открыт в Юсуф-Кобе (Бибиков, 1941: 140; Бибиков, Станко, Коен, 1994: 12-14).

Второй, более фундаментальный способ устройства поселений данного типа, прослеживается по материалам второго горизонта сл. 3 Мурзак-Кобы. Тут очаг по отношению к кладовой с раковинами был слегка смещен; кострище и яма обложены камнями (Бибиков, Станко, Коен, 1994: 110). Похожую конструкцию имела пекарская яма Кара-Кобы (Колосов, 1960).

Возникновение стоянок типа "раковинных куч" в Горном Крыму хронологически совпадает со временем трансформации фаунистического комплекса и изменением форм ведения хозяйства. Формирование таких комплексов, скорее всего, объясняется поиском новых источников питания. Переход к усложненному собирательству улиток Helix давал возможность сохранить на некоторое время привычный оседлый образ жизни, о чем свидетельствует структура поселений данного типа.

В связи с этим особое внимание привлека-

ют материалы навесов Шан-Коба сл. 3 и Мурзак-Коба сл. 3. Каждый из них состоит из жилищ, заслонов от ветра, очагов нескольких типов, хозяйственных и пекарских ям и других бытовых объектов. Микростратиграфическое изучение этих слоев свидетельствует о том, что жизнь там неоднократно возобновлялась. Учитывая длительность обитания на поселениях и характер связанных с ними артефактов, которые представляют все стадии обработки кремня и утилизации орудий труда, эти памятники условно можно отнести к типу базовых лагерей. В случае Мурзак-Кобы такое предположение подтверждается также наличием парного разнополого погребения. С другой стороны, пока невозможно окончательно выяснить социальную структуру и срок функционирования этих поселений. В результате их интерпретация как базовых лагерей остается пока лишь рабочей гипотезой.

На территории Горного Крыма можно выделить два варианта сезонных стоянок бореального времени. Первый, усложненный, реконструируется на основе материалов поселений Фатьма-Коба сл. 4/1, Таш-Аир сл. 8 и сл. 7, верхних слоев Алимовского навеса и др. Он существенно отличается от типичного для предшествующего времени. Эти комплексы более подвижны, по сравнению с пребореальными, их конструкция относительно упрощена. Так, в некоторых случаях существование жилищ там допускается условно, учитывая расположение артефактов в пещерах. Тем не менее, характер культурного слоя дает основание предположить относительно длительный срок проживания на таких поселениях. В контексте изучения способов жизнедеятельности особое значение приобретает тот факт, что именно с поселениями данного типа связывается начало доместикации свиньи (Столяр, 1959; Крайнов, 1960).

Второй вариант устройства сезонных стоянок связан с группой памятников, где найдены или только жилища (Фатьма-Коба сл. 2, Замиль-Коба верхний слой), или только кострища (Ласпи VII, Кукрек верхний слой).

В целом в бореале характер поселений и связанный с ними образ жизни горнокрымского населения изменяется и усложняется. Среди носителей данной культурной традиции можно выделить два специфических способа использования возможностей окружающей среды. Главный фактор такой дивергенции способов социокультурной адаптации состоит в кризисе традиционного охотничьего хозяйства, которая вызвала необходимость поиска новых источников питания путем или экстенсивным (повышение подвижности), или интенсивным (переход к усложненному собирательству и доместикации животных).

В *лесной зоне* в бореале в общих чертах сохраняются основные тенденции развития материальной культуры предшествующего времени. С одной стороны, в условиях относительно более мягкого климата сохраняются традиции сравнительно оседлого образа жизни и связанные с ним конструктивные остатки. Новой чертой социокультурной адаптации бореального времени, которая отражает развитие этой тенденции на ином уровне, стало возникновение базовых лагерей.

На базовом лагере Вороцев II раскрыто 59 углублений в культурном слое, которые разбиты на 7 производственно-хозяйственных комплексов. Последние состоят, как правило, из жилищ, мест обработки кремня, хозяйственных ям и кострищ (Мацкевой, Боднар, Савчук, 1979: 368). Большая часть углублений, где найдены отдельные кремни и кости животных, интерпретируется автором раскопок как остатки хозяйственных ям и близких им по назначению объектов. Около 20 подовальных сооружений, содержащих небольшое количество находок и сопровождающихся скоплениями артефактов перед вероятными входами, рассматриваются как остатки куреней с углублениями в центре, которые использовались в теплое время года (Мацкевой, 1991: 99). Количество обитателей и длительность функционирования поселения можно оценивать по-разному в зависимости как от социального устройства этой группы населения, так и от количества жилищ и фауны. В отличие от других базовых лагерей лесной и степной зон, поблизости Вороцева II небольшие однокультурные памятники, которые формировали бы его промысловую территорию, не выявлены.

В общих чертах подобные принципы устройства базового лагеря прослеживаются по материалам поселения Рудой Остров в Киевском Полесье. Тут на площади 700 кв.м. раскрыто 11 заполненных серым зольным песком линз, которые интерпретируются как остатки углубленных кострищ и жилищ. Длительность обитания тут подтверждается мощностью и насыщенностью культурного слоя, а также относительно равномерным распространением находок на площади поселения. “Куст” однокультурных памятников составляют кратковременные местонахождения ДВС, Бородянка, Кухари 2, Тетерев и др. (Зализняк, 1977б: 30; 1984: 48).

На поселении Песочный Ров в Полесье раскрыто 3 углубленных кострища, два из которых имеют специфическую форму наклоненной чаши, близкую рудоостровским очагам. Кроме того, тут прослежено плотное скопление нескольких сотен кремневых отщепов, обломков, расколотых желваков, нуклеусов, которое соотносится с местом первичной обработки сырья. Инвентарь, представляющий все этапы изготовления орудий труда, и своеобразное расположение очагов и скоплений кремневых артефактов дают возможность предположить существование тут в древности легкого наземного куреневидного жилища. В таком контексте не исклю-

чено, что Песочный Ров мог быть базовым лагерем охотников и собирателей, где жизнь проходила преимущественно в теплое время года. Поблизости выявлено несколько однокультурных пунктов обработки кремня, а также кратковременные местонахождения Грязьки, Крейда, Мамекино и др. (Телегін, 1982: 84; Неприна, Зализняк, Кротова, 1986: 120; Зализняк, 1991: 116). Уточнение типа данного памятника станет возможным лишь после тщательного планиграфического и трасологического анализа структурных элементов культурного слоя.

Наряду с базовыми лагерями в лесной зоне выявлен ряд сезонных стоянок со сложным устройством. Так, на поселении Старуня 1 в Предкарпатье выявлены остатки двух углубленных жилищ типа чумов, ветряной заслон с фундаментом из плиточного песчаника с выходом в направлении речки, 4 хозяйственных ямы и 3 очага, заполненные древесным углем. Между этими объектами прослежены скопления кремневых артефактов, которые рассматриваются как места обработки кремня. Судя лишь по фауне, тут на протяжении более 1 месяца обитало около 10 человек. В общих чертах подобное устройство имели поселения Нобель 1 (верхний слой) и Брюховичи VI (Грибович, 1980: 59; Мацкевой, 1991: 14-15). На последнем жизнь могла продолжаться более двух месяцев. К памятникам данного типа относится также Камяница 1, где найдены остатки наземного жилища с каменным основанием и кострище (Мацкевой, 1987б: 87).

В бореальное время в лесной зоне сохраняются также сезонные стоянки упрощенной конструкции. Так, на поселениях Выжевка, Бородянка IIIв и Терновица III найдены остатки лишь углубленных жилищ без четких следов кострищ (Охрименко, 1983: 303; Мацкевой, 1987в: 372). Основания заслона от ветра открыты на поселении Камяница II, датируемом атлантическим периодом голоцена (Мацкевой, 1987б: 87; 1991: 71). На поселении Криница 4в в Волынском Полесье прослежены остатки 6 углубленных кострищ, с которыми связаны все находки (Зализняк, 1991: 116).

Еще один вариант устройства сезонных стоянок лесной зоны этого времени реконструируется на основе материалов дюнного поселения Красноселье в Западном Полесье. Тут выявлено 14 овальных скопление кремневых артефактов; жилища и очаги не обнаружены (Грибович, 1978: 315-316). Типологически подобны ему материалы поселения Хильчицы Львовской области (Телегин, 1985: 123).

Третья разновидность сезонных стоянок представлена материалами поселения Гридасово в Новгород-Северском Полесье, где не выявлены ни конструктивные остатки, ни скопления артефактов, однако мощность культурного слоя и состав находок дают основания для отнесения его к поселениям данного типа. Возникновение и распространение в лесной зоне двух последних вариантов сезонных стоянок связаны с возрастанием подвижности населения в конце мезолита в результате назревания кризиса традиционного охотничьего хозяйства.

В целом в лесной зоне Украины на протяжении бореала — атлантического периода голоцена можно выделить две традиции устройства поселений. Первая, которая отражает тенденцию сохранения привычного, относительно оседлого образа жизни, реализуется в эту эпоху как в форме традиционных сезонных стоянок, так и в виде базовых лагерей. Наряду с ними в конце мезолита достаточно широкое распространение получают “подвижные” комплексы, связанные с усилением кризисных палеоэкологических явлений. Близкая к выявленной в степях “кустовая” система распространения поселений, возможно, также связана с общими основами относительно оседлого образа жизни: коллективы, проживая на большом долговременном поселении, организовывают поблизости него охотничьи, сырьевые экспедиции в поисках необходимых ресурсов. Потребление и хранение последних происходило, как правило, на базовом лагере. В лесной зоне, однако, “кусты” кратковременных местонахождений прослеживаются не во всех случаях.

Краткий обзор основных типов мезолитических памятников дает возможность выделить этапы эволюции систем поселений и связанных с ними способов жизнедеятельности, которые в общих чертах согласовываются с палеогеографическими рубежами и обусловливают изменения основ ведения хозяйства. Среди факторов, оказывающих существенное влияние на выбор систем жизнедеятельности, важное место занимает специфика экологической ниши и исторически сложившиеся особенности культуры (в том числе и этнической) отдельных групп населения.

Существование каждого отдельного типа археологических памятников предполагает наличие выработанной многими поколениями системы саморегуляции первобытного коллектива. Наряду со многими другими компонентами в нее входят: периодические перемещения, иногда на значительное расстояние, проживание на одном месте, обеспечение пригодных для жизнедеятельности и продолжения рода условий, изготовления и использование орудий труда, ритуальная деятельность. Таким образом, изучение систем поселений на основе выделения и интерпретации типов памятников дает практически исчерпывающую информацию об образе жизни отдельных групп населения. В таком контексте поселение может одновременно выступать и как средство приспособления к определенным условиям существования, так и основной исторический источник для реконструкции систем культурно-исторической адаптации отдельной общности мезолитического населения.

ЛИТЕРАТУРА:

Археология Украинской ССР. Т. 1. Первобытная археология. — К.: Наукова думка, 1985. — 567 с.

Бадер О.Н. Изучение эпипалеолита Крымской области // СА. — 1940а. — № 5. — С. 93-100.

Балакін С.А. Мезолітичне поселення в урочищі Бурлаків Яр на Дністрі // Археологія. — 1986. — Т. 53. — С. 37-47.

Балакин С.А., Козловский А.А., Телегин Д.Я. Раскопки у с. Игрень на Днепре // АО 1978 г. — М.: Наука. — 1979. — С. 294-295.

Березанская С.С. Разведка в северных районах Украины // АИУ 1967 г. — К.: Наукова думка. — 1968. — Т. 2. — С. 30-35.

Бибиков С.Н. Предварительный отчет о работе Крымской экспедиции 1935 г. // СА. — 1936. — Т. 1. — С. 195-212.

Бибиков С.Н. Об использовании улиток Helix в позднепалеолитическое время // МИА. — 1941. — № 2. — С. 140-142.

Бибиков С.Н. Позднепалеолитические поселения в навесе Шан-Коба и в гроте Мурзак-Коба в Крыму / / КСИИМК. — 1946. — Вып. 13. — С. 126-130.

Бибиков С.Н. Раскопки в навесе Фатьма-Коба и некоторые вопросы изучения мезолита Крыма // МИА. — 1966. — № 126. — С. 138-143.

Бибиков С.Н., Станко В.Н., Коен В.Ю. Финальный палеолит и мезолит Горного Крыма. — Одесса: Весть, 1994. — 331 с.

Векилова Е.А. Мезолитическая стоянка Сюрень II // КСИА АН УССР. — 1957. — Вып. 7. — С. 7-8.

Витов М.В. О классификации поселений // СЭ. — 1953. — № 3. — С. 27-37.

Гавриленко І.М. Про статевовікову структуру ранньомезолітичної общини (за матеріалами поселення В'язівок 4а у Посуллі) // Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины. — Харьков: АО "Бизнес-информ". — 1995. — С. 7-8.

Гавриленко І.М. Житлові та господарські споруди мезолітичної стоянки В'язівок 4а // Археологічний літопис Лівобережної України. — 1997. — № 1-2. — С. 46-55.

Горелик А.Ф. Исследование мезолитических комплексов стоянки Зимовники I в Северо-Восточном Приазовье // СА. — 1984а. — № 2. — С. 115-133.

Горелик А.Ф. Мезолит Северо-Восточного Причерноморья (вопросы культурно-хронологического членения) // Материалы каменного века на территории Украины. — К.: Наукова думка. — 1984б. — С. 4-22.

Горелик А.Ф. Новые мезолитические памятники с янисславицкими элементами на Северском Донце // СА. — 1987. — № 3. — С. 146-160.

Грыбович Р.Т. Исследование мезолитической стоянки Атаки VI на Днестре // АО 1976 г. — М.: Наука. — 1977. — С. 283-284.

Грибович Р.Т. Мезолитические памятники у с. Красноселье // АО 1977 г. — М.: Наука. — 1978. — С. 315-316.

Грибович Р.Т. Мезолітична стоянка Нобель I на Волині // Археологія. — 1980. — № 35. — С. 53-63.

Грибович Р.Т. Исследования в верховьях р. Иквы // АО 1985 г. — М.: Наука. — 1987а. — С. 321-322.

Грибович Р.Т. Мезолит Западной Волыни // Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья. — К.: Наукова думка. — 1987б. — С. 66-75.

Даниленко В.Н. Волошский эпипалеолитический могильник // СЭ. — 1955. — № 3. — С. 56-61.

Дворянинов С.А. О днепровских могильниках каменного века // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. — К.: Наукова думка. — 1978. — С. 5-16.

Добровольський А. Восьма Ігрінська неолітична стоянка // АП УРСР. — Т. 2. — К.: Вид-во АН УРСР. — 1949. — С. 243-252.

Зализняк Л.Л. Исследование мезолитических памятников в Киевском Полесье // АО 1976 г. — М: Наука. — 1977а. — С. 295-296.

Зализняк Л.Л. Мезолит Восточной Волыни и Киевского Поднепровья в свете новых исследований // Новые исследования археологических памятников на Украине. — К.: Наукова думка. — 1977б. — С. 23-44.

Зализняк Л.Л. Мезолит Юго-Восточного Полесья. — К.: Наукова думка, 1984. — 120 с.

Залізняк Л.Л. Закономірності в розміщенні стоянок кам'яного віку // Археологія. — 1989. — № 2. — С. 11-20.

Зализняк Л.Л. Население Полесья в мезолите. — К.: Наукова думка, 1991. — 156 с.

Кизь Г.В. Мезолитические местонахождения Мирное 2 и 3 // Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытнообщинного строя. — К.: Наукова думка. — 1980. — С. 24-26.

Коен В.Ю. Некоторые данные о культурно-историческом процессе в Азово-Черноморском регионе X — XI тыс. лет до н.э. // РА. — 1992. — № 2. — С. 5-19.

Коен В.Ю. Раскопки в гроте Скалистый // Археологические исследования в Крыму. — Симферополь: Таврия. — 1994. — С. 141-146.

Колосов Ю.Г. Раскопки пещеры Кара-Коба в Крыму // КСИА АН УССР. — 1960. — Вып. 10. — С. 17-22.

Колосов Ю.Г. Некоторые позднепалеолитические стоянки порожистой части Днепра (Осокоровка, Дубовая Балка, Ямбург) // Борисковский П.И., Прослов Н.Д. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья. / САИ. — А — I-5. — М.: Наука, 1964. — С. 42-49.

Конопля В.М. Исследование поселений у сел Ярославовичи и Малые Дорогостаи // АО 1979 г. — М.: Наука. — 1980. — С. 286-287.

Крайнов Д.А. Пещерная стоянка Замиль-Коба I // Труды ГИМ. — 1938. — Вып. 8. — С. 7-32.

Крайнов Д.А. Стоянка Замиль-Коба I // БКИЧП. — 1940. — № 6-7. — С. 85.

Крайнов Д.А. Пещерная стоянка Таш-Аир как основа периодизации послепалеолитических культур Крыма // МИА. — 1960. — № 91. — С. 3-165.

Красковский В.И. Памятники палеолита и мезолита Северо-Западного Причерноморья. Археологическая карта. — К.: Наукова думка, 1978. — 70 с.

Массон В.М. Палеолитическое общество Восточной Европы. Вопросы палеоэкономики, культурогенеза и социогенеза. — С.-Пб., 1996. — 73 с.

Мацкевой Л.Г. Исследование памятников мезолита // АО 1985 г. — М.: Наука. — 1987а. — С. 370-371.

Мацкевой Л.Г. Мезолит Предкарпатья, Западного Подолья и Прикарпатья // Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья. — К.: Наукова думка. — 1987б. — С. 75-89.

Мацкевой Л.Г. Исследования Прикарпатской и Яворовской экспедиций // АО 1985 г. — М.: Наука. — 1987в. — С. 371-372.

Мацкевой Л.Г. Мезолит Запада Украины. — К.: Наукова думка, 1991. — 148 с.
Мацкевой Л.Г., Адаменко О.М., Пашкевич Г.А., Татаринов К.А. Природная среда и мезолит Запада Украины // СА. — 1983. — № 1. — С. 5-30.
Мацкевой Л.Г., Боднар Г.Е., Савчук А.П. Исследования в с. Вороцев // АО 1978 г. — М.: Наука. — 1979. — С. 368.
Неприна В.И., Зализняк Л.Л., Кротова А.А. Памятники каменного века Левобережной Украины. — К.: Наукова думка, 1986. — 240 с.
Неприна В.И., Супруненко А.Б., Гавриленко И.Н. Жилище на мезолитической стоянке Посулья Вязовок 4а // РА. — 1992. — № 3. — С. 136-146.
Охрименко Г.В. Раскопки жилищ каменного века на Волыни // АО 1981 г. — М.: Наука. — 1983. — С. 303.
Пидопличко И.Г. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. — К.: Наукова думка, 1969. — 162 с.
Рах Х.Ю. Поселение // Материальная культура. — М.: Наука, 1989. — С. 144-146.
Рудинський М.Я. До питання про культури “мезолітичної доби” на Вкраїні // Антропологія. — 1928. — Т. 1. — С. 73-94.
Рудинський М.Я. Досліди в Журавці // Антропологія. — 1929. — Т. 2. — С. 140-151.
Рудинський М.Я. Дубно-Кременецька палеолітична експедиція // АП УРСР. — 1952. — Т. 4. — С. 143-154.
Рудинський М.Я., Вороний А. З приводу знахідок в м. Журавці на Прилуччині // Антропологія. — 1928. — Т. 1. — С. 65-71.
Савчук А.П. Новые мезолитические памятники в Среднем Поднепровье // СА. — 1975. — № 4. — С. 92-98.
Сериков Ю.Б. Выйка — опорный памятник эпохи мезолита в Среднем Зауралье // СА. — 1988. — № 1. — С. 17-32.
Станко В.Н. Ранний мезолит степей Северного Причерноморья // Первобытная археология. Поиски и находки. — К.: Наукова думка. — 1980. — С. 90-109.
Станко В.Н. Мирное. Проблемы мезолита степей Северного Причерноморья. — К.: Наукова думка, 1982. — 176 с.
Станко В.Н. К проблеме западных связей мезолита степного Причерноморья // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. — К.: Наукова думка. — 1985. — С. 31-45.
Станко В.Н. О дискретном характере орудийного производства в ранней родовой общине // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. — К.: Наукова думка. — 1989. — С. 216-128.
Станко В.Н. Кризис охотничьего хозяйства и возникновение скотоводства в азово-причерноморских степях // Древности. — Харьков: АО “Бизнес-информ”. — 1995. — С. 6-11.
Станко В.Н. Епоха мезоліту // Давня історія України. — Т. 1. — К.: Наукова думка. — 1997. — С. 114-156.
Столяр А.Д. Могильник мезолитического времени у с. Васильевки на Днепре // Советская антропология. — 1957. — № 2. — С. 179-188.
Столяр А.Д. Об одном центре одомашнивания свиньи // СА. — 1959. — № 3. — С. 3-18.
Столяр А.Д. Мезолитические комплексы Алимовского навеса в Крыму // КСИА АН СССР. — 1961. — Вып. 84. — С. 33-44.
Тарасов Л.М. Раскопки на стоянке Куба // АО 1983 г. — М.: Наука. — 1985. — С. 363-364.
Телегін Д.Я. Василівський третій некрополь в Надпоріжжі // Археологія. — 1962. — Т. 13. — С. 3-19.
Телегин Д.Я. Изучение домостроительства и планирования поселений мезолитического времени в Поднепровье // АИУ в 1978 — 1979 г.г. — Днепропетровск. — 1980. — С. 34-35.
Телегін Д.Я. Мезолітичні пам’ятки України. — К.: Наукова думка, 1982. — 255 с.
Телегин Д.Я. Памятники эпохи мезолита на территории Украинской ССР. Карта местонахождений. — К.: Наукова думка, 1985. — 183 с.
Телегин Д.Я., Тарасенко М.И. Мезолитическая стоянка у хутора Рогалик // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. — Л.: Наука. — 1983. — С. 35-39.
Федоров П.В. К вопросу о “кремневых складах” в неолитическое время // МИА. — 1953. — № 39. — С. 286-293.
Чердынцев В.В. Абсолютная геохронология палеолита // Палеолит и неолит СССР / МИА. — 1971. — № 173 (2). — С. 298-313.
Черныш А.П. Владимировская палеолитическая стоянка // БКИЧП. — 1953. — № 17. — С. 43-51.
Черниш О.П. Стародавнє населення Подністров’я в добу мезоліту. — К.: Наукова думка, 1975. — 167 с.
Яневич А.А. Новая финальнопалеолитическая стоянка Вишенное II в Крыму // Пізньопалеолітичні пам’ятки центру Північного Причорномор’я. Препринт. — Херсон, 1992. — С. 20-31.
Яневич А.А. Охранные раскопки стоянок Вишенное I и Вишенное II // Археологические исследования в Крыму. — Симферополь: Таврия. — 1994. — С. 289-293.
Binford L.R. The archaeology of place // Journal of Anthropological Archaeology. — 1982. — no. 1. — P. 5-31.
Fladmark K.P. Microdebitage analysis: initial considerations // JAS. — 1982. — Vol. 9. — P. 205-220.
Gamble C. The World at 18 000 B.P. Vol. 1. High latitutes. — London: Unwin Hyman, 1990. — 165 p.
Hole F., Flannery K.V. The prehistory of South-Western Iran // PPS. — 1967. — Vol. 33. — P. 158-169.
Migration // Larousse de XXe siecle en 6 vol. — Paris: Libratie Larousse, 1994. — Vol. 4. — P. 871-872.
Sklenar K. Paleolithic and mesolithis dwellings: problems of interpretation // Pamatky archeologicke. — LXVI. — 1975. — cislo 2. — P. 266-304.
Soffer O. The Upper Paleolithic of the Central Russian Plain. — London: Academic Press, 1985. — 539 p.
Stein Ph.L., Rowe B.M. Physical anthropology. — 4th edt. — McGraw-Hill, Inc., 1989. — 512 p.

Коваленко С.И., Цой В.Б.

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ПОЗДНЕМЕЗОЛИТИЧЕСКИХ ИНДУСТРИЙ В КАРПАТО-ДНЕСТРОВСКОМ РЕГИОНЕ

Covalenco S.I., Tsoi V.B. To the question of the development of the late Mesolithic industries in the Carpathian-Dniester region.

The state of the source studying base on the late Mesolithic of the Carpathian-Dniester region allows to reveal the basic tendencies in its development. The initial stage of the late Mesolithic is connected with the appearance of two separate cultural phenomena, having no real cause in the monuments of the preceding times. The Kukreksky technocomplex, expressed in the inventory set of Old Bedrajii (Middle Prut area), alongside with the monuments of the middle current of the South Bug, takes part in the formation of a peculiar Reut variant (Frumushica I, Gura-Camencii VI, Varvarovca IX). At the same stage the Grebenecov community, formed in Low Dniester area, starts its expansion into the Dniester-Danube seaside area (Mirnoe), in Low Prut area (Sarateni, Bereshti, Dealul Taberei). At the second stage the bearers of the traditions of the Grebenicov culture penetrate into the basin of the river Reut (Sacarovca IV, Old Bilicheni XII, Lazo V) and participate in the formation of "Tardenoisian" monuments in the Middle Prut area.

Активный поиск мезолитических памятников на пространстве к востоку от Карпат, включая бассейн Среднего и Нижнего Днестра, ведется с середины 50-х годов. В обзорных работах А.П-.Черныша (1973, 1975) по Среднему Поднестровью, Н.А.Кетрару (1969,1973) по Прутo-Днестровскому междуречью, М.Брудиу (1974) по Правобережью Прута, В.И.Красковского (1978) по приморской зоне междуречья Дунай-Днестр, подводятся первые итоги изучения позднего мезолита. Среди многочисленных памятников этого периода комплексному обследованию подверглись стоянки Гиржево (Станко 1966,1967а), Мирное (Станко 1982), тарденуазский слой Рипичень-Извор (Paunescu 1993). Частичные раскопки проводились на стоянках Фрумушика (Черниш 1975), Саратенах (Коваленко, Кетрару 1997) и Старых Биличенах XII.

Среди первых оригинальных концепций развития мезолитических индустрии заслуживает внимания периодизационная схема А.П.Черныша (1975:100-106) по Поднестровью. Из ее четырех фаз развития, с поздним мезолитом может быть соотнесена последняя, фрумушикская, представленная по А.П.Чернышу стоянками Фрумушика на р.Реут, Гребениками и Гиржево на Нижнем Днестре. Для нас крайне важно подчеркнуть, что в Среднем Поднестровье фактически отсутствуют памятники с микролитоидными наборами инвентаря. Это находит свое объяснение в длительном изживании палеолитических традиций и не дает возможности рассматривать наиболее поздние из известных комплексов Среднего Днестра (Атаки VI, Кормань IV, ел. А), в общей схеме развития позднемезолитических индустрий нашего региона.

Заметный вклад в изучение проблематики мезолита внесли румынские ученые — К.Николаеску-Плопшор, М.Брудиу (1974), Ал.Пэунеску (1964,1993), которые предлагают подразделение раннеголоценовых памятников на эпипалеолитические и тарденуазские. Термин "эпипалеолит" в нашем понимании действительно наиболее точно передает суть развития ранних индустрий Карпато-Днестровского региона, в то же время определение памятников позднего мезолита тарденуазскими нежелательно в связи с ограниченным смысловым значением данного термина.

Всестороннему рассмотрению проблем мезолита посвящены работы В.Н.Станко (1982) и Д.Я.Телегина (1982). Вопросы хронологии, периодизации, культурно-исторического членения мезолитических памятников разбираются в них на основе детального анализа всего комплекса источников. Особо плодотворны исследования В.Н.Станко по гребениковскому сообществу, его происхождению и взаимодействию с носителями кукрекских традиций.

Благодаря накопленному археологическому материалу возможно определение культурно-хронологического статуса большинства мезолитических памятников региона. Выделение позднемезолитических комплексов, рассмотрение их во взаимодействии, вполне допустимо на основе анализа типологически выразительных наборов кремневого инвентаря. При этом большое число мелких местонахождении с однообразным набором микролитических изделий может быть использовано для уточнения границ того или иного типа памятников.

Отмечая, что материалы ряда ключевых

© Коваленко С.И., Цой В.Б., 1999.

памятников нашего региона были найдены в переотложенном состоянии или на поверхности, мы не можем признать оправданным скептическое к ним отношение. Известные у нас стратифицированные памятники единичны. Многие из прошурфованных стоянок, где сохранились остатки культурного слоя, не содержат какой-либо ценной информации геостратиграфического характера. По крайней мере для позднего мезолита говорить об успехах геохронологии преждевременно. Методики, хорошо зарекомендовавшие себя на палеолитических памятниках, здесь “не работают”.

Расчленить делювиальные суглинки, в верхах которых обычно прослеживаются остатки мезолитических слоев, можно лишь в самых редких случаях. Примером может служить работа В.Ф.Петруня (1971) на раннемезолитической стоянке Белолесье. Стратиграфические наблюдения А.П.Черныша (1975:132) на Среднем Днестре представляют значение только для раннего мезолита. Положение поздних памятников в верхней части голоценового грунта “В” может выступать лишь в качестве желаемого ориентира. А для более южных памятников приемлемо лишь заключение о соотношении культурных остатков с отложениями, в которых фиксируется прекращение накопления лёссовидных суглинков и прослеживается развитие почв современного типа.

Учитывая условность стратиграфических данных, еще большее значение приобретают технико-типологические особенности кремневых наборов. При этом на позднем этапе развития мезолита прослеживаются черты своеобразия стадиального характера. Так, помимо совершенства техники параллельного скалывания, основанной на ручном отжиме, направленной на серийное производство мелких пластинчатых заготовок, наиболее рельефно проявилась микролитизация всей индустрии. Массовое распространение получают прямоугольные и трапециевидные сечения пластинок с преднамеренным изломом обоих концов. На их фоне обязательно присутствие нуклеусов с тщательно ограненными рабочими поверхностями, пластинчатых вкладышей, мелких боковых и подокруглых скребков.

Прогрессивные технические приемы обработки камня частично снивелировали облик генетически различных мезолитических индустрии. Это затрудняет выяснение подосновы культурных образований, появившихся в Карпато-Днестровском регионе в начале позднего мезолита.

Памятники гребениковской культуры, впервые выделенной по группе нижнеднестровских стоянок В.Н.Станко (19676), обнаружены в степной зоне Северо-Западного Причерноморья в

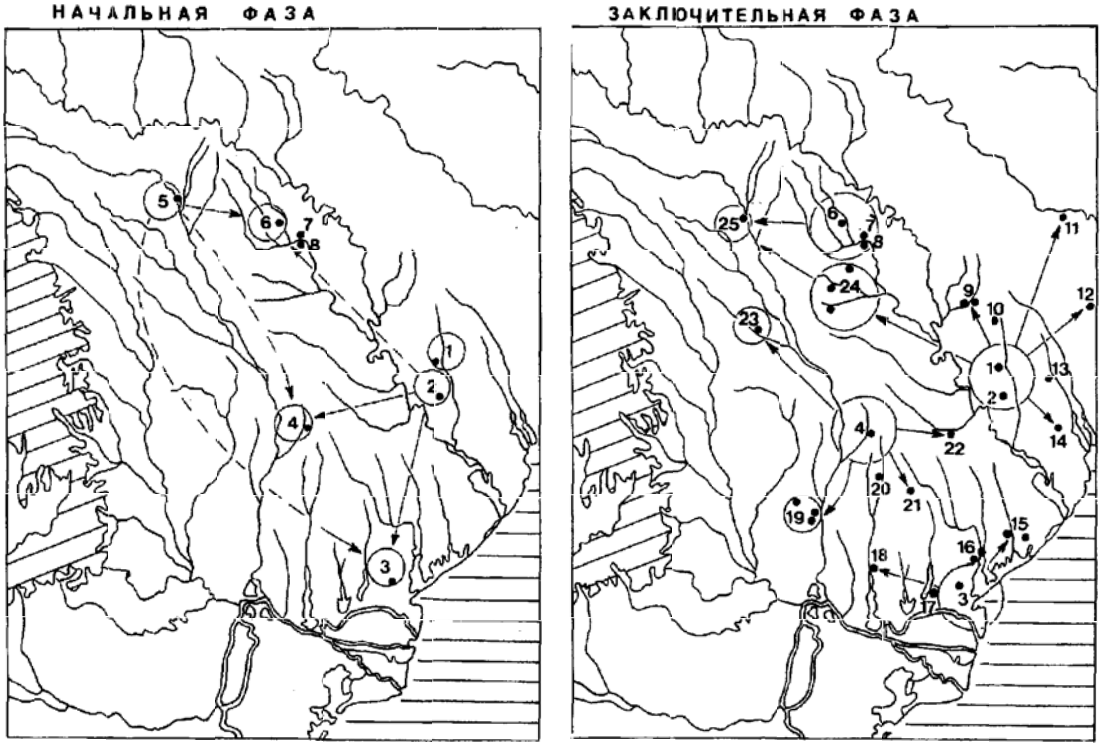

Рис.1. Карта расположения мезолитических памятников Карпато-Днестровского региона (1 -Гиржево; 2 - Гребеники; 3 - Мирное; 4 - Саратены; 5 - Старые Бедражи; 6 - Фрумушика; 7 - Гура-Каменка VI; 8 - Варваровка IX; 9 - Орловка, Довжанка; 10 - Балашове; 11 - Познанка; 12 - Скосаревка; 13 - Цыбулевка; 14 -Карпове; 15 - Дивизия, Широкое; 16 - Татарбунары, Борисовка; 17 - Васильевка;
18 - Зализничное; 19 - Бэняса I и 11, Берешть Дялул Таберей; 20 - Дудулешты; 21 - Твардица, Кириет-Лунга; 22 - Заим; 23 - Ербичень; 24 - Сакаровка IV, Старые Биличены XII, Лазо V; 25 - Рипичень-Извор).

уже сформировавшемся виде. С самого начала отмечалось отсутствие связей с предшествующими им памятниками типа Белолесья. Также принципиально отличны они от раннемезолитических комплексов Среднего Приднестровья типа Атак VI и Оселивки I. Лишь детальное сопоставление с ранними комплексами Северного Причерноморья — Осокоровки III-в и Царинки (Станко 1986) — позволяет допустить типологическую преемственность именно от них.

Степное сообщество гребениковских памятников на протяжении всего позднего мезолита активно контактировало с носителями традиций кукрекского технокомплекса. Это обширное объединение близких между собой памятников лесо-степной зоны на своем крайне западном рубеже представлено выразительным вариантом известным по памятнику Старые Бедражи. Насколько правомерно связывать его происхождение с проникновением кукрекских традиций с Южного Побужья судить трудно. В свою очередь, генезис крупной группы негеометрических кукрекских памятников среднего течения р. Южный Буг (Абузовой Балки, Бубинки, Софиевки и др.) от анетовской позднепалеолитической культуры (Станко 1982:112-114) также требует более развернутого обоснования.

На первом этапе становления позднемезолитических индустрии (рис.1 начальная фаза) наблюдается локализация гребениковских памятников в Нижнем Поднестровье, а кукрекских — в Среднем Попрутье. Если не считать проявления некоторых кукрекских элементов в коллекции стоянки Гребеники, зона Нижнего Днестра оставалась незатронутой инородным влиянием. В дальнейшем, процесс расширения ареала гребениковского сообщества охватил почти все степное пространство Карпато-Днестровского региона и оказал существенное влияние на формирование облика памятников в зоне лесостепи.

Раскопанная В.Н.Станко (1967а:156-165) стоянка Гиржево (рис.1:1) представляет самую крупную и культурно однородную коллекцию артефактов. Культурный контекст Гиржево отражает доминирование отжимного скалывания с плоских и уплощенных нуклеусов, при наличии конических форм. Среди продуктов расщепления велика доля мелких пластинчатых заготовок, соотносящихся с обычными пластинами как 2:1. Высокая стандартизация вкладышевых форм основана на массовом распространении коротких сечений пластинок трапециевидных и прямоугольных очертаний.

В инвентарном наборе Гиржево преобладают скребки, большинство которых выполнено на небольших утолщенных отщепах. Своеобразны серии микроскребков боковых, конце-боковых, округлых разновидностей, иногда с обработкой покрывающей большую часть поверхности заготовки. Выделяются оригинальные образцы с вытянутым слегка зауженным рабочим краем и короткие с широким лезвием. Многочисленны ногтевидные скребки с диаметром до 1,5 см. Нередко встречаются скребки на укороченных пластинах.

Геометрические микролиты составляют не менее 25% от всех орудий. Главным образом это мелкие и миниатюрные (до 1,5 см по нижнему основанию) трапеции, средневысокие и симметричные. Несколько меньше удлиненных экземпляров и совсем мало высоких форм. Часть трапеций — с вогнуторетушированной одной или двумя сторонами. Представлены и асимметричные изделия, через ряд переходных форм тесно связанные с единичными ромбовидными микролитами.

Малозначимые типы изделий не превышают 3% от общего числа орудий. К ним относятся пластинки с усеченным ретушью концом, пластинки с мелкими выемками по краю и микропластинки с притупленным краем. Меньше чем одним процентом представлены острия на утолщенных пластинах, резцы срединные и боковые, пластины-анкош, ущемленные формы.

Как было отмечено, в коллекции Гребеников заметно инородное влияние, изменившее пропорции отдельных типов орудий. Так, увеличивается число скребков на отщепах средних размеров, соответственно сокращается доля ногтевидных и округлых, почти исчезают изделия на укороченных пластинах. При сокращении процента геометрических микролитов (табл.1) возрастает количество пластинок с притупленным краем. И -что самое показательное, в инвентаре много карандашевидных нуклеусов, соотносящихся с плоскими формами как 4:3. При дополнительном просмотре коллекции Гребеников (из фондов Одесского археологического музея) под №№ 103,134 и 1005 определены пластины с подтеской брюшка, аналогичной кукрекской обработке.

Сильное кукрекское воздействие испытали гребениковские памятники за пределами Нижнего Поднестровья. Колонизация приморских районов степной зоны и проникновение в Нижнее Попрутье (рис.1 начальная фаза) трансформировала привычную структуру гребениковских комплексов. Несомненно участие в этом процессе и позднеграветтоидного субстрата.

В степях Днестро-Дунайского междуречья известна целая группа гребениковских стоянок (Татарбунары, Борисовка, Васильевка, Дивизия) и базовое поселение у с.Мирное (рис. 1:3). Если судить по огромной коллекции стоянки Мирное (Станко 1982:17-40), для памятников этой зоны свойственно изменение соотношения между карандашевидными и плоскими нуклеусами в пользу первых (см.табл.1), хотя элементы уплощения рабочих фронтов и остаются определяющими для большинства ядрищ. Даже среди конусовидных форм, В.Н.Станко выделяет большую серию уплощенных образцов.

Таблица 1. Процентное соотношение между основными типами кремневого инвентаря

	Гребеники	Гиржево	Мирное	Саратены	Ербичены	Биличены XII	Сакаровка IV	Фрумушика	Гура-Каменчий VI	Рипичень-Извор	Ст. Бедражи	Атаки VI	Сороки I/II, н. сл.	Цариград
Скребки на средних отщепах	11	2	1	-	-	9	2	12	24	3	33	30	17	22
Микро-скребки	22	13	13	13	27	9	14	10	13	15	7	13	14	5
Скребки на пластинах	1	-	-	-	-	-	-	-	2	9	2	4	12	1
Скребки на укороченных пластинах	-	3	2	4	7	2	21	9	8	8	2	3	10	11
Скребки боковые	18	16	17	7	13	28	12	14	19	9	6	4	6	9
Скребки округлые	2	4	6	1	1	9	6	2	6	-	1	2	2	5
Скребки ноггевидные	6	17	12	13	10	9	7	-	2	5	-	1	2	-
Резцы	2	1	10	3	4	2	3	9	2	5	11	25	-	12
Острия граветтоидные	-	-	-	1	3	-	-	-	-	1	-	-	-	3
Острия/ проколки	-	1	3	3	2	5	1	2	-	1	5	5	1	3
Пластинки с притупленным краем	9	3	8	18	5	9	9	4	3	3	1	-	-	9
Геометри-ческие микролиты	15	28	6	24	8	10	16	6	2	3	-	1	14	1
Кукрекские вкладыши	2	-	2	3	-	2	3	14	3	-	10	1	1	1
Долотовидные изделия	-	-	2	1	-	-	-	6	-	-	5	-	-	1
Пластины с усеченным концом	2	3	2	3	4	2	1	-	-	4	-	-	4	2
Пластины с выемками	3	3	7	4	6	-	1	-	5	11	1	2	3	4
Скребла	-	-	-	-	-	-	-	-	1	2	4	2	5	2
Ретушеры	-	-	-	-	-	-	-	4	2	-	-	1	8	4
Карандашевид-ные нуклеусы	4	-	5	-	3	2	-	6	6	6	4	-	1	-
Конические нуклеусы	1	1	2	"	7	3	1	4	4	13	6	-	-	3
Плоские нуклеусы	3	7	3	2	-	2	1	2	-	-	2	6	2	1

Среди орудий Мирного увеличивается процент резцов, прежде всего оформленных на углу излома пластинчатой заготовки. Также возрастает доля пластинок с выемками по краю, из которых можно выделить анкош и ущемленные формы. На фоне увеличения количества пластинок и микропластинок с одним или двумя притупленными краями отмечено сокращение числа трапециевидных микролитов. Серия изделий с притупленным краем и подретушированным концом через переходные формы позволяет выстроить типологический ряд вплоть до абузовских и косых острий. Остается добавить, что в коллекции Мирного многочисленны пластинки с подтеской, включая характерные вкладыши кукрекского типа.

В другой зоне оккупации, на берегах мелких пересыхающих притоков Нижнего Прута, кукрекский компонент вкладышей еще выше. На стоянке Саратены (рис. 1:4) эти изделия составляют 3% от изделий с преднамеренной обработкой (табл.1). В то же время, здесь представлены почти исключительно плоские формы нуклеусов, а группа геометрических микролитов столь же велика как и в Гиржево. Отметим, что для коллекции Саратен характерна излишняя микролитизация. Соотношение пластин, пластинок и микропластинок составляет 12, 55 и 33% соответственно. Столь высокий процент микропластин весьма показателен. Наряду с этим, обращает на себя внимание массовое распространение сечений пластинок, многие из кото-

рых имеют преднамеренно обломанные концы.

В орудийном наборе Саратен обычны микроскребки, часто боковых разновидностей, несколько больше скребков на укороченных пластинках, исключительно много ногтевидных форм. Пластинки и микропластинки с притупленным краем (18%, включая микроизделия с мелкой краевой ретушью) сочетаются с микроостриями на таких же заготовках, среди которых имеются граветтоидные экземпляры (Covalenco, Chetraru 1996:39).

На правобережье Прута, на местонахождениях Бэняса I и II, Берешть Дялул Таберей обнаружен идентичный набор инвентаря. Находки на стоянке Ербичень (Спиноаса) несколько отличны по значительной выборке карандашевидных и конических нуклеусов, скребков на укороченных пластинах, резцов, пластинок с притупленным краем и особенно граветтоидных микроострий (Brudiu 1974:131-136,248-255).

Во многом иные технико-типологические показатели имеют кукрекские комплексы Попрутья — Старые Бедражи и Костешты V (Кетрару 1973:157-158; 1964:259,261). Они представлены экзотическими наборами кремневого инвентаря (табл.1). Отметим наиболее характерные их черты:

• развитая техника отжимного скалывания, основанная на коническом и карандашевидном нуклеусах, со снятиями заготовок по всему или большей части периметра. Наличие серии плоских одно- и двуплощадочных форм, преимущественно со снятиями заготовок в ударной технике;

• ведущие позиции пластин-заготовок над пластинками. Микропластин крайне мало (возможно из-за сбора находок с поверхности). Из пластинчатых сечений, составляющих незначительный процент, отмечены утолщенные укороченные экземпляры;

• среди количественно преобладающей группы скребков почти три четверти выполнены на отщепах средних размеров. Разнообразно оформление их лезвий — концевое, угловое, боковое, остроконечное, полуокруглое. Встречаются скребки на цельных и укороченных пластинах. Округлые и микролитичные экземпляры малочисленны;

• обязательное присутствие кукрекских вкладышей на сечениях пластин с плоской чешуйчатой и ламелярной подтеской, иногда всей вентральной поверхности. Сочетаются с обычными пластинами и пластинками с аналогичной обработкой;

• сравнительно много резцов — двойных угловых на сечениях пластин, поперечных и атипичных. Серийны долотовидные изделия с одним лезвием на отщепах, аморфные острия с небрежно подработанным жалом.

Кроме этого, в коллекции Ст.Бедражей отмечены мелкие изделия типа раклет, ущемленная пластина и косое острие с притупленным краем. В Костештах V единичны пластины-анкош, скребки-ретушеры, боковые микроскребки высокой формы, пластины с интенсивной заполировкой, острие на пластинке с дугообразно отретушированным краем и “ромбовидное микроострие с двумя косо срезанными концами.

Сложен процесс формирования индустрии реутских памятников. В комплексе Фрумушики (рис. 1:6) прослеживается определяющий блок признаков кукрекского технокомплекса, хотя очень сильны связи и с памятниками типа Гребеников. При этом, Д.Я.Телегин (1982:112) счел возможным увязать кукрекское своеобразие Фрумушики с южнобугским комплексом типа Абузовой Балки. Действительно, сопоставление новой коллекции Фрумушики с материалами Абузовой Балки (Смольянинова 1990:62-66) полностью подтверждает данный тезис. Подчеркнем сходство по ключевым показателям:

• представительности в обоих комплексах карандашевидных нуклеусов;

• направленности техники расщепления призматических ядрищ на получение пластин с прямым профилем, часто с дополнительным изломом концов;

• преобладании скребков средних размеров, сочетающихся с концевыми формами на укороченных пластинах;

• распространенности резцов на углу сломанной заготовки;

• выразительной серии пластин с плоской подтёской.

С другой стороны, во Фрумушике мало микропластин с притупленным краем (табл.1), отсутствуют абузовские микроострия, но значительно больше кукрекских вкладышей (14% от выборки орудий). Находка трех миниатюрных средневысоких трапеций, плоского нуклеуса, серии боковых микроскребков, на фоне общей микролитичности коллекции Фрумушики, свидетельствует об удачном симбиозе степного и лесо-степного технокомплексов.

Материалы других памятников реутской зоны — Варваровки IX и Гура-Каменки VI — малочисленны (табл.1). В целом, по основным своим характеристикам они близки между собой (коэффициент сходства в пределах 0,76), что позволяет выделять реутский вариант кукрекского технокомплекса.

На втором этапе развития позднего мезолита Карпато-Днестровского региона (рис.1 заключительная фаза) мы допускаем максимальное расширение территории распространения гребениковских памятников. Их продвижение в лесостепную зону, в район правобережных притоков р.Реут, фиксируется по сборам выразительных материалов со стоянок Сакаровка IV, Старые Биличены XII и Лазо V (мезолитического комплекса). Входя в непосредственное соприкосновение со среднереутской группой кукрекских памятников (Варваровкой и Гура-Каменкой) они тем не менее сумели со-

хранить без заметной трансформации структурную упорядоченность коллекций во многом свойственную первоначальному ядру гребениковских памятников из Нижнего Поднестровья.

Для Старых Биличен XII на р.Большой Чулук и Сакаровки IV на водоразделе рек Солонец и Илинач (рис. 1:24; Ларина и др. 1997:63-68) характерны плоские нуклеусы, преобладание мелких пластинчатых заготовок и их сечений, обилие микроскребков (округлых, боковых, ногтевидных), миниатюрных средневысоких трапеций и микропластинок с одним-двумя притупленными краями (табл.1). В обоих комплексах присутствуют микрорезцы, симметричные ромбовидные микролиты, значительная выборка микропластин. При этом в Ст.Биличенах XII отмечены нуклеусы конические и один карандашевидный, микроострия с двумя притупленными краями, большее число скребков на отщепах средних размеров. В Сакаровке IV более представительны скребки на укороченных пластинках, очень весома доля микролитичных трапеций, присутствует несколько кукрекских вкладышей.

На этом же этапе развития, по правобережью Среднего Прута, наблюдается формирование новой совокупности памятников, органически вобравшей в себя истоки гребениковских и кукрекских технических традиций, В коллекции тарденуазского слоя стоянки Рипичены-Извор (Păunescu 1993:172-178) прослеживается:

• массовое распространение конических и карандашевидных нуклеусов. Возобладание мелких пластинчатых заготовок над пластинами;

• преобладание скребков на мелких отщепах, на цельных и укороченных пластинах. Сравнительно много боковых и ногтевидных форм. Встречаются изделия высокой формы и со стрельчатым лезвием;

• равное число геометрических микролитов (средневысоких мелких, удлиненных симметричных и высоких трапеций, в сочетании с немногочисленными сегментами) и пластинок с притупленным краем;

• присутствие основных типов резцов (выразительны косоретушные на пластинчатых заготовках), пластин анкош и ущемленных, проколок и косых острий, микрограветтоидных острий, скребел и изделий типа раклет.

Завершая обзор памятников позднего мезолита Карпато-Днестровского региона остановимся еще раз на общей схеме развития. Начальный этап позднего мезолита знаменует собой появление двух различных культурных явлений, не имеющих подосновы в памятниках предшествующего времени. Кукрекский технокомплекс, выраженный в инвентарном наборе Старых Бедражей (Среднее Попрутье), наряду с памятниками среднего течения Южного Буга, принимает участие в сложении своеобразного реутского варианта (Фрумушика I, Гура-Каменка VI, Варваровка IX). На этом же этапе, гребениковское сообщество, сложившееся в Нижнем Приднестровье, начинает свою экспансию в приморскую зону Днестро-Дунайского междуречья (Мирное), в Нижнее Попрутье (Саратены, Берешть Дялул Таберей). На втором этапе, носители традиций гребениковской культуры проникают в бассейн р.Реут (Сакаровка IV, Ст.Биличены XII, Лазо V) и участвуют в сложении “тарденуазских” памятников в Среднем Попрутье (Рипичень-Извор).

ЛИТЕРАТУРА

1. Кетрару Н.А. Археологические разведки в долине р.Чугур //Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР. Кишинев, 1964. С.255-272.
2. Кетрару Н.А. Палеолитические и мезолитические местонахождения в бассейне р.Реут //Антропоген Молдавии. Кишинев, 1969. С.24-88.
3. Кетрару Н.А. Памятники эпох палеолита и мезолита. Кишинев, 1973.
4. Коваленко С.И., Кетрару Н.А. Новые данные о мезолитической стоянке Саратены в Нижнем Попрутье // Vestigii arheologice din Moldova. Chişinau, 1997. С.36-59.
5. Ларина **О.В.,** Вехлер К.-Л., Дергачев В.А., Коваленко С.И., Бикбаев В.М. Новые полевые исследования мезолита и неолита Молдовы //Vestigii arheologice din Moldova. Chisinau, 1997. С.62-110.
6. Петрунь В.Ф. О геологической позиции и обработанном кремне мезолитической стоянки Белолесье //Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып.7. С. 110-117.
7. Смольянинова С.П. Палеолит и мезолит Степного Побужья. Киев, 1990.
8. Станко В.Н. Мезолитическая стоянка Гиржево в Одесской области //Советская археология, 2, 1966. С.96-103.
9. Станко В.Н. Некоторые вопросы позднего мезолита Северо-Западного Причерноморья (по материалам раскопок стоянки Гиржево) //Записки Одесского археологического общества. Т.2(35). 1967а, С. 155-168.
10. Станко В.Н. Мезолит Севере-Западного Причерноморья. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев, 19676.
11. Станко В.Н. Мирное. Проблема мезолита степей Северного Причерноморья. Киев, 1982.
12. Станко В.Н. К проблеме сложения гребениковской культуры // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1986 С. 13-26.
13. Телегін Д.Я. Мезолітичні пам’ятки України. Київ, 1982.
14. Черныш А.П. Палеолит и мезолит Приднестровья. М., 1973.
15. Черниш О.П. Стародавне населения Подністров’я в добу мезоліту. Київ, 1975.
16. Brudiu M. Paleoliticul superior şi epipaleoliticul din Moldova. Bucureşti, 1974.
17. Covalenco S., Chetraru N. Aşezarea mezolitică de la Sărăteni // Tyragetia. 3. Chişinău, 1996. P.85-106.
18. Păunescu Al. Ripiceni-Izvor. Paleolitic şi mezolitic. Bucureşti, 1993.

Пэунеску Ал.

ПЕРВЫЕ ПРЕДМЕТЫ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА НА ТЕРРИТОРИИ ДОБРУДЖИ

Al. Păunescu. The first objects of the Palaeolithic art on the territory of Dobrogea.

Recent finds of the works of art of the Palaeolithic period were made by M. Eugen on the territory of the village of Tsibrinu in the region of Constanta between the river of Danube and the Black Sea. Their exact location is connected with the Gravette settlement and the age is defined in the limits of 19-14 thousand years. These finds represent articles of bone with an engraving on the outer surface in the shape of zigzag and straight stripes that are similar in pattern to the objects of art of Gravette of the Central Europe, and also of Kostenki-Avdeevo culture in the basin of the river Don. Some analogues are appropriate with the finds on the site of Mezin on the river Desna.

Известно, что предметы мобильного искусства верхнего палеолита и эпипалеолита не являются на территории Румынии многочисленными.

Эффективные исследования последнего времени привели к открытию двух предметов такого рода между Дунаем и Чёрным морем. Они были обнаружены Михаилом Еуженом на территории с.Цибрину (коммуна Мирча Водэ, департамент Констанца). Более точное положение определяется окраиной граветтоидной стоянки (третий пункт) – на левом (южном) берегу озера Цибрину, на расстоянии 3,6 км на запад-северо-запад от села и около 0,8 км на восток-юго-восток от дамбы у восточной окрестности села. В связи с тем, что мы не знаем точной стратиграфической позиции находок, предположительно связанных с нарушенными отложениями “пачки” правого края псевдо-террасы (периодически подвергаемой разрушению), мы лишь допускаем возможность их первоначального нахождения на первом (нижнем), а не как не втором (высшем) уровне данной террасы.

Один из предметов представлен обломком кости с отверстием на конце. Его размеры: длина 8,4 см, максимальная ширина 2 см, максимальная толщина у отверстия – 1 см, максимальная толщина на противоположном конце – 0,6 см. Имеется небольшое расхождение краев (от конца с отверстием), что придает предмету несколько трапециевидные очертания. Внутренняя поверхность этого обломка кости, который происходит от крупного животного (вероятно, травоядного), слегка вогнутая и немного отшлифованная. При этом, конец, противоположный отверстию, неоднократно пришлифовывался. Внешняя поверхность, наоборот слегка выпуклая, имеет интересный резной орнамент, состоящий из трех рядов, расположенных вертикально (по длине кости), представленных короткими отрезками в форме зигзага. Необходимо отметить, что ряд с зигзагом по середине является менее важным, по сравнению со вторым, краевым, который разделен двумя группами прямых линий, обязательно вертикально ориентированных и слегка параллельных. Также отметим, что средний ряд с короткими линиями в зигзаге ориентирован в направлении отверстия и располагается прямо под этими тремя линиями, вертикально оформленными и отделенными от параллельных другими короткими линиями (более сильно надрезанными), к тому же горизонтально ориентированными (по ширине кости). На противоположном от отверстия конце, отмечены три ряда с короткими линиями в виде зигзага, ограниченного двумя короткими параллельными друг другу линиями, чуть слабее надрезанными и горизонтально ориентированными. Далее у концов можно различить еще 9 коротких линий, вертикально расположенных, относительно параллельных друг другу (рис.1/1).

По своему резному орнаменту, образованному из рядов коротких отрезков в виде зигзага или прямых вертикально (по длине кости) или горизонтально (по ширине кости) расположенных линий, этот предмет обнаруживает сходство с костяными изделиями ряда верхнепалеолитических культур, например, костенковско-авдеевской, граветтом или поздним граветтом, мадленом, хорошо известных не только в Центральной Европе. Так, в первом (верхнем) слое Костенок I были найдены фрагменты изделий из бивня мамонта и кости, некоторые с отвестиями по одному из краев и резным орнаментом в виде коротких линий, образующих зигзаг (Абрамова 1962: 21, 23, табл.XV/9; Палеолит…1992: 56-62, рис.20/15 и 21/4). Опять же в

© Пэунеску Ал., 1999.

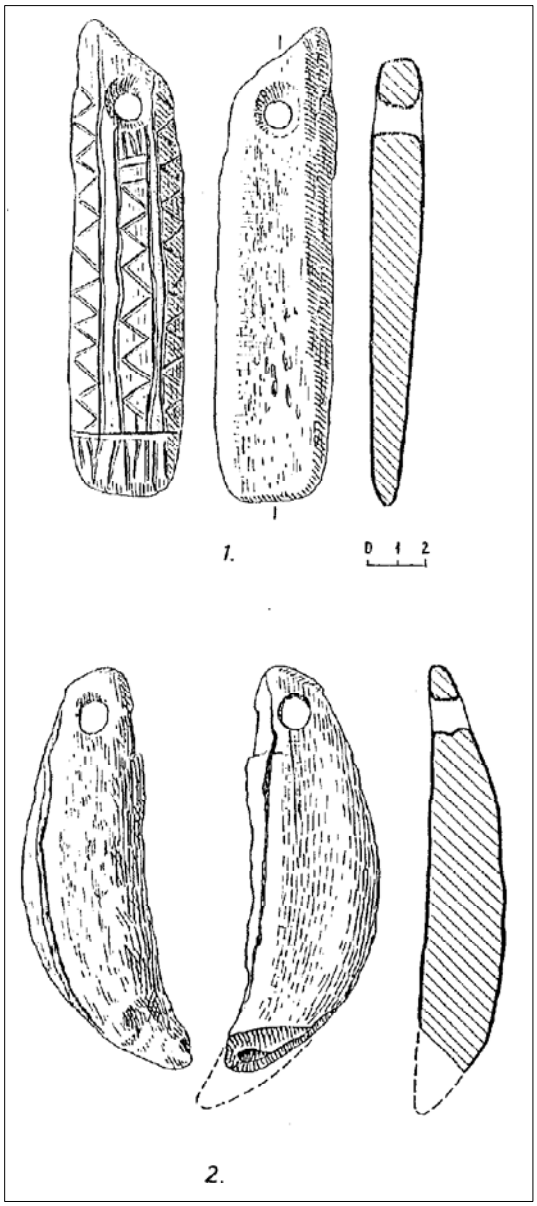

Рис. 1. Цибрину.

бассейне р.Дон на стоянках Костенки 8 /Тельмановская/ (Палеолит …1992: 107, рис.33/1-6), Костенки 14 /Маркина гора/ (Палеолит …1992: 148-154, рис.50/9,10), Костенки 21 /Гмелинская/ (Палеолит …1992: 209; рис.72/4,7) были обнаружены предметы из бивня, с орнаментом в виде прямых линий, углов и зигзага, расположенных более или менее параллельно. Опять же, на известном эпиграветтском памятнике Мезино на Десне (вблизи Новгород-Северского), датируемого около 15.000±200 лет назад (OxA-719), были собраны остатки диадемы (?), браслеты из бивня с богатым декором или с линейным мотивом в форме зигзага, параллельных отрезков и углов (в виде V) и т.д. (Абрамова 1962: 33-36, табл.XXX/4,11 и XXXII/2,5 и XXXIII/24-27,30,31; Kozlowski 1992: 74-78, 210).

Украшенные в виде зигзага предметы найдены и на других территориях, как на открытых стоянках, так и в пещерах, относящихся к граветту или мадлену Центральной Европы. Необходимо отметить находки жезла в 9 граветтоидном слое Виллендорфа II с Нижней Австрии, а также острий из мадленских слоев гротов Балкарова и Нова Дратеника с территории Чехии (Kozlowski 1992: 200, 205-206).

На территории Румынии предметы мобильного искусства использовались в период граветта и позднего граветта не так уж часто. Они не могут относиться к фигуративному искусству, в связи с употреблением геометрического орнамента. Наиболее древний предмет из этой серии представлен диском из кремнистой корки, украшенный короткими линиями с двух сторон по всей длине. Отверстие в этом диске проделано с верхней стороны. Василий Кирикэ обнаружил его в граветтоидном слое стоянки Миток-Малу Галбен, который датируется по радиоуглероду в 26.700±1.040 лет назад /GX - 9418/ (Chirica 1987: 66-71; 1982: 229-231).

На северо-востоке Молдавии был найден еще один предмет, сопоставимый с поздним этапом развития граветта. Речь идет о куске графита овально-удлиненной формы, на котором заметны небольшие ямки, с фиксированным расстоянием между ними, расположенных более или менее параллельно. Находка этого предмета была сделана на стоянке Дорохой-Стракина в урочище Шендричень (Prunescu 1968: 31-38). Несколько большее число предметов из кости и рога с резным геометрическим орнаментом, в виде маленьких сдвоенных зигзагообразных линий, были открыты в первом позднеграветтском слое навеса Куина Туркулуй-Дубова, возле Казанеле Марь на Дунае. Отнесение их к позднеледниковью обусловлено двумя радиоуглеродными датами: 12.600±120 (Bln-803) и 11.960±60 (GrN-12.665)(Prunescu 1970: 17-24; 1989: 146, 151, рис.15/2,5 и 16/3,4).

Как мы уже отмечали, второй предмет был найден на третьем пункте граветтоидной стоянки Цибрину. Он представляет из себя подвеску из клыка (вероятно, нижнего левого, имеющего длину в 7,3 см, максимальную ширину - 2,2 см и максимальную толщину - 1,4 см) пещерного медведя (рис.1/2). В верхней части корня этого клыка оформлено отверстие, а коронка на своей поверхности содержит следы износа от использования. Эта подвеска из медвежьего клыка является единственным экземпляром, известным к настоящему времени в граветте Румынии. Такого же рода предметы были найдены в эпиграветте с листовидными наконечниками в слое 1 (верхнем) стоянки Костенки IV (Александровской) на Дону (Палеолит …1992: 79; Kozlovski 1992: 212-213). Такие предметы известны и в Авдеево, малоизвестном памятнике вблизи Курска, также связанным с костенковской культурой (Kozlowski 1992: 62, 212; Абрамова 1962: 32, табл.XXX/8-9).

В заключении, мы можем отметить, что стратиграфически эти два предмета, найденные в Цибрину, вероятно, соотносятся с нижним уровнем террасы, а хронологически - с третьим этапом развития граветта на территории Молдавии (между Карпатами и Прутом) и Добруджи. Накопленная информация позволяет определять их возраст в 18.350±200 лет (GrN-23.073). Однако, если эти предметы происходят из верхнего уровня террасы, то они могут быть связаны с седьмым этапом развития граветта этой же территории и в этом случае может иметь датировку в 13.760±170 лет (GrN-23.074).

Другими словами, из-за сомнительных условий их нахождения, эти предметы могут быть датированы в пределах 14 - 19 тыс. лет, а по своим особенностям сопоставимы с произведениями искусства верхнего палеолита Центральной и Восточной Европы.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова З.А. 1962. Палеолитическое искусство на территории СССР // Археология СССР. Свод археологических источников. А 4-3. М.

Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879-1979. Некоторые итоги полевых исследований. 1992. Л.

Chirica V. 1982. SCIVA, 33.

Chirica V. 1987. La Genèse et l'évolution des cultures paléolithiques sur le territoire de la Roumanie (Biblioteca Archaeologica Iassiensis II). Iaşi.

Kozlowski J.K. 1992. L'art de la Prèhistoire en Europe Orientale. Paris.

Păunescu Al. 1968. SCIV, 19.

Păunescu Al. 1970. SCIV, 21.

Păunescu Al. 1989. L'Antropologie, 93. Paris.

ДИСКУССИЯ ⇨⇦ ДИСКУССИЯ

В 4-м номере «Петербургского археологического вестника» была опубликована статья Л.Б.Вишняцкого «Забегание вперед в развитии палеолитических индустрий: явление и его интерпретация». Статья оказалась острой, о чем свидетельствуют противоречивые отклики и оценки специалистов. Редакция «Stratum plus» публикует материалы экспресс-дискуссии с завершающим комментарием Л.Б.Вишняцкого.

Редакция

Аникович М.В.

ПРЕОРИНЬЯК — «ЗАБЕГАНИЕ ВПЕРЕД» ИЛИ НАЧАЛО?

Anikovich M.V. Preaurignacian – «Running ahead of time» or the beginning?

A clear and precise definition of the term « running ahead of time» in the work of L. B. Vishneatsky (1993: 7-16) allows to look at the similar phenomenon not as at «the archaeological curious incident», but as at one of the kinds of the cultural changeableness in prehistory. But it is necessary to pay attention to the fact that some of the stone industries, analysed by L. B. Vishneatsky, can turn out to be not an utterly disappeared phenomenon (Preaurignacian, Howieson's Poort) but, notwithstanding its old age, a genuine beginning, source of a new archaeological epoch: Upper Palaeolithic period. Such a probability becomes possible if we take into consideration a number of indirect but at the same time interrelated circumstances. Their thorough analysis supports the hypothesis that in ancient European industries of the Aurignacian technocomplex there existed a kind of common source, formed much earlier outside Europe, most probable, in the result of the activity of people of a modern physical type. At present, at least, the Near-Eastern Preaurignac remains the only candidate for the role of such a source.

В подходе Л.Б.Вишняцкого многое привлекает. Прежде всего — само обращение к загадочным индустриям ближневосточного преориньяка и южноафриканского хаусинс пурт: меня, как и автора, совершенно не удовлетворяют довольно распространенные попытки отделаться от проблемы с помощью слова «фация», представить дело таким образом, будто в этих индустриях нет ничего особенно загадочного, слишком необычного. Вишняцкий здесь, как и в других своих работах, весьма обстоятелен; круг используемой им литературы весьма широк. Теперь же, после поездки в США, он — единственный российский палеолитовед, знакомый хотя бы с частью этих материалов не только по публикациям, но и по собственным впечатлениям. Подкупает новизна, специфический угол зрения в самой постановке вопроса. Наконец, я не имею ничего против и самого термина «забегание вперед»: может быть, он и не вполне удачен, но... почему-то в археологии зачастую утверждаются именно «неудачные» термины (в отношении «археологической культуры», например, мы этого и не замечаем лишь в силу многолетней привычки). Дело не в термине: главное — насколько ясно и точно определено его содержание. Здесь же у автора все в порядке: «забегание вперед» — это такие случаи, «когда элементы, характерные для относительно более развитых (и более поздних) культур появляются в достаточно выраженной форме в культурах относительно более архаичных, затем, просуществовав какое-то время, исчезают, а затем, спустя тысячи и десятки тысяч лет, появляются вновь, но уже не как аномалия, отклонение от нормы, а как закономерный итог развития» (Вишняцкий 1993:9).

Действительно, явления такого рода хорошо известны в истории человечества; это и упоминавшиеся автором в конце статьи мустьерские костяные орудия, верхнепалеолитические шлифованные орудия и верхнепалеолитическая керамика (1), металлы в неолите и проч. (Вишняцкий 1993:13). Примеры такого рода можно значительно умножить, включая и более поздние периоды, — вспомним, хотя бы, паровую машину, изобретенную Героном Александрийским еще до н. э. Вишняцкий прав, призывая взглянуть на подобные явления «не как на археологический курьез, а как на один из видов культурной изменчивости в преистории (добавлю: и не только в преистории! — М.В.), как на своеобразный феномен в эволюции первобытной культуры» (Вишняцкий 1993:13). Здесь я с ним тем более солидарен, что и сам был вынужден отметить данное явление в своем определении понятия «археологическая эпоха» (Аникович 1992).

Однако, можно ли безоговорочно трактовать преориньяк и хаусинс пурт, равно как и другие, лишь упомянутые Вишняцким проявления комплекса верхнепалеолитических характеристик в весьма ранних индустриях только таким образом, — как внезапно возникшие, какое-то время просуществовавшие и бесследно исчезнувшие феномены? Думается, исключая заранее возможность иных, альтернативных решений, автор сам несколько «забегает вперед»: анализ самих материалов, дальнейшее изучение этих чрезвычайно интересных памятников могут привести впоследствии к иным вариантам их интерпретации, и лучше с самого начала предусмотреть такую возможность.

Конечно, вполне вероятно, более детальный анализ коллекций покажет, что в ряде случаев их «верхнепалеолитический» облик сильно преувеличен, и что они вполне соответствуют представлениям о среднем палеолите. Уже представленные Л.Б. Вишняцким материалы «преориньякского» слоя пещеры Табун из раскопок А.Елинека очень настораживают и невольно склоняют к такого рода трактовке. Здесь, впрочем, далеко не все ясно: нельзя, на мой взгляд, безоговорочно отметать материалы из прежних раскопок Д. Гаррод, содержащие, судя по публикациям, большое количество типичных скребков. Но даже если верхи слоя Е пещеры Табун потеряют в глазах археологов «верхнепалеолитическую» специфику, — это отнюдь не закроет проблему преориньяка: для меня, во всяком случае, здесь исключительно важное значение имеет авторитет Ф.Борда, оценившего индустрии 13 и 15 слоев навеса Ябруд как типичный верхний палеолит (Bordes 1955). Хочу отметить один момент. Конечно, и Л.Б.Вишняцкий, и Е.Ю.Гиря, и П.Ю. Нехорошев правы, когда подчеркивают необходимость более детального анализа техники скола этих индустрий. Однако, на мой взгляд, даже если впоследствии выяснится, что пресловутый «перебор карниза» в преориньякских слоях Ябруда не достигает «верхнепалеолитического» уровня, — это, опять-таки не решит окончательно, но лишь заострит проблему их интерпрета-

© Аникович М.В., 1999.

ции: резцы на пластинах и концевые скребки все равно останутся резцами и скребками. Подобным образом, в иных случаях, достаточно выраженная верхнепалеолитическая техника скола не может снять или уменьшить яркий архаизм типологии орудий (например, Костенки 12, III-й слой) и ликвидировать сам вопрос о месте и роли такой индустрии при переходе от мустье к верхнему палеолиту.

Главное, на что я хочу обратить внимание, — возможность того, что хотя бы некоторые из анализируемых Л.Б.Вишняцким индустрий могут в действительности являться не бесследно исчезнувшим впоследствии «забеганием вперед», но, несмотря на их древний возраст, — подлинным началом, истоком новой археологической эпохи: верхнего палеолита. На такую возможность указывает ряд, хотя и косвенных, но взаимосвязанных обстоятельств.

1) Совокупность современных данных по происхождению Homo sapiens sapiens указывает, во-первых, на то, что этот вид возникает на территории Юго-Восточной Африки (область распространения хауисунс пурт), по крайней мере, на 100 тыс. лет раньше еще недавно принятого рубежа 35-40 тыс. лет назад. Во-вторых, выясняется роль Ближнего Востока (район распространения преориньяка) как форпоста, где около 100 тыс. лет до н.д. появляется морфологически современный человек, и откуда, по-видимому, он впоследствии начинает свое распространение в иные регионы Старого Света (Вишняцкий 1990).

2) Имеющиеся данные по начальной поре верхнего палеолита Европы указывают на общность исторической судьбы континента в этот период. При всей конкретной культурной специфике, во всех основных регионах Европы с самого начала верхнего палеолита сосуществовали архаичные, мустьероидные культуры (шательперрон в Западной, культуры селетоидного технокомплекса в Центральной и Восточной Европе) и типично верхнепалеолитические, высоко развитые культуры, относящиеся к ориньякоидному технокомплексу. Есть основания связывать первые с местными вариантами мустье, тогда как для вторых сколько-нибудь убедительной местной основы проследить не удается. Вместе с тем можно предполагать катализирующее воздействие ориньякоидных культур на архаичные культуры верхнего палеолита (Allsworth-Jones 1986).

3) Косвенные данные позволяют связывать ориньякоидные культуры с людьми современного физического типа (прямые — для шательперрона и центральноевропейского селета; косвенные — для восточноевропейской стрелецкой АК) считать творцами верхнепалеолитических культур раннего периода местных «классических» неандертальцев (Allsworth-Jones 1986; Harrod 1989; Аникович 1991).

4) Судя по радиоуглеродным датам, распространение ориньякоидных (в широком смысле термина) индустрий на территории Европы шло с Юго-Востока (Бачо Киро 11-й слой) в Центральную (Ишталлошке, нижний слой, Брно-Богуницы), Восточную (спицынская АК), и несколько позднее — в Западную Европу («ориньяк»). Первоначальное появление подобных индустрий на континенте произошло, по-видимому, не позднее 45 тыс. лет до н.д.; их появление в Западной Европе имело место лишь 10 тыс. лет спустя.

На мой взгляд, приведенные данные лучше всего согласуются между собой на основе гипотезы о существовании у древнейших европейских индустрий ориньякоидного технокомплекса некоего общего источника, сформировавшегося в более раннее время за пределами Европы, скорее всего, — в результате деятельности людей современного физического типа. На сегодняшний день, по крайней мере, ближневосточный преориньяк остается едва ли не единственным (во всяком случае, — самым серьезным) кандидатом на роль такого источника.

Да, конечно, преориньякские слои «запечатаны» ябрудьеном, — но ведь из этого не следует, что сам преориньяк обязательно исчез, не оставив следа: последнее лишь версия, но не факт. Бесспорно, между преориньяком и древнейшими ориньякоидными индустриями Европы — и временной, и пространственный, и типологический разрыв, хиатус. Но если бы этот хиатус был заполнен уже сейчас, то и спорить было бы не о чем.

Да, конечно, прежние представления о жесткой связи: неандерталец — мустьерская культура, кроманьенец — верхний палеолит, сейчас выглядят чистейшим анахронизмом. Но и речи нет о возврате к такой схеме; я говорю лишь об одной из возможных моделей начала верхнего палеолита, а именно о распространении морфологически современных людей в Европе, модели, наилучшим образом согласовывающей между собой имеющиеся на сегодняшний день данные по этому вопросу, в том числе и верхнепалеолитические культуры, созданные европейскими неандертальцами. Я вовсе не считаю, что человек современного вида, только возникнув, тут же принялся скалывать пластины с призматических ядрищ, активно используя прием «перебора карниза», изготавливать из этих пластин резцы, скребки и проколки и вообще — демонстрировать типично «верхнепалеолитическое» поведение: это было бы слишком просто. Но, однако, не приходится отрицать, что в общем и целом верхний палеолит является началом развития именно нашей культуры, культуры морфологически современного человека, равно как и то, что первое типично верхнепалеолитическое явление в Европе, — индустрии ориньякоидного технокомплекса, — обязаны своим появлением, по всей вероятности, именно Homo sapiens sapiens.

Да, конечно, мы еще не знаем, кто был создателем преориньяка. Более того, в свете новых данных (Bar-Yosef 1989) мы не можем быть уверены и в хронологическом определении этой культуры. Но тем больше оснований воздерживаться от окончательных суждений по поводу преориньяка, допускать альтернативные варианты его интерпретации.

«Ориньяк с Ближнего Востока, — Ах, как это старо: если не как мир, то почти так же, как сама ориньякская проблема!» Да, конечно, это так. Но я никогда не стремился к новому ради самого нового, оригинального: подобный подход, может быть и неплох для личного самоутверждения, но далеко не всегда способствует правильному решению научного вопроса. Здесь старые, казалось бы, давно забытые и отвергнутые гипотезы иногда могут неожиданно получить очень яркую «вторую жизнь». Вот и в этом случае, по моему глубокому убеждению, старая гипотеза о ближневосточной прародине европейского ориньяка далеко не исчерпала своих потенциальных возможностей.

В заключение подчеркну еще раз: моя цель — не противопоставить один вариант интерпретации другому, но лишь призвать к большей осторожности (и к большей вариабельности!) в оценках тех чрезвычайно специфических индустрий, которые стали предметом исследования Л.Б.Вишняцкого. Дальнейшая плодотворная разработка этой проблемы едва ли возможна без непосредственного изучения самих материалов; в идеале же необходимо знакомство и с самими памятниками. Искренне желаю Л.Б. Вишняцкому и того, и другого.

Примечания

1. Имеется в виду керамика, зафиксированная в памятниках «Павловьена», в Костенках 1-I, в Каповой пещере (Урал), в Майнинской стоянке (Сибирь) и т.п. (Праслов 1992). Начальный джемон (Япония), по моему мнению, должен трактоваться как достаточно типичный неолит, хотя и очень ранний (доголоценовый).

ЛИТЕРАТУРА

Аникович М.В. 1991. Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. СПб.

Аникович М.В. 1992. К определению понятия «археологическая эпоха» // РА 1:85-94.

Вишняцкий Л.Б. 1990. Происхождение Homo sapiens. Новые факты и некоторые традиционные представления // СА 2:99-114.

Вишняцкий Л.Б. 1993. «Забегание вперед» в развитии палеолитических индустрий: явление и его интерпретация // ПАВ 4:7-16.

Праслов Н.Д. 1992. О керамике эпохи верхнего палеолита в Северной Евразии // АВ 1:28-35.

Allsworth-Jones H. 1986. The Szeletian and the transition from Middle of Upper Palaeolithik in Central Europe. Oxford

Bar-Yosef O. 1989. Geochronology of the Levantine Middle Paleolithic // Mellars&Atringer (eds.). The Human Revolution:859-610.

Bordes F. 1955. Le Paléolithique inferieur et moyen de Yabrud (Syrie) et question du Préaurignacin // L'Anthropologie 59:486-507.

Harrold F.D. 1989. Mousterian, Chatelperronian and Early Aurignacian in Western Europe: Continuity or Discontinuity? // Mellars&Stringer (egs.). The Human Revolution:677-713. Edinburgh.

Гиря Е.Ю.

Ghirea E.Y.

The examples used by L. B. Visneatsky to illustrate the phenomenon of « running ahead of time» are the first of the lamellar complexes known now. The appearance of the blade as one of the leading types of the blanks inevitably leads to a fairly narrow-defined change of the general look of the industry. Moreover, there exist a pre-determination in the industry development on the basis of a serial extraction of flakes, that, eventually, are doomed to become lamellar. The point is that only the blade can be such a serial produced by flakes that is distinguished by a sharp cutting and a fairly long cutting edge. In its turn it presupposes the formation of tool complexes of the same type in various industries. This is definitely seen in the Palaeolithic period, especially in the early one.

This fact doesn't withdraw the question of the reasons of the appearance of qualitative innovations (such as «running ahead of time»), but allows to define the relation to the second phenomenon, used by L.B. Vishneatsky. That is «a normal course of developing» or «a normal evolutionary consecutiveness». The word «norm» itself has a shade of some «must» or execution. Not sharing the idea of predestination of human history, it is impossible to give up the obvious fact of existence in the history of development some stone industries of a certain norm. It can be defined in a relatively narrow choice of possibilities of formation of stone tools available for an ancient man: the blade could have been not invented at all (to make do with the tools with bifacial working), but it couldn't be invented differently. This fact also explains the controvertial character of developing of palaeoindustry: on the one hand it mostly takes place by stages (certain stages are characterized by a set of ways of formation of the same type), on the other hand, it has certain episodes of «running ahead of time». A step forward on the way of stone industry development – it is a step in one of the few directions, provided by nature, whoever makes it. This narrow enough way can be followed differently, with different speed, forward and backward, but everyone who has chosen it should follow the existing turnings, overcome one and the same ups and downs.

Обычно писать о плохих статьях желания мало. «Забегание вперед» в развитии палеолитических индустрий ...» Л.Б.Вишняцкого — работа, вызвавшая особый интерес в среде палеолитчиков: она уже переиздана в «Antiquity» (к сожалению, в сокращенном виде); обсуждалась в отделе камня института и на университетском семинаре В.И.Беляевой, не говоря уже о многочисленных спорах в «Девятке» (основной источник еретических суждений о палеолите в ИИМК РАН); зарубежные («дальние» и «ближние») коллеги, отмечая высокий профессионализм автора, ищут встречи с Леонидом Борисовичем, запрашивают его адрес. Счастливая и по-хорошему завидная судьба работы уже сама по себе определяет ее качество. И тема статьи неординарна, ее уникальность состоит в том, что она посвящена не столько проблемам источниковедческим (сугубо археологическим), сколько интерпретационным, тяготеющим к области преистории.

Уже поэтому здесь есть, что обсуждать, о чем спорить. Прежде всего — само определение явления — «забегание вперед» — оно, как мне кажется, крайне неудачно. Не проще ли говорить о специфичности, особой судьбе первых проявлений чего-то нового в истории человечества. Ведь не говорим же мы о «забегании назад», когда имеем в виду какие-либо архаические черты. Чем «забегание» в развитии палеоиндустрий отличается от простого «развития»? Как явствует из статьи — именно тем, что оно, однажды возникнув, исчезает, чтобы проявиться в отдаленном будущем. Но имело ли шанс это будущее быть иным?

Какими же могли быть инновации в развитии палеоиндустрии? Сколь широк был спектр возможных вариантов? Иными словами, могли бы они развиваться бесконечным числом способов, в кардинально различных направлениях? Говоря о нововведениях в человеческой культуре вообще, с некоторыми оговорками, но все же можно согласиться, что спектр таких возможностей был достаточно широк. В противоположность этому, в области производства каменных орудий расщеплением, на мой взгляд, возможных вариантов развития было не так уж и много.

Примеры, которыми воспользовался Леонид Борисович для иллюстрации явления «забегания вперед», это — первые из известных нам сейчас (или же действительно наиболее ранние) пластинчатые комплексы. Появление пластины как одного из основных типов за-

© Гиря Е.Ю., 1999.

готовки непременно влечет за собой достаточно узко определенное изменение общего облика индустрии. Отсюда происходит и некоторое сходство удаленных друг от друга явлений. Объясню подробнее, чисто технологически возможности вариабельности форм продуктов расщепления не безграничны. Существуют два основных пути: либо получение скола определенной формы (первое проявление — леваллуа), либо изготовление изделия из самого ядрища (бифасиальные индустрии). Иных возможностей изготовления чего-либо расщеплением не существует в природе. Причем, если индустрия развивается (совершенствуется) в направлении изготовления орудий на основе серийного получения сколов определенной формы, то она, в конечном счете, практически обречена стать пластинчатой. Дело в том, что таким (серийно репродуцируемым, тонким, имеющим достаточно длинный режущий край, и т.д.) сколом может быть только пластина. Говоря иными словами, пластина и не могла пластиной не стать, нельзя серийно производить круглые или иной (не призматической) формы сколы, имеющий режущий край по максимальной длине периметра. Количество форм пригодных к употреблению орудий, сработанных на пластинчатых сколах-заготовках весьма многообразно, но, все-таки, также не безгранично — здесь есть целый ряд ограничений (функциональных необходимостей) общих для орудий различного назначения. Сочетание одинаковых или близких технологических и функциональных необходимостей в формообразовании каменных орудий предполагает большую вероятность возникновения отнюдь не разнообразных, а, скорее, уныло однообразных комплексов форм в различных индустриях в рамках известных периодов. Именно это мы и наблюдаем в палеолите, особенно раннем.

Это объяснение, конечно же, не снимает вопрос о причинах возникновения качественных нововведений (таких, как «забегание вперед») — первых проявлениях чего-то, чему отнюдь не запрещено совершенно независимо возникнуть где-то еще раз. Но оно, в какой-то мере раскрывает мое отношение к старому феномену или явлению, используемому Леонидом Борисовичем в его статье. Это — «нормальный ход развития», «норма развития» или же «нормальная эволюционная последовательность». К сожалению, в статье не нашлось особого раздела для «определения и обозначения» этого термина, создается впечатление, что автор таким образом обозначает общий «фон» соседствующих современных индустрий. Он привлекается к обсуждению, но лишь на уровне констатации его наличия. Я же хотел бы обратить внимание на возможность и необходимость качественного анализа и этого феномена, поскольку, без него, как мне кажется, «забегание вперед» определить нельзя. Само слово «норма» носит оттенок некоторой обязательности исполнения. Я не разделяю идей о предначертанности человеческой истории, но в истории развития каменных индустрий определенная норма для меня очевидна. Я усматриваю ее в относительно узком выборе доступных древнему человеку возможностей формообразования каменных орудий: пластину можно было бы и не изобретать (можно обходиться орудиями с двусторонней обработкой), но изобрести ее иной было нельзя. Этим же, для меня, объясняется и противоречивый характер развития палеоиндустрий: с одной стороны, он, в основном, стадиальный (отдельные стадии характеризуются достаточно однообразными наборами способов формообразования), а с другой — ему присущи отдельные эпизоды «забегания вперед». Почему когда-то делали так, как сейчас, почему впоследствии делали так, как раньше. Почему синхронно или же в разное время, в разных местах возникали достаточно близкие по сути палеоиндустрии? Именно благодаря наличию таких норм. Шаг вперед на путях развития каменных индустрий, чаще всего, — это шаг в одном из немногих, предоставленных природой направлений, кем бы он ни делался. Это достаточно узкие пути, на которых можно двигаться различным способом, с различной скоростью, вперед и назад, но каждый ступивший на них должен следовать существующим поворотам, преодолевать одни и те же ухабы, спуски и подъемы.

Близость различных (территориально и по времени) первых проявлений чего-либо нового в развитии каменных индустрий может быть проиллюстрирована не только на примере перехода к серийному производству пластин и орудий из них. Так, в культуре салютре использовалась очень специфическая, требующая особого мастерства, технология изготовления тонких бифасов, предполагавшая стадию специального вторичного утоньшения. Но такая же технология существовала и в палеоиндейских комплексах Америки: Кловис, Фолсом и более поздних. А в целом слое Костенок 1 проедставлена очень древняя стрелецкая индустрия, основанная, опять-таки, на том же вторичном утоньшении. Я не склонен рассматривать ее как «забегание вперед», хотя она в три раза древнее Кловис, и почти в два раза старше солютре. Просто там, где требуется получить длинное тонкое в сечении лезвие не на сколе, а путем обработки самого ядрища, без изобретения такой технологии не обойтись. Есть технология — есть формы, нет технологии (не «созрело» еще сознание) — нет форм. Только в Америке может быть прослежена какая-то преемственность в использовании этой технологии в более позднее время. Ни солютре, ни стрелецкая культура не имели никаких «последователей», продолжателей их искусства в палеолитической Европе, они появились лишь в неолите и бронзовом веке.

Еще один пример, возможно, так же иллюстрирующий «забегание», — это получение больших сколов усиленным отжимом. По всей Европе и части Азии эта техника скола распространяется в IV-III тыс. до н.э. Но по мнению Дж.Фризона и Б.Бредли, снятие желобчатых сколов с наконечников типа Фолсом в отдельных палеоиндустриях Америки велось таким же образом. Выходит, палеоиндейцы, в этом случае, «забежали вперед», обогнали Европу тысяч на шесть-семь лет. Но, по видимому, не на долго, так как возрождение усиленного отжима в Новом свете пока прослежено лишь по индустриям культуры мая, а это по времени — наше средневековье. Я уже говорил, что ставлю на одну полку характер и способы изменчивости человеческой культуры в областях материальной и духовной практик. Но и в социальной сфере, развитие которой доподлинно известно нам только лишь по историческим источникам (преистория в этом гораздо беднее), при желании, совершенно не трудно обнаружить множество «забеганий вперед». К примеру, древние греки: можно ли считать, что они отклонились от нормы собственного развития, когда «перепробовали» на себе чуть ли не все возможные формы государственного устройства задолго до того как... ? Безусловно, в этом и во многом другом они «обогнали время», но это было их нормальное, органическое развитие. Лишь в виде поэтической метафоры можно принять положение, что «ген» демократии в рецессивном виде был передан через века от древних греков в древний Новгород. Столь же, если не в большей степени, трудно согласиться с тезисом о том, что. «забегая вперед», стрелецкая культура заложила запас резервных идей и способностей в некий рецессивный фонд, который оказался востребованным

лишь спустя 15 тыс. лет в солютре, 20 тыс. лет — в Америке и 30 тыс. лет вновь в Европе.

Биологические параллели и терминология (слова: «генофонд» культуры», ее же «генотип» или «фенотип», даже поставленные автором в кавычки) имеют не больше смысла, чем поэтические метафоры, они ничего не проясняют. При этом я вовсе не полагаю кощунственным сравнение изменения палеолитической культуры с метаморфозой головастика. Но лишь метафорически, и только в этом ключе могу согласиться с тезисом автора, что в преистории существовал механизм культурной эволюции, действовавший подобно механизму эволюции биологической, за счет скрытого резерва изменчивости.

Нехорошев П.Е.

Nehoroshev P.E.

As a main example proving the existence of the phenomenon «running ahead of time» can serve the Preaurignacian of the Near East. However, a detailed analysis of the collections of the stone artefacts from this region available for studying allows to affirm that the Preaurignac does not appear all a sudden, as one set, but is grown on the local base, preserving all qualitative features, that are characteristic of the preceeding industry. On the other hand, the Preaurignacian does not disappear without traces – all its characteristic qualitative features are seen both in the covering it Yabrudiene and in Later Levant Mousterian.

The Preaurignacian from a technological point of view can be viewed as an unsuccessful attempt of transition to the lamellar industry. Unsuccessful because the proto-prismatic technology probably didn't give the blanks of the needed quality. The idea of the mass production of blades this time of a higher quality was realized later, in the Levant Mousterian with the application of more sophisticated technology. None the less, the Preaurignacian can be considered as «running ahead of time», but this «running ahead» is attributed to the Levant Mousterian and not to the Upper Palaeolithic period.

В своей статье автор доказывает существование феномена «забегания вперед» в развитии первобытной культуры, «когда элементы, характерные для относительно более развитых (и более поздних) культур, появляются в достаточно выраженной форме в культурах относительно более архаичных, затем, просуществовав какое-то время, исчезают, а затем, спустя тысячи и десятки тысяч лет, появляются вновь, но уже не как аномалия, отклонение от нормы, а как закономерный итог развития» (с.5).

В качестве основных примеров рассматриваются преориньяк (в широком смысле) Ближнего Востока и индустрия хауисунс пурт Южной Африки. На основании ряда фактов делается заключение, что обе индустрии «демонстрируют в своем развитии следующие общие черты: 1) они возникают как бы внезапно, вдруг; все выделяющиеся их особенности появляются сразу, единым комплексом; 2) при этом обе индустрии вырастают, скорее всего, на местной основе, сохраняя ряд признаков, характерных для предшествующих комплексов; 3) существуют они в течение относительно короткого промежутка времени; 4) исчезают почти столь же резко, сколь и появляются; 5) на смену им приходят индустрии более архаичного облика, практически аналогичные тем, которые предшествовали эпизоду «забегания вперед» (с.10).

Приведенные в статье аргументы представляются достаточно доказательными и, если и не убеждают окончательно, то заставляют обратить самое пристальное внимание на предлагаемую гипотезу. Однако некоторые сомнения остаются: столь ли уж резко было «забегание вперед» и столь ли уж бесследно оно исчезало? Об индустрии хауисунс пурт мне судить трудно: доступные публикации слишком кратки и общи, но о преориньяке можно сказать несколько слов, хотя опубликованные данные и по этой индустрии оставляют желать много лучшего.

В пещере Табун преориньяк (в широком смысле, а точнее амудьен) подстилается ябрудьеном, который, кратко, характеризуется следующим образом (Коробков 1978). Мустьерская группа орудий — 21,3, верхнепалеолитическая — 11,1, зубчато-выемчатая — 13,7, бифасы -13,5%. Преобладают одинарные и двойные скребла, есть остроконечники, зубчатых и выемчатых меньше, чем скребел. Хорошо представлены верхнепалеолитические типы орудий: резцы, скребки, орудия с усеченным концом. Ножей с естественным обушком почти в два раза больше, чем скребел. Индексы леваллуа минимальны: IL — 1, IL ty — 1,2. Пластины 20,9, ножей со спинкой 15,4. Индексы фестажа: IF — 22,2, IF str — 4,3. Среди нуклеусов есть и укороченно-пирамидальные (т.е. протопризматические).

Показатели преориньякского слоя. Мустьерская группа орудий — 16,5, верхнепалеолитическая — 38,9, зубчато-выемчатая — 1,9%. Хорошо представлены бифасы. Преобладают скребла кина и полукина. Ножей с естественным обушком в 2 раза больше, чем скребел, много ножей с ретушированным обушком. Индексы леваллуа чуть выше, чем в нижележащем слое: IL — 5, IL ty — 1,9. Пластин 50%, ножей с естественной спинкой 23,3%. IF — 25,2, IF str — 10.

По вышележащему ябрудьенскому слою представлены следующие данные. Мустьерская группа орудий — 68,8. верхнепалеолитическая — 6,1, зубчато-выемчатая 5,7%. Бифасов меньше, чем в преориньякском слое. Подавляющее большинство орудий составляют скребла — доминируют прямые однолезвийные, есть атипичные резцы и скребки. Индексы леваллуа также низки: IL — 3,2, IL ty — 2. Пластин 20,3, ножей с естественным обушком 22,7%.

Таким образом, и в преориньякском, и в подстилающем и перекрывающем его ябрудьенских слоях присутствуют скребки, резцы, ножи с обушком, протопризматические нуклеусы и пластины. Различия по этим показателям только количественные. При этом надо учитывать, что типологический облик индустрии во многом определяется исходной заготовкой. Замечание К.Бергмана и К.Охнумы, сделанное для Хуммал 1а о том, что продольные скребла можно в некоторых случаях определить как пластины с ретушью (Bergman, Ohnuma 1983: 178), верно, как кажется, в целом, а не только в частности. То есть резкое увеличение количества пластинчатых заготовок столь же резко меняет и типологический облик индустрии. Что же касается сходства преориньяка с верхним палеолитом, отмечаемого многими, но не всеми, исследователями, то эта оценка, скорее, эмоциональная, чем фактическая. Скребки и резцы выделены Л.Лики и в олдувае, но они практически не имеют

© Нехорошев П.Е., 1999.

ничего общего с верхнепалеолитическими. Средне- и верхнепалеолитические скребки и резцы также имеют различия, хотя, конечно же, можно подобрать почти идентичные отдельные экземпляры, которые, как правило, и публикуются в первую очередь.

Что такое преориньякские призматические пластины, и чем они отличаются от леваллуазских, не совсем понятно. А.Джелинек, например, все пластины с параллельной огранкой, которые многие исследователи определили бы как леваллуазские, относит к призматическим (Jelinek 1982: 75). Вероятно, первые более массивны, чем вторые, и имеют меньше фасетированных пластинок. Однако в преориньякской (в широком смысле) индустрии Хуммал 1а их не так уж и мало — 37,9% (Nishiaki 1989: 220, табл.9). При этом следует помнить об очень широком спектре мнений относительно леваллуа (Нехорошев 1993а). Судя по иллюстрациям, преориньякские пластины и пластинки явно грубее верхнепалеолитических. Их грубость отмечают также М.Ламдан и А.Ронен, а «Руст имел впечатление «примитивности верхнего палеолита», когда изучал преориньяк Ябруда (Lamdan, Ronen 1989: 35). Нишиаки подчеркивает грубость преориньякских реберчатых пластин по сравнению с верхнепалеолитическими (Nishiaki 1989: 217). По всей вероятности, изготовление преориньякских пластин связано с нижнепалеолитической, а не с верхнепалеолитической техникой скола (Нехорошев 1993б; Гиря, Нехорошев 1993).

В более поздней, чем ябрудьен, индустрии — раннем левантийском мустье (далее РЛМ), протопризматические нуклеусы, пластины и реберчатые сколы также присутствуют, хотя их количество незначительно (?). Технология расщепления определяется как пластинчатая леваллуазская с большим количеством ретушированных площадок на сколах. Но, как отмечает Нишиаки, «различия (между преориньяком и РЛМ) не лежат в присутствии или отсутствии особенных технологических элементов, но только в частоте их использования» (Nishiaki 1989: 225). То же касается и типологии: в слоях РЛМ Табуна верхнепалеолитическая группа орудий составляет около 10%. Хорошо представлены ножи со спинкой, долотовидные и орудия с усечением конца (Коробков 1978: 55), то есть те же типы, которые характерны и для преориньяка. Индустрия пещеры Дуара, 4 слой по ряду признаков занимает промежуточное положение между преориньяком и РЛМ. Следовательно, технолого-типологический разрыв между ними нельзя считать доказанным.

Таким образом, с моей точки зрения 1) преориньяк не возникает внезапно, единым комплексом, а вырастает на местной основе, сохраняя все качественные признаки, характерные для предшествующей индустрии, 2) но исчезает бесследно — все качественные признаки, характерные для преориньяка, прослеживаются как в перекрывающем его ябрудьене, так и в еще более позднем РЛМ.

Преориньяк, с технологической точки зрения, можно рассматривать как неудачную попытку перехода к пластинчатой индустрии. Неудачной, поскольку протопризматическая технология не давала, видимо, заготовок нужного качества. Идея массового получения пластин, но уже более высокого качества (с точки зрения древних мастеров) была реализована позднее, в РЛМ, и с применением другой, более сложной, технологии, хотя и прежняя технология не была забыта. Тем не менее, преориньяк можно рассматривать как «забегание вперед», как «предвосхищение будущего развития», но «забегание» по отношению к РЛМ, а не к верхнему палеолиту.

Предлагаемая автором интерпретация феномена также вызывает некоторые возражения. Л.Б.Вишняцкий полагает, что культура должна обладать «запасом идей, вариантов поведения, способов деятельности, которые, будучи известны носителям культуры, не используются или почти не используются ими на практике» (с.13). «...Носители палеолитических культур использовали на практике только часть их знаний и способностей» (с.13). То, что древние люди использовали только часть своих способностей, не вызывает сомнений. Достаточно представить развитие материальной культуры вида Homo sapiens sapiens за последние несколько десятков тысяч лет. Сложнее обстоит дело с утверждением об использовании на практике только части знаний. Здесь не все однозначно. Так, невозможно представить, каким образом могло передаваться знание верхнепалеолитической технологии получения пластин (в том случае, если она действительно была изобретена и широко использовалась в преориньяке) на протяжении десятков тысяч лет без применения на практике вплоть до начала верхнего палеолита. Археологических свидетельств ее употребления в более поздних, чем преориньяк, среднепалеолитических индустриях нет (именно верхнепалеолитической технологии, а не протопризматической). Представляется крайне маловероятным, чтобы верхнепалеолитическая техника скола «могла до поры до времени оставаться лишь непрактичным, обременительным усложнением, потенциально вполне возможным, но ненужным» (с. 13) — настолько она проста, эффективна и результативна.

И в заключение, замечание по одному «возможному следствию» интерпретации автора. «Прерывистость развития», «отсутствие связующих звеньев (переходных индустрий)» можно объяснить несколько иначе, чем «введением в культуру множества инноваций». В некоторых случаях было достаточно одного принципиального изменения в технологии обработки камня. Так, появление верхнепалеолитической техники скола резко меняет облик некоторых финальномустьерских ближневосточных индустрий, которые, имея значительный набор орудий верхнепалеолитических типов (свыше 50%) и пластинчатое расщепление, все-таки не относятся исследователями к верхнему палеолиту. Вероятно, облик заготовок и, следовательно, верхнепалеолитической группы орудий еще не соответствует полностью следующей эпохе. С изменением техники скола индустрия «внезапно» становится верхнепалеолитической.

Видимо, сходная ситуация наблюдается и при переходе от верхнего палеолита к эпипалеолиту. Массовое внедрение в практику технологии получения пластинок отжимом, также резко меняет облик индустрии. При этом, как кажется, выявить переходные индустрии будет еще сложнее, поскольку нет промежуточной технологии между «ударной» и «отжимной», а морфология и форма продуктов расщепления, тех, которые являются целью процесса, резко различны. Одна из вероятных причин смены технологии в любой эпохе — это изменение в типах орудий, изменение в требованиях к качеству скола, когда прежняя заготовка перестает быть удовлетворительной для новой формы орудия. Резкий крен в сторону одной из известных технологий, или изобретение (заимствование) и переход к другой, создает впечатление прерывистости развития.

Оценивая гипотезу «предвосхищения будущего развития в целом», видимо, следует признать, что на уровне современных опубликованных данных, явление «забегания вперед в развитии палеолитических индустрий» действительно имело место, хотя ряд спорных моментов требует от автора дальнейшего исследования проблемы, причем на основании не только опубликованных, но и «живых» археологических материалов.

ЛИТЕРАТУРА

Гиря Е.Ю., Нехорошев П.Е. 1993. Некоторые технологические критерии археологической периодизации каменных индустрий. // РА, №4, с.5-24.

Коробков И.И. 1978. Палеолит Восточного Средиземноморья. // Палеолит Ближнего и Среднего Востока. Л. с.9-185.

Нехорошев П.Е. 1993а. Технологический подход к проблеме леваллуа. // Археологические новости. Вып.1. Саратов. с.21-47.

Нехорошев П.Е. 1993б. К методике изучения нижнепалеолитической техники и технологии расщепления камня. // РА, №3. с.100-119.

Bergman C., Ohnuma K. 1983. Technological notes and some blades from Humma I 1a, El-Kowm, Syria // Quarter — 33/34. 171-180.

Jelinek A. 1982. The Middle Paleolithic in the Southern Levant eith comments on the appearence of modern Homo sapiens. // The transition from Lower to Middle Paleolithic and the origin of modern man. BAR, IS, 57-104.

Lamdan M., Ronen A. 1989. Middle and Upper Paleolithic blads in the Levant. // People and culture in change/ BAR, IS, 508. 29-36.

Nishiaki Y. 1989. Early blade industries of the Levant: the placement of Douara IV industry in the context of the Levantine Early Middle Paleolithic // Paleorient — 15.

Синицын А.А.

Sinitsin A.A.

The problem of «running ahead of time» in the development of Paleolithic industries put forward by L.B.Vishneatsky is presented in the form of paradox. With the help of traditional typological means, on the base of the traditional taxonomy of Paleolithic a number of phenomena that does not match the traditional picture of evolution is being fixed. The solution of the problem on the empirical base, with the usage of typological categories seems to be unrealizable. The definition of the system of concepts, that allows to understand the mechanism of formation and functioning of the «running ahead of time» phenomenon is also difficult.

It is evident that in order to understand this phenomenon it is necessary to change the theoretical idea of evolution and the functioning of culture with a precise definition of requirements, applied to the system of concepts and methodology.

Научное знание развивается в принципе двумя основными способами. Первый путь — это когда круг каких-то явлений фиксируется достаточно четко традиционными способами, но из существующих представлений должным образом объяснен быть не может — этот путь парадоксов. Второй — когда необходимость существования чего-то выходит за рамки существующих представлений, например, о эволюции, функции, структуре..., но на фактическом материале не выделяется — это путь софизмов. В первом случае требуется поиск новых объяснений; во втором надежды на успех можно связывать только с изменением существующей системы научных ценностей, т.е. понятийного аппарата, методологии и тех связей и отношений внутри которых прогнозируемые явления могут быть зафиксированы и рассмотрены. Различие здесь скорее методическое, поскольку изменение отношений между содержанием и значением категорий анализа автоматически ведет к изменению способов восприятия фактического материала. На практике имеет значение ориентация: или существующий понятийный аппарат и методология анализа признаются удовлетворительными и проблема сводится к интерпретации, или необходимым признается изменение категорий и методических принципов, поскольку имеющиеся в наличии методы и средства не дают возможности адекватного восприятия материала, и эта неадекватность ощущается исследователем.

Проблема «забегания вперед» в развитии палеолитических индустрий ставится Л.Б.Вишняцким в форме парадокса. Традиционными типологическими средствами, на базе традиционной таксономии палеолита фиксируется круг явлений, по некоторым показателям не вписывающийся в традиционные представления о эволюции. Конкретно речь идет о появлении ряда элементов верхнепалеолитического технокомплекса в ряде мустьерских, а если точнее — раннемустьерских, индустрий. Может быть самое важное при этом, что с одной стороны феномен «забегания вперед» фиксируется далеко не повсеместно, а в отдельных «очагах», разделенных огромными расстояниями; а с другой, эти «очаги» представлены на всех трех континентах Старого Света и, вдобавок на одном хронологическом срезе, хотя проблема определения возраста рассматриваемых индустрий остается наиболее сложной.

По своим технико-типологическим характеристикам индустрия хауисунс пурт, ближневосточный преориньяк и памятники типа Секлин Северо-Западной Европы объединяются наличием четко выраженной пластинчатой технологии и, в той или иной мере, верхнепалеолитических типов орудий при значительных отличиях более мелкого порядка. Больше объединяют их показатели «функционального» плана: 1)они появляются внезапно, 2) скорее всего на местной основе, 3) существуют относительно короткое время, 4) также резко исчезают, 5) сменяются индустриями более «архаического» облика (Вишняцкий 1993: 10) и 6) вновь возникает в результате плавной эволюции (Vishnyatsky 1994:135). Хотя эти признаки являются «внешними» по отношению к археологическому материалу и не касаются его содержания, они кажутся наиболее удачными для характеристики этого явления как дающие непосредственный выход на естественные и социальные условия его существования.

Его оценка как «забегания вперед» определяется, в первую очередь тем, относительно чего оно может быть зафиксировано. кроме общей периодизационной схемы: нижний — средний — верхний палеолит, содержание «нормальной» эволюции представляется довольно смутно, даже в Западной Европе наиболее обеспеченной фактическим материалом. Культурная (Bordes, Sonneville-Bordes 1970), функциональная (Binford, Binford 1966) и хронологическая (Mellars 1969) интерпретации вариантов мустье в разной степени, но имеют право на существование и остаются предметом обсуж-

© Синицын А.А., 1999.

дения. При предельной обобщенности таких понятий как «мозаичная», «кустящаяся» эволюция можно утверждать, по крайней мере, что однолинейная, необратимая эволюция на среднепалеолитическом материале не фиксируется. Более того, ни в одном более-менее детально изученном районе мустьерская культура не представлена одним единственным вариантом и на одном из выделяемых хронологических срезов. Аналогичная ситуация характерна и для раннего верхнего палеолита, по крайней мере для Европы и Средиземноморья, представленного существованием как минимум двух культурных традиций, одна из которых повсеместно представлена ориньяком. В этом отношении, в плане «организации», ранний верхний палеолит ближе предшествовавшей мустьерской эпохе, чем последующим периодам.

Рассматриваемые Л.Б.Вишняцким индустрии раннего периода верхнего палеолита не существуют изолированно ни на Ближнем Востоке, ни в Европе, выступая везде как составная часть достаточно сложных, чаще всего бинарных, культурных оппозиций, только внутри которых, видимо, и возможна оценка их значения. Археологические культуры, варианты, зоны развития... не являются безотносительной реальностью. Их выделение возможно только на конкретном фоне одновременных и однопорядковых явлений. Ябрудьен выделяется на фоне и через противопоставление левантийскому леваллуа-мустье и мустье загросского типа (Коробков 1978; Kozlowski 1992; Dibble 1993); Памятники типа Секлин выделяются через противопоставление индустриям, не содержащим верхнепалеолитического компонента (Amelot-Van der Heijden 1993). Сложнее обстоит дело с оценкой индустрии хауисунс пурт и особенно в связи с проблемой определения возраста и продолжительности ее существования (Berger, Protsch 1989; Beaumont et al. 1978). Остатки человека современного физического облика в сочетании с индустрией во многом «мезолитического» облика (Singer, Wymer 1982) заставляют вообще сомневаться в правомерности ее среднепалеолитической атрибуции и более чем для остальных случаев дают основание говорить о действительном опережении в развитии.

Говоря о верхнем палеолите как эпохальном кросс-континентальном явлении, первое, что надо иметь ввиду это то, что проблема и его происхождения в целом и его отдельных локальных культур раннего верхнего палеолита на современной логической и методологической базе археологии решена попросту быть не может. Главным аргументом при любом предлагаемом решении остается «здравая логика»: если традиции верхнего палеолита не были принесены из космоса, они должны иметь корни в предшествующей эпохе (Bordes 1972: 211). Проблема, таким образом, является целиком софистичной: верхнепалеолитический технокомплекс, в каком бы виде он не проявлялся, не может не иметь истоков. Вопрос в том, на основе какой методологии и с помощью каких категорий анализа эти истоки могут быть установлены.

Ясно, что принципы типологии, как традиционной номенклатурной, так и более современной, основанной на анализе признаков, для этого использованы быть не могут в первую очередь из-за того, что понятие «типа» по своей природе дискретно и основывается на устойчивости формообразующих признаков. Проблема поиска истоков требует противоположного — разработка способов диагностики изменчивости морфологических показателей и создания понятийного аппарата, ориентированного именно на это.

С полным основанием можно утверждать, что такая направленность, по крайней мере для характеристики техники первичного расщепления, составляет основную тенденцию развития археологической диагностики по крайней мере начиная с середины 80-х годов (Julien 1992). Принципиальным признается не столько морфология нуклеусов и полученных с них заготовок, сколько те операционные последовательности, в которые они включены (Boëda 1988, 1990). Особенно важным это оказалось для различения пластинчатых заготовок, снятых с призматических нуклеусов и пластин леваллуа (Perpere 1989; Revillon 1993), что, собственно говоря, и лежит в основе различения средне- и верхнепалеолитической технологий.

Можно утверждать также, что изменчивость первичного расщепления внутри конкретных индустрий как правило, если материалы достаточно многочисленны, не ограничивается одним техническим приемом, хотя «предпочтительные» типы заготовок также выделяются почти всегда. Рамки технической вариабельности внутри индустрий бывают очень широки и то, что в одном контексте можно считать разными типами заготовок, в другом будет выражать вариации одного приема и одного типа. Рамки, внутри которых происходил «технический поиск» древнего человека в отдельных случаях устанавливаются достаточно четко (Volkman 1983) и это больше чем любые теоретические рассуждения показывает необходимость разработки процессуальной диагностики наряду с типологией нуклеусов и сколов.

Непосредственно связанная по своей природе с мускульной манипуляцией, техническая эволюция палеолита более чем типологическая является естественным процессом и ближе стоит к эволюции биологической. Во всяком случае, привлечение принципов биологической эволюции для понимания процессов технического развития является более приемлемым, чем, допустим, для объяснения эволюции культурной или социальной. Говоря о процессе освобождения передних конечностей для манипуляции на разных стадиях эволюции (отдельные виды рыб, использующих плавники для разгребания ила; использование передних конечностей белками, бобрами, медведями...) А.Леруа-Гуран образно охарактеризовал его как пробные поиски в этом направлении (Leroi-Gourhan 1964: 50-54). Неверно было бы, однако, характеризовать этот процесс как «забегание вперед», поскольку степень специализации органов определяется в первую очередь видовой адаптацией, «поиском» оптимальной экологической ниши. Эпизодическое появление в среднепалеолитических индустриях техники резцового скола или орудий верхнепалеолитической морфологии является только следствием метода «проб и ошибок», поскольку иного способа технической эволюции в доиндустриальных эпохах не существует. Аналогичным образом наличие выразительного «мустьерского компонента» в ряде верхнепалеолитических индустрий (наиболее выразительно II-й культурный слой Маркиной горы) как регресс обычно не рассматривается.

Число «аномальных» индустрий среднего палеолита с отдельными элементами верхнепалеолитического технокомплекса увеличивается по мере расширения и углубления исследований (Girard 1980; Tode 1982; Heinzelin 1983; Tavoso 1988) причем часто в раннемустьерских комплексах (Bosinski 1972: 153). Можно предположить, что из разряда исключений такие индустрии должны быть переведены в разряд «нормальных» явлений как один из компонентов сложно структурированного процесса разноплановости и разнонаправленности культурной эволюции.

Все из предложенных вариантов объяснения феномена «забегания вперед» являются одновременно и

приемлемыми и неудовлетворительными, поскольку современная методология интерпретации практически никак не связана с методологией источниковедения. Скорее всего, число возможных объяснений будет увеличиваться. Как дополнительный вариант можно акцентировать, например, факт распространения рассматриваемых индустрий в пределах или непосредственной близости от литоральных зон (для хауисунс пурт: Goelett 1984: 115), хотя связь с использованием прибрежных ресурсов навряд ли будет иметь большее объяснительное значение, чем остальные возможные варианта.

Поставленная Л.Б.Вишняцким проблема важна в первую очередь тем, что является узловой для широкого круга технических и логических вопросов археологии. однако, при всей ее кажущейся фактологичности, постановка вопроса в форме парадокса лишает проблему возможности быть решенной на эмпирической основе, так как оценочный по сути феномен «забегания» фиксируется типологическими критериями, непригодными по своей природе к решению задач эволюционного и генетического плана. С их помощью явление может быть зафиксировано — и само по себе это немало. Гораздо сложнее определить какой понятийный аппарат позволит понять механизм его формирования и функционирования.

Трудно представить, что ориньякское население Юго-Западной Франции не могло изготовлять острий на манер граветтских и трудно представить, чтобы обитатели верхнего слоя Костенок 1 не знали приема сверления, известного в значительно более ранние периоды. Тем не менее, они эти возможности не использовали и все дело в том, чтобы понять причину.

Очевидно, для понимания этого явления, производным от которого является обсуждаемый феномен «забегания вперед» необходимо изменение теоретических представлений о эволюции и функционировании культуры и четкой формулировки требований, предъявляемых к понятийному аппарату и методологии: «...сначала создавать и уточнять свой генеральный теоретический объект, выяснять его потребность в понятиях, затем работать над ними и сопоставлять их с понятиями других теорий» (Клейн 1980: 105).

ЛИТЕРАТУРА

Вишняцкий Л.Б. 1993. «Забегание вперед» и развитие палеолитических индустрий: явление и его интерпретация // ПАВ 4. с.7-16.

Григорьев Г.П. 1977. Палеолит Африки // Возникновение человеческого общества. Палеолит Африки (ред. П.И.Борисковский). Л. с. 43-109.

Клейн Л.С. 1980. Структура археологической теории // Вопросы философии 3. с. 99-115.

Коробков И.И. 1978. Палеолит Восточного Средиземноморья // Палеолит Ближнего и Среднего Востока (ред. П.И.Борисковский). Л. с. 7-185.

Ameloot-Van der Heijden N. 1993. L'ensemble lithique du gisement de Lengavesnes (Somme): illustration d'un probleme de reconnaissance du debitage levallois dans une industrie a bifaces de la phase ancienne du Paleolithique moyen // BSPF, t.90, n.4, pp.25 7-263.

Beaumont P.B., de Villiers H., Vogel J.C. 1978. Modern Man in Sub-Saharan Africa prior to 49000 years B.P.: a review and evaluation with particular reference to Border cave// South African Journal of Science, vol.74, pp. 409-419.

Borger R., Protach R. 1989. UCLA radiocarbon dates XI // Radiocarbon, vol.31, n.1. — 55-67.

Binford L.R., Binford S.R. 1966. A preliminary analysis of functional varibility in the Mousterian of Levallois facies // American Anthropologist, vol.68, n.2,pt.2. 238-295.

Boëda E. 1988. Le concept laminaire: rupture et filiation aves le concept levallois // L'homme de Neandertal, col.8. La Mutation. Liege, pp.41-59.

Boëda E. 1990. De la surface au volume. Analyse des conceptions des debitages levallois et laminaire // Paléolithique moyen recept et Paléolithique superieur en Europe. (ed. C.Farizy). Colloque International de Nemoures. Memoires des Musee de Préhistoire d'ile-de-France, 3. pp.63-68.

Bordes F. 1972. Du paleolithique moyen au Paleolithique auperieur, continuite ou diacontinuite? // The Origine of Homo Sapiens (ed. F.Bordes). Paris, UNESCO, pp.211-218.

Bordes F., de Sonneville-Bordes D. 1970. The aignificance of variability in Palaeolithic assemblages // World Archaeology, vol.2, n.I. pp.61-73.

Bosinski G. 1972. Late Middle Palaeolithic groups in North-WesternGermany and their relations Early Upper Palaeolithic Industries // The Origine of Homo Sapiens (ed. F.Bordes). Paris, UNESCO, pp.153-160.

Dibble H.L. 1993. Le paleolithique moyen recent du Zagros // BSPF, t.90, n.4, pp.307-312.

Girard C. 1980. Les industries mousteriens de la grotte du Renne a Arcy-sur-Cure (Yonne) // Gallia Prehistoire, t.23, n.I, pp.1-36.

Gowlett J.A.G. 1984. Ascent to civilization. The arhaeology of early man. London, Glasgow, Sydney, Auckland, Toronto, Johannesburg.

Heinzelin J. de, Haesaerts P. 1983. Un cas Debitage laminaire au Paleolithique ancien: Croix-l'Abbe a Saint-Valery0sur Somme // Gallia Prehistoire, t.26, pp.189-201.

Kozlowski J.K. 1992. The Balkans in the Middle and Upper Palaeolithic: the gate to Europe or Cul-de-Sac? // Proceedings of the Prehistoric Socirty, vol.58, pp.1-20.

Leroi-Gourhan A. 1964. Le geste et la parole. t.I. Paris.

Mellars P. 1969. The chronology of Mousterian industries in the Perigord region of south-west France // Proceedings of the Prehistoric Society, 35. pp.134-171.

Julien M. 1992. Du Fossile directeur a la chaine operatoire // La Prehistoire dans le Monde. Nouvelle edition de la Prehistoire d'Andre Leroi-Gourhan (ouvrage collectif dirige par J.Garauger). Paris. pp.163-193.

Perpere M. 1989. Les frontieres du debitage levallois: typometrie des eclats // L'Anthropologoe, t.95, n.4. pp.837-850.

Revillon S. 1993. Question Typologique a propos des industries laminaires du Paleolithique moyen de Seclin (Nord) et de Saint-Germain-des-vaux/Port-Racine (Manche): lames levallois ou lamen non levallois? // BSPF, t.90, n.4. pp.269-273.

Singer R., Wymer J. 1982. The Middle Stone age at Klasies river mouth in South Africa. Chicago, London. University of Chicago Press.

Tavoso A. 1988. L'outillage du gisement de San Francesco a San Remo (Ligurie, Italie): nouvel examen // L'Homme de Neandertal, vol.8. La Mutation. ERAUL n.35. Liege, pp.193-210.

Tode A. 1982. Der Altsteinzeitliche fundeplatz Salzgitter-Lebenstendt // Fundamenta, Reihe A, bound II/I.

Vishniatsky L.B. 1994. «Running ahead of time» in the development of Palaeolithic industries // Antiquity, vol.68, n.258. pp.134-140.

Volkman Ph. 1983. Boker Tachtit: core recostructions // Prehistiry and paleoenvironments in the Central Negev, Israel, vol.III. The Avdat/Aqev area. Part III. (ed. A.E.Marks). Dallas. pp.127-190.

Вишняцкий Л.Б.

НОВЫЕ ДАННЫЕ К ВОПРОСУ О «ЗАБЕГАНИИ ВПЕРЕД» В РАЗВИТИИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ИНДУСТРИЙ

L.Vishniatsky. New dates to the question of «running ahead of time» in the development of the Palaeolythic industries.
The analysis of the material from levels 15 and 13 of Yabrud 1 (Rust's collection) and bed 75 of Tabun (Jelinek's collection) leads to the conclusion that the Amudian and Pre-Aurignacian industries are both typologically and technologically rather distant from UP standards. At the same time, though not as advanced (derived) as they are sometimes thought to be, both the Amudian and particularly the Pre-Aurignacian provide a picture of what one might expect to observe in an ideal «transitory» Middle/Upper Paleolithic industry. This is true in both typological and technological respects. Taking into account both the stratigraphic position of these industries and their basic similarity in terms of direction of cultural transformation, it is reasonable to consider the Amudian and Pre-Aurignacian as contemporaneous and representative of a specific episode of a rather substantial (albeit gradual) change within the Yabrudian. The notion of an "Intra-Yaburdian Episode" and the designation of the Pre-Aurignacian and Amudian as the industries of this episode would seem appropriate on the basis of current evidence. The Intra-Yabrudian assemblages, together with Howiesons Poort in southern Africa and the Seclinien of north-west Europe, provide good examples of what has been called «running ahead of time» in the development of Paleolithic industries (Vishnyatsky, 1994). In each of these examples we have to deal with cultural transformations resembling those characteristic of the Middle/Upper Paleolithic transition (at least in the realm of stone working). It cannot be ruled out that the causes of changes in all these cases (including here the Middle/Upper Paleolithic transition) also were very similar. What we need most of all to reveal these causes, is an understanding of how the changes in stone technology were connected with and depended on changes in subsistence. However, this end remains distant.

По независящим от участников этой дискуссии обстоятельствам получилось так, что комментарии, с которыми только что, надо думать, ознакомился читатель, были написаны в 1994 году, по «горячим следам» вышедшей за несколько месяцев до этого статьи, а ответ я пишу в 1999, имея, таким образом, своего рода фору в пять лет. За этот период появилось довольно много публикаций, имеющих самое непосредственное отношение к обсуждаемым здесь проблемам, а мне посчастливилось посмотреть «вживе» несколько ближневосточных коллекций, из числа наиболее часто упоминаемых на предшествующих страницах. Особенной удачей была возможность детально ознакомиться с материалами раскопок А.Руста в Ябруде, а также с индустриями амудийских слоев Табуна (раскопки А.Джелинека) и части переходных (от среднего палеолита к верхнему) слоев Бокер Тахтит (раскопки Э.Маркса) и Кзар Акила (раскопки Догерти). Ниже, отвечая на возражения и замечания комментаторов, я привожу некоторые новые данные, позволяющие, как мне кажется, в какой-то мере прояснить ряд спорных моментов.

Начну с вопроса о том, дают ли в действительности археологические данные достаточно серьезные основания, чтобы говорить о феномене «забегания вперед» в развитии палеолитических индустрий. Не стану повторять здесь свое определение этого феномена (замечу лишь, что не следует путать определение с названием, как это делает Е.Ю.Гиря), тем более, что его приводит М.В.Аникович, и не стану ссылаться на оценки, даваемые таким индустриям, как Howieson's Poort или Seclinien, их чересчур эмоциональными (как считает П.Е.Нехорошев) зарубежными исследователями. Вместо этого остановлюсь подробней на анализе ближневосточных материалов, с которыми непосредственно работал (статистические и метрические данные, характеризующие преориньяк Ябруда 1, см. в: Вишняцкий 1998).

Сколь велико сходство между преориньяком и амудьеном, с одной стороны, и верхнепалеолитическими индустриями, с другой? Можно ли говорить о том, что первые в какой-то мере предвосхищают вторые, и если да, то в какой?

Амудьен Табуна типологически весьма далек от верхнепалеолитических стандартов, поскольку среди орудий доминируют скребла (в том числе множество ябрудийских) и рубила, тогда как изделия верхнепалеолитической группы редки и невыразительны, за исключением ножей с обушком, идентичных ножам шательперрон. В амудийских слоях Маслуха также преобладают скребла, а ножи с обушком составляют вторую по численности группу орудий (Shmukler, 1983). Иную картину являет Абри Цумоф фен (Garrod, Kirkbride, 1961; Copeland, 1983), где бифасы и ябрудийские скребла, практически, отсутствуют, а основу орудийного набора формируют ножи с обушком (в ряде случаев неотличимые от ножей шательперрон), дополняемые некоторым количеством резцов. Наибольшее колическтво типологических аналогий с верхним палеолитом дает преориньяк Ябруда 1 с его многочисленными резцами, скребками, комбинированными орудиями и ретушированными пластиными, и при почти полном отсутствии изделий нижне/среднепалеолитических типов. С точки зрения техники расщепления, несмотря на тот факт, что и преориньяк и амудьен демонстрируют сочетание высокого процента пластин с нелеваллуазскими методами их получения (Nishiaki, 1988; Meignen, 1994),

© Вишняцкий Л.Б., 1999.

эти индустрии не выходят за рамки вариабельности, наблюдаемой в среднем палеолите. Настоящие призматические нуклеусы в них, по-видимому, отсутствуют (я не обнаружил таковых ни в одной из изученных коллекций), и, хотя фасетирование площадок в общем нехарактерно, некраевое скалывание безраздельно господствует. Прием ретушного или абразивного редуцирования края ударной площадки нуклеуса в этих комплексах, по-существу, незаметен (можно найти лишь единичные и спорные свидетельства его применения).

Таким образом, говорить о том, что рассматриваемые индустрии типологически или технически идентичны верхнепалеолитическим, разумеется, не приходится. Тем не менее, их самобытность на фоне ниже- и вышележащих собственно ябрудийских комплексов остается очевидной, и, если суммировать различия, то окажется, что особенности, выделяющие преориньяк и амудьен — это как раз те черты, которые можно было бы ожидать наблюдать в идеальной переходной (от среднего к верхнему палеолиту) индустрии. Последнее относится в равной мере и к типологии, и к технологии. Во-первых, как преориньяк, так и некоторые комплексы амудьена (Абри Цумоффен) характеризуются резким сокращением или почти полным исчезновнием нижне/среднепалеолитического компонента в орудийном наборе, тогда как орудия верхнепалеолитических типов становятся его заметной (Табун, Bed 75, units 12 и 11; Маслух, слои A и B) или преобладающей (Абри Цумоффен, слои 21-11 в траншее A и 8-5 в траншее B; Ябруд 1, слои 13 and 15) частью. Во-вторых, хотя технология производства пластин в обеих индустриях остается еще скорее среднепалеолитической, сами пластины во многих отношениях (метрические характеристики, редкость фасетированных площадок) ближе к верхнепалеолитиеским, нежели мустьерским заготовкам, либо занимают промежуточное положение (таблица 1). Тот факт, что отношение ширины к толщине (W/T) и ширины площадки к толщине площадки (Wbas/Tbas) у преориньякских пластин в среднем значительно меньше, чем у пластин из мустьерских и собственно ябрудийских комплексов, скорее всего, означает (принимая, что сама толщина была, как видно из таблицы, примерно постоянной величиной), что первые снимались с более выпуклых поверхностей скалывания, близких таковым верхнепалеолитических нуклеусов. В пользу этого говорит и наличие в слое 15 Ябруда 1 как минимум двух подготовленных и полутора десятков «естественных» реберчатых пластин и пластинчатых отщепов (т.е. сколов пластинчатых пропорций, высокой формы, треугольных в сечении), по крайней мере часть которых послужила для инициирования процесса скалывания, имеющего целью получение пластин. Не случайно, по-видимому, и то обстоятельство, что отношение ширины площадки к ширине в средней части у преориньякских пластин заметно меньше чем у среднепалеолитических и даже чем у пластин из переходных комплексов. Это показатель отхода от характерной для левалуа-мустье дистально-конвергентной формы удлиненных заготовок в сторону формы более свойственной для верхнего палеолита

Таблица 1. Некоторые метрические характеристики пластин из мустьерских, верхнепалеолитических и переходных комплексов Ближнего Востока

Средние данные по мустье (Кебара, Сефуним, Кафзех) и верхнему палеолиту (Ракефет, Сефуним, Кафзех) взяты из Lamdan & Ronen 1989; Ronen 1992; данные по Ябруду 1, Бокер-Тахтит и Кзар Акилу добавлены автором. Размер выборок не менее 100 предметов (кроме Ябруд 1, слой 10, где всего 25 предметов). Все измерения в миллиметрах.

	Мустье	Верхний палеолит	Ябруд 1 Сл.15	Ябруд 1 сл.10*	Бокер-Тахтит сл.4**	Кзар Акил сл.24**	Кзар Акил сл.18***
Отношение ширины пластины к толщине	3,5	2,7	2,8	3,5	2,8	2,8	2,8
Ширина площадки	16,7	9,5	12,7	17,6	14,7	13,5	11,6
Толщина площадки	5,8	3,8	5,0	5,5	5,7	5,0	4,6
Отношение ширины площадки к толщине	2,9	2,5	2,5	3,2	2,6	2,7	2,5
Ширина пластины в средней части	23,4	18,2	22,5	27,5	20,9	18,4	18,3
Отношение ширины площадки к ширине пласт. в сред. части	0,71	0,52	0,56	0,64	0,70	0,73	0,63

* леваллуа мустье

** переходная индустрия

*** ранний верхний палеолит

По мнению П.Е.Нехорошева, «преориньяк, с технологической точки зрения, можно рассматривать как неудачную попытку перехода к пластинчатой индустрии». «Идея массового получения пластин, но уже более высокого качества (с точки зрения древних мастеров)» была, как он пишет, реализована позднее, в раннем левантийском мустье. Мне, к сожалению, точка зрения древних мастеров не известна, но если руководствоваться приведеными выше данными, указывающими на значительную близость преориньякских пластин верхнепалеолитическим, то уничижительная оценка первых выглядит безосновательной. Сомнителен и тезис, что резкое увеличение количества пластинчатых заготовок всегда автоматически влечет за собой столь же резкое изменение типологического облика индустрии (П.Е. Нехорошев, Е.Ю.Гиря), и именно этим якобы объясняется сходство орудийного набора преориньяка/амудьена и верхнепалеолитических памятников (Jelinek 1990:85). С одной стороны, для мустье известно немало случаев, когда высокий индекс пластинчатости сочетается с крайне низким типологическим индексом верхнего палеолита [например, 55 и 6,5 в Биситуне (Dibble 1984), 45 и 5 в слое B Варвази (Dibble & Holdaway 1993)], а с другой стороны, заведомо верхнепалеолитические по своей типологии комплексы зачастую являются гораздо менее пластинчатыми, чем, скажем, мустье типа Табун D (Marks & Monigal 1995:267) и ряд чисто мустьерских индустрий Загроса (те же Биситун и Варвази) и Средней Азии (Кутурбулак).

Важно, что и амудьен и преориньяк вырастают, скорее всего, на местной ябрудийской основе. Материалы Табуна свидетельствуют в пользу непрерывной эволюции, в ходе которой имело место плавное возрастание а затем сокращение «частоты характерных амудийских элементов по отношению к орудиям и сколам иных типов (Jelinek, 1990:87). В Ябруде 1 ситуация сложнее. При ознакомлении с материалом поражает, что в то время как в коллекциях слоев 15 и 13 преобладают пластины и орудия верхнепалеолитических типов, в слоях 16 и 14 эти изделия напрочь отсутствуют, и в орудийном наборе доминируют ябрудийские скребла, которых нет в преориньякских слоях. Как это объяснить? Были ли изменения, действительно, столь внезапными? Или это просто результат сортировки уже раскопанного материала? Наверняка на эти вопросы вряд ли можно ответить. Однако, допуская, что верно скорее второе, чем первое, хочу подчеркнуть, что даже если смешать коллекции из всех четырех слоев и затем проанализировать их как единый комплекс, то и тогда заключение о «продвинутом» характере индустрии останется непоколебленным. Более того, в подобном случае было бы очевидно, что, как и амудьен Табуна, преориньяк Ябруда 1 имеет корни в ябрудьене и представляет собой автохтонное явление.

По моему мнению, принимая во внимание стратиграфическую позицию рассматриваемых индустрий (слои с преориньяком и амудьеном вклиниваются между собственно ябрудийскими слоями) и одинаковую направленность демонстрируемых ими культурных трансформаций, их можно считать одновременными или, по крайне мере, очень близкими во времени явлениями, маркирующими период существенных — но оказавшихся обратимыми — изменений внутри ябрудьена. Для обозначния этого периода было бы целесообразно ввести понятие «внутри-ябрудийский эпизод». Как и шесть лет назад, я считаю, что ндустрии внутри-ябрудийского эпизда, наряду с хауисонс пуртом Южной Африки и секлиньеном северо-западной Европы, дают пример опережающего свое время развития. В каждом из этих случаев мы имеем нечто вроде репетиции верхнепалеолитической «революции» (по крайней мере в области обработки камня).

Очень интересен поднятый в очередной раз М.В. Аниковичем вопрос о дальнейшей судьбе преориньяка и возможности его генетической связи с собственно ориньяком. Я в общем-то согласен с ним в том, что гипотеза о ближневосточной прародине европейского ориньяка не исчерпала «своих потенциальных возможностей», но, не сбрасывая ее со счета окончательно, считаю, что имеющиеся факты и, в первую очередь, то обстоятельство, что настоящий ориньяк на Ближнем Востоке много моложе, чем в Европе, свидетельствуют скорее все же против, чем за нее. Что касается идеи, согласно которой преориньяк и амудьен могли явиться основой, на которой впоследствии сформировались первые верхнепалеолитические культуры, такие как ориньяк и шательперрон, то ни стратиграфическое положение первых двух индустрий, ни постулируемый для них весьма древний возраст не благоприятствуют такой гипотезе, а отсутствие каких бы то ни было промежуточных звеньев между ними и ранним верхним палеолитом делает ее еще менее правдоподобной. Единственная возможность «спасти» идею заключается в том, чтобы рассматривать инвентарь 15 слоя Ябруда 1, 21-11 слоев Абри Цумоффен и т.д., как следы некоей пришлой культуры (или культур), носители которой впоследствии оставили регион, но подобному допущению серьезно противоречат следующие обстоятельства: 1) как уже было сказано, для Табуна раскопки А.Джелинека дали весьма убедительные доказательства непрерывной эволюции на протяжении всего ябрудьена, включая амудийские слои; 2) в сопредельных регионах пока не известно ничего подобного амудьену и преориньяку, а миграция не могла быть из ниоткуда в никуда. Конечно, нельзя исключить вероятность того, что в будущем какие-то связующие звенья все же обнаружатся, но пока это-

го не произошло, и на мой взгляд, шансы рассматриваемой гипотезы на повышение статуса не слишком высоки.

Высказанные некоторыми участниками дискуссии соображения о том, что, говоря о нормах развития или «нормальной эволюционной последовательности», нужно было бы попытаться определить, что это такое, кажутся мне совершено справедливыми. В моей статье определения нет, и это одно из ее наиболее уязвимых мест (принимаю упрек Е.Ю.Гири и А.А.Синицына). Справедливы сами по себе и рассуждения о том, что «чисто технологически возможности вариабельности форм продуктов расщепления не безграничны», что « пластина и не могла пластиной не стать», и «будущее» в этом отношении не могло быть иным (Е.Ю.Гиря), но я не вижу какие последствия акцентирование такого рода банальностей имеет для решения вопросов, поднятых в обсуждаемой статье. Речь ведь в ней идет не о причинах появления пластинчатых индустрий как таковых, и не о причинах того, почему они, возникнув и затем исчезнув, вновь появляются в верхнем палеолите (хотя и здесь ссылок на технологическую и функциональную необходимость маловато — появились-то они далеко не повсеместно), речь в ней о феномене «предвосхищения» верхнепалеолитического «будущего» в нижне- и среднепалеолитическом прошлом, и о том, что феномен этот — если признавать его реальность — ставит под сомнение господствующие аккумулятивистские представления о характере и причинах культурного развития в палеолите (краткую характеристику этих представлений см. в Вишняцкий 1997). Существование явления «забегания вперед», наряду с другими фактами, означает, что, пытаясь объяснить те или иные изменения в культуре, имевшие место в палеолите, нельзя исходить из посылки, что они были прямым и немедленным следствием появления соответствующих биологических или каких-то иных (открытие, изобретение, заимствование) возможностей. Имевшиеся возможности могли долгое время оставаться «непроявленными» вплоть до появления такой необходимости. Объяснить распространение пластинчатых индустрий, или введение в широкое употребление костяных наконечников, глиняных горшков и т. д., значит объяснить, прежде всего, не почему эти сдвиги в культуре стали возможны и тем более не почему технологически они были предопределены, а почему они стали необходимы, почему потребовалась замена старых, многие десятки и сотни тысяч лет вполне себя оправдывавших способов жизнеобеспечения и технологий новыми, многие из которых были доступны и раньше, но не использовались (или использовались лишь в исключительных случаях).

Ряд возражений касается моего предположения, что в преистории существовал механизм культурной эволюции, действовавший подобно механизму эволюции биологической, за счет скрытого резерва изменчивости. Я согласен с П.Е.Нехорошевым, что представить, каким образом знания о тех или иных способах расщепления камня могли передаваться на протяжении десятков тысяч лет без применения на практике довольно трудно, но намеренное хранение такого рода информации совсем не обязательно. Судя по изощренности многих технологий, реконструируемых по материалам среднего палеолита, уже в эту эпоху среди создателей каменных индустрий в каждом поколении были люди, знавшие свое дело не хуже современных экспериментаторов и способные при необходимости существенно изменить и расширить технический репертуар, обычный для той или иной традиции. Здесь мы имеем дело, по-видимому, как раз с тем случаем, когда «велосипед» легко мог изобретаться заново много раз, о чем свидетельствуют, кстати, и примеры из области археологии верхнего палеолита и более поздних эпох, приводимые Е.Ю.Гирей. Относительно сомнений в уместности поиска биологических параллелей и употребления биологических терминов применительно к эволюции культуры могу сказать только, что параллели в данном случае не метафоричны, а существуют на самом деле (вопрос имеет длительную и интересную историю, но об этом как-нибудь в другой раз), а термины приходится заимствовать лишь потому, что понятийный аппарат самой культурологии пока слишком беден.

Завершая свой ответ, должен повиниться в том, что «прореагировал» далеко не на все идеи, возражения, замечания и вопросы, содержащиеся в комментариях. Некоторые из них имеют к написанному мной шесть лет назад лишь весьма отдаленное (если вообще какое-то) отношение, некоторые, признаюсь, я просто не понял. Хочу также поблагодарить всех, кто счел мою работу достойной отклика.

ЛИТЕРАТУРА

Вишняцкий Л.Б. 1997. О предыстории и причинах технологических новаций, знаменующих начало верхнего палеолита // Проблемы археологии каменного века. Уссурийск: 30-43.

Вишняцкий Л.Б. 1998. Преориньяк и внутриярдудийский эпизод // Палеоэкология и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Новосибирск. Т.2: 401-412.

Copeland L. 1983. The Palaeolithic industries at Adlun // Adlun in the Stone Age: The Excavations of D.A.E.Garrod in the Lebanon, 1958-1963. Oxford: BAR: 89-260.

Dibble H.L 1984. The Mousterian industry from Bisitun Cave (Iran) // Paleorient 10: 23-34.

Dibble, H.L., Holdaway S.J. 1993. The Middle Paleolithic Industries of Warwasi // The Paleolithic Prehistory of

the Zagros-Taurus. Philadelphia: University of Pennsylvania: 75-99.

Garrod D.A.E., Kirkbride D. 1961. Excavation of the Abri Zumoffen, a Paleolithic rock-shelter near Adlun, South Lebanon, 1958 // Bulletin du Musée de Beyrouth 16: 7-48.

Jelinek A.J. 1990. The Amudian in the context of the Mugharan Tradition at the Tabun Cave (Mount Carmel), Israel // The Emergence of Modern Humans. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press: 81-90.

Lamdan N., A.Ronen. 1989. Middle and Upper Palaeolithic blades in the Levant // People and Culture in Change. Oxford: BAR: 29-36.

Marks A.E., Monigal K. 1995. Modeling the production of elongated blanks from the Early Levantine Mousterian at Rosh Ein Mor // The Definition and Interpretation of Levallois Technology. Philadepphia: University of Pennsylvania Press: 267-277

Meignen L. 1994. Paleolithique moyen au Proche-Orient: le phenomene laminaire // Les industries laminaires au Paleolithique moyen. Paris: CNRS: 125-159.

Nishiaki Y. 1989. Early blade industries of the Levant: the placement of Douara IV industry in the context of the Levantine early Middle Paleolithic // Paleorient 15: 215-229.

Ronen A. 1992. The emergence of blade technology: Cultural affinities // The Evolution and Dispersal of Modern Humans in Asia. Tokyo: Hokusen-sha: 217-228.

Shmookler L. 1983. Masloukh revisited: The Amudian layers of the coastal site in Lebanon. Unpublished manuscript.

ЭКО-СОЦИАЛЬНЫЕ РЕКОНСТРУКЦИИ

Михайлеску К.Д.

ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЙОНА ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК БУЗДУЖЕНЬ, БРЫНЗЕНЬ И ЧУНТУ

Mihailescu C.D. The geological and paleogeographical conditions of the Palaeolithic sites of Buzdujeni, Brînzein and Ciuntu.

The North Moldova's territory is of great interest for investigations in Archaeology, Quaternary Palaeogeography and Palaeoclimate reconstructions. This region has important advantages for the reconstruction of the environmental conditions of Stone Age Man evolution. Numerous outcrops of the Late Pleistocene deposits, and multi layer Palaeolithic sites permitted to receive reliable palynological and palaeozoological data about the landscapes and climate changes in periglacial zone during the Eemian and Last Glacial. These advantages make the Middle Pruthian valley a key region for the investigations of human-nature relations and potential correlations of natural and social events on the earliest stages of Stone Age Man evolution. The author`s principal research has been directed towards a detailed biostratigraphical and geological study of the sediments of main multi layer Palaeolithic sites from the region of Buzdujeni, Brînzeni and Ciuntu. In the paper are also generalized many palaeogeographical records selected from more than 30 outcrops and some dozens of boreholes of aerial and alluvial sediments of the Pruthian terraces. This material allows to describe the clearly structured system of the Pruthian terraces as well as to reconstruct the palaeoenvironmental conditions of Stone Age Man evolution during the Middle and Upper Palaeolithic time.

Хорошо известно, что все археологические культуры развиваются не только во времени, но и в пространстве. Именно поэтому, очень важная роль в эволюции и становлении человека принадлежит условиям окружающей среды. Хотя и в настоящее время общество не может считать себя полностью независимым от разных «капризов» природы (такие как засухи, наводнения, сильные бури, суровые зимы, землетрясения и др.), совершенно очевидно, что на ранних стадиях эволюции человека природа играла явно более значительную роль в его жизни. Очень часто состояние природной среды определяло не только виды деятельности древних людей, основные источники пищи, но и состояние здоровья, продолжительность жизни, а иногда и саму возможность их существования в том или ином регионе.

Исходя из перечисленных соображений, к изучению многослойных палеолитических стоянок Севера Молдовы были привлечены геологические и палеогеографические методы. Они позволяют полнее охарактеризовать, как слои с культурными остатками, так и разделяющие их горизонты. Последние могут быть стерильны в археологическом отношении, но, как правило, очень информативны в палеогеографическом плане, что позволяет полнее реконструировать условия среды прошлого.

Анализ географического распределения известных палеолитических стоянок на картах Центральной и Восточной Европы (Moroşan, 1938; Кетрару, 1973; Brudiu, 1974: Allsworth-Jones, 1986: Иванова, 1987; Борзияк, 1994, 1997 и др.), а также ареалов сосредоточения культур средне- и позднепалеолитического возраста выявляет особое значение Карпатско-Днестровского пространства в процессе эволюции общества. Важное место в этом пространстве занимает бассейн Прута, и особенно средняя его часть, где сосредоточено большое количество многослойных палеолитических стоянок. Многие из них, как Миток-Малул Галбен, Пырэул луй Истрати, Рипичень-Стынка, Рипичень-Извор, Дуруитоаря Веке, Буздужень, Брынзень и др. давно описаны и широко известны в археологической литературе (Moroşan, 1938; Chirica, 1989; Păunescu, 1986-1994; Кетрару, 1973-1993; Борзияк, 1980-1997 и др.).

Река Прут является одним из самых крупных притоков нижнего течения Дуная. Она берет свое начало на высоте более 1600 м в массиве Черногора, Лесистых Карпат. Пройдя более 800 км, Прут впадает в Дунай восточнее города Галац.

Материалы положенные в основу этой статьи собраны автором во время полевых сезонов 1994-1996 гг. благодаря участию в комплексных исследованиях серии палеолитических стоянок севера Молдовы, организованные доктором исторических наук И.А.Борзияк[1].

Стоянки Брынзень, Буздужень и Чунту расположены в долинах левых притоков Прута — Рековец и Лопатник, которые впадают в Прут на среднем участке его долины.

В геоморфологическом отношении исследуемая территория представляет собой невысокую (150-200 м) слабонаклоненную к югу равнину. В географической литературе она извест-

[1] Автор выражает искреннюю признательность **доктору истории И.А.Борзияку** за предоставленную возможность принять участие в комплексных исследованиях указанных стоянок, а также за содействие в подготовке и публикации собранных материалов.

© Михайлеску К.Д., 1999.

на под названием Средне-Прутской равнины. В геоструктурном плане эта территория относится к Молдавской плите, которая представляет собой юго-западную окраину Восточно-Европейской (Русской) платформы. В геологическом строении Среднепрутской равнины выделяются два крупных этажа: а) нижний — представляет собой фундамент платформы и состоит из кристаллических пород докембрийского возраста; б) верхний — осадочный чехол платформы, сложенный из пород палео-, мезо- и кайнозойского возраста.

В строении осадочного чехла региона можно выделить три седиментационных цикла: позднепротезой — силурийский, меловой и позднебадений — четвертичный. Они разделены двумя крупными перерывами в осадконакоплении: девонско-юрским и палеоген-раннемиоценовым. Прежде, чем перейти к рассмотрению стратиграфии самих стоянок, считаем необходимым, хоть и в самом обобщенном виде привести описание основных дочетвертичных этапов развития исследуемой территории.

Палеозой представлен морскими отложениями ордовикского и силурского возраста. Продолжительное развитие территории в платформенном режиме сопровождалось медленными колебательными движениями, которые не достигали больших амплитуды по вертикали, но охватывали обширные площади. Палеозойские образования представлены песчанистыми известняками с прослоями мергелей и глин, несогласно залегающие на поверхности кристаллического фундамента, повторяя его наклон с северо-востока на юго-запад.

Мезозой представлен верхнемеловыми глауконитовыми песками, известняками и мергелями с многочисленными конкрециями кремния. Учитывая, что древние сообщества людей использовали кремень в качестве сырья для изготовления первых орудий труда и охоты, ниже рассмотрим возможные условия образования указанных конкреций. По данным большинства исследователей (Бобринская и др., 1966, 1968; Перес, 1964; Букатчук и др., 1988), в позднем мелу (сеномане) на исследуемой территории развивался обширный морской бассейн. В составе фауны этого бассейна преобладали организмы с кремнистым скелетом, разные виды кораллов, иглокожих, фораминифер и радиолярий. Об этом свидетельствует наличие в толщи мергелей многочисленных линз и прослоев спонголитов.

По-видимому, в условиях эпиконтинентального, не очень глубокого моря, большое влияние на развитие водных организмов имели колебания климата, изменения минерализации воды и газового режима, а может и другие факторы, которые обуславливали цикличный характер развития морской фауны. Об этом свидетельствует чередование слоев богатых биогенным кремнеземом (SiO_2) и слоев с повышенным содержанием кальцита ($CaCO_3$). Как было установлено Ф.Пересом (1964), в условиях высокого давления и под влиянием существенной разницы кислотности (pH) между соседними слоями, биогенный кремнезем может растворяться и протекать по трещинам в нижележащие слои. Здесь он постепенно вытеснял карбонаты и другие, более легкие, растворимые минералы. В результате заполнения занимаемых ими форм, образовались крупные конкреции кремния.

В пользу рассматриваемой версии свидетельствует большое разнообразие форм и размеров кремнистых конкреций. В том же слое они могут быть круглыми, плоскими, трубчатыми, узловидными и других самых причудливых форм, достигая от 3-5 до 30-40 см в диаметре. В отдельных случаях биогенный кремнезем накапливался на контактах между слоями разной плотности, образуя сплошные линзы небольшой мощности. Иногда миграция биогенного кремния происходила в полужидком состоянии, так как во многих крупных конкрециях были обнаружены раковины фораминифер, иголки порифер и даже обломки раковин Inoceramus. По альтернативной версии указанные остатки могли играть роль ядер концентрации и кристаллизации кремнеземного материала из пересыщенных растворов прибрежных лагун.

Кайнозой представлен неогеновыми и четвертичными отложениями морского, аллювиального и субаэрального происхождения. Отсутствие палеогеновых толщ может быть объяснено развитием исследуемой территории в континентальных условиях и преобладанием процессов денудации над процессами накопления. Морская среда восстановилась лишь в среднем миоцене, когда в начале проникли воды баденского, а потом и сарматского бассейна. Осадки баденского моря представлены кремнистыми конгломератами, литотамниевыми и обломочными известняками, гипсами, глинами, мергелями и кварцевыми песками. Последние местами содержат скатанные обломки сеноманских кремней и небольшие линзы бентонита (Simionescu, 1927; Moroşan, 1938). Многочисленные сведения о литологическом и фаунистическом составе баденских (или тортонских, как вначале назывались) пород имеются в работах В.Д.Ласкарева (1896), А.О.Михальского (1903), Vascautanu (1925), О.Г.Бобринской и др. (1964, 1966), И.М.Сухова (1969), В.Бэкэуану и др., (1980). Перечисленные исследователи описали очень богатую и разнообразную фауну моллюсков, фораминифер, остракод, червей, мшанок, морских ежей и кораллов, которая свидетельствует о теплых и благоприятных условиях баденского моря.

На территории Среднепрутской равнины и особенно в долинах левых притоков Прута — Лопатник, Рековец, Драбиште, Чугур, Каменка и др., баденские известняки обнажаются на

дневную поверхность, образуя своеобразные скалистые гряды северо-западного простирания. В специальной литературе они известны под местными названиями «медоборов» и «толтр». Учитывая исключительную важность этих форм рельефа для рассматриваемой темы считаем необходимым детальнее описать их строение и условия образования.

В географической литературе впервые они упоминаются Дюбуа в 1831 году, который указывает на их рифогенное происхождение. Позже они изучались Н.П.Барбот де Марни (1867), И.Ф.Синцовым (1883), А.О.Михальским (1902, 1903), В.Д.Ласкаревым (1904), И.К.Королюк (1952), И.М.Суховым (1969) и другими исследователями. Особое значение для познания рифовых образований региона имеет работа А.О.Михальского (1902), где автор объясняет, что медоборы (русский термин) — это гряда рифов, тектонически связанная с развитием Карпат, а толтры (польский термин) — это высокие скалы, точнее отдельные блоки рифовых гряд, отсеченные притоками Прута от основного массива.

Высота рифов обычно не превышает 60-70 м, хотя они очень хорошо выражены в современном рельефе. Большинство исследователей региона отмечают многослойное строение медоборов. О.Г.Бобринская с сотрудниками (1966, 1968) приводит детальную палеонтологическую характеристику каждого слоя. В основание рифовых гряд отмечаются мшанково-литотамниевые и обломочные известняки мощностью до 20-25 м. Судя по крутому углу падения их слоистости, эти известняки образовывали небольшие банки, возвышавшиеся над соседними участками морского дна.

Редко встречающиеся в этих породах остатки моллюсков принадлежат исключительно устрицам и пектинидам: Ostrea digitalina (Dub.), Chlamys multistriata (Dub.), Ch. elegans (Andrz.), Ch. gloria-maris (dub.), Pecten aduncus Eichw., P. solarium (Lmk.) (Бобринская и др., 1966). Эти виды свидетельствуют о нормальной солености воды и небольшой глубине баденского бассейна. Необходимо отметить, что в большинстве случаев в основании банок залегает слой базального конгломерата (до 3-4 м), состоящий из скатанных сеноманских кремней. По-видимому, этот горизонт являлся основным источником кремния для мастерских древних людей, так как начиная со среднего плейстоцена он широко обнажался в глубоких долинах Прута и его притоков.

Юго-восточнее рифов обломочные известняки фауиально замещаются глинами, мергелями и кварцевыми песками, северо-западнее — гипсами лагунного происхождения (Негодаев-Никонов, 1955). Общая мощность баденских отложений в пределах района исследований возрастает с востока на запад с 15-20 до 50 м.

Завершают строение рифовых гряд раннесарматские отложения (бугловский и волынский горизонты), которые представлены оолитовыми и биогерными известняками, сложенные скелетными остатками серпул, мшанок и, реже, известковых водорослей (Бобринская, Конькова, 1968). В этих известняках встречаются ядра и отпечатки Cardium lithopodolicum Dub., Modiolus incrassatus Orb., Musculus naviculoides (Koles.), Cerithium rubiginosum Eichw., Gibbula sf. angulata (Eichw.), Ostrea sp. и др. Мощность биогерных массивов очень непостоянная, достигая иногда до 35-40 м.

Анализ картографических материалов и космических снимков региона позволяет предположить, что размещение толтр и медоборов является далеко не хаотичным. Они образуют своеобразную полосу со скалистым рельефом, которая, имея субмеридиональное направление, оконтуривает Карпатский массив с востока и юго-востока. Длина этой полосы превышает 300 км, а ее ширина достигает 30-40 км. Большинство медоборов и толтр расположены в непосредственной близости от глубоких речных долин региона, что позволяет допустить наличие органической связи между ними.

По-видимому, еще в среднемиоценовое время, под влиянием поднятия Карпат, на дне баденского моря образовались ряд антиклиз субмеридионального направления. Ввиду более благоприятных биотических условий, большей аэрации и инсоляции, гребни антиклиз были интенсивнее заселены коралловыми рифами и колониями других организмов. Усиливающаяся позже тектоническая деятельность и, прежде всего, боковое давление со стороны воздымающихся Карпат привела к образованию крупных тектонических трещин, расположенных в основном по гребню бывших антиклиз. Таким образом, многие рифы оказались рассеченными надвое, давая начало разнообразным по форме современным толтрам. Указанные тектонические трещины продолжали развиваться и в раннесарматское время, а после отхода морских вод они каптировали первые речные потоки, определяя нынешний вид гидрографической сети региона. Материалы геологического картирования позволяют выявить несколько этапов возобновления тектонической деятельности в регионе, так как наряду с хорошо выраженными трещинами субмеридионального направления, которые определили образование глубоких долин притоков Прута — Чугур, Рековец, Дравиште, Лопатник и др., имеется еще ряд второстепенных трещин с направлением почти перпендикулярной первым. Они послужили основой для образования многочисленных балок и оврагов региона, а также своеобразных узлов пересечения долин разного возраста (treple point).

Подобные трехаксные узлы, явно тектонического происхождения можно наблюдать в до-

линах Рековца, Драгиште в непосредственной близости от гротов Буздужень и Брынзень. На наш взгляд не случайным является и расположение многих гротов и палеолитических поселений в непосредственной близости от мест слияния узких и глубоких долин с крутыми склонами, которые образовались в местах пересечения тектонических трещин разного направления. По-видимому, древние сообщества людей использовали подобные места в целях коллективной охоты, гоняя стада крупных животных по долинам с крутыми склонами. При впадении бокового притока в главной реке образуется небольшой конус выноса, поэтому пойма реки на этом участке подобна хорошо замаскированному болоту, где крупные животные часто застревали, становясь легкой добычей. Особенно продуктивна охота в подобных местах в течение холодного сезона, когда болотистые места покрывались небольшим слоем промерзшего грунта.

О повышенной тектонической активности региона в миоценовое время свидетельствует и наличие многочисленных слоев и линз бентонитов и вулканических туфов в осадках баденского и раннесарматского морей. Так, например, И.Симионеску впервые отметил наличие андезитового пепла в основании сарматских пород в районе города Дорохой в Румынии (I.Simionescu, 1927). Позже Н.Н.Морошан описал слой разложившегося вулканического пепла под нижнесарматскими известняками в районе села Куконештий-Векь, а Ф.Вэскэуцану — в районе Хотинской крепости (N.Moroşan, 193 8; Th.Vascautsanu, 1925). Из литературных источников необходимо отметить также свидетельство Р.Севастова и И.Атанасиу о наличии мощных слоев (до нескольких десятков метров) вулканических туфов, залегающих в Запрутской Молдове между морскими и озерно-речными осадками мэотиса (R.Sevastos, 1992; I.Atanasiu, 1940). Большой интерес представляют и результаты работ И.М.Сухова и О.Г.Бобринский с сотрудниками, которые отмечают наличие в толще сарматских известняков севернее села Буздужень шести линз бентонитов и вулканического туфа до 0.2-0.3 м каждая (О.Г-.Бобринская и др., 1968). По свидетельству И.М-.Сухова (1955, стр. 88), мощность прослоев вулканического пепла растет по направлению к Карпатам, что с несомненностью подтверждает их карпатское происхождение. Во всех случаях эти прослои приурочены или к смене петрографического состава пород, или к формационным и внутриформационным перерывам. Это позволило И.М.Сухову считать, что основной причиной колебаний уровня миоценовых морей являлись пароксизмы вулканической деятельности в Карпатах. Учитывая важные достижения палеоклиматологии, и в частности теорию гляциоизостазии, можно предположить, что органическая связь между указанными явлениями объясняется также существенными изменениями климата. По-видимому, в миоцене глобальные изменения климата имели такой же ритмический характер, как и в четвертичное время. Результаты полевых работ последних лет свидетельствуют, что этот регион очень перспективен для проведения детальных палеоландшафтных исследований по выявлению взаимосвязей между тектоникой, климатом и колебаниями уровня моря, но эта тема отдельной работы. Здесь же отметим лишь совершенно очевидный факт, что в этом регионе усиление неотектонических процессов происходило в теплые межледниковые эпохи, когда обширные равнинные пространства освобождались от огромных масс материковых ледников.

В археологическом плане значение рифогенных образований состоит в том, что они послужили в качестве первичных укрытий для первобытных людей. Поскольку медоборы и толтры сложены из растворимых пород, сильно раздробленных тектоническими движениями, они представляли собой очень благоприятную среду для развития карстовых процессов. Последние привели к образованию многочисленных пещер и гротов, наличие которых позволило палеолитическим сообществам людей пережить даже самые неблагоприятные условия плейстоценовых похолодании. Удобные гроты и крутые обрывы толтр защищали людей не только от неблагоприятных метеорологических явлений, но и от многочисленных хищников, которые на открытых пространствах продолжали представлять серьезную опасность.

После регрессии сарматского моря рассматриваемая территория развивалась в континентальных условиях. Об этом свидетельствует наличие довольно мощной серии плиоцен — четвертичных отложений. Она представлена в основном аллювиальными песками, галечниками и пойменными глинами, а также многочисленными горизонтами лессовидных суглинков и ископаемых почв разной окраски.

В долинах Прута и его притоков указанные отложения слагают хорошо развитую систему плиоцен-четвертичных террас, которая для среднего участка долины Прута схематично представлены в таблице 1.

В таблице 1 отражены гипсометрические сведения разных исследователей о террасах Прута на разных участках его долины. Учитывая очень ограниченный объем статьи, отметим лишь, что более подробные сведения об условиях образования плейстоценновых террас, а также данные об основных этапах эволюции ландшафтов региона были опубликованы раннее (Михайлеску, Маркова, 1992; Медяник, Михайлеску, 1992).

На примере стоянки Буздужень ниже рассмотрим кратко палеогеографические условия образования основных литологических слоев.

Грот Буздужень расположен на западном берегу реки Рековец в 3 км к северо-востоку от одноименного села Единецкого района Республ-

лики Молдова. Грот образован в рифовых известняках раннесарматского возраста и был почти наполовину заполнен четвертичными отложениями различного состава и происхождения. Длина грота составляет 10-11 м, ширина — 8-9 м, максимальная высота — 5.5 м. Днище грота без четвертичных осадков расположена на высоте 66 м выше уреза воды в реке Рековец. Минимальная мощность известняков в кровле грота составляет 5 м. Общая площадь грота составляет около 60 м^2. В северной части грота хорошо выражена ровная террасообразная поверхность высотой 2 м, шириной 1,5 м и длиной около 3 м, сложенная из более плотных и прочных известняков. По свидетельству Н.А.Кетрару (устное сообщение) четвертичные отложения и археологические остатки на этой площади грота не сохранились. Сверху вниз в гроте наблюдали следующие слои:

Слой 1. Современный культурный слой представлен темно-серыми пылеватыми суглинками, сильно перемешанными с пеплом и известковой крошкой выпавшей с потолка грота. Мощность слоя 0.1 м. Выше нулевой отметки в гроте видны черные пятна дыма и следы обгорелых участков, где известняки более рыхлые и содержат многочисленные каплевидные образования кальцита.

Слой 2. Светло-серые пылеватые суглинки с обломками угля и следами кострищ. На северо-западной стене грота на этом уровне (0.3 м ниже нулевой отметки) четко видны скопления черных солей и окислов железа (Fe), марганца (Mn) и магния (Mg). Их наличие свидетельствует о неоднократном проникновении дождевых вод по стенкам грота. Мощность слоя — 0,2-0,3 м. По-видимому, этот слой образовался на протяжении голоцена в условиях более влажного и умеренно теплого климата.

Слой 3. Светло окрашенные, серовато-палевые суглинки, макропористые, сильногумусированные, бесструктурные неслоистые с многочисленными обломками известняка, костей крупных животных и кремней. Границы слоя нечеткие, постепенные. Мощность — 0,3-0,4 м. Климатические условия были аналогичными слою 4, преобладали процессы механического выветривания пород и эоловый перенос пылеватых частиц. Обилие крупных обломков известняка, по-видимому, свидетельствует об интенсификации тектонических движений.

Слой 4. Палевато-желтые суглинки, микропористые, неслоистые с большим количеством кварцевых зерен песка, неокатанными обломками известняка и тонкими линзами алевритов. Очень светлый окрас суглинков, их состав и строение, делает их очень схожими по внешнему облику с валдайскими лессами региона. Верхняя граница слоя нечеткая, мощностью 0.3 м. По-видимому, этот слой образовался в засушливых и холодных климатических условиях при явном усилении эоловых процессов, которые не способствовали образованию сплошного растительного и почвенного покрова на плакорах региона.

Слой 5а. Суглинки коричневато-бурой окраски, горизонтально-слоистые явно субаквального происхождения. Материал хорошо отсортирован, четко видны более темные горизонты, представляющие намывы из ископаемых почв каштанового типа, которые в этом регионе характерны для среднего плейстоцена. Слоистость осадков лучше выражена в северо-западной части грота, где сохранились эрозионные следы потока, в виде узких и глубоких проходов с небольшими расширениями в глубине скалы. В одном метре северо-западнее раскопа ненамного выше слоя 5 сохранился небольшой прослой (около 20 см) озерных глин сизовато-серой окраски с тонкими линзами алевритов, окрашенные лимонитом в желтовато-бурый цвет. Мощность этого прослоя увеличивается (до 35-40 см) в северо-западный рукав пещеры (который до сих пор почти полностью заполнен осадками), где он имеет более темную окраску и включает линзы крупнозернистого материала. Породы слоя были опробованы на наличие фауны моллюсков и мелких млекопитающих, но безрезультатно. По-видимому, водоем в котором накопились эти осадки характеризовался повышенной кислотностью воды, что воспрепятствовало сохранению раковин моллюсков и костных остатков. Кислотная среда в бассейне могла образоваться под влиянием большого количества органики из-за интенсивного намыва гуминовых кислот из ископаемых почв, формировавшиеся в это время над гротом. О том, что до попадания в пещеру дождевые воды смывали поверхностные почвы свидетельствует наличие многочисленных трещин и карстовых воронок на плакоре в зоне грота. Судя по всему, рассматриваемый слой образовался в благоприятных условиях относительно теплого и влажного климата. Верхняя граница 5-го слоя четкая, подчеркнута присутствием второго горизонта скопления крупных глыб известняка, размерами от 0.2 до 0.6 м в диаметре. Он соответствует, по-видимому, второй фазе интенсификации тектонических движений в регионе.

Слой 5б. Светло-коричневые суглинки, слабогумусированные с многочисленными остроугольными обломками известняка, кремней и костей крупных млекопитающих. Материал неокатан, несортирован, без четкой слоистости и без следов водной транспортировки. Границы слоя четкие, верхняя карманообразная, нижняя более ровная, горизонтальная подчеркнута изменением окраски, структуры и генезиса пород. Н.А.Кетрару и И.А.Борзияк относят этот прослой к верхней части слоя 5 (прослой 5б). По-видимому, этот слой образовался в субаэральных условиях при аридном и холодном климате, который способствовал механическому выветриванию коренных пород со стен и потолка грота при интенсивной эоловой транспортировке пылеватых частиц с поверхности.

Таблица 1. ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ВЫСОТА ПОВЕРХНОСТИ ПЛИОЦЕН-ЧЕТВЕРТИЧНЫХ ТЕРРАС ПРУТА НА РАЗНЫХ УЧАСТКАХ ДОЛИНЫ

Типы террас	Номер террас	Относит. возраст террас	Правый склон долины						Левый склон долины			
			Мэток Унгень Stratan 1907 (в метрах)	Миток Унгень Morgan 1938	Миток Унгень Nastase 1946	Миток Унгень Băcăuanu ş.a. 1980	Хушь-Фэлчиу Gugiuman 1959	Рогожень-Брэнешть Sficlea 1972	Липкань-Унгень Негодаев-Никонов и др. 1964	Унгень-Леушень Гожик 1964	Унгень-Кахул Букатчук, Покатилов 1988	Кахул-Рень Михайлеску 1990, 1992
Пойменные	1	Q IV	5	1-5	5-6	2-3			2-3	1.5-2.5	1-1.5	1-2
	2			5-6		4-6			4-5	3.5-4.5	4.5	3-4
	3										10	5-6
Надпойменные террасы	0	Q III	23	10-12	10-12	10-15	5-11	10-15	8-12	10-15	10-15	8-10
	I					20-30	18-31	20-25	25-30	20.25	15-32	12-15
	II											16-20
	III	Q II	60-65	30-50	60	30-35	57-58	35-40	50-55	35-40	24-36	25-35
	IV					60-70		57-65	65-70	55-60	35-60	35-40
	V									80-90	60-90	45-50
	VI	Q I	100		100	90-100	100-105	75-80	95-100	120-130	175-130	65-70
	VII					100		115-120	110-120	150-160	105-120	85-90
	VIII						134-140		140-150		127-140	100-110
	IX					140-150				175-185	135-145	
	X								170-180	200-210	155-165	120-130
	XI								210-220	270-275	185-230	140-150
	XII										230-280	160-170
	XIII										265-310	
	XIV										340-350	
	XV										360-370	
	XVI										380-400	

Слой 6. Светло-коричневые деллювиальные суглинки, без структурные, неслоистые, с многочисленными обломками известняка, кремния, угля и следами кострищ. В северной части грота в основании слоя 4 наблюдаются две небольшие линзы известковых гравелитов (мощность линз — 3-4 см, длина — 15-20 см). Общая мощность слоя уменьшается от 50 см в юго-восточной части грота до 25-30 см в северо-западной. Нижняя граница слоя четкая, подчеркнута линзами аллювия, верхняя — постепенная. По-видимому, климат в это время стал умереннее и относительно влажнее, о чем свидетельствуют и споро-пыльцевые данные, полученные С.И.-Медяник (1997).

Слой 7. Темно-коричневые суглинки, с многочисленными вкраплениями мелких обломков известняка, гальки и костей млекопитающих. Максимальная мощность слоя достигает 20 см, а в северной части грота выклинивается. Верхняя граница слоя неровная, карманообразная, деформирована следами эрозии.

Слой 8. Темно-коричневые гумусированные суглинки с большим количеством органики, окислов и гидроокислов железа, неокатанными обломками известняка (до 5-10 см), артефактами и многочисленными обломками кремния и костей крупных животных. Мощность слоя увеличивается от 15-20 см в северной части грота до 30-35 см в южной. В верхней части слоя, на контакте с вышележащими осадками отмечается скопление крупных известняковых глыб величиной от 15-20 до 30-40 см в диаметре. По-видимому, они свидетельствуют о новой фазе усиления тектонической деятельности в регионе. Учитывая отсутствие линз водного происхождения и следов эрозионной деятельности, можно предположить, что климат в это время стал засушливее, что привело к иссушению речки или временных потоков, которые образовали грот. По-видимому, изменения климата в сторону иссушения определило завершение химической стадии в образовании грота и начало механической стадии. Вероятно, иссушение сопровождалось также похолоданием и возрастанием сезонных контрастов, о чем свидетельствуют результаты интенсивной механической дезагрегации пород — наличие большого количества неокатанных обломков известняков, выпавших со стен и потолка грота.

Слой 9. Цокольные породы грота представлены слабосцементированными известняками белого цвета с многочисленными горизонтальными трещинами. Верхняя часть слоя и стенки трещин окрашены лимонитом ($Fl_2O_3nH_2O$) в буровато-желтый цвет. Поверхность базального горизонта имеет небольшой уклон до 8-10° с северо-запада на юго-восток. В центральной части грота хорошо выражены следы эрозионной деятельности в виде небольших карманообразных углублений (до 30 см глубиной и 20-25 см шириной). Видимая мощность слоя — 0.4 м.

Изучив окрестности грота, можно предположить, что в позднеплейстоценовое время на рассматриваемом участке существовали еще 2-3 небольших грота, которые в настоящее время частично разрушены. По-видимому, они также были заселены, так как в поверхностном слое одного из них И.А.Борзияком были найдены палеолитические изделия из кости и кремня. На водораздельном пространстве вблизи грота сохранился участок современного природного ландшафта, который представлен ковыльно-типчаковыми степями. Из-за интенсивного выпаса скота, ковыль и чебрец почти полностью исчезли из состава современной растительности.

ЛИТЕРАТУРА

Барбот де Марии Н.И. Геологический очерк Херсонской губернии. С.-Пб., 1869.

Бобринская О.Г., Волошина М.И., Конькова Н.И. К палеонтологической характеристике отложений тортона северной части Молдавии // Известия АН МССР, палеонтология и стратиграфия, №10, 1966, сс. 58-67.

Бобринская О. Г., Конькова Н.И. К биостратиграфии миоценовых отложений северных районов Молдавии (толтровой полосы). Известия АН МССР, серия биологических наук, №3, 1968, сс. 57-60.

Букатчук П.Д., Блюк И.В., Покатилов В.П. Геологическая карта Молдавской ССР (мб. 1:200 000) и объяснительная записка к ней. Кишинев, 1988, 280 с.

Иванова И.К. Палеогеография и палеоэкология среды обитания людей каменного века на среднем Днестре. Стоянка Молодова V.// Многослойная палеолитическая стоянка Молодова V. Люди каменного века и окружающая среда. М.: Наука, 1987, с. 34-124.

Кетрару Н.А. Памятники эпох палеолита и мезолита. Кишинев, Штиинца, 1973, 178с.

Королюк И.К. Подольские толтры и условия их образования. Труды Института геологических наук АН СССР, в. 110, геол. сер. (56), 1952.

Медяник С.И., Михайлеску К.Д. Палеогеографические этапы развития флоры Молдовы в антропогене (по биостратиграфическим и палинологическим данным). Кишинев, Штиинца, 1992, 132с.

Михайлеску К.Д., Маркова А. И. Палеогеографические этапы развития фауны юга Молдовы в антропогене. Кишинев, Штиинца, 1992, с. 310.

Михалъский А.О. Медоборы (толтры) в Бессарабии. Известия Геолкома, (21), 1902.

Негадаев-Никонов КН. основные этапы образования гипсоносных толщ в Молдавии. // Ученые записки Кишиневского университета. Геол. сборник №1, Т.Х, 1955,с.83-85.

Прока В.Е. Будущее природы агропромышленного района. Кишинев, Штиинца, 1983, с. 236.

Синцов И.Ф. Геологические исследования Бессарабии и прилежащей к ней части Херсонской губернии. // Материалы для геол. России. Вып. II, 1883.

Сухов И.М. Связь вулканической деятельности на Карпатах с колебаниями уровня неогеновых морей в Бессарабии. Кишиневский госуниверситет. Ученые записки. Геологический сборник №1, том X, 1955. 75.

Allsworth-Jones P. The szeletian and the transition from Middle to Upper palaeolithic in Central Europe. Oxford Clarendon Press. 1986, 412đ.

Atanasiu I. Contribution a la géologie des Pays Moldaves. An. Inst. geol. roman, vol. XX. Bucureşti, 1940, 168 p.

Băcăuanu V., Barbu N., Pantazică M. s.a. Podişul Moldovei. Bucureşti, 1980. 347 p.

Bobrinskaia 0., Bobrinskii N., Bucatciuc P. s.a. Stratigrafia formaţiunilor sedimentare ale Moldovei. Chişinău, 1964, 130 p.

Borziac I.A., Philip Allsworth-Jones, Charles French and others. The Upper Palaeolithic Site of Ciuntu on the Middle Pruth, Moldova: a multidisciplinary study and reinterpretation. Proceedings of the Prehistoric Society 63, 1997, pp. 285-301.

Chirica V., Mihailescu C. The Paleoinveronment of the Paleolithic site Motoc (Malul Galben, România). Prehistory Europene. Archaeological Journal of the University of Liege, Brussels, 1998, v.79.

Moroşan N. Le Pleistocene et le Paléolithique de la Roumanie de NE. An. Inst. geol. Rom. Vol. XIX, Bucuresti, 1938.

Peres F. Formaţiunile de silex din depozitele cretacice din sectorul de nord-est al RSS Moldoveneşti. Materiale privitoare la geologia şi minereurile utile ale Moldovei. Chişinau, 1964, 120đ.

Sevastos R. Raporturile tectonice dintre câmpia Română şi regiunea colinelor din Moldova // An. Inst. geol. rom. Bucureşti, 1907, Vol.1.

Simionescu I. Sur la présence des cendres antesitique a la baze du sarmatien de Dorohoi. Bull. srct. sc. de l"Acad. Roum. VI an. 2/4. Bucarest, 1920.

Simionescu I. Tratat de geologie cu exemple luate în deosebi din România. Bucureşti, 1927,409đ.

Văscăuţanu Th. Asupra formaţiunilor mediteraniene din Nordul Basarabiei. Acad. Rom. Mem. secţ. ştiinţ. ser. III. T. III. Bucureşti, 1925.

Борзияк И.А., Обадэ Т.Ф.

МАМОНТ В ПАЛЕОЛИТЕ КАРПАТО-ДНЕСТРОВСКОГО РЕГИОНА

I.A. Borziac, T. F. Obadă. Mommoth in the Palaeolithic of the Carpathian – Dniester region.

The theoretical and applied researches of the died out trunk representatives of Eurasia, the Carpathian – Dniester region inclusive reveal that the mechanism of their adaptation to the environment was extremely various and the flexibility of the trunk representatives with regard to the environment was rather high. Alongside, their popularizations in the Eastern Europe in the middle – and late – quaternary period were not so numerous as it was believed earlier and this fact is well illustrated by the example of the data from the sites of the Dniester area (Molodova I,V; Cormani IV; Rashcov VII, etc.), the Prut area (the grotto of Buzdujeni, the grotto of Old Duruitori, Brinzeni II etc.)

Введение

Мамонт — один из представителей позднечетвертичной териофауны, костные остатки которого наряду с костями северного оленя и лошади чаще всего встречаются в поселениях человека палеолитической эпохи в приледниковой зоне Европы и Азии. Присутствуют останки этого представителя хоботных и в палеолитических памятниках Карпато-Днестровского региона, факт отмеченный неоднократно как в работах по палеонтологии, так и в работах посвящснных памятникам палеолита (Давид 1980; Борисковский 1953; Алексеева 1990; Черныш, 1961; 1965; 1977; 1981; 1987; Татаринов 1993; Moroşan 1938; Păunescu 1993; Chirica, Borziac 1995; 1996; Chirica, Borziac, Chetraru 1996; Borziac 1994; David, Obadă 1996). Вместе с тем, отсутствует единое представление о частоте встречаемости костей этого животного на разных этапах его обитания в этой зоне, использование человеком мамонта как части жизнеобеспечения в различных видах его деятельности.

В этой работе, на основе опубликованных данных, а также на основе наших неопубликованных материалов, мы попытаемся рассмотреть ряд проблем использования человеком естественного ресурса — мамонта— для различных хозяйственных нужд как объекта охоты, использование его костей как строительного материала и топлива, костей и бивней - как сырья для изготовления орудий труда, оружия и украшений, шкур животных - в различных целях. Здесь мы меньше будем обращать внимание на биологические и адаптивные проблемы,на проблемы палеоэкологии, так как они рассматривались в работах палеонтологов (Давид 1980) и больше обратим внимание на проблемы археозоологии.

До сих пор в рассматриваемой зоне известно более 100 памятников различных периодов развития палеолита, где присутствуют кости мамонта, однако среди них раскопано не более 40. Эти памятники и служат нам основной для данной работы. Здесь уместно отметить, что при исследовании некоторых памятников не всегда на должном уровне изучены остатки фауны, в том числе и принадлежащие мамонту, что во многом затрудняет последующие анализы и выводы.

1. Мамонт как объект охоты первобытного человека

Кости мамонта на ранне- и среднепалеолитических памятниках Карпато-Днестровского региона

Кости трогонтериевого слона обнаружены на знаменитом местонахождении у г.Тирасполя — Колкотовой Балке (Дуброво 1971: 92-112). Этот предшественник позднечетвертичных мамонтов (Mammuthus chosaricus и Mammuthus primigenius) входит в семейство поздних элефантид Евразии получив название M.trogontherii trogontherii (Pohlig). Выявлен в контекстах гравия V надпойменной террассы Днестра. Возраст его — более 400 тыс. лет назад. П.И.Борисковский попытался найти в зоне Тирасполя стоянки или материалы нижнего палеолита, современные трогонтеривому слону, будучи уверенным, что южная часть Европы входила в зону

© Борзияк И.А., Обадэ Т.Ф., 1999.

становления первых звеньев рода Homo (Борисковский 1957: 32; 1977: 22). Однако, были найдены только отдельные каменные изделия, датируемые предположительно ранним палеолитом, но их связь с Тираспольским фаунистическим комплексом не доказана.

В процессе поиска остатков фауны раннечетвертичного периода в песчанном карьере у с.Салчия (района Анений Ной, Республики Молдова) наряду с костными остатками южного слона (Archidiskodon meridionalis) и других млекопитающих найдены и некоторые архаичные каменные изделия, в том числе типичный чоппер. Но мы не уверены, что эти каменные изделия можно с достаточной уверенностью связать с фауной млекопитающих верхнего Виллафранка, которая здесь обнаружена.

В местонахождении Погребя были обнаружены нижнепалеолитические каменные артефакты, среди которых типичные чопперы, скрёбла, зубчатые изделия. Они были собраны на поверности 4-ой террасы Днестра. В районе их обнаружения найдены и 2 фрагмента зуба трогонтериевого слона (Анисюткин 1989: 126). Но в данном случае нет уверенности, что обломки зубов трогонтериевого слона связаны с артефактами. Н.К.Анисюткин опубликовал материалы из окрестностей Дубэсарь в более чем 10 статьях, в которых условия нахождения зубов элефантид и каменных изделий почти всегда варьируют от «почти совместного нахождения» до «...возможной связи между ними». Однако все подобные предположения пока не дают основания связывать палеонтологические находки с археологическими. Вероятно, находкам из Дубэсарь, несомненно древним, нужно найти другие критерии для датирования.

На этапе раннего палеолита зоны, находки костей элефантид наиболее надежно связаны с деятельностью человека на памятниках раннего палеолита Дуруитоаря Веке и Офатинць, где найдены культурные слои достоверного залегания. В этих гротах встречены остатки ранней формы M.pimigeniuis (Blum.). Вопрос о подразделении позднечетвертичного мамонта на две формы — раннюю и позднюю в настоящее время не дискутируется и практически признаётся всеми специалистами (Алексеева 1990: 60-75).

В слое 3 грота Дуруитоаря Веке, исследованного Н.А.Кетрару, отмечены кости мамонта (зубы, обломки посткраниального скелета), совместно с костями лошади, бизона, пещерных хищников (медведя, гиены) и каменными изделиями, большинство которых сильно окатано, но определимы как артефакты, которые отнесены к тейаку (вариант местной ашельской культуры). К сожалению, при первоначальном определении костей фауна этого слоя была смешана с фауной нижележащего (также ашельского слоя). Н.А.Кетрару отмечает, что мамонт найден только в слое 3 стоянки (Кетрару 1973: 34; Chetraru 1995: 109-114).

Н.А. Кетрару и А.И. Давид отмечали, что кости мамонта из ашельских (?) слоев грота Дуруитоаря Веке принадлежали мамонту ранней формы (Давид 1980: 75). Однако, в их работах не приведены результаты измерений зубов, и их предположение, видимо, основано на том, что кости мамонта в слое залегали совместно с архаичными каменными изделиями ашельского облика.

Кости мамонта, являвшегося объектом охоты человека уже в ашельское время, найдены и в гроте у села Выхвантинцы, Рыбницкого района, на левобережье Днестра. Первоначально стоянка в этом гроте была подвергнута раскопкам Г.П.Сергеевым в 1946 году (Сергеев 1950: 202-212). При этом он выделил только один культурный слой, датированный им поздним ашелем. Фауна из раскопок Г.П.Сергеева была определена В.И.Зубаревой, которая среди костных остатков выявила 339 костей мамонта, принадлежащих по крайней мере 8-ми особям (Сергеев 1950: 209). Впоследствии раскопками грота занимался Н.Кетрару (1963),

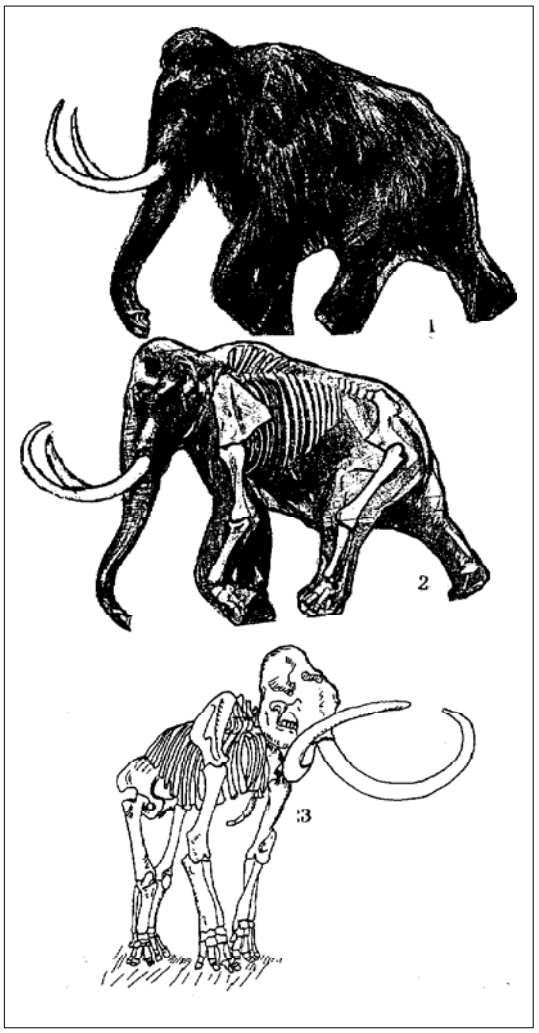

Рис.1. 1-3 — реконструкция мамонта и его скелета по палеонтологическим данным.

Н.А.Кетрару совместно с Н.К.Анисюткиным (1971-1972). Эти исследователи выделили в гроте 3 уровня с находками палеолитического времени (Анисюткин, Кетрару 1982: 120). Нижний слой, содержащий в основном кости пещерных хищников (без останков мамонта), отнесен к тейаку и синхронизирован с ашельскими слоями грота Дуруитоаря веке (Анисюткин, Кетрару 1982: 129), и, по мнению этих исследователей, датируется рисским или рисс-вюрмским временем (Chetraru 1995: 114-118). Из раскопок этих исследователей происходят более 140 костей мамонта, принадлежащие 5-ти особям (Давид 1980: 32). А.И.Давид считает, что в целом в гроте найдены останки около 15 особей мамонта. На наш взгляд, эта цифра несколько завышена, так как кости, найденные в процесе раскопок 1967, 1971 и 1972 гг., могли принадлежать и некоторым особям, выявленным во время раскопок Г.П.Сергеева. Н.А.Кетрару и Н.К.Анисюткин связывают эти кости мамонта со средним слоем стоянки, в котором найдены кремневые изделия, относимые к Микоку (Chetraru 1995: 121). Как и в случае с остатками мамонта из Дуруитоаря Веке, исследователи говорят о ранней форме мамонта, но опять же, доказательств в пользу этого предположения не приводят.

Как известно, позднечетвертичный мамонт определяется по зубам (М3), на которых на 10 см длины приходится в целом по 9-11 пластин. Частота пластин и на дуруиторских и на выхватинских экземплярах зубов примерно одинакова и соответствует параметрам мамонта поздней формы, который обитал в Днестровско-Карпатском регионе в позднем палеолите.

Таким образом, в среднем слое этого грота

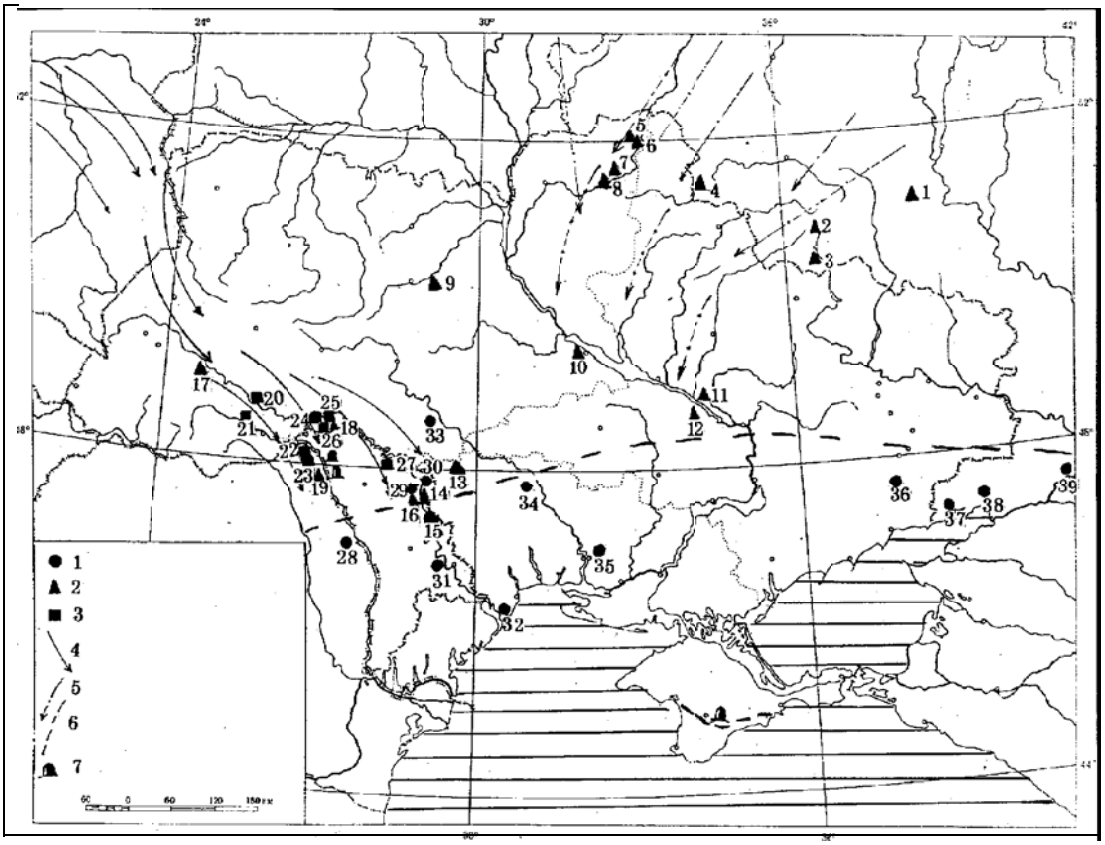

Рис.2. Карта распространения основных исследованных стоянок палеолита с фауной млекопитающих между Карпатами и бассейном Дона. Условные обозначения : 1 — стоянки с преобладающей фауной бизона; 2 — стоянки с преобладающей фауной мамонта; 3 — стоянки с преобладающей фауной северного оленя; 4 — направления проникновения северного оленя на территорию Днестровско-Карпатского региона; 5 — направление проникновения северного оленя к югу из северо-восточного ареала его распространения; 6 — предполагаемая «степная зона» позднего палеолита с фауной бизона; 7 — Крымская зона со смешанной фауной. Список стоянок палеолита отмеченных на карте: 1-Сунгирь; 2 –Гагарино; 3 –Костенко-Борщевские стоянки; 4 –Авдеево; 5 –Елисеевичи; 6 –Супонево,-Тимоновка I и II; 7 –Пушкаревская группа памятников; 8 –Мезино; 9 –Деснинская группа памятников. 10 –Кириловская и Фастовская стоянки; 11 –Добраничевка; 12 –Межиричи; 13 –Лески; 14 –Выхватинцы; 15 –Погребя; 16 –Климэуць II; 17 –Межигорцы; 18 –Кетросы; 19 –Рипичень-Извор; 20 –Вороновица, Бабин I; 21 –Била; 22 –Котул Микулинць; 23 –Миток-Малул Галбен, Миток-Пырыул луй Истрате; 24 --Молодова I и V; 25 –Кормань IV; 26 –Оселивка, Атаки; 27 –Косэуць; 28 –Буда; 29 –Оксентье; 30 –Рашков VII и VIII; 31 –Калфа; 32 –Большая Аккаржа; 33 –Лески; 34 –Анетовка II; 35 –Владимировка; 36 –Амвросиевка; 37 –Мураловка; 38 –Каменная Балка I и II; 39 –Золотовка.

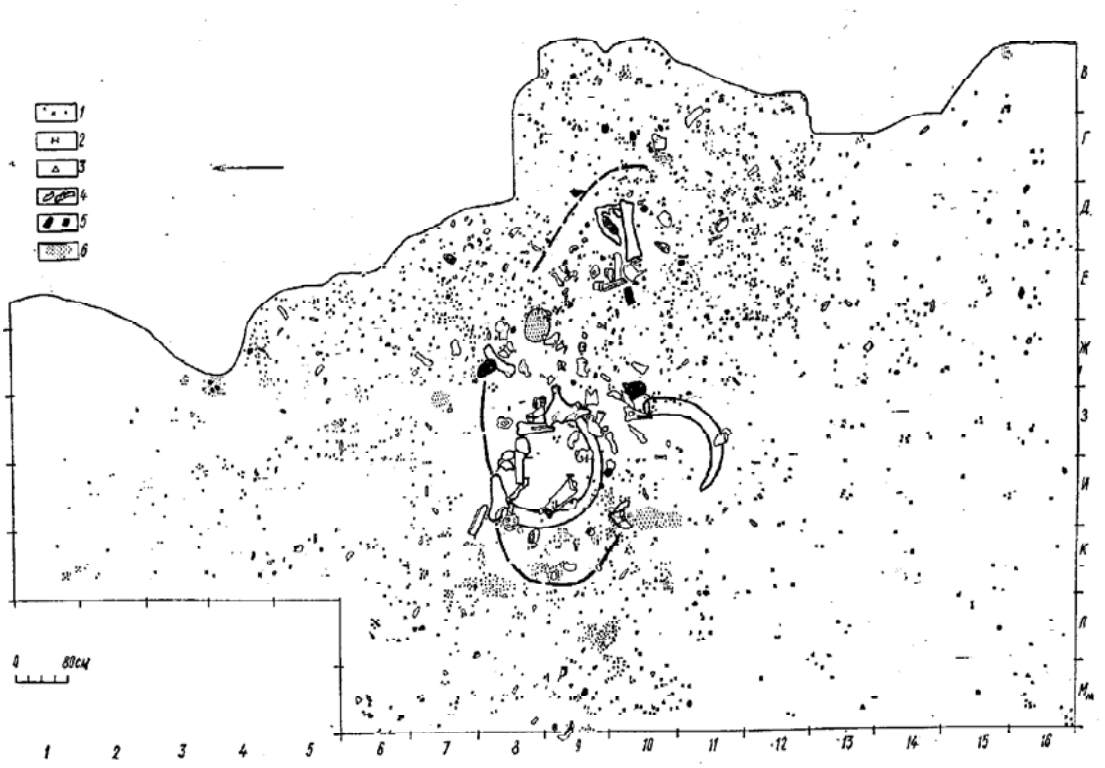

Рис.3. Мустьерская стоянка Кетросы. План распространения культурных остатков нижнего слоя с предполагаемыми остатками жилища-навеса. Условные обозначения: 1-отщепы, осколки, чешуйки; 2 — нуклеусы; 3 — орудия; 4 — кости; 5 — камни; 6 — углистые скопления (по Н.К.Анисюткину).

отмечены, по крайней мере, останки не менее 5-7 особей мамонта. По числу особей (около 15) лишь лошадь превосходит мамонта. Однако, если учесть удельный вес мамонта в сравнении с весом лошади, то становится ясно, что в пищевом рационе обитателей этого слоя на первом месте были продукты охоты на мамонта.

Мамонт являлся животным адаптированным к жизни в сравнительно суровых условиях климата. Он предпочитал полуоткрытые пространства, покрытые густой растительностью разнотравья и кустарников (Давид 1980: 72). Среди костей мамонта в среднем слое грота Выхватинцы отмечены и остатки (зубы) молодых особей.

Этими сведениями исчерпываются данные о хоботных на этапе нижнего палеолита Днестровско-Карпатского региона.

На этапе мустье-среднего палеолита (примерно от 120 до 40 тыс. лет назад) стоянок палеолита в регионе обнаружено больше. Больше и свидетельств об охоте первобытного человека на мамонта. Наиболее ранним и наиболее важным памятником мустье в указанной зоне является грот Буздужень (Единецкий район, р.Раковэц, Попрутье). В гроте открыты и исследованы на площади около 60 м^2 8 слоев мустьерского времени, относимых, в целом к зубчатому мустье с редкими двусторонними формами (Кетрару 1973а,б: 10-15; Борзияк 1994: 23-29). К сожалению, при исследовании данного памятника фауна разных слоев была смешана и до сих пор полностью не определена, также отсутствует и единый достоверный список. Для А.И.Давида фауна была важна как единый комплекс, а для Н.А. Кетрару было значимо послойное определение фауны. К сожалению, не было сделано ни того ни другого, и, таким образом, утрачен важный исследовательский компонент по этому памятнику. Из публикаций А.И.Давида вытекает, что в гроте присутствуют кости мамонта — обломки зубов, фрагменты костей посткраниального скелета. К сожалению, сейчас можно лишь отметить, что в культурных слоях грота, наряду с костями пещерных хищников (медведя и гиены, которые составляют основную массу костей), лошади, бизона и северного оленя, встречены и кости мамонта.

Другим важным памятником мустье мог стать грот у села Бутешть, который, к сожалению, был взорван. На его месте, в осыпях собраны кремневые изделия леваллуазского облика, кости пещерного медведя, северного оленя и мамонта (Кетрару 1979). Ни количество костей, ни число особей мамонта, которые содержались в культурном или культурных слоях грота Бутешть, неизвестно. Опять же мы должны констатировать лишь наличие костей мамонта и тот факт, что мустьерский человек, обитавший здесь более 50 тыс.лет назад, кроме других животных, охотился и на мамонта.

В гроте Тринка II было раскопано не более

Рис.4. Мустьерская стоянка Рипичень-Извор. Слой IV. Реконструкция временного жилища (по А.Пэунеску).

20 м^2. В нижнем слое памятника найдены 5 зубов мамонта, обломки других костей. Среди зубов есть экземпляры взрослых и молодых особей. Один из молочных зубов (Pd3) отличается от типичных зубов мамонта — он длиннее их. Его характеристика по методике В.Е. Гарутта и Фороновой (1976): небольшим стиранием затронуты все пластины (коэффициент стертости — 5); длина коронки — 51,4 мм; ширина коронки — 27 мм; высота коронки -17; число пластин в коронке — 9; средняя длина одной пластины — 7,9 мм; толщина эмали — 1,0-1,1 мм. Вероятно, это зуб молодой особи лесного слона — Palaeoloxodon antiquus. Этот верхний премоляр является первой достоверной находкой лесного слона в палеолитических стоянках Молдавии. До нас он отмечен в слоях стоянки Германь-Думень Н.Морошаном (1938). Хотя автор не представил никаких доказательств (промеров или рисунков) в пользу своего определения, а коллекция, по-видимому, утеряна.

Отмечен мамонт и в нижнем слое грота Тринка III, где найдено несколько мелких фрагментов костей конечностей этого животного (Давид 1986: 115).

Отмечены обломки костей мамонта и среди находок из пещеры у с.Бутешть (район Глодень, Попрутье). Однако здесь раскопки не проводились (Кетрару 1969; Давид 1980).

Заканчивая обзор находок костей мамонта в ашельских и мустьерских пещерных стоянках, отметим, что найденные в них кости мамонта не отражают реальные моменты использования продуктов охоты на мамонта древних коллективов людей. Вероятно, человек, добывая этих животных в окрестностях стоянок, приносил в гроты и пещеры лишь мясо и шкуры, оставляя кости на местах разделки туш и лишь изредка приносил на место обитания вместе с кусками мяса отдельные кости (Давид 1986).

Несколько иначе выглядит ситуации с костями мамонта на открытых мустьерских стоянках.

На многослойной палеолитической стоянке Рипичень-Извор, исследованной на большой площади А.Пэунеску, остатки мамонта выявлены в мустьерских слоях с инвентарем, характерным для восточного воздднего (мустьерского) Микока, в котором сочетаются шарантские элементы с двусторонними формами, при преимущественно леваллуазской технике скалывания. В слоях I-V, относимых к мустье, А.Пэунеску отмечает наличие (в больших количествах ?) костей мамонта, среди которых фрагменты черепов, моляров и премоляров, бивней и фрагментов костей посткраниального скелета мамонтов. К сожалению, эти кости обработаны лишь предварительно и в публикациях нет достоверных списков фауны с количественными и качественными морфологическими показателями (Păunescu 1993). Отметим, что это пока единственная достоверная мустьерская стоянка с остатками мамонта на территории между Карпатами и Прутом. А.Пэунеску отмечает участки культурных слоев, где кости мамонта были уложены в определенном порядке, предполагая существование на стоянке остатков наземных жилищ (Paunescu 1993: 89-90), о чем будет сказано в продолжении данной работы.

На стоянке Кетросы (Хотинский район, Черновицкой области, Поднестровье), исследованной Н.К.Анисюткиным (1981: 7-53) на площади около 140м^2, на трех участках выявлены костные остатки (бивни, обломки челюстей, зубы, обломки костей посткраниальных скелетов) по крайней мере от 6 мамонтов. А.И.Давид, отмечает, что здесь имеются остатки охотничьей добычи мамонта ранней формы (частота пластинок зубов равна 7,5-8 на 10 см (Давид 1981: 137). Тот же автор говорит о том, что подобные

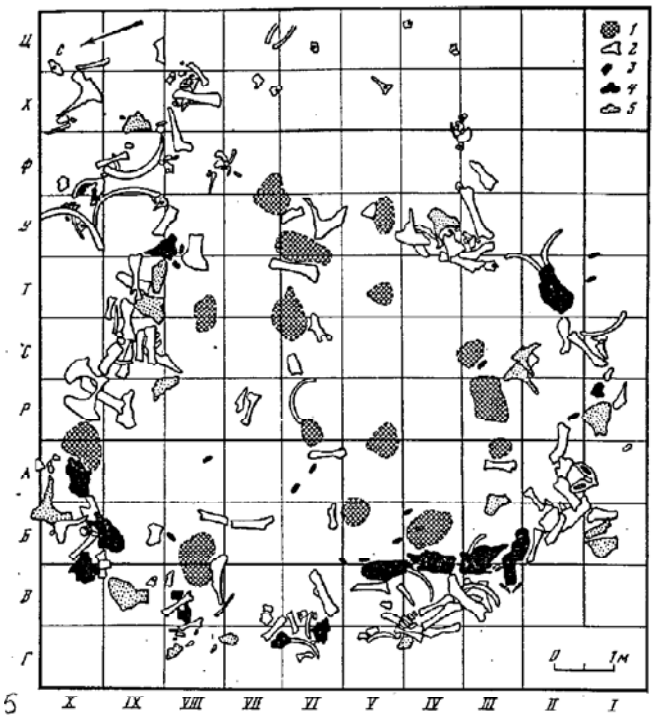

Рис.5. Мустьерская стоянка Молодова I. План распространения очагов и костей на месте округлого жилища из слоя IV. Условные обозначения: 1 — очаги и золистые пятна; 2 — крупные кости мамонта; 3 — обломки черепов; 4 — черепа мамонтов; 5 — камни (по А.П.Чернышу).

особи ранней формы мамонта встречены на пещерной стоянке в гроте Выхватинцы, Дуруитоаря Веке, на других стоянках региона, датируемых ашелем и мустьерской эпохой. Н.К.Анисюткин предполагает наличие на стоянке остатков жилища, при строительстве которого были использованы кости мамонта (Анисюткин 1981: 39).

Сравнительно много костей мамонта найдено на стоянке Молодова I, где А.П.Чернышом открыты и исследовано на сравнительно больших площадях остатки 4-х мустьерских слоев (Черныш 1982: 6-102). До 1961 года фауна этой стоянки определялась Э.А.Вангенгейм (1957-1960) и И.Г.Пидопличко (1960) (Вангенгейм 1961).

Для этого периода имеется полный список фауны. Для последующих периодов раскопок (1962-1979) фауна определялась разными специалистами (Л.И.Алексеевой, К.А.Татариновым, Н.Л.Корниец, А.И.Давидом и др.), в связи с чем, общего списка фауны нет. И.К.Иванова отмечала, что во всех мустьерских слоях преобладает мамонт (до 95% из общего количества костей) (Иванова 1982: 218). По Э.А.Вангенгейм, подавляющее большинство костей принадлежит взрослым, но не старым особям. Ею опубликованы некоторые промеры ряда зубов. В частности, для основных замеров характерна частота пластин на 10 см — 6-8, что, в целом, характерно для мамонтов ранней формы (Иванова 1982: 219). Для всех слоев, по нашей оценке, выявлено не менее 20 особей мамонта. Можно утверждать, что мустьерцы, обитавшие на этой стоянке, охотились премущественно на мамонта. Кроме мамонта, мустьерцы Молодова I охотились на лошадей, носорогов и др. животных. Исследования показали, что в слоях 4 и, возможно, 2 имелись остатки наземных жилищ округлой формы, в строительстве которых использовались крупные кости мамонта (Черныш 1982: 20-34). Индустрия кремневых изделий всех слосв мустье относится к леваллуа без двусторонних форм . В слое 4 стоянки найдены кости мамонта с надрезами, следами спила, а в слое 2 найдена лопатка мамонта со следами гравировки и краски на поверхности (Черныш 1982: 65).

Три слоя мустье выявлены и на стоянке Молодова V (Черныш 1987). Однако, как и для мустье Молодова I мы не имеем точных сведений о количестве костей, также как и о числе особей мамонта, найденных во время исследований этих слоев (Алексеева 1987: 154). Это связано с тем, что фауна изучалась в разные годы и разными исследователями. Л.И.Алексеева отмечает только то, что в некоторых слоях мамонтовая фауна встречалась чаще или реже. Чаще всего она встречалась в слое 12, несколько меньше её в слоях 12а и 11. Однако, как и на стоянке Молодова I, основной компонент фауны в мустьерских слоях — это мамонт. Промеры зубов, произведенные Л.И. Алексеевой, указывают, что мамонт Молодова I и Молодова V, происходящий из мустьерских слоев, тождествен и относится к мамонту ранней формы (Алексеева 1987: 155). Можно добавить, что мамонт являлся основным охотничьим объектом обитателей этой стоянки.Комплекс каменных изделий также относится к леваллуа без двусторонних форм. Не исключено, что и стоянки Молодова I и Молодова V были

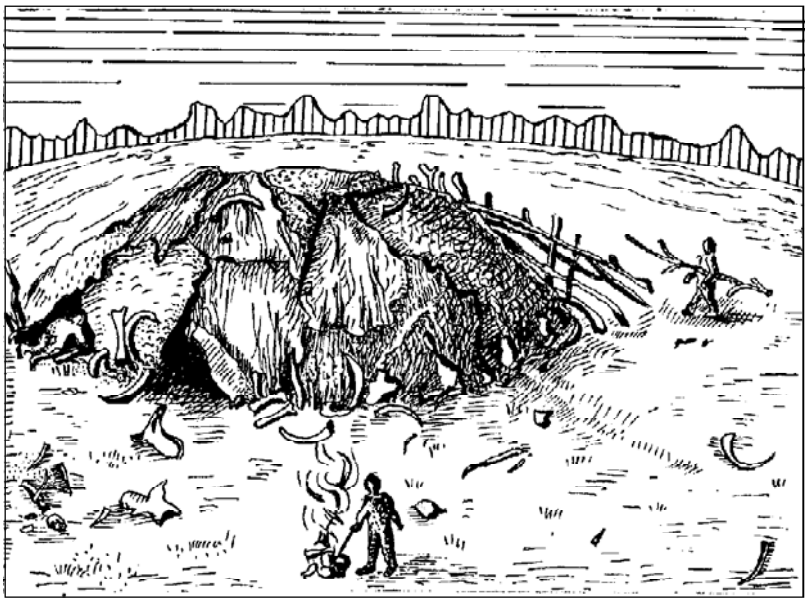

Рис.6. Мустьерская стоянка Молодова I. Слой IV. Реконструкция жилища, при строительстве которого использовались крупные кости мамонта. (По А.П.Чернышу).

оставлены теми же коллективами мустьерцев, которые попеременно меняли место обитания (Черныш, 1987, 32).

Обнаружен мамонт и на стоянке Кормань IV (Черныш 1977: 18-21). Обломки костей мамонта найдены в горизонтах 12 (2 кости от одной особи) и 11 (18 костей от 2 особей). Мамонт на этой стоянке добывался реже, чем на стоянках Молодова I и V. Все эти три многослойные стоянки находятся вблизи друг от друга и имеют сходные каменные индустрии и сходные составы фауны наземных крупных млекопитающих (Алексеева 1987: 153).

А.П.Черныш отмечает (Черныш 1973: 46-52), что кости мамонта зафиксированы и в других памятниках палеолита Поднестровья, относимых к мустьерской эпохе. Среди них Касперовцы, Прингородок IV, Молодова VI и др.

Если суммировать эти данные, можно отметить, что на большинстве стоянок, в том числе на относительно хорошо исследованных (Рипичень-Извор, Молодова I и V и др.), полное изучение остатков мамонта не произведено.

Вместе с тем, отметим, что на большинстве памятников нижнего и среднего палеолита Днестровско-Карпатского региона встречались кости мамонта, иногда в большом количестве,- что свидетельствует об интенсивной охоте на него. А.И. Давид отмечает, что в мустьерское время на территории Днестровско-Карпатского

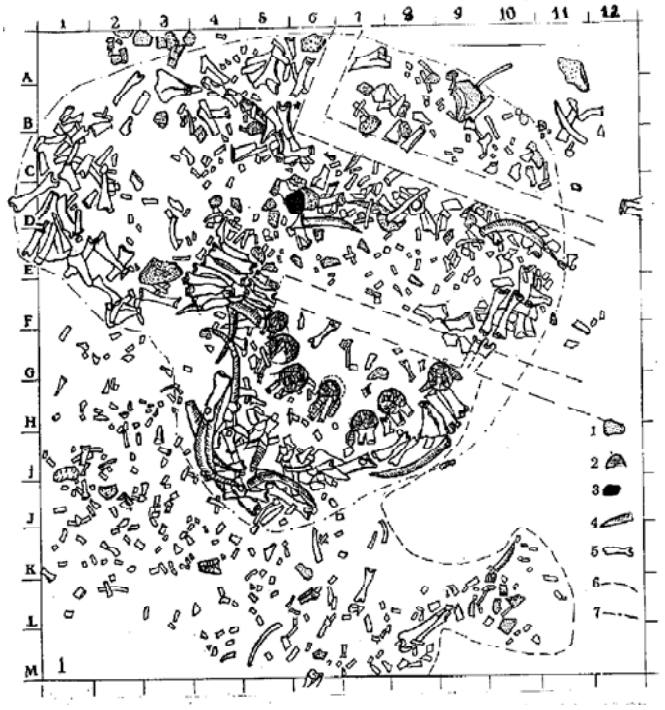

Рис.7. Позднеориньякская стоянка Климэуць II. Верхний слой. План распространения культурных остатков на месте жилища. Условные обозначения 1 — крупные камни; 2 — остатки черепов мамонта; 3 — очаг; 4 — бивни мамонта; 5 — крупные кости мамонта; 6 — контуры разрушенных участков стоянки; 7 — предполагаемые границы жилища.

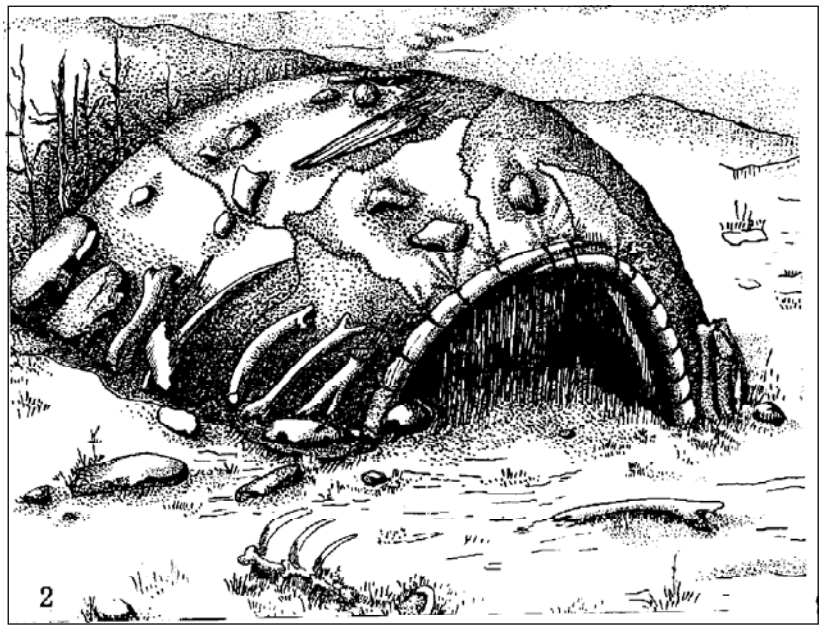

Рис.8. Позднеориньякская стоянка Климэуць II. Верхний слой. Реконструкция предполагаемого жилища (реконструкция И.А.Борзияка).

региона популяции мамонта были невелики (Давид 1980: 74).

Присутствие мамонта на различных стоянках (пещерных и открытых) раннего и среднего палеолита и прилегающих территорий Восточной Европы отражено на карте и, конкретно для нашего региона, в таблице.

Не изменяется это положение и на этапе позднего палеолита. Мамонт, встреченный на памятниках позднего палеолита в регионе, относится А.И.Давидом к поздней форме. Для него характерно более высокая частота пластин на молярах на 10 см длины — около 10-11 пластинок. При этом уменьшается и толщина эмали (Давид 1980).

Среди памятников позднего палеолита, исследованных посредством раскопок, в слоях которых обнаружены кости мамонта, отметим нижний слой грота Брынзень, открытые стоянки Рашков VII и VIII, Климэуць II, Молодова I (слой 3 и 2), Молодова V (слои 10-2), Миток-Малул Галбен и др. Следует подчеркнуть, что фауна мамонта на позднепалеолитических памятниках как пещерных, так и открытого типа немногочисленна и исключение составляет лишь верхний слой стоянки Климэуць II, где мамонт преобладает численно над особями других животных.

В нижнем слое грота Брынзень выявлена богатая фауна млекопитающих. В ней преобладает лошадь (Equus latipes Grom.) — 194 особей и северный олень (Rangifer tarandus L.) — 117 особей. Мамонт представлен 32 костями от 4-х особей. Человек, оставивший культурные остатки в гроте, охотился преимущественно на лошадей и северных оленей, попутно добывая и мамонта, который встречался реже. Индустрия нижнего слоя грота Брынзень достаточно архаична и имеет определенное сходство с индустриями селетских памятников (1996). Из бивня мамонта изготовлена подвеска, найденная в этом слое (Кетрару 1970). По данным А.И.Давида, мамонт из Брынзень относится уже к поздней форме (Давид 1980: 96-97).

На стоянке Рашков VII, исследованной Н.А.Кетрару (Каменский район, левый берег Днестра), среди фаунистических остатков преобладают северный олень (более 53 особей) и лошадь (более 25 особей), отмечены и остатки мамонта (85 костей от 3-х особей). Представлены зубы и фрагменты конечностей, а также изделия из бивня (наконечники). Фаунистические остатки мамонта отмечены и на соседней стоянке — Рашков VIII (Давид 1980: 51). Отдельные кости мамонта от одной особи выявлены на стоянке Костешть I (Давид 1980: 52), среди которых мотыга из бивня.

Кости мамонта обнаружены и в верхнем слое грота Дуруитоаря Веке (более 50-и костей от 4-х особей). В этом слое преобладают кости лошади (91 особь) и северного оленя (35 особей).

Кости мамонта в небольшом количестве отмечены в верхнепалеолитических слоях стоянок Молодова V и Кормань IV (Алексеева 1987: 154), но на этих стоянках преобладают кости северного оленя и лошади.

Из стоянок Поднестровъя кости мамонта также отмечены в Межигородцах (Сытник, Богуцкий, Кулаковская 1996: 86-97). А.П.Черныш в карте и каталоге местонахождений позднего палеолита Поднестровья приводит сведения о более 30 местонахождений, где зафиксировано присутствие костей мамонта (Черныш 1973: 53-91). В суммарном виде сведения о присутствии остатков мамонта в позднем палеолите Карпато-Днестровского региона отражены на карте и таблице.

Больше всего костей мамонта встречено в верхнем слое стоянки Климауць II (Борзияк, Давид, Обадэ 1992: 75- 95). Здесь, на месте

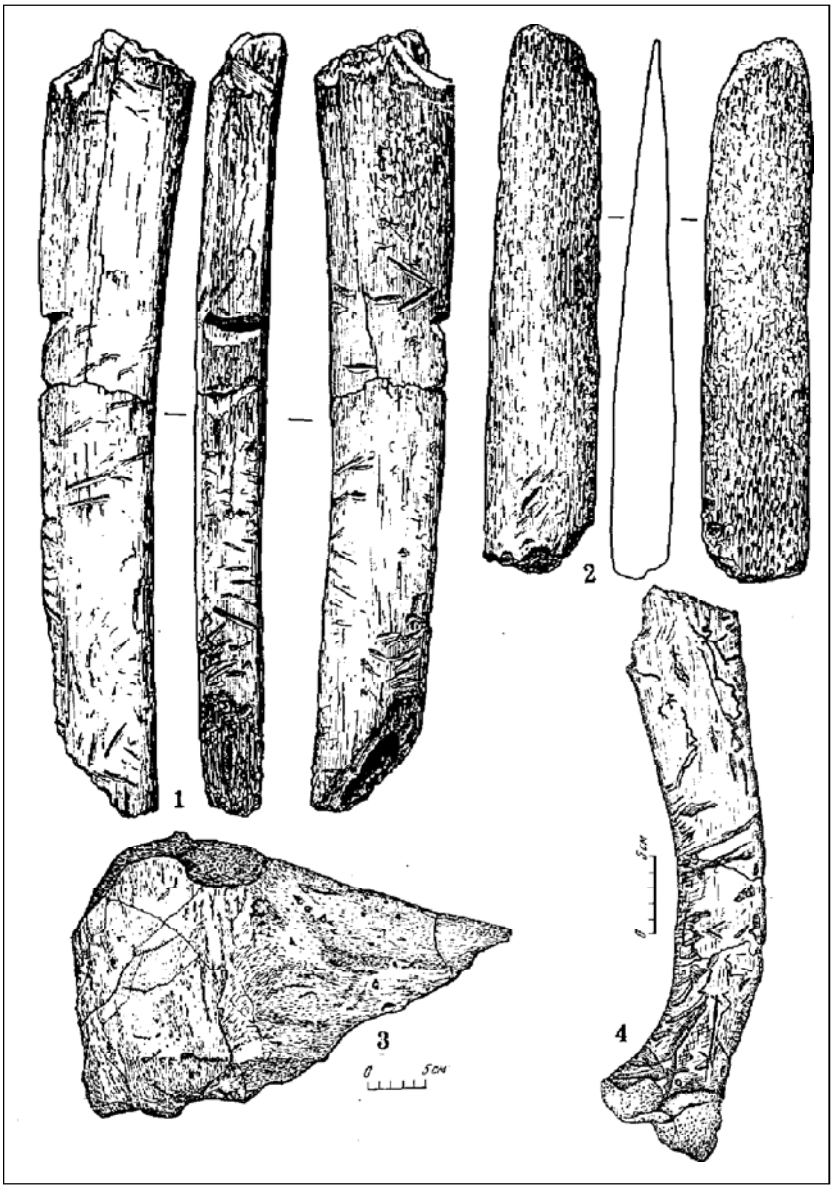

Рис.9. Обработанные кости мамонта. 1,2 — ребро с нарезками и лощило из Климэуць II; 3,4 — лопатка и ребро с нарезками из слоя IV Молодова I.

наземного жилища и вокруг него, найдены кости не менее 10 особей, в основном, принадлежащих взрослым животным. Кости мамонта входили и в состав жилища, причем они резко преобладали над остатками других животных. Из бивней мамонта изготовлены некоторые орудия труда и украшения. Пока Климауцы II является единственным памятником позднего палеолита, где кости мамонта преобладают над остатками других млекопитающих.

Как известно, мамонт — стадное животное и практически мог предпринимать большие сезонные перекочевки. Факт, что и в мустье, и в верхнем палеолите на памятниках встречаются кости и зубы как взрослых, так и молоди, говорит о том, что мамонт обитал в нашей зоне в течении всего года и размножался на месте (Давид 1980: 72). О способах охоты на мамонта данных нет. Однако, можно предположить, что охота была коллективной, с применением огня, естественных ловушек - обрывов, оврагов, болот и др.

После рубежа 20-18 тыс. лет назад мамонт в нашей зоне встречается все реже и реже, полностью исчезая в позднеледниковье.

Как видно, мамонт, как объект охоты был важным компонентом жизнеобеспечения палеолитических охотников. Мясо шло на питание, шерсть и шкуры употреблялись в различных хозяйственных целях. Бивни, иногда кость, шли на изготовление орудий труда, оружия. Есть свидетельства об употреблении костей и бивней мамонта как строительного материала для жилищ. Некоторые исследователи выделяют два фаунистических комплекса позднего плейстоцена мамонто-кабаллоидный (ранний комплекс) и мамонто-рангиферный (поздний комплекс). Для нашей зоны первый комплекс оправдывает свое название, а второй, видимо, нет. Во втором комплексе преобладает не мамонт, а северный олень, и мы предлагаем назвать его рангиферным.

2. Использование костей и бивней мамонта в качестве строительного материала

В Днестровско-Карпатском регионе, как и на других территориях Восточной Европы, где нет или очень мало пещерных убежищ (бассейны Днепра, Десны, Дона), известны случаи, когда человек при строительстве жилищ в эпоху палеолита в качестве строительного и вспомогательного материала использовал крупные кости и бивни мамонта.

Наиболее древним свидетельством такого применения костей мамонта в регионе можно считать остатки жилища на стоянке Кетросы (Анисюткин 1981: 37-39). Здесь на стоянке выявлена концентрация из 5-ти бивней мамонта, которые с южной стороны обрамляли площадку примерно в 10 м^2. Н.К.Анисюткин отмечает некоторые конструктивные особенности, связанные с этим скоплением: наличие забутовки для вкопанного бивня, плоских камней по периметру скопления, концентрации угля и золы внутри отмеченного участка, большая мощность культурного слоя и др. У нас нет оснований сомневаться в наличии на этой стоянке искусственного сооружения, видимо, жилого характера. Без сомненья, при ее строительстве использовались растительные материалы — дерево, трава, камыш и др., которые не оставили следов на месте жилища. Бивни мамонта, видимо придерживали с наружной стороны покрытие жилища, которая могла быть из шкур животных. Нам кажется проблематичным использование шкур мамонта как перекрытия для жилищ: вместе с мездрой они очень тяжелы. Видимо, перекрытие состояло как из шкур лошади, оленя, бизона, так и из растительных материалов. К сожалению, раскопки стоянки не продолжались, хотя на ней, вероятно, можно было бы найти новые свидетельства существования жилищ мустьерского времени. В любом случае, мы считаем, что Н.К.Анисюткин сделал важные наблюдения в этом отношении.

Но самое достоверное жилище мустьерской эпохи, при строительстве которой использовались кости мамонта, отмечена в слое 4 стоянки Молодова I (Черныш 1982: 20-26). А.П.Черныш тщательно зафиксировав положение крупных костей, пространственное расположение очагов в слое, пришел к мнению, что на исследованной площади (более 1200 м^2) обнаружены остатки жилища, 2 жилищно-бытовых комплекса и ряд мастерских по расщеплению и обработке кремня. А.П.Черныш пишет, что «ширина пояса крупных костей по периметру жилища составляла 0,6-1,6 м. Размеры овального скопления внутри выкладки составляли 5 Х 8 м, а размеры внешнего края обвала из костей — 10х7 м. Остатки мамонта по внешнему краю состояли из более крупных костей (черепа, тазовые и бедренные кости, бивни, челюсти, лопатки и др.). Здесь обнаружены 12 расколотых черепов мамонта, 34 тазовые кости и лопатки, 51 конечность, 14 бивней, 5 нижних челюстей. Кости образовывали овальное ограждение - цоколь жилища» (Черныш 1982: 20). Это жилище мустьерского времени было признано большинством исследователей. На его площади выявлены остатки многочисленных кострищ, предметы из кремня, кости. Как и в случае с жилищем из Кетрос, несущие кровлю элементы, вероятно, были деревянными. Крупные кости мамонта с наружной стороны были прислоне-

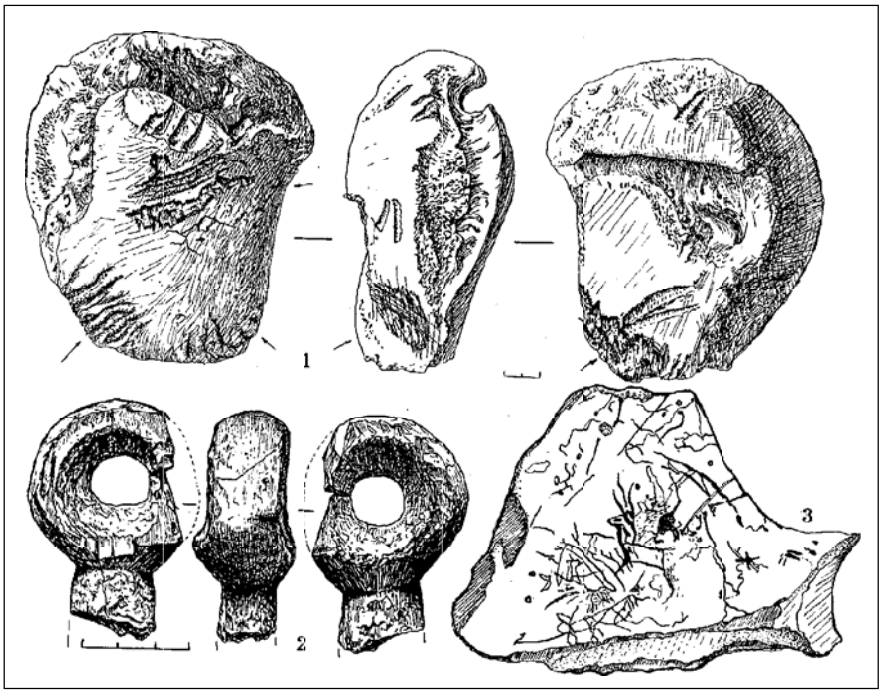

Рис.10. 1 — коленная чашка мамонта с нарезками; 2 — обломок неопределенного предмета из бивня (Климэуць II, верхний слой); 3 — лопатка мамонта с нарезками и прорисовкой (Молодова I, слой II).

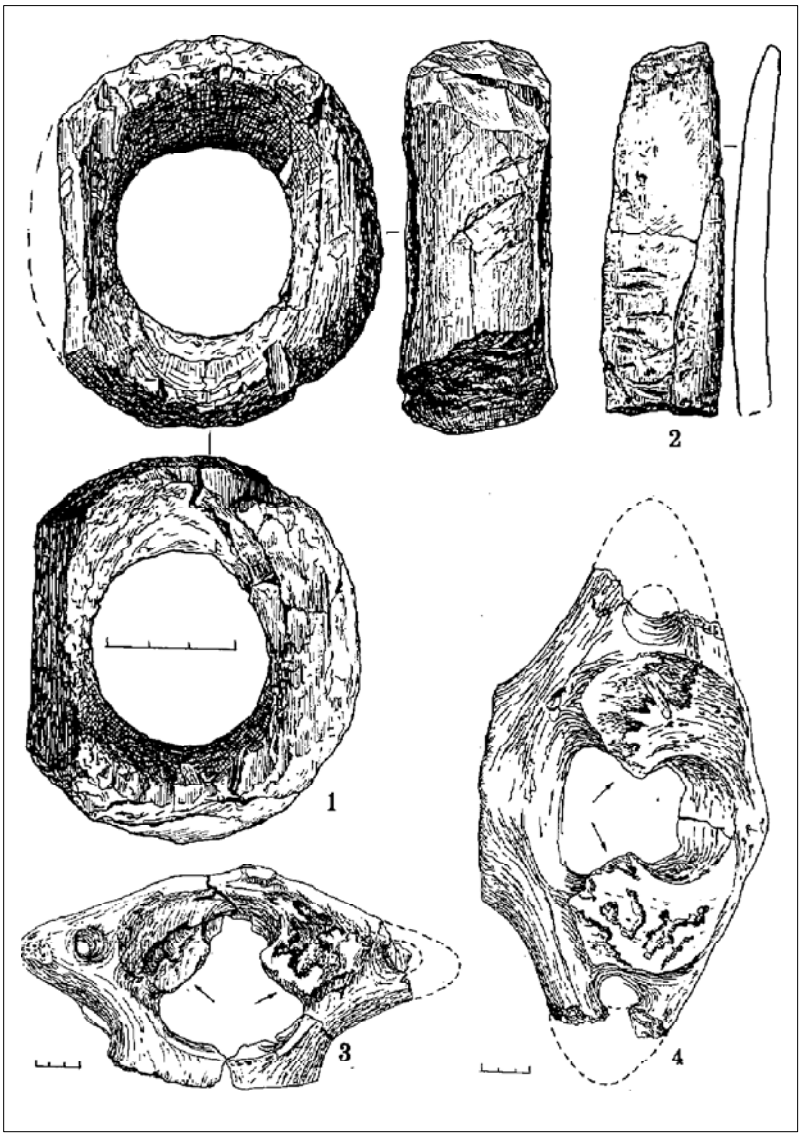

Рис.11. Обработанные предметы из бивня (1) и костей мамонта. 1 — заготовка крупного браслета; 2 — фрагмент лощила из ребра мамонта; 3-4 — позвонки мамонта со следами обработки (Климэуць II, верхний слой).

ны к нижнему краю перекрытия для придания ей устойчивости. Трудно судить, все ли кости мамонта выявленные в процессе изучения этого жилища, являются результатом охоты древнего человека на мамонта. В любом случае, их привлечение к строительству жилища, говорит о многоплановости использования продуктов охоты в хозяйственной деятельности человека. А.П.Черныш осуществил реконструкцию этого жилища, которую можно принять, несмотря на некоторые вольные интерпретации исходного фактического материала. Это жилище, является наиболее ранней и наиболее достоверной из серии наземных жилищ мустьерского человека, исследованных до сих пор.

На этой же стоянке, в мустьерском слое 2 А.П.Черныш отметил два скопления культурных остатков, площадью в 36 и 45 кв.м, которые по периметру были частично ограничены костями мамонта, однако в меньшем количестве, чем на жилище из слоя 4. Отмечены обломки бивней, костей конечностей, зубов и лопаток мамонта (Черныш 1982: 63-64). А.П.Черныш полагает, что на этих местах располагались легкие наземные временные жилища. Однако, при их возведении кости мамонта использовались гораздо реже.

На стоянке Рипичень-Извор фауна мамонта, как мы отметили выше, встречается во всех мустьерских слоях, но она точно не подсчитана и не определена специалистами. В мустьерском слое I А.Пэунеску отметил скопление костей мамонта и известняковых камней, образовавших сегмент. Исследователь полагает, что на этом месте располагалось легкое убежище-заслон против ветра, цоколь которого был укреплен камнями и костями мамонта (Păunescu 1993: 35). Подобные же скопления выявлены и в слоях IV и V этого же памятника. А.Пэунеску, совместно с архитектором М.Мэржиняну-Кырстою, попытался реконструировать эти убежища (Păunescu 1993: 89-90), придавая им при этом почти округлую форму, хотя для этого оснований нет. Видимо, на стоянке прослежены

слабые остатки наземных жилищ, подобно тому, что открыто Н.К.Анисюткиным на стоянке Кетросы. Для нас важно, что в строительстве этих жилищ использовались и кости мамонта.

Для верхнепалеолитической эпохи использование костей мамонта для устройства жилищ в нашей зоне отмечено только в верхнем слое стоянки Климауцы II (Шолданештский район, правый берег Днестра). Здесь в процессе спасательных работ выявлено скопление костей мамонта (7 черепов, 12 бивней, конечностей, лопаток, ребер, нижних челюстей, позвонков), состоящее из остатков около 20 особей и имеющее округло-овальное очертание. С юго-западной стороны по внутреннему периметру, на растоянии 1,2 - 1,7 м, были вкопаны ростральными частями вниз 7 черепов мамонта. С западной стороны (где, по-видимому, располагался вход) имелось скопление из перекрывавших частично друг друга 5-ти крупных бивней. Вблизи них на краю скопления отмечены три трубчатые кости с поперечными отверстиями для крепления концов бивней. По периметру скопление состояло из крупных трубчатых костей (в двух случаях уложенные группами по 6-8 экз.), бивней, лопаток (некоторые с отрезанными гребнями), нижних челюстей. На площади скопления отмечены многочисленные крупные и мелкие известняковые камни, которые не содержатся в отложениях вне скопления. В центральной части скопления выявлены слабые остатки очага, частично перекрытого плитчатым камнем. К югу от очага (в 35 см) выявлена ямка, в которой наклонно помещалась крупная трубчатая кость с разрушенным эпифизом, в области которого было про-

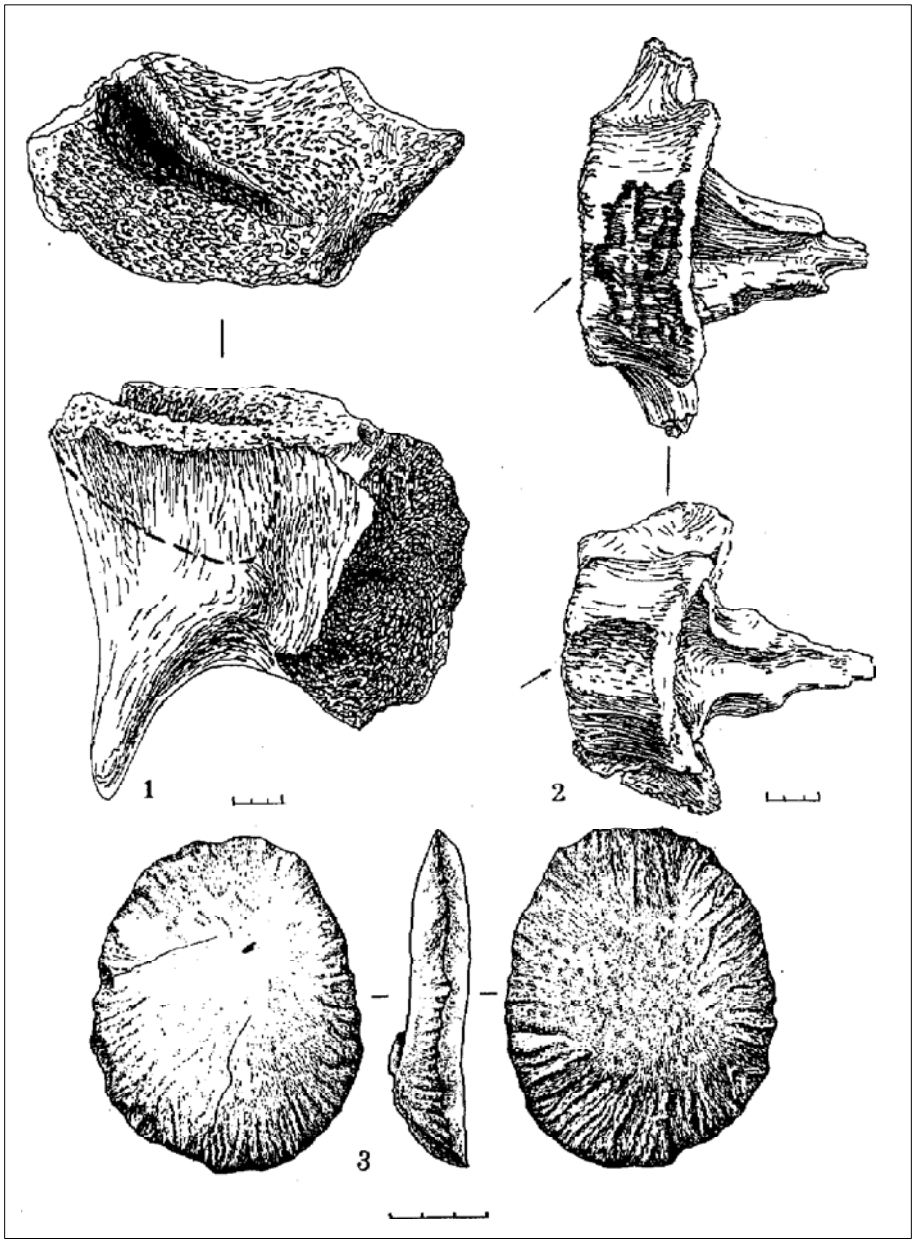

Рис.12. Обработанные кости мамонта. 1-2 — позвонки мамонта с надрезами (Климэуць II, верхний слой); 3 — диск-скребло из бивня мамонта (Мустьерская стоянка Буздужень I).

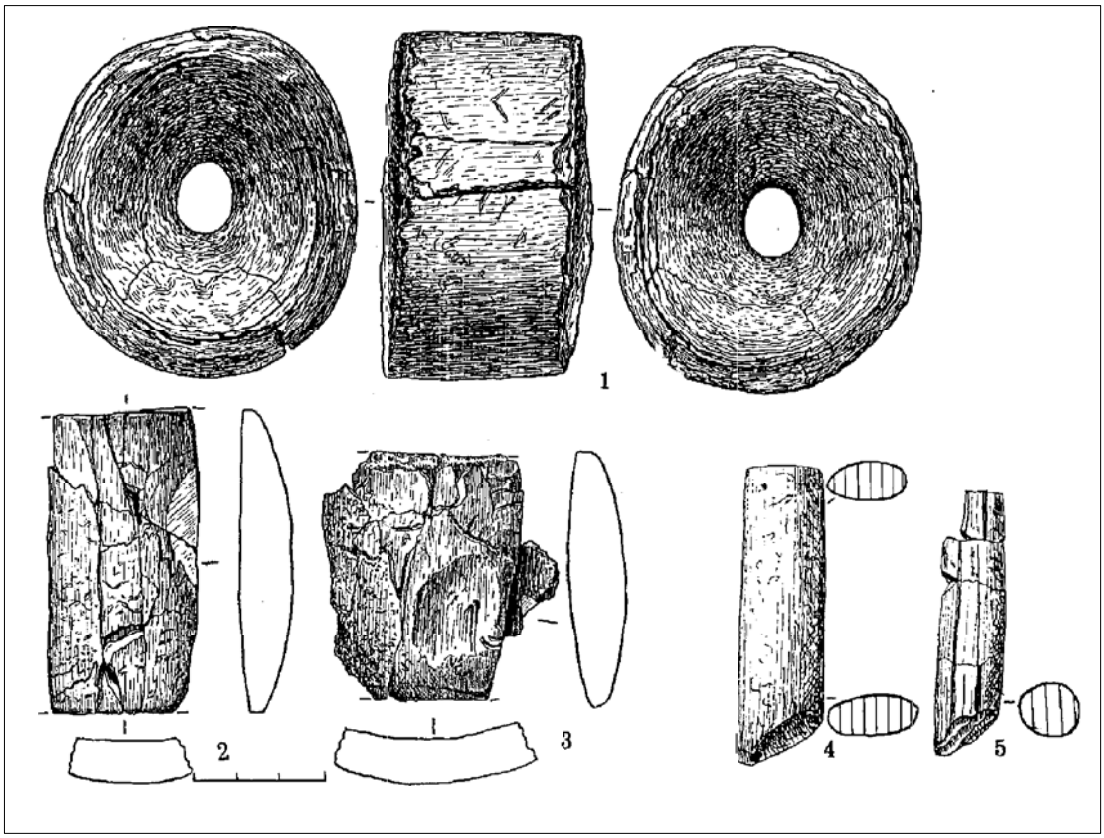

Рис.13. Предметы из бивня мамонта. 1 — заготовка крупного браслета; 2-3 — обломки массивных браслетов; 4-5 — обломки наконечников (Климэуць II, верхний слой).

сверленно отверстие. Видимо, ямка и кость входили в конструкцию очага. Вокруг очага с западной стороны выявлены 5 плоских камней, уложенных полукругом возле него и залегавших на подошве слоя, который на месте скопления достигал 25 - 35 см в толщину. Отмеченные факты и другие наблюдения, которые приводятся в других публикациях, дают нам основание предполагать существование на стоянке жилищ, при строительстве которых использовались кости мамонта в качестве строительного материала (Борзияк, Давид, Обадэ 1992: 78; Obada, Borziac 1996: 56-58; Borziac, Obada 1998: 24). Исходя из имеющихся аналогов, а также из наших планиграфических наблюдений, мы попытались дать реконструкцию этого жилища.

На данном этапе исследований, это пока самое древнее из позднепалеолитеческих жилищ в данной зоне и одно из самых южных среди тех, на строительстве которых широко использовались кости мамонта (Borziac, Obada 1998: 25).

3. Использование бивней и костей мамонта как сырья для изготовления оружия, орудий труда, предметов мобильного искусства и украшений

На этапе раннего и среднего палеолита кости и бивни мамонта еще очень редко использовались как сырье для изготовления орудий труда, оружия, предметов искусства и украшений. Для данной зоны известны только несколько предметов со следами использования в указанных целях (Borziac, Lopez Bayón 1995: 203).

В слое IV грота Буздужень выявлен овальный диск из бивня мамонта, размером 11x8,5 x 1,3-2,2 см, у которого плоские поверхности носят следы концентрических углублений-бороздок. На краях, по периметру, диск утоньчен и имеет ряд повреждений. На одной из плоских сторон наблюдается небольшой линейный рельефный выступ. Вероятно, изделие использовалось в качестве «скребла», однако маловероятно, чтобы мустьерцы затратили такие большие усилия лишь для того, чтобы использовать данный предмет в качестве скребла, когда в их распоряжении были многочисленные кремневые изделия. Диск мог быть заготовкой для подвески.

А.П.Черныш в разных публикациях отмечает в слоях мустьерских стоянок Молодова I и V «кости и обломки бивней, ребер мамонта с на-

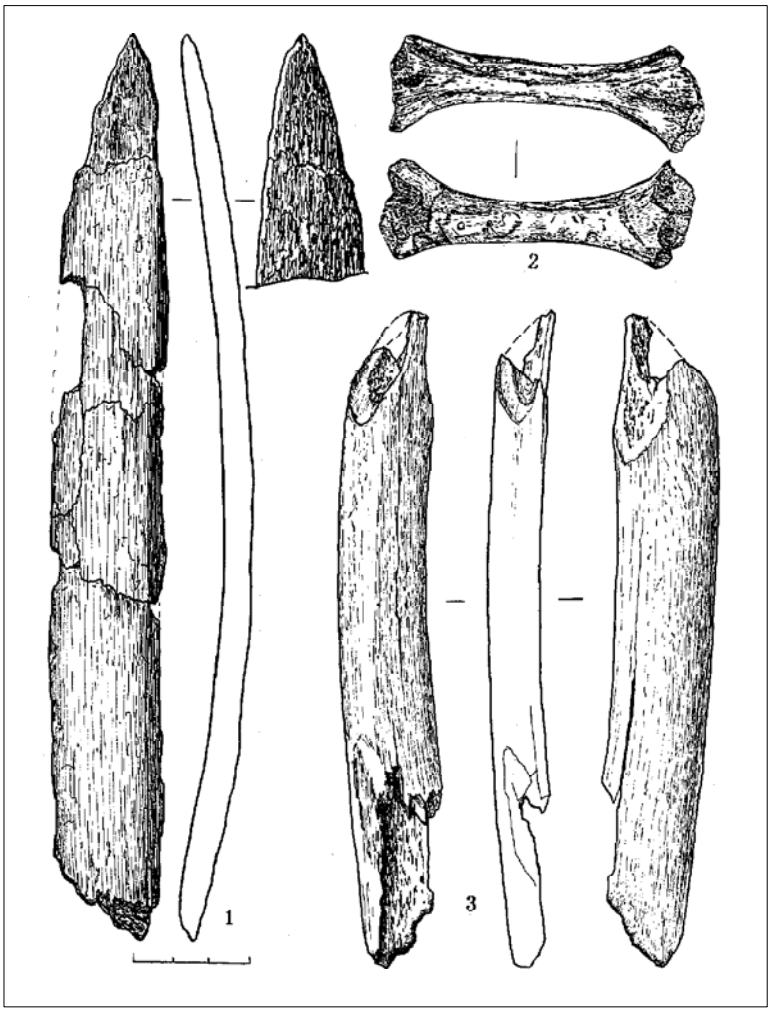

Рис.14. Предметы из костей мамонта. 1 — лощило из ребра мамонта (Климэуць II, нижний слой), 2 — трубчатая кость с нарезками (Молодова I, слой II, мустье); 3 — мотыга из ребра мамонта (Климэуць II, верхний слой).

резками, повреждениями антропогенного характера» (Черныш 1981: 53; 1987: 17-21). В мустьерском слое 4 стоянки Молодова I найдены 2 лопатки мамонта с углублениями, 3 ребра с параллельными углубленными линиями, также как и расположенными вкось линиями и ямками (Черныш 1982: 53-54), лопатка мамонта на поверхности которой наблюдались следы красной и черной краски (охры), серия насечек и ямок, углубленные линии. Конечно, полагаясь на огромный опыт А.П.Черныша, следует признать, что эти изделия использовались в качестве вспомогательных орудий (ретушеров, наковален) и, возможно, даже в качестве предметов, отражающих изобразительную деятельность мустьерцев этой стоянки. Среди этих предметов выделяется обломок ребра мамонта с явными следами гравировки. Однако, расшифровка изображений очень затруднительна. В слое 2 этой же стоянки найдена лопатка молодого мамонта, на поверхности которой, по мнению А.П.Черныша, в центральной её части различаются ряд изображений, среди которых можно отметить силуэт лося или оленя. Вокруг этой фигуры имеются углубления, линейные и зигзагообразные штрихи. Несмотря на сложность изображения, А.П. Черныш, а вслед за ним и другие исследователи, трактуют этот предмет как образец древнейшего проявления изобразительной деятельности человека (Черныш 1987, 1989; Окладников 1979). На лопатке отмечены следы красной и черной красок. К сожалению, она опубликована в черно-белой прорисовке, и судить о характере «живописи» на ней трудно. Плоская поверхность лопатки, естественно, могла служить в качестве фона, на которой нанесены изображения. Если предположения А.П.Черныша верны, то перед нами, действительно одно из древнейших проявлений изобразительной деятельности мустьерцев. На основе образцов древесного угля для 4 слоя стоянки Молодова I получена дата древнее 44.000 лет назад (GrN-3659) (Черныш 1982: 57).

На этапе позднего палеолита свидетельства использования бивней, костей мамонта в качестве сырья для изготовления орудий труда, оружия, предметов искусства и украшений значительно возрастают (Chirica, Borziac 1995).

Свод и описание находок

В нижнем слое грота Брынзень I, Н.А.Кетрару в основании слоя среди кремневых изде-

лий и костей животных выявил амулет-подвеску, вырезанную из бивня мамонта (Кетрару 1989: 5-10). Она напоминает по форме рыбу с горизонтальным хвостовым плавником и килевидным корпусом. В верхней части имеется сквозное отверстие для подвешивания. На подтреугольном плоском конце отмечен меандр из линий с точечным углубленным орнаментом, овально огибающих место перехода корпуса в «лопаточку», по краю самой лопаточки, а также на боковых краях корпуса. Нижняя часть корпуса повреждена. Находка необычна и не имеет по своей форме аналогий в позднепалеолитическом искусстве. (Кетрару 1970: 133-138). Хотя в этом слое отмечены кости со следами обработки, это единственный законченный предмет из бивня мамонта. Было даже высказано предположение, что он чужд для этого слоя (Григорьев 1970), хотя стратиграфические условия нахождения противоречат этому предположению (Borziac 1994: 40). Для нижнего слоя грота Брынзень получена серия дат (Borziac, Allsworth-Jones, Chetraru 1996: 81; Chirica, Borziac, Chetraru 1996: 27). Наиболее приближенной к реальности представляется дата в 26.200±300 (OXA-4123), хотя индустрия его каменных изделий для верхнего палеолита очень архаична и можно ожидать более древних датировок.

В нижних (ориньякских) комплексах стоянки Миток - Малул Галбен В.Кирика выявил два обломка наконечников копий из бивня мамонта. Один фрагмент (средняя часть) имеет подпрямоугольное сечение, второй наконечник, со слегка поврежденным кончиком, имеет овальное сечение и относится к типу Младеч (Chirica, 1995: 7-34). Возраст этих ориньякских горизонтов обитания составляет более 30 тыс. лет. Это самые древние наконечники из бивня в Карпатско-Днестровском регионе.

Два аналогичных целых наконечника из бивня мамонта выявлены на стоянке Корпач-Мыс (Борзияк, Григорьева, Кетрару 1981: 56). Они плоские в сечении и с округлыми кончиками, вырезаны из бивня и отшлифованы. По стратиграфическим наблюдениям, культурный слой залегает в низах ископаемой почвы типа Кесселт - Штилфред-В - Брянск (около 25 тыс.лет назад). Другие кости мамонта на стоянке не выявлены. В позднепалеолитической свите культурных слоев стоянки Молодова V также выявлены ряд предметов из бивня и костей мамонта.

В слое 8 выявлена миниатюрная стилизованная «женская статуэтка» из бивня, «каплевидной» формы, с отверстием для подвешивания в верхней части. Её высота - 1,9 см (Черныш 1987: 33). В этом же слое А.П.Черныш выделяет «обломок трубчатой кости мамонта со следами обработки».

В слое 7 выявлен обломок ребра мамонта с продольной прорезью для установки кремневой пластины. Такие же изделия, иногда с прорезью с двух сторон выявлены в слоях 6,3 и 2 этой стоянки, а также на памятнике Липа IV (Черныш 1987: 43, 64, 70; Borziac, Beldiman 1996: 52-55).

В этом же слое найден наконечник дротика из бивня, округлого в сечении, длиной в 20,5 см, обломок пластинки из бивня со следами гравировки в виде подпаралельных линий, два лощила из ребер мамонта со следами «загадочных выгравированных изображений и ямок» (Черныш 1987: 45).

В слое 6 стоянки выявлены 3 обломка наконечников (два округлых веретенообразных и один овальный в сечении) и обломок стержня из бивня. А.П.Черныш особо отмечает обломок предмета из бивня, овальный в сечении, дли-

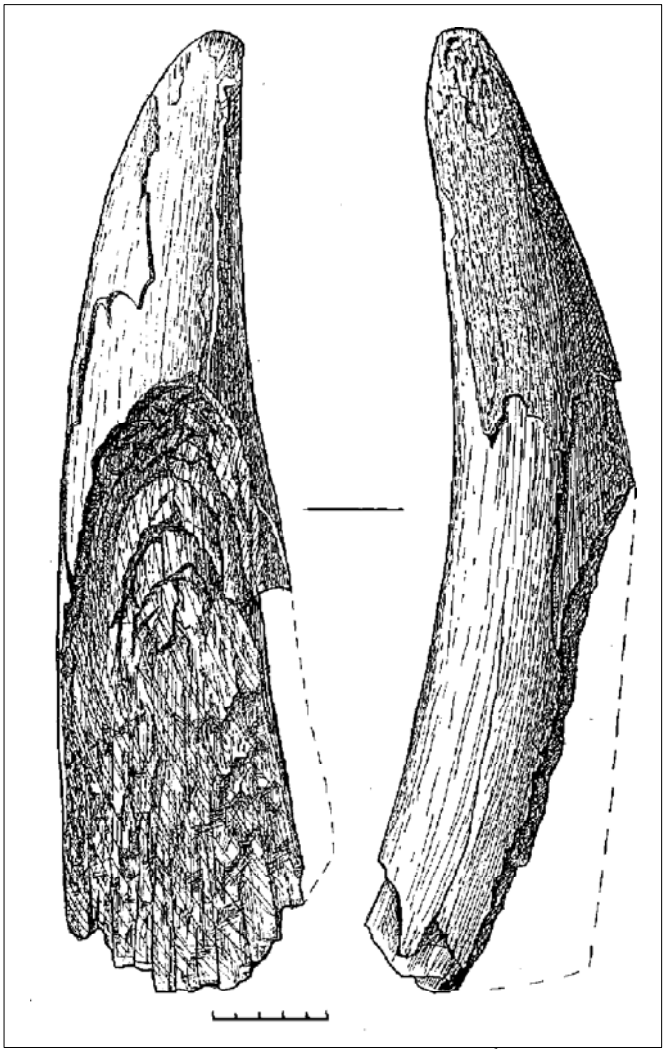

Рис.15. «Мотыга» из бивня мамонта. (Климэуць II, верхний слой).

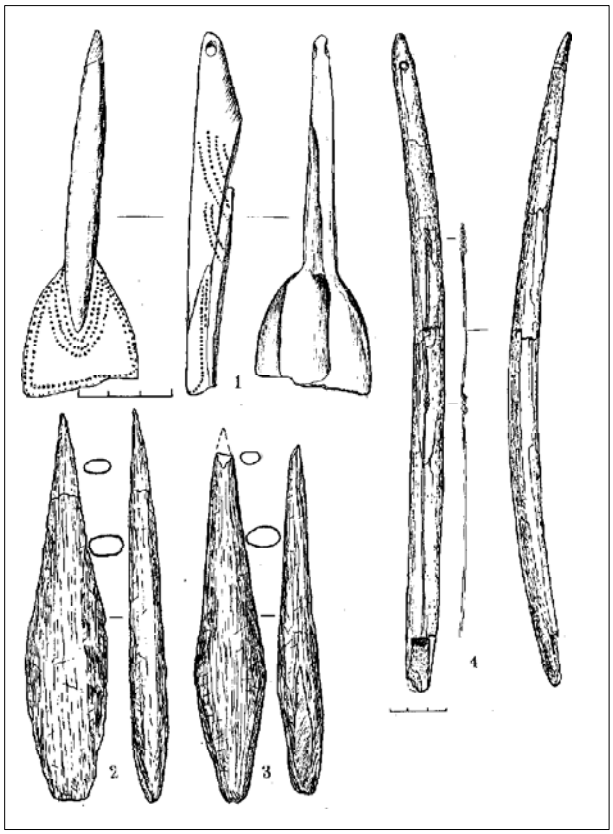

Рис.16. Предметы из бивня мамонта. 1 — амулет-подвеска из нижнего слоя грота Брынзень I (по Н.А.Кетрару); 2-3 — наконечники типа «Младеч» из верхнего горизонта ориньякской стоянки Корпач-Мыс; 4 — предмет неясного назначения с орнаментом из слоя 3 стоянки Косэуць.

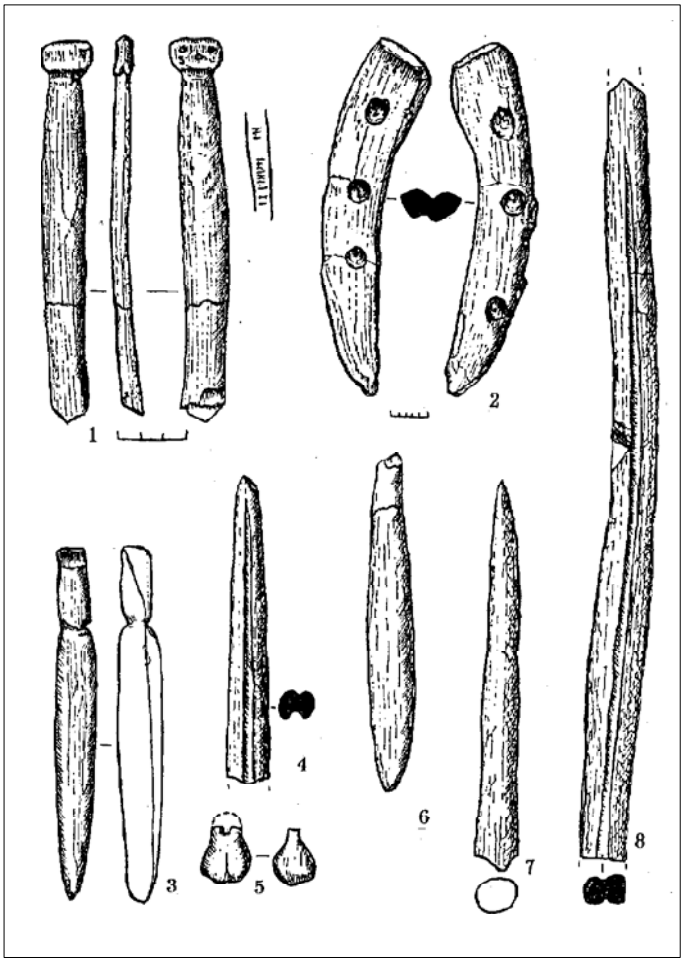

Рис.17. Предметы из бивня мамонта из разных слоев стоянки Молодова V. 1 — стилизованная статуэтка (?); 2 — бивень мамонта с двусторонними симметричными лунками; 3 — стержень с перехватом, стилизованная статуэтка (?); 5 — каплевидная подвеска; 4,6,7,8 — обломки наконечников.

ной в 17,5см, шириной в 2,2 см и толщиной в 0,8 см, в верхней части которого имеется утолщение. На одной из сторон этого утолщения имеются обозначения глаз и рта, а на боковой грани ряд подпаралельных поперечных насечек. Он полагает, что по аналогии с лопаточками из Костенок это могла быть стилизованная антропоморфная статуэтка (Черныш 1987: 51).

В слое 5 найдены 3 обломка веретенообразных наконечников, а также киркообразный предмет из бивня мамонта. Его длина — 8,5 см. Здесь же была найдена тонкая удлиненная пластинка из бивня мамонта, размерами 22 х 0,6 х 0,2 см, с небольшим выступом на боковой грани одного из концов. Автор раскопок полагает, что это инструмент для плетения (Черныш 1987: 55).

Следы употребления костей мамонта и бивней отмечено и в слое 4 этой же стоянки. Найдены обломки трубчатых костей со следами срезов, обломки веретенообразных наконечников из бивня.

В слое 3 стоянки найден обломок продольно расколотого бивня, на поверхности которого наблюдаются три ямки с одной стороны и две ямки с другой стороны. Две пары углублений соответствуют по месту своего расположения. Вероятно, осуществлялись попытки просверлить в бивне сквозные отверстия с двух сторон. В этом же слое найден обломок двухпазового наконечника из бивня размерами 20 х 1,8см, а также ряд обломков стержней, среди которых один с перехватом в средней части, интерпретируемый автором раскопок как стилизованная антропоморфная статуэтка, другие мелкие обломки бивня со следами обработки.

В слое 5а стоянки Кормань IV, находящейся вблизи молодовских стоянок на правобережье Днестра, выявлено несколько предметов из бивня мамонта, среди которых отметим верхний конец лощила-лопатки со следами гравировки (?) и две проколки, которые, по мнению А.П.Черныша, также имеют следы гравировки (Черныш 1977: 42-43).

Как видно, в группе позднепалеолитических Молодовско-Корманьских памятников выявлено большое количество изделий из костей и бивней мамонта, что подтверждает высокую степень использования результатов охоты в различных хозяйственных целях.

На стоянке Костешть (Рышканский район, Попрутье), где исследовано более 2700 кв.м (Григорьева, Кетрару 1974: 20) выявлено всего 3 кости мамонта, а среди них — клиновидный инструмент типа «мотыги» из бивня. Ее размеры — 15,9 х 5,1 х 3,9 см. Оно имеет лезвие тесла, слегка закругленное, отшлифованное с двух сторон, с более суженной верхней частью, служащей в качестве либо рукоятки, либо стержня для втульчатой рукоятки. Это единственный костяной предмет на стоянке, которая в настоящее время находится под водами Костешстского водохранилища.

В гроте Дуруитоаря Веке, в верхнем (II) слое, содержащем остатки поселения позднего граветта, среди многочисленных костей выявлены два предмета из бивня мамонта — обломок составного браслета в виде отшлифованной пластинки с двумя сквозными отверствиями на одном краю и верхняя часть веретенообразного наконечника копья, длиной 10,5 см и толщиной 1,3 см, с округлым сечением.

На стоянке Косэуць, где выявлен 21 культурный слой позднего палеолита, залегающий в позднечетвертичных отложениях второй террасы Днестра, и где в каждом слое более 80% костных остатков млекопитающих принадлежат северному оленю, также выявлены предметы хозяйственного назначения, произведения искусства и украшения из костей и бивней мамонта. Следует сразу оговориться, что из костей мамонта на стоянке до сих пор найдено лишь одно ребро (слой 3б) и зуб (слой 4). Остальные находки представляют поделки из бивня. Возраст всех слоев варьирует от 13 до 20 тыс.лет.

Ребро слоя 3б имеет несколько иной цвет, чем все остальные кости из слоя, и, видимо, оно было принесено на стоянку уже в фосилизованном виде. Верхняя часть ребра сглажена, а на ее поверхности с обеих плоских сторон наблюдаются линейные царапины, участки со следами шлифовки. Видимо, эти следы указывают на использование ребра в хозяйственных целях. Зуб из четвертого слоя, правый верхний М3, имеет патологию жевательной поверхности в виде кариесного повреждения. Длина коронки — 27,8см, ширина — 9,6см, высота — 11,4 см. Число пластинок — 24. Средняя длина пластины —1,06 см, частота пластин (на 10см) — 8,5, толщина эмали — 1,7 мм. Этот зуб, судя по повреждениям на боковых плоскостях, использовался в качестве наковаленки. Как и ребро, видимо, он был подобран и принесен на стоянку с другого места, и, видимо, имеет происхождение более древнее, чем данный слой стоянки.

В слое I стоянки, исследованной более чем на 240 м^2, выявлены, в основном, фаунистические остатки северного оленя, а среди них естественно расслоенная бивневая пластинка мамонта, один конец которой косо срезан и отшлифован.

В слое IIIб, имеющем возраст в 18.200±500 (ГИН-4149), выявлен плоский диск, вырезанный из бивня, размерами 3,3 - 3,2 см в диаметре и толщиной в 0,8 см. По периметру диск отшлифован. На плоских поверхностях наблюдаются мелкие царапины, звездчатые повреждения, небольшие углубления, которые, однако, не образуют систему. Не исключено, что диск мог быть заготовкой для амулета.

В слое III, для которого получена серия радиоуглеродных дат (17.000±340,ЛЕ-3306;

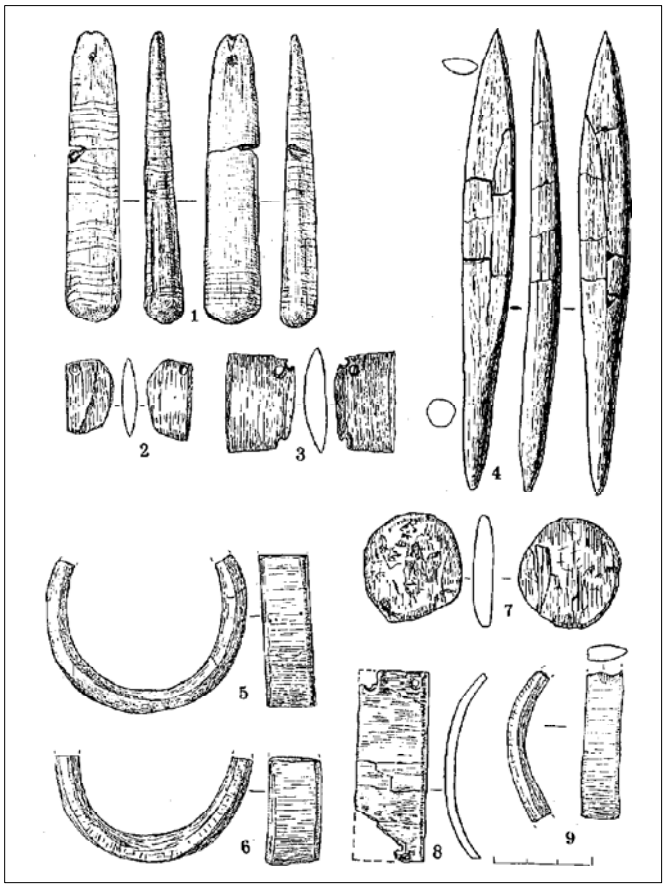

Рис.18. Предметы из бивня мамонта из различных слоев стоянки Косэуць. 1 — подвеска с горизонтальным орнаментом; 2,3,5,6,8,9 — обломки браслетов; 4 — «ланцетовидный» наконечник; 7 — диск (вероятно заготовка подвески).

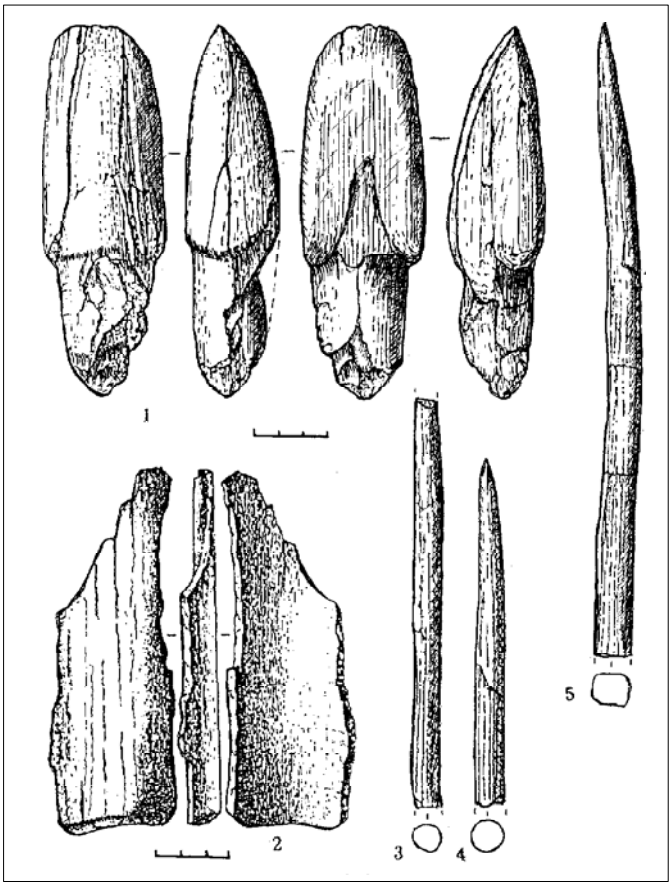

Рис.19. Предметы из бивня мамонта. 1 — «мотыга» клиновидной формы (Костешть I); 2 — пластина из бивня с надрезом (Косэуць, слой I); 3-5 — обломки наконечников (Молодова V).

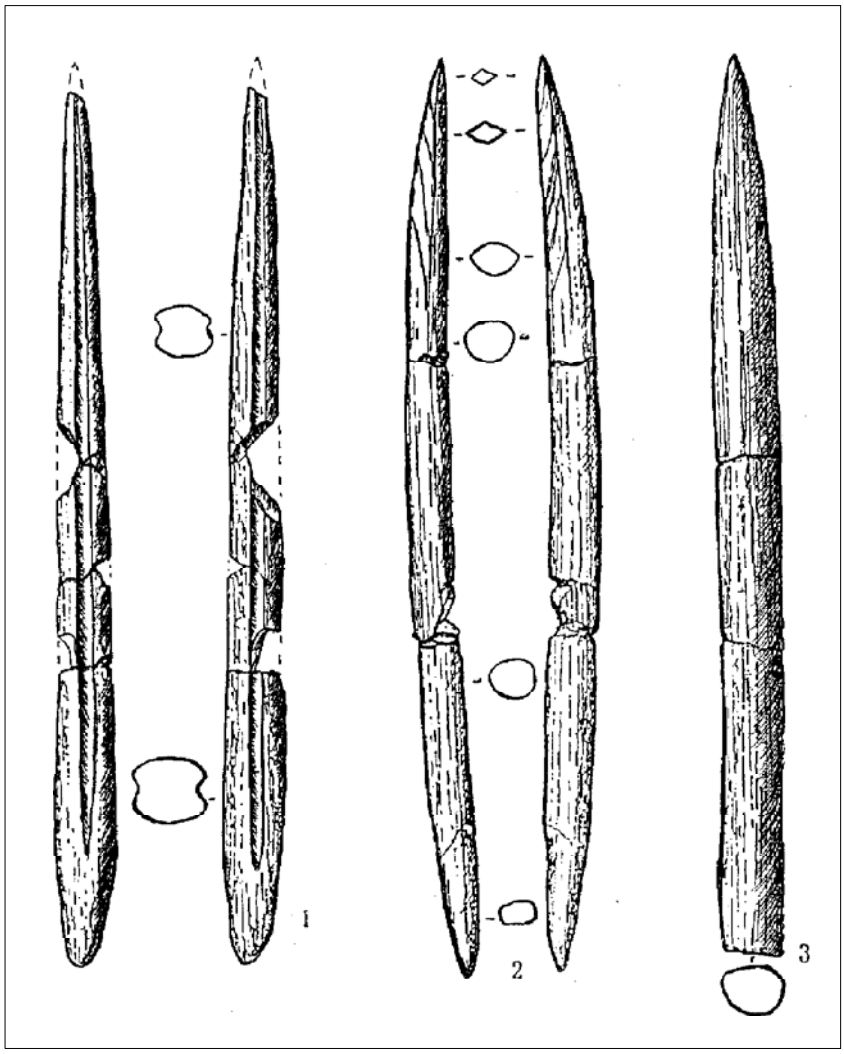

Рис.20. Наконечники из бивня мамонта. 1 — Рашков VII; 2 — Косэуць, слой III; 3 — Дуруитоареа Веке, слой II.

17.840±180,ОХА-5236;18.030±150,ГИН-21369), найден ряд предметов из бивня мамонта. Среди них 3 фрагмента браслета, вырезанные из кусков бивня. Ширина браслета — 2,1, 1,2 и 1,1 см, их толщина — 0,6-0,7 см. Внутренний диаметр браслетов — 6-7см. Вероятно, они предназначались для подростков. Обломки меньших размеров таких же изделий, со следами отверстий по краям, выявлены и в слоях 3Б и 3А. В этом же слое, найден удлиненный стержень, округлый в сечении, со слегка уплощенными концами. Его длина - 365мм, толщина в центральной части - 1,8-1,9 см. На верхнем закругленном конце имеется сквозное отверстие, просверленное с двух сторон, диаметром в 2,2 мм. Предмет имеет слегка изогнутые очертания. На его поверхности имеется рельефно-углубленный орнамент в виде линии, которая на одном конце и в средней части расширяется в виде витков двужильной веревки. Назначение предмета неясно.

В слое 3А и 7 стоянки найдены наконечники дротиков из бивня мамонта. В первом случае речь идет о веретенообразном предмете с округлым сечением и подромбовидным в сечении кончиком. Его длина — 22,3 см, наибольшая толщина в средней части — 1,2см. Экземпляр из слоя 7 имеет несколько иную форму. «Перо» наконечника имеет удлиненную иволистную форму с овальным поперечным сечением. Нижний конец наконечника имеет округлое сечение и моделирован черешком для крепления в древко. Его длина — 14,2 см, наибольшая ширина — 1,6 см, наибольшая толщина — 1,1 см.

В слое IV (наиболее вероятная дата — 17.950±100,ГИН-21794) выявлены два фрагмента браслетов из бивня, которые имеют ширину в 3,2 и 2,4 см, линзовидное сечение и отверстия по краям для крепления с другими фрагментами или для ремонта.

В слое V, с датой в 18.260±210 (ГИН-5218) выявлена удлиненная овальная подвеска, длиной в 9 см, шириной в 1,5-1,8 см, толщиной в 0,5-1,1 см. На её поверхности наблюдаются не менее 25 волнистых или подпаралельных поперечных нарезок, которые на одной стороне (более выпуклой) сохранились лучше, чем на другой (более плоской), где они несколько оглажены и стерты. В верхней части сохранились следы перфо-

рации, она надломлена. Была сделана вторая попытка просверлить отверстие с двух сторон, что не было доведено до конца.

В нижних слоях стоянки выявлены мелкие обломки пластин из бивня мамонта, которые не поддаются определению в качестве изделий. Как было сказано, здесь найдены всего две кости мамонта, описанные ранее. Фауна стоянки представлена, главным образом, северным оленем. Вероятно, обитатели стоянки не вели охоту на мамонта, а собирали бивни и кости из более древних отложений и использовали их в различных хозяйственных целях (Chirica, Borziac 1995: 199-210).

Выше мы говорили о том, что из верхнепалеолитических памятников региона лишь на стоянке Климэуць II среди фаунистических остатков преобладает мамонт. Здесь же найден ряд изделий из бивня и кости.

Из посткраниальных костей мамонта изготовлены лощила и «мотыга», рукоятки для кремневых изделий, имеются позвонки и кости со следами надрезов, выскобленные кремневыми инструментами. Из бивня изготовлены наконечники дротиков, обломки браслетов, заготовки для браслетов и другие изделия.

Лощила представлены двумя обломками, изготовленными из продольно расколотых ребер мамонта. Один фрагмент имеет 12 см в длину, 2,4-2,1 см в ширину. Конец предмета закруглен и отшлифован, так же как и их плоские поверхности. Второй предмет имеет такой же верхний конец, как и первый, а с поверхности внешней стороны ребра отшлифованы, но также имеют и следы нарезок, углублений. Вероятно, предмет использовался и в качестве ретушера.

Рукоятки для кремневых изделий представлены двумя экземплярами. Это обломки трубчатых костей, с отшлифованного торца которых вырезаны углубления для крепления кремневых орудий в виде бороздок, глубиной до 3-5 см. Подобный тип рукояток, в отличие от муфтовых концевых и продольных, выполненных из ребер мамонта (Черныш 1987), в позднем палеолите нашей зоны встречен впервые.

В верхнем слое стоянки выявлены три позвонка и таранная кость мамонта со следами надрезов, углубления. Вероятно, они использовались в качестве наковален или ретушеров.

Из ребра мамонта изготовлена «мотыга». Один (нижний) конец обломка ребра расщеплен и утоньчен путем шлифовки, другой конец, также пришлифован и закруглен, в результате чего ему был придан вид лезвия, в дальнейшем, в процессе использования выщербленного. Поверхность предмета оглажена.

«Мотыга» также изготовлена из бивня мамонта. Её длина - 30 см. С расщепленной стороны толстого конца и с внешней стороне острого она отшлифована и превращена в инструмент для рыхления земли. Вероятно, этот инструмент использовался для добывания желваков кремня или извлечения грызунов из нор,а также для выкапывания ямок.

Наконечники из бивня представлены двумя фрагментами. Один из них имеет овальное, а другой — округлое сечение.

На стоянке найдены две заготовки для браслетов. Одна заготовка представляет собой обрубок поперечного сечения бивня шириной в 4,2 см, диаметром в 8,2 см, у которого выскоблены с двух сторон лункообразные углубления и просверлено отверстие в центре. Вторая заготовка представляет собой кольцо из бивня с внешним диаметром в 8,5-9 см, внутренним диаметром в 4-4,5 см и толщиной в 3,1-3,3 см. Эта заготовка, в отличие от первой, просверлена с поверхности бивня, а для обработано использовалось скобление.

В коллекции имеется небольшой фрагмент округлого стержня с отверстием, также выполненный из бивня, с обработкой используемой для браслетов. Его внешний диаметр — около 5 см, внутренний — около 2 см. Кроме того, найдены два обломка массивных браслетов, видимо, имевших около 6-7 в ширину и диаметр до 12-13 см.

Также из бивня изготовлена пластинка, с выемками по краям, которая могла быть фрагментом браслета, хотя и иного типа — с более широким диаметром (в пределах величины бивня) и насечками по краям.

Верхний слой стоянки имеет радиоуглеродную дату в 20.350± 280 лет назад (ЛУ-2481), а каменный инвентарь относится к позднему ориньяку данной зоны (Borziac 1994: 35; Chirica, Borziac 1996: 99-121).

В нижнем слое этой стоянки, исследованной лишь на небольших участках, выявлено острие из продольно расколотого ребра мамонта длиной в 20,3 см, шириной в 3 см. Внешняя сторона кости и кончик предмета носят следы шлифовки и сглаживания. Инструмент мог использоваться в качестве ножа для свежевания. Этот культурный слой имеет дату в 24.840±410 (ЛУ-2351) и относится также к позднему ориньяка з (Борзияк,Гольберт,Медяник,Моток 1992:31-48).

Наконец, на стоянке Рашков VII также выявлены наконечники из бивня мамонта. Всего отмечено 8 фрагментов таких изделий. На фрагментах наблюдаются двусторонние продольные пазы. Длина таких изделий, судя по отреставрированному наконечнику, была около 15-17 см, с плавным переходом к кончику, а глубина продольных пазов достигала около 2-2,5 мм.

Материалы этой стоянки не относятся ни к ориньяку, ни к граветту, объединяя черты поздних этапов этих больших культурных массивов, обнаруживая при этом некоторые местные, неповторимые в других индустриях, черты (Borziac 1994: 31).

Название памятника, слой	*Кости мамонта*	*Кости Особи*	*Предметы*
Погребя 1(?)	1		Обл. зуба
Дуруитоаря Веке (грот)			
Слой 4 (ашель)	16	2+	
Слой 3 (ашель)	34	4	
Слой 2 (поздний палеолит)	50	4	(обломки наконечника и браслета)
Выхватинцы (грот)			
Слой 4, слой 3,слой 2 (ашель)	425	15++	
Буздужень (грот,мустье)	67	3+++	
Бутешть (пещера,ашель-мустье)	11	2	
Бутешть (грот,мустье)	+	+	
Тринка I (слой 4, мустье)	1	1	
Тринка II(слой 4, мустье)	5	3	(зубы, один лесной слон).
Тринка III(слой 4, мустье)	3	1	
Рипичень-Извор (мустье)	++	++	
Кетросы	302	9++++	
Молодова I			
Слой V (мустье)	++	++	
Слой IV	+++	+++	(кости с обраб.)
Слой III	++	++	
Слой II	+++	+++	(кости с обработкой, лопатка с изображением)
Слой I	++	++	
Слой III (поздний палеолит)	6	1	
Слой II	+	+	
Молодова V			
Слой 12(мустье)	++	++	
Слой 12а	++	++	
Слой II	++	++	
Слой 10в	++	++(5?)	
Слой 10а (поздн.палеолит)	+	+	
Слой 10б	?	?	
Слой 9	10	2	
Слой 8	19	2	(обломок фигурки)
Слой 7	105	2	(наконечники, другие предметы)
Слой 6а	-	-	(наконечники, лощила)
Слой 6	250	6	(наконечники)
Слой 5	40	3	(наконечники)
Слой 4	100	5	
Слой 3	30	3	
Слой 2	2	1	
Кормань IV			
Горизонт 12(мустье)	2	1	
Горизонт II	18	2	
Горизонт 10	-	-	
Горизонт 9	-	-	
Горизонт 8	-	-	

Название памятника, слой	*Кости мамонта*	*Кости Особи*	*Предметы*
Слой 7 (поздний палеолит)	?	?	
Слой 6	6	1	
Слой 5	35	2	(обломок лощила)
Слой 5а	224	2	
Слой 4	10	1	
Брынзень 1 (грот, поздний палеолит, сл. 2)	32	4	(амулет)
Корпачь-Мыс	-	-	(2 наконечника)
Миток-Малул Галбен (ориньякские слои)	+	+	(2 наконечника)
Миток-Малул Галбен (слои граветта)	+	+	
Костешть	3	1	“мотыга”
Климэуць II (нижний слой)	54	3	(острие -лощило)
(верхний слой)	1140	19-20	(браслеты, заготовки, наконечники и др.)
Косэуць			
Слой 7	-	-	(наконечник)
Слой 6 (а, б, с, д)	-	-	(обломки пластин)
Слой 5	2	1	(подвеска)
Слой 4	1	1	(ребро, зуб)
Слой 3а	-	-	(диск, обломки браслет, наконечник)
Слой 3	-	-	(различные поделки)
Слой 3а	-	-	(наконечники, др.)
Слой 2а,б,в.	-	-	
Слой 1	-	-	(обломок пластины)
Рашков VII	85-	3	(наконечники)

Как мы указывали выше, еще более чем на 30 памятниках палеолита отмечены кости мамонта, однако на них не производились раскопки и мы не имеем данных о численности особей и костей.

Обозначения в таблице:

\+ Н.А.Кетрару полагает что все кости мамонта относятся только к слою 3 (Кетрару 1973).

++ Н.А.Кетрару и Н.К.Анисюткин полагают, что кости мамонта происходят только из среднего слоя (Анисюткин, Кетрару 1982:120-133).

+++ А.И.Давид дает общую сводку по всем слоям (Давид 1980:38).

++++ Сведения сумированы по двум раскопкам (Давид 1981:136).

+++++ Материалы определены в поле и не за все сезоны работ.

Обобщения и заключения

Теоретические и прикладные исследования вымерших представителей хоботных Евразии и Северной Америки, показывают, что механизм их адаптации к среде был чрезвычайно разнообразен и пластичность хоботных в отношении к среде была достаточно высокой (Барышников, Кузьмина, Храбил 1977: 50-57; Верещагин 1977: 5-49; Соффер 1993: 99-118). Вместе с тем, их популяции в Восточной Европе, в том числе и на территории Днестровско-Карпатского региона, в средне- и позднечетвертичное время были не такими многочисленными, как представлялось раньше, и это обстоятельство хорошо иллюстрируется приведенными нами данными. На нижне- и среднепалеолитических памятниках, несмотря на присутствие сравнительно большого количества костей мамонта, в хозяйственном аспекте

добыча мамонта не превалировала над охотой на животных других видов. Нет на этой территории и естественных скоплений костей мамонта, которые бы давали возможность, как в Моравии или в Северной Азии, моделировать возможные объемы популяции мамонта в этот период (Соффер 1993: 101-108). Как для мустьерской эпохи, так и для позднего палеолита в нашей зоне отмечены лишь отдельные скелеты мамонтов, ранее погибшие вне связи с деятельностью человека (Давид 1980: 69). Вероятно, данная территория являлась в среднем и верхнем плейстоцене юго-западной периферией распространения популяций мамонтов на территории Восточной Европы.

Экономической основой жизнедеятельности первобытных охотников данной зоны был не мамонт, а совокупность представителей фауны млекопитающих. Среди них на раннем этапе палеолита были лошадь и бизон, на позднем этапе — северный олень.

Лошадь, судя по находкам костей на памятниках палеолита, водилась в этой зоне в течение всего рассматриваемого периода, но больше всего костей отмечено для ранней поры позднего палеолита (Брынзень, нижний слой, около 200 особей). Почти во всех памятниках встречены остатки одного вида (Equus latipes Grom.) и лишь на некоторых ранних и среднепалеолитических памятниках встречены кости дикого осла (Давид 1980: 106-116; Алексеева 1990: 19).

Северный олень в ранне- и позднепалеолитическое время играл разную роль как в пищевом рационе древнего человека, так и в хозяйстве, связанном с использованием продуктов охоты. В раннем палеолите и мустье кости северного оленя встречаются, но в незначительном объеме. Доля его возрастает в начале позднего палеолита и достигает пика во время последней фазы оледенения (от 22 до 12 тыс. лет назад). Популяции северного оленя мигрировали в осеннее время к югу, в весеннее время — к северу. Видимо, в Днестровско-Карпатском регионе мигрировали популяции, которые летом обитали на Северо-Европейской равнине, и их путь на юг и обратно пролегал по восточной возвышенной части Карпат, огибая Полесскую низменность, которая весной затоплялась, а осенью представляла собой болотистую область. Видимо, стоянки позднего палеолита бассейна Десны, Припяти и Днепра оставались в зоне, где популяции с Северо-Европейской равнины заходили редко. Поэтому на стоянках Елисеевичи, Юдиново и др. практически нет остатков северного оленя (Величко, Грехова, Грибченко, Куренкова 1997: 83-87). Стоянки среднего течения Дона (Костенковская группа) содержат остатки северного оленя, но, видимо, относятся к другой популяции — севера Восточной Европы. Именно поэтому, на наш взгляд, Л.Л.Зализняк не нашел на стоянках финального палеолита Полесья костей северного оленя (Зализняк 1989).

По нашему мнению, для этапов раннего и среднего палеолита для нашей территории был характерен мамонто-кабалоидный комплекс фауны, а для позднего палеолита — рангиферный комплекс.

Следует коснуться и проблемы специализации первобытных охотников на отдельные виды животных. Проблема важная, так как если бы эта специализация была, то человек был бы привязан к определенным популяциям животных. Состав фауны на стоянках палеолита Карпато-Днестровского региона не дает оснований говорить о специализации охоты. Видимо, в зависимости от сезона, на стоянках преобладают те или иные фаунистические остатки. Долговременные стоянки в гротах Дуруитоаря Веке, Буздужень, Брынзены II, Рашков VII и др. отражают годичные фоны присутствия животных в зоне. Кратковременные стоянки в гротах Выхвантинцы, Тринка I-III, Молодова I, V, Кормань IV, Косэуць и др. отражают сезонные спектры фауны. На этапе позднего палеолита большинство стоянок Поднестровья и Попрутья были осенне-зимние, когда в зоне кочевал северный олень. В летнее время коллективы охотников в данной зоне охотились на местную «некочевую» фауну или мигрировали в степях Северного Причерноморья, где охотились на бизонов и лошадей. О несостоятельности выделения особой зоны степей Причерноморья в позднем палеолите аргументированно писали некоторые исследователи (Гвоздовер 1964, 1967; Миньков 1993), с чем мы полностью согласны.

Таким образом, мамонт был хотя и важным, но далеко не основным объектом охоты палеолитического человека в указанной зоне.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Л.И. Териофауна многослойной стоянки Молодова V. // Многослойная палеолитическая стоянка Молодова V. Люди каменного века и окружающая среда, Москва,1987, с. 153-162.

Алексеева Л.И.Териофауна верхнего плейстоцена Восточной Европы, Москва, 1990, с.9-17.

Анисюткин Н.К.Археологическое изучение мустьерской стоянки Кетросы.// Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре. Москва, 1981, с. 7-53.

Анисюткин Н.К.,Кетрару Н.А. Грот Выхватинцы и проблема домустьерских памятников Молдавии.// Проблемы антропогена Молдавии. Кишинев, 1982, с.120-133.

Анисюткин Н.К. Домустьерское местонахождение у села Погребя на Нижнем Днестре и положение его индустрии в раннем палеолите Европейской части СССР и сопредельных территорий.// Четвертичный период. Палеонтология и археология. Кишинев, 1989, с.124-137.

Барышников Г.Ф., Кузьмина И.Ф., Храбил В.М. Результаты измерения трубчатых костей Берелеховского «кладбища».// Мамонтовая фауна Русской равнины в Восточной Европе. Москва, 1977. Труды ЗИН АН СССР, т.72, с.50-57.

Борзияк И.А., Григорьева Г.В., Кетрару Н.А. Поселения древнекаменного века на Северо-Западе Молдавии.Кишинев, 1981.

Борзияк И.А., Гольберт А.В., Медяник С.И., Моток В.Е Археология и палеогеография стоянки Климэуць II. // Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдовы. Кишинев, 1992, с.31.

Борзияк И.А., Давид А.И., Обадэ Т.Ф. Климэуць II — верхнепалеолитическая стоянка с мамонтовой фауной в Поднестровье.// Anuarul I. Muzeul naţional de istorie a Moldovei. Chişinău, 1992, p.75-94.

Борисковский П.И. Палеолит Украины. Материалы и исследования по археологии СССР, Москва, 1953, Вып.40, с.39-66.

Борисковский П.И. Разведка памятников каменного века между Тирасполем и Раздельной.// Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып.10. Одесса, 1957,с.18.

Борисковский П.И. Ископаемые человекообразные обезьяны на пути превращения в людей.// Возникновение человеческого общества. Палеолит Африки. Ленинград, 1977, с.22-23.

Вангегейм Э.А. О фауне млекопитающих из мустьерского слоя стоянки Молодова1.// Тр. КИЧП АН СССР, 1961,Т.18,с.228-231.

Величко А.А., Грехова Л.В., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И. Первобытный человек в экстремальных условиях среды. Стоянка Елисеевичи. Москва, 1997, с.86-87.

Величко А.А., Грехова Л.В., Губонина З.П. Среда обитания первобытного человека тимоновских стоянок. Москва, 1977,с.82-84.

Верещагин Н.К. Берелехское «кладбище» мамонтов.// Мамонтовая фауна Русской равнины и Восточной Сибири. 1977, Тр.ЗИН АН СССР. Т.72,с. 5-49.

Гарутт В.Е. Зубная система слонов и онтогенезе и филогенезе.//Тр.ЗИН АН СССР. Ленинград, 1977,Т.73,с.3-36.

Гарутт В.Е. Исследование вымерших слонов. (методические рекомендации), Новосибирск, 1976, с.

Гвоздовер М.Д. Позднепалеолитические памятники Нижнего Дона.//Борисковский П.И., Праслов Н.Д. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья. // САИ. Вып.А 1-5,Москва, 1967, с.37-41.

Гвоздовер М.Д. О культурной принадлежности позднепалеолитических памятников Нижнего Дона. ВА, вып.27, Москва, 1967, с.82-103.

Григорьева Г.В., Кетрару Н.А. Позднепалеолитическая стоянка Костешты.// АНМ в 1973, Кишинев, 1974.с.20.

Григорьев Г.П. Верхний палеолит. // Каменный век на территории СССР. М.1970, с.73.

Давид А.И. Териофауна плейстоцена Молдавии, Кишинев, 1980.

Давид А.И. Остатки млекопитающих из раскопок палеолитической стоянки Кетросы. //Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре. Москва, 1981, с.135-142.

Давид А.И. Остатки млекопитающих из гротов у с.Тринка// Анисюткин Н.К., Борзияк И.А., Кетрару Н.А. Первобытный человек в гротах Тринка I-III. Кишинев, 1986, с.113-123.

Дуброво И.А. Отряд Хоботные.// Плейстоцен Тирасполя. Кишинев, 1971, стр.92-95.

Зализняк Л.Л. Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. Киев. 1989.

Иванова И.К. Геология и палеогеография мустьерской стоянки Молодова I//Молодова1// Уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре, Москва, 1982, с.217-228.

Кетрару Н.А. Палеолитическая стоянка в гроте Старые Дуруиторы. КСИА, вып. 105, Москва, 1965.

Кетрару Н.А. О палеолитической стоянке в пещере у с.Вутешты, Труды ГИКМ МССР, вып.2, Кишинев, 1969,с.72.

Кетрару Н.А. Палеолитическая стоянка в гроте Бутешть.// ОПМ, вып.8., Кишинев,1970.

Кетрару Н.А. Уникальный предмет палеолитического искусства из грота Брынзень I.// ОПМ, Вып.8,Кишинев,1970.

Кетрару Н.А. Памятники эпох палеолита и мезолита. Археологическая карта Молдавии. Вып.1, Кишинев.1973.

Кетрару Н.А. Новая мустьерская стоянка в гроте Буздужаны 1, // АИМ в 1970-1971, Кишинев, 1973, с.10.

Кетрару Н.А. Амулет из позднепалеолитической стоянки в гроту Брынзены 1.// Памятники древнейщего искусства на территории Молдавии,Кишинев, 1989, с.5-10.

Миньков Е.В. Система природопользования в позднем палеолите: метод и достоверность реконструкций. (По матеиалам степной зоны).//Проблемы палеоэкологии древних обществ. Москва, 1993,с.19-59.

Окладников А.П. По поводу открытия А.П.Чернышом образца искусства в мустьерском слое поселения Молодова1.// Утро искусства, Новосибирск, 1978. с.34.

Сергеев Г.П. Позднеашельская стоянка в гроте у с. Выхватинцы, СА, Т.12,.Москва, 1950, 19.

Соффер .А. Верхний палеолит Средней и Восточной Европы: Люди и мамонты.// Проблемы палеоэкологии древних обществ. Москва, 1993, с.99-118.

Ситник О.С., Богуцький А.Б., Кулаковська Л.В. Стратифіковані памятники палеолиту в околицах Галича. // Археология, 3, 1996, с.86-97.

Татаринов К.А. Влияние населения эпохи палеолита на териофауну Среднего Приднестровья // Вестник зоологии, 1993, N 4, С. 68-74.

Черныш О.П. Палеолитичная стоянка Молодовы V, Киев, 1961.

Черныш А.П. Ранний и средний палеолит Приднестровья.М.1965.

Черныш А.П. Палеолит и мезолит Приднестровья. Москва, 1973.

Черныш А.П. Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV и ее место в палеолите.// Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV, Москва, 1977.

Черныш А.П. Многослойная палеолитическая стоянка Молодова 1.// Молодова 1. Уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре, Москва, 1932, с.6-102.

Черныш А.П. Эталонная многослойная стоянка Молодова V. Археология// Многослойная палеолитическая стоянка Молодова V. Люди каменного века и окружающая среда. Москва, 1987, с.7-93.

Borziac I. Quelques données préalables sur l'habitat tardipaléolithique pluristratifié de Cosseoutsy sur le Dniestr Moyen.//Le paléolithique et le néolithique de la Roumanie en contexte européen. Iaşi, 1991, p.56-71.

Borziac I.A. Les chasseurs de renn de Kosoiuotsy, site paléolitque tardif a plusiers veaux, sur le Dniestr Moyen. (Rapport preliminaire).// L'Antropologie, (Paris),Tome 97 (1993), NN.@/3,pp.331-336.

Borziac I. Paleoliticul şi mezoliticul in spaţiul dintre Nistru

şi Prut (Republica Moldova).// Thraco-Dacica, XV,1-2,1994, Bucureşti, pp.19-41.

Borziac I., Chetraru N. Alexandru Păunescu, Ripiceni-Izvor, Paleolitic şi Mezolitic. Studiu Monografic, Editura Academiei Române, Bucureşti, 1993 // SCIVA, t.45,nr.3 Bucureşti, 1994,pp.297-300.

Borziac I., Lopez Bayón 1. Developpement de l'industrie osseuse au paléolithique inferieur et moyen dans la region Carpato-Dniestrienne. // Préhistoire Européenne, V.9, Liège, 1996, pp.157-176.

Borziac I. Allsworth-Jones, F., Chetraru, N. Cercetări interdisciplinare în grotele paleolitice din Nord-Vestul Moldovei.// Tyrage,III,Chişinău, 1996, pp.79-83.

Borziac I. The late paleolithic in Moldavia. (1991-1995) // UISPP, Congres de Forli., 1996, Commission Paléolithique Superieur Bilan 1991-1996, ERAUL 76,p.33-40.

Borziac I., Beldiman C.Corpuri de unelte compozite în situri paleolitice din bazinul Nistrului şi regiunile limitrofe.// Lucrările simpozionului de arheologie. Târgovişte, 1996, pp.52-55.

Borziac I., Obadă Th. Aurignacianul tardiv de la staţiunea cu două niveluri de locuire Climăuţi II de pe cursul Mijlociu al Nistrului (Republica Moldova)//Memoria Antiquitatis, XXIII, Piatra-Neamţ, 1998,6-49.

Damblon F., Haesaerts P., Borziac I., and Van Der Plicht, J. Climatic events and Upper Palaeolithic chronology in the Dniestr Basin: New Radiocarbon results from Cosautsi.// Préhisroire Européene, N.12, Liège, 1997, 1-10.

Damblon F., Haesaerts P. and Van Der Plicht. New dating and considerations the chronologi of Upper Palaeolithiq sites in the Great Eurasiatic Plain.// Prehistoire Europeene, N.9, Liege, 1996, pp.177-231.

David A., Obadă Th. Fauna de mamifere din săpăturile staţiunii paleolitice Climăuţi II // Bul. A.S. a Republicii Moldova, Ştiinte biol. şi chimice, N 1, 1996. Pp. 42-48.

David A., Obadă Th., Borziac I. Restes squeletiques de mammiferes dans les fouilles de la station paléolithique Climăuţi II.// Memoria Antiquitatis, XX, Piatra-Neamţ, 1995, pp.185-193.

Chetraru N. Contribuţii la cunoaşterea paleoliticului inferior din Moldova.// Anuarul II. Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei. Chişinău, 1995,pp.93-138.

Chetraru N., Covalenco S. Aşezările paleolitice de lângă oraşelul Otaci.// Tyragetia, Iv-V, Chişinău, 1997, pp.49-79.

Chirica V. Le paléolithique de la zone de Prut Moyen.// Memoria Antiquitatis, XX, Piatra-Neamţ, 1995, pp.7-34.

Chirica V., Borziac I. Les ivoires du Sud-Est de l'Europe: Bulgarie, Grèce, Yougoslavie et Roumanie jusqu'au Dniestr.// Le travail et l'usage de l'ivoire au paléolithique superieur. Ravello, Italia, Roma, 1995, pp.199-210.

Chirica V., Borziac I., Chetraru N. Gisements du paléolithique superieur ancien entre le Dniestr et la Tissa. Iaşi,1996.

Moroşan N. Depozitele cuaternare paleontologice şi levaloaziene de la Gherman-Dumeni. Chişinău, 1934.

Moroşan N. Le pleistocene et le paléolithique de la Roumanie du Nord-Est. Anuarul Institutului de geologie al României. Vol.XIX, Bucureşti, 1938.

Obadă Th., Borziac I. Staţiunea aurignaciană tardivă cu două niveluri de locuire Climauţi pe Nistrul Mijlociu. Date paleontologice şi arheologice.// Lucrările Simpozionului de arheologie, Târgovişte, 23-25 noiembrie, 1995. Târgovişte, 1996,p.56.

Obadă Th., David A., Borziac I. Fauna de mamut din staţiunea paleolitică Climăuţi II din Basarabia.// SCIVA, t.45,nr.3, Bucureşti, 1994, p.251-225.

Păunescu A. Ricipeni-Izvor. Paleolitic şi Mezolitic. Studiu monografic. Bucureşti, 1993.

Краснокутский Г.Е.

ТЕХНОЛОГИЯ ПРОЦЕССА РАЗДЕЛКИ ОХОТНИЧЬЕЙ ДОБЫЧИ В ПОЗДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

G.E.Krasnokutski. Bison Butchering in the Late Palaeolithic of the Northern Black Sea Littoral (Technological Perspective).

The paper suggests some reconstruction and explanation concerning bison carcasses butchering at the Late Palaeolithic sites of the Northern Black Sea littoral. To resolve the issues of reconstruction and explanation, the author provides the study of quantitative and spatial distribution of flint artifacts and, first of all, osteological finds at the most well-known sites in the region: Amvrosiyevka, Kamennaya Balka 2, and Anetovka 2, the latter basically. Bone frequency and spatial distribution are verified through comparing them with each other as well as with relevant ethnographic and Paleoindians' data, which sheds additional light upon information hidden in the sites' materials. As a result, the author reconstructs butchering process at Anetovka 2 site in detail and builds a model of bison carcasses preliminary butchering (technological perspective) at the steppe sites of the region. According to the model, butchering is expanded in time and space and consisted of several stages and steps, which to some extent fits in with ethnographic practice and butchering patterns of Paleoindians. The model can serve as a framework in further investigation of specific bison butchering cases.

В археологии каменного века существует целый ряд проблем, решение которых сугубо археологическими методами практически невозможно. Одной из таких проблем до сих пор является реконструкция "хозяйственно-культурного типа", точнее, модели адаптации к природно-географической среде, на которой базировали своё существование первобытные сообщества прошлого. Разделка охотничьей добычи на памятниках палеолита представляла собой частный случай хозяйственной деятельности древних людей, однако, являясь необходимым звеном в единой цепи процесса жизнеобеспечения и будучи сама по себе достаточно глубоко структурированным процессом, она вполне достойна отдельного специального исследования. По нашим представлениям, тема разделки заключает в себе несколько тесно взаимосвязанных аспектов, но полное их изучение заняло бы слишком много места, в связи с чем в данной работе мы остановимся лишь на её технологическом аспекте.

Если практиковать узко археологический подход при реконструкции разделочного процесса, львиная доля информации так и останется нерасшифрованной, а восстановленная картина этого процесса — неполной, а то и вообще не соответствующей действительности. Поэтому необходим хотя бы краткий экскурс в область этнографических и исторических сведений по поводу разделки как таковой, чтобы иметь представления о том, что может быть отражено в конкретном археологическом материале, чаще всего фрагментарном и недоступном для непосредственной расшифровки.

Операции по разделке охотничьей добычи подразделяются на несколько этапов, и если на поселении или памятнике другого вида мы обнаруживаем следы полной разделки, это ещё далеко не означает, что все звенья процесса соединились в общую цепочку именно здесь, ибо начинается разделка, как правило, ещё на месте забоя. Охотники должны приступать к разделке тотчас после завершения охоты, так как остывшая и тем более подмороженная туша требует впоследствии многократного увеличения трудозатрат и применения тяжёлых рубящих орудий.

Для снятия шкуры обычно делался круговой надрез в верхней части шеи, в месте отчленения головы от туловища, затем следовал продольный разрез области грудной клетки и брюха, от которого шкура рассекалась по внутренним поверхностям конечностей до лучезапястного и голеностопного суставов (Binford & Bertram 1977: 90). L. Binford сообщает, что нижние части конечностей оставались при шкуре, однако это было вызвано не технологической потребностью процесса разделки, а тем, что шкуры готовились на продажу.

© Краснокутский Г.Е., 1999.

Шкура снималась, как правило, с хвостом. Судя по материалам Gull Lake site, где среди скелетных остатков в изобилии были найдены хвостовые позвонки, то же самое делали и палеоиндейцы.

После свежевания вскрывалась утроба и извлекались кишечник и все внутренние органы, которые рассортировывались и складывались в снятую шкуру для удобства транспортировки. Далее отделялась голова; если использование этой части туши не предусматривало ритуальных церемоний, она оставлялась на месте первичной разделки как ненужный балласт. По остеологическим материалам Gull Lake site прослежено, что голова отделялась от туловища между атлантом и вторым шейным позвонком (эпистрофеем), причём последний мог иногда сильно разрушаться в ходе этой операции (Kehoe 1973: 153).

Рога бизона также довольно легко было отделить и снять с рогового стержня посредством круговых надсечек у основания, что и делали палеоиндейцы, использовавшие рога в качестве орудий труда.

На всех без исключения памятниках каменного века сохранились многочисленные и достоверные доказательства разрушения черепа для извлечения языка и головного мозга. Нижние челюсти и нижние зубы — одна из наиболее многочисленных категорий костных остатков. Челюсти отделялись в области суставного мыщелка и сосцевидного отростка, при этом для удобства манипулирования ветвями челюстей они могли разбиваться в области резцов на две части. Вероятнее всего, на предварительном этапе челюсть отделялась вместе с языком и складывалась купно с другими органами для дальнейшего использования на поселении.

После отделения языка вынимался и головной мозг, если в том была необходимость. На Gull Lake site был установлен и другой канал извлечения головного мозга — через отверстие, образовывавшееся после удаления основания черепа; именно этот способ применялся чаще всего (Kehoe 1973: 153).

Верхние челюсти, по мнению T. Kehoe, специально разделке не подвергались, и присутствие их на месте забоя объясняется разрушением черепа при разделке других его частей.

По окончании этих процедур от бизона оставалось то, что, собственно, и называется тушей, то есть скелетно-мышечный остов, состоящий из осевого отдела и конечностей. Эта туша расщеплялась на две части между последним грудным и первым поясничным позвонками, чтобы удобнее было работать с менее крупными сегментами (Binford 1978: 51-52). Кроме того, точка между поясничным и грудным отделами позвоночного столба является критической и наиболее уязвимой для переломов, и её использование говорит о том, что первобытные люди были хорошо осведомлены об особенностях физической конституции животных.

Многочисленные находки шейных позвонков в анатомическом порядке указывают на отделение шейного отдела. Грудные позвонки представлены в основном фрагментами тел, остистые же отростки сильно разрушены, очевидно, для добывания обладавшего высокой калорийностью спинного мозга и удобства снятия мяса. Грудина отделялась вместе с рёбрами, после чего позвонки с присоединёнными к ним рёберными головками покидались на месте разделки.

Позвонки пояснично-крестцового отдела очень редки среди остеологических остатков Gull Lake site.

От плечевой кости сохранились преимущественно остатки дистальных эпифизов, которые отделялись от тела кости с помощью тяжёлых рубящих орудий, следы работы которыми зафиксированы на Gull Lake site. Сходная модель расчленения обнаруживается и в случае радиальной, локтевой костей, а также костей базиподий.

В материалах Gull Lake site не найдено ни одной целой тазовой кости бизона, что, по мнению автора раскопок, означает, что тазовая кость разбивалась пополам вдоль для расчленения таким образом пояса задних конечностей.

И бедренная, и большая берцовая кости расчленялись в области дистального эпифиза, причём дистальный эпифиз большой берцовой кости часто находился в суставном сочленении с метатарзальными костями. Коленная чашечка в большинстве случаев залегала изолированно, что склонило T. Kehoe к выводу о разделке задней конечности также и в области колена.

Отделы базиподий, как правило, разделке не подвергались.

Археологические комплексы с очерченной выше моделью разделки широко известны в каменном веке Северной Америки (Frison 1970; Frison 1973; Frison 1974; Wheat 1972). Фаунистические комплексы подобного рода характеризуются повышенной долей лопаточных, тазовых костей, элементами позвоночного столба, а при более продвинутой стадии разделки — рёбрами и костями базиподий (метакарпальные, карпальные, метатарзальные, тарзальные, пяточные, центральные и т.п., а также сесамовидные и фаланговые).

L. Binford обобщил этнографические сведения о разделке туш животных у восьми народов всех ландшафтных зон и всех, как мы бы сказали, хозяйственно-культурных типов и выявил пять существенных закономерностей разделочного процесса (Binford 1981: 91):

1) голова отделяется от шеи между основанием черепа и первым шейным позвонком;

2) шея отделяется от остальной части позвоночного столба и затем освобождается от мяса;

3) передние конечности отделяются от осевого отдела, после чего нижние части отчленя-

ются в области лучезапястного сустава;

4) задние конечности отделяются от позвоночника двумя способами, одинаково распространёнными:

a) если имеются массивные орудия разделки, то вместе с обломками таза, разбиваемого пополам;

b) при отсутствии крупных рубящих орудий разделка проходит через тазобедренный сустав, а пояснично-крестцовый отдел становится самостоятельной единицей разделки.

Все остальные варианты разделочного процесса обусловлены размерами животных, мощностью их суставных связок и технической вооружённостью людей.

Перечисленные выше моменты разделочного процесса практически обязательны в силу того, что они продиктованы физической конституцией скелета животных; это даёт нам основания полагать, что выделенные L. Binford'ом закономерности, а также вариации в проявлении этих закономерностей, могут быть отражены и в археологическом материале палеолитических памятников.

Осуществить реконструкцию разделочного процесса на памятниках позднего палеолита становится возможным лишь при условии соблюдения тонкостей методики и детальности аналитических процедур, что ограничивает проведение реконструкции только теми материалами, которые доступны исследователю в полном объёме. По этой причине мы вынуждены строить археологическую модель разделки преимущественно на данных по остеологическим остаткам Анетовки 2 (Николаевская область) как наиболее хорошо известного нам памятника. Хотя имеются достаточно полно опубликованные списки скелетных элементов бизонов по Амвросиевке (Леонова, Миньков 1987) и Каменной Балке (Leonova, Min'kov 1988: 206), эту информацию не приходится считать исчерпывающей, поскольку в ходе реконструкции важен не столько сам список, сколько **типы сочетаемости скелетных элементов и степень расхождения между естественно-биологической структурой (конституцией) животного и пространственной сопряженностью скелетных элементов** в комплексах по утилизации охотничьей добычи. Фаунистические комплексы палеолитических памятников степной зоны подверглись настолько сильным разрушениям со стороны естественных факторов, что археологи, как правило, лишены возможности наблюдать модели расчленения животных непосредственно, то есть исследовать следы порезов на костях, характер залегания анатомических групп и пр. В наших условиях единственно доступным методом изучения оказался планиграфический метод сравнения структур пространственно отделённых комплексов по предварительной разделке туш бизонов западного участка Анетовки 2.

Особый характер западного участка сразу обратил на себя внимание при сравнении его с восточным (см. рис. 1).

На восточной половине раскопа располагалось большое (свыше 1000 кв. м.) макроскопление кремнёвых и остеологическипх находок

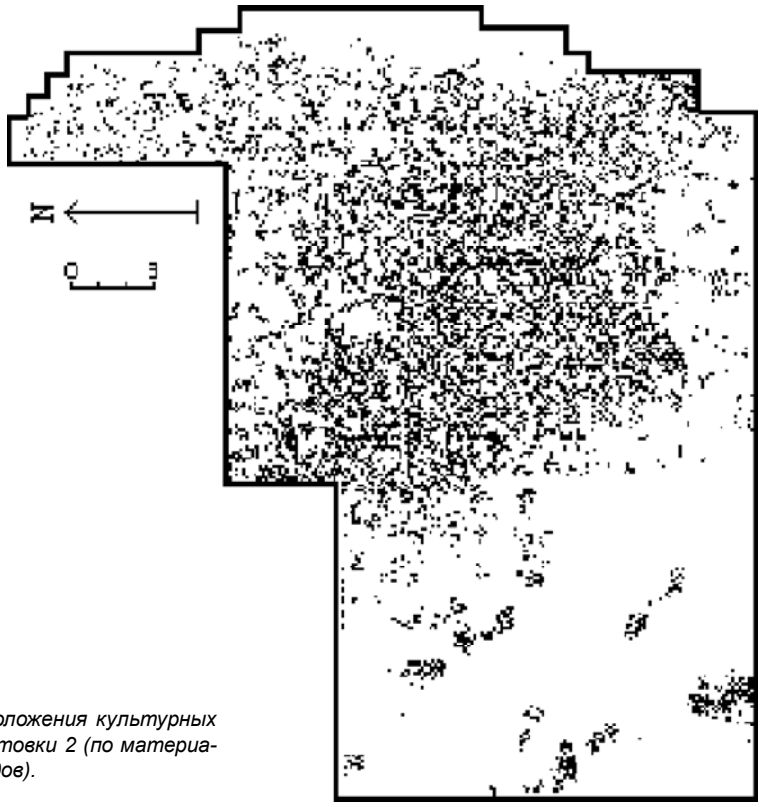

Рисунок 1. Общая схема расположения культурных остатков на площади Анетовки 2 (по материалам раскопок 1978-1987 годов).

Тип изделия	Участки раскопок	
	Западный	Восточный
Нуклеусы	1207	20994
Одноплощадочные нуклеусы	990	14393
Двухплощадочные нуклеусы	213	6349
Трёхплощадочные и многоплощадочные нуклеусы	4	252
Сколы обновления нуклеусов	246	12338
Отщепы	3595	276708
Крупные и средние пластины	1548	106960
Микропластины	300	31180
Пластины в целом	1848	138140
Отходы производства	1168	33926
Острия и микроострия	40	2021
Пластины и микропластины с притупленным краем	37	4547
Пластины и микропластины с ретушью	52	2030
Резцы	244	3518
Резцовые сколы	41	1525
Скребки	25	688
Отщепы с ретушью	23	1146
Осколки с ретушью	25	69
Единичные формы	69	484
Изделия и находки из других материалов	15	230
Изделия с ретушью в целом	530	14503

Табл. 1. Список кремнёвых изделий с восточного и западного участков раскопок Анетовки 2

(здесь и далее приводятся данные по раскопкам 1978-1987 годов; несмотря на некоторое пополнение коллекции в последние годы, общая картина количественного распределения остаётся прежней).

подовальной формы, вытянутое с юго-востока на северо-запад на расстояние не менее 30 м и имевшее в поперечнике 16-18 м. Это аморфное с виду образование было предельно насыщено археологическим материалом (для кремнёвых изделий — от нескольких десятков до 4279, для фаунистических находок — от нескольких десятков до 1500). Количественное соотношение технологических групп нуклеусов, сырьевых полуфабрикатов, отходов и продуктов первичного расщепления, а также их массовость свидетельствуют о полном цикле кремнеобрабатывающего производства; удельный вес изделий со вторичной обработкой типичен для большинства памятников, отождествляемых со стойбищами или поселениями, а набор их охватывает практически все стороны производственной деятельности при выраженном доминировании микролитов и резцов, функционально связанных с производством и использованием охотничьего вооружения (Табл. 1).

Остатки бизонов в культурном слое макроскопления представлены всеми без исключения элементами скелета; состав и характер остеологических находок отражает полную степень утилизации бизоньих туш вплоть до извлечения костного мозга. Совокупность всех этих признаков, по нашему мнению, соответствует понятию непосредственно жилой площади поселения (Краснокутский 1991).

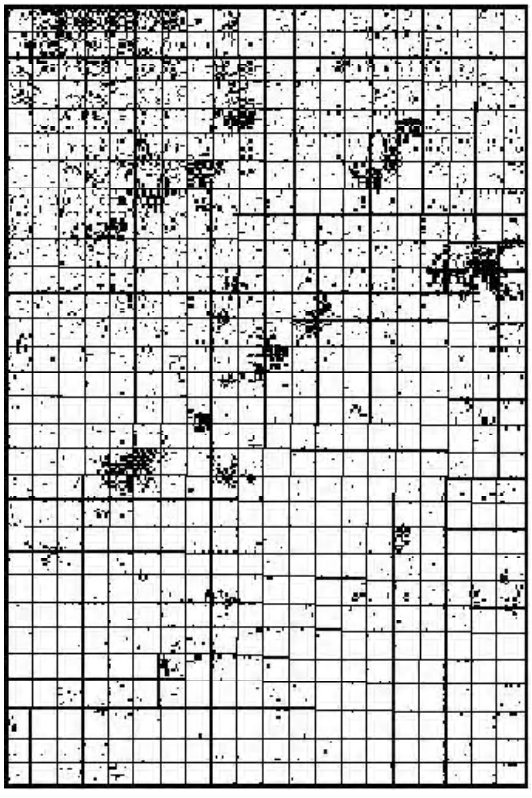

Рис. 2. Пространственное распределение микрокомплексов на западном участке раскопок Анетовки 2.

Западный участок (Рис. 2), занимающий площадь около 600 кв. м., разительно отличается от восточного.

Залегая в сходных стратиграфических условиях и будучи пространственно связан с восточным, он имеет на несколько порядков меньшую плотность находок. Кроме того, весь участок обладает совершенно другой планиграфической структурой: вместо обширного макроскопления здесь были вскрыты небольшие компактные (от 2 до 5 м в поперечнике) микрокомплексы, основу которых составляют скопления остеологических остатков, сопутствующие им немногочисленные кремнёвые изделия, в ряде случаев — каменные плитки и крупные камни (см.: Станко 1989: 55, рис. 1). На участке также имелась в древности по меньшей мере одна крупная промоина, однако культурные остатки были размыты незначительно и в целом располагались in situ, что видно из положения камней и крупных костей, перемещение которых как по вертикали, так и по горизонтали было минимальным либо вообще не имело места.

Состав находок, являясь гомогенным для западного участка в суммарном выражении, достаточно сильно отличается от восточного по структуре комплекса кремнёвых изделий и количественным соотношениям костных остатков (Табл. 1; Рис. 3).

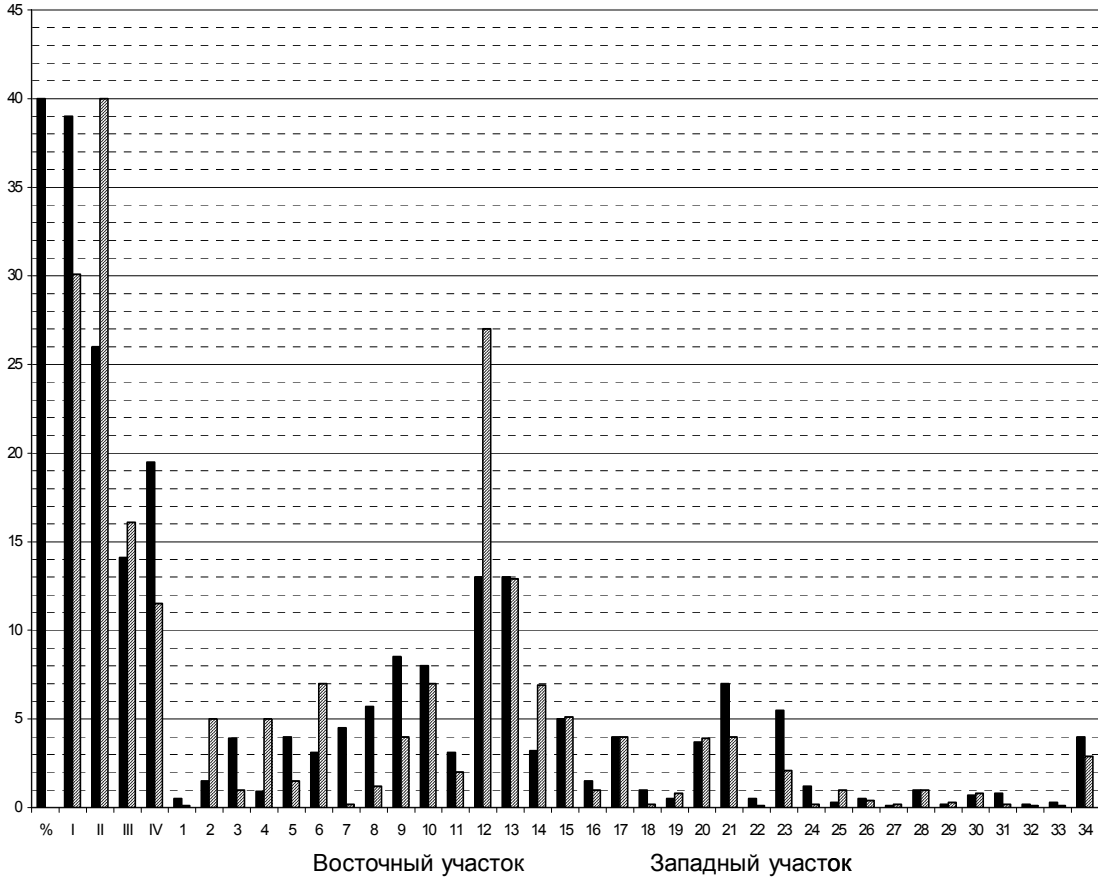

Рис. 3. Пространственное распределение скелетных элементов бизона по участкам раскопок Анетовки 2.

I. Черепной отдел.
II. Осевой отдел.
III. Передние конечности.
IV. Задние конечности.
1. Рог.
2. Черепная коробка.
3. Ушные кости.
4. Верхняя челюсть.
5. Верхние премоляры.
6. Верхние моляры.
7. Резцы.
8. Нижние премоляры.
9. Нижние моляры.
10. Нижняя челюсть.
11. Зубной лом.
12. Позвонки.
13. Рёбра.
14. Лопаточная кость.
15. Плечевая кость.
16. Локтевая кость.
17. Лучевая кость.
18. Карпальные кости.
19. Метакарпальные кости.
20. Тазовая кость.
21. Бедренная кость.
22. Коленная чашечка.
23. Большая берцовая кость.
24. Малая берцовая кость.
25. Пяточная кость.
26. Таранная кость.
27. Добавочная кость.
28. Центральная кость.
29. Метатарзальная кость.
30. Сесамовидная кость.
31. 1-я фаланга.
32. 2-я фаланга.
33. 3-я фаланга.
34. Фаланги в целом.

В инвентаре западного раскопа втрое больше доля нуклеусов, а комплекс изделий со вторичной обработкой значительно беднее типологически; доминирование микролитов, почти исчезающих, сменяется господством резцов и ростом доли невыразительных форм, прежде всего отщепов с ретушью. Инвентарь западного участка содержит очень мало предметов охотничьего вооружения и по набору орудий тяготеет к разновидностям внутрипоселенческой деятельности.

Эти отличия дополняются сравнительным анализом количественного распределения элементов скелета бизона по участкам (Рис. 3).

Фаунистические остатки, как бы в соответствие кремнёвому инвентарю, также отражают боеьшую узость в наборе частей скелета и видового состава, демонстрируя ещё ярче выраженную специализацию, направленную на бизона: если на восточном участке найдены остатки 24 видов, то на западном, кроме бизона, можно назвать лишь северного оленя, представленного в основном сброшенными рогами (хотя имеются и отбитые основания рогов, и отдельные кости конечностей), и широкопалой лошади, от которой сохранилась лишь одна фаланга.

Процентная доля черепных костей и костей задних конечностей на западном участке ниже, а передних конечностей и особенно осевого отдела — выше, чем на восточном; среди фрагментов длинных костей преобладают эпифизы, существенно меньше доля рёбер, пястных, запястных, плюсневых и заплюсневых костей, благодаря чему индекс диагностичности фрагментов при гораздо более плохой сохранности костной ткани вдвое превышает аналогичный показатель по восточному участку (18.9 против 9.8%). В целом для всех скоплений западного участка характерно отсутствие рогов, слабая представленность остатков черепной коробки, обилие фрагментов верхних челюстей, позвонков и обломков костей верхних отделов конечностей. По своей скелетно-элементной структуре микрокомплексы западного участка выказывают такую же гомогенность, как и при рассмотрении номенклатурного списка кремнёвых находок.

Материалы скоплений западного участка являют собой, таким образом, не разросшуюся в сторону периферию восточного макроскопления, а самостоятельную жизненную зону со следами специфической деятельности, связанной в разделыванием и отчасти потреблением охотничьей добычи.

Общая характеристика микрокомплексов уже опубликована, хотя и не во вполне удовлетворительном виде (Станко 1989), поэтому здесь уместно будет сразу перейти к анализу пространственного распределения костных остатков на площади западного участка по отделам и элементам скелета.

Черепной отдел скелетов бизонов представлен практически всеми фрагментами черепа, включая каменистые (ушные) кости. Количественно преобладают нижние и верхние зубы, найденные, как правило, в составе зубных рядов либо в обломках ветвей нижних челюстей. Между тем фрагменты мозговой части черепа связаны либо с наиболее мощными и выразительными скоплениями, либо с комплексами, в состав которых входили каменные плитки и крупные камни.

Распределение элементов осевого отдела демонстрирует явное преобладание шейных и грудных позвонков, как разрозненных, так и довольно часто залегавших в анатомическом порядке. Частая встречаемость отдельных первого и второго шейных позвонков и фрагментов позвоночных столбов шейного и грудного отделов является характерной особенностью данного участка; примечательно, что локализация их связана с наиболее кучными и насыщенными скоплениями. Следует отметить незначительное количество остатков рёбер, несмотря на их сильную фрагментированность. Кроме того, ни на одном из скоплений не было обнаружено позвонков и рёбер в анатомическом сочленении.

Среди остатков плечевого пояса встречены фрагменты лопаточной, плечевой, лучевой и локтевой костей; обращает на себя внимание немногочисленность остатков метакарпальных и полное отсутствие карпальных костей. Лопатки в массе своей представлены головками и лишь в некоторых случаях лопаточной костью, чаще всего сильно разрушенной. Фрагменты лопаток совершенно отсутствуют или крайне малочисленны в половине микрокомплексов; основное количество расположено в двух наиболее мощных скоплениях, причём лишь в одном сохранились четыре целые кости.

Кости плеча и предплечья распространены равномерно и обнаружены почти во всех комплексах. От плечевой кости остались главным образом фрагменты нижних концов; только в одном скоплении зафиксированы 3 верхних эпифиза. Локтевые кости представлены исключительно фрагментами верхнего эпифиза с полулунной вырезкой. Для фрагментов лучевой кости характерно двукратное преобладание верхних эпифизов над нижними. Все остатки залегали в разрозненном состоянии, за исключением одного случая, когда был найден полностью сохранившийся в анатомическом порядке локтевой сустав. Диафизы длинных костей малочисленны и достаточно сильно фрагментированы.

Из остатков заднего пояса конечностей определены фрагменты тазовой (почти исключительно суставных впадин) и трубчатых костей; пространственное распределение их по сравнению с плечевым поясом характеризуется меньшим разбросом и теснее сопряжено с наиболее полными по составу остеологического

материала скоплениями. Почти в половине комплексов обнаружены большие вертлюги бедренных и нижние эпифизы больших берцовых костей. Более или менее равномерно распределены таранные и пяточные кости; коленная чашечка и центральная кость имеются лишь в единственном экземпляре. Метатарзальные кости в виде двух фрагментов эпифизов происходят только из одного скопления, при этом один из них находился в анатомическом сочленении с пяточной, таранной, центральной костями и нижним концом большой берцовой. Фрагменты диафизов ещё малочисленнее, чем диафизы костей передних конечностей.

Фаланги, как и другие кости мелких размеров, локализованы в самых насыщенных комплексах; можно говорить об относительном преобладании первых фаланг при полном отсутствии третьих.

В возрастной структуре превалируют взрослые животные. Остатки молодых и полувзрослых особей представлены незначительным количеством фрагментов конечностей плечевого и тазобедренного поясов и никак не влияют на общую картину пространственного распределения костей бизонов.

Проведённый планиграфический анализ позволяет описать процесс разделки на Анетовке 2 и сопоставить его с этнографическими и палеоиндейскими данными (в качестве образца последних были использованы материалы достаточно хрестоматийного для отечественной археологии памятника Gull Lake).

Мы не имеем указаний на то, как происходило ошкуривание туш, однако можем предполагать, что шкура не снималась вместе с хвостом, как, например, на Gull Lake site, а хвост, очевидно, выбрасывался за ненадобностью сразу на месте забоя, чем объясняется полное отсутствие хвостовых позвонков в культурном слое Анетовки 2 (как на местах предварительной разделки, так и на жилой площадке) и, скажем кстати, наличие значительного количества хвостовых позвонков в Амвросиевском костище (kill-site).

Головной отдел туши отчленялся в Анетовке 2 чаще всего между основанием черепа и первым шейным позвонком (атлантом): в микроскоплениях западного участка найдена значительная серия атлантов при почти полном отсутствии основания черепа (в Gull Lake site при наличии этого способа преимущественно применялся другой — между атлантом и эпистрофеем).

С технологической точки зрения рога бизона легко было отделить от рогового стержня, однако при наличии обильного количества рогов северного оленя, превосходивших бизоньи по качеству и, видимо, специально собиравшихся палеолитическими охотниками, в этой операции анетовцы нужды не испытывали.

Головной мозг на Анетовке 2, судя по обилию нижних челюстей и разрозненных зубов, извлекался через отверстие, образовывавшееся спереди после извлечения языка и отделения челюстей, хотя находка в составе микрокомплексов по первичной разделке одного основания черепа (которое обычно оставалось на месте забоя вместе с черепом) говорит о том, что применялся и другой способ, более употребительный на Gull Lake site.

Верхние челюсти отделялись значительно реже, видимо, для получения костного мозга, и связано это было, скорее всего, с ухудшением жизнеобеспечения; некоторые из фрагментов, впрочем, могли быть обломками черепов, принесенных на поселение с ритуальными целями.

Неоднократное обнаружение в составе микрокомплексов западного участка крупных фрагментов шейного отдела позвоночного столба указывает на полное соответствие на этом этапе практики палеоиндейцев и обитателей Анетовки 2: позвонки очищались от мышечной массы и выбрасывались на месте разделки.

То же можно сказать и в отношении грудного отдела позвоночного столба, обломки которого на Анетовке 2 составляют абсолютное большинство среди остатков осевого отдела.

Так же, как и на Gull Lake site, редки находки фрагментов пояснично-крестцового отдела. Особенности строения этого сегмента туши со множеством длинных остистых отростков не позволяли, видимо, достаточно чисто снимать мясо крупными ломтями, что делало разделку пояснично-крестцового отдела на предварительном этапе не слишком целесообразной, в силу чего весь сегмент уносился, скорее всего, к жилищам, где и происходила дальнейшая его полная утилизация.

Хвостовых позвонков очень мало на местах забоя (хотя можно думать, что они первоначально были представлены достаточно пропорционально, но количество их уменьшилось в результате деятельности грызунов и воздействия дождевых потоков) и совсем нет в комплексах по предварительной разделке и полной утилизации. Это наталкивает на мысль о двух пространственно-временных этапах разделочного процесса.

Первый этап происходил на месте забоя, где снималась шкура (и часто отделялся хвост), потрошилась брюшная часть, отделялся и разделывался череп, а остальная туша расчленялась на две части для удобства транспортировки из овражной ловушки на более приспособленный к разделке участок.

На **втором этапе**, представленном западными микрокомплексами Анетовки 2, разделывались осевой и периферийный отделы скелета. Подвижное сочленение лопаточной кости с плечевой и её сухожильное крепление в области проксимального эпифиза давало возможность отделять её без разрушения суставных поверхностей и легко освобождать от мышеч-

ной массы. Однако неоднократные находки отчлененных головок лопаточных костей на местах разделки указывают на разрушение кости в области шейки, для чего обязательно было применение тяжёлых камней и рубящих орудий (и то и другое наличествовало в составе микрокомплексов Анетовки 2, также как и на Gull Lake site). Это можно было бы объяснить просто большей подверженностью тела лопатки механическим разрушениям (что и было сделано сначала по отношению к Анетовке 2), но сходная модель на в 20 раз более молодом и отлично сохранившемся комплексе Gull Lake site говорит именно о целенаправленном отделении лопаточной головки.

Возможен и третий вариант разделки этой области — отчленение лопатки от туловища вместе с мышцами и губчатым проксимальным концом плечевой кости, пригодным для употребления в пищу. В этом случае приходилось не срезывать мякоть с кости, а разрушать саму кость; несмотря на кажущуюся абсурдность такого варианта, материалы Анетовки 2 не находятся в противоречии с разделочной практикой людей палеолита (Shipman, Bosler, Davis 1981: 265), хотя и представляют собой примитивный способ разделки (Todd, Rapson 1983: 324).

Разделка собственно передней конечности происходила в области локтевого сустава либо путём разрезания сухожилий, либо отбиванием эпифизов, при этом во многих случаях более хрупкие верхние концы лучевой и локтевой костей полностью разрушались.

Нижний отдел конечностей, очевидно, либо подвергался разделке значительно реже, либо расчленялся уже в процессе потребления, поскольку остатки его встречаются спорадически.

Разделка области таза и пояса задних конечностей совпадают в европейском и североамериканском вариантах не во всех деталях.

По материалам западного участка Анетовки 2, эта часть туши подвергалась расчленению в голеностопном (причём кости стопы выбрасывались за ненадобностью) и тазобедренном суставах, для чего большой вертлюг бедренной кости отбивался от тела кости. Эта модель прослеживается и в фаунистическом материале Gull Lake site, но более общей является другая — тазовая кость разламывалась на две части, присоединяясь к каждой из конечностей, а конечности разделывались в коленном суставе.

Этим ограничивался **второй этап** процесса предварительной разделки.

Сравнив описания разделочного процесса в позднем палеолите Северо-Западного Причерноморья, в каменном веке Высоких Равнин и в этнографической современности (см. приведённые выше пять закономерностей разделки, выделенных L. Binford'ом), мы убедимся, что, несмотря на разительные отличия и значительный разброс памятников в географическом и хронологическом отношениях, реконструированные археологическим путем процессы обнаруживают много черт сходства как между собой, так и с описаниями, построенными на основании этнографических данных. Это представляется вполне закономерным, ибо способы разделки целиком определяются скелетно-мышечной структурой объекта потребления и неизбежно должны были оказаться сходными в основных чертах для всех видов животных.

Чрезвычайно интересные результаты даёт сравнение структур скелетных элементов на разных памятниках позднего палеолита степной зоны: Анетовки 2 (западный участок) — места первичной разделки, Каменной Балки 2 — места поселения людей и Амвросиевки — места забоя бизонов (данные по двум последним взяты в: Леонова, Миньков 1987; Leonova, Min'kov, 1988, а процентные доли отдельных элементов скелета сложены для удобства сравнения по отделам скелета бизона).

Доля черепного отдела абсолютно одинакова для Анетовки 2 и Амвросиевки (соответственно 34.4 и 35.8 процентов), но при этом следует учесть, что в первом случае для восточного (жилого) участка из костей черепного отдела 62.2% приходится на нижние челюсти, то есть на части головы, содержащие костный мозг, а на западном преобладают верхние челюсти (44.3%), доля же фрагментов черепной коробки составляет всего 11.5% при очень высокой степени раздробленности. Напротив, в случае с Амвросиевкой на черепную коробку вместе с верхними челюстями припадает 67.6% всех черепных костей — убедительное доказательство приведённой нами выше логики разделочного процесса: черепа после извлечения из них головного мозга (не во всех случаях) и языка покидаются на месте забоя, а язык вместе с нижними челюстями уносится на стойбище.

На Каменной Балке 2 доля черепных костей также высока — 25.6%, однако черепная коробка в их числе составляет всего 3.5%, в то время как нижние челюсти, до предела утилизированные (целых экземпляров почти нет) занимают 96.5% при полном отсутствии каменистых костей, из чего можно сделать вывод о том, что на Каменной Балке 2 головной мозг бизонов вообще не употреблялся в пищу, а остатки черепа попали в культурный слой вслед за остальными костями.

Такая картина вполне характерна для состава скелетных элементов собственно поселенческих (жилищных) комплексов. Содержимое черепной коробки почти у всех животных не является ценной частью туши, и охотники, не имеющие соответствующих средств транспортировки, избегали трудозатрат на переноску тяжестей от места забоя к охотничьему либо резидентному лагерю (голова слона весит около 130 кг, голова бизона — 65 кг). У бизона же деликатесные качества имеют лишь мозги маленьких

телят и в меньшей степени коров, в связи с чем можно предполагать, что большинство черепов оставлялось на месте забоя, что подтверждается и данными по Gull Lake site — месту забоя, где черепные кости наиболее многочисленны. Следует заметить, что экономия усилий на транспортировке продуктов характерна для всех первобытных народов вообще. Голова северного оленя намного легче, чем у бизона, и имеет гораздо более высокие вкусовые качества, однако и её часто бросают на месте забоя животного, предпочитая передвигаться налегке (Зализняк, 1989, с. 72, 73).

Очень показательно процентное содержание остатков осевого отдела по памятникам. На Амвросиевке они составляют только 3.2% от общего количества остеологических находок, и это полностью согласуется с тем, что на местах забоя не производится разделка самой туши животного, которая в минимально расчленённом виде переносится на более приспособленное место.

На участках первичной разделки Анетовки 2 доля осевого отдела самая высокая — 35.8%. Именно здесь, и только здесь происходила разделка рёберной части туши, после которой позвоночный столб бросался на месте разделки, доказательством чему является практически полное отсутствие позвонков в жилой зоне (Каменная Балка 2) — 0.8%.

Распределение костей конечностей также представляется закономерным в свете предложенной реконструкции процесса разделки. На Амвросиевке их доля составляет 40.1% (11 — передние и 29.1 — задние), но надо заметить, что из них 72.3% приходится на кости, не представляющие пищевой ценности и потому сразу же выбрасывавшиеся как мусор (лопаточная, тазовая и особенно пястные и плюсневые, составляющие 43.4% от общего количества остатков костей конечностей). На Анетовке 2 процент конечностей значительно меньше — 29.3%, причём преобладают кости передних конечностей (61.1%) как подвергавшиеся разделке в большей степени по причинам, указанным выше. Наконец, на Каменной Балке 2 остатки конечностей обнимают 65.6% всех костных фрагментов, как и следовало ожидать на площади поселения, где шло полное потребление туши с использованием частично разделанных конечностей и костного мозга трубчатых костей.

Любопытно и процентное соотношение фаланг. На Амвросиевке они составляют 20.9% (при этом фаланги из-за своих малых размеров диагностируются в пропорции 1:1, в то время как трубчатая кость способна дать десятки фрагментов, поэтому нужно думать, что в действительности их доля была ещё выше), что очень типично для мест забоя животных. На Анетовке 2 фаланг обнаружено всего 0.5% — явное свидетельство того, что на микрокомплексах по предварительной разделке нижние части конечностей вообще не разделывались. И на Каменной Балке 2 их доля может показаться необычно высокой (8%), но объясняется это тем, что фаланги попадали на жилую площадку вместе со всей конечностью, где и оставались после полной утилизации.

Итак, привлечение доступных материалов по палеолиту Причерноморья показывает, что разделочный процесс в очень многих своих чертах вписывается в этнографическую модель, а также в опосредованную через неё модель разделки палеоиндейцев. Разделка бизоньих туш, имевшая место на западном участке раскопок Анетовки 2, была частичной и затрагивала лишь основные, узловые точки бизоньей туши, что обеспечивало её расчленение на отделы: головной, осевой, или два рёберных, пояснично-крестцово-тазовый, передних и задних конечностей, оставляя достаточно простора для дальнейшего расчленения туши в пределах хозяйственно-бытовых комплексов типа жилищных или внешних очажных, где концентрировалась поселенческая поведенческая активность обитателей памятника. Разделка, несмотря на свой, казалось бы, чисто утилитарный и прозаический характер, была именно тем производственным процессом, который связывал в единую цепь процессы охоты и утилизации охотничьей добычи, растягиваясь на несколько этапов во времени и на значительные расстояния в пространственном отношении. Основываясь лишь на материалах комплекса по первичной разделке, обнаруженного к тому же на единственном памятнике, мы не можем описать процесс разделки в полном объёме, ибо для этого потребовалось бы рассмотрение разделочного процесса в его взаимосвязи с процессом охоты и поселенческой деятельности после проведения охотничьих действий, что составляет тему отдельной и более пространной работы. Здесь хотелось бы обратить внимание прежде всего на два основных момента: 1) технологические закономерности разделочного процесса существуют не только в этнографической практике, но и в археологическом материале в виде закономерностей пространственного размещения находок (прежде всего остеологических) как на внутрипоселенческом, так и на межпоселенческом уровнях; 2) ни один из археологических памятников или комплексов не будет содержать полного объёма информации обо всех аспектах разделочного процесса, что влечёт за собой необходимость комплексного изучения всех имеющихся в наличии археологических материалов с точки зрения реконструкции процесса разделки.

ЛИТЕРАТУРА

Зализняк Л.Л. Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. Киев, 1989.

Краснокутский К.Е. Охотничий промысел бизонов в палеолите Северо-Западного Причерноморья. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Киев, 1991.

Леонова Н.Б., Миньков Е.В. 'К вопросу об интерпретации Амвросиевского костища-уникального памятника позднего палеолита Приазовья,' в кн.: Проблемы интерпретации археологических источников, Орджоникидзе, 1987, с. 34-49.

Станко В.Н. 'Производственные комплексы по утилизации охотничьей добычи в позднем палеолите (по материалам поселения Анетовка II),' в кн.: Первобытная археология, Киев, 1989, с. 54-63.

Binford L.R. Nunamiut Ethnoarchaeology. New York, 1978.

Binford L.R. Bones: Ancient Man and Mmodern Myth. New York, 1981.

Binford L.R, Bertram J,B. 'Bone frequencies and attritional processes,' in For theory building in archaeology, New York, 1977, pp. 353-384.

Frison G.C. 'Glenrock Buffalo Jump, 48C0364: Late prehistoric period buffalo procurement and butchering,' in Plains Anthropological Memoire, 1970, No. 7, pp. 89-97.

Frison G.C. 'The Wardell Buffalo Trap 4880301: communal procurement in the upper Green River basin, Wyoming,' in Anthropological Papers of the Museum of Anthropology, University of Michigan, 1973, v. 48, pp. 24-42.

Frison G.C. The Casper Site: a bison kill on the High Plains. New York, 1974.

Kehoe T. The Cull Lake Site: a prehistoric bison drive site in southwestern Sascatchevan. New Berlin, 1973.

Leonova N.B., Minkov E.V. 'Spatial analysis of faunal remains from Kamennaya Balka II,' Journal of Anthropological Archaeology, 1988, No. 7, pp. 203-230.

Shipman P., Bosler W., Davis K.L. 'Butchering of the Giant Geladas of an auchelian site', Current Anthropology, 1982, V. 22, No. 3, pp. 257-268.

Todd L.C, Rapson D. 'Long bone fragmentation and interpretation of faunal assemblages: approaches to comparative analysis,' Journal of Anthropological Science, 1988, V. 15, No. 3, pp. 307-326.

Wheat J.B. The Olsen Chubbock site: a Paleoindian bison kill. Washington, 1972.

Станко В.Н.

АНЕТОВКА 2 — ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ И СВЯТИЛИЩЕ ОХОТНИКОВ НА БИЗОНОВ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Stanko V.N. Anetovka 2 – Late Palaeolithic settlement and sanctuary of hunters for bison in the Northern Black Sea region.

The analysis of schemes of spreading of archaeological finds at the Late Palaeolithic site of Anetovka-2 allows a conventional division of its whole complex into 2 parts. To proceed from its functional application one can distinguish a group of production places (where the manufacturing of implements and hunting equipment, cutting of animal carcasses took place) and a place for ritual acts. The conditional character of such division is determined by the fact that cutting of animal carcasses can be directly connected with the performance of totemic cult while the manufacturing of implements is connected either with the rite of initiation or with a special cult production (manufacturing of attributes of a holiday adapted for the stage). One of the possible versions of reconstruction of the rite of a holiday adapted for the stage, dedicated to the bison cult, is based on the information received from the western section of the settlement. It was here where the main and closing parts of the hunting holiday took place. The finds of bison jaws, placed in a circle with the bison head in the center, a thick adding of red ochre etc. are separate elements of the given ceremony.

Первые памятники палеолита и мезолита в бассейне Южного Буга были выявлены в 30-х годах нынешнего столетия Ф. А. Козубовским (Анетовка), К. М. Поликарповичем (Семенки), А. В. Добровольским (Сабатиновка), М. К. Якимовичем (Владимировка). Раскопки А. П. Чернышом в 40-х годах стоянки Владимировка позволили получить первые сведения о стратиграфии палеолита данного региона (Черниш, 1953). Раскопки В. Н. Станко в 1967 году стоянки Сагайдак дали возможность проследить продвижение в период последнего оледенения (24-18 тыс. лет тому назад) позднепалеолитического населения Центральной Европы на восток в степи Северного Причерноморья и Приазовья (Станко, Григорьева 1977: 49-50). В 50-80-х годах П. И. Борисковским, В. Н. Даниленко, В. Н. Станко, В. И. Красковским, С. П. Смольяниновой и другими исследователями было открыто еще несколько местонахождений на притоках Южного Буга. Всего в настоящее время в бассейне Южного Буга известно более 60 местонахождений позднего палеолита (Смольянинова 1989).

Изучение выявленных памятников показало, что с наступлением последнего похолодания (24-18 тыс. лет тому назад) в степи Северного Причерноморья мигрировали большие группы позднепалеолитических охотников из более северных регионов Центральной и Восточной Европы. Здесь они, смешиваясь с малочисленным местным населением, расселились по долинам небольших рек и балок. Климат в причерноморских степях в то время был холодным, поэтому древние охотники селились преимущественно на опушках смешанных лесов, которыми были покрыты долины степных рек. На водораздельных плато паслись тогда многочисленные стада бизонов. Более редкими были стада лошадей, сайгаков, северных оленей. В лесах встречались медведи, волки, песцы, росомахи. На этих животных и охотились древние люди, предпочитая при этом охоту на бизонов (Бибикова, Старкин, 1989). Одним из таких поселений специализированных охотников на бизонов и является Анетовка 2.

Весной 1978 года на высоком правом берегу р. Бакшалы, правого притока Южного Буга, на западной окраине с. Анетовка в 300 м друг от друга были обнаружены две позднепалеолитические стоянки — Анетовка 1 и Анетовка 2. Всего же в экологической нише на 6 км участке в долине р.Бакшалы от с.Анетовка до впадения Бакшалы в Южный Буг открыто 23 местонахождения позднего палеолита, на 4-х из которых уже 20 лет ведутся раскопки. Наиболее полно исследовано поселение и святилище Анетовка 2, на котором изучено около 2 000 м его площади, найдено около 2 млн. изделий из кремня и кости, собрано более 0.5 млн. костей животных.

Поселение Анетовка 2 состоит из трех структурно и функционально разных частей:

1. Площадка площадью более 700 м^2, исследованная в западном секторе поселения, на которой выявлено около 40 микроскоплений с

© Станко В.Н., 1999.

разнообразными артефактами. Микроскопления состоят преимущественно из камней-наковален для разделки туш животных диаметром от 0,5 м до 1 м, раздробленных костей бизона, в основном мало пригодных для употребления в пищу (кости конечностей, лопатки, фрагменты черепов, челюсти и т.п.) и кремневых изделий, предназначенных для разделки туш животных (топоры, ножи, резцы, скобели и др.). Микролиты практически отсутствуют. Во всех микроскоплениях их найдено всего 8 экземпляров, в то время как в других комплексах поселения собрано около 10 000 микроострий и пластинок с притупленным краем. Функционально западный комплекс микроскоплений расценивается как участок для разделки туш бизонов (Станко,1989).

2. Макроскопление площадью до 500 м^2, расположенное в восточном секторе поселения, имеет сложную структуру. Вся его площадь плотно «забутована» обломками костей, кремнем, разнообразными изделиями из рога, кости, кремня и камня. Мощность его местами достигает 35-40 см. Насыщенность культурного слоя кремнем на этом раскопе колеблется от нескольких сотен до 4 500 на 1 м^2, а фауны — от 200 до 1 500 обломков на 1 м^2. На этом участке собрано наибольшее число изделий из кости, прежде всего, наконечников копий и дротиков, заготовки для их изготовления, рога оленей с вырезанными заготовками наконечников, либо с пропилами, наметившими лишь контуры заготовок наконечников. Большая часть найденных в макроскоплении наконечников сломана либо имеет тонкий и изогнутый профиль, которые практически не пригодны для ведения охотничьего промысла.

На южной окраине макроскопления выявлен круг, выложенный челюстями бизона и густо окрашенный в красный цвет. В одном метре к северу от этого сооружения лежал череп бизона, окрашенный охрой. В завале костей между черепом и кругом выявлены 4 лопатки бизона. К юго-востоку (1 м) и востоку (1,5 м) от круга найдены еще три окрашенных черепа бизона. Между этими черепами и кругом среди кремней и фрагментов костей лежали также лопатки и длинные трубчатые кости бизона. В составе макроскопления раскрыт относительно обособленный комплекс из трех слабо окрашенных черепов бизонов, расположенных полукругом в 0,5 м друг от друга и в 5 м к юго-востоку от круга. И, наконец, в 9 м к северо-западу от круга был найден густо окрашенный охрой и «замытый» мелкими осколками костей и кремнем одиночный череп бизона.

Особо следует выделить находку в восточной части макроскопления черепа молодой девушки 15-17 лет (по определению В. П. Алексеева). Он лежал в брекчии из костей и кремней без каких-либо признаков захоронения. Других костей скелета человека на поселении найдено не было. По предположению В. П. Алексеева, она стала жертвой обряда, связанного с отправлением какого-то культового действа, и потому ее череп был небрежно выброшен в кучу из костей бизона в непосредственной близости от окрашенных черепов. Подобный обряд широко известен по материалам пещерных памятников позднего палеолита Европы (Скленарж 1987: 143-151).

Между участками с микро- и макроскоплениями выявлена округлая в плане площадка (4,5 м в диаметре), на которой найдено небольшое число кремневых изделий и обломков костей. Вся она была интенсивно окрашена в белый цвет вторичным каолином. Обломки вторичного каолина, охры и угольки были рассеяны по всей древней поверхности окрашенной площадки. По мнению В. Ф. Петруня, вторичный каолин, смешанный с жиром, так же как охра и уголки применялись для раскраски тела человека. К тому же смесь каолина с жиром — прекрасное защитное средство от гнуса.

3. К северу от макроскопления раскопан участок (150 м^2), на котором исследованы небольшие микроскопления преимущественно из находок кремния. Обломков фауны в микроскоплениях — небольшое количество. Кремневые изделия здесь сосредотачивались вокруг небольших плиток-наковален из известняка или гнейса. Среди изделий со вторичной обработкой на этом участке много микролитов, однако большая часть из них сломана или имеет незавершенный вид. Очень много сломанных или незавершенных орудий других типов. Раскопки на этом участке продолжаются. Однако, уже сейчас можно предположить, что это были рабочие площадки для изготовления орудий труда. Нельзя исключить, что на этом участке проводилось обучение молодых мальчиков процессу изготовления охотничьего снаряжения — одного из атрибутов инициации.

Таков краткий археологический контекст хозяйственно-сакрального комплекса позднепалеолитического поселения Анетовка 2. По функциональному назначению комплексы Анетовки 2 разделяются на производственные (изготовление орудий труда и охотничьего снаряжения, разделка туш животных) и ритуальный. Деление это условно, так как разделка туш животных может быть непосредственно связана с отправлением тотемистического культа, а изготовление орудий труда с обрядом инициации либо со специальным культовым производством (изготовление атрибутов театрализованного праздника). Ниже приводится лишь попытка реконструкции одной из возможных версий обряда театрализованного праздника, посвященного культу бизона.

Археологический комплекс Анетовки 2 не позволяет нам достоверно установить, где и когда был забит бизон. Происходил ли забой бизонов в глубоком овраге по соседству с посе-

лением или где-то в другом месте, пока установить не удалось. Неясно, имел ли место специальный промысел жертвенных животных. Несомненно пока только то, что туша бизона была доставлена на разделочную площадку поселения к одному из камней-наковален, вероятней всего, выпотрошенной и, не исключено, предварительно расчлененной на месте забоя. Судя по составу фаунистических комплексов микро- и макроскоплений, окончательная разделка туши бизона проходила именно здесь. Об этом свидетельствуют также камни-наковальни («колоды») и массивные (до 20 см в поперечнике) кремневые топоры, найденные в непосредственной близости от «колод». Обычно такие орудия отсутствуют на позднепалеолитических стоянках. Здесь же, видимо, и распределялись разделанные туши бизонов между обитателями поселения. К сожалению, нам пока не известна очажная структура на поселении, где могла приготовляться пища. Поэтому воздержимся от определения характера распределения расчлененной туши. Ясно только, что на разделочном участке оставались только не содержащие мяса части туши.

По ходу подготовки к празднику на небольшой площадке в центре поселения производилась раскраска тела участников церемонии перед выходом в восточный сектор — основное место театрализованного праздника. Вероятно, загодя были изготовлены и другие атрибуты праздничного действа (ритуальное оружие, украшения, сакральные предметы и др.).

В восточном секторе поселения проходили основная и заключительная части охотничьего праздника. Здесь первоначально, видимо, был выложен круг из челюстей бизона, в центре которого возвышалась на подпорках (лопатках, трубчатых костях, шестах и т.п.) голова бизона. Затем все это сооружение было густо посыпано красной охрой — символом крови и жизни у первобытных народов. А вот были ли одновременно с этим комплексом уложены и установлены на подпорках другие окрашенные головы бизонов, выявленные на площадке макроскопления, нам не удалось установить, несмотря на применение сложных и трудоемких микростратиграфических исследований. Однако, для выявления сущности охотничьего праздника это не имеет принципиального значения, хотя и не позволяет детализировать сам процесс прохождения праздника в этом секторе.

Нетрудно предположить далее, что раскрашенные участники церемонии при «полном охотничьем снаряжении» (остатки которого найдены в большом количестве в макроскоплении), возможно с факелами (угольки рассеяны по всей площади макроскопления) собирались у культового сооружения, где и проходили разнообразные ритуальные действа (совместное поедание мяса жертвенного животного, танцы, пение и т.п.). Выше уже упоминалось, что большинство найденных в макроскоплении костяных наконечников либо сломаны в древности, либо тонки и изогнуты в профиле, что делает их непригодными для промысла, видимо они специально были изготовлены для ритуальных церемоний. Найдены здесь и другие изделия из кости, которые могли служить украшениями, либо назначение которых определить пока затруднительно.

Часто встречались в культурном слое макроскопления угольки. Однако, следов очагов на площадке не обнаружено. Приготовление мяса, вероятней всего, проводилось в другом месте. Поедание мяса, где бы оно ни происходило, сопровождалось сбором костей бизонов, которые складировались у окрашенных черепов. Со временем вокруг последних образовались большие кучи дробленной фауны, из которых в процессе их разрушения и образовалось макроскопление. Не исключено, что кости утилизированных животных укладывались в кучи не только в процессе праздника, но и в повседневной жизни.

Такова одна из многих возможных версий прохождения обрядово-театрализованного праздника, реконструированного по материалам Анетовки 2. Возможна и иная интерпретация описанных находок и другая реконструкция обрядовой церемонии. Возможны различные их варианты на других памятниках позднего палеолита степной зоны. Однако, суть всех вариантов отправления культа бизона в древних обществах одна — они отражают преломление в человеческом сознании сложных явлений взаимоотношения человека с природой, иллюзорного осознания единства человека и животного мира.

Обратившись традиционно за поиском аналогий к этнографической и исторической литературе, и как всегда, прежде всего к далеким индейцам и аборигенам Сибири, мы неожиданно для себя нашли близкое сходство нашей версии по соседству в обряде и сопутствующих ему легендах афинских буфоний. В античных Афинах (VI-V вв. до н. э.) обряд буфоний («быкоубийства») справлялся ежегодно в июне месяце. Приведем краткое описание этого обряда.

«На алтарь Зевса Полиея, находившийся на Акрополе, сыпали вперемежку зерна ячменя и пшеницы и подводили быка, предназначенного к жертвоприношению. Бык, якобы по недосмотру людей, окружающих алтарь, тянулся к алтарю мордой и съедал часть зерен. Тогда один из жрецов, которого по этому случаю называли «буфоном», «быкоубийцей», наносил быку смертельный удар топором, после чего отбрасывал топор в сторону и обращался в бегство. Погоня за буфоном не устраивалась: ему предоставлялось бежать. Но брошенный им топор поднимали с земли, судили, признавали виновным и приговаривали к потоплению в море. Казнь над топором совершалась, а мясо уби-

того быка потреблялось участниками церемонии за общей жертвенной трапезой, причем кожу животного набивали соломой и устанавливали на подпорках, запрягая это чучело в плуг» (Толстой 1936: 251).

Таковы основные черты сакрального ритуала буфоний. Они во многом напоминают нашу версию анетовского праздника. Остановимся лишь на одном эпизоде. Существенным моментом прохождения обряда в Афинах является установление виновника убийства. Им оказывается топор, орудие убийства. Не идет ли эта традиция от «наказанных» наконечников копий, собранных в сакральных местах Анетовки 2 и Амвросиевки?

Как правило, у древних народов подобные обряды начинались с того, что сначала испрашивали извинение у намеченного к убийству животного, так как по сути убивали прародителя, основного кормильца общины. Естественно, в этом случае должен быть и виновник убийства. Не исключено, что уже тогда, в начале становления культа промыслового животного, им оказывались орудия убийства (охоты): копье, затем стрелы, и, наконец, топор. Может быть, для того, чтобы не «казнить» добротные, подогнанные к руке охотника копья, в первобытных общинах вошло в традицию изготовлять специально ритуальное «оружие», которое к тому же «причиняло» меньшую боль священному животному.

Существуют разные версии генезиса обряда и легенды афинских буфоний. Большинство исследователей, изучавших античный обряд, склоняется к тому, что в их основе лежат древние традиции греков, «рудимент того рода психических переживаний, которые отводят нас далеко назад от образованных, торговых Афин V в. в глубину веков, на совсем иную стадию общественного развития...» (Толстой 1936: 257). С этим трудно не согласиться.

Действительно, бык как объект охоты известен на Балканах как и в степном Причерноморье с раннего палеолита (Kourtessi-Philippakis 1986: 43; Excavation... 1982: 62). С этого времени также складываются тесные культурные связи между населением Балкан, Северного Причерноморья и Крыма. На протяжении многих тысячелетий прослеживаются близкие пути развития материальной культуры и хозяйства. Особенно тесное взаимодействие культур этих регионов устанавливается со второй половины позднего палеолита (единая микрограветтская область) и в мезолите. И хотя на Балканах на памятниках позднего палеолита и мезолита нам неизвестны сакральные комплексы, посвященные бизону, но уже в более позднее время он широко представлен в археологических комплексах неолита, энеолита и бронзового века Болгарии, Греции, в Микенах и на Крите. По ходу трансформации материальной культуры и хозяйства менялось и миропонимание древних людей. Постепенно и культ бизона эволюционировал от чисто охотничьего к земледельческо-скотоводческому.

Несомненно, сложившийся в позднем палеолите культ бизона сыграл важную роль в развитии культуры Юго-Восточной Европы. Он был одним из важнейших факторов ранней доместикации быка в этом регионе и нашел отражение в мифологии всех народов Балкан и Северного Причерноморья.

ЛИТЕРАТУРА

Бибикова В.И., Старкин А.В. 1989. Характеристика остеологического материала из раскопок позднепалеолитического поселения Анетовка 2. // В.Н.Станко, Г.В.Григорьева, Т.Н.Швайко. Позднепалеолитическое поселение Анетовка 2. — Киев. С.127-131.

Борисковский П. И. 1953. Палеолит Украины. — М.-Л. (МИА №40).

Ефименко П.П. 1953. Первобытное общество. — К.

Скленарж Карел. 1987. За пещерным человеком. — М.

Смольянинова С.П. 1989. Карта памятников каменного века степного Побужья. // В.Н.Станко, Г.В.Григорьева, Т.Н.Швайко. Позднепалеолитическое поселение Анетовка 2. — Киев. С.113-126.

Станко В.Н. 1989. Производственные комплексы по утилизации охотничьей добычи в позднем палеолите. // Первобытная археология. — Киев. С.54-63.

Станко В.Н., Григорьева Г.В. 1977. Исследование памятников каменного века на р.Ингуле. // Древности Поингулья. — К.

Толстой И.И. 1936. Обряд и легенда афинских буфоний. // Советский фольклор. №4-5.

Черниш О.П. 1953. Володимирівська палеолігична стоянка. — К.

Excavation in the Bacho Kiro Cave (Bulgaria). 1982. — Warszawa.

Kourtessi-Philippakis G. 1986. Le Paléolithique de la Grèce continentale. — Paris.

Хлобыстина М.Д.

РИТУАЛ «ЧЕРЕПА И ГОЛОВЫ» В КУЛЬТУРАХ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ ЭПОХИ РАННЕГО ГОЛОЦЕНА

Hlobystina M.D. The "Skull and head" ritual in the cultures of the North Eurasia in the early Holocene.

The archaic "skull and head" ritual in the archaeological aspect was not subjected to a special interpretation, though its ethnographic analogue has a wide range of investigations, connected both with the ancient ritual of fertility and with a later ritual of a "thrown-down enemy". From the point of view of the archaeological classification one can single out two types of objects, comparable with the "Skull and head" ritual: the interment of an isolated skull and the interment of a beheaded skeleton, recorded already in the Upper Palaeolithic of the North Europe (the site of Sungiri).

To the monuments of the first type can be referred the burial of a young woman skull at the site of Modlona (Cargopolie), stuck on the pivot of one of the scaffolds of the pile-dwelings of Neolithic fishermen; the burial of an adult skull, surrounded by blades, in the grave by the village of Podostrojnoie (Angara river); the burial of the skull in the cist grave on the Andronov cemetery Dry Lake (Enisei).

It is supposed that the act of buring of an isolated skull was connected with the posthumas sacralization of the individual whose beheaded skeleton could be subjected to the religious cannibalism.

The burials of the second type are very revealing: from the early Neolithic pair complex of different sex of the cemetery of Tsiklodrom (Baikal region) and the Neolithic burial of Vovnighi I (Ukraine). The possibility that in this case there takes place the burial of an isolated beheaded skeleton and the skull is left for further religious acts.

It is mostly the female sex of the burials of the first type that attracts attention as opposed to the male burials of the second type. Together with this, the complexes of the first type are the most archaic, being connected with the acts of cannibalism, appeared on the base of the "social" cannibalism.

Фиксируемый современной этнологией культ «черепа и головы» представлен семантически вариабельной системой мифо-фольклорных образов и обрядово-ритуальных норм, отразивших специфику воззрений аборигенных этносов, генетически восходящих к первобытной архаике (Мифы народов мира ... 1987; 1988; Токарев 1986). Равным образом, культ «черепа и головы» имеет широкий спектр археологических характеристик в качестве своеобразного ритуала парциального погребения в культурах обширного стадиального и территориально-хронологического диапазона. Так, еще в среднем палеолите Евразии практиковались погребения черепов и голов (реже — инсталляции типа Монте Чирчео I), а также посткраниальных скелетов, причем, выделяется особая «детская серия» захоронений (Смирнов 1991: 51,53). Далее, в позднем палеолите Европы погребения (инсталляции) черепов и голов представлены объектами на поселенческих памятниках, причем, выделяется «женская серия» захоронений; известны и погребения посткраниумов (La Prehistoire ... 1976; Бадер 1967; 1973). Наконец, обращаясь от культурно-исторической ретроспекции к предмету нашего рассмотрения, парциальным погребениям Восточной Европы и Сибири эпохи раннего голоцена, выделим памятники двух видов: I — погребение (инсталляция) черепа (головы) и II — погребение посткраниального костяка (обезглавленного торса). Рассмотрим показательные примеры парциальных комплексов в соответствии с предложенной классификацией.

Среди погребальных комплексов I вида, представленных захоронением одиночного черепа, одним из наиболее культурно-стадиально архаичных (еще плейстоценовых) погребений является Сунгирь 5 — череп женщины (?) (антропология Г.Ф.Дебеца, М.М.Герасимовой) с верхнепалеолитической стоянки Сунгирь (Владимирская обл., бассейн р.Клязьмы, 25500 ± 200 — 24430 ± 400 лет от наших дней (Бадер 1978;1984: 6,9; Герасимов 1984: 140,141). Отсеченная голова, освобожденная от мягких покровов (следы надрезов на черепе, по М.М.Герасимову) и, очевидно достигшая кондиции черепа вне захоронения, была, наконец, помещена рядом с крупным валуном на слой охры, оформлявшей верхний ярус могилы N1. В основании комплекса погребен мужчина 55-56 лет (по Г.Ф.Дебецу), с инвентарем и украшениями (Палеолит СССР 1984: 233,234; Бадер 1967: 151,152; рис. 3). Обрядово-ритуальная характеристика парциального погребения Сунгирь 5

© Хлобыстина М.Д., 1999.

связана со структурной трактовкой двойного, разнополого (?), одноактного, ярусного комплекса N1-5 могилы N1 в целом. Так, в функциональном аспекте, перед нами погребальный объект, очевидно, ритуально маркирующий конец обитания жилища N2 стоянки, что, по-видимому, связано с гибелью ведущего члена коллектива – мужчины — доминанта, посмертно сопровождаемого своеобразным, парциальным погребением индивида второстепенного статуса (Бадер 1984: 8,9; Хлобыстина 1993: 18). Далее, в социальном аспекте, мы видим двойной разнополый комплекс, где прижизненный статус умерших индивидов может иметь два варианта интерпретации: во-первых могла иметь место предковая двухпоколенная связь, во-вторых — брачная зависимость (Бадер 1984: 8). Как можно заметить, названные социально-семейные структуры предполагают существование в коллективе отношений в рамках матригенного линиджа и нуклеарной семейной ячейки, что, равным образом, социологически реалистично. Наконец, в культурном аспекте, череп (голова) женщины (?) мог выполнять роль сакрального объекта, возможно, причастного к кругу мифологических представлений, связанных с идеей поддержания жизненного цикла в рамках репродуцирующих культов плодородия (Алёкшин 1993: 7).

Далее, для развитого (позднего) неолита отметим комплекс парциальных погребений I вида, представленный захоронениями черепов (голов) в могиле «А» и ее окружении днепродонецкого Никольского могильника (Украина, Днепропетровская обл., днепро-донецкая культурно-историческая общность кон. V — 1-я половина IV тыс. до н.э.) (Телегин 1991: 51,52,54,55; рис. 20). Округлая грунтовая могильная яма «А» (Д до 2 м) содержала в верхнем контексте череп взрослого субъекта неизвестного пола (антропология Г.П.Зиневич), в центральном горизонте — кость таза; в инвентаре крупный сосуд типа Средний Стог 1, украшение из клыка кабана, челюсть собаки, створка раковины Unio. Названный, очевидно, сакральный объект подстилало мощное кострище. Планиграфически располагаясь на СЗ окраине основной части погребального пространства кладбища, могила «А» сопровождалась стратиграфико-планиграфически сопряженным с нею скоплением черепов и трубчатых костей 14 индивидов: 5 мужчин 35-45 лет (NN4-6,8,14) и 9 взрослых неизвестного пола (NN7,9-13,15,16,16-а); в инвентаре до 200 сосудов типа Средний Стог 1. Как можно заметить, возможны два варианта интерпретации парциальных комплексов могилы «А» и ее окружения на Никольском некрополе. Так, во-первых, перед нами, не исключено, ритуально значимое парциальное захоронение взрослого индивида, представленное черепом (головой?) и тазовой костью, чья посткраниальная часть явилась, посмертно, объектом определенных манипуляций (культовой антропофагии?). Во-вторых, не только захоронение могилы «А», но и ее сопровождение, то есть погребальный комплекс в целом мог явиться общемогильным сакральным объектом, единственным для кладбища. В любом случае, подобный объект оказывается причастен к кругу ритуала «черепа и головы», являясь отражением соответствующего культа.

Равным образом в культурно-хронологических рамках развитого (позднего) днепро-донецкого неолита Украины (кон. V — 2-я пол. IV тыс. до н.э., по Д.Я.Телегину), отметим захоронения черепов (голов) в могиле V могильника Лысая Гора (Запорожская обл.) (Бодянский 1991: 73-76; рис. 34). Черепа (головы) взрослых индивидов неизвестного пола (антропологически не диагносцированы) помещены в грунтовую двухъярусную яму V (Д 1,25 м): нижний ярус содержит 18, верхний — 3 черепа (головы), частично, со следами огня. Над основным ярусом черепов, в центре и СВ секторе могилы сосредоточены небольшие скопления кальцинированных костей. обратим особое внимание, что черепа обоих ярусов имеют от 2 до 5 позвонков в анатомическом порядке, что свидетельствует о помещении в погребальный комплекс не собственно черепов, но отрубленных голов. Инвентарный набор включает, преимущественно, украшения: помимо двух пластинок «мариупольского типа» из клыка кабана, при 16 черепах обоих ярусов, in situ, у шейных позвонков, располагаются около 1000 бус из раковин cardium, сланца и гешира. Классы производственных и промысловых артефактов представлены орудиями из кремня, класс жизнеобеспечения — тремя сосудами типа Средний Стог I; многочисленны экофакты — зубы рыбы вырезуба. Особую культовую функцию выполняла, очевидно, крупная кремневая пластина в охре, сепаратно помещенная на дно могилы. В целом, характеризуя обрядово-ритуальный статус парциального комплекса могильника Лысая Гора, подчеркнем ряд моментов, касающихся его функциональной и социально-идеологической значимости. Так, в социальном аспекте, перед нами, не исключено, коллективное однополое погребение, поскольку, однотипность шейных украшений («амулетов»?) и одинаковое размещение их свидетельствует, косвенно, как об однополости умерших индивилов, так и, конкретно, их вероятном женском поле. В культовом аспекте, мы имеем, возможно, сакральный объект, связанный с репродуцирующими культами плодородия и возрождения жизни, что отражено не только формой парциального погребения (и вероятными посмертными манипуляциями культовой антропофагии?), но так же расположением комплекса. Действительно, особо показательно планиграфико-стратиграфическое сопряжение могилы V с соседними, размещенными в ряд, могилами I-III, вклю-

чившими исключительно детские захоронения возраста I-го детства (коронки молочных зубов). Таким образом, перед нами небольшое детско-женское кладбище, являвшееся, в целом, быть может, определенным сакральным объектом, поскольку, согласно традиционным воззрениям аборигенных этносов, именно женщины и дети — оптимальные трансляторы плодоносящих сил Природы и Земли-Матери (Мифы и предания папуасов ... 1981; Грачева 1976; Симченко 1963).

В северной зоне европейской территории страны, в культурно-хронологических рамках развитого (позднего) каргопольского неолита (III тыс. до н.э., по С.В.Ошибкиной), отметим своеобразный объект — инсталляцию черепа (собственно, головы) с поселения на р.Модлоне (Волгоградская обл., 2380 ± 130 лет до н.э., по С-14) (Брюсов 1951: 45; рис.14; Ошибкина 1978: 117,127). Близ жилища N4, одного из двух исследованных на приозерном свайном поселении, инсталлирован череп (изначально — голова?) молодой женщины (антропология М.М.Герасимова), насаженный на деревянный кол, частично сохранившийся внутри черепной коробки (Герасимов 1955: 336-345; рис.137). Представляется очевидной сакральная функция подобного оригинального объекта, столь явственно причастного к культу «черепа и головы». В то же время, находка изолированного черепа близ названной инстанции, а так же спорадически встречаемые фрагменты черепов, позволяют предполагать отнюдь не единичность подобного объекта на территории лесного поселка рыболовов и охотников. В то же время, присутствие костей посткраниальных костяков человека, часто в комплексе с костями диких животных косвенно свидетельствуют о вероятности существования не только культовой, но также бытовой антропофагии (по А.Я.Брюсову), не исключено стимулируемой враждебными контактами с соседними коллективами (М.Х.).

Наконец, в культурно-хронологических рамках восточносибирского (прибайкальского) раннего металла назовем погребение черепа (головы?) из единичного глазковского местонахождения на Средней Ангаре Подострожное — «Кирпичный сарай» (I-я пол. II (рубеж III?) тыс. до н.э.) (Окладников 1975: 54,55; табл.52, 53, 2,3). На прибрежной террасе располагалось погребение N1, представленное массивной овальной плитняковой кладкой (2,2 х 1,2 х 0,25 м), ориентированное, традиционно, «по реке». В СВ конце могильной камеры совершенно парциальное погребение — череп (голова?) взрослого субъекта неизвестного пола (антропологическая диагностика отсутствует) помещена четко на место головы гипотетического костяка) по А.П.Окладникову). Череп стоит на основании и окружен внутримогильной каменной кладкой. Состав инвентарного набора (в описании автора раскопок) имеет разночтения: либо исключительно украшения головного убора (медные пластинки и перламутровые бусины, до 18 экз., в глубине глазниц), либо, помимо украшений, производственно-промысловый артефакт (не пластинки, но фрагменты медного ножа). Как бы то ни было, перед нами «единственный в своем роде на территории Сибири» погребальный комплекс, являющийся ярким образцом культа «черепа и головы» (по А.П.Окладникову). Отсутствие полового определения препятствует определению прижизненного статуса умершего индивида в плане культовой, либо общественной престижности, обусловившей неординарность погребального ритуала.

В заключении краткого обзора показательных примеров парциальных комплексов I вида, остановимся на относительно поздней культурно-стадиальной аналогии рассмотренным архаичным объектам — погребении (собственно, инсталляции) кургана 2«А» андроновского могильника Сухое озеро 1 (Южная Сибирь, Средний Енисей, сер. II тыс. до н.э.) (Максименков 1978: 18; табл. IX). На ограниченном пространстве курганного кладбища располагались два погребальных объекта, как стратиграфико-планиграфически, так и структурно-функционально связанные между собой. Центральной являлась каменная погребальная камера-циста с парным разнополым (традиционно андроновским), безынвентарным комплексом (нарушен); в 1 м к В располагалась плитняковая округлая куполообразная конструкция (Д 1,2 м), перекрывавшая треугольник из вертикально поставленных плит. В центре треугольной конструкции — инсталляция черепа (головы?) взрослого субъекта неизвестного пола, помещенного на основание (антропологическое определение отсутствует). Как можно заметить, возможны два варианта интерпретации оригинального погребального комплекса в целом. Во-первых, предполагаем, что парциальное погребение не имело самодавлеющей культовой функции, но являлось сопровождающим сакральным объектом относительно центрального погребального комплекса. Во-вторых, можно рассматривать инсталляцию черепа (головы) в качестве структуроформирующего объекта комплекса в целом, где, напротив, парное погребение выступает как сопровождающее. Отметим, что в первом случае мы имеем доминирование социального импульса, во втором — культурного импульса как стимуляторов формирования двухчленного погребального комплекса в целом. В то же время, планиграфически центральная позиция парного комплекса заставляет, очевидно, склониться к первому интерпретационному варианту.

В целом, обобщая обрядово-ритуальные параметры парциальных погребальных комплексов I вида — захоронение (инсталляция) черепа (головы) умершего индивида, отметим следующие моменты. Так, в структурном аспекте, мы сталкиваемся с погребальной ингумацией, либо с наземной инсталляцией, причем, пос-

ледняя более ритуально репрезентативна. Далее, в обрядовом аспекте, мы видим либо одиночные, сепаратные комплексы, либо — единственные в рамках кладбища, что, косвенно, свидетельствует о престижном статусе подобных объектов. Наконец, прямая, антропологическая, либо косвенная, археологическая диагностика пола субъекта парциального комплекса свидетельствует о явном преобладании женского компонента. Не исключено, что подобное обстоятельство обусловлено сложной системой причинно-следственной ритуальной взаимосвязи акта парциального погребения (инсталляции) с кругом репродуцирующих культов плодородия и обусловленных ими ритуалов культовой антропофагии, где именно женщина являлась предпочтительным объектом сакрального действа (Мифы и предания папуасов ... 1978: 619-621). Таким образом, перед нами культово-идеологически мотивированная поведенческая схема (погребальный ритуал), предполагающая соответствующую систему пред- и постпогребальных акций.

Обращаясь к парциальным комплексам II вида, представленным посткраниальным костяком (обезглавленным торсом), вновь отметим погребальный объект на верхнепалеолитической стоянке Сунгирь (Владимирская обл., бассейн р.Клязьмы), представленный посткраниумом женщины (?) (по О.Н.Бадеру) — Сунгирь 6 (Бадер 1973; рис.1-3; Сунгирь ... 1984: 8,13; рис. 1; Палеолит СССР 1984: 234). Названный посткраниум помещен в верхний ярус могилы N2, на 0,65 м выше основного, двойного детского (?) погребения N2-3, с исключительно обильным и своеобразным инвентарем (Бадер 1978: глава 6; 1984: 6-12; рис. 1-3). Комплекс в целом располагается, очевидно, на месте центрального очага жилища N1. Крайне неудовлетворительно сохранившийся посткрайниум, в позе вытянуто на спине, с ориентировкой ЮЮЗ сопровождается инвентарным набором из артефактов производственно и промыслового классов, а также класса украшений, чья функциональная направленность, косвенно, подтверждает женский пол индивида (по О.Н.Бадеру): таковы мотыга-клевец из бивня мамонта, скребок и наконечник из кремня, костяные трубочки-пронизи и перстень, 130 бус из бивня мамонта и 23 подвески из клыков песца; среди экофактов — чашевидная раковина («черпак») и два рога северного оленя. Согласно предположению автора раскопок, О.Н.Бадеру, названный посткраниум Сунгирь 6 из могилу N2 является первичным актом парциального погребения женщины (?), чей череп (голова), Сунгирь 5, была, в результате второго акта захоронения, помещена в верхний ярус могилы N1. В целом, своеобразие рассмотренного парциального комплекса Сунгирь 6 связано, как видно, со сложной процедурой погребальных актов в могилах N1 и N2, что, при вероятном женском поле индивида, чей посткраниум и череп рассредоточены по верхним ярусам обоих комплексов, влечет некоторые предположения о прижизненном статусе умершей. Действительно, женщина, подвергшаяся ритуалу парциального захоронения, могла быть как женой, так и матерью мужчины из могилы N1 и, соответственно, как матерью, так и бабкой мальчика 13 лет из могилы N2 (по принадлежности обоих к кроманьонскому типу, в отличие от девочки (?) 7-10 лет из той же могилы, имеющей признаки неандерталоидности) (антропология Г.Ф.Дебеца, Г.В.Лебединской, Т.С.Сурниной). Наконец, примечательно, что комплекс NN2-3 — N6 из могилы N2 имеет и иные структурные соответствия относительно комплекса N1-5 из могилы N1, близко соседящего с ним: оба объекта, возможно, ритуально маркируют факт прекращения жизнедеятельности в рамках жилищ N1 и N2. Весьма симптоматично также размещение комплекса NN2-3 — N6 с детско-женским захоронением на месте центрального очага, поскольку, согласно представлениям аборигенных этносов, в частности, палеосибирских, именно очаг является зоной контакта «мира живых» и «мира мертвых» (Грачева 1976: 57,64,65).

Далее, в рамках прибайкальского раннеголитического китойского культурно-территориального комплекса отметим погребение N3 II-го участка могильника Циклодром (Локомотив) (Верхняя Ангара, VI-V тыс., по С-14) (Окладников 1974: 42; табл.9-12). В грунтовой могильной яме совершено парной разнополое, одноактное захоронение: мужчина без головы (черепа), в позе вытянуто на спине, ориентировка на З, и женщина, в аналогичной позе, с антизной ориентировкой на В. В инвентарном наборе при посткраниуме мужчины артефакты культового и производственно-промыслового классов: серия костяных скульптурок Рыб, вкладышевые кинжалы (костяная основа с вставками-микролитами), гарпун и рыболовный крючок, Нефритовый нож, кремневые наконечники стрел и прочее. В инвентарном наборе при полном костяке женщины артефакты классов украшения-»амулеты», оснастка и производственно-промыслового: поделки из клыка кабана, костяные бусы, костяные игольник с иглами, вкладышевый кинжал; экофакты-«амулеты» представлены подвесками из зубов бобра и оленя-марала. В целом, перед нами несомненно престижный парный разнополый комплекс, где ведущая позиция мужчины, как и второстепенная позиция «сопровождающей» женщины, подчеркнуты как фактом ритуального (?) обезглавливания, так и характером инвентаря. Не исключено, что прижизненный статус мужчины-доминанта был связан со сферой культа, где моменты промысловой (рыболовческой) магии (?) играли первенствующую роль. Показательна единичность подобного комплекса в рамках обширного китойского кладбища могильника Циклод-

ром, где парные разнополые комплексы представлены комплектными костяками, что, косвенно, свидетельствует об обрядово-ритуальной неординарности комплекса N3 с парциальным погребением основного, структуроформирующего субъекта.

Равным образом, в китойском могильнике Циклодром (Локомотив) обратим внимание на ряд обрядово-ритуально своеобразных погребений III участка (раскопки Иркутского Университета 1980-х гг.), представленных серией групповых, разнополых (в том числе, детско-взрослых) комплексов рядового характера. Комплексы включают 3-8 индивидов, всего — 29 взрослых разнополых субъектов и 5 детей (антропология Н.Н.Мамоновой), причем, у большинства взрослых черепа (собственно, головы?) отсутствуют (Безалийский и др. 1982). Инвентарные наборы представлены функционально ограниченной серией артефактов: костяными вкладышевыми орудиями (оружием) и остриями; кремневые наконечники стрел в области таза и позвоночника некоторых индивидов, очевидно, не входят в собственно инвентарь, но свидетельствуют о преднамеренном акте насильственной смерти. В целом, перед нами погребальные комплексы, оставленные, очевидно, ячейками семейного типа, практиковавшими своеобразные нормы погребального ритуала, связанные как с культом «черепа и головы» так и моментами ритуального убийства (? М.Х.).

Наконец, назовем еще один китойский памятник, забайкальский Фофановский могильник (устье р.Селенги), где одна из семи могил кладбища содержала погребение 7 индивидов, 6 из которых лишены черепов (собственно, голов) (Герасимов, Черных 1975: 26,29; рис.1,3,4-7). В грунтовой могиле N7 совершено групповое, детско-взрослое, одноактное погребение двух разнополых взрослых, юноши и четырех разнополых детей (антропология М.М.Герасимова). Позы скорченно на спине (единственный полный костяк мальчика — на левом боку); ориентировки антитезны: субъекты мужского пола — на В, женского — на З. В восточном секторе могильной камеры размещены мужчина около 45 лет, юноша около 17 лет и мальчик 8-10 лет (единственный комплектный костяк). В западном секторе, соответственно, положены женщина 30 лет, девочки 14 и 10 лет и «младенец» (девочка? М.Х.) 2 лет. На костях погребенных следы охры; позвонки отрубленных голов примыкают к стенкам ямы. В инвентаре лишь 4 халцедоновые пластины, тогда как костяной наконечник стрелы (?) в тазовой кости мужчины, очевидно, не входит в собственно инвентарь, но свидетельствует о насильственной смерти (ритуальном убийстве?). В целом, мы видим обрядово-ритуально оригинальный комплекс, где процедуре отсечения головы на предмет посмертной сакрализации (?) были подвергнуты все объекты, за исключением младшего мальчика. Очевидно, перед нами одна из социально-семейных ведущих ячеек коллектива, представленная семьей мужчины-доминанта (в полном составе? М.Х.), захороненная, заметим, в единственном совместном комплексе в рамках исследованного небольшого, детско-мужского китойского кладбища.

Далее, в культурно-стадиальных рамках развитого (позднего) днепро-донецкого неолита, отметим парциальный комплекс II вида из могильника Левобережные Вовниги (Вовниги 1) (Украина, Запорожская обл., днепро-донецкая культурно-историческая общность, кон. V — 1-я пол. IV тыс. до н.э.) (Рудиньский 1956; Телегин 1991: 72; рис. 33). В основании могильной грунтовой ямы подчетырехугольного абриса (около 3х2 м), на гл. 1,73 м, помещено погребение N31 — посткраниальный костяк мужчины 25-35 лет (антропология Т.С.Кондукторовой), в позе вытянуто на спине, ориентировка ЮЮВ; в инвентаре фрагмент кремневей ножевидной пластинки. Судя по состоянию шейных позвонков, возможно не отсечение головы, но изъятие черепа (однако, строгая комплектность костяка позволяет, скорее, склониться к первому предположению). В целом, как можно заметить, помещение в основание могилы подобного захоронения могло явиться ритуальным актом, маркирующим начало формирования коллективной, включавшей, совокупно, более 30 индивидов, в том числе, 4-5 детей. Возможно, субъект парциального комплекса имел при жизни высокий статус общественного лидера коллектива, сосредоточившего своих умерших в одной из трех (?) крупных коллективных могил кладбища (прочие нарушены).

Наконец, в качестве примеров относительно поздней культурно-стадиальной аналогии, назовем парциальные комплексы II вида из андроновских, алакульских памятников Южного Зауралья. Так, в могильнике Ушкатты 1 (Оренбургская обл., сер. II тыс. до н.э.) (Кузьмина 1964: 121,123; рис.1: 2,5), в могиле округлой каменной ограды N24 совершено двухъярусное погребение посткраниальных костяков двух взрослых индивидов (антропологическая диагностика отсутствует). В основании, на гл. 0,94 м, помещен костяк без черепа (головы?), скорченно на левом боку; в инвентаре бронзовые бусы у шейных позвонков и вокруг щиколоток ног. В верхнем ярусе, на гл. 0,86 м, непосредственно над нижним костяком — костяк без черепа (головы?), в аналогичной позе; под костями торса и нижних конечностей — мелкие кости человека (принадлежность неизвестна). В инвентаре фрагменты двух сосудов, крупного и малого, оба с «ковровым» узором, каменная овальная подвеска, бронзовые браслет и бусы, у шейных позвонков. В целом, мы имеем двойной, стратифицированный, одноактный (?) комплекс, где оба посткраниума принадлежали, судя по наборам типичных женских укра-

шений (по В.С.Сорокину) — женщинам. Недифференцированный характер керамического комплекса, включившего однотипно орнаментированную керамику, косвенно подтверждает женский пол основного погребенного индивида, являвшегося, заметим, структуроформирующим субъектом захоронения в целом, судя по основной стратиграфической позиции и объемному инвентарю. Названный парциальный комплекс — единственный по своему ритуалу среди 10 исследованных курганов и оград могильника Кшкатты 1, содержащего, в целом, погребения 15 взрослых обоего пола, а также детей.

В том же насыщенном андроновскими памятниками Домбаровском районе Восточного Оренбуржья назовем парциальный комплекс II вида из могильника Атакен-сай (Кузьмина 1964: 127). В могиле округлой каменной ограды N6 совершено двухъярусное погребение посткраниальных костяков трех взрослых индивидов (антропологических данных нет). В основании помещен костяк без черепа (головы?), скорченно на левом боку; в инвентаре исключительно украшения: бронзовые нашивнык бляшки на одежду, пластинчатые наручные браслеты и ножные браслеты из бус, а также бусы из аргиллита. В верхнем ярусе два костяка без черепов (голов?) (нарушены); инвентарь отсутствует, но скелеты присыпаны охрой, угольками и светлым суглинком. Как можно заметить, структуроформирующим субъектом комплекса в целом вновь является, очевидно, основная погребенная женщина, в обильных украшениях традиционного типа, сопровождаемая двумя безынвентарными субъектами явно второстепенного статуса. Особую ритуальную неординарность данному парциальному комплексу придает как его многочисленный состав так и единичность среди исследованных 8 курганов и оград могильника Атакен-сай, содержащих, в целом, 10 взрослых разнополых индивидов и детей.

В целом, резюмируя обрядово-ритуальные признаки парциальных погребальных комплексов II вида — захоронение посткраниального костяка умершего индивида, отметим ряд ведущих аспектов. Так, в структурном аспекте, обратим внимание на присутствие исключительно ингумационных захоронений, тогда как инсталляции — не обнаружены. Далее, в обрядовом аспекте, примечательно абсолютное преобладание типа совместных захоронений, имеются как парные так и групповые комплексы, причем, обряд совместного погребения, зачастую сочетается с архаичным ритуалом ярусности. Наконец, в культурном аспекте, можно предположить, что не столько погребаемые посткраниумы, сколько оставляемые вне захоронения изолированные черепа (головы) являлись объектом посмертной сакрализации. В то же время, акт погребения посткраниума мог ассоциироваться как с идеей «закладной жертвы», так и ритуально маркировать начало формирования совокупного погребального комплекса кладбища в целом. В этой связи, обратим внимание на разнополость субъектов, представленных посткраниальными костяками парциальных захоронений; равным образом, весьма протяженна и шкала возрастов, включающая, в частности, индивидов I и II детства. В этом плане, отметим женский пол индивидов из сунгирьского и андроновских парциальных комплексов, что связано, не исключено, с определенными матригенными тенденциями в области социально-идеологических структур.

Обобщая данные нашего краткого обзора, отметим, что моменты обрядово-ритуального плана, присущие парциальным комплексам как I, так и II видов, требуют анализа как часть кардинальной культурологической проблемы, связанной с социально-идеологической мотивацией ингумационного погребального акта. Обратим внимание, в этой связи, что сама форма подземной изоляции умершего индивида явилась, в историко-культурной ретроспекции эпохи палеолита, очевидно, изначально актом экстраординарного характера; крайняя немногочисленность палеолитических комплексов, косвенно свидетельствует об этом (Палеолит СССР 1984). По-видимому, лишь конкретные индивиды в определенной культово-сакральной либо социально-бытовой ситуации повергались ингумированию, тогда как прочие — оставались «на поверхности», вне захоронения (Бадер 1967: 143). Подобный ритуал имеет поздние реминисценции, причем, очевидно, глобального масштаба, широко фиксируемые современной этнологией для аборигенных этносов разнообразной географической локализации и стадиального уровня. Так, африканские со (Уганда) погребают лишь «знатных» лиц, поскольку акт захоронения, автоматически, связан в возведением в престижный ранг «предка»; прочих умерших оставляют в буше, в позе сидя, под деревом (Традиционные и синкретические религии Африки 1986: 109). Равным образом, сибирские нганасаны (п-ов Таймыр), один иэ наиболее культурно-генетически архаичных этносов Земли, практиковали традиционный ритуал «оставления» умерших на поверхности тундры (в том числе, в позе сидя), что, в частности, корреспондируется с идеей неприкосновенности Земли-Матери как живого и сакрального существа (Грачева 1983: 111,112). В этой связи, обратим особое внимание на вероятную корреляционную связь ритуала ингумации с комплексом крсмологических представлений о Матерях Природы (Долгих 1968; Грачева 1983: 21-51), восходящих, не исключено, к верхнепалеолитической архаике (Хлобыстина 1987: 16-47,92-99). Действительно, можно предположить, что ритуалы типа «отдачи доли» Земле-Матери, реализуемые, изначально, в форме закапывания живых существ, формирование акта ингумации, первоначально, лишь спорадического. Подоб-

ные «жертвы Земле», восходящие к кругу репродуцирующих культов плодородия глубокой древности, широко известны в ритуалах аборигенных этносов, в частности, африканских, трансформируясь по мере социально-экономической эволюции (Традиционные и синкретические религии Африки 1986: 165,169,202,205,213,240). В свою очередь, ритуал парциального погребения, равным образом, очевидно, восходит к кругу культов плодоносящих сил Природы, генетически базирующихся, в культурно-исторической ретроспекции, на том же всеобъемлющем комплексе представлений о Матерях Природы, реализуемых как в специфических формах захоронений, так и процедурно связанных с ними манипуляциях культовой антропофагии (Мифы народов мира ... 1987: 619-621; Чеслинг 1961: 125-133; Хомич 1977: 28). Действительно, очевидно, именно процедурами бытовой и базирующейся на ней культовой антропофагии может быть объяснен факт «некомплектности» костяков, наблюдаемый в среднем палеолите (Смирнов 1991). Особо отметим вероятность ритуала культовой антропофагии и для парциальных комплексов I вида. Равным образом, ритуал погребения над-\под очагом, подтверждаемый широким кругом археолого-этнографических примеров, может быть корреляционно связан с реминисценциями ритуала культовой антропофагии и, конкретно, ритуала парциального погребения (верхнепалеолитические Сунгирь NN2-3 — N6 и Костенки 2, мезолитический Тевьек во французской Бретани, традиционная погребальная практика аборигенов Австралии, Сибири (нганасаны) и Европейского Севера (саамы) (Бадер 1984: 1-12; Борисковский 1963; Teviec: Station-necropole ... 1937; Кабо 1969: 50,51; Грачева 1976: 64,65). В то же время, для парциальных комплексов II вида вероятен акт ритуального убийства в культовых целях, фиксируемый исторической этнологией вплоть до эпохи раннегосударственных образований наиболее продвинувшихся в своей социальной эволюции аборигенных этносов (Традиционные и синкретические религии Африки 1986: 201,205). Столь же культурно-исторически протяженен и процесс эволюции ритуала «черепа и головы»: от примитивных культов доисторической архаики вплоть до эффектных демонстраций вражеских черепов в ставках вождей варварских племен (Липец 1977: 25256).

ЛИТЕРАТУРА

Алекшин В.А.1993.Мустьерские погребения Передней и Средней Азии//КСИА, 209, с.3-9.

Бадер О.Н. 1967. Погребения в верхнем палеолите и могила на стоянке Сунгирь// СА,3,с.142-159.

Бадер О.Н.1973. Вторая палеолитическая могила на Сунгире.(Верхнее погребение)//СА,3,с.133-145.

Бадер О.Н.1978. Сунгирь – верхнепалеолитическая стоянка. М.: "Наука".

Бадер О.Н. 1984. Палеолитические погребения и палеоантропологические находки на Сунгире // Сунгирь. Антропологическое исследование.М.: "Наука", с.6-13.

Безалийский В.И., Меньшагин Е.В., Голдберг В.В., Прокопьев В.Н. 1982. Новые данные по китойской культуре // Проблемы археологии и этнографии Сибири. Иркутск: изд-во Иркутского Гос.Ун-та. С.88-89.

Бодянский А.В. 1961. Лысогорский неолитический могильник// КСИА УССР, II, Киев, "Наукова думка", с.111-121.

Борисковский П.И. 1963. Очерки по палеолиту бассейна Дона// МИА СССР,No 121.

Брюсов А.Я.1951. Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области // МИА СССР,20, с.7-76.

Герасимов М.М.1955. Восстановление лица по черепу (современный ископаемый человек). М., изд-во АН СССР.

Герасимов М.М., Черных Е.Н. 1975. Раскопки Фофановсого могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. Л.: "Наука", с.23-48.

Герасимова М.М. 1984. Краткое описание черепа Сунгирь 5// Сунгирь. Антропологическое исследование. М.: "Наука", с. 140-144.

Грачева Г.Н. 1976. Человек, смерть и земля мертвых у нганасан // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.) Л., "Наука", с.44-66.

Грачева Г.Н. 1983. Традиционное мировоззрение охотников таймыра (на материалах нганасан XIX – начала XX в.). Л., "Наука".

Долгих Б.О. 1968. Матриархальные черты в верованиях нганасан // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., "Наука", с. 214-229.

Кабо В.Р. 1969. Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М., "Наука".

Кузьмина Е.Е. 1964. Периодизация могильников Еленовского микрорайона андроновской культуры. // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., "Наука", с.121-140.

Липец Р.С. 1977. Отражение этнокультурных связей Киевской Руси в сказаниях о Святославе Игоревиче (X в.)// Этническая история и фольклор. М., "Наука", с. 217-257.

Максименков Г.А. 1978. Андроновская культура на Енисее. Л., "Наука".

Мифы и предания папуасов маринд-аним.1981. М., "Наука".

Мифы народов мира. Энциклопедия. 1987.;1988. I,II; М., Изд-во "Советская энциклопедия".

Окладников А.П. 1974. Неолитические памятники Ангары (от Щукино до Бурети). Новосибирск: "Наука".

Окладников А.П. 1975. Неолитические памятники Средней Ангары (от устья р.Белой до Усть-Уды). Новосибирск: "Наука".

Ошибкина С.В. 1978.Неолит Восточного Прионежья. М, "Наука".

Палеолит СССР. 1984. М.: "Наука".

Рудинський М.Я. 1956. Перший Вовнизський пізньонеолітичний могильник // Археологічни пам'ятки Україні – VI, с.151-161.

Симченко Ю.Б. 1963.Праздник Аны'о-дялы у авамских нганасан.// Труды Ин-та этнографии.н.с.,84,с.168-179.

Смирнов Ю.А.1991.Мустьерские погребения Евразии. Возникновение погребальной практики и основы тафологии. М. "Наука".

Телегин Д.Я. 1991. Неолитические магильники мариупольского типа. Свод археологических источников. Киев: “Наукова думка”.

Токарев С.А. 1986. Религии в истории народов мира. М.: “Наука”.

Традиционные и синкретические религии Африки. 1986. М., “Наука”.

Хлобыстина М.Д. 1987. Говорящие камни. Сибирские мифы и археология. Новосибирск: “Наука”.

Хлобыстина М.Д. 1993. Ритуальные доминанты поселений и могильников Восточной Европы каменного века.// ПАВ,4,с.17-24.

Хомич Л.В. 1977. Религиозные культы у ненцев // Памятники культуры народов Сибири и Севера. (Вторая половина XIX – начало XX в.). Л., “Наука”, с.5-28.

Чеслинг У. 1961. Среди кочевников Северной Австралии. М., Изд-во Восточной литературы.

La Préhistoire Française. 1976. Paris.

Teviec: Station – necropole mezolithique du Morbihan. 1937 // Archives de l’Institut de Paleontologie Humaine –18. Paris.

РЕЦЕНЗИИ

Клейн Л.С.

ТЕОРИЯ И ТЕРМИНОЛОГИЯ – ВЗГЛЯД ИЗ НЬЮКАСТЛА

1. Рецидив релятивизма. После работ Бру и Форда, пожалуй, не было более яркого выступления в защиту релятивистского взгляда на археологическую культуру, чем вводная статья Джона Чэпмена и Павла Долуханова к сборнику «Культурные преобразования и взаимодействия в Восточной Европе». Сборник был составлен из докладов на Советско-Британской конференции археологов 1990 г. в Ньюкастле и был издан в 1993 г. Два редактора сборника написали к нему вводную статью, одноименную со всем сборником, но с подзаголовком: «Теория и терминология». Статья содержательна, охватывает много теоретических проблем и дает внушительный обзор современной литературы по этим проблемам. Но основной стержень узкий: вопрос об археологических культурах.

Поскольку Чэпмен и Долуханов считают систематизацию и отбор ключевых переменных сутью археологической, как и всякой, теории (с. 1 – 2), их очень заботит выбор «естественной» ячейки, стандартной единицы, для археологического рассмотрения, изучения и измерения. Такой, какою в биологии является ‘ген’. Они считают, что в археологии это ‘культура’ (с. 3). С неменьшим основанием они могли бы выбрать и ‘тип’ или ‘стиль’. С ‘геном’ биологии ‘культура’ никак не сопоставима по масштабу и характеру, уж скорее с ‘видом’ (species): в обоих случаях речь идет о сообществе (в виде – организмов, в культуре – памятников или типов).

Прослеживая судьбу понятия ‘культура’ в таксономии, авторы отметили, что «новая археология» подорвала это понятие. Дэвид Кларк – своим политетическим принципом, размывшим границы культур, а Люис Бинфорд и Хилл с Эвансом – признанием свободы в выборе критериев выделения и факторным (многопеременностным) анализом. Вместо ‘археологических культур’ в «новой археологии» был употребителен термин ‘культурная система’. Можно было бы отметить, что до «новой археологии» произвольность выделения археологических культур и типов отстаивали Бру и Форд, а также Мальмер.

По мнению Чэпмена и Долуханова пост-процессуальная археология возвращает нас к вере в реальные культуры Чайлда и Грэйма Кларка. На деле Ходдер и его соратники возвращаются скорее к Коллингвуду и Даниелу, даже более склонных к релятивизму, чем «новая археология»: у пост-процессуалистов интерпретация зависит не столько от содержания даных, отражающих так или иначе реальность, сколько от положения и представлений современных исследователей. Однако суть не в оценках того, кто более круто повернулся к признанию археологических культур. Чэпмен и Долуханов не среди таковых.

Они с удивлением признают, что даже самые заядлые противники ‘археологических культур’ в теории, Ренфру и Шеннан, как только дело доходит до практики, постоянно применяют это понятие – не могут без него обойтись (с. 8). Они приводят объяснение Ходсона путанице с этим понятием: оно употребляется как в таксономии, так и в интерпретации. Чэпмен и Долуханов называют это «синдромом Ходсона».

2. Дискуссия с Клейном. Чэпмен и Долуханов признают (с. 11), что «Лео Клейн (1982) предпринял одно из самых сильных выступлений в защиту термина ‘культура’ и его многостороннего употребления» – в частности в таксономии и в интерпретации. Это поражает авторов: они сетуют на «странное заключение в труде, который по преимуществу рассекает с такой строгостью масштабы и корреляты эмпирических и культурных материалов. Как это происходит со всяким многозначным понятием, Клейновское употребление ‘культуры’ теряет смысл с увеличением разнообразия содержания – теряет настолько, что быстро становится непрактичным и неработоспособным» (с. 11).

Насколько можно «увеличивать разнообразие содержания» термина – вопрос особый. Мы его рассмотрим дальше.

Между тем, какой же смысл был бы в классификации, если бы после этого основные ячейки материала, с которыми мы оперировали в классификации, были бы отброшены и в интерпретации мы начинали бы не с них. Да, конечно, у интерпретации есть свои понятия, но на входе в нее должны действовать понятия классификационного этапа.

Коль скоро мое выступление «одно из са-

© Клейн Л.С., 1999.

мых сильных», ясно, что его нельзя обойти. Нельзя двигаться в сторону противоположного предложения, не рассмотрев мои возражения, не разобрав мои аргументы (ср. Клейн 1991: 73 – 102, 172 – 189, 202 – 208, и др.). Но авторы этого не делают. Они игнорируют мои аргументы, как если бы таковых не было. Между тем, сочетание моих теоретических аргументов с тем фактом, что заядлые сторонники противоположного мнения всё же не могут на практике обойтись без понятия ‘археологическая культура’, не позволяет так поступать.

Это тем более странно, что в защиту противоположного, релятивистского взгляда на археологическую культуру, в защиту того взгляда, что это лишь произвольно сконструированное исследователем понятие, наложенное им на материал, Чэпмен и Долуханов не выдвинули ни одного нового доказательства. Они лишь бегло сослались на некоторые старые, давно опровергнутые (и не только мною). Из новых работ есть лишь ссылка на Акко (1989), который привел примеры, как археологи по-разному классифицируют один и тот же материал и выделяют в одном материале разные археологические культуры. Таких примеров вообще-то очень мало, и их существование никак не может доказать тезис Чэпмена и Долуханова. Учитывая фрагментарность и лакунарность археологического материала, различие целей археологов и, скажем прямо, различие их подготовленности и способностей, странно не то, что такие примеры есть, а то, что их неимоверно мало.

3. Синдром Чэпмена – Долуханова. Поскольку по крайней мере один из двух соавторов (П. М. Долуханов) хорошо знает полное, русское издание моей «Археологической типологии» и не может сослаться на неудобочитаемость английского, я всерьез задумался над тем, чем вызвано такое игнорирование того, что там сказано. Какой теоретический и методический просчет лежит в основе странного сдвига понимания проблемы? Чем обусловено такое сильное увлечение релятивистским отношением к понятию «археологической культуры», что все аргументы против него стало возможным не замечать, игнорировать, замалчивать?

Одна ссылка на мои высказывания прояснила мне всю ситуацию. Соавторы ссылаются на «Клейновское определение ‘культур’ как систем средств для социального программирования человеческой деятельности и поведения, получаемых каждым индивидом от общества…». Но у меня нет такого определения ‘культур’ – таксономических единиц, изучаемых археологией! Я определял так совсем другое понятие – ‘культуру’ вообще, изучаемую культурной антропологией, культурологией и этнологией.

Всё дело в том, что редакторы этого сборника и соавторы вводной статьи поражены недугом, гораздо более реальным, чем «синдром Ходсона», и – в отличие от него – действительно вредоносным. Они, как и многие занимавшиеся этим вопросом до них, сбитые с толку сходством *терминов*, не различают *понятий* ‘культура’ и ‘археологическая культура’. По их примеру я мог бы назвать это «синдромом Чэпмена – Долуханова». Впрочем, поскольку они присвоили синдрому имя его открывателя, а не проводника, возможно, мне следовало бы обозначить синдром своим именем, однако это нескромно, и я охотно уступаю обоим авторам функцию эпонима.

Они употребляют одно и то же слово ‘культура’, ‘культуры’ в обоих значениях, совершенно не замечая этого сдвига значений. Поэтому они так легко переходят от одного значения к другому, от ‘(археологических) культур’ как единиц археологического группирования (таксономии, как говорят на Западе) к ‘культуре (вообще)’ как системе программирования человеческой деятельности, набору семиотических значений, средству адаптации, характеристике человеческого рода и прочее и прочее. Они спутали схожие термины и подставляют под них разные понятия, считая их одним понятием.

Зерно этого отождествления было уже в «новой археологии». С одной стороны Д. Кларк и К. Ренфру принимали культуры как таксономические единицы археологии, с другой – говорили об их адаптивных реакциях на изменения в тогдашней окружающей среде. Но археологические культуры – не живые культуры и на изменения среды не могут реагировать, а те изменения, которые по сопоставлению их срезов прослеживаются, могут быть результатами воздействия пост-депозиционных факторов на материальные остатки. Реакции культуры на изменения среды могли отпечататься в археологических материалах, но они не даны непосредственно, их надо отыскивать и выявлять среди прочих данных.

Когда я говорю об ‘археологических культурах’, я всегда могу заменить эти термины выражениями «культурная группа» (или в американской терминологии «фейз», «фация», или, как у французов, «цивилизация» или ранним немецким «типус», близко к этому «памятники типа N») или «культурный комплекс» (у американцев «фокус»). Когда же я говорю о ‘культуре вообще’, я мог бы заменить этот термин лишь громоздкими описательными выражениями или отдельными терминами, в каждом случае разными – «воспитанность», «образованность», «цивилизованность», «уровень знаний и навыков», «совокупность традиций», «передаваемое научением наследие всего человечества» и т. п. Достаточно произвести подобные замены термина ‘культура’, ‘культуры’ в статье Чэпмена и Долуханова, чтобы из их дискурса совершенно исчезла логическая связь. Она держится только на диффузности понятий, на отсутствии оп-

ределений терминов. На возможности легко перескакивать с одного на другое. Ни разу авторы не употребили выражения «археологическая культура», потому что как только они бы это сделали, сразу же пришлось бы во многих местах отказаться от продолжения фразы.

Подзаголовок статьи Чэпмена и Долуханова – «Теория и терминология» – получает неожиданно ехидное звучание. Вся их теоретическая конструкция возведена на уровне терминологии, а терминология создавалась исторически. Часто оказывается, что первоначальный смысл давно ушел из терминов, и ныне родственные отношения между терминами далеко не всегда соответствуют отношению между понятиями. Если исходить из терминов, то «стоянка» означает кратковременный постой, остановку на пути, «ручными рубилами» должны только рубить (их действительно принимали когда-то за топоры), и т. д.

Под ‘культурами’ Чэпмен и Долуханов всё время имеют в виду нечто очень социально и семиотически содержательное, многостороннее, включающее в себя всё, что было накоплено гуманитарным знанием о культуре. Поэтому свести «это» понятие к таксономической единице, к ячейке классификации или типологии, – такая операция кажется им ужасающе неправомерным обеднением. «Выхолащивание (bracketing off) ‘культур’, чтобы свести их значение-содержание так резко, означает сваливать ответственность или, сменим метафору, подавать на стол удобную терминологию вместо содержательной теории – скороспелую и поддельную вместо реальной и естественной. А каков ограниченный остаток значения в культурном ярлычке? Споров о культурных классификациях и культурной принадлежности достаточно, чтобы убедить нас, что остаток значения приближается к нулю» (с. 11).

Стремление получить сразу же, на уровне классификации, содержательные понятия, неразрывно связанные с объяснением, – весьма распространенный недостаток, можно сказать, пережиток любительского отношения к науке. Он означает неумение привыкнуть к эшелонированности научного исследования, непонимание необходимости придерживаться на каждом этапе соответствующих требований, методов и наборов понятий.

4. «Долговременная память» и «первичные социо-нормативные ячейки» вместо культур. У каждого из пары авторов свое представление, чем заменить понятие ‚культура‘ в функции основной ячейки группирования и исследования археологического материала.

Долуханов (с. 14 – 21) предлагает на это место «модель долговременной памяти», в которой информация обрабатывается и в которой можно ею манипулировать в символических и утилитарных контекстах в разных целях» (с. 14). Эта модель рассматривается как аспект «человеческого агрегата», а тот – как субсистема большой «системы деятельности». У «человеческого агрегата» есть два уровня: на биологическом уровне это «популяция», на социальном – «социальная система». Среди разных дефиниций культуры Долуханов подчеркивает определение ее как социальной памяти, наследия, совокупности традиций (с. 14 – 16). Обращаясь к когнитивной психологии, Долуханов находит там в системе обработки информации три структуры: чувственную память, кратковременную память и долговременную память. Долговременная память – это накопление существенной семантической информации. Она выполняет соционормативную, сигнификативную, когнитивную и этно-дифференцирующую функции. В связи с этим Долуханов уделяет много места дефиниции этноса.

Вот этой системой весьма туманных и археологически совершенно не артикулированных представлений Долуханов и предлагает выделять «первичные социо-нормативные ячейки», которые подлежат дальнейшей обработке. Они должны заменить археологические культуры. Но ведь в археологическом материале нет ни памяти, ни психики, ни времени. Значит, ячейки Долуханова надо выделять по каким-то вторичным, косвенным признакам. Это получаются выводные ячейки, результат интерпретации, а не ее средства. Археологу-то что тут делать?

5. «Социальная сеть» и «местные группы интересов» вместо культур. Чэпмен (с. 21 – 25) предпочитает другую ячейку, извлекаемую им, по его словам, из «суб-дисциплины пространственной археологии». Эта ячейка – «социальная сеть». Если взглянуть поглубже, то она извлечена не из пространственной археологии, а из британской социальной антропологии и социологии, где ученики Рэдклиф-Брауна давно принялись разрабатывать «социальную систему», изучать конфликты, разрабатывать «теорию единого социального поля» своего учителя. Особенно интенсивно занимались этим Э. Эванс-Причард и М. Глакмен. Социологи Д. Барнс и Э. Ботт ввели с 50-х годов в научный оборот концепцию «социальной сети». Каждый человек находится в контакте с рядом других людей, а те в свою очередь еще с какими-то людьми и т. д. Таким образом, все находятся в непосредственных или опосредованных контактах со всеми. Интерес исследователя может фокусироваться на любом месте сети и охватывать сколь угодно широкий круг связей. В зависимости от этого и будут образованы границы, с изменением интереса они будут смещаться, сужаться или расширяться. Существование реальных границ не признается или игнорируется. Личные отношения оказываются сутью социокультурных общностей, ничего сверх личных отношений и их суммирования (на русском

языке хорошие обзоры в работах: Веселкин 1973; 1976; 1979).

Эта установка, если ее проводить во всем, ограничиваает и перспективы культур-антропологического исследования, но, по крайней мере там она имеет какой-то смысл. В археологии же она никакого смысла иметь не может, так как археологи в большинстве не имеют доступа к личностям, не наблюдают всего многообразия реальных связей и отношений, видят лишь слабые и чрезвычайно неполные следы таковых, как и всех прочих проявлений прошлой жизнедеятельности. Какая уж тут «социальная сеть»! У археолога нет ни социума, ни сети. Некоторые суждения о них он, возможно, сможет себе составить к концу исследования. Значит, даже если бы он получил некие «социальные сети», то не для археологии, а для тех, кто воспользуется результатами археологии. Но с какими-то ячейками надо же работать самому археологу – классифицировать, измерять, сравнивать, интерпретировать. Вот поэтому теоретики, выдумывающие высокоумные понятия социального плана, обращаются на практике к тем же постылым культурам.

В археологию «социальную сеть» ввел к концу своей жизни Д. Кларк, что лишь подчеркивает, что это традиция, близкая по духу «новой археологии». Чэпмен акцентирует то, что концепция социальной сети позволяет развить «модель социальной силы» Майкла Мэнна – по Мэнну истоки социальной силы лучше искать именно в социальной сети. Но как это производить археологу? Выделяя «местные группы интересов» (local interest groups — LIG). Трудно увидеть в этих LIG преимущества перед археологической культурой. У них нет собственных критериев выделения, нет археологических признаков. Их произвольно выделяет исследователь.

Конечно, в материале есть связи, выходящие за пределы той или иной культуры – импорты, аналогии, следы торгово-обменных отношений, войн. Но это не значит, что археолог, изучающий эти связи, может игнорировать границы культур. Анализируя пример Ренфру, я показал, что как раз на границе культур резко изменяется характер связи (Klejn 1970: 171; Клейн 1991: 120). Точно так есть связи внутри культуры, не достигающие ее границ. Но и изучая эти связи, вряд ли можно избежать сравнения ситуации в одной культуре с ситуацией в другой. Там аналогичные связи могут реализоваться иначе, поскольку многие значения и ценности там другие.

6. И всё-таки культуры. Действительно Дэвид Кларк ввел понятие «сети» в археологию. Но он сделал это в работах, посвященных специфической проблеме – торгово-обменным отношениям (Clark 1979a, 1979b). В одной из них Кларк писал: «В отношении выводов применительно к понятию культуры можно отметить, что хотя многие товары, включая керамику, движутся по таким сетям, культурные ограничения в выборе того, «что купить», не отличаются существенно, как установили географы рынка, от культурного выбора, «что делать». Иными словами, хотя культура, определяемая исключительно керамикой, становится неясным понятием, тем не менее факт сетей обмена и обмениваемых товаров всего лишь добавляется к различным уровням сетевых взаимоотношений того или иного рода, из которых состоят эти политетические и многомерные объекты. Что возникает как возможность, это что термин «сеть», возможно, предпочтительнее перегруженного термина «культура», поскольку он прямо связывает сеть поселений на земле, сеть взаимоотношений между людьми в них и между ними и динамическую форму этой связи – операционную систему». При этом Кларк тут же добавлял: «Определенно, эта оценка поднимает практический вопрос: какие факторы побуждают популяцию перестраивать свою сеть отношений с одного строя на другой?» (Clarke 1979a: 342). А это факторы, действующие в рамках эпох и культур.

Когда проходило обсуждение этого доклада Кларка на симпозиуме, повященном колоколовидным кубкам, в Оберриде (Германия) в 1974 г., Э. Зангмейстер высказал замечание: «Коечто о класификации поселений. Я согласен, что в восточной зоне «сопровождающей керамики» мы не знаем поселений, которые можно было бы отнести к культуре колоколовидных кубков, потому что нет таких, которые бы содержали более, чем несколько отдельных черепков колоколовидной керамики. Так что мы теперь должны думать, что все они, принадлежа к различным группам, покупали более тонкую орнаментированную посуду. С другой стороны, мы не должны забывать, что, возможно, мы не знаем поселений с колоколовидными кубками, потому что они не оставили никаких следов».

На это Кларк ответил: «У вас же есть свои памятники со шнуровой керамикой в Германии! Я бы считал, что у вас есть свои памятники со шнуровой керамикой здесь, в Германии, но находя главным образом местную «шнуровую» керамику на этих памятниках, вы можете относить их к другим культурам» (Clarke 1979a: 361 — 362).

То есть сети в лучшем случае накладываются на культуры. Кларк и Зангмейстер говорили на одном языке, хорошо понимая друг друга, и слово «культуры» было из этого языка неустранимо.

ЛИТЕРАТУРА

Веселкин Е. А. 1973. Теория «единого социального поля» в британской социальной антропологии (на примере «африанской социологии»). – Этнологические исследования за рубежом. Москва, наука: 126 – 142.

Веселкин Е. А. 1976. Понятие социальной сети в британской социальной антропологии. – Концепции зарубежной этнологии. Москва, Наука: 125 – 152.

Веселкин Е. А. 1979. Структурализм: претензии на философию (теоретические проблемы британского этнологичевкого структурализма). – Этнография за рубежом. Москва, Наука: 88 – 113.

Клейн Л. С. 1991. Археологическая типология. Ленинград, Академия наук СССР.

Chapman J. and Dolukhanov P. 1993. Cultural transformations and in Eastern Europe: theory and terminology. — Chapman J. and Dolukhanov P. (eds.). Cultural transformations and in Eastern Europe (Worldwide Archaeology Series, vol. 6). Avebury, Ashgate: 1 — 36.

Clarke D. L. 1979a. The Beaker network — social and economic models. — Clarke D. L. Analytical archaeologist: collected papers. London et al., Academic Press: 333 — 362.

Clarke D. L. 1979b. The economic context of trade and industry in Barbarian Europe till Roman times. — Clarke D. L. Analytical archaeologist: collected papers. London et al., Academic Press: 263 — 331.

Klejn L. S. 1970. On trade and culture process in prehistory. Comment on Renfrew. — Current Anthropology, 11 (2): 169 — 171.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ	— Археологические Вести. СПб.
АИМ	— Археологические исследования в Молдавии. Кишинев.
АИУ	— Археологические исследования на Украине. Киев.
АО	— Археологические открытия. М.
АП УРСР	— Археологічні пам′ятки УРСР. Київ.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград.
БКИЧП	— Бюллетень Комиссии по изучению Четвертичного периода. М.
ВА	— Вопросы антропологии. М.
ВДИ	— Вестник древней истории, М.
Вестник ЛГУ	— Вестник Ленинградского государственного университета, Л.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИА АН УССР	— Краткие сообщения Института археологии АН Украинской ССР. Киев.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. М.-Л.
ОПМ	— Охрана природы Молдавии. Кишинев.
ПАВ	— Петербургский археологический вестник. СПб.
РА	— Российская археология. М.
СА	— Советская археология. М.
САИ	— Свод археологических источников. М.-Л.
СЭ	— Советская этнография. М.
Тр. ГИМ	— Труды Государственного исторического музея. М.
Тр. ГИКМ МССР	— Труды Государственного историко-краеведческого музея. Кишинев.
Тр. ЗИН АН СССР	— Труды Зоологического института АН СССР. М.-Л.
BSPF	— Bulletin de Société Préhistorique Française.
PPS	— Proceeding of Prehistorie Society. London.
SCIV(A)	— Studii şi cercetări de istorie veche (şi arheologie). Bucureşti.

Stratum plus. ВАШ археологический журнал.
Кишинев. Высшая Антропологическая школа. 1999. — 342 стр.

Высшая Антропологическая школа.
2024, Республика Молдова, г. Кишинев, ул. Зимбрулуй 10а.
Подписано к печати 5.04.1999. Формат 60×84 1/8. Бумага офсет №1. Печать офсетная.
Гарнитура «гельветика». Усл. печ. л. 38. Тираж 750 экз. Заказ 186.
Отпечатано АО «Бизнес-Элита». Кишинев, ул. Щусева 106, оф. 23.

C O N T E N T S

Praslov N.D. (*St-Petersburg, Russia*). S.N.Zamyatnin: the main steps of the life and the activity 7

MONOGRAPHY IN THE JOURNAL

Vishnyatsky L.B. (*St-Petersburg, Russia*). The History of a Chance or the Emergence of Man 10

MIGRATIONS IN THE ARCHAEOLOGY

Klejn L. S. (*St-Petersburg, Russia*). Migration: Archaeological hallmarks 52

Anikovich M.B. (*St-Petersburg, Russia*). About the migrations in Palaeolithic 72

Lisitsyn S.N. (*St-Petersburg, Russia*). Epigravettian or Postgravettian? Characteristics of flint inventories of the Late Valdai sites with mammoth economic. 83

Lisitsyn N.F. (*St-Petersburg, Russia*). About the European-Siberian contacts in the late Palaeolithic 121

Tkacenko V.I. (*Kiev, Ukraine*). The process of assimilation into the transitional period from the Earlier to Late Palaeolithic in Central Europe. 126

PROBLEMS OF THE PALAEOLITHIC AND MESOLITHIC OF EUROPA

Anisjutkin N.K. (*St-Petersburg, Russia*). The results of studying of the middle Palaeolithic of Dniester area and Northern Moldova 132

Kulakov S.A. (*St-Petersburg, Russia*). The technology of splitting of stone on the location of Bogos (North-Eastern region of The Black Sea) 149

Otte M., Noiret P., Lopez-Bayón I. (*Liège, Belgium*). The Survey of the Upper Palaeolithic of Moldova 160

Chirică V. (*Iaşi, Romania*). The culture of Ripicheni-Brînzeni 164

Covalenco S.I., Chetraru N.A. (*Kishinrv, Moldova*). Some peculiarities of the development of the Upper Palaeolithic industries in the Dniester region of Moldova 168

Smolianinova S.P. (*Odessa, Ukraine*). About the techniques of flint knapping at the Late-Palaeolithic sites of the Bug area 196

Vasiliev S.A. (*St-Petersburg, Russia*). The final Palaeolithic of Denmark 211

Vinogradova E.A., Sheipak O.A. (*Moscow, Russia*). Possibilities of studying of the Upper Palaeolithic flint materials using electronic data base. 219

Levitsky O.G., Borziac I.A. (*Kishinev, Moldova*). The New Palaeolithic monument of the Gordineshti I type in the North-West of Moldova 224

Kobalia D.R. (*Zaporozhie, Ukraina*). The Late Palaeolithic Site of Iurievka I 231

Smîntîna E.V. (*Odessa, Ukraine*). To the problem of typology of Mesolithic monuments (on the materials of the modern Ukraine 239

Covalenco S.I., Tzoi V.B. (*Kishinev, Moldova*) To the question of the development of the Late Mesolithic industries in the Carpathian-Dniester region 257

Păunescu Al. (*Bucarest, Romania*). The first objects of the Palaeolithic art on the territory of Dobrogea 263

DISCUSSION

Anikovich M.B. (*St-Petersburg, Russia*). 266
Ghirea E.Y. (*St-Petersburg, Russia*). 268
Nehoroshev P.E. (*St-Petersburg, Russia*). 270
Sinizyn A.A. (*St-Petersburg, Russia*). 272
Vishniatsky L.B. (*St-Petersburg, Russia*). New dates to the question of «running ahead of time» in the development of the Palaeolythic industries 275

ECO-SOCIAL RECONSTRUCTIONS

Mihailescu C.D. (*Kishinev, Moldova*) The geological and paleogeographical conditions of the Palaeolithic sites of Buzdujeni, Brînzeni and Ciuntu 280

Borziac I.A., Obadă T.F. (*Kishinev, Moldova*) Mommoth in the Palaeolithic of the Carpathian – Dniester region 287

Krasnokutski G.E. (*Odessa, Ukraine*). Bison Butchering in the Late Palaeolithic of the Northern Black Sea Littoral (Technological Perspective) 312

Stanko V.N. (*Odessa, Ukraine*) Anetovka 2 – Late Palaeolithic settlement and sanctuary of hunters for bisons in the Northern Black Sea region 322

Hlobystina M.D. (*St-Petersburg, Russia*) The "Skull and head" ritual in the cultures of the North Eurasia in the early Holocene 326

REVIEWS

Klein L.S. (*St-Petersburg, Russia*). Theory and terminology: the view from Newcastle . 334

LIST OF ABBREVIATIONS 339